ИРВИНГ СТОУН

ГРЕЧЕСКОЕ СОКРОВИЩЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Роман известного американского писателя посвящен одной из самых увлекательных страниц в истории археологии— раскопкам Г. Шлимана в Трое, Микенах, Орхомене, Тиринфе.

И. Стоун описывает наиболее драматический период в биографии своего героя. Упорно преодолевая трудности, встающие на пути воплощения мечты его жизни, Шлиман достигает намеченной цели и добивается мирового признания.

-
- От автора
- Книга первая. «Ты должен верить!»
- Книга вторая. «Греция — это возлюбленное чадо бога и земли»
- Книга третья. Не скоро дело делается
- Книга четвертая. Священное место
- Книга пятая. Троя?
- Книга шестая. Мост времени
- Книга седьмая. Микены
- Книга восьмая. Пора зрелости
- Книга девятая. Путь в бессмертие
- Примечание автора
- Книги, написанные Генри Шлиманом:
- Генрих Шлиман и «гомеровская» археология
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17

- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51

Джин Стоун, моему собственному «греческому сокровищу», посвящаю

ИРВИНГ СТОУН

ГРЕЧЕСКОЕ СОКРОВИЩЕ

Биографический роман о Генри и Софье Шлиманах

От автора

Я хочу выразить глубочайшую признательность д-ру Фрэнсису Р. Уолтону, директору Геннадиевой библиотеки при Американской школе классических знаний в Афинах, а также его сотрудникам за их неизменную доброту и помощь в моей работе с архивами Генри Шлимана и за разрешение цитировать документы, в отношении которых они располагали авторским правом.

Мне посчастливилось быть в Афинах в то время, когда последние внуки Шлимана передали в библиотеку большой портфель с личной перепиской Софьи и Генри Шлиманов и других членов семейства Энгастроменос: все эти письма наконец воссоединились с литературным наследием, уже хранившимся в библиотеке. Письма дают полную и истинную картину отношений между Софьей и Генри со дня их первой встречи до смерти Шлимана двадцать один год спустя. Кроме членов семьи, эти письма никто не видел, даже Эрнст Майер, с помощью потомков Шлимана выпустивший в 1953 и 1958 годах двухтомник его писем.

Безмерное, превыше чисел, время
Скрывает явь и раскрывает тайны.
Всего ждать можно… [1]

Софокл. Аянт

Книга первая. «Ты должен верить!»

1

Она помогала подругам убирать цветами икону св. Мелетия, раскладывая вокруг раки в центре маленькой церквушки маргаритки, поздние августовские хризантемы. Вбежала запыхавшаяся Мариго, младшая сестра:

— Софья! Американец приехал! Твой поклонник, доктор Шлиман.

Софья замерла с воздетыми руками, потянувшимися к гирлянде на стенке гробницы.

— Уже? Мы ждали его не раньше субботы.

— Не знаю, только он сидит в саду собственной персоной и пьет лимонад. Его привел дядя Вимпос. Мама говорит, чтобы ты поторопилась.

— Сейчас приду. Скажи маме, что я сначала вымоюсь и переоденусь.

Мариго выбежала в двойные деревянные двери, уже украшенные ветками мирта и аира.

Софья опустила цветы на пол и немного постояла на домотканом коврике, новеньком, с пестрым геометрическим орнаментом: на праздник девушки заменили такими ковриками истершиеся церковные половички. Подруги тоже оставили работу и глазели на нее с нескрываемым интересом. До прошлого года они сопутствовали ей во всех летних развлечениях, когда семья Энгастроменос выезжала в Колон, прохладный, укрытый в тени деревьев пригород Афин, где у них был летний дом. А после банкротства отца он стал с нынешнего лета их постоянным домом. И только отказывая себе во всем да благодаря помощи и без того обремененного долгами дяди Вимпоса семья дала Софье возможность доучиться последний год в женской гимназии Арсакейон, дорогом, но зато лучшем учебном заведении в Греции.

— Херете [2],— вполголоса сказала она подругам и направилась к выходу.

На площади Св. Мелетия стоял густой благостный зной, мужчины сидели в кафе под пальмами и акациями за чашечкой крепкого турецкого кофе. На солнце посверкивали обязательные стаканы с водой, сверху перечеркнутые ложечкой. Дом Софьи был наискосок от церкви, но, изменив обычаю, она не пошла прямо через нагретую площадь, а обогнула ее тротуарами, где было прохладнее. Она не торопила судьбоносную встречу, ей хотелось

спокойно вспомнить все, что произошло с того мартовского дня почти полугодовой давности, когда ее дядюшка затеял дело, сначала показавшееся семнадцатилетней Софье Энгастроменос едва ли не романтической причудой; а теперь оно с каждой минутой близилось к развязке.

Тринадцать лет назад, в 1856 году, Теоклетос Вимпос, в ту пору семинарист в Петербурге, давал уроки древнегреческого языка некоему обрусевшему немцу, наделенному не только неутолимой жаждой к языкам, но и способностью выучивать каждый новый язык в течение нескольких недель. Этот человек не имел сколько-нибудь упорядоченного образования и вообще чуть не всю свою жизнь—а ему было тридцать четыре года — занимался оптовой торговлей индиго, оливкового масла и чая, сколотив состояние благодаря исключительно добросовестному отношению к качеству товаров и запросам покупателей. Двадцатичетырехлетний семинарист и Генрих Шлиман подружились.

Генрих Шлиман родился 6 января 1822 года в Мекленбурге, Германия, в семье пастора. Изучив самостоятельно русский язык, он стал представителем амстердамского торгового дома «Шредер и К0» в Петербурге. Он на совесть служил здесь своим принципалам, получил разрешение открыть собственное дело, принял российское подданство.

В самый разгар золотой лихорадки, в 1850 году, он едет в Калифорнию, где удваивает свой капитал. Вернувшись через два года в Петербург, Шлиман женился, обзавелся тремя детьми и в Крымскую войну разбогател в третий раз.

Но в браке он был несчастлив.

Весной 1869 года он уехал в Нью-Йорк, выправил документ о натурализации на имя Генри Шлимана и сразу отправился в Индианаполис оформить развод. Отсюда он написал несколько писем своему старому другу, теперь уже афинскому священнику, Теоклетосу Вимпосу с настоятельной просьбой подыскать ему молодую жену-гречанку. Отец Вимпос тотчас отправился к своим кузенам с сообщением, что намерен рекомендовать их юную дочь Софью. Характеризуя своего приятеля, который отныне именовал себя по-американски — Генри, он рассказал родителям Софьи, какое впечатление он вынес от посещений невских складов Шлимана.

— В делах его называли фанатиком, своим служащим он доверял лишь простейшие обязанности. Сам принимал купцов, вникал в их пожелания, сам проверял товар, уходивший с его складов. Во время Крымской войны он получил монополию на поставки индиго, в котором русская армия испытывала острую

нужду. К концу 1863 года, когда ему был всего сорок один год, он уже смог уйти от дел. Он признавался мне, что, хотя и любит деньги, они для него только средство осуществить заветную мечту: истратить их на поиски гомеровской Трои.

И вот этот человек приехал в Колон два месяца спустя после окончания Софьей гимназии.

Привстав на цыпочки, Софья легко, как в танце, повернулась на углу площади и пошла к дому. С коротким смешком она вспомнила письмо, которое Шлиман написал ее дяде из Парижа. Вимпос отдал ей его на память. Софья столько раз его перечитывала, что выучила наизусть.

«Дорогой друг, не могу выразить, как нежно я люблю Ваш город и его граждан… Прахом моей матери клянусь Вам, что все свои побуждения и силы направлю к тому, чтобы сделать свою будущую жену счастливой. Клянусь, у нее не будет оснований жаловаться, я буду души не чаять в ней, лишь бы она была отзывчивой и доброй…

Поэтому я прошу Вас прислать мне вместе с ответом фотографии нескольких красивых гречанок. Если же вы сами сделаете за меня выбор, то тем лучше. Умоляю Вас, выберите мне жену с таким же ангельским характером, как у вашей замужней сестры. Она должна быть бедной, но образованной девушкой, должна любить Гомера и желать возрождения моей любимой Греции. Неважно, знает она иностранные языки или нет. Зато обязательно, чтобы она была греческого типа, брюнетка и по возможности красивая. Но главное мое требование к ней — это доброе и любящее сердце. Может, у Вас есть на примете сирота, например дочь учителя, вынужденная пойти в гувернантки, и при этом обладательница нужных мне добродетелей?»

В дом Софья решила войти через парадную дверь, которой вообще пользовались редко, но так ее не увидят из сада, где семья принимала именитого гостя. Уже взявшись за ручку, она на минуту замерла в нерешительности—входить ли? Иначе говоря, начинать ли знакомство с человеком, которого родные прочат ей в мужья? Как трудно решиться!

«В конце концов, — подумала она, — Генри Шлиман ведь тоже еще ничего не решил». Ибо его второе письмо к дяде Вимпосу повергло в уныние ее мать, которую все в Колоне называли «мадам Виктория» за ее прилежное копирование облика британской королевы.

Опровергая возможные подозрения в семейственных пристрастиях, Теоклетос Вимпос вместе с фотографией Софьи отослал Шлиману карточки еще двух красавиц. И в начале мая от Шлимана пришло письмо, написанное на новогреческом языке.

«Я старый путешественник и хорошо разбираюсь в лицах, поэтому относительно двух девушек, судя по их фотографиям, скажу Вам сразу. Предки Поликсены Густи были итальянцы, это ясно по фамилии. По возрасту она вполне подходит мне в жены, но она девушка властная, нетерпимая, раздражительная и обидчивая. Может быть, я ошибаюсь, может, при личной встрече я обнаружил бы в ней сокровищницу всех мыслимых достоинств. Софья Энгастроменос прелестна, она приветлива, отзывчива, великодушна, хорошая хозяйка, живая и воспитанная девушка. Но увы, она слишком молода для сорокасемилетнего мужа».

Софья повернула ручку, вошла в скромный, но приятный загородный дом Энгастроменосов и мимо гостиной и столовой прошла прямо на кухню. Там она взяла круглый таз и из огромного бака на плите плеснула в него кипятку.

Осторожно, чтобы не расплескать воду, поднималась она по узкой лестнице к себе в спальню. Ее комната была угловая, она выходила окнами на площадь. Софья поставила таз на умывальник, постелила под ноги полотенце, из комода достала мягкую мочалку, кусок греческого мыла, бросила его в воду, чтобы немного обмылить острые края. Расстегнув спускавшийся от горла до талии ряд тесно посаженных пуговиц, она выскользнула из широкого длинного платья и повесила его за занавеской в углу комнаты; платье было простенькое, в цветочек, из недорогого материала, нечто среднее между органди и миткалем, отец торговал им в своей лавке на площади Ромвис. Нижнее белье она покидала на узкую кровать с бронзовыми спинками, а на венчающие их шишки повесила чулки. Намылила мочалку и стала растираться.

Выпрямившись потом с полотенцем, она отразилась в зеркале над умывальником. У нее было гибкое, сильное тело с красивым покатом плеч, крепкая, хорошо развитая грудь и тонкая талия. Для гречанки у нее были удивительно длинные ноги, и в свои семнадцать лет она была выше многих своих ровесниц в Арсакейоне. Фигурой и характером она пошла в отцовскую родню. Ее поразила мысль, что она впервые смотрит на себя другими глазами, чем прежде.

«Неужели потому, — думала она, — что у меня есть поклонник, что он сейчас сидит в нашем саду и, может быть, как раз обсуждает с родителями наш брак? И мое тело будет уже… не только мое? Его будут делить со мной муж и будущие дети? Как все это будет? И буду ли я так же счастлива в браке, как была счастлива девушкой?»

Сидя на высоком постельном валике, она надела свежее белье, пахнувшее фиалками (мать клала в ее комод пучки сухих

цветов), натянула на стройные ноги чулки. Потом опять бросила взгляд в зеркало, но теперь увидела только свое лицо.

«Черты у меня, — она поискала нужное слово, — слишком правильные». Впрочем, в Арсакейоне внушали, что истинное украшение женщины — ее характер. Она состроила себе насмешливую гримасу и отвернулась от зеркала. Еще никто ни разу не назвал ее хорошенькой: это слово к ней не подходило. Зато некоторые разглядели-таки в ее чертах первый очерк благородной красоты: высокая и ладная посадка аристократической головы, обжигающие приметы душевного огня, ибо душа ее вмещала и силу и мягкость.

Теплой волной прихлынуло воспоминание о том, что говорил ей на выпускном акте, в июне, дядя Вимпос.

— Софья, дорогая моя девочка, ты сияешь счастьем сегодня, и в твоем лице выражается вся ясность и красота женщины классической Греции: эти черные как вороново крыло волосы, зачесанные за розовые раковины ушей, строгая чернота бровей, которые мы с тобой унаследовали от родственников твоей матери, большие темные глаза, прямой нос, светлый лик, красиво очерченный рот с чуть припухшей нижней губой, наконец, подбородок, словно выточенный в мастерской Фидия в Олимпии. И хотя у тебя легкий и добрый характер, что-то суровое проглядывает в выражении твоего лица и величественное— в манере держать голову. Это тоже в духе классической Греции.

— Дядя Теоклетос, — воскликнула Софья, изумленная этой тирадой, ибо ее родственники в выражении чувств были весьма сдержанны, — ты сочинил романтическое стихотворение!

— К сожалению, первое и последнее. Я как раз сегодня хотел тебе сказать, Софья. Я оставляю место профессора в университете, я буду епископом.

— Епископом! Значит, ты никогда не сможешь жениться…

— Или полюбить. Я не знал любви к женщине, Софья. Я любил только нашего господа и церковь. Моя инвеститура в ноябре, я буду епископом Мантинеи и Кинурии.

Софье вдруг захотелось посмотреть на гостя, и она подошла к окну в коридоре. Выглянув в сад, она увидела мать с отцом. Они сидели к ней спиной, между ними сидел незнакомец. Это, конечно, Генри Шлиман, но она видела только его спину. В центре же группы, лицом к дому, восседал отец Вимпос, высокий, в черной священнической сутане до пят. Его худощавое тело венчала крупная голова.

— Она и должна быть такой, — при случае объяснял отец, — иначе где бы поместилось столько ума? Я только удивляюсь, как у него не болит шея.

Софья с нежным чувством слушала его звучный голос, который, восходя из глубины груди, набирал рокочущую силу. Теоклетос Вимпос был на двадцать лет старше Софьи, ему было сейчас тридцать семь, но выглядел он молодо. Коренной афинянин, он окончил факультет богословия в Афинском университете, потом продолжил образование в Москве и Петербурге, где, кстати, давал уроки Генри Шлиману, потом четыре года был стипендиатом Лейпцигского университета, под руководством двух европейских светил изучал древнееврейский язык, получил степень доктора философии. Двадцати восьми лет вернувшись в Афинский университет, он был назначен профессором теологии; он первым в Греции начал преподавать древнееврейский язык, издал первый учебник — «Начала древнееврейской грамматики». Шесть лет спустя, оставаясь профессором университета, он принял сан священника, правда без прихода.

Зимой он приезжал в Колон советоваться с родителями Софьи. Жить ему придется в Триполисе, там была резиденция епископа, — это в центре Пелопоннеса, скудный и бедный горный район. При этом он кругом в долгах—много путешествовал, долго учился, и от суммы в две тысячи долларов он ежемесячно выплачивал ростовщикам два процента. Но он был завидный жених, и лучшие афинские семьи не остановились бы перед расходами на него. Как решиться на епископство, если жалованья за это не полагается? Как вообще разделаться с долгами, не вовлекая в брак несчастную, которую не любишь?

И Генри Шлиман, настоящий друг, разом решил проблему, приказав парижскому банку выслать на имя Вимпоса чек, который освободил его от самых неотложных долгов.

Генри Шлиман! Когда Теоклетос Вимпос получил от него первое письмо с просьбой подыскать жену, он прежде всего подумал о Софье. К Софье он привязался, еще когда она была девочкой, но особенно они подружились в годы ее учебы в Арсакейоне: без его помощи она бы не одолела Эвклидовой геометрии, физики и премудрого языка Гомера и Фукидида. Софья была живым ребенком, любила посмеяться, поиграть. Но к наукам она относилась серьезно и в семнадцать лет казалась вполне взрослой.

«Да только ли это кажется? — улыбался про себя отец Вимпос. — Что знает мужчина о девушке?»

То, что он озаботился замужеством Софьи, было совершенно в порядке вещей. В Греции все родители по достижении дочерью семнадцати лет начинали осматриваться и прикидывать, сколько запросят приданого. С самих девушек спрос был маленький, и

против этого обычая они не протестовали. Но его нарушил Теоклетос Вимпос, настояв, чтобы Софья присутствовала при его разговоре с родителями о Генри Шлимане. И с общего согласия кандидатура Софьи была утверждена.

Софья смотрела на своего друга и родственника и думала о том, что для этого аскета с впалыми щеками праздничным бывал стол с книгами, а не яствами. Длинную бороду он носил уже профессором, но тогда еще коротко стриг волосы. Три года назад, став священником, он вынужден был отпустить их, и теперь, схваченные узлом, они свисали из-под клобука. Ни в чем не была Софья так уверена, как в том, что он желает ей только счастья в жизни.

Она еще раз мельком взглянула на спину Шлимана, но думать о нем не стала. Опустившись перед исполненной строгой красоты иконой Девы Марии в пурпуровой накидке с капюшоном, она принялась молиться о святом благословении.

2

Белому батистовому платью ее старшая сестра Катинго дала отставку несколько лет назад, после замужества: уже тогда она еле влезала в него, поскольку тяжелым складом фигуры пошла в мать. А Софье оно было велико, и, застегивая кружевной воротничок, она чувствовала, как он свободен; но лучшего платья у нее просто не было. Для семьи Энгастроменос обновки кончились в тот самый день, когда отец оказался втянутым в финансовые передряги и они потеряли прибыльную мануфактурную лавку и дом на площади Ромвис, царственно взиравший сверху на величавую византийскую церковь Богородицы, где крестили Софью и ее пятерых братьев и сестер, и на бурлящую жизнью улицу Эвангелистрии, в дальнем конце которой возносился Акрополь.

За Катинго родители давали хорошее приданое, и ее мужем стал часовщик Иоаннис Синессиос; но едва успели отгулять свадьбу, как была объявлена к оплате огромная ссуда, взятая Георгиосом Энтастроменосом. Его компаньон не замедлил бежать из страны, и вся ответственность легла на Георгиоса. Выполняя свои обязательства, Георгиос был вынужден расстаться с купленным на приданое жены роскошным особняком: в него попадали с тихой боковой улочки, там было много спален, сад на крыше, пристройка, где спали мальчики, красивые двойные двери вели на балкон, окруженный кованой балюстрадой, — так хорошо было собраться на нем после ужина, подышать вечерней

прохладой. И вот дом на площади Ромвис — в двух шагах от фешенебельной улицы Гермеса — канул в прошлое вместе с памятью о приданом Виктории Геладаки. Георгиос теперь уже арендовал свою бывшую лавку, но плата была так высока, что трое мужчин—с ним работали старшие сыновья, Александрос и Спирос, — зарабатывали только-только на пропитание.

Их общественному положению тоже не приходилось завидовать. Софья и Мариго остались без приданого, чем практически снимался вопрос об их замужестве; Панайотису, самому младшему, не придется переступить порог университета, хотя он уже в десять лет выказывает поразительную тягу к книге.

Мадам Виктория, невысокая дородная дама, была женщиной гордой и уравновешенной. Она на прямой пробор причесывала свои иссиня-черные волосы и не допускала вольности в одежде, даже хлопоча на кухне. Мать Софьи происходила из знатной критской семьи, принявшей участие в одном из первых восстаний против турок и вынужденной бежать в Афины, в ту пору утопавшие в грязи и лишь недавно, в 1834 году, ставшие столицей Греции/ И хотя потеря дома и семейной репутации были для мадам Виктории жестоким ударом, Софья ни разу не слышала, чтобы мать упрекнула в неудачах своего беспечного супруга или пожаловалась на стесненные обстоятельства. Правда, с Софьей она была откровенна и, когда они оставались одни в доме — это уже после переезда в Колон, — вела с ней доверительные беседы.

— Софья, дорогая моя, тебя все это тоже коснулось. Скоро тебе семнадцать, ты кончаешь Арсакейон. Мы с отцом и не думали тебя торопить — упаси бог, но мы уже начали приглядывать для тебя хорошую партию. А теперь об этом надо забыть. Приданого нет, а без приданого ты не найдешь себе человека по сердцу, который обеспечил бы тебе хорошее место в обществе.

Софья соскочила со стула и поцеловала мать в упругую щеку.

_ Мамочка, у меня еще семь лет до двадцати четырех, а раньше никто не смеет назвать меня старой девой!

Мадам Виктория даже передернулась от этих слов.

Ах, Софья, нам не из чего выбирать, разве что бедный деревенский священник или офицер из провинции… Если бы подвернулся грек-эмигрант! Они наживают состояние в Египте, Малой Азии, в Америке, а жениться возвращаются на родину. Эти люди не интересуются приданым, они ищут воспитанную девушку, которая станет хорошей хозяйкой…

Разговор обретал серьезный оборот, и Софья оборвала его:

— Я уже хлопотала о месте учительницы. Как выпускнице

Арсакейона мне даже не придется сдавать экзамены.

Она была одета, густые черные волосы до блеска расчесаны щеткой, жемчужные сережки продеты в уши, одежда убрана, кровать заправлена. Дольше тянуть нельзя. Софья вышла в коридор, окна здесь смотрели в сад. Собралась вся родня, в открытые окна доносился гомон без малого тридцати родственников, слетевшихся со всего Колона увидеть таинственного, сказочного миллионера, который приехал добиваться руки их Софьи.

«Как бы не так, — усмехнулась она своим мыслям. — Последние дни он добивался руки у всей Греции».

Письмо, которое дядя Вимпос получил в конце апреля, по существу, было предложением руки и сердца.

«Мой друг, я совершенно влюбился в Софью Энгастроменос, и, клянусь, только эта женщина будет моей женой. Но два обстоятельства мешают мне чувствовать себя женихом: во-первых, я не уверен, что получу развод; во-вторых, из-за моих семейных неурядиц я шесть лет не знал ни одной женщины. Если меня уверят, что я здоров, я не откладывая приеду в Афины и переговорю с Софьей и, если она согласна, женюсь на ней…

Сколько лет Софье? Какого цвета ее волосы? Она играет на пианино? Говорит на иностранных языках? Хорошая ли хозяйка? Понимает ли Гомера и других наших древних авторов? Согласится ли она переехать в Париж, сопутствовать своему мужу в поездках в Италию, в Египет — всюду?..»

И при всем этом Софья знала, что оба дня, которые он уже провел в Афинах, Генри Шлиман рассматривал другие «варианты», проявив, по словам отца Вимпоса, свойственные ему «немецкую основательность и американскую расторопность». Он и не подумал скрыть свои встречи от Вимпоса — напротив, представил ему полный отчет. Он навестил некую мисс Харик-лею, «которая не произвела на меня хорошего впечатления — слишком высокая, грустная, вялая». От нее он отправился к госпоже Клеопатре Лемони, вдове. «Я ожидал увидеть старуху, сгорбленную от горя, жалкую. А это молодая, веселая женщина, на вид не старше тридцати лет. Она мне чрезвычайно понравилась. Я склоняюсь к мысли, что для меня лучше жениться на молодой вдове примерного поведения, ибо она уже знает, что такое брак. Она и сдержаннее, и целомудреннее, а девицы все бредят плотскими утехами».

Свой номер в «Англетере» на площади Конституции, выходивший окнами прямо на королевский дворец, он превратил в брачное бюро, открытое для всех желающих: едва стало известно, что в Афины он приехал за женой, как его буквально

затопил поток предложений от лучших афинских семей, где росли идеальные, но—увы! — еще незамужние дочери.

— Если за этим ураганом можно уследить, — объяснял Софье дядя Вимпос, — то за эти два дня он, сдается мне, должен был рассмотреть не меньше пятнадцати «вариантов».

Софья рассмеялась мелодичным смехом.

— Ваш мистер Шлиман действительно необыкновенная личность! — И с посерьезневшими глазами добавила — Только как же я справлюсь с ураганом? Кроме своих, хорошо если я десяток минут проговорила с мужчинами за всю жизнь.

Если Софью только развлекло намерение мистера Шлимана побеседовать с каждой подходящей молодой кандидаткой, то ее родители почувствовали себя уязвленными и встревожились: для них этот брак был спасением, нежданно-негаданно подоспевшим в роковую минуту.

— Разве не унижает нас, не бросает тень на нашу семью, что мистер Шлиман бегает по всему городу?.. — упрекала мадам Виктория Теоклетоса Вимпоса.

— Это его стиль, сестра. Я видел, как он вел дела в Петербурге: точно такими методами он заработал состояние. А вам больше чести в том, что мистер Шлиман женится не на фотографии, что он сделает свой выбор.

Энгастроменосы успокоились, хотя смутная тревога затаилась у мадам Виктории в углах рта. Все-таки иметь Шлимана в семье значило обеспечить Мариго хорошее приданое, а младшему сыну — университетское образование. Это значило также обеспечить лавку товарами, поскольку с продажей дома Энгастроменосы потеряли кредит.

Софья все это прекрасно понимала и поэтому безропотно согласилась на этот брак.

«Иди замуж за кого велят»—так издавна повелось в Греции.

Она вышла в сад, на первую встречу с Генри Шлиманом.

Зной спал, в саду было прохладно. Кое-где на лозах еще висели грозди винограда. Сад много лет назад насадил сам

Георгиос Энгастроменос: гранаты, миндаль, абрикосы, малина, мускусная дыня-канталупка с губчатыми желтыми цветками и тонким запахом. Деревянные стол и стулья были самые простые, на своем веку они многим послужили—тетушкам, дядюшкам и прочим родственникам Энгастроменосов, как и семейству мадам Виктории, Геладакисам: у тех тоже были в Колоне летние дома.

Завидев Софью, все как один встали. Это было что-то новое. «Я уже принцесса на троне», — подумала она.

Сердце предательски заколотилось, нарушив ее уговор с ним:

не волноваться при первой встрече, хотя она заранее знала, что мистер Шлиман будет испытывать ее так же пристрастно, как он выбирал партию индиго на амстердамском аукционе.

«Какие быстрые ноги у новостей!» — поражалась она. Она перешла площадь, вымылась, оделась—всего ничего прошло времени, а родственники уже успели облачиться в лучшие воскресные костюмы и, предводительствуемые детьми, нагрянули, чтобы увидеть чудо: вот сидит миллионер, он в сорок четыре года ликвидировал дела, стал ездить по свету, написал две книги; по рождению он немец, но подданство у него сначала русское, потом американское, а теперь он надумал жениться на гречанке—и сам стать греком! Ничего более удивительного не случалось в Колоне со времен здешнего уроженца Софокла, обессмертившего это место в стихах:

…Колон белоснежный, где
Звонкий жалобно песнь свою
День и ночь соловей свистит
В чаще дебри зеленой,
В темнолистных ютясь плющах, [3]

а то и со времен Эдипа, умершего где-то в этих краях. Когда Антигона ведет слепого Эдипа в Афины, он, утомясь долгим переходом, спрашивает ее: «В какой край пришли мы ныне, в град каких людей?» И Антигона отвечает:

Эдип, отец злосчастный, стены города.
Насколько видно глазу, далеки еще.
А место свято, несомненно: много в нем
Маслины, лавра, винограда; сладостно
Бесчисленные соловьи поют в ветвях.[4]

Во главе обширного стола по праву главы клана восседала ее мать. Мадам Виктория чрезвычайно гордилась своим критским происхождением. Критяне были вольнолюбивый народ, бесстрашные и выносливые воины; они с яростным ропотом несли турецкое ярмо, и после того, как ведомая духовенством материковая Греция добилась независимости, не проходило и десятка лет, чтобы на Крите не вспыхнули волнения. Критяне

вообще держались друг друга, а первым условием была семейная преданность. Потом шла верность всему роду, в который, помимо семьи и близких, входили «кровные братья», на крови поклявшиеся в вечной верности. Поразительной особенностью критян были щедрость и жадность одновременно, то есть они ради того и скряжничали, чтобы вдруг позволить себе быть щедрыми, сделать широкий жест. Это был высокомерный народ («они имеют на это право», — внушала Софье мадам Виктория). Еще в 1600 году до рождества Христова Крит был культурным центром западного мира, здесь высились дворцы, шумели богатые города, здесь жили талантливые архитекторы, художники, скульпторы, атлеты. Крит был и торговым центром Эгейского моря, его купеческие корабли плавали во все средиземноморские страны, а военный флот удерживал господство на море, и критяне могли привести к покорности любую часть материковой Греции. Софья с детства впитала народную мудрость островитян: «Надеясь на бога, не ляжешь голодный, а если и ляжешь, поешь во сне», «У хорошей хозяйки и ложка прядет», «Поживешь да хлеба-соли пожуешь—молодым советов добрых наживешь».

Рядом с матерью сидела Софьина тетка, госпожа Ламбриду, после мадам Виктории второй человек в родне; вероятно, положением на вторых ролях и объяснялась ее страсть лезть в чужие дела со своим раздорным участием.

По другую руку от гостя Софья увидела отца, и если мадам Виктория сидела напряженно-величественно, то его поза была сама безмятежность. Среди немногих ценностей, спасенных из городской квартиры, был портрет маслом, который два года назад написал с отца известный греческий художник Кастриотис. В их нынешнем доме портрет висел в гостиной. Когда Софья мысленно представляла себе отца, она не могла с уверенностью сказать, какой образ возникал перед нею — портрет или сам человек. У отца было приятное лицо и плешь во всю голову, только над ушами еще кустилась седина. Ему было под шестьдесят. Он носил длинные висячие усы. Широко поставленные глаза смотрели на мир вдумчиво, но без осуждения. В молодости он вместе с собратьями-афинянами боролся за освобождение от турок, отличился, был награжден, но кончилась война — и навсегда угас его воинственный пыл. Теперь это был человек спокойный, мирный, любитель хорошо поесть и попить. Гостеприимный хозяин и душа всякой компании, он легко завоевывал расположение своих покупателей. Он и с детьми держался дружески. Софья его обожала. Она не помнила случая, когда он поднял бы на нее голос, хотя на мальчиков порою приходилось покрикивать.

Белый отложной воротник стягивал бант, на крупном, статном теле ладно сидел костюм из превосходной английской—гордость импорта—твидовой шерсти. Над правой бровью выделялась памятная зарубка: в детстве покусала собака. Весь характер его был как на ладони. Человек скорее практического, нежели умозрительного склада, он принимал жизнь, как она есть, не ропща и не жалуясь. Завоевав однажды независимость для себя и для Греции, он бы почел теперь безумцем всякого, кто пожелает что-либо менять в мире.

Подрастающим поколением в количестве шестерых детей всецело распоряжалась мадам Виктория. В этом не было ничего необычного — так в Греции повелось испокон веку. Отец был глава дома, мать—только исполнительница его пожеланий и распоряжений. Никто и подумать не смел оспорить отчий авторитет. Но растила детей мать, и она привязывала их к себе узлом, который первым завязал фригийский царь Гордий (троянцы хранили память о том, как Гордий завоевал Малую Азию). Александр Великий разрубил Гордиев узел и, исполняя предсказания оракула, отвоевал Азию. У греческих же детей не было ни силы Александра, ни его славного меча, чтобы перерубить связывающие их по рукам и ногам материнские путы.

Софье повезло больше других детей. Все годы ее учения в Арсакейоне, и особенно в последний год, над нею была простерта не властная, но в безмолвном обожании трепетавшая материнская длань — мадам Виктория до умопомрачения любила свою красавицу и умницу дочь, — и Софье были даны свободы, которых не видели ее братья и сестры. Пользуясь своим преимуществом, Софья расцветала, и она только больше полюбила мать, освободившись от ее опеки. Она клялась, что никто и никогда не встанет между ними, даже любимый супруг.

Она до сих пор избегала прямо взглянуть на человека, который ради нее проделал немалый путь — почти семь тысяч миль. Только теперь в обступившей ее тишине Софья поняла, как она волнуется. Когда отец протянул к ней руку, она едва смогла унять дрожь. И напрасно все эти недели она запрещала себе ожидать высокого, красивого, романтического пришельца: помимо ее воли воображение исподволь занималось этим кладезем премудрости и мировой знаменитостью с тем, чтобы сейчас твердо обещать ей нечто невиданно прекрасное.

— Софья, это мистер Шлиман, он оказал нам честь посетить нас. Мистер Шлиман, разрешите представить вам мою дочь Софью.

— Мадемуазель, — пробормотал Шлиман, потом взял со стола книгу и, слегка путаясь в ударениях, обратился к ней по-

гречески. — Я только что издал эту маленькую книжечку о своих прошлогодних путешествиях — «Итака, Пелопоннес и Троя». Могу я позволить себе удовольствие подарить ее вам? Я купил французский перевод, полагая, что так вам будет легче читать.

Софья поклонилась и приняла подарок обеими руками; и хотя книжка действительно была тоненькая, она оттягивала руки, словно кусок свинца, и все тело ее налилось свинцовой тяжестью. Потому что стоявший перед нею незнакомец был невысокого роста, может, на дюйм повыше ее, и выглядел скучно, невыразительно. У него уже была порядочная лысина, жиденькие усы, впалые, бледные щеки, глаза устало щурились, волосы растрепались. Галстук-бабочка не шел к воротничку, темный костюм с тяжелой золотой цепью на жилетке делал его похожим на банковского служащего или школьного учителя. В ее неискушенных глазах этот сорокасемилетний человек был глубоким стариком, которому больше пристало радоваться скорой разлуке с житейской маетой, а не начинать молодую, увлекательную жизнь.

У Софьи сжалось сердце—так велико было разочарование! Заморгав, чтобы не расплакаться, она почувствовала, как в ней поднимается неведомое, незнакомое чувство: протест. Конечно, она знала, что замуж нужно идти, доверившись мудрости старших. Конечно, она понимала, что без приданого ей не приходится особенно рассчитывать на брак — ни через два года, ни через четыре, ни даже через шесть. Проглотить слезы не трудно, но как прогнать мысль, что при всем желании любить этого человека будет трудно? Она чувствовала, как из ее горла готово вырваться — «Нет!»

«Но как же я скажу «нет», — спохватилась она, — если от моего замужества зависит будущее всей семьи? Тогда и братья смогут жениться, и у Мариго будет приданое, и папе откроют кредит. И Панайотиса мы подготовим в университет…»

Да не только свои — весь Колон смотрел на нее с надеждой.

Она расправила плечи, вскинула голову и обычным сильным голосом ответила:

— Благодарю вас за книгу, мистер Шлиман. Вступление к ней я уже читала по-гречески. Дядя Теоклетос давал мне майский выпуск «Мирна Оса» [5] с вашим отрывком.

Генри Шлиман впервые улыбнулся. Улыбка у него была приятная.

— Замечательно! Журнал печатается в Париже, но я надеялся, что он доходит до Греции, и оказался прав.

Она вежливо склонила голову и направилась к свободному стулу, который сберег для нее отец Вимпос. Из дома вышла

Мариго с большим серебряным подносом, по числу гостей уставленным стаканами с водой. В центре подноса стояла ваза с вишнями в густом сахарном сиропе; сбоку примостилась серебряная чашка с ложечками. Свой обход Мариго начала с почетного гостя, а уж потом обнесла все семейство. Каждый зачерпывал ложкой из вазы, страхуя снизу стаканом, отправлял сладкие ягоды в рот и запивал водой. Мариго собрала на поднос пустые стаканы с ложками и вернулась в дом.

3

После ритуала «сладкой ложки» лед был сломан. Все разом заговорили, молчали только Софья и Генри Шлиман. Вызывая ее на разговор, отец Вимпос сказал:

— Скоро мы будем называть нашего друга доктор Шлиман. Ростокский университет — это недалеко от его родного города — готовится присвоить ему степень доктора философии за эту самую книгу, которую ты держишь. Этим будет подтверждено, что все сказанное в ней — правда.

Не зная, что ответить, Софья молчала. Шлиман поспешил ей на выручку.

— Не подтверждено, мой дорогой архиепископ, — воскликнул он, подняв пока еще даже не епископа на высшую ступень в церковной иерархии, — не подтверждено, а только предположено. Правильность своих заключений мне предстоит подтвердить делом, а не на словах.

— А в чем это будет заключаться? — вежливо поинтересовался кто-то из родных.

— Найти Трою! Я разрою Гиссарлык, это напротив устья Геллеспонта, и выведу на свет божий град Приама, который Гомер называл «священной Троей». Прежде всего я буду искать стену. В «Илиаде» Посейдон говорит о ней:

> Я обитателям Трои высокие стены воздвигнул.
> Крепкую, славную твердь, нерушимую града защиту. [6]

И эти стены пали только на десятый год войны, когда ахейцы обманом заставили троян ввести в свой город деревянного коня. Ночью прятавшиеся в коне ахейские воины вышли и открыли ворота города. Только благодаря этой хитрости ахейцы смогли взять Трою и сожгли ее. Они и не думали плыть домой, а

укрылись со всем флотом в песчаных бухточках Тенедоса.

Генри Шлиман пришел в возбуждение: он раскачивался на стуле, глаза его блестели. Софья только поражалась, как на глазах меняется человек. Но еще поразительнее была убежденность, звучавшая в его голосе.

Отношение Софьи к «Илиаде» и соответственно к Трое подготовили пять лет занятий языком Гомера. Мнения же ее наставников в Арсакейоне были в свою очередь восприняты ими от профессоров Афинского университета — благо, это рядом. Когда Софья второй год училась в Арсакейоне, университетские стены услышали такие речи профессора Вернардакиса, непререкаемого авторитета в древнегреческой истории:

— Сбросив турецкое иго, греческий народ получил возможность вкушать нектар поэзии Гомера. Гомер создает архитектурное целое. Все на местах, все правильно. Но все это — выдумка Гомера, ничего похожего не было.

Obiter dicta [7]профессора моментально стали известны в Арсакейоне, где учителя с похвальным благоразумием верили университету на слово. И Софья была приведена к убеждению, что Фридрих Вольф в своей толстенной книге «Введение к Гомеру», опубликованной в 1795 году, раз и навсегда доказал: никогда не было ни Гомера, ни Троянской войны, ни даже самой Трои. Ни один уважаемый ученый-классик не изъявил желания оспорить, доводы Вольфа.

Софья была потрясена: самоучка, в четырнадцать лет вынужденный оставить школу и потом пять лет по восемнадцати часов не разгибавший спину в бакалейной лавке, где уж, конечно, было не до книг, — и пожалуйста: он выражает несогласие с ее учителями и городит чушь, в которую верят лишь дилетанты да введенные в заблуждение безумцы! Мельком окинув взглядом собрание, Софья уловила сквознячок скептицизма и поняла, что не одинока в своем отношении.

Она поняла, что и Генри Шлиман это почувствовал и что его не обескуражило старательно скрываемое недоверие слушателей.

— Простите мне самонадеянность, с какой я рассказываю грекам их собственную историю, — с любезной улыбкой сказал он. — Но так всегда ведут себя новообращенные: они гораздо строже блюдут обеты, нежели рожденные в вере. Чужие сомнения меня не сбивают. Пусть сомневаются. Было время, когда люди сомневались в том, что земля вертится вокруг солнца.

Энгастроменосы подписывались на популярный журнал «Пандора», а в нем как раз сейчас вдруг вновь разгорелись страсти вокруг «гомеровского вопроса», причем решающее мнение сводилось к тому, что гомеровские поэмы — это «мир

поэтических чувств».

Георгиос Энгастроменос почел себя обязанным немного ободрить гостя:

— Мистер Шлиман, не будете ли вы столь добры объяснить нам, как вы собираетесь обнаружить город, который был уничтожен что-то около…

— Три тысячи лет назад, — быстро подсказал Шлиман, — между тысяча двести сороковым и тысяча сто девяностым годом.

— Да… — задумчиво протянул собеседник. — А не может случиться, что все эти обгоревшие руины давно истерлись в прах?

Генри Шлиман понимающе кивнул. Софья отметила, что у него розовеют щеки.

— Величайший троянский герой и признанный наследник царя Приама так говорит о городе:

> Прежде Приамов сей град племена ясновещие смертных
> Все нарицали счастливым, богатым и златом и медью…

Должно это остаться в земле! Из «Илиады» мы знаем, что во дворце Приама было пятьдесят почивален для сыновей с их супругами, а на дворе—двенадцать почивален для его замужних дочерей. Мы знаем о «благозданном доме» Гектора, где «лилейнораменная Андромаха» занималась с женами-прислужницами тканьем, прядением. Вот Гектор идет возбудить на битву своего ненавистного брата Париса, входит в его дом:

> Сам он дом сей устроил с мужами, какие в то время
> В целой Троаде холмистой славнейшие зодчие были:
> Мужи ему почивальню, и гридню, и двор сотворили
> В замке градском, невдали от Приама и Гектора дома.

Все это были каменные здания, а камень не горит. Потом, мы знаем, что у города было двое ворот — Скейские и Дарданские. Они-то куда могут деться?! Еще там были «красиво устроенные стогна», по которым разъезжали колесницы, и «Скейская возвышенная башня», с которой Елена указала Приаму ахейских вождей Аякса и Агамемнона. Все это и еще многое стоит, как встарь, укрытое позднейшими Троями, может, тремя, а может,

четырьмя, и плотно слежавшаяся земля служит им защитой от времени.

Софья сидела, смущенно опустив, глаза, и, когда она заговорила, он уловил в ее голосе восхищение.

— Мистер Шлиман, вы так свободно цитируете «Илиаду»… Можно подумать, что вы знаете ее наизусть. Неужели это мыслимо?

— Не только мыслимо, мисс Софья, но и возможно. И на древнегреческом, и на новогреческом я читал эти строки столько раз, что они огненными буквами горят в моей памяти. Да и почему бы мне не запомнить поэму, если потомки и ученики Гомера передавали ее из поколения в поколение целиком, выучивая на слух — слушая рапсодов?

В его тоне не было и тени хвастовства, словно он говорил о самых заурядных вещах. Софья бросила на него испытующий взгляд и поразилась перемене. Уже не скажешь, что он выглядит невыразительно, да и пожилым не назовешь. В него словно вселился бес, гладко выбритое его лицо пылало; он расправил плечи, и костюм приобрел тот вид, в каком вышел из рук портного. В нем бурлили молодая сила и задор. Он привычно щеголеватым жестом разгладил усы, отвел волосы за уши. Но главное — глаза: они были ясные, умные и ненасытно-вопрошающие. Ее разочарование в нем сменилось неподдельной заинтересованностью.

Пользуясь правами старой дружбы, Теоклетос Вимпос не боялся возражать Шлиману.

— Вы все время говорите — Троя, Троя… А ведь ее никогда не было! Это плод поэтического измышления. И Троянской войны не было, как не было деревянного коня и ссоры Ахилла с Агамемноном из-за красивой пленницы. Все это — мифология.

Шлиман добродушно рассмеялся: к язвительным шпилькам Вимпоса он уже привык.

— Знаю. Гомера тоже не было. Просто в течение многих веков бесчисленные аэды сочинили по два-три стиха каждый, а в шестом веке до рождества Христова афинский тиран Писистрат собрал всех живущих рапсодов, те надиктовали комиссии певцов все, что помнили, и певцы сшили песни в одну поэму… Даже Грот в своей «Истории Греции» говорит, что нет никакой возможности доказать существование Трои, как и то, что Гомер действительно написал «Илиаду» и «Одиссею». Э!.. Великие поэты думали иначе: Гёте, Шиллер, Шелли, Пиндар и Гораций верили в историческую личность Гомера, потому что видели в обеих поэмах органическое целое, создание единого гения.

Его звонкий голос, разносивший по саду эту страстную

защитительную речь, производил на Софью какое-то будоражащее действие. Не поднимая головы, она тихо спросила:

— Мистер Шлиман, вы позволите мне спросить вас?

— С превеликой охотой, моя юная леди.

— Нас учили в школе, что поскольку древние боги играют решающую роль в обеих поэмах, а с Олимпа и Иды эти боги куда-то исчезли, то, значит, «Илиада» и «Одиссея»—только мифы.

Блеснув голубым огнем глаз, Генри Шлиман улыбнулся: он обожал спорить.

— Когда боги исчезли, ушли в мифологию, в обеих поэмах остался человек, и все человеческое в них верно до последней мелочи. Но я не согласен, что нужно отмахнуться от этих богов. Их создали древние люди, четыре тысячи лет назад до рождества Христова, и они не так уж сильно отличаются от богов в других древних религиях.

Вдруг подала голос мадам Виктория:

— Для нас, христиан, языческая религия древней Греции — детские бредни!

Софья испугалась, что Генри Шлиман оскорбится, но он, оживившись, попросил мадам Викторию развить эту точку зрения. Мать объяснила, что этих богов люди создали по собственному подобию и в соответствии со своей природой, а потом наделили их сверхчеловеческой силой, дабы боги могли защитить смертного, покарать его врагов.

— Мы никогда не искали смысла в древнегреческой религии, воспринимали ее как интересную, иногда забавную сказку.

Шлиман одернул жилет, поправил свой черный галстук, закинул ногу на ногу и задумался, подыскивая ответ.

— Я, разумеется, христианин, я даже сын пастора. Но верования древних народов сейчас составляют достояние скорее истории, а не мифа. Если бы, к примеру, сейчас в этот сад заявились троянцы или ахейцы и послушали, как мы рассуждаем о нашей религии, они бы тоже объявили ее мифологией и немало позабавились бы над ней. Я глубоко восхищаюсь пантеизмом, и мне понятно, почему люди возносили молитвы богу солнца, полей, рек. Природа заключает в себе что-то божественное… Надеюсь, я ничьих чувств не оскорбил?

Может, и оскорбил, но Энгастроменосы были люди воспитанные. Софья вполголоса, но вполне слышно сказала:

— Мистер Шлиман, я не могу судить, насколько вы правы, но меня восхищает ваша убежденность.

Шлиман уже не сводил с нее глаз. В саду стемнело, кто-то под шумок ушел с малышами. Мужчины придвинулись ближе.

— Вы, стало быть, верите, что Гомер такая же историческая

личность, как Данте или Шекспир? — спросил, судя по голосу, дядя Ламбридис.

— Вне всякого сомнения! — закусил удила Генри Шлиман.—

Он родился в Смирне, недалеко от Трои, между тысячным и девятисотым годом до рождества Христова. Его сыновья, а может, родственники или ученики основали на ближайшем к Смирне острове Хиос своего рода поэтический цех. Аккомпанируя себе на лире, они исполняли гомеровские строки при дворах царей и вождей на островах и побережье Эгейского моря.

— Когда вы говорите: Гомер написал «Илиаду», вы, очевидно, имеете в виду, что он создал великую поэму, используя отрывки, сохранившиеся со времени Троянской войны?

Это спросил Спирос, старший брат и ближайший друг Софьи. Он очень волновался за нее в этот вечер.

— Да, — с терпеливой улыбкой согласился Шлиман. — У нас нет рукописей Гомера и нет свидетельств, что они вообще существовали. Но ему ничто не мешало записать свои поэмы — примерно в это время была написана «Песнь Соломона», которая вошла в Ветхий завет под названием «Песнь песней». При отсутствии письменного литературного языка действует другая могучая сила: народная память. Рассказы о Троянской войне и странствованиях Одиссея передавались от отца к сыну. Люди наследовали не только клочок земли, овец и коз, но и самую ценную часть своего достояния—историю народа, которая принадлежала каждому следующему поколению по неотъемлемому праву. Были поэты и до Гомера, они слышали предания об Ахилле, Гекторе, Елене и слагали о них песни, а Гомер сам отправился в Трою. Он создал литературный язык с единственной целью: собрав уже имеющиеся песни и предания, рассказать все по порядку, чтобы и «Илиада» и «Одиссея» вышли из одних рук. Гомер изучал, впитывал в себя Троаду: вот холм, на нем стоял дворец, по-турецки — Гиссарлык, вот две реки — с горы Иды на юге течет Скамандр, с севера — Симоис, образующие таким образом треугольник между стенами Трои и морем, здесь-то и разыгрывались битвы. На берег Геллеспонта ахейцы вытащили все свои тысячу сто сорок кораблей, разбили лагерь на сто двадцать тысяч человек, и Троя должна быть неподалеку от Геллеспонта: Гомер рассказывает, что иногда пешие греческие воины дважды в день проделывали путь из лагеря под стены Трои.

Георгиоса Энгастроменоса раздирали сомнения. С таким выражением лица отец всегда смотрел на собеседника, о котором никак не мог решить: гений он или дурак? Вслух, впрочем, он сказал совсем другое:

— Сотни людей изучали «Илиаду», не ведая, где погребена Троя…

— Я за них не отвечаю, господин Энгастроменос, я отвечаю только за себя. — Он поднялся со стула и стал расхаживать перед оцеплением родственников. — Может, по этой же причине сотни ученых читали «Описание Эллады» Павсания, а царские погребения и сокровищницы по-прежнему ищут вне микенских циклопических стен.

Настало время удивиться Софье.

— Вы знаете, где находятся в Микенах царские погребения?!

— Мисс Софья, вы позволите мне в следующий приезд в Колон прихватить с собою Павсания? Хотя он посетил Микены во втором веке после рождества Христова, он еще видел источник Персея и сокровищницы Атрея и его сыновей, это во внутреннем дворе. Возможно, он посетил и гробницы поменьше за городской стеной. «Клитемнестра и Эгист, — пишет Павсаний, — похоронены поодаль от стены, ибо были сочтены недостойными покоиться внутри города, где были преданы земле Агамемнон и убитые вместе с ним». Кажется, ясно сказано, что имеются в виду мощные циклопические стены крепости. Я знаю наверняка, где должны быть погребения.

Установилась неловкая тишина. Осведомленность мистера Шлимана относительно местоположения Трои и его готовность начать ее раскопки с грехом пополам умещались в сознании. Но Микены, царские погребения… Последнее доверие к таинственному миллионеру отлетало с вечерним ветерком, родственники вооружались непроницаемым скептицизмом.

«Не может он быть сумасшедшим, — размышляла Софья. — Он столько путешествовал, написал две книги, своим трудом нажил состояние. Эгоцентричный—да, но вряд ли он будет выставлять себя на посмешище».

— Мистер Шлиман, — сказала она вслух, — нам одно непонятно: если вы убеждены в своей правоте, то почему вы не принимаетесь за раскопки Трои сейчас же?

Шлиман вернулся к своему месту и тяжело опустился на стул, словно уже отмахал лопатой целый день.

— Я примусь за них, мисс Софья. Для того чтобы вести раскопки в Турции, нужен фирман из Константинополя, письменное разрешение от великого визиря. Его не просто получить. Я уже обратился с ходатайством. Когда я получу официальный документ, я быстро обменяю его на кирку, лопату и тачку. Археология до тех пор будет ходить в детских штанишках, пока не перестанет быть филологической наукой, пока люди не выйдут из библиотек и не станут копаться в земле. Именно это я

намерен сделать. Поэтому я и решил найти себе жену-гречанку. Она будет божьей рукой на моем плече. Моим греческим сокровищем.

Голос его дрогнул, и тонким батистовым платком он промокнул выступившую на лбу испарину.

«Ой-ой, — подумала Софья, — нелегко же придется его жене-гречанке. Если он не найдет Трою или царские гробницы в Микенах, не окажется ли жена во всем виновата?»

4

Приглашение мадам Виктории на воскресный обед Шлиман принял с удовольствием; вообще ему дали понять, что он желанный гость в любое время. Он зашел в пятницу, потом в субботу—и почти отчаялся: сад Энгастроменосов стал буквально проходным двором. Колон ждал от него все новых рассказов о путешествиях и приключениях, и не было никакой возможности поговорить с Софьей наедине. Улучив минуту, Софья, сдерживая улыбку, объяснила ему:

— В Греции молодой девушке непросто остаться одной. Это даже невозможно. Наши священники говорят: «До двенадцати лет не спускайте с ребенка глаз!» Меня, например, одну не выпускали даже на площадь Ромвис, перед самым домом, — обязательно кто-нибудь из братьев смотрел, как я прыгаю через веревочку, играю в «классы» или вожу с девочками хоровод: «Уложи нас месяц спать, чтобы рано в школу встать». Меня и в Арсакейон одну не пускали, пока я не сдала последние экзамены: всегда провожали и забирали из школы братья или прислуга. Еще несколько месяцев назад я была поднадзорным ребенком в белой кофточке и синей юбочке. В Греции девушка несвободна до самого замужества.

Объяснение успокоило Шлимана, и он снова принялся потчевать мужскую половину семейства рассказами о Востоке и Египте.

— Господин Шлиман, — спросил юный Панайотис, — когда вы путешествуете по всем этим странам, как вы узнаете, какие в них деньги?

Шлиман улыбнулся мальчугану и достал из внутреннего кармана толстый черный бумажник.

— Такие бумажники у официантов в Европе, с ними удобно рассчитываться. Видишь, здесь пять карманчиков. В первом у меня американские деньги, во втором французские, в третьем немецкие, в четвертом русские, а в пятом аккредитивы из Египта,

Индии, Турции, Японии. В наружном же отделении я держу греческие деньги, чтобы далеко не лазить.

При виде денег у всех братьев загорелись глаза, и гость дал мальчикам подержать и получше разглядеть монеты. Большой любитель денег Александрос спросил:

— Господин Шлиман, а как вы догадываетесь, что чему равняется в другой стране?

— Видишь эту белую карточку на отвороте бумажника? Там записаны валютные курсы всех стран, где я веду свои дела. Это моя личная биржа, каждый месяц я меняю карточку. Сегодня, например, пять драхм равны одному американскому доллару. Одна драхма стоит один французский франк. Четыре рейхсмарки обмениваются на один доллар, британский фунт — на двадцать пять французских франков, а один русский рубль стоит три франка…

Он хитровато сощурился на Панайотиса и прибавил:

— Ночью я держу бумажник под подушкой, потому что сплю долго и бог весть, в какие края занесут меня мои сны.

Панайотис отозвался на шутку восторженным воплем:

— И утром оказывается, что вы проспали свои денежки!

— Увы, да, Панайотис. Я сплю примерно на шести языках, поэтому за ночь я успеваю обогнуть земной шар и к утру истратить все свои деньги.

Софья тоже подержала в руках монеты. «Его хватает на то, чтобы пошутить с Панайотисом. Он добрый и с чувством юмора».

В воскресенье утром, сразу после кофе, Энгастроменосы всей семьей направились через площадь в церковь св. Мелетия. Внутрь не стали заходить—в церквушке едва было места для священников, отправлявших службу, и стариков. Прихожане сгрудились у дверей, переговаривались, сплетничали, успевая подхватывать молитвы и пение. Время от времени в дверях возникал священник и благословлял паству, и тогда каждый трижды крестился.

Сразу после церкви начали стряпать обед. Софья вспомнила, как в Афинах так же с утра с матерью и кухаркой они по часу обсуждали рецепт какого-нибудь особенного блюда—например, барашек, тушенный в белом вине со свежими помидорами, белой фасолью или рубленой петрушкой. Софью воспитали уважительно относиться к еде—и, понятно, к стряпне тоже. В Греции это национальная черта. Девочек приучают к кухне с трех лет, причем это не игра и не попытка чем-то занять ребенка: это своего рода приобщение к таинствам, ибо в гористой Греции пища скудна и трудно достается, если не считать щедрых даров моря. Греки знали, что такое жить впроголодь и даже голодать: в

жизни почти каждого поколения случались отчаянные времена, когда и те немногие, у кого были деньги, мало что могли на них купить. Из коренных греков любой подписался бы под словами Еврипида:

> Уставленный яствами стол
> Без музыки радует сердце.[8]

Обед и ужин, за которым доедался обед, предваряли молитвой. В церковные праздники Георгиос Энгастроменос осенял хлеб крестным знамением, ибо хлеб был символом Христа. Оставшийся кусок мадам Виктория целовала: это был святой хлеб, как в причастии.

Обеденный стол был отрадой греческого дома. Греки любили поесть, сев за что-нибудь основательное либо просто не выпуская целый день кусок изо рта. Женщины расплачивались за это тучными бедрами, мужчины же, как ни странно, оставались поджарыми. Георгиос Энгастроменос составлял исключение, но, видимо, было только справедливо, чтобы такому хорошему человеку было отпущено всего побольше.

Мадам Виктория, Софья, Мариго и взятая на день кухарка, скребущая в углу кастрюли, потратили немало часов, готовя ароматную, аппетитную снедь, которую осталось только отнести в пекарню. Если в доме не было подходящей плиты или не хотелось топить летом, хозяйки несли кастрюли в пекарню, и пекарь, лопатой на длинной ручке выбрав из печи дневную выпечку хлеба и бисквитов, за несколько центов предлагал свои услуги. Он точно знал, сколько времени нужно на каждое блюдо.

В то утро мадам Виктория сказала дочери:

— Порадуйся напоследок, Софья: скоро ты лишишься этого удовольствия.

— Почему?

— Потому что богатые господа не пускают своих жен на кухню. Они нанимают поваров.

— У нас богатые женщины сами готовят. И я буду сама готовить. Греки обожают стряпню своих жен.

— Конечно. Какая без этого жизнь? Но твой будущий муж не грек, сколько бы он ни старался.

Хозяева и гость сидели в саду, в тени вьющегося виноградника. Мужчины потягивали узо — крепкое виноградное сусло, сдобренное анисом и разбавленное холодной водой до молочного цвета. К узо Софья и Мариго подали закуски: блюда

тиропитас — шершавых горячих кулечков из шпината с сырной начинкой; мясистые соленые маслины; помидоры, фаршированные рисом и пряностями; долмадакья — крохотные голубцы в виноградных листьях; каламарья—соленую каракатицу; золотистого жареного осьминога; мидии, начиненные рисом, коринкой, пряностями, петрушкой; тарамосалата — салат из красной икры и чеснока; имам байлди меце — тонкие ломтики баклажан, слегка обжаренные в оливковом масле с помидорами и луком, и, наконец, луканика—острую греческую колбасу, порезанную кусочками.

Генри Шлиман сделал мадам Виктории комплимент: какое разнообразие великолепных мецетакья — закусок.

— Мои дочери тоже заслуживают вашей похвалы, — ответила мадам Виктория. — Пока я занималась обедом, Софья приготовила шпинаты, мидии и долмадакья.

Шлиман взял с тарелки шпинатный комочек и взглянул через стол на Софью. Она была особенно хороша в этот теплый воскресный день. Раскрасневшись на кухне, она нашла минутку сполоснуть лицо ароматной водой, гладко расчесанные волосы струились темным блеском. Большие карие глаза глядели с живым интересом. На ней было прелестное голубое шелковое платье, схваченное на боках сборками; сборка из того же материала спускалась с плеч и завязывалась бантом на груди, которая нынче была открыта чуть больше, чем в будничных платьях. Славное платьице, только Софья явно выросла из него. Мадам Виктория ужасно огорчалась, что не было денег прилично одеть Софью.

— Чтобы полюбоваться на туалеты, господину Шлиману не стоило забираться в такую даль, — возражала Софья.

— Одеваться нужно как можно лучше, — настаивала мадам Виктория.

Ну как было не поддеть такую чопорную викторианскую матушку!

— А чем я плоха в этом платье, мама? Я расту и развиваюсь—вся в тебя, и платье это подчеркивает.

— Ну, вот! — бранчливо отозвалась мадам Виктория. — Вот оно, легкомыслие! Это отцова родня в тебе говорит. Господин Шлиман заехал на край света, чтобы заглянуть в твое сердце.

Софья весело рассмеялась.

— То-то он не сводит глаз с моего лица и фигуры! Чтобы доставить матери удовольствие, она надела фамильную драгоценность — золотую брошь.

Пора было идти в столовую, в прохладу, сбереженную закрытыми ставнями. Софья помогала накрывать на стол, менять

блюда. За это пришлось побороться: мать хотела, чтобы она «была за столом хозяйкой».

— Мама, не надо вводить господина Шлимана в заблуждение. Ему приятнее видеть, что я все делаю наравне со всеми, а не сижу сложа руки, как королева. Ведь ему будет нужна помощница в раскопках.

— Он не работницу приехал нанимать! — взорвалась родительница.

Сначала Софья и Мариго подали куриный суп с яично-лимонной заправкой. Потом на столе появились восторженно встреченные барбуни—похрустывающие на зубах жареные красногрудки. После рыбного Софья внесла жареных цыплят, а следом баранью ногу с рисовым пловом, фасоль с помидорами в масле и лимонном соке. Салат из стеблей одуванчика был заправлен укропом, оливками и дольками фета—изумительного белого сыра из козьего молока. На десерт подали грецкие орехи в разогретом гиметском меду, рахат-лукум, пончики с вареньем из розовых лепестков, апельсины, крошечное миндальное пирожное и уже под конец—кофе по-турецки или по-гречески, как с чувством заслуженной гордости стали его называть после войны за независимость.

Выйдя после обеда в сад, Шлиман похлопал себя по золотой цепочке, свисавшей из жилетного кармашка, и промолвил:

— Царский обед. В Европе еще не знают, какие великие кулинары греки.

Он поднялся с места, направился в сторону Софьи—и разочарованно застыл: в калитку входили родственники и друзья, тоже покончившие с воскресным обедом, и скоро сад опять был полон гостей.

Поразительно, как переменилось к ней отношение в Колоне! Кто она была прежде? Способная девочка, получила прекрасное образование, недавно с отличием закончила привилегированный Арсакейон. И конечно, все знали, что семья еле-еле наскребла денег, чтобы расплатиться за последний семестр.

А теперь?! Когда она утром шла с матерью на рынок купить еще теплый деревенский хлеб, мужчины, сняв шляпы, раскланивались с ней, юноши, не скрывая восхищения, пялили на нее глаза, старухи с преувеличенной сердечностью поздравляли ее, а подруги натянуто улыбались, стараясь не выдать своей зависти.

— Можно подумать, — шептала она матери, — что я стала самой важной персоной в Колоне. Богатый иностранец зашел к нам в гости—только и всего! Он еще не сделал предложения, а они меня уже выдали замуж.

— Он сделает предложение, — заверила мадам Виктория. — Он с этим приехал. Он от тебя без ума, детка, это все видят.

— Зато я вижу и слышу, что он без ума от Гомера, — рассмеялась Софья.

— Тебе бы только шутить.

— А без шутки невкусно.

На следующее утро Шлиман прислал ей подарок и письмо:

«Афины, 6 сентября 1869.

Дорогая мисс Софья, окажите любезность принять эти кораллы. Будьте осторожны — нитка непрочная, ее надо заменить шелковой, чтобы не растерять бусины. Спросите, пожалуйста, Ваших высокочтимых родителей и напишите мне, когда я смогу видеть Вас не на людях, а наедине, и не раз, а чаще, поскольку, я полагаю, мы видимся, чтобы узнать друг друга и решить, сможем ли мы сойтись характерами. Мы ни до чего не договоримся, когда вокруг столько людей. Брак — прекраснейшее здание, если он утверждается на уважении, любви и добродетели. И он тягчайшая кабала, когда в основе его корысть или плотское влечение.

Благодарение богу, я не так безумен, чтобы с закрытыми глазами ринуться во второй брак. Если афинские обычаи не позволят мне чаще видеть Вас одну с родителями и лучше узнать Вас, то я прошу Вас не думать больше обо мне.

Соблаговолите принять уверения в моем самом искреннем почтении.

Генри Шлиман».

Она едва успела оправиться от изумления, прочитав это письмо, как явился второй посыльный:

«Дорогая мисс Софья, не могли бы Вы с вашей почтенной матушкой быть сегодня без четверти два на станции? Там Вы встретите господина Ламбридиса и его высокочтимую супругу, и мы вместе поедем в Пирей. В Пирее мы возьмем лодку и немного поплаваем. Надеюсь, Вы не лишите нас удовольствия видеть Вас, и заверяю в своем уважении.

Пожалуйста, напишите мне в ответ два-три слова.

Г. Ш.»

Софья никогда не плавала на лодке; не в пример соотечественникам, она вообще боялась воды. За все семнадцать лет не было случая, чтобы она не страдала морской болезнью, даже когда летом семья «выбиралась на природу» на вполне надежном пароходе и недалеко—на острова Эгину или Андрос.

— Что же делать? — встревожилась она. — Эгей меня видит насквозь, он обязательно разбушуется. И отказывать господину Шлиману не хочется: еще обидится и тоже поднимет бурю.

— Отправь записку господину Шлиману, объясни, что ты в восторге от его приглашения, но без согласия отца не можешь его принять, а отец запаздывает, и пусть господин Шлиман сам приходит к ужину, мы позаботимся, чтобы у вас была возможность поговорить спокойно и наедине.

Только она отослала ответ, как вернулся проголодавшийся Георгиос Энгастроменос. Он прочитал оба письма Шлимана и поднял глаза на жену и дочь.

— Ясно, надо ехать. Сейчас же пошли господину Шлиману свое согласие. А ты, Виктория, — продолжал он строго, — проследи, чтобы Софья и господин Шлиман могли немного поговорить о своих делах, займи тем временем Ламбридисов. Если не можешь закрыть глаза, то по крайней мере гляди сквозь пальцы.

— Только ради господина Шлимана, — обещала Виктория. — Одинокий человек сам себе враг.

Шлиман выбрал самую большую лодку, хотя Софье она показалась до ужаса маленькой и утлой. Из гавани вышли спокойно, и Софья уже надеялась, что, может, на этот раз пронесет. Но в открытом море солнце ушло за тучи, подул сильный ветер и лодку стало швырять, как щепку. Софья почувствовала приступ тошноты. А Шлиман словно не замечал ни поднявшегося ветра, ни бледности, согнавшей с ее лица румянец: их спутники сидели к ним спиной, и сейчас это было главное.

— Мисс Софья, — решился он, — почему вы хотите выйти за меня замуж?

«Ой, только не сейчас! — подумала она. — Я же еле живая».

Не сводя с нее глаз и напряженно вытянув шею, он ждал ответа, как откровения. Она с усилием сглотнула, утихомиривая бунтующий желудок, крепко скрестила руки на животе и с обезоруживающей откровенностью выпалила:

— Потому что мне велят родители.

Шлиман побледнел. Ей подумалось, что качка проняла и его, но уже в следующую минуту его глаза зажглись гневом, краска залила впалые щеки.

— Мне больно слышать от вас, мисс Софья, — сказал он хриплым голосом, — такой рабский ответ, тем более что вы женщина молодая и образованная. Я простой, порядочный человек, хороший семьянин. Если бы мы поженились, то главным образом для того, чтобы вместе вести раскопки и вместе любить Гомера.

Море делалось все неспокойнее, вскипало барашками. «Господи, — молила Софья, — дай только выбраться отсюда, и больше я по воде не ходок!»

Она облизнула пересохшие губы и усмехнулась самонадеянности своего зарока: ведь если кто и ходил по воде, как по суху, так только сын божий. Чувствовала она себя отвратительно, но решила, что с этим странным, ни на кого не похожим человеком нужно быть до конца откровенной.

— Мистер Генри, вы не должны так ужасаться моему ответу. В Греции все родители устраивают брак своим дочерям— сами подыскивают им лучшую партию. Мои родители так и поступили, и я их слушаюсь. Ведь это хорошо: если я хорошая дочь, значит, и женой буду хорошей.

Это разъяснение только отчасти успокоило его.

— И нет никакой другой причины, почему вы хотите выйти за меня замуж? Неужели только из слепого послушания? — продолжал он выспрашивать ее.

Тошнота подступала к самому горлу, и Софья совершенно не представляла, сколько она сможет это выдерживать. Путаясь в мыслях, она твердила себе: «Какого ответа он ждет? Что я восхищаюсь им, уважаю смелость, с какой он отстаивает свои взгляды, — это я говорила. Даже дала понять, что разделяю его убеждения. За что еще я должна восхищаться им? Ведь он сам говорит, что в этих изысканиях смысл всей его жизни. И что жена-гречанка ему нужна для того, чтобы осуществить его мечты. Что же я упустила сказать? И что я сейчас придумаю, если мне хочется одного—умереть?»

Из-за облаков проглянуло солнце, и в голове тоже прояснилось.

«Ну конечно же! За что его почитают во всем мире и почему за ним охотится всякая греческая семья с дочерью на выданье? Потому что он миллионер! О таких богачах мы даже не слышали. И всего этого он добился своими силами, без систематического образования, без помощи родных, вообще без всякой поддержки. Он имеет право гордиться собой».

И, подняв на него глаза, она сколько могла восхищенно объявила:

— Потому что вы богач. Лицо Генри окаменело.

— Вы хотите выйти за меня замуж не потому, что я значу что-то как человек, а потому, что я богат! Нам не о чем больше говорить. Я постараюсь забыть о вас.

Он повернулся к гребцам и коротко бросил:

— Возвращайтесь в порт!

5

Мадам Виктория укрылась в глубине дома. Гордая женщина с поистине королевской осанкой и самообладанием, она едва сдерживала слезы. Софья еще ни разу не видела мать плачущей, даже когда нагрянула беда и семья потеряла дом. Но теперь — какое унижение: Энгастроменосов сочли недостойными! Мистер Шлиман будет искать другую невесту.

Софья заперлась у себя, мучаясь, что ее отвергли. Когда же она осознала, сколько неприятностей доставила домашним, то разлилась в три ручья. Лежа ночью без сна, она поняла, что ее прямые и честные ответы все-таки не годились для такого гордого и ранимого человека, как Генри Шлиман. Он одарен редкими достоинствами, и как смело он решается перекроить иначе вторую половину жизни, какой у него положительный и прямой характер — конечно, корила она себя, он достоин того, чтобы будущая жена именно этим восхищалась в нем. Ей вспомнилось, как в поезде, везшем их в Пирей, господин Ламбридис рассказывал о единственном в своем роде способе изучения языков, которым пользовался мистер Шлиман: он читал вслух одну и ту же книгу на двух языках—один он уже знал, другой только собирался выучить.

— Но вообще, — заметил Шлиман, — мы думаем и действуем различно—в зависимости от языка. По-немецки я пишу и говорю резкости, по-английски—вежлив и даже любезен, французский язык настраивает меня на иронический лад. А как у меня с греческим, мисс Софья?

— В разговоре вы настоящий грек, великодушный в большом и привередливый в малом. Но пишите вы, — она помедлила, подыскивая слова, — словно на всех языках сразу.

Он воспринял это как комплимент и, порывшись во внутреннем кармане, достал пачку отпечатанных листков.

— Я только что получил эту брошюру из Нью-Йорка. Я написал ее для съезда американских филологов в мае.

Испросив разрешение, он прочел начало статьи, и снова Софья стала свидетельницей чудесной метаморфозы: не средних лет и заурядной наружности господин сидел перед ней, а

привлекательный молодой человек с горящим взором и гордой осанкой, жесты отмечены благородством и энергией, столь свойственными его духовным порывам.

«Сколько времени в университетском курсе следует уделить изучению языков?» Отвечая на этот вопрос, я повторю справедливые слова, сказанные Карлом V Франциску I: «С каждым новым языком вы обретаете новую жизнь». Ибо знание языка чужой страны делает для нас возможным знакомство с ее литературой, нравами и обычаями…»

Пепельно-серый рассвет перебирался с площади в ее спальню, и она чувствовала, как бессонница и растревоженная совесть делают ее старше. Вот что нужно было ответить мистеру Шлиману:

«Я хочу выйти за вас замуж, потому что уважаю вас и восхищаюсь вами. Не имея такого подспорья, как систематическое образование, вы сумели сделаться замечательным ученым и лингвистом. У меня дух захватывает, когда я думаю о возможности быть с вами рядом женой, помощницей и верным другом, вместе с вами заниматься раскопками в Трое и Микенах и вернуть миру утраченные сокровища. О такой чести может только радостно мечтать любая молодая, с живыми интересами женщина. Вот почему я хочу быть вашей женой».

— Да, — вздохнула она, — вчера бы мне быть такой умной.

Но что поделать, если вчера она умирала от морской болезни.

Мучительно сознавать, что она так сглупила, и уж совсем плохо, что родные теперь не поправят свои дела. С первыми лучами солнца она оделась и спустилась выпить кофе и заодно рассказать отцу и братьям, вернувшимся из лавки, о последствиях ее первого «разговора наедине» с Генри Шлиманом. Их удивлению не было границ: чем неуместны были ее ответы?

— Мистер Шлиман много поездил по свету, — недоумевал отец. — Он должен был знать, что в нашей стране в порядочных семьях браки устраивают родители. Ты сказала ему чистую правду—на что же тут сердиться?

— Он хотел, чтобы она призналась ему в любви! — подала голос четырнадцатилетняя Мариго.

— Как же можно быть таким наивным! — воскликнула мадам Виктория, начавшая примиряться с потерей и по-матерински жалевшая дочь. — Софья видела его так мало и всегда на людях… В конце концов, девочке всего семнадцать лет. А он не мальчик и должен знать, что любовь приходит после свадьбы.

— Не думаю, чтобы он ждал признания в любви, —

пробормотала Софья, — да и не могла я. Он по голосу догадался бы, что это неправда.

Обескураженный таким поворотом дела, отец все же попытался разрядить обстановку:

— Софья, девочка, это все было не по-настоящему. Помнишь, я брал тебя в театр теней? Вот и здесь то же самое. Маленький спектакль, всего на несколько часов, и теперь занавес опустился. Миражи развеиваются, как утренний туман.

Но не на шутку разошелся Александрос:

— На Крите говорят: «Господь птичку накормит, если она сама поклюет». Подвернулся случай поправить дела. Что тут страшного, если бы она сказала, что выходит за него по любви? Что мешало драгоценной сестрице сказать то, что будет правдой завтра, а не сегодня? Правда! — от нее только суп прокисает. Так нет, наша капризуля не снизойдет до того, чтобы сказать приятное одинокому человеку, который ищет себе подругу жизни. — Он повернулся в ее сторону. — Ты сделала несчастными и всех нас, и мистера Шлимана. Вчера в море ты отправила за борт всю семью Энгастроменос.

Несколько дней Генри Шлиман не давал о себе знать, и это было мучительное испытание. До этого времени Софья по-настоящему и не знала, что значит страдать. Когда для всех них настали трудные времена, общее уныние лишь краем задело ее. Другое дело теперь: теперь она сама кругом

виновата. Ее глаза загорались гневом, когда она в одиночестве вела с собою безмолвные диалоги.

«Зачем он завел этот разговор в море? Если бы он не думал только о себе, он бы понял, что я сижу еле живая… Где же его чуткость?

Но ведь у него не было другой возможности, — одергивала она себя. — Вокруг всегда толклись люди и глядели ему в рот. И правильно, что он наконец спросил меня… Как это говорят на Крите? «Я потеряла серьги, но дырки в ушах остались при мне».

Ее уже не баловали вниманием. Все в ней разочаровались. Родственники вдруг стали домоседами, соседки насмешливо фыркали, юноши отводили глаза, мужчины выдерживали холодно-вежливый вид. Колон опять начинал походить на себя прежний: малолюдный сонный пригород Афин, показывавший признаки жизни лишь в летний сезон.

Дядя Вимпос принес ей слабое, но все же утешение. Он получил письмо от Шлимана: тот собирается отплыть в Неаполь и в скором будущем не рассчитывает увидеть Софью, но если когда-нибудь ей понадобится помощь преданного друга, то, надеется Шлиман, она о нем вспомнит.

— Не обижайся и не растравляй себя, — увещевал ее отец Вимпос. — Мистер Генри сидит одинешенек в отеле «Англетер», и ему больнее и хуже, чем всем вам. Он только и думает, как снова наладить ваши отношения. Пойми, детка, мистеру Шлиману перепадали не только лавры, но и горчайшие неудачи, обиды и лишения. Хотя бы те пять лет в бакалейной лавке, где он работал как каторжный спал под прилавком, без дома, без друзей… В Амстердаме он ютился на чердаках—там зимой зуб на зуб не попадает, а летом адская духота, и на обед только корка хлеба и кусок высохшего сыра, потому что жалованье маленькое и надо еще выкраивать на книги… Да и нажив состояние в России — в ту пору мы и познакомились, — он не поднялся выше «купца первой гильдии»: в избранный круг его не допускали даже после его брака, а семейная жизнь у него и вовсе не сложилась. Когда человек столько страдал в жизни, его нужно понять и простить.

Софья задумчиво разглядывала худое лицо своего родственника под черным клобуком. Она понимала, что он подводит к решению первой сделать шаг.

— Ты думаешь, я должна написать ему и извиниться?

— Тебе лучше знать.

— А что мне сказать, чтобы он не сердился?

— Тут я тебе не советчик.

— Хорошо. Ошибки надо исправлять.

Спирос принес лист бумаги. Она поднялась к себе в комнату и четким почерком, в котором учителя ни за что не узнали бы руку своей недавней ученицы, написала:

> «Дорогой мистер Генри! Мне очень жаль, что Вы уезжаете. Не сердитесь на меня за сказанные слова. Я думала, что молодая девушка только так и должна отвечать. Мои родители и я будем очень рады, если Вы навестите нас завтра».

Она запечатала конверт, спустилась в гостиную и отдала письмо отцу, который вызвался сам отнести его в отель.

На следующий день пришел ответ:

> «Богатство — приятное дополнение к браку, но не от него зависит супружеское счастье. Если женщина выйдет за меня ради денег или желая блистать в Париже, то ей придется пожалеть, что она оставила Афины, потому что она сделает несчастными и себя и меня. Моя будущая

жена должна ценить во мне человека…»

Он явно настроился уезжать.

Мадам Виктория оказала Софье редкое доверие, не распечатав доставленное письмо и не попросив потом взглянуть на ее ответ. Софья была благодарна ей за это, хотя и подумала: «Ее предупредили, что только я и мистер Генри можем разобраться в своих отношениях. Да иначе и быть не может. Только что же мне написать? Такой мудрый человек—и не понимает, что если бы он был бедняком, то не поехал бы за невестой в Грецию. Как убедить этого щепетильного богача-бедняка, что мне и задаром не нужен Париж?!»

> «Дорогой мистер Генри! Я с глубоким волнением ожидала Вашего ответа, надеясь, что Вы вернете доброе расположение, которым Вы меня одарили в наши первые встречи и которого лишили за мой ответ во время поездки в Пирей. Но Ваше письмо повергло меня в глубокую печаль. Узнав Ваши теперешние чувства, я молила бога, чтобы он вернул мне Ваше прежнее отношение ко мне. Вы пишете, что по-прежнему намерены уехать из Афин в субботу, и лишаете меня последней надежды. Это бесконечно опечалило меня. Не осмеливаясь просить Вас о большем, я бы очень просила Вас навестить меня перед отъездом. В надежде, что Ваше доброе сердце не отклонит моей просьбы, остаюсь с глубочайшим уважением к Вам, Софья Г. Энгастроменос».

Ни в этот, ни на следующий день ответа не было, и это никак не вязалось с человеком, который сам признавался ей, что с радостью пишет по дюжине писем в день. Теперь Софья совсем пала духом: похоже, он и в самом деле уезжает, не дав им возможности хоть как-то спасти семейную репутацию. Такой поворот событий поверг ее в полное уныние, потому что обстановка в доме была невыносимо тяжелой. Никто не упоминал имени Шлимана, и вообще говорили мало и словно через силу. Все были угнетены, раздосадованы, озадачены. Перед ужином, сославшись на отсутствие аппетита, она поднялась к себе и бросилась на постель, зарыв лицо в подушку. Кого она оплакивала? Родителей, лишившихся надежды вернуться к прежней жизни в столице? Братьев и сестер, которым тоже что-то

могло перепасть от ее замужества? Или самое себя, такую нескладную, что не справилась с простым делом? А может, все вместе, в том числе и крушение головокружительного и неисповедимого будущего.

— Мне очень нравится Генри Шлиман, — шептала она, — я восхищаюсь им. Я знаю, что после замужества полюблю его по-настоящему, ведь и мама не сразу полюбила папу, а сестрица Катинго—своего мужа. Я хочу быть его женой. У меня есть глаза — я вижу, он меня любит. Что же мне делать?

Она проплакала всю ночь и утром, когда мать позвала ее снизу, вышла с опухшими и красными глазами. Оказывается, принесли письмо от Генри Шлимана. Софья ушла в сад, села в кресло спиной к дому и дрожащими пальцами распечатала конверт. Резкие, словно рывками выписанные буквы расплывались перед ее глазами.

> «…Я не тешу себя иллюзиями. Я очень хорошо понимаю, что молодая красивая девушка не может влюбиться в мужчину сорока семи лет, к тому же далеко не красавца. Но я полагал, что могу рассчитывать на уважение женщины, чей характер настолько совпадает с моим и которая так же благоговеет перед науками. И коль скоро эта ученица поступает ко мне в учение на всю свою жизнь, я смел надеяться, что она полюбит меня, ибо уважение рождает любовь, а я со своей стороны постарался бы быть хорошим учителем и каждую свободную минуту наставлял бы свою прозелитку в филологии и археологии».

Откинув голову, Софья от всей души расхохоталась.

— Теперь понятно, чего он хочет: чтобы я сама сделала ему предложение! Это сразу придаст ему уверенности: он будет знать, что я не только принимаю все его условия, но с радостью готова стать его женой, ученицей и помощницей в раскопках Трои. Предложение так предложение—я сейчас же попрошу его руки. Я уже не та наивная девочка, что сидела в лодке напротив Генри Шлимана.

На следующий день пришел отец Вимпос с известием, что все в порядке, но что сам он, к величайшему сожалению, не сможет венчать их, поскольку уже сегодня уезжает в Триполис готовить церковь и паству к своему рукоположению в епископы.

— Но я еще не получила ответа на свое последнее письмо. Откуда ты знаешь, что…

— Он сам мне сказал. Сегодня утром. Он в тебя безумно влюблен. В последние дни он перевидал много молодых афинянок, и он мне сказал: «Я не нашел другой Софьи, — и добавил — Поистине, вы избрали мне в жены редкое греческое сокровище, поэтому позвольте принести вам сердечную благодарность за столь приязненный выбор». Выражается он немного книжно, и на будущее, Софидион, тебе нужно усвоить, что твой супруг наполовину деловой человек, а наполовину— litterateur. [9]

— Надо маме сказать. Она совсем извелась. Когда мистер Генри будет у нас?

— Завтра. Сейчас он ищет тебе кольцо.

— А когда свадьба, он не сказал?

— В будущий четверг, пятницу или субботу—это зависит от тебя и от парохода: медовый месяц вы проведете в Италии. Я побуду некоторое время в св. Мелетии, распоряжусь насчет венчания.

— Ах, дядя! Такой праздник—и без тебя! Ты не увидишь меня невестой, а я не увижу, как ты станешь епископом.

— Ничего, детка. Мы всегда будем рядом, особенно в трудные минуты. Через несколько месяцев вы вернетесь: мистер Генри уверен, что турецкое правительство уже недолго будет тянуть с разрешением.

Обороняя ее от всяческих бед и напастей, отец Вимпос трижды перекрестил Софью и тремя перстами левой руки легко коснулся ее лба—да охранит ее его любовь…

Если Софья наконец обрела душевный покой, то родители все еще ходили как в воду опущенные. Она мягко, но решительно пресекала все расспросы о мистере Шлимане.

— Подождем до завтра. Завтра все выяснится.

Генри Шлиман приехал в полдень. Он легко соскочил с подножки экипажа, светясь счастьем, свежевыбритый, с безупречно ровной полоской усов, распространяя запах лосьона, которым умастил его парикмахер в «Англетере». Никто словом не обмолвился о том, что почти неделю мистер Шлиман весьма ощутимо отсутствовал, если не считать, что все это время он допекал их письмами. Софья надела белое платье Катинго, в котором Шлиман впервые увидел ее. В этом немного свободном на ней платье она казалась даже моложе своих семнадцати лет, зато глаза, в которых светилось радостное сознание выполненного долга, — то были глаза взрослой женщины.

В саду Генри Шлиман занимал ее родителей рассказами о пожаре в Сан-Франциско в 1851 году, когда город сгорел дотла.

Он только что получил из Ростока докторский диплом и

принес его показать.

— Высокая честь, доктор Шлиман, — с похвалой отозвался Георгиос.

Лицо Шлимана осветилось радостной улыбкой.

— Я впервые слышу свою фамилию с этим титулом! Признаюсь, это приятно. Но для меня важнее не честь, а другое, — продолжал он серьезным тоном. — Ученое звание нужно мне для того, чтобы к моей работе относились серьезно. Университеты не уважают самоучек.

— Но разве ваши раскопки не скажут за себя сами? — Софья озадаченно свела брови. — Если вы откроете Трою, никто не будет спорить против очевидного.

— Будут, мисс Софья, еще как будут! Сами увидите. Но докторское звание укрепит меня в общественном мнении.

Он попросил у Софьи разрешения переговорить с родителями. Извинившись, Софья ушла приготовить кофе. В открытое кухонное окно из сада доносились напряженные от волнения голоса.

— Господин и госпожа Энгастроменос, я хочу просить вашего родительского благословения на мой брак с Софьей.

Софья боялась, что сейчас отец не выдержит и расхохочется, потому что смешно спрашивать, когда все давным-давным решено. Но отец остался на высоте.

— Ваше предложение, дорогой доктор Шлиман, делает мне честь, я счастлив и горжусь тем, что такой незаурядный человек пожелал назвать своей женой мою крошку Софью. Уверен, что с вами она будет счастлива. Отдаю вам ее от всего сердца.

— Вас не останавливает мой недавний развод?

— Нет. Кузен Вимпос рассказал нам, что ходил с вами к архиепископу и тот признал законную силу вашего разводного свидетельства. Православная церковь разрешает три развода.

Шлиман повернулся к мадам Виктории.

— Я бы хотел получить также благословение почтенной родительницы.

— Слава богу, мы не враги своей дочери. Было бы злодейством отказаться от такого счастья — нам завидует вся Греция! В кои-то веки дождались такого случая, что сам Шлиман оказал нам честь, взяв в жены нашу дочь! Эринии и фурии замучают нас, если мы согрешим против судьбы.

Пока разливали кофе, Софья сидела, опустив на колени руки, и внимательно смотрела на человека, который станет ее мужем…

«Он чуткий и добрый, но с ужасным характером. Хорошо, что он умеет держать себя в руках…»

Почувствовав на себе изучающий взгляд, Генри Шлиман

повернулся к Софье, достал из кармана черную бархатную коробочку, раскрыл ее.

— Мисс Софья, в присутствии ваших почтенных родителей соблаговолите принять этот перстень. Я постарался, чтобы жемчужина подходила к вашим серьгам.

Она надела перстенек на палец. Жемчужина была прелесть— кремово-белая с розоватым отливом. Ясно, он обегал все ювелирные лавки в столице. Она поблагодарила его признательной улыбкой, и, как всегда в минуты волнения, кровь залила его щеки.

— Вместе с этим кольцом, мисс Софья, примите и мое предложение руки и сердца. Согласие ваших родителей я уже получил.

«А ведь наша ссора и несколько дней разлуки только пошли нам на пользу, — думала Софья. — Я даже рада этому. С нашей первой встречи прошло всего шестнадцать дней, а я чувствую себя на много лет старше. Что и говорить, это будет нелегкий брак. Трудностей будет достаточно. Но сама я ничего не буду усложнять, потому что знаю теперь, как легко сделать ему больно».

— Благодарю вас, мистер Генри, — сказала она. — И за кольцо, и за ваше предложение. Я принимаю их с радостью.

Вскоре мистер Генри распрощался с ними. Он галантно, на французский манер поцеловал ей руку, а матери, она видела, сунул конверт.

Родители открыли ей свои объятья, они расцеловались. Уже в доме Софья спросила мать:

— Что за конверт передал тебе мистер Шлиман?

— Не знаю, детка. Пойдем к столу, посмотрим.

Солнце затопляло комнату, высвечивая живой барельеф из трех лиц схожей лепки. Мадам Виктория надорвала конверт и вынула пригоршню золотых монет, завернутых в гостиничный бланк. Выложив деньги на стол, она расправила бумагу и прочла:

«Дорогая мадам Виктория, не откажите в любезности использовать этот маленький подарок на белье и чулки для мисс Софьи».

— Очень щедрый и очень странный господин! — воскликнула мадам Виктория. — Почему именно белье и чулки? Уж если ему пришла такая фантазия, то отчего не дать денег на все приданое?

Софья звонко расхохоталась.

— Неужели ты не понимаешь, мама, что он именно это и сделал? Здесь хватит денег на несколько приданых…

Мадам Виктория сокрушалась больше всех:

— Неслыханно! Как он может лишать наследства женщину,

на которой собирается жениться?

— Но он вовсе не лишает меня наследства, мама, — попыталась внести успокоительную ноту Софья. — Богатство досталось ему очень нелегко, и ему спокойнее, когда он удерживает его в своих руках.

— Он знает, в каком мы положении! — взорвался уязвленный Александрос. — Почему бы не помочь своей новой семье?

— Он еще поможет, Александрос, дай срок. Дядя Вимпос говорит, он щедрый человек, но не терпит подсказки. Когда мы станем счастливыми молодоженами, он сам, без напоминаний поможет вам с магазином. Я в этом уверена. Жена миллионера— как я могу быть спокойна, какая я буду ему помощница и товарищ, если мои дорогие родители нуждаются и он это терпит! Он все сам поймет.

— Надеюсь! — в один голос воскликнули мадам Виктория и Александрос, а последний добавил — Не очень-то хорошее начало.

За день до свадьбы Георгиос Энгастроменос подошел к дочери с сообщением, что нечем расплатиться за церковь и венчание.

— Совсем нечем, папа? Ничего-ничего не осталось? Георгиос виновато пожал левым плечом.

— Ничего… Последние деньги ушли на свадебные приготовления…

Софья молчала. Нетрудно догадаться, чего от нее ждут. Если бы отец решился занять денег у родственников или друзей, он бы, конечно, скрыл от дочери плачевное состояние своих дел.

— А сколько нужно?

— Триста драхм.

Она сделала перерасчет в уме—получалось около шестидесяти долларов.

— За все про все да еще всякие мелочи—это даже не очень дорого, — слабо улыбнулся отец. — Иногда женихи сами берут на себя эти расходы…

— Хорошо, папа, я достану деньги.

Внутренне собравшись и стараясь не выдать волнения, она повела разговор о деньгах как о чем-то само собой разумеющемся, и, верно, поэтому Генри не удивился и не встревожился. Он вынул бумажник и из внешнего отделения извлек греческие деньги.

— Видимо, Софья, я должен был сразу оговорить, что церковные расходы беру на себя. За все, что сейчас делается в вашей церкви, можно было бы заплатить и больше.

6

До венчания оставалось всего шесть дней, но, поскольку душевные тревоги отпали, времени должно было хватить. За исключением королевского двора и очень богатых семей, греческие девушки подвенечных платьев не шили—их брали напрокат. Мануфактурная лавка отца была недалеко от улицы Гермеса, и с некоторыми владельцами богатых «свадебных магазинов» Георгиос Энгастроменос водил дружбу. Софья без труда подобрала себе только что сшитое белое атласное платье с кружевной фатой, длинное, до полу, с широким шлейфом. И раз оно было совсем неношенное, его легко пригнали по фигуре: в груди Софья была немного полнее своих афинских сверстниц, да и ноги у нее подлиннее.

Генри предложил купить из приданого только самое необходимое: они проведут всего по нескольку дней в Сицилии, Неаполе, Риме, Флоренции и Венеции, а потом сразу отправятся в Париж, где будут жить в его роскошных апартаментах на площади Сен-Мишель, 6, занимая целый этаж. Всего в Париже ему принадлежало четыре дома. А уж в Париже ее гардеробом и вечерними туалетами займутся лучшие портные.

Дни летели быстро, семейство прибирало и украшало дом, в саду развешивались гирлянды. Каждый день Софья с матерью часами ходили по афинским магазинам. Для итальянских мостовых, музеев и храмов Генри велел обзавестись несколькими парами подходящей обуви. Они виделись ежедневно, и всякий раз казалось, что он молодеет с каждым часом. Он заказал каюту на пароходе «Афродита», который отплывал из Пирея в день их свадьбы.

Потом случилось нечто неожиданное. Генри Шлиман назначил Георгиосу Энгастроменосу свидание в нотариальной конторе: нужно подписать важный документ. Вечером, когда отец вернулся домой, Софья спросила:

— Что это было, папа? Брачный контракт?

— Скорее, акт о лишении всех прав и состояния. Мадам Виктория бросила на мужа озадаченный взгляд.

— Что ты имеешь в виду?

— Я прекрасно знаю, что имею в виду, хотя не вижу, зачем все это. Меня просили официально согласиться с тем, что Софья не может никаким образом претендовать на его состояние—ни при жизни, ни после смерти Шлимана—и что только в случае доброго отношения к нему что-то останется ей по завещанию.

Семья переваривала новость в молчании: для размышлений им дали пищу столь же тяжелую, как сухожилие горного козла.

Не доверяя голосу, Софья улыбкой поблагодарила его.

После постановки в 406 году до и. э. трагедии Софокла «Эдип в Колоне» другим величайшим событием в жизни этого афинского предместья стала свадьба Софьи Энгастроменос и Генри Шлимана. На церемонию стекался весь городок и даже из соседних деревень шли люди. Церковь смогла вместить лишь родню и близких друзей, но это не смущало пестро разодетую толпу, собравшуюся на площади: все наперед знали, когда молиться, когда креститься и когда подпевать хору.

Надо думать, яркая это была картина! Мужчины в красных фесках с голубыми кисточками, в расшитых куртках с длинными рукавами и в юбочках до колен, на ногах такие же расшитые чулки, ткани все алого или зеленого цвета, с плеч на спину спадают широкие пелеринки; у стариков на боку сабли. Женщины в длинных, вышитых золотом платьях с пышными воланами на груди, голова и плечи покрыты белым газовым платком, иные в длинных пышных юбках, расчерченных белой вышивкой, кружевные воротники, голубые корсажи, туго стянутые в талии, на голове кожаные шапочки набекрень, увешанные кисточками, нитки крупных бус на шее.

В день ее свадьбы с утра ликовало солнце, но в воздухе уже пахло осенью, лето кончалось. Добрую половину дня Софья занималась туалетом и выслушивала советы и пожелания сновавших по дому родственниц—сестер Катинго и Мариго, тетушек Гелми и Ламбриду и кузин Евгении, Елены, и Мариго. Только матери не было видно: она всю ночь готовила угощение и ранним утром все отправила в пекарню.

Площадь Св. Мелетия была украшена, как накануне большого праздника: меж деревьев натянуты транспаранты, с домов свешиваются флаги, витрины магазинов богато убраны, на столиках перед кафе стоят цветы в вазах.

К вечеру свадебная процессия тронулась из дома. Младший брат нес за Софьей ее шлейф. В руках она держала букет роз, и целая гирлянда из розовых бутонов, почти касаясь земли, спускалась сбоку ее платья. Зная, что Генри будет приятно видеть на ней свой подарок, она надела коралловое ожерелье. Скрытый платьем, на шее висел серебряный крестик, с которым она не расставалась со дня своего крещения.

Друзья и родственники, образовав на площади живой коридор, встретили ее легким похлопыванием в ладоши. Софья шла с застывшей улыбкой, глядя прямо перед собой — нервы у нее были напряжены до предела.

Генри ждал ее у церковных дверей, украшенных ветками лавра и мирта. Он был в строгой сюртучной паре, в

накрахмаленной белой сорочке с белым галстуком и манишкой, в белых перчатках, в руках высокая шелковая шляпа. Софье бросилась в глаза его бледность.

Она ступила внутрь прелестной церквушки, шедевра византийской архитектуры, и трепетно вдохнула слабый запах ладана, с благоговением взирая на епископское место, черный мрамор стен, занавес, скрывавший алтарь, на панно в левом и правом приделах, почти в натуральную величину изображавших Марию и Иисуса, святых заступников Мелетия и Иоанна, у которых тяжелые, серебряные оклады оставляли открытыми только лицо и руки, написанные теплыми, живыми красками. Глубоко и кротко религиозная, Софья сразу успокоилась в храме, и страхи отпустили ее.

В самом центре утопали в цветах рака и огромная икона святого Мелетия. Гирляндами из георгинов, желтых хризантем, маргариток, зеленолистых веток был убран весь иконостас, на ступеньках к царским вратам стояли вазы с гладиолусами… Родственники принесли яркие домотканые коврики, чтобы заменить старые, истершиеся.

Перед алтарем протянулся длинный стол, накрытый белым полотном, на столе Библия, кубок с вином и два обручальных кольца, принесенные женихом: на мужском кольце внутри выгравировано «Софья», на невестином — «Генри». Белый венчик красиво смотрелся на ее темноволосой голове. По одну сторону от нее, весь в белом, с высокой толстой свечой в руке, стоял ее младший племянник Костаки; по другую — младшая кузина Евгения, тоже в белом и тоже со свечой в руке.

Церковь была полна. Все стояли, стульев не было. Софье и Генри возложили на головы венцы с флердоранжем; когда с возгласиями регента и пением хора священник трижды обведет новобрачных вокруг аналоя, Спирос, сегодняшний шафер, поменяет венцы местами. Священник читал из Посланий святого Павла и из Евангелия от святого Иоанна о браке в Кане Галилейской. Но не все слова слышала Софья: так сильно стучало сердце.

«Господи святый, вседержитель, сотворивший жену из ребра Адамова и благословивший: «Плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею»… и давший в браке соединиться в одно… Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть… И кого связал Господь, никто да не может тех разлучить…»

Софья приготовилась безропотно вытерпеть все два часа пения, молитв и чтения Священного писания, ибо с детства Усвоила, что крестины и свадьбу церковь считает важнейшими

событиями в частной жизни человека. Вовсе не желая богохульствовать в эту святую минуту, она невольно вспомнила присказку афинских холостяков: «Обряд венчания тянется так долго, что всей совместной жизни едва хватает оправиться от него».

Священник благословил и обменил кольца. Софья и Генри пригубили вина из кубка: радость и горе они будут отныне делить вместе. Трижды над их головами священник сотворил венцами крест, именем пресвятой троицы благословив жизнь новобрачных. Паства молилась. Священник перелистал Евангелие.

«Господи всемогущий и благий, яви свою небесную милость рабам твоим Генри Шлиману и Софье Энгастроменос. Сделай эту девицу повинующейся мужу своему, твоему рабу, который есть глава жены, дабы прожили они жизнь по твоей заповеди. Благослови их, Господи, как благословил ты Авраама и Сару. Благослови их, как благословил ты Иакова и Асенефу. Благослови их, как благословил ты Моисея и Сепфору. Благослови их, как благословил ты Захарию и Елисавету. Защити их, как защитил ты Ноя в ковчеге его. Защити, как защитил ты Иону в чреве кита…»

— Держись прямоты, как Рахиль, — наставлял священник Софью, — люби своего мужа и исполняй закон, ибо такова воля божья…

Их огласили мужем и женой.

Ее обнимали заплаканные женщины, мужчины прикладывались к щеке, и каждого подходившего сестренка Мариго оделяла искрящимся засахаренным миндалем в тюлевом пакетике, перевязанном лентой. И в ответ каждый шептал Мариго:

— Теперь твой черед.

Греческая свадьба—праздник открытый, радостный. Отец раздобыл большие металлические бидоны, наполнил их узо; местные виноторговцы прислали несколько бочонков ренины. Мадам Виктория пользовалась славой отменного кондитера, но одна она бы никак не справилась, помогли родственники— каждый пришел с большим подносом: абрикосовый пирог с шоколадным кремом, торт с кремом, золотистый меренговый пирог, медовое печенье, пирог на кислом молоке, ореховые плитки, засахаренный миндаль, миндальное пирожное, слоеные пирожки…

На длинном деревянном столе к вину и узо выставили дразнящую закуску: соленая корюшка, лепешки из икры, соленые бараньи мозги, фасоль, свежие мидии. В центре стола стояли глубокие салатницы; листья латука и эскариоля были для. запаха пересыпаны цикорием, укропом, мятой.

Из пекарни принесли цыплят, кроликов, креветок, рыбные котлеты, тушеные баклажаны, окру, нут, салат из листьев цикория, заправленный яично-лимонньгм соусом, артишоки в масле, тыквенные оладушки, тушеную фасоль, жаркое. Но даже все мобилизованные сковороды не могли вместить угощение на такую ораву гостей, тем более что мужчины подогревали аппетит частыми походами к бидонам с узо и бочонкам вина. На заднем дворе жарили цыплят на рашпере, насаживали на вертела барашков и ярдовой длины бараньи потроха, и дурманящие запахи наполняли не только сад, но и всю площадь перед домом.

Поднявшись наверх переодеться в дорогу, Софья выглянула в окно и обмерла: гостей собралось не меньше двухсот. Пришли не только родственники и близкие друзья, но и просто знакомые, городские и дачные соседи. Продукты сейчас дороги, и шестьдесят долларов, которые дал Генри, не покроют и малой части расходов. Тут нужны все двести шестьдесят! От тревожных мыслей ей сделалось не по себе.

«Где же отец возьмет денег расплатиться? Если он не нашел шестидесяти долларов на венчание, то где он теперь умудрится достать еще двести? Ростовщик даст только под два процента в месяц, а это значит, что он никогда не расплатится. Родители пошли на все это ради меня, они гордые люди и никому не захотели отказать. Теперь я замужняя женщина, свободная от всех забот, я буду радоваться утреннему солнцу в Мессине, а для них каждое утро будет омрачено неоплатными долгами. Я не должна этого допустить».

Она отозвала отца в сторону и вытянула из него правду. На самом деле он уже задолжал тысячу шестьсот драхм—иными словами, триста двадцать долларов.

— Но, папа, ведь придется платить!

— Это завтра. А сегодня есть сегодня. Сегодня твоя свадьба. Я не мог допустить, чтобы люди сочли нас бедняками—пусть все приходят и выпьют за твое счастье.

Она отыскала мужа и объяснила ему, что происходит. Честь семьи ронять не следует.

— Генри, дорогой, мне очень тяжело, что первая же моя просьба касается денег. Но у меня нет выбора. Я не могу просто уехать, оставив их в нужде. Пожалуйста, выручи меня сейчас. Я тебе обещаю, что впредь ничего у тебя просить не буду.

— А что сделал отец с теми шестьюдесятью долларами, что я дал?

— Заплатил священникам, торговцам, чтобы не потерять кредит.

Его рот принял жесткое выражение.

— Ты моя жена, милая Софья, и можешь просить у меня что угодно… Но только для себя. Мне крайне неприятно Думать, что твоя семья намерена эксплуатировать меня за моей спиной и без моего согласия. А твой отец потому так и размахнулся, что знал: в день нашей свадьбы я тебе ни в чем не откажу.

Она вскинула голову и прямо взглянула ему в лицо.

— Нет, я этого не думаю. Они не такие. Гордые—да. Любят сделать широкий жест. Но они порядочные люди. Просто завтрашние неприятности они отложили на завтра.

Генри скривил рот, достал бумажник, отсчитал тысячу шестьсот драхм и передал Софье. Она потянулась к нему и поцеловала в щеку.

— Спасибо. Ты очень добрый. Генри слабо улыбнулся.

— Через день.

— Тебе не придется об этом пожалеть. Он зажег в глазах озорной огонек, впервые за все время.

— Пожалеть мне придется в одном случае: если Эгей опять разбушуется. Зная, какой из тебя моряк, Софидион, придется отложить наш медовый месяц до Сицилии, когда мы опять ступим на земную твердь.

Книга вторая. «Греция — это возлюбленное чадо бога и земли»

1

Она бесшумно одевалась перед расшторенным окном в их номере на верхнем этаже «Англетера». Темно-зеленым ковром лежавшая внизу площадь Конституции легко взбиралась на холм впереди, к самому сердцу Афин, откуда грек мерит все другие места на свете. На восточной окраине площади, освещенный журавлями газовых фонарей, стоял дворец: греки выстроили его для короля Отгона, приглашенного из Баварии возглавить новое, медленно складывающееся государство.

Вестибюль был пуст—четыре часа утра. На улице ее прохватила ночная свежесть. Слава богу, кончалась зима, и погода устанавливалась теплая. Низкое темно-фиолетовое небо дышало в самое темя, а звезды горели так ярко, что, казалось, они вот-вот брызнут искрами. Ею овладели покой и чувство сопричастности всему на свете. «Жить в Афинах, — думала она, — значит жить в самом сердце мироздания. Одного глотка этого душистого ночного воздуха, одного взгляда на это самое синее утреннее небо достаточно, чтобы понять, как прекрасен мир и ради чего он был сотворен».

Кривой ятаган луны напоминал о печально памятной турецкой оккупации. Высокие железные фонари, выкрашенные зеленой краской и увенчанные головой Афины, выхватывали из темноты пальмы, цветущие акации с гроздьями белых и желтых лепестков, перечные деревья и горькие апельсины, подрумянившисся после недавних обильных дождей. В кофейнях усыпляюще громоздились составленные на ночь стулья, метельщики мыли тротуары, плеща водой из ведра и сорговым веником сметая грязь в сточную канаву.

Направившись в сторону дворца, она встретила торговца, катившего по темным улицам тележку с высоким медным самоваром, в котором булькал горячий травяной чай. Софья достала монетку, торговец снял чашку с крючка (самоварная грудь была утыкана десятком таких крючков) и наполнил ее до краев. Она вдохнула аромат полевых трав и порадовала горло глотком крепкого настоя.

На Панепистиму она не задерживаясь миновала мраморные колонны и крытую аркаду Арсакейона — признательного дара

разбогатевшего на чужбине грека. Перешла широкую улицу и вблизи полюбовалась на Афинский университет и Национальную библиотеку, выстроенные в древнегреческом стиле из пентелийского мрамора, с огромными колоннами перед фасадом.

Выступили утренние звезды, и она рискнула свернуть в боковую улочку, в жилой квартал. Здесь улицы освещались масляными лампами, свисавшими с консоли угловых домов, и фонарщики уже прикручивали фитили. Она не прошла и двух кварталов, когда услышала голоса разносчиков. «Эти и мертвого разбудят», — подумала она, усмехнувшись.

Но то была не какофония звуков: каждый разносчик вылудил себе горло, непохожее на другое, у каждого был свой крик, по которому его узнавали и гречанки, и турчанки, и итальянки. С первыми лучами солнца шли козопасы, выкрикивая: «Молоко! Молоко!» Хозяйки выходили к ним с кринками, придирчиво выбирали козу. В большой жестянке пастух держал кислое козье молоко. Софья взяла немного на пробу; пастух бросил сверху щепотку сахарной пудры. Вкус был такой острый, что у нее свело скулы. «Какое кусачее», — пробормотала она.

На востоке солнце начало свое восхождение. Розовеющее небо наполняло душу восторгом. По склону с редко торчащими деревьями она выбралась на вершину холма. Внизу лежали Афины, сверху был один Акрополь. Словно мельчайшая белая пудра, с небес сеялся таинственный свет: казалось, это Зевс окропляет небесный свод божественным эликсиром, благословляя город. И как откровение явилась мысль: «Греция — это возлюбленное чадо Бога и Земли».

В Греции свет не внешняя сила, действие которой можно наблюдать. Свет входит в поры тела, в мозг и становится горячей, живой силой телесной цитадели; это внутренний свет, в каждом он разный, и он-то делает жизнь доброй и осмысленной. Греческое солнце не обливает человека теплом: оно пронизывает его, где только может, горит в груди, словно второе сердце, и гонит по венам сильный животворный ток. На островах, в материковой Греции, в Эгейском море — везде они, греческий свет и греческое солнце, и это такое же достояние, как Парфенон, ничего подобного нет нигде на земле. Египтяне поклонялись Солнцу, греки же носили его в себе.

С корзиной на голове вышагивал пекарь, нес горячие булочки, за ним спешил пастух с кувшином: и не хочешь, а возьмешь к булочке свежего масла! Проголодавшаяся Софья проглотила ее одним духом. «Разве в Париже, — думала она, — мыслимо встретить такого вот пастуха—в тесных гетрах, пестрой рубахе почти до колен и яркой косынке вокруг головы,

завязанной на затылке узлом?»

Но долго поражаться не было времени: навстречу тянулась вереница согнувшихся под тяжестью, охрипших от крика зеленщиц. С длинными связками через плечо шли продавцы чеснока. Софья с детства верила в то, что «чеснок уберегает от сглазу». Улицы уже завели типичную афинскую песнь: скрип огромных вьючных корзин, водруженных на хрупких осликов; сами ослики ничего вокруг не видели, но что они везли, было видно всем: груды овощей и фруктов, свежих, только что с грядки, — помидоры, огурцы, картофель. Хозяйки с порога отбирали что получше к обеду. Ответственные минуты.

Но еще интереснее было смотреть на продавца индеек. Он медленно поднимался по склону — видимо, из деревни вышел еще в полночь, — длинным посохом торопя стаю голов в двести и усмиряя ссоры и склоки. Сам торг протекал долго и трудно: всякая хозяйка хотела за гроши получить непременно лучшего индюка. Совершив сделку, пастух трогался дальше, пронзительно поп я:

— Индюки, индейки, индюшата!

Улица уже бурлила народом, и радостно было высмотреть в толпе продавца медом. Эту сладостную дань пчелы брали с горы Гимет, поросшей диким тимьяном. Купив маленький кусок, Софья жевала соты, выжимая сладчайший в мире нектар. Пасечник вышел поздно, а товар у него уже кончался.

За торговцами снедью потянулись мастеровые, гнусаво предлагая метлы, нитки, катушки, мышеловки — что только не производится в сарайчике на заднем дворе! Ремесленники навязывались починить деревянную или плетеную мебель, поточить ножи, поставить новые подметки. А в завершение процессии два маленьких пони протащили мусорную повозку с четырьмя высокими жердями по углам, чтобы класть дополнительные доски; за повозкой шли два мусорщика с лопатами, и хозяйки, заслышав знакомое тарахтение, вытаскивали на улицу вчерашний мусор и отбросы и сливали в канаву помои.

Возвращаясь в центр. Софья услышала звонкий голос глашатая, оповещавшего, какие распоряжения и постановления вынесли накануне полицейское управление и муниципалитет. Газеты ничего этого не печатали, потому что выходили нерегулярно, да и грамотных было мало. «В городе надо жить жизнью улицы, — думала Софья, сворачивая к отелю. — Всегда есть, на что посмотреть, что услышать, что понюхать. Вот Италия такая же… Сицилия, Неаполь, Рим… В Италии хорошо. А может, все потому, что у меня был такой замечательный медовый месяц?

Хотя Генри чуть не до смерти затаскал меня по музеям».

Серебристо-зеленые оливковые рощи, синее небо—такой встретила ее Италия, и ей там было по-домашнему хорошо. В конце концов, Италию первыми обжили троянец Эней и его сын Асканий! В музеях между Мессиной и Венецией [10] хранились несметные сокровища: живопись, мозаика, керамика, плиты с надписями, древняя скульптура, оружие, рабочие инструменты, монеты, и Генри требовал, чтобы она начитывала литературу, глубже усваивала увиденное. Чудо, как она еще выкраивала время ежедневно писать домой.

«Я просто диву даюсь, за что Господь даровал мне такую судьбу. Не громкое имя, богатство и внимание окружающих делают меня счастливой, а доброе отношение ко мне Генри. Я очень довольна своим замужеством и всегда буду довольна. Пусть моя почтенная матушка не беспокоится обо мне» (из Мессины). «Благодаря Господу мы здоровы. Целый день мы ездили в экипаже по улицам города. Мне нравятся здешний климат и прославленные памятники старины. Мы были в Помпеях и Геркулануме… Сегодня мы едем в Сорренто, там останемся ночевать» (из Неаполя). «Что до моего здоровья, то мы здоровы оба и ни в чем себе не отказываем. Мы видели самый большой и самый прекрасный храм на земле — собор св. Петра. В нем так красиво! Мы ходили в Ватиканский музей, видели Сикстинскую капеллу, комнату Рафаэля, греческие и египетские скульптуры» (из Рима).

Свои письма к ее родителям Генри подписывал: «Счастливый муж Софьи». Иногда ей хотелось немного развлечь своих:

«В Венеции меня поразило, что в самом городе все вокруг— море, кроме нескольких улочек. Вместо экипажей здесь передвигаются на лодках, которые похожи на гробы, такие же черные и закрыты наполовину. В Падуе мы были в университете, где нам показали машину, которая работает уже тридцать лет. Они называют ее вечным двигателем. А я такой двигатель вижу каждый день рядом: Генри не посещает музей, как все люди, а берет его приступом и водружает свой флаг».

Генри учил ее разбираться в клеймении и украшениях на гончарных изделиях, учил видеть, как менялись форма изделия, качество лака, форма ручек, днища, горловины.

«Гончарные изделия. — говорил он. — это энциклопедия доисторического времени. Мы можем читать ее так же хорошо, как читаем манускрипты на древнем папирусе. Кто-то сказал, что человек сделался человеком, когда изготовил первый горшок. Научившись читать керамику, ты сможешь совершенно точно определять возраст найденною предмета, какой культуре он

принадлежит и из каких мест явился».

Он оказался пылким мужем, но был нежен и внимателен, чтобы она не торопясь до всего дошла сама. Когда самое трудное было позади, он признался ей. что шесть лет выдерживал «пост», с тех пор как его супруга прекратила близкие отношения. Софья рассмеялась:

— Зато теперь ты наверстываешь эти шесть лет! Поначалу и Париж ей понравился: улица Риволи с шикарными магазинами, широкие Елисейские поля, разлинованные рядами деревьев, цветущие сады в Тюильри. широкие, украшенные скульптурами мосты через Сену, остров Сите с грандиозным собором и, конечно, Лувр, по которому Генри таскал ее целый день. Ей особенно понравилась Венера Милосская. Она писала родителям:

> «Что сказать о Париже? Конечно, это рай земной. Мне здесь все нравится, но больше всего — как мы любим друг друга, я и Генри. Мы заботимся друг о друге, и от этого каждый вдвое счастливее. Единственное, что меня немного волнует, это язык. Сейчас я занимаюсь четыре раза в день по часу. Я занимаюсь с преподавательницей, но Генри тоже меня учит».

Она не стала писать, что Генри нанял еще преподавателя немецкого и сам занимался с ней по книгам Гёте и Шиллера из своей библиотеки. Он отыскал профессора из Сорбонны, который учил французскому и греческому по параллельной системе, и приставил его к ее сочинениям. По настоянию Генри она писала их каждый день.

Не удовлетворившись ее десятичасовой ежедневной нагрузкой, он записал ее студенткой Парижского университета. Но ей нравилась эта каторга, особенно хорошо бывало по вечерам, когда Генри читал вслух в их заставленной книгами библиотеке. Он хотел, чтобы до раскопок в Гиссарлыке она познакомилась с началами археологии: с «Историей древнего искусства» Винкельмана и открытием Бельцони египетских гробниц, с находками мраморных и бронзовых скульптур в Геркулануме и настенной живописи в Помпеях, семнадцать столетий скрытых под слоем вулканической пемзы.

В рвении, с которым он взялся за ее образование, Генри сам стоил университета. У нее не было никаких обязанностей по дому — мадам Виктория как в воду глядела: француженка-кухарка не позволяла ей даже показываться на кухне. Она видела, что горничные и прачка воруют, но не представляла, как этому

положить конец. Генри даже взял для нее особую горничную следить за туалетами. Генри сам распоряжался насчет обедов, составлял списки приглашенных, принимал у себя Эрнеста Ренана и других возмутителей духовного покоя.

И по молодости, и по незнанию языка она, естественно, не участвовала в общем разговоре, но по-настоящему ее мучило одно: она тосковала по дому. Родные, Афины, Греция—без этого она задыхалась. А Генри не мог этого понять!

— Как это возможно, чтобы не влюбиться без памяти в Париж?!

— Генри, наверное, европейцу не понять, как крепко держатся греческие семьи. Мы сходим с ума, если не видимся несколько часов. Привязанность к семье имеет в нашей жизни огромное значение. Мне легче было бы сидеть со сломанной ногой, чем так мучиться.

Она писала брату Спиросу: «Как мне живется? Здесь хорошо. Целый день я сижу со словарем на коленях, стала брать уроки гимнастики. Иногда я очень скучаю по дому. Правда, мой муж не дает мне особенно скучать, он сразу берет меня на прогулку, в театр или в цирк, который я обожаю». «Единственное, от чего на душе у меня неспокойно, — признавалась она сестре Мариго, — это наша разлука. Господь не поскупился сделать меня счастливой, но я разлучена с родными». В письме к отцу: «Мой обожаемый папа, получила твое бесценное письмо. Я перечитывала его тысячу раз, плача от радости, что вы меня не забыли».

Вместе с тем ее постоянно точила мысль, что она живет в роскоши, а домашние едва сводят концы с концами. Когда они сажали ее на пароход в Пи рее, у них уже не было ни гроша в кармане. Матери придется кормить семью на выручку от торговли, а это в общем означало сидеть на хлебе и воде. Когда из дома долго не было писем, Софья понимала, что им просто тяжело браться за перо.

Главное, она не видела средства помочь им, а помочь ох как надо было! Попросив у Генри тысячу шестьсот драхм на свадебные расходы, она обещала впредь ни о чем его не просить, и ей хотелось сдержать свое слово. Своих денег у нее не было, потому что Генри и в голову не приходило давать ей на карманные расходы. На что они, собственно, ей нужны? С прислугой, торговцами и портными он расплачивался сам, аккуратно занося расчеты и выплаты в гроссбух. Он ни в чем не ограничивал ее, но раз она и прежде не держала денег в руках, то к чему они ей сейчас? И сколько она ни крутила рулетку своих мыслей, шарик всегда останавливался на «зеро». Ведь язык не

повернется спросить карманных денег или чек, если у тебя решительно все есть.

И это было тем более горько, что она уже примерно представляла, каким состоянием обладал Генри Шлиман. Его четыре парижских дома оценивались в триста шестьдесят тысяч долларов. Это была его недвижимость, за которую он расплатился частью своих русских облигаций. Арендная плата приносила ему солидный доход. На одной только Крымской войне он заработал два миллиона рублей, то есть приблизительно четыреста тысяч долларов. У него были банкиры и агенты в Санкт-Петербурге, Лондоне, Гамбурге, Нью-Йорке, Париже, он был акционером железнодорожных компаний в Нью-Йорке и на Кубе, заводов и фабрик в Англии… Его годовой доход должен был составлять внушительную цифру. Она не сомневалась, что рано или поздно Генри каким-то образом поможет ее родным. Но сейчас он с головой ушел в парижскую жизнь и ни о чем другом не думал. Как они перебьются, пока он о них вспомнит?..

Тревога за родных отравляла ей все удовольствие от их дома, набитого прислугой, ее не радовали ни обитая бархатом золоченая мебель, ни ложа в опере, ни ее шелковые и атласные платья. Когда на душе становилось особенно скверно, она отчаянно хотела домой, в Грецию: работала бы себе учительницей и в меру сил помогала родным.

К рождеству Генри подарил ей прелестные часики, специально выписанные из Англии, а Георгиосу Энгастроменосу перевел тысячу франков — «отметить праздник», как написал он в приложенной к чеку записке. Откуда ему было знать, что на эти двести долларов они хотя бы по-человечески проживут эти праздники! Она порадовалась за своих—и за Генри, потому что он сам это надумал.

На время вспоминать о Греции и доме стало легче, но тут грянула беда, причем оттуда, куда она не позволяла себе заглядывать. Как-то в середине декабря, когда они читали в библиотеке письмо от его сестры из Германии, вдруг подали телеграмму. Она была отправлена из Петербурга и подписана сыном Генри, четырнадцатилетним Сергеем: умерла от заражения крови старшая дочь Генри, двенадцатилетняя Наталья.

Три дня Генри не выходил ВЭ своей спальни, отказывался есть. Он не переставая казнил себя мыслью, что был плохим отцом. Если бы он был в Петербурге, он бы позвал лучших врачей и Наталья была бы жива…

Чувства осиротевшего родителя Софье, естественно, были неведомы, и утешать мужа она могла, только взывая к рассудку.

— Твой петербургский агент господин Гюнцберг пишет, что

они приглашали доктора Кауцлера и доктора Экка. Они хорошие врачи?

— Прекрасные.

— Ты бы их тоже позвал, если бы был в Петербурге?

— Разумеется.

— А мать, она заботилась о Наталье, любила ее?

— Да.

— Тогда от тебя уже ничто не зависело.

— При мне она просто не заболела бы.

Софья вызвала Эрнеста Ренана и еще нескольких приятелей Генри, но их участие и сочувствие не помогли. Тогда она метнулась в другую сторону, и этот шаг было плохо рассчитан: она разослала записки старинным приятельницам Генри. И те учинили ей отповедь, только что не называя прямой виновницей: не разбей она первый брак Генри, Наталья бы не погибла. «Не стану же я им напоминать, — беспомощно рассуждала она с собою, — что Генри уже шесть лет не жил с Екатериной, когда приехал в Колон. А они ведут себя так, словно я его любовница».

Время притупило его боль. Но для нее Париж навсегда потерял свою прелесть. Пришла зима: дождь, холод, мокрый снег, грязное унылое небо. О прогулках пришлось забыть. Она схватила простуду, он слег с гриппом. На рождество мать прислала ей коробочку печенья. Она ела по одному в день, после завтрака, чтобы подольше протянуть дорогие воспоминания.

Новый год, он же день ее рождения, прошел скучно, а спустя пять дней окончательно захандрил и Генри. С каждым днем нового, 1870 года он приходил во все большее раздражение, поскольку турецкое правительство не спешило с разрешением на раскопки. Лишенная родных корней, восемнадцатилетняя девочка с трудом приживалась на новой почве, а сорокавосьмилетний мужчина мог примириться с мыслью, что нет решительно никаких возможностей поторопить турок. Быстрота, натиск, расчет — вот что сделало ему имя (и добавим — состояние).

— Это превосходит человеческое разумение, — брюзжал

он. — Почему правительство или первый министр не могут написать такую простую бумагу? Они ничего не теряют, только выигрывают. Зачем эти задержки, проволочки? Зачем откладывать такое простое дело?

Она понимала, что все это вопросы риторические и призывом к терпению — он ненавидел эту добродетель—она его не успокоит. «Я-то молода и еще успею начать все, а у него нет времени ждать».

Поскольку великий визирь был далеко, он срывал досаду на

Софье.

— Ты живешь—и не живешь в Париже! Ты день и ночь мыслями в Греции. Ты не чаешь увидеть и обнять родных и только и бредишь своим голубым греческим небом! Когда ты наконец станешь взрослой и будешь жить здесь, как положено? Рядом с мужем, который тебя обожает? Твоя тоска по дому отравляет наш брак.

От учения у нее теперь болела голова. У нее совсем пропал аппетит. Генри пригласил француза-врача, тот диагностировал желудочные спазмы. Практиковавший в Париже врач-грек установил кишечное расстройство.

— Может быть, — спросил его Генри, — свозить ее в Германию на воды?

— А почему не отвезти ее домой? Пусть купается в Пирее. Вы поразитесь, как быстро тамошняя вода поставит ее на ноги.

Как ни больно было убедиться, что причиной всему ее отчаянное одиночество, любовь к жене победила. Он решил отвезти ее в Афины и там ждать фирмана из Константинополя. Софья понимала, как многим он жертвует ради нее: меняет роскошный обжитой дом на номер в отеле, лишается своей библиотеки и знаменитых друзей. Но ей было так плохо сейчас, что она приняла эту жертву.

2

При встрече в Пирсйском порту Энгастроменосы буквально затопили Софью слезами. На минуту ей показалось, что мужа они встретили прохладно, но это облачко развеяли радость видеть родителей, братьев и сестер и праздничный вид Пирея и Афин: была последняя суббота перед сорока восьмью днями великого поста. Пирей и столица были украшены, на улицах и площадях народ пел и плясал под шарманку. Выпачкав сажей лица, одевшись в женские костюмы, ряженые плясали вокруг майского дерева или, вырядившись в традиционную белую юбочку в складках, гарцевали на игрушечных лошадках и верблюдах. Беззаботная ребятня гурьбой бегала за артистами, которые, кончив представление, с бубном обходили зрителей, собирая лепту.

На следующее утро, в воскресенье, Софья и Генри на весь день уехали к родным. Площадь Св. Мелетия была украшена праздничными гирляндами, по городу, словно проказник-ветер, носились дети в маскарадных костюмах. Софья и родственники не закрывали рта много часов подряд, начав беседу в саду и продолжив ее за праздничным столом. Софья рассказывала о

путешествии, о Париже, домашние сплетничали о родственниках и друзьях. Порою сразу говорило несколько человек: так гомонят ранние птахи за окном спальни.

И снова ей показалось, что на Генри они обращают мало внимания. Она взглянула в его сторону и не обнаружила признаков раздражения или подавленности на его лице—только озадаченность их нескончаемой говорильней. Когда поздно вечером, удобно откинувшись на подушки экипажа, они возвращались в отель, Генри обнял ее и властно прижал к себе, словно желая сказать: «В конечном счете ты моя, а не их». А вслух не без язвительности добавил:

— Слушай, малышка, можно ли столько говорить—и так мало сказать?

Она изумленно взглянула на него.

— Говорить так же важно, как дышать, Генри! Совсем не важно, что мы говорим друг другу: важно слышать сами голоса.

Генри с минуту подумал, поцеловал ее и заключил:

— Ты права. Софидион. Любящим не надо ни до чего договариваться. Им просто нужно быть вместе.

В понедельник, на третий день их жизни в «Англетере», она чуть свет отправилась походить по афинским улицам, а вернувшись, застала Генри уже в халате, с чашкой кофе, за письменным столом. У него был неровный, но четкий почерк. Он поднял на нее глаза, сказал, что ждет ее с шести часов, и внимательно выслушал рассказ о пробуждении Афин. Потеснившись в кресле, он усадил ее рядом и налил чашку горячего сладкого кофе.

— Я пишу Фрэнку Калверту в Чанаккале. Это англичанин, во время Крымской войны он нажил миллионы на поставках британскому флоту. Среди земельных участков, которыми он владеет, половина холма Гиссарлык. Он разрешил мне производить раскопки и вообще делает все, чтобы добиться для меня разрешения копать весь холм. Между прочим, он сам немного ученый, любитель: несколько его статей о древней топографии Троады опубликованы в британском «Археологическом журнале».

Она подняла на него счастливые после прогулки глаза.

— Можно прочесть?

Взяв письмо, она читала вполголоса: «Мне не терпится начать раскопки на Гиссарлыке. Если у вас есть фирман, то не сочтите за труд еще раз дать мне список необходимых приспособлений и инструментов, потому что мы уезжали из Парижа в спешке и я забыл переписать все это из вашего зимнего письма. Когда вы уведомите меня, что у вас есть фирман, я немедля поеду в

Смирну или в Константинополь (куда, вы думаете, лучше?) и достану все необходимое».

Она повернулась к нему, нетерпеливо облизнув губы.

— Генри, ты думаешь, мы сможем начать уже весной?

— Я рассчитываю, что да.

Его глаза горели, порозовели щеки и даже лысина.

— Нам нужно не откладывая ехать в Авлиду. Там ахейцы собирали флот перед отплытием в Трою. Я там еще не был. Нужно пройтись по ахейским лагерям здесь, в Греции, а уж потом восстанавливать их лагерь у Дарданелл, под Троей.

При мысли о новой разлуке со своими у нее перехватило горло.

— А нельзя взять с собой Спироса и Мариго? Все будут так рады. Они ведь никуда не выезжали после папиных неприятностей.

Она напряженно вслушивалась в его мысли, перебиравшие все плюсы и минусы ее предложения, но вот он принял решение, с улыбкой кивнул в знак согласия и расправил халат на плечах.

— Я узнаю, когда идет пароход в Халкиду. Потом ты съездишь в Колон и пригласишь их.

Как раз в тот вечер из Пирея в Халкиду шел пароход, пятнадцать часов пути. Генри заказал три каюты. Сиирос шел двадцать первый год; это был флегматичный молодой человек, невысокий, коренастый. Вряд ли он был способен на сильные чувства, если не считать его привязанности к Софье, которой он был верным защитником в их детские годы. В глазах Генри он был загадкой: парень ничего не хочет добиваться, у него нет цели в жизни. На вопрос, кем он собирается стать, Спирос смущаясь ответил:

— Да я уже стал… Буду работать в лавке у отца, пока она есть. Потом буду помогать Александросу. Ему тяжело одному. Самому мне ничего не надо.

Генри недоверчиво покачал головой, а Софья улыбнулась про себя: «Генри думает, что богатство или власть единственная цель в жизни и что родиться без честолюбия все равно что родиться безруким или безногим калекой».

Четырнадцатилетняя Мариго была даже не болтунья, а щебетунья, и похожа она была на птицу своим остреньким профилем, хотя в остальном черты ее лица были не лишены привлекательности. Вот уж кто точно не закрывал рта ни на минуту, и только благоговение перед Генри порою накладывало на ее уста печать, что было воистину чудом.

До Пирея добрались поездом. В четверть восьмого пароход отчалил. Путешественники приятно поужинали в маленьком

салоне, потом перешли на палубу и смотрели, как в рассеянном лунном свете мимо проплывают островки, очертаниями похожие на морских зверей: кит, дельфин, акула, тюлень: а вот пошли звери лесные — жираф, высоко вознесший каменную главу, медведь, антилопа. В эти картинки Софья и Спирос играли детьми, когда летом семья совершала плавание на Крит, Миконос и ближние острова.

Море было спокойно, ночной воздух недвижен. Они оставались на палубе до полуночи. Пароход широкой дугой огибал мыс Сунион с великолепным храмом Посейдона на вершине утеса, и им казалось, что они могут сосчитать все его пятнадцать мраморных колонн.

Утром встали в семь часов и сразу поднялись на палубу. Софья отметила, что они уже миновали Марафон и скоро должны войти в проливчик шириной в 70 ярдов, ведущий прямиком к Халкиде. Генри взял Софью под руку и подвел к борту показать обширный, простертый в глубину берег, где на суше, вокруг некрополя Авлиды, лежали корабли ахейцев. Его била мелкая дрожь, и Софья крепко сжала его руку.

— Какой же я был дурак! — воскликнул он. — Я третий раз в Греции и только сейчас стою у начала начал.

— Тебя не пустили бы в Авлиду, — заметила она, — без гречанки-жены, которая поможет тебе найти Трою.

Он горячо поцеловал ее в губы, чем немало ее озадачил. «Надо следить за словами, — подумала она. — Он совсем не понимает шуток».

Генри нанял рыбацкий каик, чтобы переправиться на противоположный берег пролива, в Авлиду, и попросил рыбака править с таким расчетом, чтобы высадиться напротив крохотной гостиницы. Два мальчугана подбежали взять их багаж. Генри достал из портфеля свою карту Греции, где разными цветами было показано местоположение всех царств и племен, упомянутых Гомером в «Перечне кораблей», за исключением тех. понятно, что исчезли не только с лица земли, но и из памяти народной. На отдельном листке был набросан план ахейского лагеря на побережье Авлиды.

Софья подозвала Спироса и Мариго, и все четверо направились вдоль берега к северу, пока вдали не открылся порт Халкида. Узкую гавань подковой охватывали холмы с голыми макушками: деревья извели на мачтовый лес еще римляне. Все это совпадало с гомеровским описанием: «камнистая Авлида». Далеко на севере видна была горловина, через которую, вытянувшись цепочкой, корабли могли выйти в открытое море. Этим-то путем и вышли из пролива 1140 ахейских кораблей,

миновали Спорады и вошли в Эгейское море, через Лемнос держа курс на Дарданеллы.

Генри поднял выброшенную морем палочку, достал карманный нож и остро заточил ее. Затем, поминутно заглядывая в карту, стал чертить на песке разметку лагеря. Он был весь охвачен возбуждением, и она в который раз подумала: когда он дорывается до любимого дела, возраста для него не существует. Словно и не было тридцати лет разницы между ними. Он прыгал по берегу, как газель, строя на песке просторный лагерь Агамемнона.

— Здесь, в центре войска, стоял Агамемнон, царь Микен и всего Микенского царства, простиравшегося на большую часть Греции [11].

Он обращался к Софье, своей помощнице и напарнице, а Спирос и Мариго стояли в сторонке, дивясь небывалому зрелищу.

— Его палатка стояла в окружении сотни черносмоленных барок и медноносых кораблей. По обе стороны от него—я брошу камни, чтобы ты видела где, — расположились два могущественных вождя: на севере, с сорока кораблями, Аякс, на юге Ахилл, с ним пятьдесят судов и почти тысяча воинов. Справа от Агамемнона расположился мудрый старец Нестор, «песчаного Пилоса царь седовласый», с ним девяносто кораблей: против него Менелай, брат Агамемнона, спартанский царь, он поведет шестьдесят кораблей. Рядом с ним, близ лагерного алтаря, хитроумный Одиссей с дюжиной красноносых судов. Здесь стояли критяне, могучая рать—восемьдесят быстрых кораблей и восемьсот шестьдесят человек дружины; и строго напротив них — аргивяне, тоже с восьмьюдесятью кораблями. К югу, ряд за рядом, располагались беотийцы. пятьдесят кораблей, фокеяне и магнеты — по сорок. На севере, в том же порядке. — эвбейская рать, пятьдесят судов, мужи аркадские — шестьдесят и эпеяне с сорока кораблями.

Это был очень большой лагерь, в нем разместилось сто двадцать тысяч воинов с сорока вождями. Каждая дружина стояла отдельно, сама обеспечивала себя провиантом. Но отплытие в Трою задерживалось — не было попутного ветра, и целые месяцы проходили в праздном бездействии, воины стали пьянствовать, устраивать игры и состязания… Даже могущественный Ахилл не мог удерживать своих людей в повиновении. Помнишь, что он говорит у Еврипида. в — Ифигении в Авлиде»?

Из дома отчего и из Фарсала
Родимого к чуть плещущей волне

Эврипа я привел свои дружины…
И их мне на узде теперь держать
Приходится. Что день, то все грознее
Ко мне мои солдаты пристают:
«Скажи. Ахилл, чего ж мы ждем в Авлиде?
Придется ли отплыть нам в Илион?
За дело, царь! А если нет работы.
Назад домой веди! Мы не хотим
На дремлющих Атридов любоваться!»

Крепко ухватив Софью за руку. Генри водил ее от одной стоянки к другой.

— Во время ристалищ, включавших кулачный бой, борьбу, бег и состязания на колесницах, метание диска, между представителями разных племен вспыхивали ссоры, и, наверное, многие оставались лежать с проломленной головой. Добавились и другие неприятности: паруса ветшали, мачты гнили, кончалось продовольствие. Поднялся ропот, и Агамемнон был принужден принести в жертву Артемиде свою дочь-девственницу Ифигению. дабы богиня послала благоприятный ветер и можно было немедля отплыть. Агамемнон спас поход от развала.

Генри широко раскинул руки.

— Ты представляешь, какое огромное поселение должно было здесь образоваться? Здесь, по существу, был город, равного которому ахейцы не знали, с улицами и переулками, с кварталами ремесленников, купцов и торговок. Прибавь к тем сорока шатрам тысячи парусиновых палаток, деревянных хижин, построек, загонов для зверей, площадок для объездки мулов…

— Генри, — задумчиво проговорила Софья, — ведь каждый корабль вмещал только пятьдесят человек. Я могу себе представить, как они разбирали колесницы и пристраивали их на свободном месте. Но куда они ставили лошадей? Ведь даже на десятом году осады Трои — а этим начинается «Илиада» — они не испытывают недостатка в лошадях. Они их тоже разбирали, что ли, и рассовывали по углам?

Генри развеселился и порывисто обнял ее за плечи, защищая от холодного ветра.

— Разобрать можно только деревянного коня, милая насмешница! Разве не могли они набрать лошадей, сколько им нужно, под стенами Трои? У троянцев и их многочисленных союзников были замечательные лошади, хотя бы у фракийцев, чьих коней похитили Одиссей и Диомед, выведав их убежище от

схваченного троянского лазутчика Долона, который и поплатился смертью за попытку увести фессалийских коней Ахилла.

— Ты играешь мне на руку, Генри! Если Ахилл сумел привезти коней из родной Фессалии, то почему, собственно, другие не могли? Может, у них были специальные плавучие конюшни?

— Предание молчит об этом, малышка. Я отступаю, сама ломай голову, каким образом ахейцы доставили отсюда лошадей в Трою.

Она победно зацокала языком и бросила на него подстрекательский взгляд.

— Кроме лошадей, меня беспокоят годы. Не ошибался ли Гомер, начав «Илиаду» десятым годом осады Трои? Если за несколько месяцев здесь, в Авлиде, сгнили паруса и мачты, то во что они превратятся за десять лет в Геллеспонте?!

— В горах было сколько угодно леса, — спокойно парировал Генри, — и парусину они умели ткать.

— Генри, ты как-то говорил, что число девять было священным у греков. В акрополе девять входов. Девятка без конца повторяется в «Илиаде». Я даже стала составлять список в Париже, когда болела. Когда Агамемнон отказался вернуть взятую в битве дочь Хриса, жрец взмолился Аполлону покарать ахейцев, и «девять дней на воинство божие стрелы летали». Когда товарищи Патрокла омывали его мертвое тело, они «язвы наполнили мастью драгой, девятигодовою». Когда Гефест готовил доспехи Ахиллу, он выковал на щите «девять псов быстроногих». Когда Приам просит Ахилла вернуть ему тело Гектора, он говорит: «девять бы дней мне желалось оплакивать Гектора в доме».

— Достаточно! — сухо оборвал ее Генри. — Поздравляю с хорошей памятью.

Но она была слишком увлечена, чтобы услышать в его словах предостережение.

— И разве не странно, что после девяти лет брани под стенами города Елена впервые называет Приаму по именам всех героев — ахеян? Ты помнишь, она указывает ему со Скейской башни и своего первого мужа Менелая, и Аякса?

— Что-то такое припоминаю, — саркастически отозвался Генри.

— Так, может быть, все это дает нам право считать, что Гомер говорил о «девяти годах» в символическом смысле?

— Нет, — сказал он твердо. — Мы должны верить!

— Девять лет… Чем они питались все это время?

— У них были продовольственные отряды…

— Ну, пусть, — настаивала она, — но как могли цари, вожди, воины на столь долгий срок оставить свои царства и обязанности? Ведь дома могли случиться и перевороты, и вторжение грабителей-соседей или варваров. Я убеждена, что «девять лет» означает девять месяцев осады, причем в тот самый год, о котором рассказывает Гомер. Попросту говоря, это значит: «долгая, изнурительная осада…».

— Яйца учат курицу, — скривился Генри. Она строптиво вскинула голову.

— Тебе должно льстить, что ты оказался таким хорошим учителем.

Он повернулся к ней спиной и направился в сторону гостиницы.

«Критяне опять правы, — думала она, идя следом. — «Говори, что хочешь, только не спорь со мной». Ничего, начнем раскопки, и на академические споры уже не останется сил. Господи, смягчи сердце великого визиря, пусть он поскорее пришлет Генри разрешение!»

Недолгий сон и предстоящий ужин вернули Генри доброе расположение духа. Он попросил Софью простить его за невыдержанное поведение, подхватил под руки Спироса и Мариго, и все отправились в симпатичную харчевню при гостинице. Они были единственные гости. Софья выбрала стол перед высокой деревянной стойкой, выложенной изразцами. Стойка скрывала от глаз разделочный стол и раковину, но очаг в углу комнаты был доступен обзору, около него хозяйка занималась барашком. Генри и Спирос прихлебывали охлажденную рецину.

Софья попросила Генри почитать вслух «Ифигению в Авлиде», благо, книга была с ним. После ужина они перешли ближе ко очагу. Генри положил книгу на колени. Радуясь случаю, хозяин отправил старшего сына оповестить соседей.

Пошелестев страницами, Генри заговорил с середины фразы, словно вслух продолжив свои мысли. За его спиной тихо устроились хозяева и двое их сыновей.

— …никакая история человеческая не существует только в своем времени. Она берет истоки в предыдущих поколениях—и устремляется в будущее. Эту истину в первую очередь подтверждает история Трои.

Потрескивание поленьев, баюкая Софью, как бы вторило низкому, мягкому голосу Генри. Но лицо его пылало внутренним огнем, горело радостью отдаться двум любимейшим занятиям— учить и рассказывать истории. В медовый месяц, а потом в Париже Софья разгадала, отчего он такой превосходный

рассказчик: он искренне верил в эти истории, они были для него и доподлинной историей, и литературой. И поэтому он умел совершить чудо: перенести слушателей в глубокую старину, сделать их участниками драмы, разыгравшейся тысячи лет назад.

— Мы начнем с того, с чего началась наша история, — продолжал Генри, — хотя, я знаю, кое-что из этого вы проходили в школе. Чтобы понять историю Греции, Трои и падения Микен, нам нужно заглянуть еще дальше в прошлое. Среди самых древних царей на юге Греции был Пелопс, его именем зовется Пелопоннес. У Пелопса было два сына, Атрей и Фиест. Первенец Атрей наследовал отчий престол. Но младший его брат Фиест был завистлив и коварен. Сначала он соблазнил жену старшего брата, потом взбаламутил дворцовую охрану. Атрей подавил заговор и изгнал брата вместе с его сыновьями. В конце года Фиест явился ко двору испросить прощения. Атрей притворился, что прощает брата, и пригласил его на примирительное пиршество. А сам тем временем убил старших сыновей Фиеста, изрубил их в куски, изжарил и подал это аппетитное блюдо Фиесту. Когда он рассказал брату, чего тот только что отведал, Фиест умолил богов наложить проклятие на род Атреев и бежал с единственным оставшимся сыном, Эгисфом…

— …который стал любовником Клитемнестры, — вставила Софья, — пока Агамемнон стоял под Троей. В ночь возвращения Агамемнона он помог Клитемнестре убить его.

Генри ответил ей поощрительной улыбкой.

— Совершенно точно. Только ты забежала вперед. Атрей умер. Сыновья поделили царство: Агамемнон стал царствовать в столице, Микенах, а младший брат, Менелай, — в Спарте. В одном из походов Агамемнон добыл себе жену и царицу. Вот что говорит об этом сама Клитемнестра. Я прочту отрывок.

Ты помнишь ли тот день, когда насильем
Ты, Агамемнон, в жены взял меня…
В бою убил ты Тантала, который
Моим был первым мужем, и дитя.
Дитя мое от груди материнской
Ты оторвал и продал, как раба.
Ты помнишь ли. как сыновьями Зевса
И братьями моими побежден —
Священна мне их память, белоконных,—
Ты помнишь, как убежища искал
Ты у Тиндара старого, он. он
Один тебе защитой был. и снова

Вручил тебе меня, твою жену…
О. согласись. Атрид. что примиренной
За твой порог ступив, с тех самых пор
Женою я была тебе примерной…
Твой царский дом. как он расцвел со мной!..
Ты радостно под крон свой возвращался
И уезжал спокойный… и найти
Такую верную жену не всякий
Сумеет, царь… Порочных много жен…

Когда он кончил. Софья шепнула ему:

— Посмотри, сколько у тебя слушателей.

Генри обернулся и обмер: в комнату один за другим входили авлидские бедняки и тихо рассаживались позади их маленького семейного круга. Они даже не успели переменить рабочей одежды, но на их чисто отмытых лицах светло отражался огонь очага, когда, подавшись вперед, они напряженно ловили каждое его слово. Они не умели ни читать, ни писать и, уж конечно, в жизни своей не видели ни одной пьесы, но они сердцем чувствовали, что Генри Шлиман возвращает им часть их вечного достояния.

Софья видела его волнение: лучшей награды Авлида не могла ему предложить. Она взяла его за руку и тихо сказала:

— Продолжай, Генри. Пожалуйста.

— Хорошо… Менелай нашел себе невесту мирно, но это из-за нее потом здесь, в Авлиде, собралось тысяча сто сорок кораблей и сто двадцать тысяч войска, чтобы, дождавшись попутного ветра, отправиться в Трою. У царя Лакедемона Тиндара, мужа Леды, была дочь невообразимой красоты по имени Елена. Она была сестрой Клитемнестры. Их родным отцом был Зевс, могущественнейший из богов. Приняв облик лебеда, он соблазнил Леду. Выбирая для дочери мужа, Тиндар никак не мог решить, какому царю или вождю отдать предпочтение, и тогда он созвал их всех к себе во дворец — на состязание. Молодые знатные отпрыски были так очарованы красотой Елены, что прямо здесь, при дворе, едва не разгорелась братоубийственная война. Тиндар заставил просителей поклясться честью, что они подчинятся выбору самой Елены, и если кто-нибудь нанесет обиду ее избраннику, то остальные должны все объединиться и уничтожить обидчика. И она выбрала Менелая.

Генри перевел дыхание и продолжал.

— И вот в Спарту приезжает с богатыми подарками сын

Троянского царя Приама Парис, воплощение мужской красоты. Гостеприимно встретив его, Менелай ненадолго уезжает на Крит, а тем временем Парис похищает Елену. Позже Елена будет оправдываться, что уехала не по своей воле, что ее околдовала богиня Афродита. В три дня Елена и Парис пересекли Эгейское море и прибыли в Геллеспонт. Менелай призвал прежних женихов выполнить свое обещание, и в

Авлиду съехались цари, вожди и воины, чтобы идти на Трою, вернуть Елену, перебить мужчин, спалить город и взять в рабство женщин и детей.

Но здесь, в этой укромной гавани, огромный флот застрял. Сначала была непогода, штормы, потом долгие месяцы на море не было ни ветерка. В войсках начались беспорядки, ратники требовали немедленно плыть в Трою и разграбить город, в противном случае угрожая разойтись по домам, вернуться к своим стадам и нивам.

И тогда прорицатель Калхас, участник Троянского похода, объявил, что богиня охоты Артемида—она ветрами распоряжалась тоже — разгневалась на Агамемнона, застрелившего ее священную лань, и требует жертвенной смерти его дочери Ифигении. Агамемнон послал за дочерью в Микены под предлогом обручения ее с Ахиллом из Фессалии. Он собственной рукой перерезал нежное горло своей дочери, и кровь хлынула в миску с «очистными водами». Так совершилась искупительная жертва Артемиде. Я прочту мольбу Ифигении к Агамемнону.

Я здесь, отец, у ног твоих, как ветка.
Молящих дар, такая ж. как она.
Я слабая, но рождена тобою…
О, не губи безвременно меня!
Глядеть на свет так сладко, а спускаться
В: подземный мир так страшно — пощади!
Я первая «отец» тебе сказала.
И ты мне первой — «дочка». Помнишь, я
К тебе взбиралась на колени с лаской?
О, как ты сам тогда меня ласкал!

Потом Ифигения обращает пронзительные слова прощания к матери, Клитемнестре.

…Выслушай, родная.
Все. что в сердце я скопила. На Атрида гнев напрасный
Ты оставишь. Отбиваться где уж нам с тобой, былинкам!
…На меня теперь Эллада, вся великая Эллада
Жадно смотрит; в этой жертве без защитной и бессильной
Все для них: попутный ветер и разрушенная Троя:
За глумленье над Еленой, за нечестие Париса.
В ней и кара для фригийцев, и урок для их потомства.
Чтоб не смел надменный варвар красть замужнюю гречанку.

Генри вернулся к началу книги и мягким, мелодичным голосом прочел всю пьесу целиком. А Софья смотрела на лица слушателей—жителей Авлиды. Женщины утирали слезы, мужчины ушли в рассказ самозабвенно, унесенные в далекие и так мало переменившиеся времена вот этой самой деревни, где их предки в трудах жили веками.

«Все они добрые христиане, — размышляла она, переводя взгляд с одного лица на другое, — но им и в голову не придет, что не было у богини Артемиды такой власти — удержать ветер. И что Ифигению принесли в жертву не когда-то в допотопные времена, а приносят и сейчас, на этом песчаном берегу, по которому они каждый день ходят, и ее кровь льется и льется в миску с очистными водами…»

От волнения с трудом подбирая слова, хозяева и соседи благодарили доктора Шлимана. Заплаканная Мариго поцеловала его в щеку, преображенный флегматик Спирос положил ему руку на плечо и сильно сжал его. Софья и Генри ушли в свою комнату. Обняв за шею, она горячо расцеловала его.

— Ты нас всех заворожил. Ты словно сам был участником этой трагической истории и заставил нас поверить в нее.

Генри иронически склонил голову на плечо.

— Нет, я серьезно говорю. Я всегда уважала твою убежденность, но все же не могла до конца разделить ее. А теперь я верю: Троя была, война была, и сожженный ахейцами город ждет, когда мы его освободим.

3

В «Англетере» ее ждала записка от матери: «Дорогая Софья,

когда вернетесь, приезжай в Колон. Надеюсь, занятия Генри оставляют тебе немного свободного времени».

Софья достаточно хорошо знала мать, чтобы прочесть между строк: приезжай одна.

Судя но всему, дело было важное. В Пирей их корабль пришел в девять утра, сейчас было одиннадцать. Перед Генри лежала куча неотложной корреспонденции.

— От Фрэнка Калверта ничего нет, — проворчал он. — Сегодня же напишу британскому и американскому послам в Константинополь. Они пользуются большим влиянием на султана.

— Раз ты будешь занят письмами, ты не возражаешь, если я съезжу в Колон? Мама просит встретиться.

— Тогда я попрошу принести мне обед сюда, чтобы не отвлекаться. Пришли записку, нужно ли мне приехать к окину и забрать тебя. А вообще возвращайся до темноты.

Мадам Виктория обняла дочь невнимательно и даже прохладно.

— Что-нибудь плохо, мама?

— Все плохо.

— Давай пройдем на кухню и выпьем чашку кофе.

Они сели друг против друга за простой стол, на котором обычно разделывали овощи и держали кастрюли, снятые с горячей плиты. Был тот редкий день, когда в доме царила полнейшая тишина: все разошлись. Словно из протекающего крана, в окна сочился желтенький свет. На плите кипела луковица, в другом горшке варилась окра.

Широкое строгое лицо мадам Виктории не улыбалось, неприступно сомкнулись полные губы, гладко расчесанные на прямой пробор иссиня-черные волосы облегали голову, как тесная ермолка.

«У мамы сильный характер, — думала Софья. — Некоторые называют ее властной. Она не может свыкнуться с мыслью, что я уже замужняя женщина. Как ни было мне одиноко в Париже, ей, конечно, было больнее отпускать меня от себя, оставить без помощи и совета».

— Мама, ты что-то скрываешь. Я это заметила после Парижа.

— Ты не ошиблась, — хмуро ответила мадам Виктория.

— Мне показалось, вы неприветливо встретили Генри.

— Боюсь, с твоим мужем мы ошиблись. Мы позволили тебе выйти замуж за скрягу.

— Генри скряга?! Это неправда. Он не дает мне свободных денег, но я и не нуждаюсь в них. Зато он возит меня всюду, куда мне хочется, и покупает мне все, что нужно и не нужно.

— Родные говорят, что ты скомпрометировала всю семью. Это было до такой степени дико, что Софья отказывалась

верить собственным ушам.

— Раз ты вышла замуж за миллионера и месяцами живешь в Париже, мы ожидали увидеть тебя в бриллиантах и мехах, в дорогих туалетах.

Софья бросила взгляд на свое коричневое шерстяное платье, затканное пестрыми цветочками. Конечно, скромное платье, но никак не бедное. Материал она выбирала сама, и портной постарался на совесть: высокий воротник, облегавший точеную шею, длинные рукава, узкий в талии лиф и широкая юбка. Софья разгладила платье на коленях и тихо спросила:

— Чем плохо это платье? Мне нравится.

— Не знаю… В твоем положении… И почему на тебе всегда это коралловое ожерелье?

— Потому что это первый подарок Генри. У меня к нему нежное чувство.

— Иметь только нежные чувства — роскошь для бедняков вроде нас. Для жены богатого человека это платье чересчур просто. Его могут спасти только хорошие драгоценности. Тетя Ламбриду говорит, что по приезде ты выглядела бедной родственницей.

Софья нервно расхаживала по кухне.

— Мама, ты неверно судишь о Генри. Он возил меня к лучшим парижским портным. У меня столько платьев, что мне их всех не переносить. Для бриллиантов я слишком молода, а меха— зачем они в нашем климате?

— И все равно их надо иметь. Ты в особом положении. Генри просто обязан был все это купить.

— Генри делает мне прелестные подарки. Он даже посылал человека в Англию за часами, которые мне приглянулись.

— Нужно быть требовательнее. — Мадам Виктория неодобрительно помотала головой. — Ты всегда меня слушалась. Почему ты сейчас упираешься?

— Мама, я всегда тебя слушалась, но теперь я замужняя женщина…

— Тебе еще только восемнадцать лег. Ты должна прислушиваться к людям, которые старше тебя и опытнее. Ты еще совсем девочка.

— Мама, — глубоко вздохнула Софья, — что конкретно ты хотела мне сказать?

— Твой господин Шлиман не выполнил ни одного своего обещания. Мы приняли его с открытой душой, а он плюнул в нее.

— Господи, — побледнела Софья, — кажется, у меня в животе

опять все сжимается, как в Париже.

— У одних болит живот, у других — сердце. У меня, например, сердце.

К обеду Георгиос, Спирос и Александрос пришли вместе.

Обед в этот день был скромный и быстрый, от обычного послеобеденного сна все уклонились и приступили к Софье с претензиями, которые она уже не имела сил отражать: утренняя сцена с матерью совершенно подкосила ее.

Самое серьезное обвинение было то, что накануне венчания Шлиман обещал семье бриллиантовое ожерелье стоимостью 150 ООО французских франков в качестве свадебного подарка. За точность этого договорного пункта мадам Виктория ручалась головой. Не так решительно, но с той же уверенностью отец объявил, что Генри обещал ему сорок тысяч франков на переоборудование лавки и закупки импортных товаров. Мариго призналась, что ей были обещаны двадцать тысяч франков в приданое.

— Впервые слышу об этом! — простонала Софья. — Почему вы мне раньше не сказали?

— Берегли твои чувства, — ответил отец. — Завтрашнюю невесту грех обижать денежными разговорами.

Она надолго замолчала. Внутри нее все сжалось. Громко тикали часы. Когда она подняла на всех свои карие глаза, они пылали гневным огнем.

— Мама, Генри сам обещал тебе это ожерелье?

— Не мне.

— Тогда кому же?

— Дяде Вимпосу.

Она зажмурилась, как от боли.

— Папа, а эти деньги на лавку, кому он их обещал?

— Тоже дяде Вимпосу.

— Мариго, когда мы ездили в Авлиду, ты ни слова не сказала о приданом. Когда он тебе его обещал?

— Он обещал это епископу Вимпосу.

Софья повернулась к Сиировсу. Тот поджал губы и отвернулся.

— Дядя Вимпос не станет лгать. Он священник. Мама, мне сейчас так же плохо, как тебе. Мне много хуже, чем в самые плохие дни в Париже. — И, помолчав, добавила: — Остается одно: напомнить моему мужу его обещания и потребовать, чтобы он держал свое слово. Папа, я напишу, чтобы он зашел за тобой в лавку к вечеру и приехал сюда, что это очень важно.

Генри выглядел встревоженным, когда вечером вошел в светлую гостиную.

— У тебя все в порядке, дорогая? Какая-то очень страшная

записка. Как ты себя чувствуешь?

— Плохо, — ответила она, отстраняясь, — хуже некуда.

— Да в чем дело? Утром у тебя все было прекрасно.

— Родные рассказали, что перед свадьбой ты надавал кучу обещаний и даже не подумал их выполнить.

Генри побледнел и как-то съежился, отчего показался ей точно таким, каким она увидела его впервые в саду, в канун дня святого Мелетия.

— Какие обещания я не выполнил? Не помню никаких обещаний.

— Наш кузен, епископ Вимпос, — подала голос мадам Виктория, — говорил, что вы подарите нам или вашей жене бриллиантовое колье.

Софья видела, как он не может определить свое отношение к услышанному, и он выплеснул все чувства разом, когда резким, как удар хлыста, голосом вспорол тишину:

— Глубокочтимая теща, епископ — человек замечательной души и честности. Я убежден, что вы его неверно поняли, тем более что я в каждом письме настоятельно просил его никому не говорить, что я богат. Мой глубокоуважаемый тесть, — повернулся он к Георгиосу Энгастроменосу, — если это правда, что епископ сделал вам от моего имени подобное обещание, и даже если это неправда, в любом случае вы совершили грех, продав вашу прекрасную дочь за бриллианты. Крушение ваших расчетов послужит вам справедливым наказанием. Мы христиане, нам негоже продавать своих дочерей.

— Бриллианты — это ваше с Софьей дело, — нетерпеливо перебил его Александрос—А как быть с деньгами на мануфактуру?

— Я ничего не обещал.

— И приданое для Мариго не обещали? — взорвалась пунцовая от негодования мадам Виктория.

— Я тебе это обещал? — спросил он девушку.

— Дядя Вимпос сказал, что да.

«Какой кошмар, — страдала Софья, — какая ужасная сцена».

И тут появляется новое действующее лицо: тетушка Ламбриду. У нее был своего рода нюх на скандалы: так комар издалека чует кровь. С ее приходом семейство получило свежую ударную силу. Оказывается, Генри Шлиман обманул всех кругом. Он скупой человек, тратится только на самое необходимое. Он отказал в содержании своей первой жене, не посчитался даже с нуждами детей. Он запретил Софье думать о родителях, выполнять свой дочерний долг…

К этому времени у Софьи голова шла кругом, все это было

так омерзительно. Невидящими глазами взглянув в сторону мужа, она хрипло проговорила:

— Я не хочу оставаться с таким человеком. От ее слов Генри задохнулся, как в петле.

— Тебя никто не будет заставлять. Я дам развод и хорошо обеспечу тебя, чтобы ты могла найти себе мужа-грека—такого же ребенка. Интересно, — процедил он в сторону тетушки Ламбриду, — где вы наслушались этих гадостей обо мне? Уж не от господина ли Вретоса, греческого консула в Ливорно? Он поверенный моей первой жены. Когда мы с Софьей в медовый месяц навестили его, он всячески выказывал нам свое расположение. Теперь, выходит, его отношение к нам переменилось? Он никогда не был в Петербурге, он в глаза не видал мою первую жену, а берется сплетничать, что всему бедой мой невозможный характер!

Он повернулся к Софье.

— Ты же знаешь, что это все клевета, — укоризненно бросил он. — Не знаю, кто еще так обожал свою жену, как я. Если ты не хочешь жить с «таким человеком», значит, виноват я сам, не надо было жениться на маленькой девочке. И все равно ты не должна была допускать, чтобы меня на людях смешивали с грязью.

Софья молчала, с обеих сторон стиснутая участливой родней. В голове у нее все перемешалось. Генри направился к выходу, и, поняв, что дело зашло далеко, за ним устремилась мадам Виктория.

— Генри, дорогой, не надо так уходить, мы сейчас во всем разберемся.

Безоблачная натура Георгиоса Энгастроменоса восторжествовала, и он простер к Генри руку:

— Доктор Генри! Даже лютый мой враг не дал бы мне испить такого яду, каким вы меня угостили! Я продал свою Софью, как какую-то куклу! Чтобы грек, в минуту народного возрождения заклавпгий себя на алтарь свободы и равенства, мог хотя бы помыслить о столь чудовищном преступлении! Как вы могли подумать, что родители и родственники вашей жены станут омрачать ваше семейное счастье? Мы не чинили ни малейших препятствий вашему счастью с Софьей. Я никогда не хотел этих бриллиантов, мне и мысль такая не приходила. Я велел Софье выбросить из головы наши неприятности и думать только о собственном доме, о его благоденствии и процветании. Я говорил, что ее счастье—в любви и преданности вам…

Генри распахнул дверь и вышел. Он вернулся в «Англетер», на следующий день собрал чемодан и уехал на острова, объяснив свое одинокое путешествие вынужденным: море в марте коварно,

а Софья не переносит качки. Семья еще уточнила версию: Генриде уехал посмотреть раскопки. Но в таком городишке, как Колон, долго секрета не утаишь. Соседи украдкой бросали на Софью сожалеющие взгляды.

Всю ночь она проворочалась в своей девичьей постели. Ее то заливал жгучий стыд за Генри, что он так скверно обошелся с ее родными, то ей делалось стыдно, почему она не оборвала вздорного злопыхательства, не впервые досаждавшего Генри. Ведь не секрет, что слухи о нервом его браке распространял адвокат Вретос. И хотя Генри оставил семье роскошный дом в Петербурге, Вретос уверял, что материально он их не поддерживает, что в России он прослыл скупцом. А Генри недоуменно жаловался ей:

— Какой же я скупец? Я двадцать лет помогал родителям, поддерживал сестер, пока они не повыходили замуж, безвозмездно субсидировал брата-винодела…

Когда в Париже, измучившись тоской по дому, она упрекнула его тем, что он запрещает ей думать о родителях и братьях, он ответил:

— Что ты! Я и минуты не любил бы тебя, если бы ты забыла о них.

С каждым днем на душе было тяжелее и тяжелее. И Генри было нелегко. Никуда он не уехал — ни на Сирое, ни на Делос, ни на Санторини, а отсиживался в номере и писал письма: ей—укоряющие, родителям—обвиняющие. Софье: «Мне в страшном сне не снилось, что я могу жениться на ребенке, годящемся мне во внучки. Твоя исступленная тяга домой из Парижа служит достаточным доказательством того, что ты меня не любила и вышла за меня не по своей воле». Ей же: «В медовый месяц и в Париже мы питали друг к другу только уважение и любовь. Я боготворю тебя, но, когда ты бросаешь мне такие обвинения, на мое сердце ложится холод…»

«Вы говорите, — писал он ее отцу, — что в своем письме в Париж пытались убедить Софью не тревожиться о положении вашей семьи, а беспокоиться о своей собственной. Однако в ответ на рождественский перевод вы побуждали Софью добиваться от меня дальнейшей помощи…»

Софья совсем извелась, от нее осталась одна тень. Прожить день было мукой, а ночью она торопила утро. Кое-как отмучившись первую неделю, на второй она откровенно затосковала по мужу. Но как помириться с человеком, разочаровавшим обожаемую родню, — этого она решительно не знала.

Семейство тоже было в недоумении: взрослый человек — и всерьез принимает домашнее недоразумение! Это, разумеется,

потому, что Генри не грек. Поговорили — и забыли. Виктория и Георгиос Энгастроменос уже не обижались. И конечно, не чувствовали себя виноватыми.

Софья не знала, что сразу после сцены в гостиной Генри Шлиман, во всем любивший определенность, написал епископу Вимпосу письмо, в котором перечислил все посулы, якобы сделанные им в чаянии руки Софьи.

На исходе второй недели добровольная узница увидела из окна своей комнаты, как на площадь Св. Мелетия вкатил экипаж и остановился перед их порогом. Из экипажа вышел Генри, чисто выбритый, подтянутый и до невозможности несчастный. Софья сбежала вниз и вместе со звонком открыла дверь. Они сдержанно поздоровались.

— В Колоне дядя Вимпос, — сказала она. — Он написал нам, что приехал в ответ на твое письмо и что встретится с нами только в твоем присутствии. Я сейчас пошлю за ним Панайоти-са.

Семья вышла в сад и тесно, заговорщицки уселась вокруг стола. Подсела к ним и Софья. Поодаль мерил шагами сад Генри. Вскоре в черном священническом облачении в калитку вошел Теоклетос Вимпос, и чернее черного были его глаза разгневанного ветхозаветного Иеремии. Неприветливо поздоровавшись с семейством, он прямо направился к Генри.

— Мой дорогой ученый друг, приветствую вас от всего сердца и благословляю.

— Досточтимый архиепископ, вы настоящий друг — выбрались в такую даль по первому зову.

— Я получил ваше письмо из Сироса и прочел его, сокрушаясь…

— Нам всем плохо, дядя Вимпос. — тихо обронила Софья.

— Во имя господа нашего Иисуса Христа, — продолжал епископ, по-прежнему обращаясь к одному Генри, — заверяю вас, что я никогда от вашего имени не обещал госпоже Энгастроменос эти бриллианты. Госпожа Энгастроменос на коленях просила меня познакомить с вами ее дочь. О вас я сказал только, что вы честный, порядочный человек.

— Только это?

— Только это. Остальное—домыслы, ложь! Ни о каких подарках, ни о какой денежной помощи или приданом вы не обмолвились ни словом. Уповайте на бога, и ваша невинность воссияет ярче солнца.

В саду воцарилась мертвая тишина. Софья глядела во все глаза на мужа, потом поднялась и перевела взгляд на родителей.

— Мама, — гневно возвысив голос, обратилась она к мадам Виктории. — Кто же сказал тебе, что мой муж обещал ожерелье?

Теперь ясно, что не дядя Вимпос!

— Мм… А я и не говорила, что он. Мне сказала тетя Ламбриду. Она божилась, что ей сказал кузен Вимпос.

— А тебе, пала, кто сказал, что мой муж поможет тебе деньгами?

— Да тоже тетя Ламбриду.

Не дожидаясь вопроса, Мариго расплакалась и сказала сама:

— Прости, Софья, я никого не хотела огорчить. Тетя Ламбриду сказала мне, что ей сказал дядя Вимпос, что мистер Генри хочет позаботиться о моем приданом.

Епископ Вимпос подозвал Панайотиса.

— Сбегай за госпожой Ламбриду. Приведи ее сейчас же.

Скажи, что я велел.

Вид у госпожи Ламбриду был довольно несчастный. Похоже, ее старания не увенчаются успехом, а это значило, что пропасть времени и сил пошли прахом. Епископ не допустил ее к руке.

— Вот что, уважаемая, настало время признать, что к этой семье вы более не имеете отношения. Ваши родители долгое время были им друзьями, а вы показали себя недругом. Впредь никто не назовет вас «тетей». Итак, вы говорили им, что мой друг Шлиман обещал сделать всем дорогие подарки?

— Да, епископ.

— Откуда у вас эти сведения?

— По-моему, с ваших слов, епископ.

— Но я-то этих слов не говорил.

— Значит, я по бестолковости не так поняла, епископ, — слукавила госпожа Ламбриду, — я хотела как лучше, хотела порадовать их.

— И сделали все наоборот. Вы посеяли семена раздора, вы знали, какие горькие плоды они принесут. Извольте извиниться перед мистером Шлиманом за причиненные страдания и перед Софьей. Затем удалитесь из этого сада и впредь никогда не показывайтесь здесь. Отравителю источника нет прощения. Отпустив ее, он повернулся к Софье.

— Детка, тебя я не осуждаю, ты молода и еще не научилась видеть разницу между своим долгом перед родными и перед мужем.

Пунцовая от стыда, Софья неприязненным взглядом окинула сидевших за столом.

— В какую позорную историю мы попали по собственной милости! Я вела себя безобразнее всех. Почему никто с самого начала не переговорил с дядей Вимпосом? Почему я этого не сделала, зачем играла с огнем? Какая дура! И хуже всего, мы оскорбили человека, от которого видели только хорошее.

Генри, — шагнула она к мужу, — прости нас — что я могу еще сказать? Конечно, я младенец, если думала, что даже замужняя женщина должна держаться заодно со своими. Я больше никогда не пойду против тебя и никогда не усомнюсь в твоей искренности. Я тебя люблю и хочу быть с тобой до конца своих дней.

Дальше говорить она не могла. Генри обнял ее и привлек к себе.

— В будущем, Софидион, мы будем вместе защищать себя от всех напастей.

4

Они заслужили себе второй медовый месяц. Генри надумал показать Софье ее собственную страну. Он нанял вместительный двуконный экипаж и телохранителей, вооруженных армейскими винтовками и пистолетами в серебряной оправе: в горах пошаливали разбойники.

Их первый маршрут лежал в крепость Филе, построенную в V веке до н. э. Оставив экипаж внизу у акведука, они стали взбираться на двухтысячефутовую гору, часто останавливаясь, чтобы, переведя дух, задохнуться от великолепия расступающейся панорамы гор, ущелий и долин. У древних крепостных камней они перекусили.

Генри читал, как Фрасибул, набрав в Фивах сотню единомышленников, с этого самого места двинулся в поход на Афины, лишенные возможности обороняться, свергнул тиранию тридцати и дал городу свободу. Но какая-то мысль мешала Генри. Он закрыл книгу, сунул ее в карман и взял Софью за руку.

— Софидион, я понимаю: ты переживаешь за домашних. Я не хотел ни своей победы, ни их поражения. У меня есть план.

Она слушала его, не проронив ни слова.

— Я хочу сделать твоего отца своим коммерческим представителем в Афинах, с твердым жалованьем. Кроме того, на некоторое время я открываю ему кредит, чтобы он закупил импортные товары. Это оживит его дела.

— Еще как!

— Крошку Мариго я тоже не забыл. Я положу на ее имя четыре тысячи долларов в Национальный греческий банк. Когда она выйдет замуж, ты передашь их молодым.

Залившись слезами, она упала в его объятия.

«Если к нему подступают требовательно, вымогательски, он наглухо закрывает свой бумажник. Но он озолотит всякого, когда

сам найдет это нужным».

Через несколько дней, также в сопровождении телохранителей, они посетили Марафон. К полю битвы они ехали той же дорогой, по которой в 490 году до нашей эры шли на встречу с персами афинские гоплиты [12]. Они вдыхали свежий, ароматный воздух: конец марта, вовсю цвели вишневые и грушевые сады. Когда они проезжали очаровательную деревушку Кифисью, Софья сказала:

— Смотри: каждый дом окружают тополя и сосны. Здесь выше над уровнем моря, чем в Афинах, и поэтому летом здесь прохладнее. Папа возил нас сюда на пикники.

В Марафоне они поднялись на могильный холм, где были кремированы и погребены 192 павших в. битве афинянина. Генри прочел страничку из Геродота — первое историческое свидетельство об этой освободительной битве.

Третья поездка была на юг, в Коринф. В этом месте перешеек был всего четыре мили шириной. В I веке новой эры Нерон вознамерился отсечь полуостров каналом, дабы сократить морской путь в Италию. Работы вскоре были брошены, и котлован лежал невостребованным уже свыше семнадцати столетий. Отсюда путешественники отправились в древний Коринф, осмотрели агору и храм Аполлона, который все так же караулили восемь монолитных дорических колонн. Генри оценивающим взглядом окинул холм с крепостью-акрополем, близкое море.

— Для охотника здесь есть что покопать. Под нашими ногами лежат, может быть, самые богатые археологические слои.

Однажды, проснувшись, она увидела, что Генри лихорадочно пишет что-то в дневнике. Услышав шорох, он подошел к ней, широко улыбаясь, просветленный.

— Доброе утро, моя прелесть. Сегодня великий день. Я уже записал: «Сегодня, 5-го апреля 1870 года, мы едем в Гиссарлык и начинаем первый пробный раскоп».

Она никак не могла приноровиться к его способности принимать внезапные решения.

— Не понимаю… Ты что. получил фирман? Улыбка медленно сползла с его лица.

— Нет, разрешение еще не пришло… Может, получу его в Константинополе. В полдень из Пирея уходит пароход «Менцахех», и ночью я понял, что надо ехать.

Торопя пробуждение, она поплескала в лицо холодной водой, выпила кофе.

— Генри, нельзя уезжать в такой спешке. Мы совершенно не готовы ехать в Гиссарлык. От турков разрешения нет, инструментов тоже никаких нет. Фрэнк Калверт прислал тебе

целый список вещей, необходимых в Троаде, — тачки, кирки, лопаты… Если в Афинах они плохие, то почему в Константинополе лучше? И потом, ты еще не получил от Калверта официального согласия вести раскопки на его половине холма. Нет, мне трудно…

— Трудно меня понять или трудно со мной ехать? — оборвал он ее. — Ты тысячу раз клялась ни в чем мне не перечить и видеть свой долг в том. чтобы слушаться меня. Поверив твоим клятвам, я искренне возомнил, что ты ангел, посланный мне небесами в награду за все перенесенные муки.

Но Софья не дала себя запугать.

— Я люблю тебя слушаться, Генри. Но ведь ты обещал, что в Трое мы будем копать бок о бок, как равные. Если ты видишь во мне «милость господню», то нам нужно принимать решения вместе. Тебя там никто не ждет. Ты знаешь дюжину языков, если не больше, но турецкого ты не знаешь.

— Я выучу его за три недели.

— Генри, это минутный порыв. Тебя взбудоражили нетронутые руины в Коринфе. Если ты начнешь раскопки без фирмана, у тебя сразу начнутся неприятности с турецкими властями. А зачем с ними ссориться, если ты от них целиком зависишь? Я понимаю, тебе не терпится. Мне тоже не терпится. Но я не хочу, чтобы мы нажили неприятности. Лучше давай начнем по-настоящему собираться.

— То есть ты считаешь, что мне просто неймется? — неприязненно спросил он.

— Пожалуйста, взвесь все еще раз.

Генри молча собрал чемодан, затолкал в него какие-то бумаги и вышел из номера.

Подавленная, она долго не могла подняться со стула. Два дня она не выходила из номера, два дня никого не видела. На третий день явился управляющий и предъявил счет. От гнева Генри совершенно потерял голову: он не оставил ей денег расплатиться, даже не сказал, оставаться ей здесь или съезжать. Непонятно, сколько времени он будет отсутствовать. Софья собрала вещи, положила иконку в футляр и наняла экипаж до Колона. «Господи, — думала она, ступая на родной порог, — неужели вся жизнь у меня будет такая? Неужели я так и буду каждую неделю сваливаться на головы родителей?»

К счастью, на себя самое не оставалось ни времени, ни сил. Накануне, в «пальмовое воскресенье», она отстояла службу в их церкви Богоматери на площади Ромвис. Сегодня началась страстная неделя. Празднуя пасху, православный человек духовно возрождается. С каждым днем страстной недели Софья все глубже

принимала в себя Христовы муки. Жертва Христова переполняла ее чувством вины перед спасителем, принявшим страдания и за нее.

В Великий четверг она поднялась на рассвете. Спальня выходила на восток, из окна мать вывешивала красное полотно, карауля первые лучи солнца. Вдвоем с Мариго они сварили дюжину яиц, выкрасили их в красный цвет. Софья выпросила разрешение испечь пасхальные просфоры. Приятная суета у плиты лишь на время отвлекла ее от мысли, что Великий четверг —день священный и скорбный. С матерью и сестрой Софья была на заутрене, смотрела на причащение детей. После легкого обеда вся семья снова вернулась в церковь св. Мелетия слушать чтение двенадцати евангелий о страстях.

В страстную пятницу постились. За весь день Софья не сделала и глотка воды. На кухне не разжигали огня. Мужчины не поехали в Афины. Почти весь день Софья провела у стен церкви в ожидании снятия с креста… Под заунывный перезвон колоколов шел крестный ход. Вместе со всеми Софья обошла плащаницу на специальном возвышении посреди храма. Святое место утопало в фиалках и цветах лимона.

На заутрене Великой субботы сумрачное убранство церкви оживили ветки лавра. Отстояв службу, Софья поспешила домой печь кулич. Отец и Александрос уже занимались закланием тучного пасхального агнца.

Все личное отступило от нее. Мирские тревоги утратили смысл. И не праздничные приготовления укрепляли дух, а окончание Христовых мук. упование на другую жизнь, поправшую смерть, на жизнь вечную и для нее самой.

На полунощнице она стояла с белой свечой, возжженной от главной храмовой свечи. Празднуя воскрешение господне, ликующе звонили колокола, на улицах бухали пушки, в небе взрывались петарды. Священники и паства вышли на площадь христосоваться. Софья возвращалась просветленная, радостная, окрепшая духом.

Генри вернулся через две недели. Вид у него был виноватый, но держался он бодро.

— Ты оказалась во всем права, — признался он. — Первого класса на пароходе не было, а вторым я не решился тебя брать, там нет воздуха. Высшая турецкая администрация в Константинополе не допустила меня к себе, хороших тачек и кирок в лавках нет. Два турка из Кумкале, владельцы другой половины Гиссарлыка, несколько дней до хрипоты ругались со мной. Наверное, боялись, что их овцы свалятся в мои траншеи. Я нанял двух землекопов, и турки поначалу согласились взять

вместо платы камни, которые мы выроем: они строят мост через Симоис. Потом вдруг являются, кричат и требуют невозможных денег. Я предложил им вдвое против того, что стоила вся их земля, но договориться с ними нельзя. В довершение всего из Дарданелл приехал правительственный чиновник и заявил, что паша крайне недоволен раскопками без разрешения и соответственно официальный фирман будет задержан. Тут я собрался и уехал. Но вот что важно: за какие-то несколько дней всего с двумя рабочими я раскопал большую каменную кладку— около сорока футов в ширину и шестьдесят в длину. Теперь можно быть совершенно уверенным в том, что в холме погребен город.

На константинопольском базаре он купил для нее серебряный филигранный браслет: поверх пластины серебряные нити, не толще волоса, сплетались в цветочный орнамент: длинная изящная застежка была унизана камушками, утопленными в ярко-голубой эмали. Он, наверное, потратил немало времени, пока набрел на эту прелестную вещицу.

А Софья радовалась уже одному тому, что он вернулся.

5

Генри не забронировал по телеграфу номер в- «Англетере», полагая, что Софья дожидается его в гостинице, и сокрушенный управляющий смог предложить Шлиманам только мансарду. Генри поворчал, но выхода не было. Когда через три дня подали первый счет, он отказался верить своим глазам.

— Сто семьдесят шесть франков за этот убогий мезонин?! У них еще хватило наглости поставить в счет полный стол, когда мы почти не пользуемся их кухней! Ноги моей больше не будет в этом auberge [13]!

Трудно было лучше подгадать время, чтобы поделиться планами, которые исподволь вызрели в ее уже умудренной голове.

— Генри, ты говорил, что раскопки в Гиссарлыке займут у нас не менее пяти сезонов.

— Именно так, работы там—только-только управиться за это время.

— Значит, зимовать мы будем в Афинах. Тогда есть смысл снять или даже купить здесь дом. У тебя будет свой кабинет, у меня — кухня…

— И удобная спальня наконец!

— Когда ты будешь уезжать по делам… и вообще… мне не

надо будет бежать к маме. По-настоящему я не почувствую себя замужней женщиной, пока не стану хозяйкой в собственном доме.

— И матерью пары ребятишек. — Он ласково притянул ее к себе. — Решительно все врачи говорили мне, что беременность навсегда избавит тебя от всяких спазм в животе. Я не хотел детей, пока ты частенько раздражала меня. Детям нужно передать любовь, а не досаду.

Расцеловав ее в обе щеки, он заключил:

— Ты права. Став счастливой хозяйкой в доме, ты и меня скорее сделаешь счастливым отцом. Какая часть города тебе больше нравится?

— Кварталах в двух от Акрополя есть хорошее местечко, еще не застроенное. Там тихо, виден весь город, летом нет пыли. Мы будем жить в тени Парфенона.

Скоро им приглянулся новенький дом на улице Муз: в неоклассическом стиле, двухэтажный, с полуподвалом для прислуги. Двустворчатая входная дверь была выкрашена коричневой краской, высокие квадраты окон в гостиной и столовой выходили на поросший лесом склон холма Муз. Наверху были три спальни и маленькая гостиная — все светлые, хорошо проветриваемые; из гостиной дверь вела на открытую веранду. Над парадным входом нависал балкончик с ажурной решеткой; карниз дома из простой обожженной глины венчали медальоны в форме раковин. Из сада за домом открывался вид в сторону Пирея и Старого Фалерона; внизу Кифис спешил выбраться из города к морю.

Софье дом нравился. Комнаты большие, с высокими потолками, стены украшены гипсовой лепниной — цветы, розетки. В нижних комнатах стены были заштукатурены мраморной крошкой и отполированы до полного сходства с светло-серым мрамором. Полы в кухне, столовой и в коридорах выложены плиткой, в остальных комнатах — деревянные, из дощечек разной длины. Из прихожей наверх вела широкая деревянная лестница с резной балюстрадой. В укромном углу скрывался ватерклозет в турецком стиле: глиняный стульчак с подножиями по обеим сторонам.

Вся улица Муз уложилась в четыре квартала, дома стояли только по одну ее сторону, а сразу напротив, через дорогу, поднимался каменистый, густо поросший деревьями холм Муз с гробницей Антиоха Филопаппа на самой его вершине. Город—а лес подступал почти к порогу дома. Всего в трех кварталах отсюда, если смотреть в сторону театра Диониса и Одеона Герода Аттика, из ступенчатого мраморного развала поднимался Парфенон. Кончалась улица Муз тупиком, редко кто здесь

пройдет или проедет. Чтобы попасть в город на экипаже, надо было обогнуть Акрополь; к его портику Софья подходила за несколько минут. Акрополь станет их близким другом.

Неподалеку высился холм Ареопага, где в классический период Совет старейшин разбирал государственные и юридические дела, вершил суд над обвиняемыми в убийстве. В «Эвменидах» Эсхила здесь судили Ореста, убившего свою мать Клитемнестру в возмездие за убийство Агамемнона. По каменным ступенькам, вырубленным в скале Ареопага, Софья всходила наверх и за холмом Агоры видела город внизу и дальше — серебристо-зеленые оливковые рощи, виноградники, гору Гимет, всю заросшую мятой, шалфеем, лавандой, тимьяном, терпентином, — обиталище пчел, приносящих самый ароматный в мире мед.

Ближайший к дому участок тоже продавался. Генри его купил, и они решили завести прохладный огороженный сад: насадить пальмы, цветущий кустарник, вырыть прудики, дорожки посыпать гравием, поставить две высокие решетки для винограда и глициний. Генри нанял плотника выстроить восьмиугольный чайный домик вроде того, какой он недавно видел в роскошных садах Фрэнка Калверта в Чанаккале.

Нарушая здешние неписаные законы, Генри держал с Софьей совет, и покупая дом, и обставляя его.

— Я ничего не понимаю в обстановке, — призналась Софья. — Греческие дома обставляют скупо. У нас мало леса, и мы делаем мало мебели, а европейская нам не по карману. Почти все, что было у нас в доме на площади Ромвис, приобреталось по случаю или перешло от дедушки с бабушкой.

— Ничего, справимся: у меня есть опыт.

— Генри, твоя парижская квартира великолепна, но ведь В комнатах совершенно не пройти. У меня было такое чувство, словно я иду по узенькой тропке через лес.

— Французы считают свободное место потерянным: его обязательно нужно занять пуфиком или резным столиком.

Они обегали все Афины, пока подобрали необходимое. Для спальни нашли резную итальянскую матримониале, супружеское ложе, подобное тем гигантским сооружениям, на которых они спали в медовый месяц. Потом повезло достать ореховый комод, инкрустированный атласным деревом, — для белья. В одной антикварной лавке их ждал французский шкафчик деревенской работы, это для одежды. Приятной удачей стал умывальник: скрывавшая металлический тазик крышка изнутри была зеркалом, по обеим ее сторонам поднимались этажерочки для туалетных принадлежностей.

В столовой добрым почином стало приобретение английского орехового стола—именно то, что им хотелось: круглый, раздвижной, на массивных резных ножках. В скором времени подвернулись и стулья, обтянутые тисненой кожей; их спинки и ножки украшала ручная резьба. У одной стены поставили полукруглый буфет со стеклянными дверцами, разместив в нем яркие керамические супницы и дрезденский фарфор; у стены напротив—горку резного красного дерева для хрусталя и серебра. С потолка на бронзовых цепях свисала тяжелая, в форме колокола, фарфоровая лампа.

— Здесь уже повернуться негде! — вскричала Софья, когда на место водворился последний, десятый стул. — Только подать на стол да убрать со стола.

Генри усмехнулся.

— Может, хоть в гостиной оставим побольше места? — с надеждой спросила Софья.

В своем кабинете Генри водрузил высокий темного дерева секретер: в верхней его части за стеклом он держал книги, нижняя закрывалась наглухо и служила ему бюро для личных бумаг, деловой переписки, банковских счетов, дневников. Еще Генри приобрел подковообразный, красного дерева столик в стиле эпохи Регентства, который так приятно захламить рукописями, письменными принадлежностями, раскрытыми на нужной странице книгами.

Софья между тем с одушевлением занялась кухней. Это была просторная комната в задней части дома, выходившая во внутренний двор. Софья купила плиту с пятью конфорками, высоко вознесенным медным козырьком вытяжного шкафа и дымоходной трубой сзади. Столяр приладил к стене две полочки для ламп. В углу — каменная воронка водослива, над нею бак для воды. Над очагом, на широкой доске Софья расставила глиняную посуду. На задней стене набила доску с крючками для мешалок, лопаточек, черпаков, мерных чашек; на левой стене отвели место для навешивания кувшинов. Софья купила маленький круглый стол и два стула с плетеными спинками. Дверь между очагом и плитой вела в задний двор; в жаркую погоду ее держали открытой.

«Генри считает, что самое важное место в доме—спальня, — думала она, любуясь трудами своих рук, — а по-моему, кухня. От нее пользы больше».

— Действительно, будет тесновато, когда мы станем приносить в дом наши находки, — заметил Генри.

Лето на улице Муз они перенесли легко. Дом стоял высоко над городом, постоянно дул бодрящий ветерок, роща на холме

Муз укрощала послеполуденное пекло. Утром Софья подолгу пропадала в их новом саду, где у Генри хорошо принялись кустарник и деревья. Она возобновила свои часовые уроки французского и немецкого, но теперь Генри прибавил еще английский, поскольку зимой, во время вынужденного простоя в Гиссарлыке, думал съездить в Лондон. Учительница ее была чопорного вида гречанка, которую многолетняя жизнь в Англии отблагодарила хорошим произношением.

Генри поднимался с рассветом и, засев в парящем над городом кабинете, писал письма, пытаясь сломить упрямство—если не безразличие—турецкого правительства. В девять часов он убегал в сугубо мужское кафе «Прекрасная Греция»: здесь были свежие газеты, здесь он окунался в гущу мировых событий.

Софья готовила обед ровно к половине второго: муж был точный человек. Немного соснув после обеда, они ехали на новый пляж в Фалерон, купались в прохладной воде. К восьми возвращались на площадь Конституции, шли в кофейню Янна-киса или Дора, поделившие между собой пальму первенства, и Софья брала мороженое. На площадь вливалась центральная улица, и по обе стороны ее устья стояли эти два кафе, за что их прозвали «Дарданеллы»: в долгий летний день каждый афинянин непременно проходил мимо них. Тротуары были широкие, на них свободно устанавливались три столика в глубину. Основное занятие сидевших за ними были сплетни: перемывали кости всякому, кто проходил мимо. Избежать это испытание было так же невозможно, как остаться незамеченным, появившись на площади. Завсегдатаи кафе были своего рода устной городской газетой.

Обаятельной особенностью афинских сплетников был расчет на то, что их пересуды достигнут слуха самой жертвы. В делах Генри Шлиман гений, толковали они, а со своими планами раскопать Трою—дурак. И профессора так думают. Люди знающие и ученые убеждены, что, копай он вместо пяти хоть двадцать пять лет, все равно останется с пустыми руками. Конечно, богатому человеку положено чудить. Но другим не пристало принимать его всерьез и вместе с ним валять дурака.

В августе у нее была задержка, и Софья подумала: «Генри прав: от любви, а не со зла рождаются дети». Генри мечтал о сыне. Чтобы не обнадежить его напрасно, она подождала говорить до октября. И однажды, когда они мирно попивали кофе в своей чайной беседке, Софья как бы между прочим сказала:

— Генри, мне кажется… то есть я уверена… тебе надо показать меня врачу, какого ты считаешь здесь лучшим.

Генри, побледнев, воззрился на нее и сдержанно ответил:

— Это, разумеется, доктор Вениселос. В афинском обществе он пользуется заслуженной известностью. Я пошлю мальчика пригласить его на завтрашнее утро.

Нижнюю часть лица доктора Мильтиада Вениселоса скрывала роскошная борода, опознавательный знак его профессии, верхнюю—тяжелые очки, буквально приплюснувшие его рачьи внимательные глаза. Получив общее медицинское образование в Афинах, он специализировался по акушерству в Берлине и уже много лет был профессором Афинского университета по кафедре акушерства. Он основал в Афинах акушерскую клинику. «Устаете? — спрашивал он Софью. — Чувствуете вялость? По утрам тошнит?» Удовлетворенный ответами, он обошелся без осмотра.

— Примите мои поздравления, миссис Шлиман. Вы в прекрасном состоянии. Есть все основания думать, что вы родите здорового ребенка.

Боясь ошибки. Генри долго крепился, но сейчас он порывисто обнял Софью и воскликнул:

— Это будет сын! Мы назовем его Одиссеем. Помнишь, что говорила Фетида, мать Ахиллеса? «Зевс даровал мне родить и взлелеять единого сына… Возрос он как пышная отрасль; Я воспитала его, как прекраснейший цвет в вертограде».

— А если будет девочка, как ты ее назовешь? — несмело улыбнулась Софья.

— Нет, Софья, имя Шлимана должен наследовать мужчина,

это совершенно ясно!

Доктор Вениселос заговорщицки подмигнул Софье:

— Госпожа Шлиман, напомните вашему супругу: добрая лоза приносит богатый урожай.

6

Только их семейная жизнь стала входить в спокойное русло, как грянули новые потрясения. Генри скрыл от нее, что еще в январе 1870 года, когда они были женаты чуть больше трех месяцев, Екатерина отправила в Париж своего адвоката возбудить против него судебное преследование на основании недействительности его второго брака, ибо развод-де был незаконным. Парижский суд не принял дела: Генри Шлиман — американский подданный. Екатерина довела до его сведения, что через международное юридическое бюро в Нью-Йорке или Российское посольство в Вашингтоне затребует копии бракоразводных документов и настоит на судебном

аннулировании развода. Генри писал м-ру Налтнеру, своему адвокату в Индианополисе, чтобы тот проследил за пунктуальнейшим соблюдением буквы закона.

И надо же было тому случиться, чтобы именно сейчас, в октябре, все вдруг вышло наружу: Екатерина объявила, что нанимает адвоката и возбуждает против него дело здесь, в Афинах. С быстротою лесного пожара слухи донеслись до «Дарданелл» и запылали в обеих кофейнях. Софья сохраняла спокойствие: разводные документы Генри видел архиепископ, он признал их законность и разрешил ей вступить в брак. И хотя сейчас речь шла о гражданском суде, епископам тоже разрешалось выступать на них в качестве свидетелей. Конечно, епископ Вимпос подтвердит, что он водил Генри Шлимана к архиепископу, показывал тому бумаги; архиепископ же удостоверит, что дал согласие на их брак. А свидетельство архиепископа в суде вещь нешуточная.

— Что же ты мне не сказал еще в январе? — упрекнула Софья. — Теперь ясно, почему твои старинные приятельницы обращались со мной как с твоей любовницей.

Генри негромко чертыхнулся.

— А зачем ей это нужно? Отомстить тебе?

— Она не мстительна.

— Может, она еще любит тебя? Он изумленно вскинул брови.

— Никогда она меня не любила.

— Зачем же тогда вышла за тебя?

— Я почти вынудил ее к этому. Мы были знакомы несколько лет, она дважды отказывала мне, а когда я вторично разбогател в Калифорнии и вернулся в Петербург, то устоять перед моими деньгами было невозможно.

— Она родила тебе троих детей.

— Да, — горько выдохнул он. — Первый еще был желанный, зато двух других я выманил у нее хитростью. Насколько я понимаю, она любила только одного человека—мадам Роллер. Они были неразлучны.

Снедаемая беспокойством, она написала епископу Вимпосу. Тот ответил, что у него накопилась масса дел в столице, а вырваться все не удается, но через несколько дней он приедет.

Войдя в прихожую их нового дома, он воздел руку и сделал крестное знамение.

— Благослови, Господи, вошедший под кровлю Захариеву и спасший его с домочадцы, благослови и помилуй живущих в сем доме.

Он протянул Софье руку, она поцеловала ее. Потом передала ему угрозу Екатерины добиться от греческого суда признания

незаконности ее замужества.

— Наша церковь и русская православная церковь во многом схожи. Если первая жена Генри добьется того, что русский суд признает их брак нерасторженным, то способно это как-нибудь повлиять на отношение нашей церкви?

Епископ Вимпос задумался.

— Не знаю, сталкивались ли мы с подобным случаем когда-нибудь прежде. Посоветуюсь с архиепископом.

Софья не знала куда себя деть, пока он отсутствовал.

— Дорогая, вот что говорит архиепископ: поскольку с июня 1869 года Генри законный гражданин Соединенных Штатов и таким образом уже не подданный российского императора, ни российский, ни какой другой суд не вправе опротестовать его развод. Если не ошибаюсь, он получил гражданство в Калифорнии, когда штат был присоединен к остальным?

Софья нахмурилась.

— Да, он говорил, что автоматически гражданами стали все мужчины, находившиеся в Калифорнии в 1850 году, когда штат включили в союз штатов, но по его дневнику получается, что он был там не раньше 1851 года. Потом он вернулся в Россию, почти пятнадцать лет у него там были и семья, и дела, и, насколько мне известно, он не вспомнил, что он американец, пока не понадобился развод.

— Где его документы о натурализации? В столе?

— Да. Пойдем в кабинет.

Софья извлекла из бюро четыре пространных юридических документа. Кончив чтение, Вимпос поднял на нее встревоженные глаза.

— Что он давний гражданин Соединенных Штатов — это почти., правда… Почти… Первые бумаги он выправил еще в Нью-Йорке, вот они. Он объявляет здесь о своем желании стать гражданином Соединенных Штатов и расторгает свои обязанности в отношении любой другой страны. Здесь есть дата: 17 февраля 1851 года, его подпись и печать суда. Следующую бумагу он подписывает также в Нью-Йорке 29 марта 1869 года — восемнадцать лет спустя. Текст присяги тот же. В этот день некто Джон Болан присягает, что «он хорошо знает вышеупомянутого просителя, Генри Шлимана, и что указанный проситель проживал на территории Соединенных Штатов не менее пяти лет до настоящего момента и не менее года в штате Нью-Йорк к моменту подачи настоящего заявления». На основании свидетельства Джона Болана Генри и был признан законным гражданином Соединенных Штатов.

— _Но это неправда! Он пишет в дневнике, что приехал в

Нью-Йорк 27 марта 1869 года, всего за два дня до появления в суде. Он один раз останавливался в Сакраменто в 1851 году, потом в том же году несколько дней пробыл в Сан-Франциско, а в следующий раз был в Сан-Франциско проездом в 1865 году, возвращаясь из путешествия по Востоку.

Софья сидела бледная. Епископ рассеянно гладил бороду.

— Если он получил гражданство на основании лжесвидетельства…

— То его развод тоже незаконный, — сказала Софья сквозь слезы. — Адвокат быстро разберется с этими датами. Ах, дядя, что же делать?

— Генри должен добиться, чтобы его первая жена сама подала на развод, причем в России. Это можно сделать?

— Да.

— Каким образом?

— Деньги. Генри посылал им вполне приличное содержание, но теперь ему придется предложить ей часть своего состояния.

— А он пойдет на это?

— Когда у него что-нибудь не ладится, для него истинная мука расстаться даже с драхмой. Но сейчас ему придется пересилить себя. Я должна защитить права своего будущего ребенка.

— Господь на твоей стороне, — улыбнулся епископ.

На ее стороне был и Генри. Он пришел к полюбовному соглашению с Екатериной, и та добилась развода с ним в русском суде. Так что эти неприятности благополучно кончились.

И сразу начались новые: разразилась франко-прусская война. Генри питал привязанность к земле предков, но он оставил родину в девятнадцать лет, почти два десятилетия был русским подданным, а потом привязался к Парижу в не меньшей степени, чем Софья к Афинам. Сердцем он был на стороне французов. Эти чувства окончательно взяли верх, когда он получил известия, что германский снаряд снес до основания дом на площади Сен-Мишель, стоявший впритык к его собственному. 19 сентября 1870 года немцы взяли Париж в кольцо. Каждый день приносил все более страшные подробности: Булонский лес вырублен, погибли деревья на Елисейских полях и в Тюильри. В столице голод, парижане съели всех лошадей.

И вот пришла печальная весть: все четыре дома, составлявшие значительную часть его состояния, погибли при обстреле.

Было множество человеческих жертв—квартал был населенный. Генри был в отчаянии. Он неделями безуспешно добивался из Парижа достоверных сведений. Наконец, чтобы

немного развеяться, он надумал ехать в Константинополь.

— Софья, я хочу сесть перед дверьми Сафвет-паши и не сходить с места. Мне очень неприятно бросать тебя в твоем положении, но я уверен, что привезу тебе фирман в качестве подарка на крещение. У меня есть почти два месяца.

Он выглядел таким угнетенным, что у нее не хватило сердца задержать его.

Едва он вышел за порог, как дом на улице Муз, соскучившись по Софье и городской жизни, заполонило семейство Энгастроменосов, и грустить в одиночестве ей не пришлось. Мать часами блаженствовала на кухне, готовя любимые семейные блюда. Софья спозаранку бежала на улицу, покупала у разносчиков козье молоко, свежие булочки и вкусное масло, зелень, свежую, ночного улова рыбу, которую в круглых корзинах несли на голове и время от времени увлажняли водой из ведерка. В воскресенье она выбирала к обеду индюка.

— Все как прежде! — воскликнула однажды в воскресенье мадам Виктория, окинув взглядом обеденный стол, вокруг которого заняли стулья свои, родные зады.

От Генри письма приходили нечасто, но их тон обнадеживал. Министр народного просвещения любезно предложил Генри купить интересующий его участок земли за те же двести долларов, что он сулил туркам из Кумкале. За него ходатайствуют американский и английский посланники. Он изучает турецкий язык и уже знает три тысячи слов.

К рождеству он не вернулся. «Не хочет приезжать с пустыми руками, — успокаивала себя Софья. — Помимо всего, это вопрос самолюбия. Он вернется к крещению и привезет фирман».

Мадам Виктория решила, что рождество надо праздновать в родительском доме. Софья была уже на пятом месяце, у нее заметно округлился живот. Удивительное это чувство, когда в тебе подает признаки новая жизнь. В витринах магазинов на улице Гермеса появились муляжные ясли, окруженные воздушными шариками, фонариками, картонными колокольчиками и ангелами. На центральных улицах толкались продавцы дешевых игрушек.

Софья помогла матери испечь сладкий рождественский хлеб. Георгиос перекрестил хлеб ножом и нарезал его. Первый кусок предназначался Деве Марии, второй—бедным, остальные раздали всем домочадцам.

На Новый год отпраздновали день святого Василия Великого, слушали на площади пение гимнов, сами пели.

К ее рождению Генри не вернулся и, скорее всего, не будет дома и 6 января, на крещенье. Она чувствовала себя очень

одинокой.

Он вернулся только 24 января — без фирмана, вконец расстроенный. Он даже не привез подарка Софье. Хрустя пальцами, он признался ей, что вконец отчаялся. Он собрался и выехал за час, как только узнал, что есть место на грузовом судне, отправлявшемся в Пирей.

— Я бы скупил для тебя весь базар, дорогая, но у меня было такое угнетенное состояние… Я двух мыслей не мог связать…

Софья как могла успокоила его.

— Турки считают меня авантюристом, ищущим золото и серебро, вроде расхитителей египетских могил. И я не в силах убедить их, что ищу погибший город, а не золото для приумножения своего богатства. Мне доверяют партнеры и заказчики во всем мире — и только турецкое правительство не верит мне!

— Генри, помнишь, ты говорил, что каждый иностранец, получивший разрешение вести раскопки с обязательством передать половину найденного, всегда нарушал этот уговор и вывозил из страны все, что ему удалось найти?

— Да, все так поступали.

— В таком случае турки никому не поверят. Может, поискать средство развеять их страхи?

— Интересно, какое?

— Например, в знак честности намерений оставить визирю внушительный залог.

Он опустил голову и взглянул на нее как бы поверх очков.

— Не надо увлекаться, — сказал он предостерегающе.

Он разулся, снял пиджак и жилет и рухнул поперек кровати.

— Наконец-то я лежу на своей постели! И вижу мою толстушку жену. Иди, я обниму тебя. Как себя ведет Одиссей?

— С овечьей кротостью.

В Константинополе все сорвалось в последнюю неделю. Визирь, мерным министр султана, принял его 1 января, держался радушно, пригласил зайти на следующий день. На следующий день он предложил Генри представить директору нового Оттоманского музея полную программу своих археологических исследований. Исписав несколько страниц, Генри вручил их директору в руки. Затем его уведомили, что на, 8 января назначена его встреча с министром народного просвещения Сафвет-пашой. Министр со всей ясностью дал понять, что оба турка из Кумкале, владельцы второй половины Гиссарлыка, по распоряжению турецкого правительства продадут Генри свою землю за пять тысяч пиастров, то есть за двести долларов. После этого Генри может начинать раскопки, памятуя, что половина

найденного отходит в пользу Оттоманской империи. Он согласился.

Лишь через десять дней Сафвет-паша вновь вызвал его. Он тепло принял Генри, велел принести кофе, дружески поболтал с ним по-турецки, а затем объявил:

— После нашего разговора 8 января я телеграфировал губернатору провинции Дарданеллы, чтобы он за мой счет купил в казну вторую половину Гиссарлыка. Мы заплатили столько, сколько эта земля стоит, — три тысячи пиастров. С сегодняшнего дня вы располагаете разрешением нашего министерства начать раскопки.

Генри буквально ослеп от гнева. Он кричал Сафвет-паше, что тот обманул его, прибрав к рукам землю, которую сам же ему обещал.

— Среди шести тысяч турецких слов, которые я знаю, нашлось и несколько неприличных. Я настолько забылся, что чуть не — поколотил пашу.

— Боже мой! — ужаснулась Софья. — Как же теперь с разрешением?

— Его аннулировали. Мы опять у самого входа в подземный лабиринт Кносского дворца, где Минотавр пожирает всякого, кто явился убить его.

— А этот американский посол, Уэйн Маквей, не перестанет он теперь хлопотать за тебя перед визирем?

— Нет, не перестанет. Честно говоря, он считает, что я допустил ошибку, и не только своим срывом: выходит, я еще не очень силен в турецком и неверно понял, что именно обещал Сафвет-паша. Сафвет-паша, думает Маквей, вероятнее всего, сказал: «Мы выкупим землю — можете начинать раскопки», а я это перевел: «Мы выкупим землю для вас—пожалуйста, начинайте». Разница невелика, но ее было достаточно, чтобы я полез на стену.

Она поцеловала его в разгоряченный лоб.

— Ничего, дорогой, малыш принесет нам удачу. Тебе недолго осталось ждать: доктор Веницелос говорит—в апреле. И все встанет на свои места.

Как только между Францией и Германией было подписано перемирие, Генри уехал в Париж посмотреть, что еще можно спасти. Оказалось, что слухи о повергнутом в руины Париже абсолютно ни на чем не основаны, как и все, что фантазировалось в «Дарданеллах». Все его четыре дома стояли целехонькие. Булонский лес был нетронут, на Елисейских полях и в Тюильри также сохранились все деревья. Париж был прекрасен, как всегда! Единственная неприятность была та, что ему, как, впрочем, всем

домовладельцам, запретили до конца 1871 года взимать квартирную плату с жильцов—это десять убыточных месяцев.

В марте и апреле ей уже стало тяжело ходить. То, что беременность проходила у нее спокойно, вселяло уверенность, что и ребенок родится здоровый. Старшая сестра Катинго, уже мать двоих детей, принесла на улицу Муз целый рулон тонкого белого полотна, кружева и ленты: пора готовить малышке приданое. По нескольку раз на неделе заглядывала портниха, кроила и шила детские распашонки. Мадам Виктория отделывала их мережкой. Вместе с Катинго Софья кушала плетеную колыбель, обтянула ее всю белым шелком, соорудила тюлевый полог от комаров.

Генри охватывал восторг при мысли о греческом ребенке: это каким-то образом согласовывалось с провидением, поставившим его найти греческое сокровище. Но когда Софье случалось застигнуть его врасплох, лицо его казалось осунувшимся, брови хмурились. В прекрасный апрельский день, выгнавший на лазурное небо стада барашков, они гуляли под руку по гравиевым дорожкам своего сада, и встревоженная Софья спросила его напрямик:

— Генри, что-нибудь случилось?

— Да… Деньги. За последние два года я потерял тысячу долларов на квартирной плате. Дома запущены, не ремонтировались—не было ни материалов, ни рабочих. Управляющий пишет из Парижа, что восстановить их в прежнем виде потребует немалых средств.

— Извини, Генри, что я спросила. — Она опустилась на ближайшую скамейку. — Садись. Погреемся на солнышке.

Гордясь ею, он легко похлопал ее по животу, обнял за плечи.

— По правде говоря, Софидион, это еще не все. Я вдруг обнаружил, что меня разоряет земля.

— Какая земля? Не понимаю.

— Видишь ли, дорогая, как все новообращенные я больше фанатик, чем верующие с рождения. Ты обожаешь Афины, потому что родилась в тени Акрополя. А в глазах большинства людей это жаркий, пыльный провинциальный город без воды с населением около шестидесяти тысяч жителей, с несколькими вымощенными улицами и нищей администрацией—словом, город без будущего. На прошлых выборах в муниципалитет голосовало неполных шесть тысяч человек! Но мне он видится в одном ряду с крупнейшими мировыми столицами. Когда я измученный и злой вернулся из Константинополя, то оказалось, что общее безденежье и неудачи с Лаврийскими серебряными рудниками сделали сговорчивее владельцев того замечательного участка на

Панепистиму, который я давно облюбовал: когда-нибудь мы там выстроим себе дом. Они уже охотно принимали мою старую цену —шестьдесят восемь тысяч драхм.

— Ты платил наличными?

— Пришлось. Но я на этом не остановился. Подожди, я принесу карту из кабинета.

Он вернулся с картой Афин, усеянной красными квадратиками.

— Это все участки, которые я купил. Я рассудил, что цены на землю спустились до самой низкой черты и скоро начнут возрастать, как всегда в столицах. Наличных денег сейчас мало в обращении, кредиты закрываются, и землевладельцы спешат продавать, продавать… Я уже походил по городу, пригляделся и наметил, какие еще участки купить, когда приспеет время.

Софья была поражена размахом его приобретений. Он любил покупать угловые участки, и одним из них был участок земли площадью в 54 000 квадратных фута в самом центре города, через один квартал от Национальной библиотеки. Напротив него, по другую сторону улицы, он откупил еще два больших участка. Потом одним махом скупил полдюжины участков на холме, под боком у строящегося Французского археологического института. Еще дальше, в районе Политехнической школы и Национального музея, он за бесценок купил целые кварталы незастроенной земли.

— В один прекрасный день наши дети унаследуют половину Афин. А сейчас надо оправдать упреки Екатерины и стать скупым.

7

Ребенок родился относительно спокойно и безболезненно. Доктор Веницелос принял его в матримониале, звонко похлопал по попке. Дитя заорало голосом своего отца, когда тот бывал в гневе. Карауливший за дверью, он тотчас ворвался в комнату.

— Что, доктор, мальчик?

В его голосе было скорее утверждение, чем вопрос.

— Еще не знаю. Не посмотрел.

— Так посмотрите, ради бога!

Доктор повертел в руках пухлый розовый комочек.

— Девочка. Прелесть. Примите поздравления. Генри подавил разочарование и повернулся к жене:

— Как ты себя чувствуешь, Софидион?

— Прекрасно. Ты очень огорчен, Генри? Он наклонился и поцеловал ее в лоб:

— Добрая лоза приносит хороший урожай.

Через несколько дней она уже была на ногах и охотно, почти с чувственным удовольствием давала ребенку грудь. Теперь, когда Генри стал отцом, ее отношение к нему чуть переменилось: он стал рода ее, они вместе произвели новую жизнь. Генри полюбил девочку и проводил с ней много времени, от первоначального огорчения не осталось и следа. Он настаивал, чтобы дочь назвали Андромахой.

— Почему Андромахой? — недоумевала Софья. — Лучше что-нибудь простое: Мария, Лукия, Навсикая…

— Потому что Андромаха—одно из благороднейших имен в греческой древней истории.

Труднее было уладить другие проблемы. Семейство Энгастроменосов с таким подъемом встретило появление внучки и племянницы, что и родители, и братья, и сестры торчали в доме на улице Муз круглосуточно, пичкая мать и ребенка своей восторженной любовью. Энтастроменосы в таком количестве были уже не под силу Генри.

— Я еще не настоящий грек, я не могу ходить на голове двадцать четыре часа подряд. Пожалуйста, упорядочь как-нибудь этот поток, дай мне немного покоя.

Софья была крестной матерью первого ребенка своей сестры Катинго. Теперь крестным отцом их девочки вызвался быть Спирос. Софья созвала помощниц и стала готовить крестинный обед. В саду расставили длинные деревянные столы в расчете на сотню гостей. Генри купил несколько ящиков шампанского. Спирос пакетами приносил засахаренный миндаль, Софья заворачивала его в розовый тюль.

В воскресенье утром взяли экипаж и отправились в церковь Богоматери. Только что кончилась служба. Маленькая, уютной византийской архитектуры церковь внутри покоряла благородной простотой, скромностью интерьера, закопченного из века в век кадящим ладаном. Столбы и полукруглые перекрытия делили церковь на четыре части, из которых центральная была самой большой и уходила под купол. Над одиннадцатифутовыми колоннами неотделанного мрамора стены и потолки были расписаны фресками. В центре, над головами, парил Христос в золотом венце.

Все сгрудились около высокой иконы «Успение богородицы». Вырезанная на деревянной плите, она была сплошь усеяна золотыми кольцами, браслетами и распятиями. Спирос всем зажег свечи, и каждый поставил свою свечу на подсвечник Приснодевы. По правую руку Христа со стен и потолка смотрели святой Иоанн, святой Харлампий и два архангела, по левую руку

— Мария с младенцем Иисусом, «Успение богоматери», двенадцать апостолов и еще два архангела. Внизу справа было место епископа. Беломраморную кафедру украшала кружевная резьба.

Церковь быстро наполнялась, у всех, включая детей, в руках были свечи. Перед самым началом обряда Софью попросили выйти и ждать на паперти у вторых дверей. Из алтаря вышел священник, скрипя шелком длинного белого фелоня, окаймленного нежно-голубой лентой. Спирос извлек бутылку оливкового масла, кусок мыла, благовония. Взяв в руки высокую свечу, обернутую в шелковую ткань, он подступил к алтарю.

— Каким именем нарекаете дитя?

— Андромаха.

Ребятишки стрельнули из церкви, спеша сказать Софье имя ее дочери. Самому проворному она дала припасенную монетку. Теперь ей можно было вернуться в церковь.

На алтарных ступенях уже стояла купель—большая бронзовая лохань с ручками по обе стороны. Дьячок наполнил ее сначала горячей, потом холодной водой. Андромаху раздели, священник снял фелонь, засучил рукава рясы и взял ребенка. Дьячок открыл бутылку и плеснул масло Спиросу в руки, сложенные ковшиком. Спирос умастил маслом тельце девочки, после чего священник трижды окунул ребенка с головой, восклицая:

— Крещается раба божия Андромаха.

Перепуганная Андромаха вопила так, что, казалось, от ее крика содрогнутся лампады, на трех цепях свисавшие с потолка. Ее быстро отнесли в дальний угол и запеленали. На шейку повесили золотой крестик на тонкой золотой цепочке.

Родители принимали поздравления, целовались с гостями. Катинго оделяла всех пакетиками конфет. Самый большой предназначался Спиросу, изнемогшему от поздравлений.

Когда они стали показываться в обществе, Софья убедилась, что в груди и бедрах она немного раздалась. Платья стали тесны. Она попросила Генри сходить с ней в лавку отца и подобрать ткани для новых туалетов.

— Разве нельзя выпустить старые? — спросил он.

— Зачем? Будет уже не тот вид. Ты всегда очень щепетильно относился к тому, как я выгляжу на людях.

— Я хочу, чтобы сейчас мы ни на что не тратились.

— Но, Генри, это же сущие пустяки… Он только холодно взглянул на нее.

Она надеялась, что рождение ребенка ознаменует благоприятную перемену в их делах: они получат фирман и станут деятельно готовиться к поездке в Гиссарлык. Но

проходили дни, а новостей все не было, и Генри не находил себе места. Именно в это время отцу и брату Александросу приспичило просить у него очередное вспомоществование. Они заманили Генри в лавку, продемонстрировали расширившийся — благодаря его кредитам—ассортимент товаров и попросили новых дотаций, чтобы окончательно встать на ноги.

Генри отказал: они хорошо распорядились его помощью и теперь могут покупать товары за свой счет.

Мадам Виктория хотела вернуться в Афины, быть поближе к Софье и внучке. Может, Генри купит им дом? Они будут платить, как всякий другой жилец.

Генри отказал и в этом. Софья с обеих сторон выслушивала сетования и снова оказалась меж двух огней.

И опять в доме стало неспокойно. У нее возобновились желудочные спазмы. Генри растравлял себя мыслью, что смертельно обидел министра, который, разумеется, не преминул рассказать о дикой сцене великому визирю. Возможность раскопок была окончательно потеряна. А с этим и ему конец. Опозорен! Чего теперь стоят его разглагольствования о том, как он раскопает Трою? Он выставил себя круглым дураком. Люди будут смеяться над ним, отвернутся от него. Как жить дальше? Бежать? Бежать из Греции? От Софьи? Спрятать стыд где-нибудь в богом забытом уголке, где никто не прослышит о его позорной неудаче? В июне ему так и так надо было ехать в Константинополь, и они решили, что это даже лучше — чтобы не томиться напрасно. В ночь перед его отъездом Софья долго молилась перед иконой.

— Сладостная божья матерь, услышь меня, недостойную, и помоги, потому что сама себе — какая я помощница? В своей бесконечной мудрости и милосердии помоги своему любящему чаду. Смягчи сердца турецких начальников, пусть они разрешат Генри начать раскопки. Тогда мы вдвоем поедем в Трою. Я ничего не прошу больше—только работать бок о бок с мужем и найти бессмертный город Гомера. Для этого мы поженились, этим дышит наша любовь, и без этого мы просто не выживем, я и Андромаха. Я оставлю дочку в Колоне, ей будет хорошо, а сама уеду с Генри в Троаду, в истинный дом нашего брака. Именем Христа прошу тебя. Аминь.

Утром Генри уехал в Пирей.

Для Софьи и Андромахи потекли неспешные недели. Софья возобновила занятия английским языком—дважды в день. В начале августа из Лондона пришла телеграмма: «Поздравляю мою драгоценную Софью. У меня в руках официальное разрешение турков начинать раскопки. Прими мои благодарность и любовь за

долгое терпение и помощь. Работая вместе, мы внесем свой вклад в мировую культуру.

Твой горячо любящий муж Генри».

Слезы струились у нее из глаз. Она взяла на руки девочку и осыпала ее поцелуями.

— Теперь все будет хорошо, Андромаха! В полдень пришла мать.

— Генри возвращается через несколько дней, — сообщила Софья. — Мы быстро купим все необходимое и уедем в Дарданеллы. Андромаху я оставлю на тебя. Все наши ее любят. Ей будет хорошо. Мы кончим, когда начнутся зимние дожди…

Книга третья. Не скоро дело делается

1

Софья была очарована Константинополем. Порт кишел судами и суденышками, по узким улочкам растекалась пестрая разноплеменная толпа: турки, арабы, татары, монголы, египтяне — все в национальных костюмах. С балкона их номера открывался вид на Босфор, до Малой Азии рукой подать, с минаретов, подпиравших небо, муэдзины сзывали правоверных к намазу. Генри водил ее по городу—сверкающие куполами минареты, мощенные булыжником, перекрытые каменными галереями улочки старого города, садики за высокими заборами, тесно прильнувшие друг к другу луковицы царьградских церквей. На огромном крытом базаре сотни ремесленников сидели, скрестив ноги, в темных, как ночь, нишах, и по обе стороны длинных и узких проходов теплились огоньки, отражаясь в медных и серебряных поделках.

Однажды в полдень, возвращаясь в свой отель, они проходили мимо турецкой бани, и Генри спросил, не хочет ли она испробовать это удовольствие.

— Если ты пойдешь со мной, — озадаченно ответила она.

— Я проведу тебя и заплачу двадцать два пиастра, но оставаться на женской половине мне нельзя, как женщине нельзя быть в мечети на вечернем намазе.

Чувство растерянности, в котором ее оставил Генри, скоро сменилось самым настоящим потрясением. Она только начала раздеваться, как подоспели две совершенно голые мегеры и в миг содрали с нее всю одежду. Ей вручили льняную простыню, пару деревянных сандалий и провели в сверкающий чистотой беломраморный зал. Через пазы в стенах, полу и потолке поступал жар. Она сразу покрылась обильным потом. В десяток ванн непрерывно изливалась горячая и холодная вода, стояли деревянные скамьи.

Страховидные амазонки покрыли скамью простыней, уложили хватавшую ртом горячий воздух Софью животом вниз и принялись скрести махровой тряпкой, потом перевернули на спину и, вымыв голову, прошлись до пальцев ног. Она чувствовала себя беспомощной, как ребенок, и с трепетом ожидала, что будет дальше. Ее ополоснули горячей, потом

холодной водой, поставили на хлюпающий пол, обернули в две простыни и отвели в соседнее помещение, на удобный диван.

Она ничего не чувствовала, кроме слабого покалывания в онемевшем теле, и через минуту-другую уже спала крепким сном. Когда она проснулась, на спинке стула висела ее одежда. Она оделась и вышла, и еще долго у нее в ушах звучали слова содержателя бани:

— С такой красотой и здоровьем мадам Шлиман мало одной жизни.

Генри ждал ее в номере. Он тоже не удержался от комплимента и прибавил:

— Теперь целые два месяца вместо бани у нас будет только море.

Она неуверенно рассмеялась в ответ.

Фирман был на руках, великий визирь и Сафвет-иаша им благоволили, и можно было наконец позвать на «праздничный обед» друзей из американской и британской миссий — Уэйна Маквея и Джона Портера Брауна. Генри столько о них рассказывал, а она только теперь впервые увидела его друзей. За лето она хорошо продвинулась в английском, и время за обильным пловом протекало весело.

Генри заказал каюту на пароходе «Шибин»: он на собственном опыте убедился, что у капитана этой посудины лучшее во всем флоте вино. Мраморное море проходили ночью. Они пораньше отправились спать, чтобы быть на ногах, когда пароход войдет в Дарданеллы, отделявшие Европу с Галлипольским полуостровом от Малой Азии. Утро было холодное. Капитан пригласил их на мостик, и они долго любовались зелеными гористыми пейзажами по обе стороны пролива—они наплывали издали, и вот они уже рядом с бортом.

Навстречу, из Греции и Италии, поднимались в Мраморное море побитые штормами грузовые судна. Примерно в трети пути до Эгейского моря, в самой узкой части пролива, «Шибин» вошел в красиво расположенный порт Чанаккале, столицу северной турецкой провинции в Малой Азии. Капитан обещал проследить, чтобы при разгрузке с их багажом обращались осторожно. Мальчишки подхватили ручную кладь, и все отправились в маленькую портовую гостиницу Николаидиса.

— Надо немедля пойти к губернатору, — рассуждал на ходу Генри. — Он тоже должен подписать фирман. Министр предупреждал, что это непременно нужно сделать: тогда наши раскопки будут узаконены и местными властями. А потом наймем повозки и лошадей, погрузимся—и в Гиссарлык.

Они не прошли по городу и нескольких минут, а Софья уже

была переполнена впечатлениями. Оживленный портовый город, Чанаккале при ближайшем знакомстве оказался грязной деревней: на изрытых колеями улицах с трудом разминались караваны верблюдов, вереницы тяжело нагруженных осликов, повозки с лесом на вывоз в Европу, стаями ходили бездомные собаки. Лавки размещались в каких-то тесных клетушках, внутри была кромешная темнота, да и смотреть там было не на что. Были здесь и греческие кофейни и рестораны с написанными от руки греческими вывесками.

— А мне-то казалось, что мы в Турции, — сказала Софья.

— Греки открыли это место раньше нас с тобой. Климат и вообще местность здесь так похожи на Грецию, что они эмигрировали сюда на протяжении столетий. Здесь всегда было много хорошей земли.

Губернаторский дом стоял на главной улице, неподалеку от пристани. Бросив взгляд в глубину узкой улицы, Софья поразилась тому, что фасады многих домов были не более двенадцати футов в ширину.

— Генри, почему они такие узкие? Земля дорогая?

— Нет, я думаю, что из-за холодных ветров, которые дуют зимой с Эгейского моря. Они вытягивают свои дома, чтобы меньшей площадью встречать ураганы.

Губернатор Ахмед-паша, статный смуглый господин с неулыбчивым лицом, встретил их по-турецки гостеприимно, велел подать кофе. Он обстоятельно изучил фирман и вполне доброжелательным голосом объявил:

— Министр общественного просвещения уже известил меня, что вы приедете в Чанаккале и с какой целью. Однако на основании этого фирмана я не могу дать вам разрешение на раскопки в Гиссарлыке.

Софья от изумления замигала, а Генри открыл рот.

— Но… почему?! У меня официальное разрешение, вы держите его в руках!

— В документе недостаточно определенно обозначены границы местности, на которой вы намерены производить раскопки. Я должен получить от великого визиря более точные указания.

Софья сделала Генри предостерегающий знак, но тот еще вполне владел собой.

— Ваше превосходительство, мы с женой намерены проработать здесь несколько лет. Мы рассчитываем на ваше дружеское участие и поддержку. Если вам нужны более ясные инструкции из Константинополя, то окажите мне любезность сделать телеграфный запрос. И чтобы вам ответили тоже

телеграфом. Само собой разумеется, я возмещу все расходы.

— Я бы охотно это сделал, доктор Шлиман, но это не поможет.

— Почему же?

— Мне нужна более подробная карта, а этого телеграф не передаст. Наберитесь немного терпения, сэр: через несколько дней все образуется.

Генри послал Софье молящий взгляд, и, хотя женщине не полагалось вступать в деловой разговор, она все же рискнула.

— Ваше превосходительство, в любое время эти несколько дней отсрочки не имели бы особого значения, но ведь сегодня двадцать седьмое сентября. Если я не ошибаюсь, сезон дождей начинается у вас в ноябре?

— Совершенно верно, миссис Шлиман. Начнутся проливные дожди.

— В таком случае вы понимаете, как дорог нам каждый час. Может быть, вы разрешите нам начать раскопки, а фирман подпишите, когда прибудет новая карта?

— А если вы будете копать в неположенном месте? У меня будут неприятности.

«Боже мой, — думала Софья, оглядывая просторный, хорошо обставленный кабинет, высокими окнами глядевший на пролив, — он боится за свое место».

— Губернатора тоже можно понять, — сказала она Генри, — я уверена, он уже сегодня отправит запрос в Константинополь.

Генри что-то проворчал, и она решила, что при его вспыльчивости он вел себя достаточно благоразумно.

— Давай зайдем к Калвертам, — предложил он. — Это близко.

С главной улицы, тянувшейся вдоль берега, они свернули в высоченные железные ворота. Вверх взбегала каменная лестница, упираясь в полукруглые резные двери, перед которыми они помедлили, чтобы оглядеться. На пяти десятинах раскинулся сад, с трех сторон окруженный высоким кустарником и деревьями. Они увидели прудик в форме контурной карты Англии, розарий, фонтаны, цветники, маленький театрик, тропинки, обсаженные цветущими кустами, детский домик с открытыми верандами — у них уже глаза разбежались, а еще были беседки, псарня, конюшня… И куда ни глянешь, всюду буйствует зелень.

— В жизни не видела ничего красивее этого парка.

— Здесь раньше была болотистая низина, — усмехнулся Генри. — После дождей по полгода стояла вода. Фрэнк Калверт за бесценок купил эту грязь и вбухал в нее тысячи повозок земли с ближайших холмов. Этот парк он разбил для своей семьи.

Огромный, в двадцать комнат особняк был выстроен в стиле итальянского Ренессанса, с роскошными окнами, увенчанными резными каменными карнизами и сводами. На втором этаже, в самом центре, повис балкон, на него выходили три застекленные створчатые двери.

Лакей впустил их в дом. В окна столовой и библиотеки был виден парк, из гостиной же и спален верхнего этажа взгляд убегал через Дарданеллы к зеленым холмам Галлипольского полуострова.

— Примерно такой дом я хочу построить для нас на Панепистиму. Вид у нас будет немного другой — на Старый Фалерон и Пирей.

У балконных дверей музыкальной комнаты их и застал Фрэнк Калверт. Поднимался ветер, вода была неспокойной, на вымощенную камнем прогулочную дорожку выбрасывало охапками зеленые водоросли. Калверт оказался высоким худощавым блондином с агатовыми глазами и редкой полоской усов. Он был в костюме, при галстуке, в начищенных ботинках — хоть сейчас в палату лордов. Моложавый—ему не дать его сорока трех лет, но за внешней выдержанностью Софья почувствовала в нем какую-то гложущую тоску.

— Наконец-то! Мы с миссис Калверт заждались вас. Фрэнк, как и оба его старших брата, родился на Мальте в семье английского консула. Консулом стал и сын-первенец Фредерик, проторивший братьям дорогу в Троаду: следом за ним сюда явился первый консульский агент Соединенных Штатов Джеймс Калверт, средний брат. Втроем братья владели значительной частью троадской земли.

— Сколько времени вы предполагаете пробыть здесь до отъезда в Гиссарлык?

— Несколько дней, пока губернатор не получит новую карту из Константинополя.

— В таком случае вы должны остановиться у нас. Здесь нет приличной гостиницы. Я отправлю экипаж за вашими вещами.

После неторопливого обеда мадам Калверт сразу ушла к своим четверым заждавшимся чадам. Калверт провел гостей в библиотеку, словно целиком перенесенную из Англии, из какого-нибудь загородного дворца: все стены сплошь уставлены книгами сэра Вальтера Скотта, Вордсворта, Теннисона, Диккенса, Теккерея, на кожаных корешках горят золотые, серебряные, красные буквы. Фрэнк затопил камин и глубоко уселся в красное кожаное кресло.

— В каком положении ваше ходатайство правительству Ее величества? — заботливо осведомился Генри.

Помолчав, Калверт поднял на него потухшие глаза.

— В неподвижном положении… Сколько я ни стараюсь подтолкнуть. Ваша жена знает о моем деле?

— Я ей не говорил.

— Тогда я лучше скажу, пока меня не оболгали другие. Он развернул тяжелое кресло и сел напротив нее.

— Я составил состояние лет пятнадцать назад, во время Крымской войны. Я был здесь единственным англичанином, который знал турецкий и греческий языки, мои братья не в счет— они занимали официальные должности, им нельзя было ни во что вмешиваться, — и получилось, что я один только и мог снабжать провиантом британский флот. Я старался не за страх, а за совесть —не проворонил ни одной овцы, ни единого мешка зерна в этой части Малой Азии. Если бы не я, наш флот в Дарданеллах голодал бы и русские могли выиграть войну. Я щедро расплачивался с крестьянами, они забыли думать про свои рынки. Естественно, что и с правительства я запрашивал более высокие цены. После войны они прислали сюда специальную комиссию. Комиссия собрала сведения, по каким ценам я закупал продовольствие, и потом заявила, что я оставлял себе четыреста процентов дохода. Назвали это спекуляцией, заочно осудили меня в Лондоне, объявили предателем и приговорили к смертной казни. А в войну, — помолчав, добавил он, — эти цены их устраивали, потому что деваться им было некуда…

Софья понимала теперь, какая тоска туманила его глаза. Совсем молодым, двадцати шести лет, он напал на случай разбогатеть, не растерялся и стал миллионером. В сущности, он стал владетельным Троадским князем, поскольку необходимость работать отпала навсегда: деньги он держал в швейцарских банках и британское правительство было бессильно добраться до них.

Когда они остались вдвоем в отведенной им спальне, Софья сказала:

— Как все странно! Мистера Калверта англичане приговорили к смерти, а тебя за такие же поставки русские осыпали почестями.

— Мы довольствовались разными процентами, Софья. С каждой своей поставки британскому флоту Фрэнк имел четыреста процентов прибыли. Положим, он платил за отару овец сотню долларов, а продавал он ее англичанам за пятьсот. Четыреста долларов клал в карман.

— А ты какую прибыль имел?

— Весьма достаточную, но приходилось считаться с войной. Если груз обходился мне в сотню долларов, я запрашивал за него

с русских примерно двести пятьдесят и, стало быть, оставался с прибылью в сто пятьдесят долларов или около того. К концу войны я выручил четыреста тысяч долларов. Если бы я продавал по ценам Фрэнка, то подобрался бы к миллиону. Но не спеши поздравлять меня с благоразумной сдержанностью, тут есть одно немаловажное обстоятельство: Фрэнк был вне конкуренции— никакой правительственный снабженец не купит отару овец за сотню долларов. А в Петербурге многие купцы могли поставлять царю индиго, и, назначая свою цену, я считался с конкуренцией: стоило мне зарваться, и я бы сразу потерял все свои контракты. Вот поэтому я в России герой, а Фрэнк в своей Англии— предатель.

— Генри, ты скромничаешь. Тебя не узнать.

— Пожалуйста, не заблуждайся на мой счет. Я никогда не упускал свою выгоду. Начало своему состоянию я положил торговыми делами задолго до Крымской войны. Потом я удвоил капитал в Сакраменто, это в Калифорнии, я ездил туда поставить памятник на могиле брата. Он умер от лихорадки, был очень удачливым старателем. Я хотел распорядиться его имуществом, но его компаньон скрылся со всеми деньгами.

— Ты никогда не рассказывал мне о золотых приисках, хотя я знаю, что тебе там очень везло.

— Везло, только я не был золотоискателем. Когда в 1851 году я через Панамский перешеек добрался до Сан-Франциско, на приисках негде было яблоку упасть. Я видел, что большинство золотоискателей являлись в Сакраменто уже без гроша в кармане. Им нужны продукты, инструменты, а в кредит им никто не верил —слишком мала вероятность, что они вернут аванс. Двенадцать процентов в месяц была обычная ставка. Я связался с лондонским банком Ротшильда и открыл собственный банк. Мои дела сразу пошли в гору. К началу Крымской войны у меня был большой оборотный капитал. Деньги к деньгам — это верно сказано, крошка. Но уже можно было остановиться: трех состояний должно хватить на то, чтобы разрыть Трою. И вот мы здесь, смотрим на Дарданеллы, и впереди нас ждут великие дела.

Укутываясь теплее мягким шерстяным одеялом, Софья уже сквозь сон пробормотала:

— Неисповедимы пути, которыми Господь творит свои чудеса.

Прошло одиннадцать мучительных дней, прежде чем Константинополь дослал карту. Пожалуй, больше всех ей радовался губернатор, замученный преследованиями Генри Шлимана. Софья проводила дни с миссис Калверт: женщины читали, гуляли в парке, куда им подавали ленч и вечерний чай

«по-английски»: сандвичи с помидором или огурцом, лепешки с маслом и джемом, бодрящий темный чай. Калверты жили по-королевски, в окружении слуг, сторожей и садовников. Генри пропадал в городе, оправдываясь важными делами, и Софья только радовалась его способности с головой уходить даже в малое дело, потому что сейчас как никогда ему надо было чем-то себя занять. И он не без толку бегал: нанял крепкую арбу для инструментов, удобный дорожный экипаж и смотрителя, обязанностью которого было присутствовать при раскопках и обеспечивать Оттоманскому музею оговоренную половину находок. Этого надзирателя звали Георгий Саркис, он был армянин, второй секретарь судебной канцелярии. Генри согласился выплачивать ему жалованье—двадцать три пиастра в день (это девяносто два цента).

Церемония подписания губернатором фирмана совершилась в полдень. Софья и Генри рано пообедали, обняли на прощание Калвертов и в начале второго тронулись, рассчитывая попасть в Хыблак до темноты. Еще раньше ушла их арба с тачками, лопатами, постельным бельем и прочим снаряжением. Сначала дорога шла равниной, вдоль Дарданелл, припекало солнце, лазурное небо сливалось с лазурным морем. Но вот начались горы, лошади с трудом одолевали перевалы. Генри сошел с экипажа, пошел рядом. Их обступал изумрудно-зеленый лес, деревья клонили друг к другу вершины, заботливо принимая их под свою сень.

Они сделали только одну остановку — выпили кофе в деревушке Ренкёй, а поужинали уже в сумерках, не выходя из экипажа и добрым словом поминая повара Калвертов.

Было совсем темно, когда они свернули с главной дороги на проселки, изрытые колеями. К счастью, местность была ровная, а возница знал дорогу. Около девяти часов вечера они въехали в Хыблак, объятый глубоким сном. Деревушка состояла из ветхих саклей и была вдоль и поперек изрезана вязкими от грязи улочками, едва пропускавшими в одну сторону крестьянскую арбу.

— Как ты найдешь в такой темноте наш дом? — беспокоилась Софья.

— Это единственный во всей деревне двухэтажный дом. Смотри, мы еще не разбудили ни одной собаки, а то проснулась бы вся деревня.

На дальнем краю деревни забрехала собака.

— Мучается бессонницей, — пробормотал Генри.

И сразу со всех сторон накатил разноголосый лай и повозку облепила дюжина худых, как тени, дворняг.

Генри тронул возницу за плечо, и повозка свернула в загаженный дворик, обнесенный каменной стеной. В одном углу Софья разглядела хлебную печь, в другом амбар, а между ними длинный крытый хлев, с крышей, словно сошками прижатой развилистыми сучьями. Отворилась боковая дверь, и с масляной лампой в руке вышел хозяин. Драмали, в полосатой шерстяной рубахе ниже колен и ночном колпаке.

— Ни днем ни ночью покоя, — ворчал он. — Подождали бы. когда рассветет.

— Где прикажете ждать? — поинтересовался Генри. — С овцами? Посветите, мы поднимемся в свои комнаты.

Ворча под нос, хозяин провел их по деревянной лестнице в комнаты, заказанные Генри через агента в Чанаккале. Софья из Афин взяла превосходные лампы и масло, но сейчас они ночевали в арбе вместе с простынями, одеялами, подушками и средствами от насекомых. Она придирчиво осмотрела слежавшийся матрац.

— Оставь, Софья: они все равно наползут.

— Значит, надо было брать и матрац.

— Ах, какой же я дурак! Конечно, надо было взять! Постой, кажется, пришла наша арба. Пойду принесу лампы и простыни.

Они залили лампы маслом и при свете осмотрели матрац. Он кишел клопами. Софья взяла непочатую бутыль янтарного масла, разыскала среди вещей щетку и методически смазала матрац сверху и по бокам, после чего Генри перевернул его и все повторилось в том же порядке. Сам Генри протирал зеленым медицинским спиртом металлическую раму кровати и опаливал ее огнем, сняв с лампы стеклянный абажур и прибавив фитиль. Софья протерла весь матрац еще и спиртом и открыла окно проветрить комнату, напустив лишь запахи скотного двора. На столик в изголовье постели она поставила свою икону богоматери, достала из чемодана ночное белье, туго заправила под матрац свои, домашние простыни, расстелила два одеяла, бросила пару своих подушек в мягких льняных наволочках, наладила вешалки для одежды, погасила свет и, не чуя под собой ног, забралась в постель.

— Хоть бы эти клопы угомонились, — взмолилась она. — Я чувствую себя совершенно разбитой.

— К утру пройдет, — утешил ее Генри.

Небо на востоке только заалело, когда он разбудил ее.

— Быстренько одевайся, мой ангел, я хочу, чтобы первый восход солнца здесь ты увидела с Гиссарлыка.

Она плеснула в лицо холодной водой, почистила зубы, надела коричневое ситцевое платье, которое родные находили чересчур простеньким, а для работы оно как раз. потом обула

башмаки на толстой подошве, знакомые с мостовыми Палермо, Неаполя и Рима. И как ни поторапливал ее Генри, она еще собрала постель, снесла вниз простыни и одеяла и знаками объяснила хозяйке, чтобы та потом разложила их на солнце.

В теплой хозяйской кухне они выпили кофе, но не смогли заставить себя что-нибудь съесть.

— У нас в Турции говорят, — заметил Драмали, — что утром мы еще сыты сном, а уж днем придется поесть.

Генри отмерил две порции хинина по четыре грана: они будут принимать его каждое утро, потому что летом и осенью в Троаде непременно свирепствует малярия. Пройдя через дворик, служивший одновременно загоном для скотины, они вышли в поле и, не разбирая дороги, направились прямо к Гиссарлыку. Поле было запущенное, на нем распоряжались одни овцы. В сером предрассветном воздухе оно казалось покрытым грязноватым снегом. Софья наклонилась и не поверила своим глазам: вся земля устлана битыми глиняными черепками, на некоторых еще различались следы раскраски. Она подняла ручку от вазы, потом горлышко, опознала днище, осколки круто выгнутых стенок.

— Генри, — возбужденно воскликнула она, — я ничего не понимаю! Здесь миллионы черепков! Но ведь это не мусорная свалка?

— Нет, конечно, — улыбнулся ее простодушию генри.

— Это и не манна небесная — значит, на поверхность все это вымыли дожди?

— Ты попираешь останки давно умершего города.

В ее больших темных глазах зажглось изумление, щеки раскраснелись.

— Ты что же, знаешь, что лежит под нашими ногами?

— Там большой римский город второго или третьего века новой эры. Археолог нашел бы здесь улицы, протянувшиеся на целые мили, дома, лавки, храмы. Только никто не станет здесь копать: работа гигантская, а город слишком молод, чтобы представлять интерес.

С трудом поспевая за его размашистым шагом, Софья польстила ему:

— Это то, что ты называешь nouveau arnvee [14] на сцене истории?

— Совершенно верно. Нам же предстоит заниматься цивилизацией, которую еще никто не нашел и не исследовал.

Первое троянское поселение возникло в двухтысячном году до новой эры, хотя своего расцвета Троя достигла лишь во времена Приама, в тысяча двухсотом году. Когда мы с лопатой пробьемся в эту глубину веков, храмы расскажут нам об их

религии, таблицы научат языку, поведают судьбу царских династий; взяв в руки их оружие, мы узнаем, как они убивали своих врагов, монеты расскажут, как торговали, в погребальных урнах дойдет до нас прах их предков. Мы всмотримся в фундаменты их домов и поймем, хорошо они жили или бедно, как готовили пищу, что ели. Золотая, серебряная и бронзовая утварь покажут, на каком уровне были у них художественные ремесла… Мы найдем их сокровищницу…

В продолжение этой речи Софья понимающе кивала головой, а когда он кончил, воодушевленно подхватила:

— Самые лучшие исторические книги еще лежат под спудом —ты это хочешь сказать? Что самые живые свидетельства скрыты вот здесь и от нас зависит, чтобы они заговорили?

— И день за днем во всем отчитались. Ты способная ученица, Софидион. Я поделю на двоих свою докторскую степень, и в Германии тебя будут звать «фрау доктор Шлиман».

— Слишком много чести, — усмехнулась она.

2

С виду это был обыкновенный холм, только повыше и покрупнее многих. Овцы с неутолимым прожорством общипывали на нем траву. Отлогий юго-восточный склон холма был почти лыс. Они взошли на холм, он возвышался над равниной на восемьдесят футов; в северо-западной части холм взмывал еще на двадцать шесть футов, там была его плоская вершина. Справившись по записной книжке, Генри объявил Софье результаты своих прежних обмеров холма: примерно тысяча футов в длину и чуть более семисот в ширину. Но даже здесь, на месте, эти цифры мало о чем ей говорили: нужно было эти размеры соотнести с чем-то, что она хорошо знала.

— Это больше площади Конституции, да, Генри? В длину это будет примерно расстояние от королевского дворца до Арсакейона, а в ширину — как Акрополь, да?

Генри посмеялся над ее «школьной географией», но в целом признал ее верной.

За их спиной неспешно, словно неуверенное в своей своевременности, всходило солнце, желтой дымкой окуривая Троянскую долину — некогда поливаемый кровью треугольник земли, лежавший прямо перед ними; засеребрилось широкое лоно

Скамандра, притекшего с юга, отливал серебром и худенький северный пришелец—Симоис. Солнце высветило горизонт, и Софья разглядела, где обе реки вливались в Дарданеллы и—еще

дальше—где воды пролива сливались с Эгейскими водами. Обмирая от волнения, она смотрела, смотрела…

Всего в трех милях к западу начиналось Эгейское море, а на том же расстоянии к северу, в Кумкале, была последняя перед морем защищенная бухта в Дарданеллах, здесь на берегу десять лет ждал на суше своих героев ахейский флот. Неподалеку высилось несколько курганов, в которых, как разъяснил Генри, согласно народному преданию, могилы Ахилла, Патрокла, Аякса и Приама. Фрэнк Калверт раскопал могилу Приама, но ничего не нашел.

По высокому берегу Скамандра цепочкой тянулся караван из семи верблюдов, связанных веревкой, а впереди на лошади ехал человек. Генри показал рукой налево: там на гребне холма ютилась деревушка Енишехир, под ней лежал древний Сигей. Дальше, в море, видны острова Имброс, Самофракия. Оставляя в пронзительно голубом небе темный дымный шлейф, из Геллеспонта в Эгейское море вползал черный пароходик.

В двух милях от берега, еще левее, к югу, лежал остров Тенедос (по-турецки — Бозджаада). За этим островом, вспомнила Софья, за его широко раскинувшимися берегами спрятался весь ахейский флот, когда греки сделали вид, что снимают осаду Трои и отправляются домой, принеся в дар Афине-Палладе деревянного коня. В коне спрятались Менелай, Одиссей, сын Ахилла Неоптолем и другие ахейские герои. Троянцы втащили тяжелого коня через Скейские ворота и доставили на Акрополь, где более дальновидные из них требовали сбросить его с отвесных северных укреплений. Однако победили несогласные. Троя заснула. Ахейский флот ночью вернулся в бухту, и ахейцы, выйдя из деревянного коня, открыли ворота. Воины ворвались в Трою и сожгли «бессмертный город». Они перебили почти всех мужчин, увели в рабство женщин и детей, разграбили город, оставив после себя голые камни и пепел.

— А греки еще гордятся, что победили Трою! Чем тут гордиться, если мы победили обманом? Если десять лет осады ни к чему не привели? Если в честном бою мы не одолели троянцев?

Генри привлек ее к себе, оберегая от холодного утреннего ветра.

— Трою нельзя было победить: она была под покровительством отца богов Зевса.

— И как же повел себя отец богов, когда греки так остроумно и не совсем порядочно обошлись с троянцами?

— А наверное, так же, как в том случае, когда его обвела вокруг пальца сестра-супруга Гера, — подумав, ответил Генри. — Вот что рассказывает Гомер:

Начала думы вращать волоокая Зевса супруга.
Как обольстить ей божественный разум царя Эгиоха?
Лучшею сердцу богини сия показалася дума:
Зевсу на Иде явиться, убранством себя изукрасив.
Может быть, он возжелает почить и любви насладиться.
Видя прелесть ее. а она и глубокий и сладкий.
Может быть, сон пролиет на зеницы его и на разум.

И когда Зевс увидел Геру, он ей быстро ответствовал:

Ныне почием с тобой и взаимной любви насладимся.
Гера, такая любовь никогда, ни к богине, ни к смертной.
В грудь не вливал ас я мне и душою моей не владела!

Взглянув на его разгоревшееся лицо, Софья подумала: «Во что он верит—то для него только и существует, а все остальное — ненастоящее».

А Генри продолжал:

— Оставив Зевса спящим в объятиях Геры, Сон-усладитель отлетел к лагерю осаждаемых ахейцев и возбудил бога морей Посейдона. Тот принял человеческий облик и встал впереди ахейцев, которые отогнали троянскую рать обратно к городским стенам, перебив множество славных мужей. Таковы плоды вмешательства богов в людские дела. И в случае с троянским конем коварная Гера, может статься, опять одурачила Зевса…

— И повергла его в такой глубокий сон, — увлеченно подхватила Софья, — что когда он проснулся, то Троя была уже разрушена и ахейцы отправились по домам.

— А добрались домой немногие. Агамемнон вернулся в Микены, но в первый же день был убит в собственном доме. Благополучно вернулся в Спарту Менелай с Еленой, зато Одиссей десять трудных лет добирался в свою Итаку и едва спас Пенелопу от буйных женихов. Великое же множество греков погибло в море на обратном пути, и вместе с ними кануло в вечность могущество доисторической Греции. Вскоре с севера вторглись дорийцы, потом пришли ионийцы. Микенская цивилизация пала, уступив место новой культуре.

— А начиналось все здесь?

— Да, малышка, здесь истоки всего, и завтра мы начнем их искать.

Перед холмом появился старший хозяйский сын с двумя лошадьми в поводу. Они спустились, и Генри подсадил Софью в седло.

— Вот когда пригодятся твои парижские уроки в манеже, — заметил он.

— По-моему, я научилась только падать.

— Это спокойная лошадь. Мы поедем тихо.

В первую очередь он показал ей источники у подножия круто вздымающегося холма — холодный и горячий, около них троянки стирали «одежды блестящие». Потом указал место, где около Скейских ворот рос дуб: здесь Гектор решился на поединок с Ахиллом, торопя исход войны.

— Сейчас нам нужно трижды объехать вокруг холма. Когда Гектор вышел на поединок с Ахиллом, его обуял страх, и он три раза обежал вокруг Трои, пока богиня Афина не остановила его и не побудила сразиться с Ахиллом. Есть ученые, которые верят в существование Трои, однако местонахождением ее называют деревушку Бунарбаши. Так вот, Бунарбаши Гектор ни за что не обежал бы три раза. А кроме того, она в восьми с лишним милях от Геллеспонта. Я там копал и ничего не нашел.

Покачиваясь в дамском седле, Софья спросила:

— Может быть, мы съездим как-нибудь в Бунарбаши? Я тоже хочу убедиться, что там не могло быть Трои.

Они удалялись от холма. Примерно милю тянулась низина, потом они поднялись на возвышенность, покато убегавшую к морю. Вскоре они подъехали к величественному Скамандру, несшему свои воды с горы Иды, летнего обиталища богов. Генри привязал лошадей к дереву. Берега густо поросли вязом, ивой, тамариском, камышами. Словно припоминая знакомое место, Софья огляделась вокруг.

— Так вот где в отместку за гибель своего друга Патрокла Ахилл перебил столько троянских юношей, что их трупы забили русло и преградили реке путь к морю! И тогда бог реки разгневался и погнал за Ахиллом могучий речной вал, едва не погубивший героя. Генри, — оборвав вдохновение, спросила она прозаическим тоном, — а вообще они существуют — речные боги? Мог он, например, залить водой эту долину, преследуя Ахилла?

— Он это делает каждую зиму. Сама увидишь в ноябре. Они снова сели на лошадей. Местность пошла заболоченная, уже пахло морем. Лошади грудью раздвигали высокую траву с багровыми метелками цветов. Софья подобрала ноги, подтянула

платье, чтобы не замочить. Они выбрались на место повыше и увиделч перед собой песчаную косу в форме полумесяца — последнюю бухту перед слиянием Дарданелл с Эгейским морем. Здесь же вливался в море Скамандр, уже принявший в себя воды Симоиса. Неподалеку раскинулась деревушка Кумка-ле, напротив нее, на Галлиполийском полуострове, стоял маяк. Генри спутал лошадей и воскликнул:

— Вот мы и добрались до лагеря, где десять лет стояли греки! Когда троянцы стали теснить ахейцев к кораблям, те возвели здесь оборонительную стену, вырыли широкий ров, укрепленный острым частоколом, чтобы не могли пройти троянские колесницы. И все же некоторые троянские воины прорвались через стену и крепостной ров и подожгли ахейские корабли.

Все это Софья знала и сама, но ей не хотелось портить Генри удовольствие.

— Еще до сооружения стены и рва троянцы, упорно сражаясь, добились превосходства. С наступлением сумерек они расположились станом в поле, намереваясь утром сокрушить вражеские заслоны и сбросить греков в море. Агамемнон публично повинился в ссоре с Ахиллом, расколовшей единство греческих сил. Когда Агамемнон покорил Хрису, он захватил в плен прекрасную дочь жреца Хрисеиду. Отец предложил за дочь выкуп, но царь обошелся с жрецом грубо, и тот умолил Аполлона наслать мор на ахейское воинство. Мор свирепствовал девять дней. На десятый Агамемнон был вынужден вернуть Хрисеиду отцу, но за это отнял у Ахилла Брисеиду, прелестную деву, которую Ахилл добыл в сражении под Фивами, недалеко от Трои, и к которой по-настоящему привязался. Тогда Ахилл поклялся, что не станет больше сражаться с троянцами. И вот на переговоры с Ахиллом отправились Одиссей и Аякс, чтобы предложить ему от имени Агамемнона

Десять талантов золота, двадцать лаханей блестящих;
Семь треножников новых, не бывших в огне, н двенадцать
Коней могучих, победных, стяжавших награды ристаний.
…
Семь непорочных жен. рукодельниц искусных, дарую.
Лесбосских … красотой побеждающих жен земнородных.
Сих ему дам; и при них возвращу я и ту, что похитил…

— «Илиаду» иногда называют «Гнев Ахиллеса» [15].— Софья вытянулась на песке рядом с мужем. — Наверное, я безнадежный романтик: мне нравится, что самый первый и самый лучший роман рассказывает о любви мужчины к женщине.

— Мы оба романтики, — обнадежил ее Генри. — Романтики перекраивают мир, а реалисты думают только о своей утробе.

Они проехали через рыбацкий поселок Кумкале, выехали на проселочную дорогу, добрались до главного тракта и скоро были в Ренкёе, где накануне останавливались выпить кофе. Этому городку три с половиной тысячи его жителей-греков сообщили настолько же греческий колорит, насколько Хыблак был типично турецкой деревней. Генри решил предпочесть Ренкёй и здесь нанять землекопов: здесь и народу больше, есть из кого выбирать, и греческий он знал лучше, чем турецкий.

— А как мы будем их нанимать? — спросила Софья.

— В каждой деревне есть старейшина. Обычно это человек в летах, крепкий потомственный хозяин. Найти его нетрудно: надо только с кем-нибудь завести деловой разговор—он тут же объявится.

После походов Александра Великого, начавшихся в 334 году до новой эры, на западном побережье Малой Азии навсегда утвердился греческий дух. Здесь бок о бок жили обе культуры, смешанные браки были редки, уровень жизни примерно одинаков в обеих общинах. Значительной была иммиграция с материка и греческих островов в девятнадцатом веке: крестьян манило обилие свободной земли. Например, в Смирне, большом и процветающем портовом городе в двухстах милях к югу, на девять тысяч греков приходилось лишь две тысячи турок.

Греческая община в Ренкёе вела обособленную жизнь: не было школы с преподаванием турецкого языка греческим детям, не было больницы, даже местной власти не было. Жили простой жизнью, как в библейские времена. В холодную погоду впускали скотину в дом. Мужчины работали ровно столько, чтобы семье хватило на пропитание, уделяя особое внимание делянке с табаком. В одежде соблюдали крайнюю умеренность: женщина обычно всю жизнь донашивала платье, в котором ходила к венцу. Мужчины годами не меняли брюки и куртку, сами латали прохудившуюся обувь. О деньгах здесь не имели понятия. Если в чем-либо назревала необходимость, то хозяин (а чаще — хозяйка) брал соху, запрягал вола и вспахивал лишний клочок земли, и в какое-нибудь воскресенье, навьючив мула, семейство отправлялось в Чанаккале на ярмарку, где излишек продукции выменивался на одежду либо посуду.

И действительно, едва Генри разговорился с первым

встречным, как старейшина уже прознал: в деревне чужие — и явился, как на пожар.

Это был человек не старый, хотя уже и не молодой. Его худое лицо заросло седой щетиной, забравшейся даже на самое темя. Одеяние выглядело таким же бессменным, как кожа. Немногие оставшиеся зубы пожелтели от трубки. Но Софья не преминула отметить, что поклон он отвесил самый церемонный. Они сошли с лошадей.

— Господин что-нибудь ищет? — спросил он высоким гортанным голосом.

— Мне нужны землекопы.

— Почтенный сэр, время упущено — земля осталась под паром. Теперь только весной можно будет копать.

В нескольких шагах была маленькая кофейня. Отодвинув давно выпитые чашки и мусоля потрепанные карты, завсегдатаи прислушивались к их разговору.

— Я не собираюсь ничего сажать. Я хочу раскопать.

— А что хочет раскопать господин?

— Холм. Гиссарлык.

— Ага, крепость. Только там нет никакой крепости. Там одни овцы и козы.

Игроки бросили карты и откровенно слушали.

— Они здесь такие же греки, как во всей Аттике, — сказала Софья вполголоса. — Ты им ничего не говори, они не поймут или, чего доброго, испугаются. Просто скажи им свои условия.

Генри кивнул. Приглашающе помахав насторожившейся публике, он объявил:

— Каждый рабочий будет получать девять пиастров в день. Работаем с половины шестого утра до половины шестого вечера. В девять получасовой перерыв на завтрак и полтора часа в полдень—обед и курение. Инструментов не нужно, у меня все есть. Сколько человек может прийти?

Старейшина снял видавшую виды шляпу и черными обломанными ногтями поскреб редкую растительность на голове. Остальные молча переглядывались.

— Почему они молчат? — спросил Генри. — Они же никогда не зарабатывали девять пиастров в день.

— Поэтому они и молчат. Греки-крестьяне вообще недоверчивы к чужим людям, а мы в нашей одежде и вовсе кажемся им иностранцами, особенно ты в этом сюртуке и галстуке. Позволь мне: с ними нужно говорить на просторечии.

Напряжение сразу прошло, как только Софья заговорила на обиходном языке. Восемь человек вызвались с рассветом прийти на Гиссарлык.

— Мне нужно больше, — настаивал Генри.

— Сколько? — спросил старейшина.

— Ну, пятьдесят, семьдесят пять… как пойдет работа.

— Пусть начнут эти восемь, — решил старейшина. — Половину жалованья за первый день отдайте мне сейчас. Потом будете рассчитываться после работы.

Генри вынул бумажник, отсчитал пиастры и вручил их распорядителю.

— Если они вернутся завтра довольные, то в среду у вас будет больше рабочих.

Софья поблагодарила его критским жестом, и вокруг расцвели улыбки, им пожимали руки… Только какой-то великан держался в сторонке. У него были густые свисающие усы и устрашающе свирепое выражение лица.

«Даст бог, он не входит в число тех восьмерых», — содрогнувшись, подумала Софья.

На обратном пути Генри перегнулся в седле и взял ее за руку:

— Спасибо за помощь, малышка. Может, ты научишь меня просторечию? Похоже, без него не обойтись. А я за это выучу тебя турецкому языку.

3

Она проснулась в кромешной темноте: Генри тряс ее за плечо.

— Что такое? Что случилось?

— Ничего. Я оседлал лошадей. Едем купаться.

— Среди ночи?!

— Уже четыре часа утра. Как раз в воде нас застанет солнце. Тебе полезно купаться.

— Спать полезнее.

— Ты, видимо, забыла, моя юная подруга, что говорят твои соотечественники: в море купаться—здоровья набраться.

— Спасибо, я и так от тебя многого набралась. Иди купайся и оставь меня в покое.

— Ну, попробуй хотя бы один раз.

Раскачиваясь в седле, как маятник, она клевала носом всю дорогу до устья Скамандра.

Генри разделся, шумно забежал в воду и вскоре растворился в занимавшемся рассвете. Оставшись в состряпанном наспех купальном костюме, Софья дрожащей ногой попробовала воду. Отступать было поздно, надо хоть окунуться. Она по колено зашла в воду, присела и обмыла грудь и плечи. Исполнив эту

малоприятную обязанность, она стремительно выскочила на берег, закуталась в большое, как одеяло, полотенце, потом переоделась в теплую одежду и накрылась шалью. Генри пробыл в море полчаса. Рассекая воду сильными толчками, он заплывал так далеко, что Софья не различала его головы за рябью. Вот он вышел на берег, крепко растерся грубым полотенцем, и Софья воочию увидела, что такое пышущее здоровьем тело.

— Понятно, почему ты такой закаленный, — сказала она, — у тебя сейчас кровь, наверное, холоднее самого холода.

Труся на своих осликах, все восьмеро рабочих явились в половине шестого. Они добирались два часа. Поскольку предки их были выходцами с близких отсюда Самофракии, Лемноса и Лесбоса, то и одевались они, как прирожденные островные греки: широкие, мешковатые шаровары, сужающиеся книзу и плотно облегающие икры, белые носки, белая рубаха, короткая свободная куртка, широкий кушак, на голове ермолка. Только обувь с загнутыми кверху носками они позаимствовали у Турции.

К великому огорчению Софьи, среди них был и тот великан со свирепыми усами. Она решила держаться от него как можно дальше.

Когда в прошлом году Генри несколько дней копал в северо-восточном углу плато, он обнаружил шестифутовой толщины каменную стену. Объезжая холм вчера утром, он признался Софье, что место было выбрано неверно. Теперь он собирался копать ближе к северо-западному краю, на крутизне, где за тысячелетие образовался самый толстый наносный слой.

— Генри, здесь сколько угодно легких склонов!

— Зато на этой стороне вершина холма. Эффектное местоположение и труднодоступность словно специально предназначили ее для акрополя, царского дворца, высокой сторожевой башни и могучих стен цитадели.

Софья внимательно разглядывала начерченную рукой Генри карту Гиссарлыка.

— Объясни мне, пожалуйста, такую вещь. Я знаю, что сражения и поединки разыгрывались вот на этом треугольнике между основанием холма—ты отметил здесь двадцать четыре фута над уровнем моря — и местом слияния Скамандра и Симоиса. Но зачем было сражаться на северных склонах? Ведь они поднимаются здесь, — она заглянула в карту, — под углом 45 градусов, и к тому же наверху высились могучие стены. Подступы с востока и юга легче, там пологие склоны. Почему ахейцы нападали непременно с северной стороны, имея очень мало шансов взобраться на стены?

Генри ненадолго задумался.

— За время своего существования Троя обзавелась множеством союзников и друзей. Гомер приводит целый список этих племен: мизийцы. фракийцы, фригияне, амазонки — между прочим, неустрашимые воительницы. Некоторые герои и вожди этих племен сражались против ахейцев на поле боя в колесницах или врукопашную. Но главная их задача была защищать от греков эти вот легкие подступы: Скейские и другие ворота и всю площадь у южного склона. А кроме того, ахейцы не хотели терять из виду свои корабли и лагерь и им было удобно близкой дорогой восполнять потери в оружии, колесницах, лошадях, подвозить продовольствие.

Пора было начинать. Из инструментов у них было восемь французских тачек, пять кирок, полдюжины деревянных лопат и пятьдесят две плетеные корзины. Гомеровская Троя была крепостью, расположенной на вершине естественного холма, и поэтому, заключил Генри, бессмысленно копать на материковом уровне. Надо подняться футов на сорок по склону. Этот северный склон был весь покрыт колючим кустарником, забит сухостоем, и приходилось резаками прорубать проход. Отдирая колючки и кляня свое длинное шерстяное платье, Софья замыкала процессию.

Когда ДО вершины оставалось шестьдесят футов, Генри остановился и, отобрав четырех самых сильных на вид рабочих (в том числе страшилу великана), велел вырыть неглубокую траншею шириной в четырнадцать футов. Двое с лопатами наполняли корзины землей, двое других уносили их вниз. По ширине траншеи Генри вбил два колышка, привязал к ним бечевки, послал рабочих продолжить тропу вверх, очистив ее от подлеска, и строго в ряд набить колышки. Потом сам натянул между ними бечевку, обозначив площадь раскопа.

Софья отметила в дневнике, сколько времени занял каждый этап работы, набросала карту северного склона холма, точно обозначила место и высоту первого шурфа. Генри велел ей также фиксировать характер извлекаемой почвы.

— Чтобы разобраться, когда кончатся наслоения и откроется материк?

— Именно. Нам предстоит прорыть насквозь много культурных слоев.

— На какой же глубине, ты думаешь, материк?

— Это зависит от толщины наслоений. Наш шурф мы закладываем на высоте сорока футов. Траншею поведем к вершине. Поднимаясь, мы углубим ее на десять-пятнадцать футов. Мне кажется, что, зарывшись футов на тридцать в глубину, мы достигнем материка.

— Знаешь, это просто не укладывается в голове!

— А там нечему еще укладываться, — буркнул Генри. Великан в красной турецкой феске с черной кисточкой все

время держался на почтительном расстоянии. С киркой, надо сказать, он управлялся мастерски, играючи. Когда ему случалось проходить вблизи Софьи, он не только опускал голову, но даже зажмуривал глаза.

В перерыв рабочие из Ренкёя сели на солнышке, что-то пожевали, покурили и улеглись соснуть. Генри и Софья выбрали ровное местечко поодаль, расстелили брезент, запасливо купленный в Константинополе, и выложили стряпню госпожи Драмали. Козлятину—если это была козлятина — было страшно брать в рот.

Софья сочла за благо воздержаться от критики, но Генри уже отложил кусок.

— В Китае, Японии. Египте, Месопотамии, в Индии и на Яве чего я только не ел! Печеных муравьев, рыбьи глаза… Но такого я еще не пробовал. Что это может быть?

— Лучше не будем гадать. Выбрось. Я кое-что захватила из Чанаккале. Тут тебе только-только заморить червячка, но хоть желудок не расстроишь.

Она достала сверток с маслинами, сыром, солеными сардинами и сушеным инжиром. Накануне она купила в Ренкёе помидоры, и еще оставалось немного домашнего печенья.

— Пир горой! — ликовал Генри. — Придется назначить тебя волшебницей.

В эту минуту над ними навис великан. Он снял феску, низко склонил голову и смущенно заговорил:

— Хозяин, меня зовут Яннакис. Завтра придет 35 рабочих. Кто будет рассчитываться с ними? Вы сказали, что будете платить поденно. Я умею читать и писать по-турецки и по-гречески. Умею считать. Не хотите назначить меня подрядчиком и казначеем?

Поражаясь, как сама кротость умудрилась заполучить столь свирепое обличье. Генри спросил:

— А в чем, собственно говоря, вы видите свои обязанности?

— Вы дадите мне тетрадку. Я запишу все имена, поставлю число. Человек приходит—я ставлю галочку. Докладываю вам, сколько рабочих вышло. Вечером вы даете мне столько же раз по девять пиастров. Я рассчитываюсь с каждым и ставлю вторую галочку. Так мы делали в Константинополе, на верфи.

— Подрядчик и казначей в одном лице, — прикинула Софья. — Генри, мы сбережем массу времени и сил.

Но Яннакис припас еще одну штуку. Он выпрямился во весь свой великолепный рост, расправил могучие плечи, вспушил

монгольские усы и объявил:

— Я еще умею готовить!

Яннакис решительно не представлял, чего ради Шлиманы привязались к этому холму, но в отличие от своих земляков не считал их «палавос». помешанными.

На следующее утро к половине шестого Яннакис привел из Ренкёя 35 рабочих, не устоявших перед соблазном уже вечером получить наличными. Софья захватила из дому разлинованную тетрадь, перо и чернила. Сдернув с головы феску и низко склонившись. Яннакис принял атрибуты своего нового достоинства, выдавил слова благодарности и быстро переписал в тетрадь всех пришедших с ним. Через минуту, размахивая киркой, он с проворством горного козла уже лез вверх по склону. Впереди него рабочие прорубали кусты, валили деревья.

Генри решил вывести к плато холма — это значило пройти шестьдесят ярдов — неглубокую, в один-два фута, траншею. Когда, по его расчетам, они встали над троянскими бастионами, он сказал:

— Вот здесь пойдем вглубь.

Худо было то, что на тридцать пять рабочих, муравьями усеявших склон, было совершенно недостаточно восьми тачек и полдюжины кирок и лопат. Генри определил пятнадцать рабочих относить землю в корзинах, но спуск занимал много времени: по обе стороны траншеи тянулись густые заросли кустарника, колючей ежевики, люди спотыкались об огромные камни, путались ногами в низких ветвях.

— Может, сразу вырубить всю эту чащу по сторонам траншеи?

— Не стоит: когда мы углубимся ниже шести футов, будет слишком хлопотно поднимать корзины на веревках. Лучше катить тачки по траншее под уклон и в конце раскопа сбрасывать землю вниз.

В девять часов, когда объявили перерыв на завтрак, явился Георгий Саркис. Ночевал он в Хыблаке и, понятное дело, вид имел невыспавшийся. Это был мелкорослый человек с болезненного цвета кожей и темными глазищами в пол-лица. В руках он держал тетрадь—такую же, как у Яннакиса: здесь ежедневно будут записываться находки Шлиманов, дабы Оттоманский музей сполна получил свою половину.

— Не повезло человеку, — посочувствовал Генри. — Сняли с теплого, обжитого места в Чанаккале и сослали в богом забытую дыру.

— Да, вид у него скверный. Он словно не может разделаться с одной-единственной мыслью: «Я армянин, а называюсь турецким

чиновником, я наблюдаю за немецко-русско-американским господином и какой-то греческой девицей, а они занимаются совершенной ерундой. Какой во всем этом смысл?!»

Поскольку находок пока не было, Саркис не стал стоять над душой и отправился побродить вокруг. Хождение было бесцельное, но не без смысла: когда человек движется, а не стоит истуканом, вроде и время идет быстрее. Справившись раз-другой по массивным золотым часам Генри, Софья установила, что к траншее их страж возвращается примерно каждые полчаса.

— Мне кажется, он не будет нам особенно докучать, — успокоила она Генри. — У него одна забота на уме: скорее бы дожди выгнали нас отсюда.

— Зачем вообще нужен этот опекун? Что я здесь найду? — каменные дворцы, храм, башни, ну, крепостные стены… Не собирается же в самом деле великий визирь волочить отсюда в Константинополь эти каменные глыбы!

— Не дай бог! — невесело усмехнулась Софья. — Согласно фирману, ты обязан возместить все дорожные расходы.

Генри даже крякнул с досады.

— Ну, не дурак ли я? Ведь сам же перевел тебе эту фразу — что бы вдуматься?!

— Успокойся: ты объяснил мне, что каменные стены остаются in situ [16].

К концу дня они были вознаграждены первой находкой. Софья стояла у верхнего края раскопа. Рабочий бросил в наполнившуюся корзину последнюю лопату, и Софья увидела, как что-то блеснуло в комьях грунта. Землекоп подал корзину наверх, носильщики подхватили ее и засеменили вниз. Софья на ходу поворошила землю сверху и выхватила пяток монет. Поковыряв многовековую грязь, она увидела, что они медные или бронзовые.

— Наш первый клад! — вскричала она, счастливая и гордая собою.

Генри стоял неподалеку, отдавая землекопам распоряжение рыть глубже—до шести футов — и выдерживать эту глубину, продвигаясь к вершине холма. Услышав, что его зовут, он поспешил к пьяной от волнения Софье.

— Что с тобой, Софидион? У тебя такой вид, словно ты нашла Трою.

— С этой минуты я археолог! После вручения диплома в Арсакейоне не переживала ничего подобного.

И она высыпала ему на ладонь монеты. Генри ногтем поколупал одну-другую, потом протер все монеты мокрой тряпочкой. На первой была изображена Афина в шлеме с тройным гребнем; на другом бронзовом кругляше была волчица,

кормящая Ромула и Рема; была монета с Аполлоном в длинном хитоне, в руке бог держал лиру; еще на одной изображался, похоже, Гектор в полном боевом снаряжении.

Такие монеты Софья видела в музеях Неаполя и Рима, в Афинской библиотеке. Генри часами держал ее перед нумизматическими стендами, учил определять возраст и ареал распространения монеты, отлита она в форме или отчеканена вручную. И хотя ее ногам сильно досталось в ту пору, сейчас она была благодарна ему за науку.

— Генри, эти две я узнала. Этот Аполлон, он из Нового Илиона? Из греческого города, что стоял на этом месте уже в христианскую эпоху?

— Верно. Эта, с Афиной, тоже греческая монета, видимо, из Александрии Троадской. Город стоял милях в пятидесяти отсюда, на юге, его построил полководец Александра Антигон.

— А Рем и Ромул как забрели сюда?

— Очень просто. Римляне основали город Сигей, я показывал тебе место, когда мы объезжали Троянскую равнину.

Завоевав очередную провинцию, римляне привозили и свои монеты или. во всяком случае, штемпеля для их чеканки.

— А когда мы найдем троянские монеты, мы сумеем определить их денежную стоимость?

— Относительно. У Гомера и троянцы, и ахеяне знают только меновую торговлю. Пленную деву, например, оценивали в четыре вола.

Софья в раздумье наморщила лоб.

— У ахейцев были золотые таланты…

— И не только! Когда на поминках но своему другу Патроклу Ахилл устроил игры, он выдал победителю в состязании колесниц золотой треножник, самому быстрому бегуну — «сребряный пышный сосуд», «кубок двоедонный»— побежденному в кулачном бою, а лучникам вынес «темное железо: десять секир двуострых и десять простых». О богатстве же троянцев доподлинно известно. Обнимая колени Менелая, побежденный Адраст молит его:

> Даруй мне жизнь, о Атрид. и получишь ты выкуп достойный!
> Много сокровищ хранится в отеческом доме богатом.
> Много и меди, и злата, и хитрых изделий железа.

В песне «Выкуп Гектора» Приам идет

…в почивальню, терем душистый.
Кедровый, с кровлей высокой, где много хранилось сокровищ…

— Генри, можно я оставлю себе эти монеты на память? А Саркису отдадим такие же, когда еще найдем.

— Разумеется. Только не забудь записать точное место и глубину, где они лежали, потом запечатай в конверт и надпиши число и месяц.

Генри подарил Яннакису пояс с кармашками для денег, купленный еще в Константинополе. К концу рабочего дня он выдавал ему необходимую кассу. По прошествии нескольких дней Яннакис сказал:

— Хозяин, завтра может прийти больше народу. Сколько мне взять?

— Если стоящих, то сколько угодно. Яннакис, хоть восемь-десять человек. Наша главная задача — расчистить весь этот мусор.

— Я несколько раз проверяла выплаты но книге, — сказала Софья за ужином. — Все сходится до единого пиастра. А вчера, ты знаешь, он собрал все наше белье, получилась огромная корзина, и унес домой стирать.

— Не человек, а находка, — согласился Генри. — С завтрашнего дня я буду платить ему тридцать пиастров. Здесь это сказочные деньги. И назначу его десятником.

Но от этой чести Яннакис наотрез отказался: — Хозяин, я сроду никому не приказывал. Это же все мои братья. сестры и друзья. Мы работаем вместе. Нет, я не могу Жены у меня нет, детей тоже — не умею я заставить других слушаться.

Генри по-прежнему вставал в четыре и ехал к морю купаться. Софья упросила не поднимать ее с постели в такую рань. Но уже в пять его ждал кофе, были отмерены четыре грана хинина и готов сверток с их обедом.

После работы она брала большой таз, вставала в него и мылась в их второй комнате наверху. Здесь они устроили что-то вроде рабочей комнаты: поставили грубый стол, Генри навесил полки, растащив по дощечке навес над необожженным кирпичом в Хыблаке. Засиживаясь допоздна, они писали письма, отчеты за день: насколько продвинулись, сколько народу работало, сколько пиастров выплачено.

Чтобы перебить миазматический аромат птичьего двора под их окнами, Софья каждый вечер опрыскивала одеколоном

подушки. Но прежде совершался обязательный ритуал уничтожения наползших за день клопов: с обеих сторон умащивался маслом матрац, пропитывался медицинским спиртом. И еще долго после этого она не решалась постелить чистые простыни и одеяла.

Стряпня госпожи Драма in их не соблазняла. Кухня с земляным полом и открытым очагом была, пожалуй, даже чистой, но в нос шибал такой пронзительный запах скотного двора, что кусок не шел в горло. Ужинали они в своей рабочей комнате. В деревне была жалкая лавчонка, брать там было решительно нечего. Софья держалась только на свежих фруктах и помидорах, на хлебе и сыре, которые каждое утро Яннакис приносил из дому. Иногда удавалось раздобыть цыпленка или барашка. Он изжаривал их на вертеле во дворе у Драмали и еще горячими приносил на место работы. В такие дни они гурманствовали.

Софья худела, возвращалась к девичьей форме. А Генри сохранял обычную поджарость.

«Не от еды он крутится по восемнадцати часов подряд, — рассуждала она. — В нем, как в часах, вставлена пружина».

Когда глубина траншеи перевалила за шесть футов. Генри натолкнулся на римскую стену, перекрытую огромным валуном.

— Почему ты так уверенно датируешь эту стену? — спросила Софья.

— Потому что камни скреплены цементным раствором. Мы не будем здесь задерживаться.

Вгрызаясь в склон холма, траншея неуклонно ползла вперед, к вершине. Каждый день Яннакис приводил новых людей, и скоро Гиссарлык стал похож на муравейник: восемьдесят человек сновали по его северному склону. Инструментов не хватало.

Кончилась первая неделя, когда однажды Генри взволнованно подозвал Софью к себе. Он наткнулся на развалины строений, сложенных из отесанных камней, причем кое-где без скрепляющего раствора. Его радости не было границ. Эго могли быть развалины храма Афины! А если так. то под ним может скрываться уже троянский храм. Но как нодстутлъся к этим колоссальным глыбам?

— Видно, придется их отрыть и куда-то деть, — вздохнул Генри. — Они нам мешают.

— Сами по себе они ничем не интересны?

— Сравнительно молодая кладка… Какая глупость, что я не взял железных ваг! Придется вытаскивать их вручную.

Землекопы обнажили основание каменной кладки. Яннакис пригнал из Хыблака волов. Камень опутывали веревками, и понукаемые волы, потоптавшись, вырывали его из земли. Затем

веревки снимали и громада застывала перед низвержением в долину. Вот она качнулась, и все восемьдесят человек, побросав лопаты и кирки, с визгом устремились к обрыву, покрывая восторженными восклицаниями и смехом громоподобный гул камня, прыгающего по склону, как мячик, сминая кусты и деревья.

Непредусмотренные перерывы в работе всегда огорчали Генри.

— Добро бы это был поединок Менелая с Парисом! — хмуро бросил он Софье. Но союзницы в ней не нашел.

— Им все едино. Мы, к примеру, тоже не прочь поглазеть на смену караула перед афинским дворцом.

Та же история повторилась со вторым камнем, и к третьему взрыву ликования Генри уже подготовился: он вынул часы. Выяснилось, что двенадцать минут работа стояла на месте.

— Теперь помножь двенадцать на восемьдесят—это почти тысяча минут простоя. На каждом камне мы теряем 16 рабочих часов. Мне не денег жалко, а времени. Я намерен прекратить это веселье, иначе мы не доберемся до материка — нас захватят дожди.

Софья промолчала. Генри отдал строгое распоряжение: рабочее место оставлять только в положенное время — на отдых и обед. Рабочие согласно кивали головами, но каждый раз срывались с места, когда сбрасывался очередной валун, и сломить их глухую солидарность было невозможно.

4

На заболоченном пространстве между морем и Гиссарлыком и Хыблаком миллионами водились лягушки. Жаркое лето высушило болота, и к концу сентября трупы лягушек разложились под солнцем. В Троаде считали, что это и есть причина обычной здесь малярии. Генри знал о малярии по прежним наездам и потому запасся в Константинополе хинином. В конце первой недели их пребывания свалилась в приступе малярии семнадцатилетняя хозяйская дочь. Генри и Софья в сумерках возвращались после работы. У порога их караулила госпожа Драмали.

— Дочка захворала, — кинулась она к Генри. — Отравилась болотным ядом. Помогите, если можете.

— Попробую. Принеси, — повернулся он к Софье, — наш термометр и медицинскую сумку.

Девушка лежала в единственной хозяйской спальне под

грудой одеял и теплой одежды. Софья померила температуру: 102 градуса [17].

— Дадим ей шестнадцать гран хинина, — заключил Генри. — В Никарагуа меня трепала болотная лихорадка. Я уже был одной ногой в могиле, но поблизости оказался немец-врач и в один прием скормил мне шестьдесят четыре грана. Выкарабкался! Но для девушки такая доза может быть опасной.

Он попросил принести стакан воды, и девушка запила целительную горечь.

— Столько же дадим завтра утром и вечером и послезавтра с утра.

Как выяснилось, хинин — чудодейственное средство при малярии. Через несколько дней девица уже носилась по всему дому. Так началась медицинская карьера доктора Шлимана. Каждое утро его пробуждения ожидало несколько страждущих из Хыблака, Кумкале или Енишахира. В Троаде днем с огнем не сыскать врача или фельдшера, и Генри с Софьей поневоле стали чем-то вроде неотложной помощи. Они приезжают на Гиссарлык — их тотчас обступают болящие, среди них женщины и дети. Генри каждому назначал четырехразовое лечение хинином, а Софья следила за аккуратным исполнением его предписаний. После четвертого приема пациенты поправлялись.

— Доктор Шлиман, поздравляю: вы не потеряли ни одного больного!

— Спасибо, сестра, но у меня кончается хинин. Напиши-ка в Константинополь, в английскую аптеку.

Со всей округи потянулись люди с нарывами, ранами и ушибами. Вечером двор перед домом Драмали превращался в полевой лазарет: Софья кипятила воду в большом чане, промывала раны, Генри смазывал мазью, Софья накладывала повязку. И никто из пользуемых не приходил вторично.

— Все-таки интересно знать, — задумывался Генри, — спасли мы их или угробили?

Прошло время, и крестьяне повели к нему больной скот— верблюдов, лошадей, ослов, овец.

— Теперь я еще и ветеринар, — брюзжал Генри. — Что я в этом понимаю?!

— У нас есть настойка арники.

— Это наружное средство.

— Ты и лечи наружные болезни, а господь позаботится о внутренних.

— А вот для арабов даже такое разделение обязанностей немыслимо. Я как-то на базаре видел верблюда, у него рекою хлестала из носу кровь. Сделал выговор хозяину, а тот смиренно

улыбнулся и говорит: «На то воля аллаха!»

Если верить Яннакису. многие животные благополучно поправлялись.

— Заметь, Софидион: никто не пришел нас поблагодарить — ни за себя, ни за свою скотину! Я прихожу к мысли, что благодарность не в характере современных троянцев.

— Будь доволен хотя бы тем, что в Троаде тебя считают волшебником. В будущем году нам будет легче работать.

Время от времени они находили монеты, похожие на памятные медали в честь занявших престол царей и императоров. Вечером Софья забирала их домой, очищала от грязи, раскладывала в конверты с проставленной датой. Каждый день приносил новые находки. Траншея была уже больше шести футов в глубину и на шестьдесят футов протянулась вперед, к вершине холма. Вдруг в невероятном количестве объявились керамические кругляши — красные, желтые, серые, черные, каждый с парой «глаз», и каждый целехонький. На многих различалось что-то вроде клейма гончара. За мелкие находки отвечала Софья. Выждав, пока Генри запишет глубину и место находки, она несла кругляши на сборный брезент. Там их невнимательно осматривал Георгий Саркис, охотно позволявший Софье забрать их домой для обработки.

В их рабочей комнате Генри соорудил для нее специальный верстак, положив доски прямо на стопки хыблакского кирпича. Софья осторожно брала в руки трех-четырехдюймовые терракотовые предметы, отмывала их в холодной воде. Проступало изображение.

— Смотри, дорогой, — теребила она Генри, уткнувшегося в дневник, — наши первые произведения искусства! Какая прекрасная птица! Лошадь гарцует. А это лани? Посмотри на эту девочку, как она ручки послушно сложила! Для чего предназначались эти вещи? Каким временем они датируются?

Вооружившись лупой, Генри задумался: алтарь, над ним пчела растопырила крылышки; бык, лебедь, ребенок…

— Просто не представляю, какой цели они служили. Эти две дырки в верхней части что-то должны означать…

— Может, в них продевали кожаные шнурки? Чтобы носить на шее или повесить в храме, как мы вешаем в доме иконы?

— То есть посвятительные приношения? Может быть… А возраст… очень они грубы, сделаны вручную, это не римские вещи. В конце концов, Египет знал гончарный круг уже за четыре тысячи лет до рождества Христова, а римляне научились у египтян всему, чему можно.

— Кроме искусства возводить пирамиды! Генри одобрительно

хмыкнул.

— Привяжи к каждой бляхе бирку с датой. Не забудь переписать у меня место находки.

Они углубились уже на тринадцать футов, когда однажды утром зарядил проливной дождь. Ясно, в такую погоду рабочие из Ренкёя не придут, и Шлиманы устроили себе домашний день. Генри составлял подробнейший отчет о находках для Греческого филологического общества в Константинополе, которое согласилось печатать в своем журнале любые его материалы; Софья сделала в дневнике записи о последних находках и села за письма домой.

Греки не работали также по воскресеньям и в церковные праздники, а их было множество.

«Предложи я им даже триста франков за один час работы, — записывал Генри, — как они ни бедны и как ни трудно здесь с работой, в праздники они не ударят палец о палец, при том что это может быть самый захудалый святой. У них один ответ: «Святой нас покарает!»

Яннакис обрыскал всю округу и доставил двадцать пять рабочих-турков. Понаблюдав за ними день-другой, Генри сказал:

— Ты знаешь, я бы с радостью предпочел их азиатским грекам: они добросовестные, а главное, работают и в воскресенье, и в эти бессчетные церковные дни. И как работают! Конечно, я буду плать им больше, чем грекам.

Отныне по воскресеньям и в праздники на холме копошилось до восьмидесяти турок. И снова Яннакис обшарил всю округу — на этот раз в поисках инструментов: не хватало лопат, кирок, топоров, скребков, ломов. Генри нанял четыре арбы и восемь волов—с вынутым грунтом было уже не справиться вручную: траншея достигала в глубину двадцати футов и подтянулась вплотную к вершине холма. Рабочие были давно разбиты на группы, копали на разных участках, и Генри просто не мог всюду поспеть.

Однажды, легко поужинав и уже переодевшись в ночную рубашку, он вдруг заметался по их рабочей комнате.

— Что случилось, Генри?

— Больше нельзя ждать! Нужно отвести от основной траншеи боковые и через них выносить грунт. Мне нужен помощник, а где его взять?! В Чанаккале?..

— Ты потратишь несколько дней на одни разъезды, а времени в обрез, скоро начнутся дожди. Может, как-нибудь пока обойдемся? А в будущем году привезем из Афин десятников…

— Да… ничего не попишешь. — Он искоса взглянул на нее и тихо рассмеялся. — Есть тут у меня на примете…

— Не я ли? — встревожилась Софья.

— Именно ты!

— Генри, ты сам знаешь, что в этих краях женщину ни во что не ставят. И потом, кто меня станет слушать, я же им в дочери гожусь!..

— Ну, что-нибудь придумаешь. Она с сомнением покачала головой.

Генри решил повести боковые траншеи под прямым углом в обе стороны от основной. Наутро он сделал необходимую разметку, отобрал по десять землекопов на каждую траншею и объявил:

— Распоряжаться вами будет госпожа Шлиман. Она женщина образованная, посвящена во все мои планы. Всем ее распоряжениям оказывайте такое же уважение, как моим собственным. Нарушителей я немедля уволю.

Ответом было угрюмое молчание. Какое унижение! Как они посмотрят в глаза другим рабочим и просто соседям в деревне, когда станет известно, что ими помыкает баба?! Их засмеют, им в собственном доме не будет жизни.

Софья сочувствовала им от всей души: ей ли не знать, как щепетильно самолюбивы ее соплеменники! А потерять их никак нельзя: они позарез нужны Генри. И самое лучшее, решила она, не мозолить им глаза, а что-то делать самой, что угодно, но не стоять без дела. Она взяла лопату, с силой уперлась в нее ногой и стала снимать пласт вдоль отметки. Она ни слова не сказала своим рабочим, даже не глядела в их сторону. А те разбились на кучки, достали самосад и задымили.

Софья копала, лопату за лопатой выбрасывая землю вниз по склону. Постепенно напряженная атмосфера разрядилась. Один за другим рабочие разобрали лопаты и подстроились к ней, но копали вяло и неохотно.

«Ладно, — думала она. — Пусть подуются. Сегодня я им ничего не скажу. Обойдется».

Возвращаясь вечером в Хыблак, Генри буквально рвал и метал: работали спустя рукава!

— Завтра я С ними потолкую!

— Ни в коем случае, Генри! Я сама должна перебороть их, причем так, чтобы они слушались меня в охотку. Дай мне самой справиться.

На следующее утро уже то было хорошо, что все явились. Она приветливо и одновременно сдержанно поздоровалась с ними. Они все так же с прохладцей помахивали кирками, не спеша относили наполненные корзины. Софья словно ничего не замечала. После часа такой работы странно было увидеть

красное, мокрое от пота лицо. Софья потрогала у рабочего лоб: жар. Посоветовавшись с Генри, она сказала Яннакису:

— Посади его на мула. Отвезем его в Хыблак. Драмали без особой радости следили за тем, как Яннакис

волочил на второй этаж больного человека, но отказать доктору Шлиману. передавал потом Яннакис их слова, «не посмели, потому что он выходил нашу дочь».

На полу рабочей комнаты Яннакис соорудил постель. Софья отмерила шестнадцать гран хинина и поднесла к пересохшим губам чашку с водой. Ночью она дала рабочему вторую дозу, на рассвете еще одну. Днем выздоравливающий сам прибрел к ним, а вечером вместе с товарищами отправился домой.

Утром следующего дня обе бригады быстро разобрали кирки и лопаты — и закипела работа.

К концу октября жить в Хыблаке стало непереносимо трудно. Зарядили дожди. Дороги раскисли, превратились в непроходимую грязь. Во дворе перед домом жалась скотина. Возвращаясь в сумерках с работы, они непременно попадали ногой в какой-нибудь гостинец, в спальне было не продохнуть от запахов из окна. Кирпичные стены не защищали от холода, изнутри отсырели, по ним бежали струйки воды, на разбухшем деревянном полу стояли лужи. Их верхняя одежда истрепалась и по-настоящему никогда не просыхала. Не чувствуя под собой ног, они ложились в постель и на четыре-пять часов проваливались в сон.

Как они вынесли такой быт вместе с изматывающей работой днем?..

А работа с каждым днем набирала теми. Редкий день на холме работало менее восьмидесяти рабочих. У Генри определенно была инженерная жилка, но успех перехватили рабочие Софьи: вблизи главной траншеи они отрыли горшки, ради которых только и стоило огород городить, небольшие глиняные сосуды грубой работы — и битые, и совсем целые. Несомненно, это была кухонная посуда. Целые горшки Софья сразу от греха обернула мешковиной, пронумеровала и зафиксировала место находки. Непонятно, что делать с черепками: они лежали грудой и явно принадлежали одному хозяйству, но собрать их в целое, казалось, было невозможно.

— Собери их все до единого, — велел Генри, — отмой и выложи на верстак, а потом будем не спеша подгонять куски и склеим те, которые подойдут.

Они засиделись до глубокой ночи, отмывая горшки и составляя их опись; потом осторожно отмыли черепки и разложили их на верстаке.

— Соберем, когда дожди запрут нас дома, — предложил Генри, — а может, уже в Афинах: там будет гипс под рукой, чтобы восстановить недостающие куски. Еще надо будет сварить мездровый или рыбий клей.

Софья расстраивалась, что на керамике нет орнамента.

— Простая утварь, никакой заботы о красоте, — вздохнула она. — Как же мы определим возраст этой безликой глины?

— Ясно, очень древний возраст. Обидно другое: я еще ни разу не нашел на дне окаменевших остатков пищи. Все пожрало время.

— Неужели возможно, чтобы продукты сохранились?

— Посмотрим…

Следующие находки озадачивали даже больше, чем «приношения»— глиняные «волчки»! Они имели форму конуса, вулкана, полусферы примерно дюймовой толщины, и у всех посередине была дырка, вокруг которой симметрично располагался линейный орнамент. Выставив их в ряд, Софья подозвала Генри:

— Смотри: ни птиц, ни зверей, ничего—только линии и штрихи, а ведь те бляшки лежали немногим выше! Как ты думаешь, эти «волчки» — они принадлежат уже другой культуре?

Генри повертел вещицу, вгляделся в рисунок.

— Эта «свастика» встречается и в индийском искусстве, и в китайском. Да, «волчки» и бляшки принадлежат разным эпохам. Вопрос — какая из них более ранняя? Какое искусство старше: линейный орнамент или воспроизведение реальных образов? Посоветуемся с университетскими профессорами в Афинах. Они разберутся.

На глубине ниже двадцати футов открылись обгоревшие руины домов, стоявших как бы на голове друг у друга. Софья и представить себе не могла ничего подобного: она была в городе, а вернее, сразу в нескольких городах, располагавшихся слоями: люди рождались здесь, росли, обзаводились семьями и хозяйством— век за веком. Ей попалось несколько круглых позвонков из спинного хребта какого-то огромного зверя, а может быть. рыбы.

— Акульи позвонки, — определил Генри. — Из них делают мужские трости. Похоже, что в стародавние времена в Эгейском море водились акулы.

— А ты еще так неосторожно купаешься!

— Да там давным-давно нет никаких акул! — развеселился Генри. — Уже в гомеровское время их не было.

— Каким же образом акулы поднялись на добрую сотню футов выше уровня моря?! Может, они сохранились от тех времен, когда на всей земле не было ни клочка суши?!

— Может быть…

Она стояла в траншее, по колени уменьшившись в росте; волосы собраны в высокий пучок и от пыли покрыты турецким платком. Он ласково улыбнулся ей сверху.

— А может быть, другое: туши акул разделывали на берегу и зажаривази на огне. Обычно акулье мясо не употребляют в пищу, но с голоду чего не съешь… А сюда приносили их кости, делали из них всякие инструменты, оружие. Они выстояли в огне. Посмотри на эти обгоревшие остатки домов, на стене траншеи хорошо видны несколько слоев. Такое впечатление, что на этой глубине все постройки были уничтожены огнем. Мне кажется, каменных городов мы найдем три-четыре, не больше. Все прочие были деревянные, с камышовыми и соломенными крышами. Одной искры было достаточно, чтобы город сгорел дотла, чтобы все обратилось в прах, в пепел. Вот эти пласты золы, — он показал рукой, — позволяют представить такую картину: дождавшись, когда остынут уголья, люди возвращались на пожарище, разравнивали его, насыпали слой свежей земли и отстраивали город заново. Обычно они успевали запастись пищей, захватить инструменты и ритуальные предметы и переждать пожар у Скамандра. Конечно, это была беда, но беда поправимая: леса кругом сколько угодно — хоть стройся, хоть топи очаг. И за несколько дней они вполне отстраивали себе новый кров.

На следующий день они отрыли россыпи раковин мидий и устриц.

— Сразу видно—сородичи, — лукаво блеснула она глазами, — тоже любили дары моря! Согласно Гомеру, они тоже пекли пшеничный хлеб, сажали ячмень. Остается лишь найти кости животных, и мы узнаем, какое мясо они ели.

— Мы знаем это из «Илиады»: они жарили на вертеле баранов, быков, гусей, телят, охотники добывали кабанов, ланей, зайцев… В общем, стол у наших предков был разнообразный.

Каждый день приносил ошеломляющие открытия. В развалинах большого строения, отрытого ближе к вершине холма на глубине всего пяти футов, они обнаружили три мраморные плиты от пятнадцати до двадцати пяти дюймов в длину с довольно пространными надписями, выбитыми резцом. Плеснув водой, они внимательно вгляделись в буквы. Генри заметно побледнел.

— Софья, как я надеялся найти следы письменности! Ведь такому открытию цены нет! Особенно если это храмовая надпись.

Разобрав некоторые слова, Софья участливо погладила его по руке.

— Нет, милый, это древнегреческий язык, и вряд ли плита из храма. Видишь, какие здесь слова? Совет, гражданин, налоги, право на владение землей…

— Да, вижу. — Он взглянул на нее потухшими глазами. — Значит, она из какого-нибудь здания заседаний совета.

— Саркис идет. Он видел, как мы отрыли плиты. Скажи, что мы их отмоем и вечером попробуем перевести текст.

Саркис разрешил забрать плиты домой: он придет взглянуть на них утром. Софья и Генри были слишком возбуждены, чтобы возиться с ужином, и наскоро закусили фруктами и медом. Яннакис на арбе привез плиты и внес к ним наверх. Чтобы расчистить все надписи, пришлось немало потрудиться жесткой щеткой.

— Займись этой большой — раз ты уже разобрала некоторые слова, — предложил Генри, — а я вспомню уроки Вимпоса и поломаю голову над двумя другими.

К часу ночи, не ручаясь за абсолютную точность перевода, она положила перед Генри такой текст:

«Поскольку Диафен Поллеос Тимнит в присутствии царя убедительно выказывает благородную чистоту помыслов и готовность всякому оказать необходимые услуги, царь определяет Совету и народу вынести вечную благодарность сборщику податей Тимниту и считать его в числе своих граждан. Его права пусть будут записаны на этой плите и выставлены…»

С грехом пополам разобрался со своими плитами и Генри, там речь шла примерно о том же: определялись гражданские и имущественные права поименованных лиц.

Когда утром Генри вернулся с купания, Саркис уже ждал его во дворе. Генри провел наверх их молчаливого надзирателя, даже не пытавшегося скрыть свое безразличие к находке. Софья подала кофе. Генри по-турецки разъяснил Саркису содержание всех трех надписей, причем Софья отметила, что ни одной он не выказал предпочтение. Естественно, Саркис отобрал две плиты поменьше, оставив Шлиманам ту, на которой текст был полнее и в лучшей сохранности. Проводив Саркиса, она лукаво заметила мужу:

— Мне кажется, ты обвел нашего господина Саркиса вокруг пальца — или я ошибаюсь?

— Немножко сплутовал, — озорно улыбнулся он в ответ. — Американцу редко удается обмануть армянина. Грех упустить такой случай.

Свою первую статью Генри напечатал в константинопольском «Журнале греческого филологического общества», это было почти дословное воспроизведение его ежедневных записей в дневнике. Статью хорошо приняли. Второй отчет он послал в Афины, в

редакцию «Полемических листов», также надеясь на хороший прием.

— А я в нем не сомневаюсь, — объявила Софья, завершая угренний туалет. — Ведь ты рассказываешь о наших находках, даешь их научное описание, анализируешь место находки. Ты не ввязываешься в споры о местонахождении Трои…

— Потому что я совершенно определенно заявил: Троя — здесь.

Открыли римский колодец, и Генри решил немного покопаться в нем. Выбрали рабочего полегче, обвязали его веревкой и спустили в колодец. Ничего интересного в поднятом материале не оказалось. Генри свесился над краем колодца.

— На какую глубину, ты думаешь, он уходит?

— К черту в ад, — пришел глухой ответ.

— Тогда обвязывайся и выбирайся. В преисподней нам еще нечего делать.

Назавтра было воскресенье — греки, понятно, на работу не выйдут. Турки тоже подвели: начался озимый сев.

— Софья, мы здесь уже больше месяца. Давай приведем в порядок наши записи и навестим Фредерика Калверта, это около Бунарбаши. Он приглашал в любое воскресенье. Ему доставит удовольствие доказать тебе, что именно его дом стоит на руинах Трои.

Софья радостно захлопала в ладоши.

— Хоть день поживем, как нормальные люди! Приму ванну, надену хорошее платье. Только, знаешь, сначала я перечту письма из дома. Когда я читаю про Андромаху, я словно вижу ее, и мне спокойнее.

Ее полные губы дрожали от радостного нетерпения; на твердый подбородок опирался хрупкий и стройный овал ее лица, деленный прямым, орлиным носом; расчесанные на прямой пробор мягкие темные волосы были уложены за уши. Генри поглядел на жену и, по обыкновению, остался доволен.

После ванны она надела малиновую блузку и зеленый шерстяной костюм; золотые пуговицы ручейком сбегали по жакету.

— Загадочный ты человек, Софидион! В Париже тебя окружали роскошь и самое изысканное общество, а ты хандрила и то и дело прихварывала. Здесь же, в немыслимых условиях, работая весь день не разгибая спины, ты как огурчик!

Она широко улыбнулась ему в ответ.

— Нет, вы посмотрите на нее! — ликовал Генри. — И ест на ходу, и недосыпает, а прекрасна, как Афродита Праксителя! Плиний считал ее лучшим творением скульптора и вообще чудом

света. Воздвигнутая под открытым небом, она была видна со всех сторон и отовсюду была прекрасна. Лукиан вспоминал мягкую улыбку, игравшую на ее полураскрытых губах, и влажный, блестящий взгляд радостных глаз [18].

— Потому что я счастлива, Эррикаки.

Это было тайное, сокровенное имя, и он залился счастливым румянцем.

5

Был свежий осенний день. В прозрачном воздухе было видно на многие мили в обе стороны—до самых гор и далеко в море. Снежные гряды облаков, облепив Иду, сползали к северу. Но наезженному арбами проселку Софья и Генри выбрались на главную дорогу и свернули на юг. Через пять миль будет Фимбра [19], где в начале 60-х годов Фредерик Калверт и его состоятельная супруга выстроили себе двухэтажный особняк. Уже шестнадцатый год Фредерик Калверт был британским генеральным консулом в Дарданеллах. Похоже, суровый приговор, вынесенный на родине его брату Фрэнку, на карьере Фредерика Калверта никак не отразился.

К дому вела длинная аллея, обсаженная соснами и живой изгородью из желтых цветов. Конюх принял их лошадей, и дворецкий провел гостей в двойные золоченые двери. Одетые к воскресному обеду. Калверты выглядели так, словно только что вернулись со службы в Кентерберийском соборе. Фредерик был старше Фрэнка, полнее, с красным отечным лицом в обрамлении длинных бакенбард, с водянисто-голубыми глазами.

Весьма почтенного возраста была и его сребroголовая супруга в платье из набивного английского шелка. Хозяева встретили Шлиманов сердечно, провели на балкон с ажурной оградой. Потягивая аперитив, они любовались масличными рощицами, собственноручно насаженными миссис Калверт, соорудившей даже римский акведук для сбора горной воды.

В обшитой деревянными панелями столовой их попотчевали типично английским обедом: перловый суп, ростбиф с кровью, йоркширский пудинг, зеленый горошек, бисквиты, белое и красное вино. Софья порадовалась про себя, что брала английские уроки, поскольку Калверты других языков не знали. Разговор за столом был самый непринужденный: вспоминали Лондон, Париж, говорили об Афинах — Калверты обожали Афины. Было выражено и лестное изумление тем, как стойко переносят Шлиманы адскую жизнь в Хыблаке у Драмали и как их

еще хватает на каторжную работу на Гиссарлыке.

Миссис Калверт поинтересовалась, как они устраиваются с питанием.

— Неважно устраиваемся, — призналась Софья.

— В будущем году вы собираетесь вести раскопки шесть-восемь месяцев?

— Муж полагает, что никак не меньше.

— На такой срок вы, конечно, возьмете с собой повара?

— Мистер Шлиман хочет весной построить домик вблизи нашего раскопа и кухню с кладовой в пристройке. Мы. наверное, привезем повара из Афин, а может, приспособим нашего казначея Яннакиса.

— Он англичанин?

— Нет, турецкий грек. С виду разбойник, а не обидит и мухи. Он наш кормилец, из-под земли достанет и фрукты, и зайца, и барашка. Какими обедами он угощает нас по воскресеньям! Когда он затевает стряпню греческих блюд, он буквально выкуривает Драмали из их собственного дома.

В гостиной за ликером Фредерик Калверт поинтересовался их находками. Генри рассказал о колоссальных камнях в обнаруженном фундаменте, о монетах, медалях и терракотовых предметах культа, подробно описал орнаменты и изображения на горшках, упомянул об акульих позвонках. Калверт выслушал его с добродушной терпеливостью.

— Ну. пока ничего особенного. — И. повернувшись к Софье, с улыбкой добавил: — Я восхищаюсь вашим мужем, миссис Шлиман, но вы-то, надеюсь, понимаете, что он абсолютно заблуждается относительно Трои?

— В каком смысле заблуждается, мистер Калверт?

— Да в том, что Троя здесь, на этом самом месте! Идемте, я подберу вам прогулочную обувь и представлю все доказательства из «Илиады».

Генри подмигнул ей и поднялся с кресла.

— Отлично. Ты же хотела увидеть Вунарбаши, а лучшего экскурсовода, чем Фредерик Калверт, трудно пожелать.

Конюх подкатил к дому семейный экипаж. Миновав болото, образовавшееся на месте засорившихся источников, они въехали в древнее поселение Фимбру. Несколько лет назад Фрэнк Калверт обнаружил здесь остатки храма Аполлона и несколько ценных надписей. Обогнув Троаду с юга, конюх взял вправо, и вскоре следы крепостного вала возвестили им еще об одном древнем городе. По склону холма были разбросаны глиняные черепки. Сойдя с экипажа, Калверт с низким поклоном объявил:

— Мадам Шлиман. разрешите приветствовать вас в древней

Трое!

— Я в восторге, мистер Калверт, но в это трудно поверить.

— А я представлю вам доказательства. Соблаговолите немного пройти со мной. Вот! Вот два источника, в которых троянские жены стирали свои «блестящие одежды», — этот холодный, а тот горячий. Можете убедиться.

Она попробовала рукой воду в обоих источниках и особой разницы не обнаружила. Калверт пошел дальше, а Генри шепнул ей.

— Вообще-то здесь еще сорок два источника — что. интересно, он думает о них?

Калверт обратил к ней победно одушевленное лицо.

— Вы, разумеется, знаете, что мою позицию разделяют два крупнейших в мире авторитета? Во-первых, Деметрий из Скепсиса, он прямо утверждал, что Троя была на месте Бунарбаши. Во-вторых, Страбон, назвавший Бунарбаши «градом троянцев».

— Страбон никогда не был здесь, — бубнил ей в ухо Генри. — зато Александр Великий посвятил Афине Троянской свое оружие, а это было здесь, на нашем Гиссарлыке. И там же Ксеркс в четыреста восьмидесятом году до рождества Христова принес в жертву Афине тысячу быков. Так говорит Геродот.

В конце концов самоуверенность Калверта, видевшего в каждой местной достопримечательности неопровержимое доказательство в пользу Трои, вывела Генри из себя.

— А что вы скажете о расстоянии до ахейского стана на Сигейском мысу? — взорвался он. — Ведь отсюда до Дарданелл добрых восемь миль! Чтобы только прошагать отсюда до Геллеспонта и вернуться — и то ахейским дружинам потребуется целый день, а ведь они еще сражались! Гомер же специально оговаривает, что ахейцы дважды в течение дня приходили от кораблей под стены Трои и, приняв бой, опять возвращались.

Извольте объяснить.

— Извольте! — безмятежно отозвался тот. — Отсюда до Геллеспонта—наносная земля. Вся эта равнина возникла благодаря разливам старика Скамандра. Во времена Трои Геллеспонт и соответственно ахейский стан были отсюда в трех милях.

Генри промолчал. Он не раз и не два толковал об этом со специалистами-географами: никакой намывной земли между Бунарбаши (или калвертовской «Троей») и Геллеспонтом не было и нет.

— Это все та же равнина, что и во времена Троянской войны, — объяснял он ей на обратном пути, — воды Геллеспонта

никогда ее не заливали. Иначе почему в Троаде такие глубокие водоемы? Этого не бывает на аллювиальных образованиях. Но кого-то теории Фредерика Калверта еще убеждают. Их и вообще по пальцам можно пересчитать, сторонников существования Трои, и почти каждый верит Деметрию и Страбону и держится за Бунарбаши. Только нас господь уберег от ошибок и заблуждений, которыми буквально кишат исторические источники.

Они возвращались к себе уже в сумерках: отпуская их на муки в Хыблак, Калверты настояли, чтобы они выпили на дорогу «настоящего английского чая с гренками и вареньем». Взяв поводья в правую руку, Софья левой дотянулась до его локтя и пожала его.

— Генри, меня не нужно переубеждать. Хорошо, что ты взял меня в Бунарбаши, хотя выслушивать рассуждения Фредерика Калверта тебе было и не очень приятно.

— Еще бы! Но сейчас я вспоминаю тот ростбиф и йоркширский пудинг. Ради них стоило съездить, правда?

В понедельник 30 октября рабочие подвели траншею к вершине холма, поднявшись от основания на сотню с небольшим футов. Глубина траншеи на всем протяжении была пятнадцать футов. Здесь, на самом гребне, Генри ожидал открыть благородные руины Трои. К великому его изумлению, рабочие во множестве извлекали каменные наконечники копий, каменные молотки и топоры, гранитные грузила, зернотерки из скальной породы, кремневые ножи и скребки, костяные иголки и шилья: примитивные терракотовые ладьи, похожие на соусницы, точильные камни из зеленого и черного сланца. Попадались грубые горшки.

У верхнего края траншеи Софья расстелила брезент и складывала на него находки: рабочие подносили их сотнями. При виде растущей груды каменных предметов Генри оцепенел и нервно задергал левой щекой.

— Ничего не понимаю! — вскричал он. — Почему в этом слое каменные орудия?! И наряду с этим — предметы, которыми, казалось бы, пользовались люди каменного века, неспособные их изготовить? Почему мы находим кабаньи клыки, когда ясно, что в каменном веке не было острого оружия, могущего убить кабана?

Столь же беспомощная перед этими вопросами, Софья попыталась как могла успокоить его:

— Давай заберем все это вечером с собой. Яннакис довезет на муле. Все отмоем, рассортируем, подробно опишем…

— Да уж это как водится! — бушевал Генри. — А еще я честно распишусь в собственном невежестве: что ничего не понимаю, что моя теория подвела меня. Башня, крепостная стена,

дворец Приама, дом Гектора — ничего этого здесь нет!

— Теория — это рабочий инструмент, не больше. Если инструмент плохо помогает тебе, смени его.

— Это, надо думать, греческая пословица? — осклабился он. Глубокой ночью он мерил шагами комнату, без конца брал в

руки отмытые ножи, топоры, скребки, наконечники копий, зернотерку, внимательно разглядывал их. чуть не разговаривал с ними.

— Золотая Троя лежит ниже каменного века? Невозможно…

Пожаловавшись на усталость, она наконец уговорила и его лечь, положила себе на плечо его разгоряченную голову и убаюкала, как Андромаху. Сама она всю ночь пролежала без сна, мучительно страдая за мужа.

«Господи, неужели Генри не нашел гомеровскую Трою потому, что ее просто нет? Во всяком случае, здесь, в Гиссарлыке?»

И, помотав головой, отогнала слабость:

«Нет! Я должна верить!»

Следующие дни не внесли никакой ясности. Зарядили дожди, кругом развезло, и Генри окончательно приуныл. Они уже углубили раскоп до двадцати футов, потом до двадцати пяти. Каменные орудия неожиданно пропали. Они нашли кусок серебряной нити, несколько ваз с изящным орнаментом, свинцовую пластину с выпуклой буквой «J».

— Каменный век на плечах высокоразвитой цивилизации? — разводил руками Генри. — История все же идет вперед, а не вспять!

— Бывает, что и вспять, Генри. Войны, нашествия могут приостановить развитие.

— Верно! — блеснул он глазами. — Развитую цивилизацию могли завоевать и сокрушить варвары. Сколько раз это случалось!

Он сидит перед дневником. Ночь, в комнате холодно и сыро. Кутаясь в одеяло, Шлиман пишет:

«Мои ожидания чрезвычайно скромны. С самого начала моей единственной целью было найти Трою, относительно местоположения которой сотни ученых мужей исписали тысячи страниц, но ни один не удосужился раскопать ее. Если это не удастся и мне, я все же буду сполна удовлетворен тем, что заглянул в глубочайшую темь доисторических времен и открыл для археологии небезынтересные следы древней истории великих эллинов. Открытие каменной эры не обескуражило меня, напротив, я как никогда стремлюсь открыть землю, на которую ступила нога мерных пришельцев, и я не остановлюсь, даже если мне придется рыть еще на пятьдесят футов в глубину».

— Вот это в твоем духе, Генри! А то я уже испугалась за тебя.

— Сердце Трои должно быть здесь. Но здесь его нет. Где же тогда? Цитадель должна господствовать над треугольником равнины. В следующем году мы придем на этот же северный склон, но копать станем футов на пятьдесят ниже и поведем траншею к западу, где холм вздымается над равниной. Возьмем нужную глубину и со временем вскроем весь северо-западный край холма. Там должны быть дворцы и башни, Скейские ворота.

На его осунувшемся лице разочарование сменилось решимостью.

— Мы хорошо начали и многому научились. В конце концов, учебников у нас нет.

Взяв со стола его дневник, она похлопала по нему ладонью.

— Ты пишешь этот учебник, Генри.

Книга четвертая. Священное место

1

Как ни тянуло их к себе на улицу Муз, они прежде заехали в Колон за Андромахой. Девочке было семь месяцев: крупный круглолицый ребенок, спокойный и покладистый, она уже тянулась встать, держась за ножки стула, и часами бормотала детскую нескладицу. Она поразительно походила на Софью: те же темные волосы и глаза, та же прямая линия носа и решительный подбородок, который, впрочем, был несколько тяжеловат: мадам Виктория истово верила в то, что перекормить ребенка не грех, а только во здравие. Забрав толстушку, отощавшие Шлиманы благополучно вернулись к своим пенатам. После скудного пристанища у Драмали вид обставленных комнат исторгнул у них восторженные вопли. «Какое облегчение, — воскликнул Генри, остановившись перед их матримони-але, — что не нужно каждый вечер мазать ее маслом и спиртом!» И у Софьи гора свалилась с плеч, когда она переступила порог кухни, убедилась, что все на месте, все под рукой, и вдохнула дразнящие, приторные запахи кореньев, специй и приправ.

Они внесли ящики, распаковали находки, навесили новые полки, и спустя неделю казалось, что никуда они отсюда не выезжали.

В австрийском посольстве Шлиманы купили роскошную люстру для гостиной, хрусталь. Столовая стала теперь их рабочей комнатой. Греки не любят принимать у себя дома посторонних, предпочитая деловые встречи в кафе. Генри, как истый европеец, звал к обеду всех, кто мог ему быть полезен: инженеров-строителей, ученых, музейных архивариусов.

Софья с радостью ушла в новые заботы. Она обзавелась юной помощницей, взяв девушку из семьи, которую Энгастро-мсносы знали еще по прежней жизни на площади Ромвис. Чуть свет отправившись на Центральный базар, та возвращалась в сопровождении парнишки с полной корзиной на голове, и уже до самого обеда Софья не присаживалась ни на минуту. Ей нравилось стряпать, нравилось своими руками начинить поросенка сыром и петрушкой, запечь его, а постаравшись— успеть приготовить и яблочный пирог. Удовольствие было тем полнее, что она еще не забыла, как они питались на Гиссарлыке. На высоком стульчике сидела Андромаха, колотила по доске металльной ложкой, потом, разморенная запахами пряностей и

жареных орешков, она здесь же засыпала, раскрасневшись в тепле.

Прихватив пачку писчей бумаги, Генри с раннего утра обосновывался в «Прекрасной Греции», крутя на палке толстые подшивки газет со всего света. За чтением он пил немыслимо много кофе, вел свою многоязычную корреспонденцию. Вернувшись к обеду, он успевал сунуть дочке перед сном новую игрушку.

Когда Софья и Генри уехали в Троаду, пало правительство премьер-министра Кумундуроса. Их возвращение ознаменовалось падением нового кабинета во главе с Заимисом. Парламент был распущен, новые выборы назначены на февраль 1872 года. Эти политические пертурбации не помешали, однако, мэру Афин Панаису Кириакосу озаботиться приданием городу столичного облика — Генри и тут как в воду глядел. Кириакос выстроил красивую ратушу, заменил старые полуслепые фонари, замостил улицы в центре города, развернул строительство городского театра на площади против Национального банка. Город ожил и зашевелился, цены на землю подскочили. Генри получил два весьма выгодных предложения — и оба отверг.

— Хорошую землю покупают, — объяснил он Софье, — а не продают. Раньше мы едва не разорились, покупая землю, зато теперь в ней наше богатство.

Какие он вынашивал планы, ей было невдомек, но этот всплеск делового энтузиазма она расценила по-своему: значит, можно оборудовать детскую! Она купила кроватку, ковер, бюро, занавески и обивку, купила кровать для няни, перебравшейся за ними из Колона. Генри смотрел на ее расточительство благосклонно, словно не он несколько месяцев назад запрещал ей делать покупки, брать няньку.

С родными отношения тоже наладились. На ребенка Генри оставил мадам Виктории порядочную сумму, продолжал платить жалованье Георгиосу, обеспечил им дальнейший кредит, и Александрос брал столько импортных товаров, сколько хотел. Впервые за последние два года у Энгастроменосов появились свободные деньги — обновить гардероб, приобрести кое-что. Мадам Виктория снова завела речь об их водворении в столицу.

Это было счастливое время для Софьи: все были довольны.

Под Новый, 1872 год, в день св. Василия, Софья и Генри отправились на праздничный ужин в Колон. В полночь Георгиос разрезал на двенадцать кусков традиционный пирог с запеченной монеткой: нашедшему наступающий год сулил удачу. Пирог испекла мадам Виктория, но и она бы не угадала, в какой кусок попала монетка.

Монета досталась Панайотису, и это было приятно, потому что осенью ему идти в гимназию.

Потом Шлиманы извлекли подарки. Сестрам Софья купила перчатки, Генри привез Спиросу и Иоаннису, мужу Катинго, галстуки, Панайотису подарил книги, Алсксандросу — кожаный бумажник. Родителей, решил Генри, за их заботу об Андромахе надо порадовать чем-нибудь особенным, и для мадам Виктории они подобрали в ювелирном магазине Стефану золотые часики, а Георгиосу купили трость с золотым набалдашником: было отмечено, что он давно засматривался на нее в витрине Кацимбалиса. Уже но пути в Колон Генри вышел из экипажа на площади Конституции и купил большую коробку шоколадных конфет. Когда он вернулся и сел с нею рядом, Софья спросила:

— Ты замечал, что семья — это как человек? Если с ней обходишься плохо, то и самому плохо, а если с ней по-хорошему…

— То и тебе хорошо! — рассмеялся Генри. Она обняла его за шею и поцеловала.

— Милый Эрикаки, под Новый год так приятно признаться, что я тебя люблю! Родители сделали за меня хороший выбор.

— А за себя я бесконечно благодарен епископу Вимпосу. Он вконец расчувствовался.

В Париже Софья только называлась хозяйкой дома: по существу она была молчаливой гостьей за общим столом. На улице Муз все пошло иначе. В первое же воскресенье они заполучили к обеду профессора романской филологии, греческого языка и литературы Афинского университета Стефаноса Куманудиса. Он был известен неутомимыми хлопотами по сохранению греческой старины, с одинаковой ревностью тревожась о вазах, надписях и Театре Диониса на той стороне Акрополя. Вдобавок он был секретарем Археологического общества и возродил к новой жизни его бюллетень. Он прочел три отчета Генри с Гиссарлыка. Куманудис был старше его всего на четыре года, но имя его было весьма громким в ученом мире.

После обеда все трое направились в кабинет Генри. Мужчины удовлетворенно попыхивали сигарами. Стараниями Софьи вазы, горшки и каменные орудия разместились на новых полках, и каждая вещь была снабжена ярлыком с указанием глубины и места находки.

— Хорошее начало, — мурлыкал профессор Куманудис. — Сейчас мы все вместе попробуем определить возраст каждой находки и какой культуре она принадлежит.

— Видите ли, профессор, — тушуясь в присутствии знаменитости, поспешил сказать Генри, — мы вовсе не

настаиваем, чтобы какой-нибудь из этих предметов датировать доисторической эпохой. Мы возлагаем большие надежды на будущий сезон, когда зароемся глубже и подойдем ближе к материку.

В следующее воскресенье у них обедал доктор Эмиль Бюрнуф. Окончив университет в Париже, он в 1846 году приехал в Афины простым сотрудником Французского археологического института на площади Конституции. В сорок шесть лет стал его директором, проектировал строительство нового института на горе Ликабет, готовился к раскопкам в Дельфах, на Пелопоннесе. Бюрнуф был невысокого роста, носил длинные волосы, усы и бородку клинышком. Это был энергичный господин, как все низкорослые люди, привередливый в одежде: просторные в плечах сюртуки шил в Париже, носил шелковые рубашки с гофрированными манжетами и красивые галстуки. Он привел с собой свою девятнадцатилетнюю дочь Луизу, выросшую в Афинах. Это была красотка во французском стиле, прямая противоположность типу греческой красоты: пряди шелковистых светлых волос, васильковые глаза, продолговатый овал лица, улыбчивые губы и точеный подбородок.

Генри пришел от нее в восторг и весь обед болтал с ней по-французски. Софья беседовала с мосье Бюрнуфом по-гречески, но так и не выведала, где же, собственно, мадам Бюрнуф и почему ее место занято дочерью.

Два горшка с Гиссарлыка Бюрнуф почти уверенно признал троянскими, особенно один, с крутыми боками и ручками, похожими на заломленные руки. Груда битых черепков привела его в экстаз.

— Милейший доктор! Тут целый клад троянской посуды! Терракотовая энциклопедия! Вы должны собрать черепки в целое.

— Мы с женой мечтаем это сделать.

— У меня есть два студента, они это делают мастерски. Может быть, заглянете с госпожой Шлиман к нам в институт ВО вторник утречком? Захватите две-три корзины ваших черепков. И мы с Луизой поможем. Это удивительно увлекательное занятие — собрать из дюжины обломков целую вазу. Надеюсь, тут есть погребальные урны. Кухонная и хозяйственная посуда вообще-то менее ценна.

Когда во вторник утром они приехали на площадь Конституции, к их экипажу вышли два стройных молодых француза со светлыми бородками и приняли от них корзины с черепками. В лаборатории они расчистили длинный стол и выставили на него несколько резиновых тазов, наполовину наполненных холодной водой. В комнату, приветствуя гостей,

вошли Бюрнуф и Луиза.

— Процесс до чрезвычайности прост, но эффективен. Сначала аккуратно опустим черепки в воду.

Студенты с величайшей осторожностью погрузили черепки в резиновые тазы.

Замутившуюся воду сливали, заменяли свежей. Когда последняя вода осталась прозрачной, черепки вынули и окончательно отчистили тряпочкой, щеткой, а то и просто ногтем. И рядами выложили сушиться. Потом черепки разобрали: грубые отделили от хрупких, тонкостенных, гладкие—от кусков с орнаментом, отложили вместе схожие но цвету.

— Теперь начнется самое интересное! — воскликнула Луиза. Не желая пасовать перед неугомонной красоткой, Софья сказала:

— На Гиссарлыке мы выработали такую систему: сначала подбирать друг к другу донышки и горловины. Это проще.

— Совершенно правильно, — поддержал Бюрнуф. — Стенки уже потом.

Все с воодушевлением трудились два часа кряду, разражаясь восторженными восклицаниями, когда куски совпадали.

— Когда вы наберетесь достаточно опыта, — объяснял Бюрнуф, — вы сможете с первого взгляда на груду черепков определять форму цельного предмета. Ну, для начала хватит. Теперь, молодые люди, приготовьте, пожалуйста, рыбий клей.

Студенты побросали в котелок плоские желтые плитки и разожгли жаровню. Вода закипела, клей разошелся, и комната наполнилась смрадным запахом гниющей рыбы.

«Ну, нет, у себя на кухне я этого не потерплю, — зажав нос, решила Софья. — Пусть Генри строит сарайчик на заднем дворе».

Загустевший клей сняли с огня и поставили на стол. Студенты маленькой кисточкой обмазывали кромки черепков, ждали, когда клей впитается в глину и чуть подсохнет, потом соединяли куски и держали над огнем. Начав с донышка, они кусок за куском строили вазу или горшок, как строят дом из кирпичей.

Два горшка они восстановили целиком, и еще была ваза с изъянами.

Бюрнуф велел Софье занести в их дневник возрожденные горшки, а также пронумеровать по порядку воссоединившиеся черепки, подытожив, таким образом, биографию каждой находки.

— Заключительный этап, — объявил Бюрнуф. — Берем алебастр, размешиваем в воде, добавляем рыбьего клея и латаем пустые места. Луиза училась этому искусству, так что доверим это ей.

Когда беловатая масса загустела, Луиза раскатала ее валиком

и ловко выкроила подходящие заплатки. Студенты брали подсохшие куски, так же обмазывали клеем их края, ставили на место и прокаливали на огне.

— Voila [20],—торжествовал Бюрнуф. — Вот мы и восстановили вашу первую увечную вазу. Если, вернувшись в Гиссарлык, вы найдете недостающие здесь черепки, мы удалим алебастровые заплаты и вернем беглецов на их законное место.

Потом Генри повел всех в «Эптанесос» — ресторан на улице Гермеса, неподалеку от «Прекрасной Греции». Он сел рядом с очаровательной Луизой и завел на французском какую-то бесконечную историю, чем отчасти удивил и озадачил Софью.

«Может, я этому специально и не училась, — думала она, — но велика хитрость—ставить гипсовые заплатки!»

До рождения Андромахи Генри оставался чужим человеком в семье: что могло быть у них общего с этим эксцентричным господином, которого носило по свету, словно перекати-поле?! За тысячу лет до рождества Христова греки звали «варварами» всех иноземцев. Правда, Генри знал греческий язык, но он был ему не родной, и оттенок недоверия в отношениях оставался. Семья, почитаемая у греков превыше всех союзов, вообще институт мистический: Генри-таки породнился с ними через Андромаху. А сейчас, в январе, Софья объявила ему, что у них будет еще один ребенок. Расцеловав ее, он воскликнул:

— По справедливости это должен быть сын!

На время работ в Гиссарлыке Генри совершенно отключился от дел, поручив тестю депонировать чеки, оплачивать счета и откладывать до его приезда деловую корреспонденцию. Во время раскопок он не говорил и даже не задумывался об этих вещах. Теперь же он буквально набросился на письма и телеграммы, наводнившие его стол: раскладывал, откладывал, перекладывал, готовя распоряжения, подводя баланс, покупая и продавая железнодорожные акции, оформляя денежные переводы сестрам и братьям и своим русским детям. Дела захватили его целиком.

И досуги его были деятельны: предстояло тщательно подготовить новую, полугодовую кампанию на Гиссарлыке, а выезжать им в апреле, и уже нужно рассчитать максимальное число требуемых рабочих, обеспечить толковый надзор за ними, в достаточном количестве достать инструменты и снаряжение. В последний месяц у них работало в среднем восемьдесят человек ежедневно, наблюдали же за всеми только он и Софья. Генри решил взять с собой из Афин двух опытных десятников. Софья озадаченно свела брови.

— У кого же может быть опыт в нашем деле?

— Не в нашем, а, скажем, в горном. Только вряд ли мы

найдем таких специалистов в Греции. Могут подойти дорожники.

— Верно! Ведь они пробивают туннели в горах. А как ты их найдешь?

— На их рабочем месте, — усмехнулся Генри, — на железной дороге. Твой завтрашний гость за столом — англичанин из Фолкстона, мистер Джон Лэтам. Он руководил строительством юго-восточной линии Лондон—Дувр—Фолкстон, а здесь ведет дорогу из Афин в Пирей. Вид у него нелюдимый, но человек он добрый и с чувством юмора.

Лэтам пришел с букетом цветов—гладковыбритый, средних лет и прямой, как сложенный зонт. За обедом он, впрочем, оттаял: не напрасно Софья выспросила в английском посольстве, чем пронять англичанина на чужбине. В жизни не делая ростбифа, она твердо запомнила, что он должен быть непрожарен; она расхрабрилась настолько, что приготовила даже йоркширский пудинг, и не важно, что он не удался: Джон Лэтам оценил старание и с доверительной грустью вспомнил

домашнюю стряпню.

— Куда бы я ни приезжал, — пожаловался он, — везде бранят английскую кухню. А я привык считать, что моя матушка готовит восхитительно.

О деле договорились быстро: Лэтам согласился уступить им двух лучших рабочих. Генри оплачивал их дорогу, обеспечивал жильем и обещал денежную компенсацию за полгода бессемейной жизни.

— В этом случае мы сможем взять уже сто тридцать рабочих —будет кому присмотреть за ними, — горячо рассуждал он, расхаживая по кабинету. — И еще. — Он взглянул на жену. — Чтобы нивелировать рабочую площадку по всей ширине Гиссарлыка, нам нужен инженер. Он сделает обмеры холма, даст нам точные цифры, и мы будем знать, сколько кубических ярдов земли предстоит выбрать, куда девать отвал. Я не покушаюсь на ваш штат, мистер Лэтам, — отнесся он к новоиспеченному другу, — но, может быть, на месяц вы дадите мне взаймы кого-нибудь? Я заплачу ему по высшей ставке.

Лэтам между тем страдал в своем высоком крахмальном воротнике, и страдал, по его признанию, уже не один десяток лет.

— Казалось бы, все может человеческий гений, — брюзжал он. — Может построить пирамиды и акрополь, пароходы, а додуматься сшить воротник вместо удавки не может… Нет у меня свободного инженера, но вам наверняка поможет Эжен Пиа, он строит дорогу из Афин в Ламию.

Мосье Пиа получил образование на родине и соединял в себе качества администратора, инженера, архитектора и ученого;

вместе с восьмерыми помощниками-французами он отработал все расчеты и чертежи 120-мильной Ламийской дороги и приступил к ее строительству. Он умело управлялся с множеством рабочих, и полотно дороги продвигалось на север точно по графику. Его хватало еще на то, чтобы готовить проект Французского археологического института. Образованный человек, Пиа свободно говорил по-гречески. И поскольку голова его была постоянно занята сугубо инженерными проблемами, он мало заботился о внешнем виде, щеголяя в рабочем комбинезоне и высоких сапогах. Копна его пепельно-серых волос не знала оскорбления расческой или щеткой.

— Главное, чтобы в голове был порядок, — заметил Генри. Он вкратце познакомил Пиа с ходом раскопок в прошедшем сезоне.

— Я вынужден отказаться от мысли продолжать раскопки четырнадцатифутовой траншеей: обзор невелик, находок мало. У меня другая мысль: широко вскрыть холм в сорока шести футах ниже его плато. Думается, там уже должен быть материк. Площадка будет более двухсот футов в длину и около пятидесяти в ширину. С этой площадки и плато мы поведем раскоп к северо-западному краю, он возвышается примерно на двадцать пять футов, и вот там-то, я убежден, мы откроем акрополь. Мы ничего не будем сносить, все оставим на своих местах—дома, храмы, дворцы, башни, ворота. С нашей рабочей площадки мы будем подгрызать холм с боков. Натолкнувшись на стену, вскроем ее донизу, оброем со всех сторон, освободим ее полностью.

Пиа понимающе кивнул кудлатой головой:

— Иными словами, обнаружив строение, вы отправитесь вниз искать его фундамент и одновременно будете забираться вверх, пока не откроете его макушку?

— Совершенно верно! Я рассчитал таким образом, чтобы моя площадка была посередине между вершиной холма и нижней равниной, на которой стоял город Троя. Я раскопаю город и холм с акрополем, где и должны быть крепость и башня, и тогда можно будет сказать, что перед нами гомеровская Троя.

— Мосье Пиа, — вступила Софья, — вы можете дать нам ненадолго такого инженера, который сделает подробнейший чертеж нашего холма? А холм порядочный.

— Конечно, мадам Шлиман. Адольф Лоран — он прекрасный специалист, и притом человек молодой, ему это будет только интересно.

Через несколько дней Лоран пожаловал к обеду. Он был коротко острижен, с колючим газончиком на голове, кривой на один глаз. Черты его лица вообще несли печать случайного

набора и так же непродуманно были свалены в одну кучу. Он совершат регулярные налеты на буфет, где стояла бутыль с узо, и в продолжение обеда его стакан не пустовал ни минуты. Но видимо, даже изрядная доза алкоголя была ему нипочем, и, набив рот едой, он молол занятную чепуху о странах, где ему довелось работать.

Однажды вечером заглянули и оба десятника от Джона Лэтама. Теодорос Макрис был уроженцем Митилини, главного города гористого Лесбоса, знаменитого своими двумя заливами. Макрис работал сызмала: из глубины острова прорубал дороги к морю, на море строил пристани. В речи его была сотня-другая слов, зато с лопатой, заверил их Джон Лэтам, он находил общий язык лучше многих.

Спиридон Деметриу был сыном афинского чернорабочего. Он тоже начал работать мальчиком, едва научившись удерживать в равновесии нагруженную тачку. Тяжелый физический труд, аттестовал его Лэтам, был для Спиридона прямо-таки духовной потребностью. Генри выплатил им задаток и велел отправляться в Константинополь уже в конце марта.

За их столом вкушал и такой именитый гость, как профессор Ксавье-Джон Ландерер, уже разменявший седьмой десяток лет. Он был родом из Мюнхена, где изучал медицину и естественные науки, двадцатитрехлетним юнцом по приглашению короля Отгона приехал в Афины и стал придворным аптекарем. Афинский университет избрал его своим первым профессором химии и фармацевтики. Профессор- Ландерер, надеялся Генри, мог объяснить следы окисления на терракоте и какие химические компоненты определяют разную окраску глины: черную, темно-коричневую, красную, желтую, пепельно-серую.

Среди университетских профессоров они завели немало друзей; их работа обретала научную, академическую основу. Это были ученые разных специальностей, и. надо сказать, они не разделяли теорий Шлимана относительно гомеровской Трои, но они и не поднимали их на смех. Они уважали его убежденность и решимость остаток жизни и большую часть состояния отдать достижению своей цели.

Свидетельница его трудов, Софья видела, что счастливейшим человеком Генри чувствовал себя только на раскопках и среди профессоров: Гомер был его богом. Академия — кумиром. Уже мальчиком с одобрения домашних он считал решенным вопрос об университетском образовании: скорее всего, поедет в Росток, это близко, но, может, подастся в Мюнхен или Берлин. Ему было всего девять лет. когда умерла мать. Отец наградил ребенком свою молодую экономку и был отрешен от пасторства. И жизнь

повернулась к Генри суровой стороной. По восемнадцать часов надрываться в лавке само по себе кошмар, а его еще допекала горечь, что он растет невеждой.

Штат подобрался: у них есть десятники и свой инженер — пора всерьез заняться подготовкой к новому сезону. Генри решил прибегнуть к помощи своих старинных друзей и компаньонов в лондонской фирме «Шредер и компания». В двадцать два года он был их представителем в Амстердаме; когда он самоучкой овладел русским языком, фирма послала его в Россию. «Шредер и компания» были самого высокого мнения о способностях и порядочности Шлимана. Генри предполагал выписать из Лондона шестьдесят крепких тачек.

— Лучше попроси прислать пароходом образец, — предостерегла Софья. — Ведь если они тебе не подойдут, как ты сможешь забраковать здесь весь груз?

— Верно. И еще затребуем образцы лопат, кирок и ломов. Я дам телеграмму в Лондон, растолкую, что нам нужно.

Но он переменил и это решение: захотелось быстро проехаться по Германии, посмотреть в музеях терракоту и другие доисторические экспонаты, а уж потом в Лондоне своими глазами увидеть инструменты и закупить их оптом.

В тот же день он уехал.

2

Софья тяжело переносила беременность: кровотечения, боли в пояснице, тяжесть внизу живота. Ноги разламывались при ходьбе. После двух недель отсутствия вернулся Генри и сразу забил тревогу.

— Когда ты носила Андромаху, у тебя ничего такого не было?

— Нет.

— Значит, нужен полный покой. Отправляйся в постель и не смей вставать. Спине и ногам нужно дать отдых.

— Да ведь столько дел! Я не могу месяцами лежать в постели.

Но он был неумолим.

— Тогда пойдем к доктору Веницелосу, — сдалась Софья. — Он даст нам хороший совет.

Внимательно выслушав ее рассказ, Веницелос счел страхи преувеличенными и велел не придавать значения слабым болям.

— Но я как раз хочу, чтобы она придавала им значение, доктор! — вскричал Генри. — Чтобы она внимательно относилась к себе!

Веницелос снял очки и не спеша протер стекла платком.

— Мой дорогой Шлиман, ваша жена должна вести обычную жизнь. Она молода, здорова. Много двигаться, разминаться — это только укрепит ее.

— Право, так мне будет лучше, Генри, — поддержала его Софья. — Ты сам говорил, что заплатить за совет и не следовать ему — значит быть круглым дураком.

Несколько недель уверенность доктора Веницелоса служила ей поддержкой, она опять стала поговаривать о том, чтобы в начале апреля ехать с Генри в Троаду.

— Я хочу быть с тобой рядом. Мне хорошо в Троаде, я там счастлива. Кстати, ты же обещал построить для нас домик вблизи раскопок.

— Я уже послал Яннакису деньги и велел купить лес. Наступил март, и ей стало худо. Она чувствовала: что-то происходит нехорошее. Она не могла разогнуться от тяжести в пояснице. Опять открылось кровотечение. Пришлось улечься в постель. Доктор Веницелос заходил каждый день. Облегчение не наступало. В середине марта у нее случился выкидыш. Сразу послали за Веницелосом.

— Почему это случилось, доктор?

— Капризы природы, мадам Шлиман.

— Может, я в чем-нибудь виновата?

— Ни в коем случае! Даже предупредить это невозможно. Плод плохо прикрепился к стенкам матки. Эта беда может случиться уже в минуту зачатия. И природа разумно исторгну-ла его, поскольку ребенок не получил бы нормального развития. Вы поправитесь, наберетесь сил и еще родите здорового, полноценного ребенка.

— Значит, у меня еще будут дети?

— Безусловно.

— Но это в том случае, если сейчас я не виновата?

Доктор Веницелос осторожно заправил ее волосы с висков за уши.

— Тут нет ничьей вины. Уж так случилось. Из практики я знаю, что подобное редко повторяется. А сейчас успокойтесь. Вам нужно как следует выспаться. Проснувшись, вы будете чувствовать себя гораздо лучше.

Вокруг нее хлопотала мадам Виктория, смачивая лицо и руки холодной водой. Тревога и страх не оставляли Софью. Как ни успокаивал ее врач, она не могла освободиться от чувства вины перед мужем, которого она так подвела. Она только надеялась, что Генри не станет ее укорять.

Она проспала пятнадцать часов и, проснувшись, увидела его

сидящим у постели. Его глаза распухли от слез. Она взяла его за руку. Ведь его несчастье было даже больше ее беды. Он так хотел сына! Это чудо — как он обрел жену-гречанку, а сын должен был стать продолжением чуда. Виноватым в случившемся он решительно объявил доктора Веницелоса:

— Это злой дух нашего дома. Ни при мне. ни после моей смерти не смей обращаться к нему. Я бы отдал все на свете, если бы можно было вернуться назад и не слушать советов негодяя, отнявшего у нас наши лучшие надежды.

— Любимый мой, не растравляй себя, — молила она его. — Мне тоже хочется найти виноватого. А это случайность! Как ее предусмотреть? Бог дал — бог взял. А доктор Веницелос — он же только советовал мне вести обычный образ жизни, ничего другого. Он говорит, что в другой раз это не повторяется. Я еще рожу тебе сына, и ты все забудешь.

Генри был неутешен, но тревога за жену пересилила.

— Я отложу свой отъезд в Троаду.

— Что ты, Генри! Ты обязан быть там в начале апреля, без тебя вся работа застопорится. И Лоран и десятники без тебя не поедут. А я поправлюсь и сразу приеду. Калверты встретят меня в Чанаккале, помогут найти хороший экипаж и возницу. Только бы ты успел подготовить наш домик…

В его глазах зажглась надежда.

— Об этом не беспокойся. По приезде я сразу определю к делу Яннакиса и обоих десятников. Но предупреждаю: красоты не будет, лишь бы не дуло и не текло…

Из Лондона прибыли инструменты: шестьдесят тачек, двадцать четыре больших железных лома, сто восемь лопат, сто три кирки, домкраты, цепи, лебедки.

— Вместо того чтобы все это везти пароходом в Константинополь, потом грузить на другой пароход и идти в Чанаккале, а там опять разгружаться в арбы и тащиться в Гиссарлык — может, вместо этого зафрахтовать суденышко от Пирея до бухты Бесика, она в нескольких милях по берегу от Гиссарлыка? Мы там за пару часов и разгрузимся, и доберемся до места.

— Но ведь это выйдет дорого, — наморщила Софья лоб, — зафрахтовать пароход со всем экипажем.

— Не на все же время! Нам и нужен-то один рейс в месяц. В хорошую погоду они доберутся за три дня. Сумел же Парис, убегая из Спарты с Еленой и сокровищами Менелая. управиться за трое суток, а у него не было паровых машин, только гребцы да паруса. С продуктами наконец наладимся. Будем отправлять домой список необходимого, Спирос все закупит и погрузит на

пароход.

— Действительно удобно. А на обратном пути пароход возьмет нашу долю находок.

— Если смотрители согласятся на раздел в процессе работы, не дожидаясь окончания сезона.

— Смотрители? Сколько же их будет?

— Я получил письмо от министра народного просвещения. Узнав, что в этом году я могу нанять более ста пятидесяти рабочих, он заявляет, что один смотритель не управится.

— А где наш Георгий Саркис?

— Наверное, опять сидит в своей судебной канцелярии. Так вот, мне нужно, чтобы посудина не протекала, а капитан умел молчать. Я никого не желаю посвящать в нашу кухню. Вот когда найду что-нибудь стоящее, тогда и объявлю во всеуслышание.

За несколько дней он обшарил весь порт, и удача улыбнулась ему: это был пароходик «Таксиархис» капитана Андреаса Папалиолоса, чья загорелая команда состояла исключительно из членов его семьи: младший брат, двое взрослых сыновей и племянник. Генри очень приглянулся кряжистый, крепкий старик, настоящий грек, с детства сроднившийся с морем. Он двадцать пять лет отказывал себе во всем, зато теперь имел свой пароходик и был независим.

В тот день Генри явился к обеду, не успев согнать с лица весело-озадаченное выражение.

— Похоже, ты нашел непотопляемое судно с молчуном капитаном?

— Более того, я еще раз убедился в том, что мир тесен. Когда я спросил у капитана Папалиолоса его рекомендации, знаешь, что он ответил? «Доктор Шлиман. лучше всех вам рекомендует меня ваша почтенная теща, госпожа Виктория

Энгастроменос».

— Мама?.. Каким образом?

— Откуда мне знать! Давай-ка съездим в Колон к вечеру. И Андромаха любит покататься.

— Капитан Папалиолос! — вскричала мадам Виктория. — Так он же с Крита! Мы сто лет знаем друг друга. Если он не в море, то всегда приходит ко мне на именины. А что вы хотите о нем узнать?

— Можно на него положиться?

— Как на самого себя. Вы же теперь наш, а Папалиолосы еще ни разу не подвели Энгастроменосов.

— Спасибо, драгоценная теща. Я беру его. Расставание вышло грустным.

— Всего несколько недель, — утешала его Софья. — Солнце

уже греет тепло, я смогу работать в саду. Так я скорее окрепну.

Зная ее любовь к голубям, Генри тайком соорудил в дальнем углу сада голубятню и пустил в нее несколько пар птиц. Выйдя на следующее утро в сад, она набрела на домик с воркующим населением и расплакалась.

Приехал епископ Вимпос. Он уже знал о несчастье и специально проделал долгий путь в Афины, чтобы посочувствовать и подать пастырское утешение. Два года в Триполисе не прошли для него бесследно: он осунулся, поистрепалась его сутана.

«Как глупо, что он прозябает в захолустье, — возмущалась про себя Софья. — С его-то светлой головой! Могли бы найти для него что-нибудь творческое: заниматься наукой, писать, с пользой применять знания».

В сущности говоря, это была ссылка. На вопрос, чем он занимается, он так и ответил:

— Служу, а больше, пожалуй, ничем не занимаюсь. Наезжаю в сельские приходы, слежу за казной епархии…

— Никого не учишь?

— Нет, учу детей. Школ ведь мало. Без меня они вырастут неграмотными.

— Церковь обязана вернуть тебя в Афины! Он только слабо улыбнулся в ответ.

— Я понимаю: ты убеждена, что я должен преподавать теологию в университете, древнееврейский. Я сам порою очень скучаю но университету, мне не хватает его библиотеки, коллег, подающих надежды студентов. Иногда не с кем словом перемолвиться, и так одиноко…

— А твоя библиотека?

Он грустно помотал головой.

— Увы, Софья, библиотеку я продал, когда уезжал в Триполис, — надо было расплатиться с последними долгами.

Ей стало жаль его до слез.

— Но не навечно же это?!

— Милое мое дитя, я наставлял тебя слушаться божьей воли — и сам же ослушаюсь! Ведь если я возлюбил Господа и нашу Церковь, я должен с кротостью принимать все посланные мне испытания.

И тогда впервые после отъезда Генри она отправилась без него в город. Она ехала в любимый с детства книжный магазин Коромеласа. Это была зала с полками в три стены, пестрящая надписями: Поэзия, История, Литература, Наука… Отдельно стояли книги на французском, немецком и английском языках. Дважды в год, в день святого Василия и на свои именины, она

приходила сюда с кем-нибудь из взрослых, вдыхала запах краски и переплетов. Ей разрешали выбрать любую книгу. Сейчас Генри оставил ей на неотложные расходы сто долларов, и большую их часть она решила потратить на книги для дяди Вимпоса. Она ни секунды не сомневалась в том, что и муж счел бы это неотложным делом. Они были обязаны Теоклетосу Вимпосу своей встречей, сохранностью их брака, и нельзя, чтобы он был одинок, чтобы он не мог побеседовать хотя бы с книгой. В Париже она сказала Генри: «Мне легче сломать ногу, чем мучиться от одиночества». Или она сказала: «чем скучать по дому»? Впрочем, это одно и то же. Духовная и научная атмосфера столицы — их лишился Теоклетос Вимпос, и от этого он страдал. По-своему это сродни ее недавней беде.

Апрель стоял теплый. На рассвете небо подергивалось белесоватой дымкой, потом ярко голубело. Она хлопотала у клумб и кустов, выпустивших почки, кормила голубей, но странно! — ее томило чувство опустошенности, потери. Ее все сильнее тянуло в Гиссарлык, к раскопкам, к людям, к радости находок.

Письма от Генри также приносили мало утешения. «Живем тяжело, — писал он. — Виды прекрасные, остальное все плохо».

Домик на краю раскопа еще не был готов. Он ночевал в какой-то будке для инструментов. Три ночи не переставая лил дождь, крыша потекла. Яннакис набирал рабочих и со стряпней не успевал, к тому же не было ни плиты, ни подходящей посуды. Пришлось брать еду из Хыблака. Кругом была такая грязь, темень и холод, что он забросил писать свои отчеты по вечерам. «Если можешь, то. ради Христа, задержись в Афинах и немного укрепи ручки и ножки…»

Но если она все же собирается ехать, то пусть обязательно прихватит плиту, десять тарелок, ножи, вилки и ложки, пару матрацов (большой и маленький), одеяла, полотенца, одежду попроще, крепкие кожаные башмаки, а также несколько дюжин плетеных корзин разной вместимости—для перевозки горшков, ваз, черепков. И она отправилась делать покупки. Спирос проследил, чтобы все упаковали в те самые корзины, которые на обратном пути доставят в Пирей их археологический материал.

После очередного письма оставаться в Афинах было уже невозможно. В нем каждое слово исходило любовью и одиночеством.

«Моя самая прекрасная женушка! Как ты себя чувствуешь, мой маленький ангел, жизнь моя? Что ты там поделываешь? Как твой аппетит, как ты спишь? Поправляешься ли? Как поживает наша дочурка? Ей нужно каждый день быть на воздухе три часа—

как минимум. Что делается в твоем саду? Надеюсь, что заключенным в тебе божественным духом ты вернула к жизни нашу бедную пальму. Живы ли голуби? Уверен, что от твоего сада нельзя отвести глаз.

Любовь моя, каждый день езди купаться в Пирей, а когда откроют железную дорогу—то в Фалерон. Я хочу, чтобы ты совсем поправилась. Напиши мне что-нибудь хорошее—тогда мне и солнце здесь посветит ярче».

Она в тот же день заказала каюту на пароходе, отплывавшем в начале мая в Константинополь.

За день до отъезда от Генри пришла рукопись статьи на пятнадцати страницах с просьбой показать ее грамотному родственнику, дабы тот поправил, где надо, а затем переслать в афинские «Полемические листы». Нужно было еще успеть отнести фотографу зарисовки их находок — креста и «свастики»: к статье нужны иллюстрации.

Перепоручив все эти заботы отцу, она перевезла родителей на улицу Муз, чтобы не отрывать Андромаху от дома, расцеловала всех на прощание, и Спирос отвез ее вместе с кофрами в Пирей.

Генри встречал ее на пристани в Чанаккале. У нес заныло сердце, когда она увидела его на самом краю сходней. Он так исхудал — костюм висел на нем, как на вешалке. Лицо желтое, в углах рта пролегли глубокие морщины — нет, даже в их худшие дни в Хыблаке он так не выглядел. И спал он, конечно, плохо все эти недели. Еще эти отчеты для газет и ученых обществ: без ее помощи он писал по-гречески в три раза медленнее.

«Бедный мой, бедный, — с любовью подумала она, — как ему было тяжело. Ну, уж теперь я не спущу с него глаз».

— Как ты красива, — прошептал он, обнимая ее.

Для дороги она, понятно, пренебрегла его советом относительно «одежды попроще», надев сшитые в последнюю неделю в Афинах шелковую блузку с кружевным воротником, широкую нежно-голубую юбку и синий саржевый жакет, который очень ей шел. В общем, она кое-что сделала для того, чтобы быть красивой в глазах мужа.

Слегка отстранившись, он взглянул ей в лицо.

— За всю свою разнесчастную жизнь я никого не встречал с такой радостью. Дай посмотреть на тебя. Я же тут ничего не видел, кроме мотыг, лопат и турецких греков. Ты стала полненькая. Это хорошо. Глазки сияют…

— Это потому, что я тебя вижу, Эррикаки. Еще бы не потолстеть: мама готовила мне три раза в день—слыханное ли дело? Зато теперь я позабочусь о тебе. Вот поцелуй от Андромахи.

— Какой сладкий поцелуй и какой чистый. Надеюсь, ее мама

припасла парочку от себя?

— Не сомневайся. Готов наш дом?

— Да, и еще кухонька с пристройкой. Яннакис горит нетерпением получить наконец плиту. Стой! А ты не забыла плиту?

— Конечно, привезла, и столько продуктов, что полгода буду кормить тебя по-царски.

Они пошли посмотреть за погрузкой корзин в большую арбу.

— Вон Деметриу, — показал Генри. — Десятник, тот. что помоложе, ты помнишь. Отдай ему погрузочную опись, он сам проследит за всем.

Взявшись за руки, они стояли у кромки голубых Дарданелл и смотрели вдаль, на зеленые Галлиполийские холмы. День был теплый и ясный.

— Софидион, ты привезла нам хорошую погоду. В эти три недели мы потеряли семь дней: дожди, праздники. И все же в первой половине апреля мы выбрали одиннадцать тысяч кубических ярдов земли, а были страшные холода.

— Мне хочется скорее все это увидеть. Как идет работа у Лорана?

— Он уехал. Отработал свой месяц и уехал. Пьет! К нам на холм он выбирался только на час-другой.

— А как же его расчетные чертежи, рельефные карты?

— С этим все прекрасно. Я захватил их показать Фрэнку Калверту. Когда наша площадка прорежет холм, от его половины, боюсь, немного останется.

— Ему все же будет приятнее владеть частью Трои, чем лысым холмом, на котором пасутся чьи-то овцы.

У Калвертов им предстояло переночевать.

— Я подумал: поездка не из легких и лучше тебе отдохнуть перед дорогой в Гиссарлык.

Взявшись под руку, они пошли по узенькому тротуару главной улицы. Словно вернувшись домой, она умиротворенно взирала на караваны верблюдов, вереницы черных пони, нагруженных корзинами, на женщин в яшмаке — вуальках, прикрывавших лицо. В угоду традициям в общественных местах турчанки являли собой ходячий склад мануфактуры: шальвары, тесно схваченные в лодыжках, длинная юбка, яркой расцветки елек — халат, тесный сверху, с рядом пуговиц от пояса донизу, а поверх всего какой-то балахон с широкими рукавами. С головы до талии их покрывала паранджа.

— Только аллах да собственный муж знают, как выглядит турчанка под всеми этими одежками, — богохульствуя, заметила Софья.

Он улыбнулся, чувствуя, как весь теплеет, согревается любовью, ее присутствием. Он даже порозовел. Казалось, не мешай жилет и золотая цепочка, он бы дышал еще вольнее, и как тогда, в их первую встречу в Колоне, он словно сбросил с плеч лишние двадцать лет и опять был молодым. Воровато оглянувшись, он порывисто обнял ее и поцеловал.

— Я задолжал тебе сына, — шепнул он.

И она поняла, что прошлое отпустило их.

Калверты встретили их как старых друзей. Миссис Калверт по-матерински расцеловала Софью в обе щеки. Все четверо детей были в сборе: Эдит, Алиса, Лаура и младшенький. Девочек отец время от времени брал на раскопки могильных курганов, которых в Троаде великое множество. После обеда взрослые перешли в библиотеку и устроились в покойных кожаных креслах. На круглом столике Генри расстелил чертежи и планы Лорана.

— Сначала я покажу, где мы готовим нашу рабочую площадку. Вот здесь, от буквы «А», в прошлом году мы вели нашу четырнадцатифутовую траншею. Когда мы достигли вершины, она была длиной в шестьдесят футов. По пути я надеялся открыть величественные сооружения, а удовольствоваться пришлось залом для собраний, относящимся примерно к Ш веку до рождества Христова. В этом году мы будем копать ближе к северо-западному мысу — вот, где буква «В». Здесь я рассчитываю найти и крепостные стены, и дворец Приама.

На чертежах была ясно видна вся стратегия Генри: с пологого северного склона идти к югу, перерезая холм пополам, и уже с этой площадки копать во всех направлениях, реагируя на каждый сюрприз в рельефе холма. Вглядевшись в линии и цифры, Фрэнк Калверт присвистнул и растерянно потеребил усы.

— Дело грандиозное, Генри. И какая дерзкая мысль! Сколько же земли вы предполагаете выбрать?

— По расчетам Лорана, сто тысяч кубических ярдов. На глубине сорока шести футов я встану на материк. Сердцевина холма будет вскрыта полностью, и мы сможем освободить великие сооружения из трехтысячелетнего плена.

Взглянув на Калверта, Софья вспомнила, какое потрясение испытала она сама, когда Генри впервые открыл ей свой радикальный план раскопок.

— Я бы так не смог… Мне бы и мысль такая не пришла… Я люблю небольшие раскопки: холм Аякса или храмик в Фимбре, в поместье моего брата Фредерика. Чтобы управиться самому и за несколько дней… ну, от силы с двумя помощниками.

Генри не нашелся что ответить, и Софья поспешила на выручку:

— Я вас понимаю, мистер Калверт. Будь вы писателем, вы бы охотнее писали рассказы, а не романы. А Генри—он как Достоевский…

— И еще напишет свое «Преступление и наказание», — сощурился ее собеседник. — Рекомендую себя в герои романа…

Повисло неловкое молчание.

— Фрэнк, — нарушил тишину Генри, — может так получиться, что я залезу на вашу половину холма. Вы не возражаете?

— Да сделайте милость! — мгновенно откликнулся тот. — Зачем же тогда я торопил вас несколько лет назад, в нашу первую встречу, зачем хлопотал о фирмане?! Я бы только попросил поровну разделить находки на моей половине.

— Это справедливо, Фрэнк. Как мы скрепим наш договор — рукопожатием или составим бумагу?

— Вашего слова достаточно.

После крепкого рукопожатия Фрэнк достал из скрытого в стене бара бутылку бренди.

— За гомеровскую Трою! Как только отроете что-нибудь великое — напишите, я сразу приеду.

В честь Трои даже Софья осушила бокал.

3

Перемены на Гиссарлыке поразили ее: расползшийся лабиринт траншей, новые террасы, обнажившиеся каменные кладки, а главное — маленький поселок из трех домиков на северозападном краю холма, у самого начала раскопок, и еще несколько строений теснилось на равнине, под восточным склоном. Генри с гордостью писал ей, что их три дома обошлись ему в двести долларов, и она ожидала увидеть более или менее приличные бараки, а это оказались крепкие постройки, с надежными крышами, с хорошими окнами и дверьми.

В их доме было три комнаты: спальня, просторная столовая и рабочий кабинет с полками на две стены. Новые находки

Генри все пронумеровал, но еще не очистил. Здесь же стоял видавший виды письменный стол, по случаю купленный им в Чанаккале. Этот изрытый оспинами ветеран пришелся Софье по душе: такой большой — можно работать вдвоем. В окна на левой стене было видно Эгейское море, острова Имброс и Самофракию.

Она поставила любимую икону в киот, кое-как сбитый Яннакисом, платья повесила в угол, отгороженный занавеской— как в ее девичьей спальне в Колоне. Гардероб она подобрала

соответствующий: три давно отставленных платья с широкой юбкой—удобно будет лазить по насыпям, платье с короткими рукавами и узкой талией, для этих мест, может, чересчур элегантное, но оно никогда ей не нравилось, удобная юбка, блуза. Забраковав шарф, не спасавший от палящего летнего солнца, она привезла пару шляп — широкополую соломенную и фетровую. Само собой, не были забыты и две пары кожаных ботинок.

Генри показал ей и два других домика: в одном жили десятники Макрис и Деметриу, в другом была кухня. Яннакис уже поставил плиту (ночью пришла арба) и прорубал в потолке дыру для трубы. Увидев Софью, великан осторожно спустился по лестнице, пал ниц и поцеловал ей руку.

— Здравствуйте в Шлиманвилле, моя госпожа. То-то хозяину приятно!

— Яннакис, ты нашел девушку для госпожи Шлиман? — спросил Генри.

— Какую девушку? — удивилась Софья. — Зачем?

— Тебе нужна подружка и горничная. Сейчас не то, что в прошлом году. Рабочие из Ренкёя отправляются домой только в субботу вечером или накануне церковного праздника. Здесь они разбили лагерь, спят, обернувшись в несколько одеял. Я поставил для них бочки с водой, нужники. Есть продуктовая лавочка, хотя они все приносят с собой в понедельник. Мы, как видишь, закладываем ни много ни мало деревню под названием «Гиссарлык». И слишком здесь много мужчин, чтобы оставлять тебя одну дома.

Распустив рот до ушей, Яннакис пожирал их глазами.

— Хозяин, я нашел девушку.

— Отлично. Сколько времени она здесь будет?

— Столько же, сколько и вы. Я на ней женился. Чтобы не сбежала.

Тут было чему удивиться. Всего год назад едва переступивший сорокалетний рубеж Яннакис зарекался жениться: распоряжаться другими не в его характере, а с женой особенно надо уметь себя поставить. Иначе нельзя — Азия… И вот он жертвует собою ради них—так, что ли, получается?

— Где же она, Яннакис?

— Сейчас приведу.

Он нырнул в клетушку при кухне и через минуту вывел упиравшуюся супругу.

— Вот Поликсена, хозяин. Мы родственники. Она из Ренкёя.

Потупив глаза. Поликсена поклонилась Генри, потом Софье и чуть слышно промолвила:

— Ваша слуга.

Это была миленькая и какая-то очень чистенькая девушка лет шестнадцати, росточком аккурат под мышку Яннакису. Поскольку она была какой-никакой гречанкой, лица она не закрывала. На ней была белая рубашка с длинными рукавами, длинная юбка, голова покрыта шалью. Застенчивая, но видно, что девушка она самостоятельная и что с нею будет легко.

Вдоль двух свободных стен кухни Яннакис тесно составил стофунтовые мешки, и чего там только не было: кофе, сахар, бобы, фасоль, сушеный и зеленый горох, чечевица, рис, сушеные фиги, изюм, орехи, мука… А Яннакис вносил новые тюки и пакеты: макароны, корица, мускатный орех, ваниль, фисташки, томатная паста, тертый сыр, патока. На улице дожидались своей очереди бочонки с пикулями и селедкой, маслины, сардины… Развязывали крепкий узел, заглядывали в мешок.

— Вот это запах, — радовалась Софья. — Как в торговых рядах.

Генри даже не пытался скрыть счастливой улыбки.

— За эти шесть недель я изголодался. Теперь наверстаем.

— Так вот зачем ты меня ждал: тебе нужен повар.

— Я повар! — заревновал Яннакис. — Лучший в Троаде! Вдруг голос взяла Поликсена:

— Это не мужское дело. Я буду готовить.

— Нет! — отрезал Яннакис. — На кухне я хозяин. И побледнел, обессилев от смелости.

— Мы все будем готовить, — рассмеялась Софья. — Наперегонки.

Генри повел ее на раскопки. По холму взад-вперед сновали рабочие в синих штанах и красных фесках.

— Настоящий муравейник! — воскликнула Софья.

— Правильно: здесь сто тридцать человек. Нам очень повезло с инструментом, особенно с тачками и совковыми лопатами.

Они направились к южному краю холма, где в четвертом веке новой эры процветал Новый Илион.

— С тех пор здесь уже никто не жил.

Бригада из сорока пяти человек пробивала раскоп с равнины вверх по некрутому склону. Руководил работой незнакомый ей человек в шахтерском шлеме, обутый в высокие английские ботинки.

— Помнишь, я говорил в Афинах, что хорошо бы найти в десятники шахтера? А шахтер сам нашел нас. Это Георгиос Фотидис, здешний грек. Он семь лет проработал в Австралии на рудниках. Затосковал по дому, вернулся, женился на молоденькой девушке из соседней деревни. Взял без приданого, сидел без работы. Я тут же нанял его, узнав, что он имеет опыт в

сооружении тоннелей. Он отлично знает свое дело. Ночует в нашем втором домике.

Взяв ее за руку, он спустился к широкой траншее и представил ей Фотидиса. Тот снял свой шлем, приложил руку к сердцу и склонился в низком поклоне.

— Фотидис, — обратился к нему Генри, — объясните миссис Шлиман, что вы делаете.

— С радостью, доктор Шлиман.

Его греческий был безупречен, причем это был почти язык образованного человека.

— Мы поднимаемся с равнины, миссис Шлиман, до отметки сорок шесть футов, где, по мысли доктора Шлимана, станем на материк. После этого мы пойдем поперек холма, на соединение с бригадами Макриса и Деметриу, они идут с северной стороны. Когда мы встретимся, наша траншея опояшет по ширине весь холм на уровне материка. На уровне гомеровской Трои. Таково намерение доктора.

— И доктор уже не передумает, — мрачновато протянул Генри. — Пойдем, Софья, на северный склон, посмотрим, как там.

Переваливая через холм, они подошли к месту, где еще одна бригада крошила земной покров с двадцатишестифутового утеса: тут, полагал Шлиман, таится троянский акрополь. Холм, словно скорлупой, был покрыт наносной почвой в возрасте от трех до четырех тысяч лет. Внутри же было ядро, скальная гора, на которой стояла первая Троя. Этот орешек и хотел попробовать на зуб Генри Шлиман. А скорлупу выплюнуть.

Не сделав и двух шагов по плато, Софья подняла глаза и увидела такое, от чего у нее подкосились ноги.

— Матерь божья! Это явь или сон?

— Красивые, правда? — ликовал Генри. — Я попросил пока не выбирать их из земли, чтобы ты увидела их in situ.

Зрелище и впрямь ошеломляло: наполовину отрытые, в траншее стояли в ряд десять оранжевых пифосов [21]. В высоту они, видимо, достигали семи футов и имели пять футов в тулове.

— Генри, что это? Для чего они использовались? И почему стоят рядком, да еще так высоко?

Генри удовлетворенно хмыкнул.

— Глядя на эту земляную стену, трудно поверить, что перед тобою улица, даже несколько улиц с остатками домов на них. А в этих великолепных пифосах хранили масло, воду, пшеницу, ячмень…

— Но как же добирались до этих запасов? По лестнице, что ли?

— Совсем наоборот, любовь моя: опускались на колени. Она

оторопело взглянула на него. И тут сверкнула догадка.

— Ты хочешь сказать, что они были зарыты в землю?

— Непременно. Обычно дом состоял всего из одной комнаты. Внеси в нее эти пифосы—и семье придется спать на дворе. Поэтому они зарывали их в один ряд по самое горлышко перед очагом.

Новое потрясение ожидало ее, когда они спустились на сорок шесть футов ниже плато: она увидела первые штрихи великого замысла Генри, первые контуры рабочей площадки. Землекопы Деметриу спустили траншею сверху, с плато; по крутому северному склону наперерез ей подвели свою траншею рабочие Макриса. Вместе они выбрали уже свыше пятнадцати тысяч кубических ярдов земли. Площадка подрезала холм уже на сто пятьдесят футов; с этого плацдарма люди Шлимана будут сокрушать земляную преграду, укрывающую — Генри в это свято верил — цитадель, некогда защищенную могучими каменными стенами, которых не одолела даже десятилетняя осада ахейцев. Здесь должна быть и дорога на равнину.

— Генри, неужто я стою на земле гомеровского Илиона?

— Я, во всяком случае, в этом убежден. Понимаешь, — воодушевился он, — в первую очередь нам нужно найти стены. Сядем на этот уступчик.

Он достал из кармана сюртука «Илиаду» и зачитал место из разговора Посейдона с Аполлоном:

> Позабыл ты.
> Сколько трудов мы и бед претерпели вокруг Илиона.
> Мы от бессмертных одни? Повинуяся воле Кронида,
> Здесь Лаомедону гордому мы, за условную плату,
> Целый работали год, и сурово он властвовал нами.
> Я обитателям Трои высокие стены воздвигнул,
> Крепкую, славную твердь, нерушимую града защиту.
> Кроме того, мы ищем двустворные ворота.

О них сказано чуть дальше. Вот:

> Царь Илиона, Приам престарелый, на башне священной
> Стоя, узрел Ахиллеса ужасного: все пред героем
> Трои сыны, убегая, толпнлися: противоборства
> Более не было. Он зарыдал — и, сошедши на землю.
> Громко приказывал старец ворот защитителям славным:

«Настежь ворота в руках вы держите, пока ополченья
В город все не укроются, с поля бегущие: близок
Грозный Пелид. их гонящий! …
Но, как скоро вбегут и в стенах успокоятся рати.
Вновь затворите ворота и плотные створы заприте».

Они вернулись в дом. Усердием Яннакиса их ждал горячий обед.

— Плита. — гордясь собою, объявил он, — она работает. Сделал муссаку, рисовый плов, отбивные в вине. Печь работает, испек буханку греческого хлеба.

Генри распечатал бутылку своего любимого турецкого вина.

— Выпьем за находки великие и удивительные!

— За это стоит. За этим мы и приехали сюда. Но сначала я хочу выпить за счастье в этом доме, что ты выстроил для нас.

— А счастливы, — он твердо посмотрел ей в глаза, — мы будем тогда, когда предъявим всем троянский акрополь. Это образумит маловеров.

«Что ж. верно, — подумала она, — счастье нашего брака зависит от того, найдем мы Трою или нет. Только обижаться не на что: я знала, на что иду».

После обеда он увел ее в рабочую комнату показать, что они накопали, пока она оставалась в Афинах. Он не разобрал находки по материалу, сложил кучками по общему месту залегания, керамику, камень, кость.

— Мы открыли подпору из известняка с галькой, она явно предназначалась для того, чтобы придать устойчивость зданиям на холме. Земля за подпорой стала твердой, как камень. Там же мы нашли остатки домов и вот эту кучу вещей: диоритовые топоры, пращевые ядра, кремневые ножи, ступы из лавы, этих прелестных мраморных идолов с головой совы и без оной, глиняные грузила-пирамидки, терракотовые ракушки…

— Утром я возьмусь за их расчистку. Сделаю обмеры, составлю описание. Я привезла порядочно рыбьего клея и алебастра.

— Очень хорошо. Работы тебе здесь хватит.

— Но я хочу и копать!

— Пойдем на компромисс. С утра работай со мной на площадке, а после обеда оставайся дома — веди записи, приводи в порядок мои статьи для лондонской «Тайме» и «Аугсбургер альгемайне».

На полках она обнаружила серебряную брошку, формочку

для отливки украшений, поврежденный сосуд с прелестной росписью, почерневшие бронзовые иглы, копье из меди. Легкими пальцами она трогала диоритовые молотки, керамику — иссиня-черную, коричневую, желтую; аккуратными стопками грудились блюда, рожденные на гончарном круге, вазы с мужскими лицами и вазы неведомых им дотоле форм, двудонные кубки, похожие на бокалы для шампанского, черный кувшин, высоко задравший свой птичий носик, пустые погребальные урны, полные корзины черепков, расписанных удивительно живыми красками, глиняные печати с какими-то надписями, треногий кувшин, по-видимому изображавший собою женщину, поскольку в положенном месте были груди.

— Такую массу вещей скоро не обработаешь. Ах, как жаль, что меня не было здесь все это время! Я бы их еще в земле перетрогала, привыкла бы к ним.

— Привыкнешь, когда подержишь их в руках.

— Ты примерно представляешь их возраст?

— Они все перемешались, вроде наших городов на холме. Многое прояснится в работе, а афинские друзья из университета помогут уточнить окончательно. Теперь, я думаю, пора спать. У тебя был трудный день.

Яннакис распаковал ящики с одеялами. Поликсена приготовила им постель.

Безмятежно рассмеявшись. Софья обвила руками шею мужа.

— Милый мой Эрикаки! Сейчас ты укроешься настоящим шерстяным одеялом, заправленным в настоящий атласный пододеяльник, и почувствуешь себя в раю.

— А я там всегда, когда я с тобой.

Она проснулась и рывком села на постели: что-то ползло по щеке! Завизжав, она смахнула тварь и спрыгнула на пол.

— Генри! Многоножка!

— Всего-навсего сороконожка, — сонным голосом ответил он.

— Разве ее укус не страшен?

— Не страшнее смерти.

— Нет, теперь я буду спать, укрывшись с головой. Она привычно тронула шейный крестик.

— Святые заступники, обороните нас!

— Они тяжелы на подъем. Проще попросить Яннакиса обметать потолок днем, пока светло.

Генри проснулся в четыре, было еще темно. Резвые лошадки быстро добежали до Симоиса. Софья не стала купаться. Когда они возвращались, солнце выкатилось из-за зубцов Иды, и небо заалело нежным румянцем. Софья сделала маленький крюк, чтобы увидеть светлое пробуждение Дарданелл. Через минуту-

другую зажегся и высокий гребень

Самофракии. В прошлом голу, впервые наблюдая с Гиссарлыка здешний восход солнца, она едва не задохнулась от счастья. А сейчас ее радость была легка: она у себя дома.

Вместе с кофе Яннакис поставил перед ними какую-то отраву.

— Что это? — спросила Софья. — Новый вид хинина?

— Хинин мы будем пить летом, когда пересохнут болота, — ответил Генри. — Это отвар из «змеиной травы». В числе твоих находок будут змеи — коричневые гадючки не толще дождевого червя, ядовитые. Рабочие пьют это варево каждое утро, и тогда укус змеи неопасен.

В половине шестого, оставив Поликсену убираться в доме, они спустились к восточному подножию, где у плетня с воротцами уже стоял Яннакис. Он отмечал в книге каждого проходившего в ворота. Расплачивались теперь не вечером, а в конце недели. Бакалейщик открыл рабочим кредит; в субботу вечером и накануне церковных праздников производился окончательный расчет. Необходимые деньги были теперь у Генри только в день получки: накануне их привозил его агент из Чанаккале, некий господин Докос.

Генри издали показал ей новых смотрителей — двух турецких солдат. Знакомить их он не счел нужным.

— Вот когда мы пожалеем о нашем приятеле Георгии Саркисе! Эти не спускают с нас глаз. Я держу их на почтительном расстоянии от себя. Разметочные колышки отделяют турецкую часть холма от собственности Фрэнка Калверта. Надзирателям разрешается забирать половину находок с государственного участка, но я придумал умную штуку: не позволяю им переступать порог нашего дома. Пусть комплектуют коллекцию своего музея прямо здесь, на месте, в обеденный перерыв или вечером, с окончанием работы. Нельзя допустить, чтобы они видели вещи после расчистки.

— Но они хоть с толком отбирают свою половину?

— Откуда им взять этот толк? Простые солдаты. Что отмытые вещи, что нсотмытые — им надо взять половину.

В ее бригаду он смог выделить только десять человек. С некоторыми она работала в прошлый сезон, да и новички встретили ее вполне дружелюбно. Генри дал чертежик: по обе стороны от главной площадки нужны две тридцатифутовые террасы (у вершины они поднимутся еще на шестнадцать-девятнадцать футов); они должны иметь двадцать футов в ширину и сто в длину. На чертеже с обеих террас во все стороны разбегались предполагаемые траншейки.

— С таким же успехом можно было начать с вершины, —

заметила Софья, — и в тачках перевезти весь холм куда-нибудь на другое место.

— Нет, Софья, наша цель не в том, чтобы срыть холм. Наносную землю прежде надо просеять — вдруг что найдем? — и только потом можно везти ее на свалку. А стены, укрепления, храмы, дворцы, улицы и ворота, которые мы отроем, — их все мы должны оставить на месте, нетронутыми.

Пришел Фотидис, помог сделать разметку второй террасы. Софья не могла нарадоваться, насколько убыстрили работу металлические совковые лопаты, отличные кирки и на совесть сделанные английские тачки. Когда отвальную породу ссыпали в корзины или тачки, она была начеку. Найденные предметы, не расчищая даже из любопытства, она сносила в одно место.

В одиннадцать часов дали отбой на обед.

Под инквизиторским взглядом Генри надзиратели отобрали свою половину у Фотидиса, Макриса и Деметриу и подошли к Софьиной террасе. На черепки, лежавшие отдельно, они даже не взглянули. Софья обменялась с Генри понимающим взглядом. Эти осколки они соберут в Афинах и станут обладателями прекраснейших ваз с дивной росписью и орнаментом.

С обедом Генри распорядился так: Яннакис готовит на всех. Шлиманам накрывают в столовой, остальные—трое десятников, Яннакис и Поликсена—обедают за грубым деревенским столом в кухне. Яннакис явил чудеса расторопности. Отметив утром всех вышедших на работу, он наведался в несколько ближайших деревень и вернулся с живой добычей — четыре курицы!

4

В конце мая Генри распорядился возвести несколько каменных стен для сброса — земли, каменных глыб, — непрерывным потоком поступавшего сверху. Первая кладка его не удовлетворила, и он запретил рабочим близко подходить к ней. Фотидис у было велено поставить другую стену, повыше, из крупных камней — их во множестве отрывали каждый день. Выполнив наказ, Фотидис самоуверенно объявил:

— Эта стена простоит века.

— Может быть, — согласился Генри. — Но лучше ее сразу укрепить.

Шестерых рабочих отрядили сделать подпору. И гут стена с треском рухнула. Услышав леденящий душу вопль Генри, Софья одним духом примчалась к нему. Он рвал на себе волосы: те шестеро работали под самой стеной!

Все, кто был рядом, и даже подоспевшие издалека рабочие Фотидиса лихорадочно растаскивали валуны. С одержимостью помешанного им помогал Генри.

— Фотидис, — спросила Софья, — вы уверены, что рабочих засыпало?

Мучаясь сознанием собственной вины, тот взглянул на нее белыми от ужаса глазами.

— Когда я в последний раз видел их, мадам Шлиман… Глядите! — судорожно оборвал он себя. — Вот они! Сами выбираются, черти!

И, словно отмахиваясь от пыли, трижды мелко перекрестился. Софья окликнула Генри, суетившегося с другой стороны каменного развала.

— Все в порядке. Генри! Люди целы.

Он подошел к ним, нервно дергая левой щекой. Крепко пожал руки всем благополучно выбравшимся.

— Это чудо, — сказал он Софье. — Не иначе. Они ведь работали под самой стеной. Господь печется о дураках и детях, и сейчас мне все равно, кто я в его глазах. Малышка, у меня ни на что нет сил. Пойдем домой. Поликсена сделает нам кофе.

Отхлебнув густого черного напитка, он отставил чашку, потянулся через стол и крепко взял ее за руки.

— Софидион. сегодняшний день мог стать последним в нашей одиссее. Если бы те шестеро погибли, то уже никакие деньги и никакие посулы не спасли бы нас. В одном троадские женщины безусловно похожи на гречанок: хоть старый, хоть бедный, но муж — это сокровище превыше земных и небесных радостей.

— А так и должно быть.

Она опустилась перед иконой богоматери и возблагодарила за спасение людей.

— Я не буду заново ставить эту стену, — решил Генри. — Сбрасывать камни и землю, конечно, опасно—для рук, ног. Но не для жизни. А мы еще и перестрахуемся: я найму в Хыблаке пару мальчишек, пусть глядят в оба. Когда с горы покатится камень, они будут кричать: «Поглядывай!» — и рабочие успеют отойти в сторону.

Потянулись недели, месяцы, пришли новые трудности и огорчения, пришли и радости. Сто пятьдесят человек потрошили холм, выбивая ступени и террасы, прорубая рвы, вырубая пещеры, прокладывая целые тракты, — и Софья видела, как с каждым днем изменяются очертания холма. Прежде она не задумывалась над тем, что горы могут расти, а могут и уменьшаться в росте, что они не существуют неизменными от века: на них действуют

природные силы, из которых самая могущественная — человек. Глядя с вершины на искромсанное тело холма, она всякий раз воображала разные картины. То ей представилось, что это обширный лабиринт, вроде того, что на Крите, под Кносским дворцом: там Тезей убил Минотавра и с помощью Ариадны, давшей ему путеводную нить, выбрался на свет. А в другое время, особенно утром или ближе к вечеру, изрытый холм казался ей гигантским ульем, второй горой Гимет. Или являлось видение кратера потухшего вулкана, на дне которого растет одно-единственное деревце, живой укор сковавшим его земле и лаве.

Июнь принес нестерпимую жару. Беспокоясь за рабочих, Генри подрядил старшего сына Драмали возить в поселок воду из ближнего холодного ключа. Еще один представитель этого семейства грузил бочонки на ослика и развозил воду но траншеям. В разгар июня, в самое пекло, на холм привозилось до десяти бочонков, а воды все не хватало.

С севера задули ветры ураганной силы. Поликсена обматывала Софье всю голову вместе со шляпой прозрачным шелком, чтобы уберечь глаза, нос и рот от беснующейся пыли. Зато пропали змеи, и не надо было по утрам глотать противоядие.

В теплые вечера они обедали на воздухе, смотрели, как солнце опускается в Эгейское море. Чудно менялись краски! Сначала море переливалось нежно-розовым перламутром, потом загоралось рдяным пламенем и перегорало в пурпурные угольки: высыпали звезды, свет ушел.

Стоял теплый вечер, ветерок доносил из рощицы запах апельсинов.

— Я видела море разным, — задумчиво сказала Софья, — черным, пепельным, бирюзовым, по-утреннему голубым и, как сегодня, багровым. Но я не припомню его таким, какое оно у Гомера: «виноцветное море».

Генри достал из нагрудного кармашка сигару, надрезал золотым ножичком, болтавшимся на часовой цепочке, раскурил и удовлетворенно выпустил струю дыма.

— Это то же самое, что «золотое яблоко раздора», которое Эрида подбросила богам и богиням, пировавшим на свадьбе родителей Ахилла. Или, к примеру, те три золотых яблока, что Меланион бросил во время состязания под ноги Аталанте, желая ее отвлечь и задержать. Иначе вместо Аталанты он обручился бы со смертью, как все прежние претенденты…

— По-моему, ты отвлекся, милый. Что там было с золотыми яблоками?

— А не было никаких золотых яблок. Не было их никогда в

Греции, а были золотые апельсины. Разве не смешно, что сказочные золотые яблоки могут оказаться обычными апельсинами?! Ладно, шутки в сторону: относительно «виноцветного моря» у меня есть одна еретическая идея. Я полагаю, что Гомер имел в виду вовсе не цвет, а вязкую густоту моря. Только не выдавай меня нашим друзьям из университета. Они выльют на меня ушаты воды. Если угодно, «виноцветной».

Каждый день радовал новостью. На южном склоне, где в трехстах ярдах от обнаруженной в прошлом году каменной стены копал Фотидис, открыли древнюю каменоломню, давшую строительный материал всем каменным Троям на холме, вплоть до христианских поселений. Широкий зев штольни был скрыт густо разросшимся кустарником. Генри и Софья спустились в пустой карьер.

— Вот и еще одно доказательство в пользу того, что троянцы строились именно здесь, а не где-то еще в Троаде. В Бунарбаши хотя бы, — заключил Генри. — Великолепный строительный материал, и главное — под рукой.

На следующий день обнаружили стены дома, сложенные из отесанных известняковых глыб на глиняном растворе. Все камни были одинаковой величины и обработаны чрезвычайно искусно: поверхность стены, которую Генри датировал десятым веком до нашей эры, была изумительно ровной. Под стенами лежал слой желтого и коричневого пепла — все, что осталось от деревянных построек, крытых тростником.

Прошло два дня. Они зарылись ниже фундамента дома на тринадцать футов. Стена! Шестифутовой толщины. Генри обессиленно опустился на землю.

— Наконец-то! Она должна стоять на материке. Естественно, Софья разделяла его уверенность.

— Сейчас прикинем. — Его буквально лихорадило. — Это на тридцать три фута ниже плато. Большая площадка—на сорок шесть. Может, несколько футов придется еще пройти. Из сорока шести вычтем тридцать три—тринадцать. Стало быть, эта стена должна уходить вниз по меньшей мере на тринадцать футов.

— А вдруг нет?

— Надо проверить, а для этого я разберу наш замечательный дом.

— Не надо! Неужели нет другой возможности?

— Никакой. Но если стена стоит на материковой скале, то уж ее-то я пощажу.

Но стена подвела: она оказалась фундаментом еще одного дома, много старше первого, от которого теперь не осталось камня на камне.

— По-прежнему никаких доказательств, что мы достигли уровня Трои, — бранчливо жаловался он вечером, каталогизируя дневной улов. — А ведь копаем уже больше двух месяцев.

Он встал и принялся расхаживать по комнате. Все считано-пересчитано, читано-перечитано—тысячи раз!

— Этот последний фундамент, каким временем ты его можешь датировать?

— Ближайшие преемники древних троянцев.

— Так что же расстраиваться, если мы подошли так близко?

Он передал ей почти неповрежденную вазу с изображением совиной головы—очистить, внести в опись.

— Ты права. Не будем падать духом.

От Фрэнка Калверта пришла весточка, что он с женой едет в Фимбру навестить брата и в воскресенье после обеда приедет в Гиссарлык посмотреть их достижения. Призвав на помощь Яннакиса и Поликсену, Софья до мелочей продумала воскресный обед: стол должен быть греческим — это, она надеялась, придется гостям по вкусу.

В субботу, во второй половине дня, Генри с семьюдесятью рабочими закладывал новую, третью по счету, стофутовую террасу. С этого места начиналась половина Фрэнка Калверта. У самой кромки отвесного северного утеса он различил углубление в земле. Обмерил: сто футов в длину и семьдесят шесть в ширину. Яннакис побежал домой за Софьей. Когда она явилась, Генри объяснил: это варварская каменоломня—так же римляне использовали Колизей как склад строительного материала.

— Ты помнишь, мы проезжали турецкие кладбища, где вместо надгробий стояли куски мрамора?

— Конечно. Ты говорил, что они остались от Древней Греции.

— Вот-вот. Турки побывали здесь много сотен лет назад, добывая мраморные плиты и колонны. Если собрать, что они растащили, то получится город с храмом, залом для собраний и дворцами. Это еще одно доказательство тому, что в этом холме погребено несколько городов из камня и мрамора.

Когда спустились сумерки и рабочие стали потихоньку сворачивать работу, Генри заметил выступающий из отвесного склона край мраморной плиты с признаками художественной работы: прежде он близоруко решил, что это руины храма, построенного в 310 году до новой эры полководцем Александра Великого Лисимахом. Это был турецкий участок, совсем недалеко от разделительной линии. Он предупреждающе тронул Софью за локоть и быстрым шагом направился к рабочим.

— Уже темно. Как бы не покалечить друг друга. Несите инструменты на склад и получите деньги у Яннакиса.

Повинуясь молчаливому приказу, Софья не трогалась с места. Она раскланивалась с проходившими мимо, желала им хорошего отдыха в домашнем кругу. И только последний рабочий растаял в темноте, она подошла к Генри.

— Софья, нужна твоя помощь. Нужно побольше отрыть эту плиту, чтобы увидеть, что это такое. Я совком разрыхлю землю вокруг, а ты относи ее руками. Не бойся, она не вывалится, она крепко замурована.

Они работали, не разгибая спины, пока не освободили от земли порядочный кусок плиты. Это был паросский мрамор: триглифы окружали высеченную метопу. В ней было более шести футов в длину, три — в высоту, и толщиной плита была в шесть дюймов.

Они отступили назад и непроизвольно взялись за руки. Генри до боли сжал ее пальцы. На метопе было горельефное изображение бога солнца Аполлона, правившего четверкой коней. Над головой Аполлона венцом расходились солнечные лучи.

— Великолепная работа! — задохнулся Генри. — Раздувшийся хитон Аполлона, его энергичное лицо выдерживают сравнение с лучшими горельефами Акрополя. А кони! Они же фыркают, несясь по поднебесью! Здесь все анатомически верно. Нет, я впервые вижу столь мастерскую работу! Вот он, наш первый шедевр.

Он осторожно, словно оглаживая, провел рукой по метопе.

— Она в прекрасном состоянии. Обрати внимание на эти дорические колонны, оцени, какие разные все четыре коня, у каждого особая стать, и как дружно они вскинули передние ноги перед могучим прыжком.

Софья огляделась в сгущавшихся сумерках.

— Мы на земле Фрэнка Калверта или на государственной?

— Здесь все близко. Мы в нескольких ярдах от каменоломни на участке Фрэнка. А здесь-то, увы, турки хозяева.

— Как же, прости господи, можно поделить пополам творение скульптора? Аполлон без коней, кони без Аполлона — это же бессмыслица!

— Да и ценность плиты как произведения древнего искусства будет утрачена. Это такая же дикость, как распилить вдоль Венеру Милосскую или Давида Микеланджело и каждому компаньону отдать его половину.

Софья озорно блеснула глазами.

— Я придумала: давай расщепим плиту, она ведь толстая. Верхнюю часть возьмем себе, а заднюю стенку отдадим туркам.

Оба рассмеялись. Генри положил руку ей на плечо.

— Тотчас видна хитроумная гречанка! Она уже серьезно

спросила:

— Ты не думаешь, что ее надо бы чем-нибудь прикрыть? Для безопасности?

— Не надо. Наша стража уже ушла и раньше понедельника не объявится. До понедельника здесь вообще никого не будет. Завтра я хочу показать ее Фрэнку Калверту.

Калверты приехали около одиннадцати. Софья первым делом потащила их воочию убеждаться, чего достиг Генри с начала апреля. Фрэнк ахал, слушая, сколько земли выбрали все бригады, у него разбегались глаза от множества рабочих площадок, террас и обводных галерей на государственной территории холма.

— Но собственно троянских сооружений вы не нашли? — спросил он.

— Так, остатки строений… Акрополь, храм, дворец — их мы не нашли… пока.

— Вы поставили перед собой грандиозную задачу.

— Мы не очень преуспели на вашей половине, Фрэнк, только начинаем. Я хочу показать вам мраморный карьер на вашей земле, где много сотен лет назад мародерствовали турки. И еще у меня есть про запас нечто поразительное.

Фрэнк внимательно вгляделся в четырехугольный провал.

— Я часто задумывался над тем, как появилась здесь эта дыра. Безусловно, вы правы. Теперь я вспоминаю, что встречал мраморные колонны и плиты на всем пути до троянской Александрии, а это сорок миль вдоль побережья.

Взяв миссис Калверт под руку, Софья подвела ее к метопе. По пятам за ними шли Генри и Фрэнк. Генри мягкой тряпкой обмахнул плиту. Первой пришла в себя миссис Калверт.

— Боже, какая красота! Ничего подобного не видела в своей жизни, даже в музеях. Каков может быть ее возраст?

Посоветовавшись. Генри и Фрэнк решили, что это позднегреческая эпоха, между 300 и 200 годами до рождества Христова.

— Мы в затруднении, — выдавила смешок Софья. — мы не знаем, что с ней делать.

Генри пересказал Калвертам их вчерашний разговор.

— Сделайте умнее, — загорелся Фрэнк. — Что вам мешает тайком вывезти ее из страны? Это ваш первенец — при чем здесь турки?

— Но каким образом? Не везти же ее в Чанаккале…

— Не вы ли мне говорили, что какой-то пароходик доставляет вам сюда провизию?

— Действительно, — ответил Генри, — как раз через пару дней капитан Папалиолос приведет «Таксиархис» в заливчик Бесика.

— Чудесно! — Фрэнк обнаруживал азарт спортсмена. — Сколько у вас людей, на которых можно положиться?

— Трое. Мои десятники.

— И Яннакис. — подсказала Софья, — он самый верный.

— Отлично, — заключил Фрэнк. — Сегодня же оберните мрамор брезентом, свяжите веревками, возьмите в Хыблаке хорошую арбу и отвезите ваше чудо на берег залива. И оставьте лежать на берегу, никто не тронет. На судне есть лебедка?

— Простой ворот, старенький…

— Подойдет, — успокоил Фрэнк. — Грузите плиту на пароход, отправляйте в Пирей, и комар носа не подточит.

Все четверо долго стояли молча. Первой опомнилась Софья.

— Пойдемте в дом! Мы приготовили для вас настоящий греческий обед… поджаренные хлебцы с икрой, салат из рыбной икры, маринованные бараньи мозги…

Проводив Калвертов, Генри послал Яннакиса в Хыблак договориться с Драмали относительно арбы и пары лошадей. Сомнения одолевали Софью.

— Мой милый, я не хочу морализировать, но правильно ли мы делаем?

— В этом испорченном мире нет ничего безусловно правильного. Коль скоро мы с тобой решили, что нельзя пилить Аполлона пополам, у нас одна задача: передать его в музей неповрежденным. С этим ты согласна?

— Да… Видишь ли, мне еще оттого не по себе, что я боюсь: вдруг мы потеряем разрешение на раскопки, если попадемся?

— Не попадемся. Я все беру на себя. И всю ответственность тоже.

Она нервно рассмеялась.

— Я имею в виду моральную ответственность. Захватив десятников и нагрузившись рулонами брезента и связками крепких веревок, Генри и Софья направились к Аполлону. Они надежно спеленали плиту, а здесь подоспел и Яннакис с арбой, подогнал ее ближе к двухтонной махине. Пока он сдерживал лошадей, десятники подняли плиту лебедкой, аккуратно уложили на дно арбы и надежно привязали. Яннакис и Поликсена сели на высокие козлы спереди, Макрис и Деметриу устроились на плите и задымили самокрутками. Генри отдал последнее напутствие:

— Оставьте ее точно против того места, где в прошлый раз пристал вельбот. Вы его и разгружали.

В четверг Шлиманы получили известие, что «Таксиархис» бросил якорь в заливе Бесика. Капитан Папалиолос доставил долгожданные десятифутовые рычаги. Генри немедля ускакал на побережье. Яннакис снова позаимствовал у Драмали арбу и взял с

раскопок одну лебедку.

Их груз лежал на берегу нетронутый. Яннакис встал к лебедке, семейный экипаж погрузил плиту в бот и отчалил. Капитан Папалиолос взялся за ручку своего допотопного ворота и поднял Аполлона на борт «Таксиархиса». Тем временем на берегу Яннакис грузил на арбу корзины с припасами и железные ломы.

Берег и пароход обменялись прощальными криками. Капитан вез письмо для Георгиоса Энгастроменоса: в Пирее принять плиту и поставить в саду у Шлиманов, около бассейна.

Капитан дал задний ход, медленно развернул судно и взял курс в Эгейское море. В это самое время, нещадно нахлестывая ослика и колотя пятками по его бокам, притрусил их турок-опекун. Соскочив на землю, он устремил на Генри испытующий взгляд.

— Что вы здесь делаете?

— Принимаем груз, — ответил Генри.

— Не сбивайте меня. Что вы погрузили на пароход? В Хыблаке говорят, что в воскресенье вы вывезли что-то большое. Не это ли вы сейчас отправили? Скажите, что это было. Я требую.

— Да что вы так беспокоитесь? Просто это была большая тара. Там наша половина находок.

— Немедленно верните пароход. Я хочу сам увидеть, что вы погрузили.

— Он уже далеко, — огорчился Генри, — докричитесь сами, если можете.

И надзиратель послушно поднял руки ко рту, только на «Таксиархисе» все уже давно оглохли. Генри как мог успокоил стража. Скоро тот и впрямь перестал дуться. А пароход все полз к горизонту, оставляя за собой черный дымный хвост.

Вечером Генри решил отметить событие и извлек бутылку лучшего французского вина.

— Нам надо как-то выручить этого парня, — озабоченно сказала Софья, — чтобы у него потом не было неприятностей.

— Прекрасная мысль, — согласился Генри, с наслаждением нюхая вино. — Что ты предлагаешь?

— Как ты думаешь, в их музее есть такие пифосы, как наши?

— Думаю, что нет.

— Ты, кажется, собирался извлечь их?

— Да.

— Сделай это завтра и отдай надзирателю половину.

— Я пойду дальше: отдам им семь, а нам оставлю три. Покажем, какая у нас широкая натура.

Он поднял в ее сторону бокал и отпил глоток.

— Их будет очень хлопотно транспортировать. Сначала на

арбе до Чанаккале, потом пароходом до Константинополя, потом из порта до музея опять на телегах. Нужно найти плотную ткань, хорошенько обернуть их и как следует закрепить в ящиках, чтобы не бились о стенки. Им цены не будет, если довезти их в целости и сохранности.

На следующий день рабочие осторожно разрыхлили и убрали землю за задними стенками гигантских пифосов. Яннакис наладил рядом с кухней верстак и ушел покупать деревянные планки: ящики требовались большие — восемь футов в высоту и шесть в ширину. Наконец нашли применение своим талантам и Фотидис с десятниками: они готовили горизонтальные опоры, которые обожмут пифосы в горловине, тулове и у днища.

Пока их извлекали, пока сколачивали ящики и обкладывали кувшины соломой, пока их ставили на место и закрепляли, а потом наглухо заколачивали, — пока все это делалось, улетело в трубу несколько рабочих дней. Туда же отправились несколько сот долларов.

— Мы оплачиваем не только пароход, но еще транспорт до самого порога музея, — скрипел Генри.

— Пусть, — отмахнулась Софья, — зато эти чудесные вазы приобретут тебе друзей в Константинополе.

5

Поликсена оказалась на редкость приятной помощницей. Лучшей экономки нельзя было и желать: вечером она обезвреживала от клопов их постель, утром сушила белье на солнце, днем гоняла скорпионов и сороконожек, наползавших через щели под дверью и в оконных рамах. Она еще всех обстирывала. Софья научила ее гладить рубашки Генри, крахмалить воротнички и каждый день по часу занималась с девушкой — учила чтению и письму.

Оставаясь дома одни, они часами не закрывали рта. Поликсена рассказывала, как живется грекам в Турции, Софья расписывала афинскую жизнь, читала письма из дома, вспоминала Андромаху. Дочь уже знала новые слова, начала ходить. Софья не волновалась за нее, пока не пришло письмо от Катинго: у Андромахи простуда.

— Генри, надо бы мне вернуться в Афины, как ты думаешь?

— Пустое. Детская простуда — это на два-три дня. Ты не доползешь и до Спорад, а дочка уже поправится.

Поликсена тоже просилась на раскопки. Софья взяла из кладовой кое-какой инструмент, и вблизи от дома подружки

отрыли собственную траншейку. Копнули—и сразу нашли несколько терракотовых круглых предметов, некоторые с интересным орнаментом. Поликсена ликовала. Немного углубились, чуть расширили раскоп — и были вознаграждены сполна: нож, двухсторонний топор, резная слоновая кость. Софья при ней собрала из черепков горшок. Переимчивая ученица, помучившись, сложила вазу и от счастья захлопала в ладоши.

— Она твоя, Поли, — сказала Софья. — Возьми ее домой на память.

Благодарная мастерица поцеловала ей руку.

Неудобства чинили не одни скорпионы и сороконожки: в раскопках полюбили устраиваться на ночь совы. Они заводили свое уханье с наступлением темноты и уже на всю ночь. Буквально под окном у них высиживала птенцов сова с каким-то особенно жутким голосом.

— Сова—любимая птица Афины. Я не суеверен, но мне почему-то не хочется убивать эту тварь, которая не дает нам жизни. Может, отнесем ее гнездо на равнину, подыщем ей дерево?

Поликсена, убирая со стола после ужина, прислушалась.

— Унести гнездо—мама-сова оставит яйца, птенчики умрут. Но сов так много! Зачем их беречь!

И Генри с легким сердцем распорядился пугнуть сову и унести гнездо. В ту ночь все спали как убитые.

Неистребима в человеке алчность! Генри платил премию — четверть пиастра (один цент) — всякому, кто отдавал ему свою находку. Случались дни, когда сброс был пустым, и вот тогда начинались махинации: брали простой черепок и выцарапывали на нем орнамент. И номер удавался. У Шлиманов было слишком много работы, чтобы возиться с каждым черепком. Но однажды, разбирая и отмывая керамику, Софья удивилась: свежие порезы! Она показала черепок Генри.

— Я знаю, что они считают нас ненормальными. Но почему они думают, что мы еще и дураки?

— Это алчность, моя дорогая, самый страшный из смертных грехов. Ничего, я положу этому конец. Я буду штрафовать на два пиастра каждого, кого поймаю на обмане.

Даже в самую жаркую погоду Генри не мог сманить Софью искупаться с ним в Дарданеллах. Так возникла идея душа. В углу их спальни Макрис пробил в потолке дыру, поставил бак с опускным донцем, а угол отгородил от комнаты дощатой перегородкой. Софья ступала в это подобие узкого шкафа, закрывалась и дергала за веревочку. Яннакис с утра заливал бак водой, и к возвращению Софьи с холма она успевала согреться.

Как год назад, их дом скоро превратился в лазарет. Со всей округи везли больных, причем были серьезные случаи, когда они опускали руки. С упорством маньяка Генри рекомендовал женщинам ежедневное морское купание. Поначалу все отказывались: у турков и турецких греков не заведено, чтобы женщина купалась в море. Но с болезнью шутки плохи, а Шлиманы уже достаточно прославились своими чудесами — и они все полезли в море. После купаний общее самочувствие у многих улучшилось.

Как-то из Неохори привезли девушку с язвами по всему телу и даже на левом глазу. Бедняжка так ослабла, что уже не держалась на ногах. Ее на ослике привез отец. Она и кашляла нехорошо.

— Что же мы можем для нее сделать? — расплакалась Софья.

За последний месяц ей семь раз пускали кровь. Софья смазала ее всю касторкой. Генри, как водится, предписал каждый день купаться в море. Через месяц девушка сама прошла три километра от Неохори, чтобы поблагодарить их. Подняв ее с колен, Софья внимательно рассмотрела ее левый глаз.

— Генри, теперь окулист легко приведет его в порядок. Нужно послать ее…

— Только в Константинополь. Причем вся семья потянется ее сопровождать. Такие здесь порядки. Здесь знают о медицине столько же, сколько знали о ней ахейцы в двенадцатом столетии до рождества Христова. Или сколько о ней знает, — добавил он вдруг с горечью, — твой афинский приятель Веницелос. А может, и столько не знают. Агамемнон говорит брату Менелаю:

> Язву же врач знаменитый немедля тебе испытает
> И положит врачевств, утоляющих черные боли.

Раненый Эврипид просит Патрокла:

> …проводи на корабль мой черный;
> Вырежь стрелу из бедра мне, омой с него теплой водою
> Черную кровь и целебными язву осыпь врачевствами,
> Здравыми…

И Патрокл:

…распростерши героя, ножом он из л я. шеи жало
Вырезал горькой пернатой, омыл с нее теплой водою
Черную кровь и руками истертым корнем присыпал
Горьким, врачующим боли, который ему совершенно
Боль утоляет; и кровь унялася. и язва иссохла.

Софья предпочла пропустить мимо ушей упоминание о докторе Веницелосе. Подумать, как долго не забываются горечь и обида…

— Но крестьянки же должны знать свои травы, корни, листья, ягоды… Как ты думаешь?

— Все крестьяне их знают. Эти знания передаются из поколения в поколение. Да беда в том, что отвары из этих трав и корней лечат далеко не все болезни.

В начале июля температура поднялась до 88 градусов [22]. Работали вяло. Семь дней вылетели начисто из-за дождей и праздников, и хотя все-таки сделали немало, но вожделенная Троя не спешила показываться. Генри стал раздражаться.

— Рабочие из Ренкёя и вообще все здешние греки отрабатывают день не полностью. Я все подсчитал. Трижды за один час рабочий откладывает лопату, достает из кармана табак, лениво сворачивает самокрутку, долго слюнявит конец, потом ищет спички или идет прикурить у соседа, степенно закуривает, затягивается: десять минут—это самое меньшее! — пускаются на воздух. Ежечасно! У них есть полчаса на отдых в девять утра и полтора часа в полдень — пусть в это время и курят. Надо покончить с этим безобразием.

— Ты не боишься, что они взбунтуются?

— Ради бога. Я достаточно намучился с этими нахалами. Они всю жизнь работали только на себя, они просто не знают, что такое полный рабочий день.

В обеденный перерыв он объявил, что отныне запрещает курить в рабочее время. Семьдесят рабочих из Ренкёя ответствовали оглушительным улюлюканьем. К счастью, их комментарии были внятны только загоревшимся ушам Софьи.

— Они отказываются принять твои условия, — сказала она. — Если они не будут курить, сколько им хочется, они вообще перестанут работать.

Но в Генри вселился бес.

— Они думают, что из-за хорошей погоды я пожалею время и уступлю. Как бы не так. Яннакис, выплати за полдня каждому, кто

хочет уйти.

Получив расчет, рабочие из Ренкёя выстроились вдоль траншей, осыпая бранью более покладистых крестьян из других деревень. Поскольку слова не оказали нужного действия, в ход пошли камни. Генри подозвал Яннакиса.

— Возьми лошадь и поезжай в турецкие деревни. Найди замену этим рабочим.

Яннакис кивнул и поехал.

В тот вечер бунтовщики из Ренкёя не пошли домой. Они улеглись спать в своем палаточном стане, чтобы с началом рабочего дня к ним было недалеко идти с поклоном. Софья провела тревожную ночь, опасаясь физической расправы. Утром, как обычно, Генри уехал купаться, а когда он вернулся—Яннакис записывал в книгу новобранцев. Пришло сто двадцать турков. Сломленные организаторским гением Шлима-на, рабочие из Ренкёя унылой цепочкой потянулись домой.

Хоть он и был не очень лестного мнения о турецком правительстве и его чиновниках, тут он признался Софье:

— Какие честные и славные люди. Я начинаю любить этот народ.

— А мне жаль тех, из Ренкёя, — вздохнула Софья. — Хотели махом, а вышло прахом.

Макрис и Деметриу жаловались: земляные стены пошли такие плотные, что их ничем не возьмешь.

— А почему их не окопать? — подсказал Фотидис. — Сделайте подкопы, и они поддадутся.

Идея понравилась Генри, и сообща они разработали такой план: земляные стены разбить на шестнадцатифутовые куски толщиной в десять футов и валить каждый отдельно. Фотидис сложил укрытие из толстых бревен под дощатым навесом: когда сверху полетят камни и мальчишки прокричат тревогу, рабочие успеют добежать и спрятаться.

Прошло несколько дней. Генри и Софья были на своих участках, когда с пушечным грохотом рухнула источенная подкопами вся земляная стена разом. Фотидис с кем-то из рабочих точил лопаты в укрытии. И гора накрыла их. Софья была недалеко и прибежала быстро. На ровном месте вырос курган. Через секунду примчался Генри.

— Я слышу стон! — схватила она его за руку.

Со всех сторон сбегались рабочие. Они уже расхватали лопаты и кирки, когда Генри крикнул:

— Стойте! Вы можете их поранить. Работайте руками. Вместе с рабочими Генри и Софья лихорадочно разгребали землю. Слава богу, крепкие стены и крыша выдержали, а в просторном

помещении хватило воздуха. Людей откопали живыми и невредимыми. Даже закоренелый пантеист Генри по такому случаю трижды осенил себя православным крестом.

— Благодаря господу и его неизреченной милости мы все живы и целы, — просто сказала Софья.

Генри прижался щекой к ее щеке.

— Спасибо твоей руке на моем плече. Она мой талисман. Пережитые волнения не дали ему спать всю ночь.

— Мы потерпели серьезное поражение, Софья, — раскаивался он, слоняясь по комнате в рубахе и шлепанцах. — Придется отказаться от идеи гигантской площадки — мы не вскроем весь холм. Будем по-прежнему копать к югу, чтобы соединиться с Фотидисом, но будем копать траншеями, как в прошлом году.

— Почему ты считаешь площадку неудачей, Генри? С нее ты вскрыл очень большой участок холма.

— Да. но материка мы коснулись только пальцем. А что особенного нашли? Несколько урн, кости каких-то зверей, битую посуду да россыпи терракотовых бляшек. Путь был выбран неверно. Куда идти дальше?

— Софья, я в полной растерянности. — Он яростно скреб макушку тупыми ногтями, словно втирал в голову новые идеи. — Здесь, здесь все, что мне нужно, но как до этого добраться?!

— Таков удел исследователя, — мягко сказала она. — Сегодня он дрожит на холодном ветру, как остриженный ягненок, а завтра он уже в райском саду.

И точно, из Афин дунул пронзительно холодный ветер.

Генри не однажды доводилось слышать в свой адрес скептические замечания и насмешки, когда речь заходила о местоположении Трои, высказывалось и сожаление, как неразумно он распоряжается своим временем и деньгами. Но еще никто не задел его в печати.

Пришли афинские «Полемические листы», где Генри публиковал свой рабочий дневник. В полученном же номере была напечатана разносная статья Георгиоса Николаидиса против публикаций Шлимана, его теорий и самих раскопок. Николандис был членом Археологического общества, к нему прислушивались. Родом он был с Крита; в Пизанском университете изучал юриспруденцию, во Флоренции переключился на археологию. Известность в гомеровском вопросе ему принесла книга «Илиада и ее топография», впервые опубликованная во Франции и дополненным изданием вышедшая в Греции.

Главная мысль Николаидиса была та, что доктор Шлиман «тревожится понапрасну», что он швыряет деньги на ветер, что он делает ненаучные и непрофессиональные заявления,

обнаруживающие в нем энтузиаста-любителя, невинного в отношении академической науки, и потому его выступление в печати сплошное недоразумение. Он соблазняет читателей игрой своей фантазии, и научный мир глубоко сожалеет об этом, ибо ни одно печатное слово доктора Шлимана не подтверждается сколько-нибудь реальным фактом. Честные и разумные люди знали и знают, что Трою невозможно найти под слоем земли и наносной породы, ибо Троя есть создание поэтического воображения. Посему доктору Шлиману следует прекратить копать и устраниться. Пусть он найдет себе более безобидное занятие, пусть увлечется им, а серьезное дело, каковым является археология, предоставит настоящим специалистам.

Мусоля страницу, Генри скрежетал зубами от ярости. Отдельные предметы, которые он объявил троянскими. — вот все его аргументы. Да. он уязвим.

— Я не верю, что Николаидис хоть раз был в Троаде! — бушевал он. — Он витает в облаках, а я копаю!

Софья молчала.

Он вконец истрепал себе нервы. Стал резок с рабочими, ходил с понурым видом, отмалчивался. Доставалось и Софье. Она не принимала это на свой счет, понимая его положение: абсолютно убежденный в том, что именно здесь стояла гомеровская Троя, он никак не мог найти бесспорное доказательство ее существования.

И тогда она напомнила ему, что он говорил в самом начале: работа потребует не менее пяти лет.

— Прошлый год не в счет, — хитрила она. — Мы поздно начали и до сезона дождей копали всего шесть недель. Нынешний год, по существу, первый, и мы всего три месяца копаем. Не спеши!

— Пожизненное заключение, — мрачно бросил он в ее сторону. — Иногда я не уверен, кто из нас узник: я или Троя.

Она всегда была хорошим пророком. На третий день массированной работы в новой траншее, которую они вели с площадки на юг, был обнаружен целый клад вещей: серебряная заколка для волос, медные гвозди, иголки из слоновой кости, блюда, ножи, кинжалы, медные и костяные перстни. На глубине от тридцати трех до пятидесяти двух футов ниже плато нашли медные браслеты. Корзины наполнялись черными кубками, молотками, топорами, гранитными грузилами, призмами из прозрачного зеленого камня, изящными мраморными идолами, метательными кольцами—все предметы были древними, сделаны умело и красиво, и все в прекрасной сохранности, за исключением, конечно, терракоты.

— Надо расширить траншею в обе стороны, — загорелся Генри. — Может, наткнемся на дом или дворец.

С загоревшимися глазами он выбрасывал из траншеи землю, просеивал ее между пальцами, одушевленный мыслью, что работает на материке. Софья впервые за все время здесь увидела его без сюртука, с приспущенным галстуком, с закатанными по локоть рукавами.

Следующей находкой был небольшой могильник. Они отрыли три треногих сосуда на материковой скале. Прежде чем их поднять, Генри осмотрел сосуды изнутри, пытаясь определить их возраст, и, к изумлению своему, обнаружил в одном скелет зародыша. Он окликнул Софью.

— Смотри: скелет зародыша. Семимесячный, если я что-нибудь понимаю..

— Но как он сохранился? Прежде мы не находили даже пепла в погребальных урнах.

— Сегодня я напишу доктору Аретайосу, профессору хирургии в Афинском университете, и спрошу его ученое мнение. Я представляю себе это так: мать умерла до родов и была кремирована, а кости зародыша сохранились благодаря защитной плеве. Я попрошу какого-нибудь опытного хирурга восстановить скелет.

Софья стояла молча. Генри до того издергался, что даже не понял, как ей больно. Эти косточки напоминали ей о ее собственном неродившемся ребенке—ему было примерно столько же времени. С неостывшей горечью она вновь пережила потерю. У нее закружилась голова, подогнулись колени, и она свалилась к ногам мужа в обмороке.

Очнулась она уже дома, в постели.

— Яннакис и Фотидис сделали носилки и принесли тебя сюда, — объяснил Генри. — Отчего это произошло?

— Когда я это увидела, я вспомнила о своем выкидыше. На его побледневшем лице изобразилась мука.

— Тупой, бесчувственный болван! Как же я мог не подумать? Надо было спрятать от тебя эти кости.

Она смочила пересохшие губы водой из стакана.

— Не кори себя, Генри. Это случилось помимо моей воли. Просто оборвалось что-то внутри.

От доктора Аретайоса пришел ответ. Мнение доктора расходилось с предположением Генри: «Сохранность костей эмбриона стала возможной при единственном допущении: мать умерла родами, ее кремировали, а мертвое дитя опустили в урну с ее прахом».

В расширившейся траншее Генри удвоил число рабочих.

Вскоре они наткнулись на дом, а в конце того же дня, похоже, и на дворец. Генри радовался, как ребенок. Он внимательно осмотрел глыбы отесанного камня, ножичком поскреб швы и ссыпал оранжевую пыль в конверт. Потом подозвал Софью.

— Теперь понятно, почему дома и дворцы было легко разрушить: камни скреплены глиной, ничем больше. Толкни стену—и повалится весь дом. Когда мы разберем эту кладку, мы найдем под ней интересные вещи.

Далеко за полночь кончили они расчистку серебра, меди, гвоздей, кинжалов, колец, составили их описание. Ей казалось, от возбуждения она не уснет, но она едва успела донести голову до подушки и проснулась только в начале шестого: Генри принес ей чашку кофе. Сам-то он уже искупался в море.

С утра стали разбирать каменную кладку. К полудню рабочие выбрали пустую породу из большого дома и дворца, обнаружив очаги, открытые дворики, внутренние стены, дверные пороги, кости животных, кабаньи клыки, мелкие раковины, воловьи и бараньи рога.

Добрую добычу взяли и после обеда: жизнь, некогда протекавшая в этих стенах, обретала голос. После ужина они подобрали для реконструкции несколько кучек крупных терракотовых черепков. Яннакис их перемывал, Поликсена варила рыбий клей, а Шлиманы собирали горшки за кухонным столом. И хотя некоторых деталей недоставало, из рук выходили невиданные, поразительные кувшины и вазы: большая желтоватая чаша с ручкой, украшенная тремя изогнутыми бараньими рогами; черная ваза с широким днищем и колечками по бокам—очевидно, ее подвешивали; очень занятный красный сосуд в форме двух сросшихся кувшинов с вытянутыми клювообразными носиками.

Выяснились некоторые подробности домашней жизни далеких предков. Жившие в этом, например, культурном слое бросали мусор под ноги, на земляной пол. Когда грязи разводилось слишком много, они приносили землю и насыпали новый пол, соответственно надстраивая стены и на фут-другой поднимая крышу. Софья решительно отказывалась их понять.

— Почему не выбрасывать мусор в канаву, откуда ее вымоет дождь?..

— Милая моя, в Троаде по полугоду не бывает дождей.

— А если сжигать в очаге?

— Кости? Раковины? Попробуй.

— Ну ладно, я им не судья.

Когда, вгрызаясь в гору, они расширили траншею, на срезе проступили еще три города: стены, улицы, чересполосица наносной породы—три отчетливо разные эпохи, с другой архитектурой, с разной системой канализации. Второй снизу слой залегал на глубине (считая от плато холма) в тридцать три фута и был толщиной в десять футов; третий слой лежал между двадцатью тремя и тринадцатью футами; четвертый, верхний, кончался в шести футах от плато. Было совершенно ясно, что все четыре города строились в неведении о том, что лежит у них под ногами: стены налезали на стены, уровни не выдерживались. Дома то были развернуты под прямым углом к канувшей планировке, то смотрели в прямо противоположную сторону. Здесь спрессовалась вся жизнь человеческая за две тысячи лет. Сейчас холм казался гигантским зданием, с которого взрывом сорвало крышу, и стали доступны взору комнаты, стены, коридоры, двери, полы, внутренние дворики.

— Поразительно! — восклицала Софья.

— Придется раскапывать все четыре слоя, — озадачился Генри. — Только как же мне взяться за второй, если два других могут в любую минуту свалиться мне на голову?

Первой важной находкой во втором городе были дома на каменном фундаменте, но с бревенчатыми стенами. Огонь, спаливший этот город, славно обжег кирпичи: они выдержали и землетрясение, и нашествие завоевателей. За этим надежным укрытием почти неповрежденными сохранились и керамика с арийскими религиозными символами, и превосходные красные кубки—«огромные бокалы для шампанского, — выписывал Генри на ярлыке, — с двумя крепкими ручками». Софья не помнила себя от радости.

— Генри, наконец мы отдохнем от рыбьего клея! Полюбуйся, какая ваза: это свинья, спереди смешная морда с пятачком, а сзади носик и ручка. Прелесть! Хоть сейчас в музей.

— Забудь это слово, — наказал Генри. — Не то она и впрямь отправится в музей. Константинопольский… Эту вещицу мы припрячем. И будем правы… или не правы — велика беда!

Земля щедро отдавала хозяйственные и погребальные урны пятифутовой высоты и порою до трех футов в боках. На брезент ложились вазы с изображением священной птицы богини Афины —совы, с женскими грудями и воздетыми руками; шаровидные сосуды с высокой, как труба, шейкой, терракотовые бляшки — посвятительные жертвоприношения, искусно украшенные символами священного древа жизни, солнечного божества; черепки со «свастикой», которую Генри и прежде встречал на ритуальных предметах в Индии, Персии, у кельтов. Из кухонной

утвари попадались блюда, пифосы для хранения масла и вина. Не обманули ожиданий и орудия брани: медные боевые топорики, копья, стрелы, ножи. Едва увидев знакомые вещи, солдаты-надзиратели пришли в возбуждение, спрыгнули в траншею и вмиг отделили свою половину, лишив Генри возможности немного сжульничать в свою пользу.

Начищая вечером ратные трофеи, он бубнил под нос.

— Что ж, они люди военные, как троянцы. А может, просто обрадовались случаю постоять за себя…

Неловко повернувшись, он смахнул со стола комок сплавившегося металла и проволоки, найденный в желтом пепле сгоревшего дома. Тогда они не придали ему значения, бросили в корзину и забыли. Проволока лопнула, и из металлического короба ручейком заструились драгоценности. Они опустились на колени и зашарили руками по полу. Генри поднял три браслета.

— Посмотри, как интересно, — показал он. — Огонь припаял к браслету серьгу.

В неярком свете лампы что-то — тускло мигнуло. Софья поворошила комок и извлекла золотую серьгу, с обеих сторон испещренную звездочками.

— Дай руку, — попросила она. — Получай первую ласточку сокровищницы Приама. Помнишь, в преддверии смерти Гектор молит Ахилла:

> Меди, ценного злата, сколько желаешь ты, требуй;
> Вышлют тебе искупленье отец и почтенная матерь.

Интересно: Гомер ни разу не оговорился о золотых приисках в Троаде.

— Убежден, что здесь никогда и не было золота. Из Греции приходили караваны, и троянцы скупали у торговцев таланты золота, а златокузнецы были свои, местные. Послушай, если мы нашли одну серьгу, то можем найти и все сто! И золотые браслеты, кубки, диадемы… Софья, я чувствую, это здесь…

Во второй половине июля установилась нещадная жара. Рубахи на рабочих были мокрыми от пота, хоть выжимай, на незащищенных участках кожи проступала воспаленная краснота. Усугубляя муки, с севера, с Черного и Мраморного морей, в Дарданеллы пришел ветер, который здесь поднимал тучи пыли и слепил глаза. Софья сама сшила яшмак из белой ткани, сделав из своей головы некое подобие кокона с узенькой щелкой для глаз.

В августе у крестьян началась жатва. Рабочих заметно

поубавилось. Генри написал германскому консулу на Галлиполийском полуострове (в прошлом году он послал ему несколько своих статей): не подсобит ли тот с рабочими? Та же просьба адресовалась в Константинополь, английскому консулу, причем Генри брался оплатить дорогу до Чанаккале. Оба дипломата дали благоприятный ответ. И снова сто пятьдесят рабочих копали сразу все четыре города. Проблема эвакуации отвальной породы с каждым днем становилась все острее, приходилось отвозить ее дальше и дальше, чтобы не мешала работе. Английский консул в Константинополе раздобыл еще десять тележек и двадцать тачек. «Таксиархис» доставил их в Бесику.

Подвезли еще десять тележек и сорок тачек и от германского консула. Он прислал сорок рабочих: им Генри не только возместил дорожные расходы, но дополнительно оплачивал стол и ночлег. Высчитав расходы только за один этот день, Софья почувствовала холодок в спине.

— Ты не считал, во сколько тебе уже обошелся нынешний сезон? — спросила она мужа.

Оторвавшись от дневника, где он составлял опись рассыпанных по столу фигурок из слоновой кости, он вскинул на нее удивленные глаза.

— Гроссбуха я здесь не держу. Но общую сумму, конечно, представлю.

— И сколько, ты полагаешь, мы истратим за весь раскопочный сезон?

— Мне это безразлично. Сколько истратим—столько истратим.

Она быстро прикинула в уме: при нынешнем размахе работ выходило, что сезон раскопок стоит пятьдесят тысяч долларов. У нее даже захватило дух: целое состояние!

Был богач, который просто так подарил Афинам Арсакейон; еще одному денежному тузу Эжен Пиа возводил особняк на площади Конституции, и, кроме этих двух, вряд ли отыщутся в Греции состоятельные люди, готовые выложить пятьдесят тысяч долларов на дело, которое не сулит выгоды. Она глядела на его низко склоненную голову: мелким решительным почерком он исписывал страницу за страницей, сравнивая найденные фетиши с фигурками божков, которые он видел на Востоке.

«Ради Трои, — подумала она, — ему не страшно даже банкротство».

Обходя с «Илиадой» площадку и траншеи, вдумчиво разглядывая находки, Генри пришел к выводу, что построенный Лисимахом храм должен стоять на развалинах древнего

троянского храма, который посетил сам Александр. И Шлиман решает вернуться к руинам храма, где был найден Аполлон, и копать вниз, под фундамент.

На рассвете он сделал разметку, и бригады Макриса и Деметриу повели траншею в двадцать футов шириной. Перед обедом Софья подошла к мужу взглянуть, как идут дела, Генри шумно хватал ртом воздух.

— Ты здоров? — встревожилась она.

Вместо ответа он выкинул вперед руку: рабочие отрывали стену. Глубоко вниз шла она от фундамента храма Лисимаха.

— Она шести футов толщиной, — прохрипел Генри, — и вниз уходит по меньшей мере на десять футов.

Рабочие копали как одержимые, спеша открыть основание стены.

— Видишь, какие камни лежат в основании? — схватил он ее за руку.

— Огромные!

— Это значит, что стена была много выше, и, может быть, Гомер не преувеличивал ее высоту. А главное, циклопическая кладка.

Софья почувствовала, как ее начинает бить дрожь.

— Генри, неужели?.. Неужели ты нашел стену, поставленную Посейдоном и Аполлоном?

— Ни секунды не сомневаюсь в этом. Это первая стена. Ее основание покоится на глубине сорока четырех футов от поверхности. Все, что ты видишь поверх стены, включая храм Лисимаха, — все держит на своих плечах эта самая ранняя стена.

Они словно приросли к месту, и только мягкий стук лопат да шорох сбрасываемой в тачки земли нарушали тишину. Она завороженно прошептала:

— Я тебя поздравляю. Ты был прав, а все другие ошибались.

Он поднял руку к груди, унимая сердце.

— Раз уж мы нашли Приамову стену, то найдем и все остальное

И однажды в середине августа Яннакис влетел в дом и потащил ее к Генри. Тот нетерпеливо расхаживал по террасе, поднявшейся над глубокой траншеей.

— Я наткнулся на удивительное сооружение. Мы в него уперлись и не можем сделать ни шагу вперед. При этом я работаю точно на одной линии с Фотидисом, который идет сюда с юга. Его траншея не так уж далеко. Но я не могу к нему пробиться! Вот, смотри. Мы заходили с северной стороны.

Софья вглядывалась в каменную громаду, перерезавшую траншею поперек.

— А это не продолжение стены?

— И да и нет! По виду это крепостная стена, но почему она вдруг порядочно отступила назад? И не выступает ли она вперед —там, на южной стороне?..

Подбежал запыхавшийся от подъема в гору Фотидис, ладонью смазывая бусинки пота со лба на лысеющее темя. Он озадаченно крутил головой.

— Доктор, мы зашли в тупик. У нас на пути мощная кладка камней. Мы прошли двести футов, а такую встречаем впервые. Я ничего не понимаю. Может, взглянете?

— Она выходит за крепостную стену к югу?

— Да, выступает на пятнадцать-двадцать футов. Шлиманы воззрились друг на друга широко раскрытыми глазами.

— Бог мой! — воскликнул Генри. — Софья, ведь это Большая башня!

Слезы заструились по его щекам.

— Троянская башня? — с трудом выталкивая слова, спросила Софья. — На которой Приам выспрашивал Елену о вождях ахеян, подступавших к стенам?

Генри скорее явился бы на раскопки без брюк и часов, нежели без «Илиады». Он извлек книжку из кармана сюртука, надел очки, полистал страницы и в третьей песне нашел нужное место.

> Шествуй, дитя мое милое! ближе ко мне ты садися.
> Узришь отсюда и первого мужа, и кровных, и ближних.
> Ты предо мною невинна: единые боги виновны:
> Боги с плачевной войной на меня устремили ахеян!
> Сядь и поведай мне имя величеством дивного мужа:
> Кто сей. пред ратью ахейскою, муж и великий и мощный?
> Выше его головой меж ахеями есть и другие.
> Но толико прекрасного очи мои не видали…

И из шестой песни прочел:

> К башне пошла илионской великой: встревожилась вестью.
> Будто троян утесняет могучая сила ахеян…

Генри и Фотидис бросили свои бригады на обе стороны

башни—северную и южную. Генри сделал выкладки в записной книжке и поделился с Софьей соображениями.

— По моим расчетам, мы на средней линии башни. Нужно будет расчистить двадцать футов вниз и, может быть, еще футов двадцать вверх.

— Вопрос, куда девать всю эту землю.

— Ее придется отвозить как можно дальше. — Он повернулся к Яннакису. — Скоренько найми повозки с лошадьми. А мы пока, — бросил он Софье, — побегаем с тачками.

Окапывая верхнюю часть башни, он обнаружил запад около тридцати футов длиной. Здесь он нашел медные копья, несколько наконечников стрел, обоюдоострую пилу, медные и серебряные гвозди, большое скопление костей. Похоже, это было укрытие для лучников. После многих дней лихорадочной работы под палящим августовским солнцем пашня, полностью обнаженная с севера и с юга, перерезала главную траншею Генри на всем ее протяжении. Яннакис смог раздобыть только семь повозок с лошадьми, но даже этот транспорт ускорил вывоз плотной, как камень, земли. Это была меловая порода, известняк. С северной стороны башни поднимался целый известковый курган в шестьдесят пять футов в ширину и высотой пятнадцать футов—:видимо, его насыпали еще троянцы, выбирая землю под фундамент башни. Когда рабочие прорезали курган насквозь, Генри увидел, что северная сторона башни представляет собой нагромождение каменных глыб—лишь верхняя ее часть имела характер регулярной кладки. И наоборот, южная сторона, повернутая к Троадской равнине, от основания до вершины была ровненько выложена обтесанным известняком на глиняном растворе. В толщину она была сорок футов.

Вечером Генри выложил Софье свои недоумения:

— Меня больше всего озадачивает то, что наша башня имеет в высоту всего двадцать футов. Не могли же в самом деле свалиться с неба эти громадные валуны, что мы нашли у основания башни?!

— Вполне могли, Генри! Не забывай, что между нынешней вершиной башни и вершиной холма выстроилось несколько городов.

Обмакнув перо, Генри записывал в дневнике:

«Сохранением всего, что еще осталось, мы обязаны руинам, совершенно скрывшим под собою башню. Весьма возможно, что после разрушения Трои еще многое оставалось на месте и что поднимавшиеся из руин сооружения были разобраны наследниками троянцев, лишившимися стен и оборонительных укреплений. Судя по объему наносной породы, башня должна

была стоять в западном углу акрополя, это самое выигрышное место: с ее площадки открывается вся Троадская равнина и дальше — море с островами Тенедос, Имброс и Самофракия. Здесь самая высокая точка Трои, и посему я осмеливаюсь утверждать, что это «великая илионская башня», к которой спешила Андромаха, встревоженная вестью о «могучей силе ахеян», теснящей троян. Тридцать одно столетие замурованная в земле, тысячелетиями терпевшая на себе хлопотливую жизнь сменявшихся народов, эта башня вновь воспряла к жизни и господствует если не над всей равниной, то, во всяком случае, над северной ее частью и Геллеспонтом. Пусть этот священный и величественный памятник героической Греции всегда стоит перед глазами идущих через Геллеспонт. Пусть он станет местом, куда пытливая молодость будет совершать паломничество, дабы окрылить себя жаждой знаний и возлюбить благородный язык и литературу Греции».

Следующий день ознаменовался новой находкой: на глубине сорока двух футов обнаружили остатки дома и женский скелет. Особенно хорошо сохранился череп, скалившийся крепкими, но до странного мелкими зубами. Первый взрослый скелет!

— Наконец мы нашли троянку! — потирал руки Генри. — Если бы эти кости могли заговорить—какие истории мы бы услышали!

— А почему кости такие желтые? — спросила Софья.

— Она погибла в пожаре. Мы возьмем скелет в Афины и восстановим его.

— Какую же половину ты отдашь в Оттоманский музей?

— Надзиратели суеверны. Они ни косточки не тронут. Она наша с головы до пят.

Кончиками пальцев легко поворошив пепел около черепа, Софья нашла кольцо, три серьги и золотую брошку. Две серьги были совсем простые—скрученная золотая проволока, зато третья, выполненная с покушениями на красоту, заканчивалась листиком с пятью золотыми прожилками. Из трех золотых жгутиков сплетено кольцо.

Генри подержал украшения на ладони, внимательно рассмотрел их. По его лицу блуждала довольная улыбка.

— Почему только троянцы не строили пирамид, как в Египте, и не погребали царей со всеми пожитками! Какие сокровища мы явили бы миру!

— Ты неблагодарен, Генри: Большая башня и крепостная стена стоят любых сокровищ.

В середине августа вовсю разбушевалась болотная лихорадка. Она валила рабочих косяками: десять, двадцать, тридцать

больных. Хинина не хватало на всех. Генри увеличил дозы себе и Софье и по четыре грана давал Яннакису, Поликсене и незаменимым десятникам. Первой заболела Поликсена, за ней Яннакис и десятники. К концу третьей недели на раскопках остались считанные единицы. Тут и Шлиманов стали потрепывать озноб и лихорадка. Поликсену совершенно истощили приступы, десятники, встав через силу, дрожали как осиновый лист. Генри скармливал им хинин в невероятных дозах, и вот он весь вышел.

— Дорогая, как ни жаль, но придется закрыть лавочку. Я надеялся, что мы протянем еще месяц, ведь каждый день приносит столько интересного, но разумнее, я думаю, уехать сейчас из Троады. Не похоже, чтобы малярия пошла на убыль. Но сначала мне нужно съездить в Чанаккале. Я привезу фотографа, в Афинах нам понадобится полная картина наших раскопок. В Чанаккале меня ждет еще топограф из Константинополя, я с ним списался. Он составит подробные планы местности.

Через два дня он вернулся с фотографом-немцем Зибрехтом и греком-топографом Сисиласом.

— Ну, вроде бы сфотографировали все, что мне нужно, — докладывал он Софье. — Только бы негативы не подвели! Бедняга Зибрехт! Целый день жариться на солнце под черной тряпкой!

Она почти кончила сборы.

— Когда мы уезжаем?

Исхудавшие и изможденные, словно и не впрок им пошли крепкий дом и нормальное питание, они заглянули друг другу в глаза.

— Пароход уходит из Константинополя в Пирей через пять дней. Я заказал нам каюту и места для Макриса и Деметриу. Фрэнк Калверт был в восторге от своей половины находок, хотя всего брать не хочет. Он с женой и дети отобрали только то, что им особенно приглянулось. Остальное мы увезем в Афины.

Генри нанял сторожа. Стоившие огромных денег лопаты, ломы, лебедки, тачки, кирки Яннакис сложил и составил на кухне и в помещении, где ночевали десятники. Генри положил сторожу месячное жалованье, с тем чтобы тот регулярно заглядывал на раскопки, раз в неделю проверял целость инвентаря, устранял повреждения. Ему также предстояло подготовить лагерь и дома к началу года, когда Шлиманы предполагали вернуться, и подобрать к этому времени сто пятьдесят рабочих.

Четыре дня спустя они стояли у ворот перед раскопом, и Генри рассчитывался с рабочими, благодарил их и приглашал приходить в январе. И только-только они подошли к порогу своего дома, как четыре месяца крепившийся дождь разразился

потопом. Да, свернулись они в самое время: теперь на много недель здесь будет непролазная грязь.

На следующее утро Генри разбудил ее с первыми лучами солнца и повел к башне. В руках она несла дневник, перо, чернила и бутылку французского вина. Когда они подошли к оборонительной стене, солнце уже запалило огнем вершины Иды и посеребрило быстрые воды Дарданелл. Он взял ее за руку, потянул на земляную насыпь рядом с башней, чтобы встать вровень с ее былой вершиной. Выпрямившись и диктуя себе, Софье, человечеству, он записал:

«Я льщу себя надеждой, что в награду за понесенные затраты, за все лишения, неудобства и муки в этой глуши, а прежде всего во внимание к сделанным мною важным открытиям цивилизованный мир признает за мной право переименовать это священное место. Во имя божественного Гомера я возвращаю ему его бессмертное и славное прозвание и нарекаю «Троей» и называю акрополь, где пишутся эти строки, «Пергамосом Трои».

Софья с улыбкой взяла его за руку и взглянула на него победно и с любовью.

— Аминь, — шепнула она.

Книга пятая. Троя?

1

Сентябрь в Афинах райская пора. С севера, с Эгейского моря, дует легкий бриз, как свежее напоминание об осени с ее прохладой, с милосердным солнцем, подобно Аполлону на колеснице, бороздящем безукоризненно голубое небо.

На пороге дома Шлиманов встретили горничная, девочка-нянька и Андромаха. К их приезду все блистало чистотой. Через несколько дней от малярии не осталось и следа—дома стены помогают. Косолапенькой Андромахе был уже год и пять месяцев, родителей она приветствовала восторженным курлыканьем.

Большую часть дня они проводили в саду. Деревья подросли, пальмы, слава богу, не погибли, глициния покрыла шпалеры на задней стене зеленым прохладным ковром. Наполненный чистой водой, фонтан разносил по саду свежесть. В птичьем домике нежно ворковали голуби. Разросшийся с трех сторон восьмиугольной беседки виноград укрывал от солнца, когда Софья подавала обед на воздухе.

Рядом с фонтаном Генри соорудил пьедестал для похищенного красавца Аполлона, и Софья хорошо видела метопу, играя с Андромахой в чайной беседке. Рабочего пространства в доме оставалось мало, и Генри построил в дальнем углу сада крытый павильончик, поставил длинные верстаки для расчистки и реставрации найденных горшков, ваз, ритуальных фигурок, чаш, молотков, топоров, блюд.

Утром, по холодку, они шли в эту мастерскую готовить для афинских друзей выставку своих находок. В десять Генри спускался в город и в «Прекрасной Греции» читал иностранную прессу, выпивая, по своему обыкновению, несколько чашек кофе. Софья отправлялась на кухню готовить обед: продукты она покупала ранним утром у разносчиков, что-то приносила горничная с базара. Хорошо вернуться к привычному распорядку жизни и в очередной раз уверовать в народную мудрость: кулинарное искусство—такое же искусство, как все другие, а уж плоды его вкушаешь каждый день.

Сегодня, например, она готовила осьминога в винном соусе: удалила чернильный мешок, поджарила на оливковом масле лук, добавила лаврового листа. Ей нравилось тушить мясо в томатном соке с чесноком, винным уксусом и орехами. Щеки раскраснелись от жара, кухня наполнилась чудными запахами.

Ровно в половине второго Генри возвращался к обеду. Энгастроменосы пока не докучали им своим присутствием. Устроив в первое же воскресенье праздничный семейный обед, Софья мягко намекнула им, что Генри нужно отдохнуть и привести в порядок запущенные дела. Вздремнув после обеда — в этот час внизу похрапывали все Афины, — Шлиманы ехали через город в Фалерон купаться. Генри взял в постоянное пользование двойной экипаж с полюбившимся возницей Иоан-нисом Мальтезосом. Он настоял, чтоб и Андромаху брали на море.

— Я хочу научить ее плавать. Ей уже пора.

Софья только поражалась: девочка полюбила воду и в отцовских руках восторженно колотила по ней руками и ногами.

К восьми вечера они сидели за своим столиком в «Дарданеллах» у Яннакиса или Дора. Здесь в основном они и общались с друзьями и родственниками. Усадив дочь к себе на колени, Софья кормила ее мороженым. Домой возвращались в девять и после легкого ужина еще часок отдыхали в саду. Золотистый диск луны катился по темному небу Афин. Ложились Шлиманы рано: вставать чуть свет.

Генри рассылал свои отчеты о Трое (иначе он не называл теперь Гиссарлык) в греческие, немецкие, французские и английские газеты и журналы. Греческие ученые были сдержанно вежливы, французские академики циничны, немецкие филологи пренебрежительно-высокомерны, англичане восторгались, американцы, прознавшие о Шлиманах из лондонского «Таймса», читали отчеты, как захватывающую «восточную» повесть.

Накануне своего отъезда в мае Софья получила от Генри статью для афинских «Полемических листов»: Генри просил показать ее одному их родственнику—выправить грамматику и еще просил сделать фотографические снимки креста и «свастики». Георгиос Энгастроменос обещал сам проследить за всем этим. Когда Генри увидел статью в печати, он пришел в бешенство: мало того, что ее никто не выправил, — в типографии добавили еще своих опечаток. И ладно бы это были погрешности в грамматике: были перевраны слова, а это меняло смысл! Софье достаточно было пробежать глазами абзац-другой, чтобы убедиться: текст искажен до неузнаваемости, репродукции воспроизводят что угодно, только не крест и не «свастику». Генри абсолютно прав, что возмущается.

— Их столько, этих ошибок, и таких глупых, что люди поднимут меня на смех, — негодовал он. — Я скорее отрублю себе правую руку, чем признаю свою подпись под этим идиотизмом.

Злосчастная статья и отповедь Георгиоса Николаидиса в этом

же журнале сильно испортили его отношения с учеными специалистами из Афинского университета.

Но друзья не покинули их. Эмиль Бюрнуф приставил к ним двух лаборантов—тех молодых людей, что помогли Шлиманам собрать из черепков целые вазы. Им обоим Генри определил щедрое вознаграждение. Он подрядил даже Луизу Бюрнуф, и та каждое утро приходила в их садовую мастерскую зарисовывать находки, уже отмытые, систематизированные, пронумерованные и выставленные на верстаках. Рассыпав по спине белокудрые пряди волос, голубоглазая красотка вспархивала на высокий табурет, окрыленная подстрекательским напутствием Генри:

— Рисуйте все точно: я хочу использовать ваши рисунки в своей книге о Трое.

Софья ничего не имела против их дружеского общения за работой, хотя, по совести, особой нужды в услугах Луизы не видела: чуть не каждый день находки снимал фотограф. Иначе отнеслась к этому творческому союзу мадам Виктория.

— Кто это? — спросила она Софью.

— Луиза Бюрнуф, дочь директора Французского археологического института. Она как бы штатный художник у Генри.

— Не дело, что Генри каждый день общается с такой красивой девицей. Это просто опасно.

— Почему опасно?

— Мужчины такие влюбчивые… А Генри бог здоровьем не обидел, да и человек он с положением. Таких только и ловят…

— Рыбаки ловят? — попыталась свести на шутку Софья.

— Не рыбаки, а девицы с умом и без совести. В конце концов, в Афинах полно молодых людей, которые тоже умеют рисовать.

Софья сжала губы, решительно вздернула подбородок.

— Мама, я раз и навсегда запрещаю тебе поднимать эту тему.

За полгода без чтения (время от времени доходившие «Полемические листы» не в счет) Генри изголодался по новостям. Ежедневного паломничества в «Прекрасную Грецию» было недостаточно, и он выписал на дом всю афинскую прессу. Он и Софью приохотил следить за событиями в мире, хотя ей вполне хватало своих забот: в школе Варвакейон она брала уроки немецкого языка и продолжала занятия французским и английским с госпожой Н. Контопулос, прекрасным педагогом. Генри и себе не давал спуску: по нескольку часов в день штудировал взятые из Национальной библиотеки книги по древнему искусству, мифологии и религиозной символике, читал словарь.

Афины сами напоминали раскопки: улицы перерыты, всюду

свалены свинцовые и железные трубы. Только что кончили строить городской водопровод и отводили воду в частные дома. Генри, разумеется, не упустил случай—и поспел в самое время: в середине сентября в город пришла невыносимая жара. Ночью они распахивали все окна и все равно задыхались. Перешли на открытую террасу, затянутую сетками от москитов, — стало легче. А уж когда в доме появилась вода и в саду забил фонтан— стало совсем хорошо.

Город переживал деловую лихорадку, наметилось оживление и в духовной области. Сразу народилось несколько журналов и альманахов, Генри на все подписался: научный «Атеней», политический «Истерн гардиан», литературный «Парфенон», женский «Пенелопа». Национальный музей выпустил первый том каталога хранившихся в нем древних монет. Генри приобрел его и подарил Софье.

— Семье нужен нумизмат.

В эту осень Генри решил не устраняться от общественной жизни столицы, из чего Софья заключила, что Греция стала для него родным домом. Вместе с профессором Куманудисом и Ксавье-Джоном Ландерером они присутствовали на открытии городского фонтана на площади Конституции; это чудо надолго запомнят измученные вечной засухой афиняне. Были они и на открытии осеннего семестра в Афинском университете, прослушали вступительную лекцию ректора в актовом зале. Бюрнуф пригласил их на закладку Французского археологического института; греческое правительство отвело ему землю у самого подножия горы Ликабет. Французский посол Ферри давал по этому случаю торжественный обед, и в числе немногих на нем были Шлиманы. Генри настоял, чтобы Софья вступила в Женскую ассоциацию, занятую устройством работного дома для обездоленных. В нем будут учить шитью, прядению, вышиванию. Попечительницей была сама королева Ольга. Готовую продукцию предполагалось продавать на базарах, а вырученные средства распределять между мастерицами.

— Тебе пора наконец занять подобающее место в обществе, — решил Генри.

Софья покорилась и дважды в неделю, вспоминая материнские уроки, ходила учить вышиванию. Матроны из ассоциации приняли ее под свое крыло и с восторгом слушали рассказы о жизни в Хыблаке, о раскопках на Гиссарлыке.

Американская колония в Афинах была невелика, и, естественно, бракосочетание дочери американского посла и сына нью-йоркского мэра и последовавший свадебный обед не обошлись без Шлиманов. На обеде они познакомились с

Джорджем Бокером, который уже два года был постоянным представителем Соединенных Штатов в Турции. Оказалось, он страстно увлекается археологией, читал многие публикации Шлимана Он напросился посмотреть их находки, остался ужинать, восторгался керамикой, заверял, что не видел ни единой вещи из половины, которую отторгал в свою пользу Оттоманский музей, и потрясенно затих перед мраморным Аполлоном на колеснице.

Генри по-прежнему писал отчеты и из своего кармана оплачивал их публикацию в «Полемических листах». Жизнь выкинула веселую шутку: владелец газеты купил дом неподалеку от них — улица Муз, 8; там же разместилась и редакция.

— Близко будет относить статьи и забирать гранки, — хмыкнул Генри.

Генри подписал договоры с Ф. А. Брокгаузом из Лейпцига и «Мэзонёв и К°» в Париже на публикацию троянских дневников. Издатели обязались каждый выпустить по двести комплектов: небольшой текст книжкой и солиднейшее приложение рисунков и фотографий, сброшюрованных либо свободными листами в папке.

Генри перетряс все Афины в поисках плотной белой бумаги, пока не нашел сущий пергамент.

— Я хочу выпустить книгу к концу 1873 года, — признался он Софье. — Тогда с нами будут считаться в академических кругах.

Продолжая светскую жизнь, они слушали в театре «Саула», смотрели трагедию «Тимолеон»; в отеле для иностранцев слушали лейпцигскую пианистку Ольгу Дюбуа. Неподалеку от «Прекрасной Греции» построили новый отель и ресторан, их пригласили на открытие. Здесь Софью поразила новая форма услуг: ресторан предоставлял целый штат поваров и официантов для проведения торжественных домашних обедов.

— Никогда не настанет такой день, — торжественно заявила

Софья, — чтобы я собственными руками не приготовила обед для своих гостей.

— Не зарекайся. Вдруг я соберу сотни полторы гостей. Разве ты справишься одна?

— А ты не зови помногу. Небольшое застолье веселее. Город развивался еще стремительнее, чем предсказывал

Генри. Улицы одевались камнем, по вечерам ярко освещались фонарями, велось большое строительство, решили пустить конку. Для туристов из континентальной Европы, из Англии и даже далекой Америки выстроили новый отель — «Нью-Йорк». Земельные участки Генри подскочили в цене вчетверо. В городе росла преступность. Редкий день газеты не сообщали об очередной краже. Некто Николаос Каритаракис, служащий

аптекаря Г. Церахиса, взломал ночью хозяйский сейф и выкрал триста драхм. Из магазина на улице Каламиоту похитили две с половиной тысячи драхм. Этих грабителей полиция не нашла, зато в галантерейном магазине Колокуриса накрыла целую шайку.

Вообще год выдался беспокойный. Афины оказались втянутыми в международные скандалы, из которых самый громкий получил название «Лаврийского вопроса». Речь шла о расчистке и эксплуатации древних серебряных рудников. Греция объявила их своей собственностью, и тогда Франция и Италия пригрозили военными действиями, поскольку их граждане являлись основными держателями акций компании Серниери, ведущей разработку рудников. Добиваясь религиозной независимости от константинопольских фанариотов [23], а в конечном счете — политической независимости от Турции, Болгария отложилась от матери-церкви, и отношения между двумя странами также испортились. В кафедральном соборе Шлиманы слушали проповедь архимандрита Аверкия, первого секретаря священного Синода, о болгарском расколе. Обращение к верующим архимандрит кончил словами:

— Это идет с севера.

— Что он имел в виду? — спросила Софья уже в экипаже.

— Россию. Повинными в расколе он считает русских.

На следующий день русский посол потребовал смещения архимандрита Аверкия. И архимандрита удалили из Афин.

— Атмосфера разряжается, — комментировал Генри. — Да и смешно думать, чтобы Греция могла ссориться сразу с Францией, Италией и Россией.

Обострилось и внутриполитическое положение. Министры, принадлежавшие к ведущей партии, подали в отставку, и король Георг I распустил парламент. Новые выборы были назначены на конец января 1873 года.

— Увы, — сетовал Генри, — мы не имеем права голоса: я американец, ты—женщина.

— Со мной, конечно, безнадежно, но ты можешь принять гражданство. Ты обожаешь Грецию — почему тебе не стать ее полноправным гражданином?

— Нет, лучше я останусь американцем. В этом есть свои преимущества, как ты могла убедиться в Константинополе. И потом, в четвертый раз менять национальность! — меня перестанут принимать всерьез. Кстати, я читал сегодня в газете, что задержавшие книги из Национальной библиотеки лишаются абонемента. А я держу их уже несколько месяцев! Сегодня же верну, не то и в самом деле исключат навечно.

Обработка привезенных древностей шла полным ходом. Доктор Аретайос с помощником восстановили и женский скелет, и скелет зародыша. Аретайос посоветовал хранить их в стеклянных ящиках, и Генри немедленно заказал их в мастерской в Плаке.

Закончив расчистку, каталогизирование и зарисовки, Генри надумал соорудить над задней стеной козырек, на восемь футов выдававшийся в сад, и выставить на верстаках некоторые особенно примечательные находки: семи футовой высоты пифосы, глиняный сосуд с ручкой, исполнявший назначение колокола, двухсторонние боевые топорики. Освободив от громоздкой мебели гостиную, они поставили длинные столы, разместив на них кувшины с клювообразными носиками, черные вазы в форме песочных часов, красные кубки, похожие на бокалы для шампанского. Радостно-озабоченный сновал он по саду, забегал в преобразившийся дом.

— Маленький музей Шлимана! — сказала Софья.

— А я такой и хотел, мой ангел. Большой я построю позже. Выберу участок получше. А когда мы кончим раскопки, мы все подарим нашему любимому городу.

В конце октября «маленький музей» был готов к приему посетителей. Первым Генри пригласил отобедать и взглянуть на их археологический улов профессора Стефаноса Кумануди-са. Увиденное произвело впечатление на секретаря Греческого археологического общества. Многолетний опыт собирателя и антиквара позволил ему датировать многие находки из поздних греческих поселений.

— Не могу не признать, что многие расцветки и орнаменты существенно дополняют наши представления, основанные на изучении древней керамики. Многое здесь я вообще вижу впервые! И разумеется, я поздравляю вас с тем, что вы исполнили свое обещание и достигли материка. Эта фоторафия Большой башни и оборонительной стены — вы убеждены, что это гомеровская Троя?

— Убежден, хотя доказать не могу.

— А вы попытайтесь.

Следующим гостем был профессор Ксавье-Джон Ландерер. И его находки не оставили равнодушным.

— Если я не ошибаюсь, это лишь половина того, что вы нашли?

— Да, — подтвердил Генри, заливаясь предательским румянцем. — И боюсь, лучшая половина.

Ландерер попросил уступить для его лаборатории несколько черепков из разных слоев Гиссарлыка.

— Не обижайтесь, что я говорю — Гиссарлык, а не Троя. Я не циник, я скептик. А ваши образцы я хочу сравнить с известными, выясню химический состав глины разного цвета. Тогда можно будет более или менее научно обосновывать возраст вашей керамики.

В очередное воскресенье они пригласили Джона Лэтама, Эжена Пиа и инженера Лорана, который в редкие трезвые минуты сделал-таки превосходные съемки холма, легшие в основу проекта гигантской площадки. Эти трое больше интересовались фотографиями раскопок и чертежами топографа, нежели археологическими объектами. Разговор носил сугубо технический, инженерный характер.

Приглашения были отправлены также профессорам Афинского университета и Политехнического института, дабы те самолично освидетельствовали находки и составили мнение об их художественной и научной ценности.

— Разреши мне пригласить учителей из Арсакейона, — попросила Софья. — Я хочу, чтобы они мною погордились.

— У них будут для этого все основания, Софидион.

И ученые мужи пожаловали, сначала поодиночке, потом группами. Генри был сама предупредительность: каждым занимался отдельно, показывал все без утайки, объяснял, на каком уровне и в каком слое найден тот или иной предмет. И далеко не в каждом он встречал сочувствующего: кто-то сомневался, кто-то упирался, а кто-то с порога отвергал даже очевидное. Софья восхищалась его выдержкой. Он запретил себе срываться, он только отвечал на вопросы, даже если это были недобросовестные вопросы, — он ссылался на книги, благо они под рукой.

Сказать, что муж переубедил скептиков, Софья не могла, но она хорошо видела, что люди уходят от них немного другими, чем пришли. Если раньше они знали только, что Генри Шлиман миллионер и сумасброд, просаживающий деньги на бессмысленный каприз, то теперь эти вещи, фотографии и технически безупречные чертежи и планы убедили их в том, что доктор Шлиман и впрямь открыл древнее и неоднослойное поселение. Ясно, это не Троя, поскольку Трою выдумали гомериды [24], но это, безусловно, ценный археологический объект, оправдывающий затраченные на него средства, время и силы. Когда она поделилась этими мыслями с Генри, он усмехнулся:

— Что ж, похлопали по плечу — и на том спасибо. Через год они будут говорить примерно так: «Да. если угодно, это Троя, но это не гомеровская Троя». А через два-три года, когда мы давно

Кончим наши раскопки, они заведут старую песню.

2

Когда море похолодало, Софья собирала завтрак и они отправлялись с Андромахой в монастырь Кесариани, в миле-другой от Афин, на склонах Гимета. Монастырь возник в X веке вокруг византийской базилики V века. Вековые деревья окружали их мирный бивак. Ездили они и в монастырь Дафни с церквью XI века, бродили по его лавровым рощам. В архитектуре монастыря сохранились готические сводчатые переходы, красивые зубчатые стены. Для Генри излюбленным местом их загородных прогулок стал Элевсин, место знаменитых в древности мистерий, покрытых глубочайшей тайной. В награду за представленное убежище богиня Деметра подарила Элевсину колос пшеницы и научила возделывать землю.

В поездки Генри неизменно брал с собой хрестоматию; перекусив, он читал Софье, баюкавшей Андромаху, исторические тексты и народные предания об этих древних священных местах.

— Жаль, Андромаха еще мала и твои уроки ей не на пользу.

— Я буду заниматься с ней так же, как с тобой. Вот будет ей года четыре или пять, тогда и начну.

С началом ноябрьских дождей он решил съездить в Германию: уладить некоторые дела, присмотреть усовершенствованное оборудование для следующего раскопочного сезона. И надо же так случиться: сразу после его отъезда у Андромахи открылся сильный жар. Софья вызвала доктора Веницелоса, но и тот встал в тупик. Мадам Виктория прибегла к домашним средствам, как могла успокоила Софью: у всех детей случается жар, это быстро проходит.

— И с вами со всеми это было.

Девочка болела десять дней, а чем болела — непонятно. Без Генри вся ответственность за дочь легла на Софью. Не приведи бог что случится: Генри никогда не простит ей этого. Она еще не забыла, как в Париже он оплакивал смерть своей дочери Натальи, как искал виноватых и винил во всем себя одного. И целых десять дней она не спускала Андромаху с рук, каждый час вскакивала к ней ночью, молилась, меняла холодные компрессы. С ними неотлучно был Спирос.

21 ноября был праздник введения во храм пресвятой богородицы Девы Марии. Оставив Андромаху на мать, Софья села в коляску и отправилась в церковь Богоматери на площади Ромвис. Заполненная непорочными девицами, соименными

матери Христа, церковь курилась ладаном. Софья зажгла свечу и подошла к аналою, накрытому красным атласным покрывалом с вышитым золотым крестом и образом Приснодевы в центре. Склонившись над образом, она молилась о выздоровлении дочери.

Когда она вернулась домой, счастливая мадам Виктория объявила ей в дверях:

— Это чудо! Пока ты была в церкви, в болезни наступил кризис. У нее падает температура!

Боль, сжимавшая все эти дни ее сердце, отпустила, и она благодарно упала на колени перед иконой.

Через два дня вернулся Генри. Узнав, что дочь проболела все его отсутствие, он долго не мог оправиться от потрясения. Расцеловав Андромаху, он встревоженно взглянул на жену.

— Мне безумно жаль Андромаху, но ты меня просто поразила: десять дней не спускать больную девочку с рук! А если болезнь заразна?! Неужели ты думаешь, что она поправилась только благодаря твоему самопожертвованию? Я счастлив, что она поправилась, но нельзя так изводить себя, милая.

Пресекая дальнейшие упреки, она закрыла ему рот поцелуем.

— А вдобавок ты еще и похудела, — огорчался он. — Если хочешь, чтобы я взял тебя с собой на Олимп, как договаривались, изволь несколько дней отдыхать.

В ответ она взглянула на него счастливыми глазами.

В следующий четверг они отплыли на австрийском пароходе из Пирея в Фессалоники. Полуторадневное путешествие Софья перенесла благополучно: вышивала, читала новый греческий перевод Мольера. В Салониках наняли маленький каик и добрались до портового местечка Литохорон. Вокруг стремительно проносились стайки рыб, но море, к счастью, было спокойно. От Литохорона было три часа пути верхом до деревушки, примостившейся у самого подножья Олимпа. Там была простая сельская гостиница. Генри заказал на втором этаже две комнаты с видом на гору. Он откинул тяжелые занавеси, открыл жалюзи. Перед ними во всем своем великолепии высился Олимп, гора богов. Уже по пути сюда Олимп возникал в разрывах тумана и облаков. А теперь он был весь на виду.

— Матерь божия! — вскричала Софья.

— Ты перепутала всех богов на свете! — рассмеялся Генри. Но и он был потрясен величественным зрелищем. Гора,

проткнув небо, парила в необозримой высоте. Это был каменный исполин, умалявший все, что ни встало бы рядом с ним. Это было больше, чем гора или даже гряда гор; это была неприступная твердыня, воздвигшаяся на самом краю земли.

— Ты знаешь, у меня голова идет кругом, — призналась она.

— А у меня, по-моему, сейчас сердце выскочит из груди, — отозвался он. — Неудивительно, что Зевс и Гера, Аполлон, Гермес, Гефест, Афина, Афродита, Арес, Гестия и Артемида — все строили свои дворцы на его вершине. Оттуда-то от них ничто не могло укрыться.

Их гостиная была над кухней, в комнате был свой очаг. Генри вызвал хозяина, тот разжег его, прислал бутылку рецины, острые закуски. Перед очагом поставили стол, застелили свежей скатертью, расставили цветастую деревенскую посуду, явился пышный омлет с запеченными ломтиками хлеба, залитый растопленным маслом, посыпанный чесноком.

Поужинав, они из теплой постели смотрели, как клубящаяся масса Олимпа затопляет небесную темень, и Генри вспоминал его царственных обитателей:

— Самый великолепный дворец был даже не у Зевса, а у хромоногого кузнеца и художника Гефеста, сына Зевса и Геры. Его описание мы найдем в том месте «Илиады», где Фетида является на Олимп просить Гефеста изготовить для Ахилла новые доспехи — прежние доспехи пропали со смертью Патрок-ла:

> Тою порою Фетида достигла Гефестова дома.
> Звездных, нетленных чертогов, прекраснейших среди Олимпа,
> Кои из мели блистательной создал себе хромоногий.
> Бога, покрытого потом, находит в трудах, пред мехами
> Быстро врашавшегось: двадцать треножников вдруг он работал,
> В утварь поставить к стене своего благолепного дома.
> Он под подножием их золотые колеса устроил.
> Сами б собою они приближалися к сонму бессмертных.
> Сами б собою и в дом возвращалися. взорам на диво.
> … Там (Харита. — Ред.) сажает богиню на троне серебряногвоздном.

— Как красиво, — пробормотала Софья. — Я словно вижу эти сверкающие во тьме чертоги на том снежном гребне.

— У Зевса был медностенный дворец, — продолжал Генри, — а для Геры ее сын Гефест создал опочивальню, где

> …К вереям примыкались в ней плотные двери

Тайным замором, никем от бессмертных еще не отверстым.
В оную Гера вступив, затворила блестящие створы…

Когда Генри читал классические греческие тексты, он преисполнялся торжественного чувства, его голос звучал взволнованно, наливался металлом, делался глубоким и певучим, как у актеров, игравших перед тысячами собравшихся в Одеоне Герода Аттика драмы Еврипида и Софокла. А в обычном разговоре он мог и дать петуха.

— Мне так хорошо, словно я тоже засыпаю в опочивальне на самом Олимпе, — потянулась к нему Софья.

Когда она проснулась, солнце заливало слепящим светом изборожденный глубокими морщинами непроницаемый лик Олимпа. Генри встал, как обычно, в четыре и уже уехал с проводником к подошве горы. Вверх, петляя по кручам, уходила тропа. Генри решил совершить многочасовое восхождение. Вершины он, конечно, не достигнет: для этого надо заночевать высоко в горах, в лесной избушке, и лишь поздно вечером следующего дня вернуться в деревушку. А он не хотел надолго оставлять Софью одну.

— Полно глубокого значения, — говорил он ей накануне, — что вершины, как таковой, у Олимпа нет. Зубцы громоздятся один на другой, порываясь в вечность. Человек может карабкаться хоть всю жизнь, но не дано ему видеть божественные чертоги. Они, разумеется, все на своих местах, и все так же в них пируют боги, перебирают струны лиры, поют, ревнуют, строят козни друг другу, интригуют. Их высокое обиталище недосягаемо. Сами боги прилетают на Олимп с Иды. А человек не может летать. Однажды Леонардо да Винчи попробовал слететь с холма неподалеку от Сеттиньяно—там, между прочим, жил Микеланджело—и ничего у него не вышло, только ногу сломал. Мораль: не равняй себя с богами.

Хозяйка принесла кофе. Софья прилегла с томиком Мольера на диван и задумалась. «Вот мы копаем в Трое, ищем бессмертный град Приама, хотим узнать, какую жизнь вели троянцы. А что можно узнать о жизни древних богов?»

Она открыла «Илиаду» и, 'замирая от восторга, прочла из первой песни:

… улыбнулась богиня, лилейнораменная Гера,
И с улыбкой от сына блистательный кубок прияла.

Он и другим небожителям, с правой страны начиная.
Сладостный нектар подносит, черпая кубком из чаши.
Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба,
Видя, как с кубком Гефест по чертогу вокруг суетится.
Так во весь день до зашествия солнца блаженные боги
Все пировали, сердца услаждая на пиршестве общем
Звуками лиры прекрасной, бряцавшей в руках Аполлона,
Пением Муз, отвечавших бряцанию сладостным гласом.

Но, когда закатился свет блистательный солнца.
Боги, желая почить, уклонилися каждый в обитель…

В конце книга Генри на нескольких страницах расписал все гомеровские реалии, указав соответствующие места в тексте: одежда и наряды, погребение и погребальные обряды, ратное оружие… Ее привлекла рубрика «Вмешательство богов в троянскую войну», и, следуя за постраничными указаниями Генри, она заново перечла историю смертельной обиды Ахиллеса на Агамемнона, отнявшего у него Брисеиду, и как Ахиллес просит Фетиду искать заступничества у Зевса: пусть тот пошлет поражение ахейцам. Но сторону ахейцев держит Гера, и между супругами разгорается страшная ссора. Гефесту удалось примирить родителей, и Гера послала Афину к Одиссею сказать, что Трою ахейцы разрушат только через год… А вот Афродита скрывает в густом облаке Париса, спасая его от Менелая…

«Какую странную жизнь мы ведем с Генри, — думала она. — Казалось бы, вполне современные люди: спорим о лаврийском вопросе, молимся, чтоб не было войны. Генри дает средства на школу для детей бедняков. Когда мы видим на улицах Афин королевскую чету без охраны, Генри не упускает случая сказать: «Такого не может быть в Европе. Греция страна демократическая». На открытии очередной сессии Священного Синода духовный владыка призывал распространять просвещение среди пастырей. А я не стерпела и выкрикнула: «Тогда почему вы не отзываете из Триполиса епископа Вимпоса?»

И при этом мы живем в гомеровское время, где-то между 1000 и 900 годами до рождества Христова. Генри следит за всеми книгами и монографиями о доисторических временах, которые выходят в Германии, Франции, Скандинавии, Англии. Его занимает вопрос: откуда поэт черпал материал — из своей современности либо, спустя, может быть, двести лет после троянской войны, полагался на собственную догадливость и

народную память? Работать нужно с непосредственными свидетелями минувших времен, допытываясь, каким богам и как поклонялись люди, какое оружие брали в руки, в какие облачались доспехи. Тут все важно, мелочей нет: какой властью обладали вожди, чем люди питались, какие строили дома, какую носили одежду, украшения. А иконография, значки и символы на терракоте? Не зря Генри называет их «лучшей энциклопедией дописьменного времени». И конечно, Гомер — он редко подводил Генри».

Настоящей жизнью они с Генри жили в гомеровской эпохе. Гомеровской Трое, некогда процветавшей, а потом на три тысячи лет канувшей в забытье, они отдавали месяцы раскопок и месяцы томительного ожидания нового сезона, скрашивая вынужденный досуг восстановлением удивительных сокровищ, извлеченных из земли. Для них обоих это было волшебное время, полностью занявшее их силы, воображение, талант и умение радоваться… Она вышла на балкон, смотревший в сторону Олимпа. Можно было разглядеть трону. Где-то там Генри покоряет сказку.

В Афинах на Генри свалились неотвеченная почта, ненаписанные статьи, нетронутые дела — а в январе уезжать! Была у него еще забота: найти хорошего художника, который согласился бы жить в Троаде. Софья усадила в экипаж Андромаху и уехала в Колон.

С каждым днем отец таял как свеча.

— Папа, что с тобой? — спросила она. — Ты ничего не ешь. Ты не смеешься, тебя совсем не слышно стало в доме.

Но Георгиос Энгастроменос отказался продолжать серьезный разговор.

— Ничего страшного, Софидион. Немного расстроил желудок. Пройдет! А вообще—смех: худеть в мои годы! Ведь я столько лет опровергал напраслину, чтс-де толстых греков не бывает! Если и было меня за что ценить, так это за корпуленцию. Со мной раскланивалась вся улица Гермеса, и на Монастираки меня знали, а теперь, наверное, я и сам-то себя не узнйю. Право, это хуже, чем разориться.

— Все поправимо, папа, — отозвалась Софья. — Завтра пойдешь к доктору Скиадарессису. Может, он назначит тебе специальную диету.

— Слышать не хочу этого слова! — закричал Георгиос. — Мало і-реки голодали за свою историю?! Страшнее слова «диета» в нашем языке нет.

Еще ее тревожил Александрос. Он все больше забирал в свои руки семейную лавку. Дело процветало. Александрос оказался толковым коммерсантом, он отлично чувствовал греческий и

европейский рынок. Когда Георгиос стал недомогать и появлялся в лавке от силы на час-другой, Александрос не однажды намекнул отцу, что лучше бы тот вообще оставался дома. Было видно, что он и Спироса намерен отлучить от дела.

— Наверное, я скоро уйду, — признавался тот Софье. — Александрос обращается со мной, как с мальчиком на побегушках. Придется искать другую работу. А что я умею? Торговец я никакой, да и душа у меня к этому не лежит.

От жалости к брату у нее заныло сердце: он и телом хрупкий, и душою вялый. Иногда он подолгу молчал, и она спрашивала: «О чем ты думаешь?» — «Ни о чем, — отвечал он. — Просто смотрю…»

— Когда Спиросу станет невмоготу в магазине, — успокоил ее вечером Генри, — я что-нибудь ему подыщу.

Накануне Нового года афинские улицы заполнили толпы людей: все спешили купить близким подарки. В ювелирных лавках уже все было распродано, в магазинах игрушек не протолкнуться. Софья отправила Генри одного на площадь Монастираки, а сама вернулась в книжный магазин Коромела-са. Здесь она купила новую книжку сказок Майкла Деффнера — читать Андромахе — и для Генри только что вышедшую «Историю Греции от завоевания Константинополя».

На следующее утро их разбудила праздничная канонада. В десять они были в кафедральном соборе на рождественской заутрене. Тут же присутствовали король Георг и королева Ольга. В одиннадцать король принял в своем дворце на площади Конституции министров и долгую череду достойных мужей. В числе приглашенных был и польщенный Генри, впервые переступивший порог королевского дворца. Королева в свою очередь приняла в полдень Женскую ассоциацию. Вечером Шлиманы вновь поехали во дворец. Генри повязал белый галстук, надел черный фрак, Софья была в роскошном муслиновом платье (материал подбирал сам Александрос), воротник и шлейф отделаны французским кружевом, заколоты букетиками шелковых роз. У входа всем дамам вручили изящно выполненные бальные карточки, и к десяти часам Софьин билет был весь расписан. Бал открылся двумя кадрилями по получасу каждая, потом по четверть часа танцевали польку, мазурку, вальс и шесть туров лансье. В полночь пригласили к праздничному столу. Возобновившись, танцы продолжались до четырех утра и завершились котильоном.

— На раскопках мне вытанцовывается лучше, — признался Генри, — хотя я еще могу тряхнуть стариной и оставить позади вон тех, к примеру, симпатичных английских офицеров.

— Ты хотел, чтобы мы заняли подобающее место в обществе, — усмехнулась Софья. — После сегодняшнего вечера выше подниматься некуда.

— Не обижай меня, золотая моя, — нахмурился Генри, — я не карьерист. Положение в обществе нам нужно для того, чтобы облегчить себе работу.

На праздник богоявления Шлиманы ранним утром поехали в Колон, чтобы поспеть в церковь св. Мелетия на службу крещения Христа в реке Иордан. Сотворив молитвы, священник опустил крест в купель с водой, потом благословил паству и каждому прихожанину отлил в бутылочку святой воды. Дома Георгиос Энгастроменос опрыскал ею все комнаты. Софье для згой цели требовалось три бутылочки, которые она и уложила в углу сиденья в экипаже. На Гиссарлыке она перенимала у Генри умеренный пантеизм, что было естественно для их жизни в Троаде среди ахейцев и троянцев, у которых были и сонм верховных, олимпийских богов, и многочисленные божества природы—боги огня, ветра, солнца, моря, лесов, рек. Вернувшись же в Афины, в современную жизнь, она возвращалась в лоно матери-церкви: выстаивала все воскресные службы, чтила всех святых, каждому в день его памяти ставила свечку, молилась о благополучии дома. Раз в год ходила исповедоваться. Когда в начале супружества у них случались размолвки с Генри, она признавалась в них на духу, зато теперь при всем желании ей не в чем было особенно покаяться.

В полдень сели за традиционное крещенское блюдо мадам Виктории — жареную индейку, фаршированную каштанами. Похоже, от диеты доктора Скиадарессиса Георгиос немного воспрял. После обеда многочисленное семейство отправилось в Пирей «на Иордан». Там уже собралась толпа народа. Освящая воду, священник бросил в море крест. Афины жаждали видеть победителя, который его найдет и вынесет на берег. Четверо молодых людей во всей одежде прыгнули в море. И первым вынырнул, торжествующе воздев руку с крестом, Александрос.

— Он мечтал об этой минуте всю жизнь, — шепнула Софья мужу.

Несколько дней спустя в Афины по церковным делам приехал епископ Теоклетос Вимпос. Его буквально нельзя было оттащить от фотографий и планов раскопок, от богатого собрания спасенных древностей.

— Вера лежит в основании моего характера, — заявил он. — Я верю, что вы нашли Большую башню и мощную крепостную стену. Я верю, что вот этими копьями, топориками и стрелами троянцы оборонялись от ахеян. Генри, в университете говорят,

что увлеченность вас погубит. Что не умеете вы работать не спеша, без восторгов, как то пристало ученым людям. Что делаете поспешные заключения. Что даже весьма спорное свидетельство срывает с места и уносит ваше воображение и из скудной пряжи вы умудряетесь соткать рулоны полотна. Это говорят ваши критики.

— Я слышал от них и слова покрепче, — невесело усмехнулся Генри.

— Но вера завоевывает людей, — продолжал Теоклетос Вимпос, — если в их сердце есть место для увлеченности. Когда вы однажды признались мне, что хотите стать археологом, я вам поверил. И когда сказали, что вам нужна жена-гречанка, я опять поверил. Поверил и тому, что вы влюбились в карточку Софьи. Спрашивается, почему мне сомневаться сейчас?

Узкое, эль-грековское лицо Вимпоса тепло осветилось улыбкой, когда он взглянул в сторону Софьи.

— Ты только похорошела, выкапывая из земли всю эту красоту.

Иначе относилась к делу мадам Виктория. Она отвела дочь в сторону:

— Дорогая, Генри говорит, что в конце месяца вы опять уезжаете.

— Да.

— Пойми меня правильно, но сколько же можно оставлять дочь и дом?

— Пока мы не найдем Трою.

Однажды принесли обычную утреннюю почту. Быстро перебрав конверты, Генри отложил письмо из Чанаккале. Писал Фрэнк Калверт, и писал странные вещи. Прошел-де слух, что Генри продал в Европу за большие деньги Аполлона. Далее Калверт утверждал, что метопа была обнаружена не на государственной земле, а несколькими футами дальше, на его собственном участке холма. Он не собирался обвинять Генри в мошенничестве: ясно, тот просто ошибся. За вычетом транспортных расходов половина вырученных за Аполлона денег полагается Калверту, и он просит переслать их в Чанаккале.

Они сидели в саду. Солнце светило как-то неуверенно. На фоне голубого неба куском белоснежного сахара сверкал мраморный Аполлон.

— Кто мог наплести Фрэнку такую чушь?

— Не знаю. Слухи—те же летучие мыши: они слепые и любят темноту.

— Вообще-то понятно, что его обидело. Конечно, он знает, что метопу мы нашли не на его земле, но ему обидно, чего ради

он научил тебя, как вывезти ее из Троады.

— Я сейчас же напишу ему ответ, объясню, что никуда не вывозил мрамор — ни в Лондон, ни в Париж, что никогда не продам его. Он здесь, он украшает наш сад.

Однако Фрэнк Калверт не унялся. И скоро они поняли истинную причину раздражения, водившего его рукой. Конечно, его взбесили не слухи о продаже Аполлона, причина лежала глубже. Им в руки попали гранки его статьи для «Левантийского вестника», в которой Фрэнк поносил и Генри, и его работу на Гиссарлыке.

Обвинения были настолько чудовищны, что Софья и Генри только развели руками.

А все было очень просто. Оказывается. Фрэнк Калверт никогда не верил, что Шлиман найдет Трою на холме Гиссарлык. Вон оно что! Своими отчетами, посылаемыми в европейские газеты, и прежде всего статьями в лондонском «Таймсе», Генри приобрел имя—тот же «Тайме» поздравил его с успехами в археологии. В Великобритании Генри Шлиман был героем дня, а кто знал Фрэнка Калверта? Да и знавшие знали его как изменника родине. Понятно, это не могло не взбесить его. И он написал статью, в которой доказывал, что если кто открыл Трою, то скорее он, а не Генри Шлиман.

— Если говорить правду, — уступчиво объявил Генри, — Фрэнк действительно вырыл на своей стороне холма три мелкие траншейки, но, по своему обыкновению, покопал несколько дней и бросил.

Калверт пытался пошатнуть доверие к Генри. Если каменные орудия существовали в Трое, вопрошал он, то отчего Гомер не упоминает их? Следовательно, ни один культурный слой, вскрытый Генри и содержащий каменные орудия, не может быть гомеровской Троей. Гомер, например, нигде не говорит ни о кремневых пилах, ни о каменных ножах. Калверт обвинял Генри и в том, что тот напутал в описании стен дома, отрытого в холме, дал неверные размеры, не разобрался, из какого материала он сооружен. Он объявлял ошибочными описание и назначение терракоты, отвергал аргументы, позволявшие Генри проводить рубеж между доисторическими временами и поздними греческими поселениями.

— Я потрясен! — выдохнул Генри. — Я любил этого человека, и мне казалось, что он нас тоже любит.

— Он нас любит, — задумалась Софья, — но ему горько. У зависти горький вкус. Его ход мыслей — вот что мне непонятно. Сначала он заявляет, что не ты, а он открыл Трою, и дальше пишет только о том, что это совсем не гомеровская Троя. Его

статья нам повредит?

Он грустно покачал головой.

— За эту кляузу ухватятся только те, кому хочется, чтобы мы ошибались.

— Ты думаешь, он уже не разрешит нам копать на его половине?

— Совсем не думаю. Он не мстительный человек. И конечно, ему мало радости доставит эта выходка.

К середине января приготовления к раскопочному сезону 1873 года были в целом завершены. Генри нашел молодого и симпатичного художника, Полихрониоса Лемпессиса, заинтригованного новизной работы. Он не был женат, в Афинах его ничто не держало.

Яннакис, Поликсена и Фотидис обещали приехать в Трою сразу по прибытии туда Шлиманов. К сожалению, ломашние дела не отпускали в этот год Деметриу, молодого, но очень хорошего десятника. Второй их десятник, Теодорос Макрис, устроился где-то в провинции, и разыскать его не удалось. И Генри нанял капитана Георгиоса Цирогианниса.

— Умение руководить людьми — редкость, — объяснил он Софье. — Только моряки обладают им. Кстати, о моряках: мы потеряли нашего капитана Папалиолоса и его «Таксиархис». Он до конца года подписал контракт на рейсы между Критом и Александрией. Зато он рекомендовал нам своего старого приятеля капитана Теодору. Я уже видел его пароходик «Омониа». Он будет приходить в залив Бесика раз в месяц.

3

«Омониа» покачивалась у пристани в Чанаккале. Тут же их ждал Яннакис с арбой — увезти их кладь. Грузиться помогали оба десятника, приехавшие с Генри из Афин, — капитан Цирогианнис и некий албанец из Саламина. Потом вся компания отправилась в Гиссарлык.

Генри остановился в портовой гостинице Николаидиса: они бы остановились здесь и два года назад, не смани их тогда Фрэнк Калверт.

— Это на всякий случай, — сказал он Софье. — Вряд ли Фрэнк предложит нам остановиться у него. Но я хочу по пунктам пройти с ним его статью, прежде чем отвечать в печати.

Было холодно, ветрено. Кончался январь. Они прошли губернаторский дом, впереди был особняк Калверта. Всю дорогу Генри озадаченно мотал головой.

— Нет, с друзьями так не поступают. Никто не обязывает его разделять мои взгляды, но зачем пригвождать меня к позорному столбу, выставлять на смех?

Когда дворецкий провел их в библиотеку, Фрэнк Калверт не высказал ни удивления, ни досады. Он велел придвинуть кресла к жарко пылавшему камину, предложил коньяку. Генри ровным голосом осведомился, отчего Фрэнк решил высказать свои критические соображения сразу в печати. Фрэнк перевел разговор на другую тему, но Генри не дал себя сбить.

— Фрэнк, вы пишите в статье, что найденные мною кремневые пилочки и каменные ножи делают невозможным считать Гиссарлык местоположением Трои, поскольку Гомер ни разу не упоминает их…

Фрэнк поднялся с кресла и в раздумье налил себе еще коньяку. Отворилась дверь, и вошла миссис Калверт. Она тепло поздоровалась с Генри, обняла Софью: мужчины вольны делать глупости, но ее это ни с какой стороны не касается.

— Дорогая, может, пойдем в гостиную, выпьем по чашке чаю? Поговорим о своем.

Софья с радостью улизнула из библиотеки, где назревал весьма недружественный спор. В гостиной они поговорили о детях и летних планах. Примерно через час зашел Генри. Он был один, и было заметно, как он старается не выдать своих чувств. Поблагодарив миссис Калверт за внимание к Софье, он вежливо отказался от чая. Фрэнк не выи км попрощаться. Пробежав оцепеневшую от холода улицу, они вернулись к себе в номер, и здесь наконец Генри заговорил:

— Фрэнк невменяем. Его не убеждают ни доводы рассудка, ни факты. Он твердит, что его возражения в печати сделаны по существу и в интересах дела. И хотя, он говорит, не я, а он прежде меня открыл Трою, это не гомеровская Троя, поскольку мы не обнаружили византийских предметов, а на Гиссарлыке цивилизация будто бы держалась вплоть до четырнадцатого столетия. Он путает Гиссарлык с Александрией Троянской.

— Ив итоге этого спора, — неловко усмехнулась Софья, — тебе, надо думать, вежливо указали на дверь? Он не запретил нам вести раскопки на его половине холма?

— Нет. Пока не запретил. Но чем успешнее мы будем работать, тем скорее он созреет для этого решения. Видишь, я был прав, оставив за нами эту комнату. Пойду попрошу что-нибудь на ужин.

— Мы пропадем, если Фрэнк закроет для нас свою половину.

— Поэтому-то я и хочу взять больше рабочих и копать быстрее. От башни мы поведем траншеи во все стороны…

На следующее утро отправились к губернатору.

— Выказать уважение, — сказал Генри, — всегда полезно. Какой он ни был твердолобый чиновник, Ахмед-паша, но

тоже мог щегольнуть воспитанием: приветствовал их возвращение в Троаду, велел лакею принести кофе и как бы невзначай сказал:

— Вы, разумеется, уже знаете, что в Константинополе вот-вот будет принят новый закон?

— Новый закон? — озадаченно переспросил Генри. — Нет, я ничего не слышал. А какой области он касается?

— Он касается археологических памятников, составляющих национальное достояние Турции.

Софья бросила взгляд на пепельно-серое лицо Генри.

— Можно ознакомиться с этим документом?

— Нет, закон еще в стадии прохождения.

— Но вы знаете его основные положения?

— Да, и они прямо касаются вас. Первое: надлежащим образом составляется полная опись всех находок и направляется в министерство просвещения. Второе: ничто не может быть вывезено за пределы страны Его величества без особого на то разрешения. Третье: если вышеупомянутые находки будут сочтены необходимыми для коллекции музея и их приобретение будет желательно, то музей приобретает их за цену, которую положит разумной. Четвертое: разрешение на вывоз из страны распространяется только на те находки, которые музей не удерживает при себе. Но и в этом случае вывоз за пределы страны Его величества разрешен лишь в том случае, если, по получении особого разрешения, уплачивается таможенная пошлина. И последнее: уличенный в попытке тайно вывезти из страны археологические находки лишается их всех безвозмездно.

— Но чего же тогда стоит наш фирман?! — вскричала Софья. — Сначала официально разрешают, потом берут свои слова обратно — как это можно?

Лично к ним у гебернатора не было неприязненных чувств, и он ответил вежливо и выдержанно:

— Правительство имеет право менять свои законы. Принятый закон, естественно, лишает силы предыдущие установления, противоречащие нынешним.

— Но я вложил в эти раскопки десятки тысяч долларов! — не выдержал Генри. — И намерен вложить еще столько же! Мне с таким законом не по пути.

По лицу губернатора редким гостем скользнула улыбка.

— А его пути неисповедимы, доктор Шлиман. Обсуждение может затянуться на месяцы. Когда-то еще закон оформят, потом

двадцать раз пересмотрят, потом только обнародуют. Пока он не ляжет на мой стол, вам решительно не о чем беспокоиться.

Они вышли на улицу, и холод прохватил их до костей. Генри тусклыми глазами смотрел под ноги, вздрагивал, у Софьи, как всегда после нервного напряжения, больно тянуло в животе.

— Этот новый закон, — сказал он, — размахнулся отобрать все. Все ценное музей заберет себе, а нам швырнет несколько пиастров. Мы останемся ни с чем. С битыми черепками…

В Гиссарлыке Яннакис с двумя дельными каменщиками из Ренкёя кончал каменный дом, заказанный Софьей перед их отъездом в прошлом году. Камень брали из раскопочного выброса, каменщики хорошо обтесали брусья, положили ровненькую кладку. Спальню и столовую Софья задумала такими же, как в их деревянном домике, зато рабочую комнату просила сделать побольше, чтобы поставить несколько столов. В окно открывался вид на Дарданеллы, Эгейское море. На пороге, зажав в руке шляпу, переминался с ноги на ногу Яннакис, выжидающе глядя ей в спину.

— Ты замечательно все сделал, Яннакис. Здесь нам будет хорошо.

Яннакис внес в комнаты их пожитки. Поликсена приготовила постель. В очаге потрескивали поленья, на плите разогревался ужин. Поздравить с возвращением в Трою пришел Фотидис. Ему, капитану Цирогианнису и албанцу отвели под жилье деревянный дом, где в прошлом году жили Шлиманы.

Софья выставила на тумбочку икону. Генри одобрительно улыбнулся.

— Поразительно, как ты умеешь превратить случайное убежище в родной дом, всего-навсего выставив эту икону.

— Так в этом же и отличие от твоих древних │реков: они боялись своих богов, а христиане своих любят. И греки, и ахейцы умиротворяли богов, проливая на землю вино или сжигая тучные бедра быков, баранов, козлов и окуривая благовонием Иду и Олимп. А мы не поклоняемся кумирам…

— Это новость! Как тогда прикажешь называть золотые и серебряные браслеты, ожерелья, кольца, кресты?..

И Софья благоразумно прикусила язык.

Обойдя раскопки, они вернулись в свою новую столовую, где Поликсена уже накрыла к ужину. Легли рано. В пять Генри разбудил ее.

— Скоро придут рабочие.

Яннакис отчистил инструменты, смазал тачки, наточил лопаты и кирки — словом, подготовился. К шести часам из окружающих деревень стали стекаться люди. Всего пришло сто

пятьдесят греков и турок. Генри разбил их на пять рабочих бригад, закрепив за каждой определенный участок и характер работы: копать рвы, траншеи, террасы, расчищать крепостную стену, углубляться до основания смотровой башни, до самой скальной породы, раскапывать храм, ибо под ним должен быть храм поменьше, первоначальный, троянский — в это Генри свято верил. Всем троим десятникам дали по бригаде, себе Генри взял самую многочисленную — им предстояло освобождать юго-западную сторону башни. Были свои подопечные и у Софьи.

На сей раз гурки поставили над ними только одного смотрителя — Амина-эфенди. Задача его была не из легких: уследить за пятью бригадами, разбросанными чуть не по всему холму. А они, между прочим, извлекали любопытнейшие вещи: покрытый красноватым лаком терракотовый бегемот, вазы и кубки, большие плоские блюда, мраморные фигурки богини Афины с совиной головой. Ниже, на глубине десяти футов, нашли двухтонные мраморные глыбы, обработанные в дорическом стиле: Генри посчитал их деталями храма Лисимаха. Надписей на них никаких не было, и Генри с легкой душой распорядился сбросить их вниз, на равнину.

Амин-эфенди был способный юноша с привлекательной внешностью, хорошо образованный. Он изнемогал от желания поработать на совесть. Характер у него был не склочный, но от Шлиманов он с самого начала ожидал подвохов. Когда были сделаны самые первые находки, он заявил:

— Мне нужна исчерпывающая опись находок к концу каждого дня, чтобы иметь их наготове, когда вступит в действие новый закон.

— В моем фирмане такого требования не содержится. Абсурдно подчиняться закону, которого еще нет.

— Губернатор заверил меня, что скоро он будет принят. Разве для вас не легче составлять списки ежедневно? Во избежание ошибок мы можем делать это вместе, а потом я отошлю свой экземпляр в Константинопольский музей.

Софья обычно старалась держаться в стороне от таких перепалок, но иногда и у нее лопалось терпение.

— Да не нужны еще музею ваши списки, Амин-эфенди! Вы, конечно, можете их составлять, если вам хочется, но мы так не умеем работать. Мы сначала очищаем предметы, описываем их в дневнике, каталогизируем, чтобы потом не было путаницы. Если когда-нибудь этот закон пройдет, я по записям в журнале составлю для вас полный и точный список находок.

Казалось, молодой человек внял.

— Каждый работает как умеет, госпожа Шлиман. Мне,

например, будет спокойнее составлять списки ежедневно.

— Если вы так настаиваете на этом, мы можем вам помочь, — мирно отозвался Генри. — Все находки вечером будут сноситься к порогу нашего дома. Можете там работать.

— Благодарю, доктор Шлиман, но я бы хотел записывать предметы сразу по извлечении их из земли.

«Ну, милый, — подумала Софья, — тогда тебе нужна хорошая лошадь, чтобы всюду поспевать».

С капитаном Цирогианнисом им определенно повезло. Его рабочие поворачивались проворнее других, даже Генри со своими отставал. У албанца же дело никак не налаживалось, и люди у него подобрались какие-то мрачные. Генри попросил Софью походить рядом, послушать, что они говорят.

— Они на дух не переносят этого албанца, — сообщила она вскоре. — Видимо, они считают ниже своего достоинства слушаться его приказаний.

— Ну, я не могу мановением руки превратить его из албанца в грека. Значит, надо с ним расстаться. Дам телеграмму Деметриу, предложу хорошие деньги, чтобы он наконец разделался со своими проблемами. Для меня хороший десятник стоит десятка рабочих.

Уже на следующей неделе Деметриу работал с ними.

С появлением Полихрониоса Лемпессиса их вечера оживились, повеселели. Яннакис разобрал кладовку, и художник с удовольствием вселился в нее. Подвижный как ртуть, он был веселым и добрым товарищем. И дело свое он знал хорошо, рука у него была точная. Первые дни он рисовал раскопки и рабочих, потом переключился на троаде кие пейзажи, стараясь передать особое очарование этих мест. Он напросился расчищать терракоту, каменные орудия, металлическое оружие, выкладывал их потом на верстак, брал тушь и срисовывал. Своей мастерской работой он и покорил Шлиманов.

Капитан Георгиос Цирогианнис, накрутившись за день с сорока рабочими, особой потребности в обществе уже не испытывал. Он ужинал и сразу отправлялся спать. Напротив, Фотидис жаловался Софье на бессонницу, особенно тягостную, когда нечем заняться и не с кем перемолвиться словом. Узнав, что Полихрониос Лемпессис с вечера до полуночи работает со Шлиманами, он попросил и его взять в компанию. Генри недовольно скривился, и Софья заступилась за Фотидиса:

— Он одинок, ему скучно. Ты говорил, он прекрасно вычерчивает профили и делает нивелировку. Наверное, им нужно дорожить.

— Еще как! Худо-бедно почти инженер.

Фотидис был счастлив. Вскоре он уже стал чем-то вроде секретаря при Генри, старательно переписывая его отчеты для греческих газет. Однако самым большим удовольствием для него было помогать Софье отмывать терракоту и из черепков собирать горшки. Ради этого он собственноручно варил рыбий клей в кухне.

— Одной рукой ты собираешь горшки. — заметил ей Генри. — а другой разбиваешь сердца. Он уже с тебя глаз не сводит.

Пошла их третья неделя в Трое, когда ударили холода: ночью градусник показывал 23° по Фаренгейту [25]. В каменном доме да под шерстяными одеялами еще можно было спать, а вот десятники всю ночь простучали зубами от холода и встали с простудой. Леденящий северный ветер, жаловался утром Фотидис, лез во все щели. Лампы гасли, вода замерзла. Выглядели они все кошмарно.

— Пожалуй, нам надо поменяться с ними домами, пока не спадет этот холод, — предложила Софья. — У нас им будет гораздо теплее.

— Да, надо это сделать. Не то они все разболеются. Я велю Яннакису поменять постели. Под одеялами не замерзнем. И потом, вдвоем теплее.

Обмен состоялся, и десятники отлично выспались в каменном доме. Шлиманы спали плохо. На раскопках в траншеях было теплее, и то мужчины работали в шапках, пальто и шарфах.

На пятый день с утра проглянуло солнце. Ветер стих. В Троаде снова было тепло. Яннакис и Фотидис водворили кровать Шлиманов в каменный дом. Фотидис рассыпался перед Софьей в благодарностях за заботу.

Яннакис днями пропадал в деревнях, вербуя новых рабочих, и Генри поручил Софье кричать «пайдос» [26] утром и в обед. Она ходила от одной группы к другой и, сложив руки трубочкой, объявляла перерыв.

Пришли новые неприятности. Какой-то купец из Смирны соблазнил рабочих сдельщиной — собирать лакричный корень. За день можно было заработать пятьдесят центов, а Генри платил только тридцать пять: дни еще были короткие, темнело рано. И половина рабочих сразу подалась собирать коренья и давить сок. Раньше, чем через две недели, на них нечего было рассчитывать. Янникис в который раз проехал по деревням, но наскреб сущую малость. Генри не находил места: уходили дни!

Погода установилась, было тепло и ясно. Кризис с рабочими также миновал. Дни стали длиннее. Генри увеличил жалованье. Его бригада расчистила подходы к храму, убрав одиннадцать

тысяч кубических ярдов грунта и пустой породы, и это радовало. Другие бригады тоже хорошо работали на своих участках. Буквально каждый час на свет являлось что-нибудь замечательное: медный сери — их первая земледельческая находка, медное оружие, копья и наконечники стрел, длинные тонкие медные гвозди с круглыми шляпками. Обводя траншеей северо-западную сторону Большой башни, бригада Генри натолкнулась на две стены толщиной в десять футов, стоявшие одна на другой крест-накрест. Когда достаточно отрыли верхнюю стену, Генри подозвал Софью и показал: в качестве строительного материала здесь использовали коринфские колонны. Замечательна была нижняя стена: многие ее массивные глыбы имели метку не то каменотеса, не то строителя—сигма, дельта, ипсилон.

Работа наладилась, и Софьина жизнь пошла ровной колеей. Генри возвращался с утреннего купания, она пила с ним кофе, шла к своим рабочим и оставалась на раскопках до обеда. К этому времени все утренние находки уже были в их рабочей комнате. Она видела, что Амин-эфенди ни на минуту не закрывает записную книжку, и улыбалась про себя: всего он не углядит— нельзя же быть в пяти местах сразу. Он не затруднял себя отбором половины находок, уверенный, что принятие нового закона—дело нескольких недель, и тогда Шлиманы сами все отправят в Константинополь, а директор музея сам решит, что ему угодно оставить.

Чувствовала она себя превосходно, работа на солнце подрумянила ей щеки, но Генри настоял, чтобы после обеда она ложилась вздремнуть и возвращалась, когда спадет жара. На это время он сам приглядывал за ее рабочими. В каменном доме было прохладно и хорошо. Проснувшись, она шла к Поликсене, договаривалась о завтрашнем обеде. Обе беззлобно вышучивали кулинарную страсть Яннакиса

К концу февраля у Генри каждый день в среднем работало сто шестьдесят человек. Работы по освобождению от грунта башни, крепостных стен и храма подвигались быстрым ходом. Генри был доволен. Сначала он собирался убыстрить темп раскопок на половине Фрэнка Калверта, а теперь его еще торопила угроза нового закона. Он во все стороны пустил траншеи, рвы, террасы. Бригада Генри всех опережала: они копали с восточной стороны башни, а это близко к южному склону холма — недалеко отвозить мусор. Это обстоятельство заставило его несколько изменить технику работы: прежде специально назначенный рабочий только нагружал тачку, а теперь ее нагружал и отвозил один человек. На одну операцию стало меньше.

Скрывая истинную причину своей нервозности, он жаловался на подорожание турецкого вина:

— В прошлом году две бутылки стоили мне пять центов, а теперь запрашивают восемь!

— Но ведь это замечательное вино, Генри, ты его предпочитаешь французским.

— Я на вино не жалуюсь. Я жалуюсь на цены. Портило настроение и то, что у найденных терракотовых

змеек рабочие аккуратно отламывали рожки: в Троаде было распространено суеверие, что эти рожки вылечивают от падучей и еще многих болезней. В прошлом году, к примеру, один умник насобирал целый кувшин рожек. Сколько Генри ни бился, убеждая, что все это чушь, сломить их предрассудок было невозможно.

К холму повадились ездить крестьяне за камнем для строительства церквей и мостов. Большие, хорошо обтесанные глыбы было тяжело и долго скатывать по склону, и пришлось заняться «каторжной», как ее называл Генри, работой: дробить монолиты на куски, с которыми легче управиться. Приезжие терпеливо ожидали, пока рабочие расколют камень и по частям спустят его на равнину. Здесь они спокойно грузили его в свои доморощенные двуколки. Генри особенно возмущало, что они не желали хоть чем-нибудь помочь им. Уж как он их уламывал!

— Тем, кто поможет разбить камни и убрать их с холма, я передам законное право на них.

Вожак этой банды помусолил самокрутку и, пожав плечами, буркнул:

— Они и так наши.

— Это мои камни! — взвился Генри. — Мне стоило больших денег откопать их. Только троньте: я упеку вас куда следует.

— Вам разрешено откопать их, — ответствовал бандит. — А наверху они общие.

Попробовала увещевать их и Софья. К грекам-христианам из Енишехира она обратилась на местном наречии:

— Стало быть, строите колокольню?

— Да.

— Чтобы быть ближе к Господу?

— Ну, на это никаких камней не хватит.

— А разве не учит вас церковь помогать ближнему?

— Мы неученые, мы только строить умеем.

И они по-прежнему каждый день приезжали к холму, и по-прежнему рабочие дробили камни, освобождая от них траншеи.

Большой храм притягивал Генри как магнит. Здесь он сделал несколько замечательных открытий. Нашел четыре глиняных

трубы I т. una п. два дюйма в длину и двенадцать дюймов в поперечнике), снабжавших храм водой, нашел три мраморных плиты, испещренных древнегреческим текстом, из коего явствовало, что эти плиты надлежит поместить в храме. Генри ошалел от счастья. Раз «храм», значит, непременно «храм Афины». Никакое другое святилище не заслуживает названия «храма»! К тому же здание было повернуто на восток и во всех деталях совпадало с афинским Парфеноном. Он доставил все три плиты в рабочую комнату, отмыл теплой водой, и Софья села за перевод. Уже можно было более или менее уверенно датировать плиты третьим веком до новой эры.

Кончив перевод, она растерянно взглянула на него.

— Милый, мне так не хочется портить тебе радость, но все это не имеет никакого отношения к культу. Кому-то царь жалует землю… Помнишь, мы уже находили такие.

Но воспарившего Генри было очень непросто вернуть на землю.

— Это неважно. На тех плитах даже не упоминалось о храме, а здесь специально оговаривается, что их следует поместить в храме. Ведь так? — Так, конечно…

Беда, что он никак не мог найти в храме целых скульптур. Когда они наконец докопались до пола, то ткнулись в плиты песчаника — и больше там ничего не было. Генри считал, что статуи уничтожили религиозные фанатики и невежественная чернь. Если бы у храма был земляной пол, то за много веков статуи ушли бы в землю и сохранились. А песчаник удерживал их на себе до тех пор, пока не явились вандалы.

Сразу под основанием храма он нашел до блеска отполированные боевые топорики и еще раз поразился умению, с которым древние мастера, располагая скудным инструментом, делали такие прекрасные вещи.

Их было много, этих вещей, они до отказа заполнили их рабочую комнату: терракотовые вазы без совиной головы, зато С женскими грудями, большим пупком и маленькими закрученными ручками — вроде заломленных рук. Каждый день рабочие подносили в корзинах метательные кольца из гранита, диоритовые пилки, молотки, ножи. В одной из траншей они обнаружили огромное количество сосудов для вина, они были высотой в шесть футов. Был уже март, дни становились все длиннее. Полихрониос Лемпессис и Фотидис засиживались далеко за полночь, отчищая, восстанавливая, сортируя находки. Иногда к ним присоединялись Яннакис и Поликсена. Софья больше не ходила на раскопки: чтобы только расписать вечером все дневные находки, ей приходилось сидеть за столом по шесть

часов. Генри отвоевал для себя уголок стола и каждый вечер составлял подробнейший отчет о дневной работе. Иногда он писал по-гречески, чаще — по-немецки или по-французски. Он не расставался с карманным компасом, и все вновь открытые стены были у него точно ориентированы относительно друг друга.

— Пора вывозить отсюда нашу половину, — сказал он ей однажды.

Первое золото в этом сезоне нашли рабочие Софьи: два медных гвоздя с золотыми шляпками. Когда, зажав их в кулаке, она прибежала к Генри, его лицо осветилось торжеством.

— Молодец!

Но особенно он гордился Большой башней. Он писал в дневнике:

«Стоит проехать всю землю, чтобы увидеть башню, которая господствовала не только над равниной у подножия холма, но и над всем плоскогорьем к югу».

С западной стороны башни рабочие нашли остатки очень большого дома, владелец которого, решил Генри, был богатым человеком: полы в нескольких комнатах были выложены отлично обработанными плитами красного камня. Взглянув на небо и ни к кому не обращаясь, Генри сказал:

— Так. Это пока самый большой дом. Когда же дворец Приама?

4

Весна была ранняя. К середине марта Троада покрылась цветущим ковром—шафран, багровые соцветья чеснока. На деревьях лопались почки, но теплело так быстро, что болота после зимы без дождей стали пересыхать и пошел мор на лягушек. Малярия десятками косила рабочих. Наученный опытом, Генри основательно запасся хинином. Он увеличил дозы себе, Софье, десятникам и художнику Лемпессису. Рабочий день еще удлинился, и он снова поднял жалованье—до десяти пиастров (сорок центов).

В эти дни ровной, размеренной работы Генри сделал удивительную находку: навершие скипетра в форме львиной головы из прозрачного горного хрусталя. Дождавшись утреннего перерыва, он, не скрывая торжества, показал вещь Софье.

— Раньше мы здесь не находили хрусталь, — заметил он. — В древности ближайшие горы кишели львами. Гомер много говорит о них. Только имея возможность часто наблюдать их, он смог так живо передать особенности этих зверей.

Каждый час приносил поразительные находки. Неподалеку от львиной головы нашли граненый шестиугольник из горного хрусталя, пирамидку из мрамора с черными, белыми и голубыми прожилками. Какой-то медный инструмент, похожий на удила, медные ножи, каменные наконечники копий. На верхней площадке башни впервые нашли части музыкальных инструментов: украшенная орнаментом трубочка слоновой кости и пустотелая плоская кость с тремя дырочками сверху.

— Если так будет продолжаться дальше, — радовался Генри, — то мы и впрямь составим картину троянского быта.

Изменив немного направление раскопа, Генри открыл большую выемку перед входом в их каменный дом. На глубине десяти футов рабочие отрыли несколько больших, красиво сделанных сосудов. Софье приглянулась изящная черная ваза в форме супницы, которую она сразу забрала себе.

— В первый же вечер дома, — пообещала она Генри, — я приготовлю тебе баранью похлебку с овощами.

Чуть ниже в траншее нашли лохани, одна была с ручками и имела два фута в высоту.

— Ты орудуешь в чьей-то кухне, — заметила Софья. — Остается только найти барашка на вертеле.

На глубине между тринадцатью и двадцать шестью футами, пройдя стены прямоугольного в плане дома, рабочие наткнулись на целый склад утвари. Все вазы были оригинальной формы. Софья особенно выделила блестящую черную вазу с женскими грудями и двумя ручками.

Она попросила Генри соорудить на крышах их каменного и деревянного домов аистовы гнезда. В турецких деревнях водилась пропасть аистов, иногда они гнездились по нескольку на одной крыше.

— В Германии считается, — сказал Генри, — что аисты приносят счастье дому.

— Вдобавок они поедают насекомых и лягушек. Я рассчитываю с их помощью извести сороконожек.

Генри подрядил хорошего плотника, турка Мастроянниса, и тот на совесть сделал гнезда, но аисты их почему-то забраковали.

— Выходит, в наши дома не придет удача, — сумрачно заключил Генри.

— Чепуха, — возразила Софья, — На холме бывают сильные ветры, и аисты боятся, что их гнезда снесет.

В конце марта рабочие разошлись по домам: пришла пора подрезать виноградные лозы. Работы на холме, по существу, прекратились, и нашли совсем мало: золотое блюдо, формой напоминавшее наконечник стрелы, хорошо сохранившийся

женский череп в цельной терракотовой урне. На дне вазы сохранились пепел и кости, бронзовая шпилька для волос.

Опять задул пронизывающий северный ветер. Даже в доме не удавалось согреться. Долгими вечерами Шлиманы вели записи, Генри писал и переписывал статьи, а руки коченели от холода. Они снова уступили каменный дом десятникам и перед сном жарко топили очаг в их прошлогоднем пристанище. Это едва не стоило им жизни, поскольку очаг был выложен прямо на деревянном полу. Однажды Генри проснулся среди ночи от запаха гари. С ужасом увидел он, что уже горят несколько ярдов пола и занимается стена. Он закутал Софью в одеяла, схватил на руки и выбежал из дома. Тут она проснулась.

— Что случилось?..

— Пожар!.. Вся комната горит. Оставайся здесь. Я побегу за людьми.

Прибежали десятники. Генри плескал водой на дымящуюся стену. Фотидис хлестал по полу мешком, сбивая пламя. Капитан Цирогианнис и Деметриу разобрали пол и влажной землей засыпали тлеющие головешки.

Кутаясь в одеяла, Софья смотрела с порога на учиненное разорение. Стена осталась, хотя вся почернела. Пол чуть не наполовину выгорел, только кусок под их постелью не был тронут огнем. Поликсена приготовила чай.

— Яннакис, — распорядился Генри, — отнеси мою постель в каменный дом. Мы уложим там госпожу Шлиман. А сами давайте одеваться и, как рассветет, настелим здесь новый пол.

Холода держались шесть дней.

В начале апреля установилась чудная погода. У Генри снова работало сто пятьдесят человек. Над башней обнаружили дом, в нем было больше восьми комнат; среди находок были тигель для плавки меди с остатком металла на дне, формы для отливки медных брусков, множество черных, красных и бурых черепков. В одной из комнат был гладкий известняковый пол. В других комнатах стены были все в черных пятнах.

— А здесь полы были деревянные, — заметил Генри. — Когда они выгорели, то стены снизу почернели.

Наступила пасха, греки разошлись по деревням праздновать. В великий четверг Софья встала затемно и вывесила в окна, смотревшие на восток, красные полотнища. Поликсена сварила яйца и выкрасила их в красный цвет. Софья испекла просвиры. Вечером она открыла Библию, опустилась на колени перед иконой и читала из Евангелий о страстях. В страстную пятницу постились. Утром в субботу она собирала на равнине цветы для божницы. К вечеру испекла кулич. Яннакис зарезал барашка,

специально выхоженного в загончике рядом с кухней. В воскресенье она зажгла свечу перед иконой и упросила Яннакиса уступить ей и Поликсене готовку праздничного обеда.

После праздников бригада Софьи сделала важную находку: пятифутовой высоты жертвенник из серого гранита; верхняя его часть, предназначенная для заклания, была в форме полумесяца, внизу был зеленый сланцевый желоб для стока крови. Жертвенник превосходно сохранился.

— Оставим его in situ, — решил Генри, — пусть его видят приезжие.

Софьин участок казался перспективным, и Генри подбросил ей десяток рабочих и сам работал с нею бок о бок. Их старания были вознаграждены: они обнаружили два цельных скелета— видимо, это были воины, поскольку рядом лежали шлемы с гребнями из конского волоса, медное копье. Генри открыл «Илиаду».

> Первый тогда Антилох поразил у троян брапоносца
> Храброго, между передних, Фализия ветвь. Эхепола.
> Быстро его поражает он в бляху косматого шлема
> И пронзает чело…

Пришел смотритель, разрешил оставить жертвенник на месте.

— А один скелет вы возьмете? — спросила Софья, заранее уверенная в ответе.

— Нет, не надо.

— Очень хорошо. Тогда мы заберем их оба в Афины. Генри вызвал столяра, тот сделал большой ящик. Днем скелеты осторожно поместили в него и отнесли в рабочую комнату. Вечером, срисовывая скелеты воинов, Лемпессис обратил внимание Генри на одну особенность:

— Какие крупные и в то же время удивительно узкие головы. Впервые вижу такие головы. Доктор, может, их деформировали эти тяжелые медные шлемы?

— Не думаю. Они ведь носили их только в сражениях. Видимо, еще одна отличительная черта троянцев, так же как мелкие зубы в женском черепе.

Отпустив Лемпессиса и Фотидиса, Генри выложил Софье свои догадки и предположения:

— Воинов мы нашли на самом верху башни. Известно, что дворец Приама был неподалеку от башни и что от него вела

мощеная дорога, спускавшаяся к двойным Скейским воротам и дальше на равнину и к месту сражений. Жертвенник и скелеты находились с восточной стороны башни. Дорога и Скейские ворота должны быть с западной ее стороны, со стороны Троады… Завтра же поставим туда рабочих.

Через четыре дня, 9 апреля, на глубине тридцати футов они наткнулись на дорогу. Раскопав в обе стороны, они установили, что мощенная булыжником дорога была семнадцати футов в ширину. Генри от радости потерял голову. Его возбуждение передалось рабочим, тем более что за хорошую работу и интересные находки он частенько приплачивал им. Зачарованная его поразительной интуицией, Софья опустилась на край стены и смотрела, как стремительно нагружаются и снуют во все стороны тачки с грунтом и мусором.

— В какую сторону ты будешь расчищать дорогу, — спросила она, — вниз до равнины или кверху, к дворцу Приама?

— В обе стороны. Дадим Фотидису шестьдесят человек, пусть копают вниз, к основанию холма: там должны быть Скейские ворота. А я с сотней людей пойду вверх. Столь красиво вымощенная дорога безусловно должна вести к большому зданию на вершине холма.

Фотидису потребовалась чуть не неделя, чтобы расчистить тридцать три фута мостовой и выйти на равнину. Никаких ворот не было и в помине! Положим, они сгорели, но скобы или болты должны были сохраниться!

Вечером Шлиманы пришли на кухню, где ужинал их штат, и сели за общий стол.

— Итак, никаких ворот нет, — сказал он. — Почему?! Если бы я командовал армией, которую прижимают к самым стенам крепости, я бы поставил двойные ворота у подножия холма, чтобы прежде врага в них проскользнули мои солдаты и колесницы.

Утром Генри прикинул, сколько ему предстоит подниматься вверх по холму до места предполагаемого начала дороги; там же будет и местонахождение «большого здания», в котором он видел ни больше ни меньше как дворец Приама. Выходило, что раскопать ему предстоит семьдесят восемь квадратных футов — все еще на турецкой стороне. Попутно он вскрыл три ряда городских стен, беспорядочно громоздившихся одна на другую: ясно, что позднейшие строители и не подозревали, что у них были предшественники. Копаясь в руинах позднего греческого города, Генри нашел вазу с египетскими иероглифами, чем подтверждались торговые связи между Троей и Египтом. Потом на свет явилось блюдо с барельефным изображением целующихся влюбленных; над скульптурой трудилась точная рука. На глубине

двадцати футов Генри нашел глиняную ручку от большой чаши, ручку украшала искусно выполненная голова быка. Софья захлопала в ладоши.

— Вспоминаю «волоокую Геру богиню»!

Он уже выбрал около семи тысяч кубических ярдов земли, когда обнажились остатки двух больших домов: сверху помоложе, нижний постарше. Оба сгорели в пожаре и лежали среди пепла и перегоревшего мусора. Стены нижнего дома были толще, массивнее, и дом стоял на самой дороге.

— Значит, дорогой пользовались, когда этот древний дом был еще обитаем.

— Раз дорога отходит от дворца Приама, — рассуждала Софья, — то не кажется ли тебе…

— Нет, еще не кажется. Где двойные Скейские ворота?! Они должны быть у подножия холма.

— Да почему же обязательно там? — попыталась она успокоить его. — Мы еще вверх не всю дорогу открыли.

Он взглянул на нее затравленными глазами.

— Все равно она приведет не туда, куда нужно.

— Да, если доверять Гомеру, а он писал спустя двести лет после войны. За двести лет здесь все перестроили. Сам Гомер уже не мог видеть ворота. Не нарушая исторической правды, народная память могла переместить ворота на сорок-пятьдесят футов в сторону.

— Справедливо. Ведь и название их удержалось через предание…

Несколько дней провозились, разбирая верхний, более поздний дом. Выяснилось, что нижний дом стоял на возвышении, что свидетельствовало о его важности. Вдруг стены его разошлись в стороны, и в проеме лежали огромные медные засовы… Генри тотчас послал за Софьей. Ее рабочим приходилось нелегко: то и дело на пути вставала какая-нибудь стена, и расчистка дороги подвигалась медленно.

Когда она подбежала к нему, он сжимал в руках засовы и молча указал ей на углубления в каменной стене, где некогда были петли, державшие створы ворот.

— Боже мой! — воскликнула она сквозь слезы. — Ты нашел Скейские ворота!

— Пока одни. Нужно найти вторые.

Он вряд ли даже видел ее — в такое он пришел возбуждение. Пройдя вдоль стен семнадцать футов вверх, Шлиманы нашли и место, где крепились вторые ворота, — в пяти футах от древнего здания.

Рабочие столпились вокруг Генри, внимательно осматривая

место.

— Почему они пробиты в стене, ведущей прямо в древний дом? — спросила Софья. — Не могли же воины и колесницы с лошадьми проходить сквозь дом.

Генри и минуты не раздумывал над ответом.

— Вторые ворота вели в большой внутренний двор. Отсюда улицы разбегались по всему городу. Помнишь, у Гомера:

> …и Гектор стремительно из дому вышел
> Прежней дорогой назад, по красиво устроенным стогнам.
> Он приближался уже. протекая обширную Трою,
> К Скейским воротам (чрез них был выход из города в поле);
> Там Андромаха супруга, бегущая, в встречу предстала…

Ночью смертельно усталый Генри не мог заснуть.

— То, что здание стоит выше ворот и что это капитальное сооружение, не оставляет, думается, никаких сомнений: оно — самая значительная постройка в Трое. Черт возьми, это должен быть дворец Приама!

— Если это дворец Приама, то под ним должен быть клад, сокровищница.

— Мне нужно съездить в Чанаккале за Зибрехтом — сфотографировать дорогу и все признаки ворот. Я дам телеграмму мосье Пиа, чтобы он прислал Лорана снять планы наших раскопок и подготовить следующий этап — расчистку всего акрополя.

— Сейчас мы на турецкой половине, а если акрополь захватит участок Фрэнка Калверта? — забеспокоилась Софья.

Он быстро взглянул на нее и нахмурился.

— Я буду искать примирения с ним. Ты обойдешься без меня день-другой?

— Попрошу Яннакиса дать мне для компании Поликсену. Генри выехал затемно: дорога неблизкая. Софья поднялась рано и целый день следила за раскопками внутри дворцовых стен. Обедала она в одиночестве, развлекаясь болтовней Поликсены, а ужинать села со всеми на кухне. Подождав, когда Поликсена уберет со стола, она вернулась с ней в каменный дом и села за письма домой, записала в журнал новые находки. Пришел Яннакис и около одиннадцати принялся безудержно зевать.

— Вам пора спать, — распорядилась Софья.

— Хотите, я останусь с вами? — предложила Поликсена.

— Спасибо, не нужно. Веди Яннакиса спать.

В полночь она легла, и сон сразу сморил ее. Она не могла понять, сколько времени проспала, когда проснулась внезапно, как от толчка. Кто-то был рядом с нею в постели, а кто — в темноте не поймешь. И тут она почувствовала резкий запах: Фотидис был у них известный грязнуля. На минуту она оцепенела от ужаса, Фотидис потянул ее к себе, и тогда она стала яростно отбиваться. Он лез к ней слюнявым ртом, она хлестала его по щекам, рука была липкой и теплой от крови. Крутя головой, он несколько раз выругался.

— Яннакис! — крикнула Софья. — Сюда! Помоги! Фотидис корявой лапой закрыл ей рот. Она пальцами попала

ему в глаза, и он завыл от боли.

— Яннакис! — кричала она. — Проснись! На помощь! Выругавшись, Фотидис стал выламывать ей руки. Она

сопротивлялась отчаянно, из последних сил.

«Господи боже, — обмирая, подумала она, — этот ненормальный еще изнасилует меня».

Распахнулась дверь. Вбежал полуодетый Яннакис, за ним Поликсена. Увидев Фотидиса, он рванул его из постели, словно куль муки, поднял над головой и с силой швырнул на пол.

— Оставайся с госпожой Шлиман, — приказал он Поликсене, — присмотри за ней. — Потом поднял потерявшего сознание Фотидиса. — Эту скотину, — обратился он к Софье, — я возьму к себе. И не отпущу, пока не вернется хозяин. Если хозяин прикажет, я из него дух вышину.

Забрав Фотидиса, он ушел. Поликсена придвинула к постели стул и, шепча утешения, взяла Софьины руки в свои.

Софья дала волю слезам и проплакала всю ночь. Сначала ее бил озноб, потом поднялся жар. Поликсена дала ей умыться, легкими движениями щетки расчесала волосы. Но голова пылала, как в огне, ее тошнило. К утру началась рвота.

— Поспите, — умоляла ее Поликсена. — Я никуда не уйду. Она впала в оцепенение, заменившее ей сон, но и тогда ночной кошмар обжигал ее сознание и она с воплем срывалась с постели.

Генри выехал из Чанаккале до рассвета и ни на минуту не остановился передохнуть. В полдень он был дома. Увидев Софью, он с болью в голосе вскричал:

— Что здесь произошло?! Поликсена выскользнула за дверь.

Софья бросилась к мужу на шею и в голос разрыдалась. Прошло немало времени, прежде чем он уяснил, что случилось без него. Когда, запинаясь, она кончила свой рассказ, он был вне себя.

— Где этот негодяй? Я убью его.

— Не надо, — слабо шепнула она. — Ему уже досталось от Яннакиса. Он в его комнате.

Вскоре он вернулся, дрожа от гнева.

— Яннакис сидит на этой скотине. Он сказал: «Когда он поднимает голову, я даю ему хорошую затрещину». Я послал к Драмали за арбой. Яннакис его сейчас связывает. Мы отправим его в Чанаккале, в тюрьму. Пусть погниет лет десять в какой-нибудь яме. Там ему самое место.

Сделав над собой усилие, она попыталась собраться с мыслями.

— Нет, Генри. Я не хочу, чтобы об этом знали. Я и так не знаю, куда деваться от стыда.

— От какого стыда? Чего ради?

— Не хочу, чтобы обо мне говорили… О том, что случилось. Я этого не переживу.

— Никто ничего не будет говорить! Я тебе обещаю. Прижавшись к его лицу щекой, она умоляюще шепнула:

— Ну, пожалуйста, Эрикаки. Просто отошли его. С минуту помолчав, он с видимой неохотой уступил:

— Ладно. Раз ты просишь. Но веревка по нему плачет. Генри был неистощим в заботах о ней. Он почти не оставлял

ее одну, а уходя на раскопки, прислал посидеть Поликсену. Снаружи с каменным лицом ходил Яннакис. Вечером Генри буквально не спускал ее с рук и благополучно убаюкал. Она уже не плакала, но временами по ее телу еще пробегала дрожь.

— Время все стирает, милая, оно впитывает неприятные воспоминания, как губка морскую воду. И потом ты берешь и выбрасываешь эту губку—вместе с неприятными воспоминаниями.

— Это скоро пройдет. Мне хочется на раскопки. Я уже соскучилась.

А днем от Докоса, агента Генри в Чанаккале, прибыл посыльный. Мадам Виктория дала на имя Софьи телеграмму:

«Отец безнадежен. Приезжай немедленно».

И все ее неприятности сразу отступили. Она упала перед иконой и исступленно молилась, чтобы бог дал здоровья отцу. Яннакис разыскал Генри в глубоком раскопе, протянувшемся к акрополю. Софья быстро собрала нети. Через несколько минут явился Генри. Прочитав телеграмму, он взял в руки ее лицо и осторожно поцеловал ее, потом дал посыльному денег и отправил нанять экипаж. С ним же он передал телеграмму для Джорджа Бокера из американского консульства с просьбой забронировать каюту на первом же пароходе из Константинополя в Пирей.

— Мы доберемся за пять дней, — успокоил он ее, — а то и за

четыре, если повезет. Отец—сильный человек. Мы скоро поможем ему.

— Нет, милый, проводи меня до Чанаккале и посади на константинопольский пароход. Тебе нельзя прекращать здесь работы, нам и без того в любую минуту могут помешать турки либо Фрэнк Калверт.

— Ты для меня важнее.

— Мне будет спокойнее, что у тебя все в порядке. Если ты не хочешь отпускать меня одну, может, я возьму с собой Поликсену?

Генри вопросительно взглянул на Яннакиса. Гордясь доверием, тот напыжился, словно получил медаль.

— Поли приглядит за госпожой Шлиман. И Афины увидит.

Спускаясь по сходням в Пирее, она увидела в толпе встречавших Спироса, тревожно искавшего ее глазами. И сразу поняла, что произошло худшее: обычно такой флегматичный, Спирос осунулся, побледнел, внутренне подобрался.

Она до боли сжала руки в кулаки. Спирос обнял ее за плечи.

— Что поделать, дорогая…

— Папа умер?

— Да, прошлой ночью.

— Так и не успела я попрощаться.

— Он знал, что ты едешь, и так хотел тебя дождаться. «Поцелуйте за меня Софью, — сказал он под конец, — скажите, что я ее любил».

Положив голову ему на плечо, она заплакала.

— Как же мы будем без папы? — шептала она. — Вся наша жизнь прошла с ним. А теперь не слышать его смеха и шуток, и кто нас успокоит, как он?

— Я тебя понимаю. Для нас это такое же потрясение, как если бы однажды утром Акрополь ушел под землю.

— Как мама?

— Плоха. С тобой ей будет полегче. Кажется, это твои вещи.

— А что это было, Спирос?

— Он угасал с каждым днем. Доктор говорит, рак желудка. В Афинах Софья отправила Поликсену на улицу Муз, а сама со Спиросом взяла экипаж до Колона. Прежде чем она успела позвонить, Мариго открыла дверь. Она сразу прошла к матери. Обнявшись, женщины долго и неутешно плакали. Андромахи в доме не было, после смерти Георгиоса ее к себе забрала Катинго.

Мадам Виктория отвела Софью в гостиную, где лежал Георгиос. Он был в своем лучшем костюме. Приподнятая на подушке голова смотрела закрытыми глазницами на восток. В изголовье и ногах горели свечи. Зажженная лампа светила душе, если та вернется домой.

Вся семья собралась в комнате. Софья с каждым поцеловалась. Все были в черном. Входили друзья, родственники. Пришел священник, надел епитрахиль, разжег ладан, сказал краткую проповедь. Сев в кружок около покойного, женщины плакали. Мужчины оставались в соседней комнате. Время от времени кто-нибудь из женщин начинал причитать, оплакивая добродетели Георгиоса Энгастроменоса.

Крепко сжав материну руку, Софья подавленно молчала. В комнату внесли гроб, положили в него Георгиоса, укрыли цветами. Погасили свечи, стало темно, потом зажгли «бессонный свет», он будет светить сорок дней. Родные оставались в комнате, тихо переговаривались, вспоминали доброту и кротость Георгиоса.

Наутро к выносу пришли два священника и дьякон. Четверо мужчин подняли гроб на плечи. Держа в руках свечи, впереди пошли священники, за ними, размахивая кадилом, шел дьякон. За гробом шли мадам Виктория и дети. Петляя по лабиринту улиц, процессия направилась к церкви. На всем их пути хозяйки затворяли окна, торговцы закрывали лавки.

В церкви гроб поставили головой к востоку, по обе стороны от него сели близкие. Служба продолжалась около часу, потом священник попросил отдать «последнее целование». Софья приложилась к иконе на груди отца. Стулья отнесли к двери. Друзья и родственники подходили сказать слова утешения.

Гроб перенесли на похоронные дроги. Провожавшие пешком прошли весь скорбный путь до главного афинского кладбища. Для Софьи это было почти прощание с жизнью, поскольку со смертью отца что-то умерло в ней самой, ушла ее юность, невинность. Гроб опустили в могилу, священник крест-накрест кинул вниз первую землю, плеснул маслом из лампады, бросил щепотку угля и ладана. Софья и близкие бросили по пригоршне мокрой земли. Могилу засыпали, над землей вырос холмик. Над свежей могилой вкусили сладкого хлеба, стараясь не обронить ни единой крошки, выпили вина. Родственники принесли на кладбище много всякой снеди: Георгиос останется на земле еще сорок дней, и получившая благословение еда поможет ему в ожидании небесных радостей. С кладбища уходили с тяжелой душой.

Софья поехала с Катинго за Андромахой.

— У меня на сердце словно свинец лежит. Но Андромаха не должна ничего почувствовать. Она все равно не поймет, только расстроится.

С утра Софья и Поликсена занимались Андромахой. Девочка была бедовая, забавная. Днем Софья уезжала к матери. Генри она

писала каждый день, делясь грустными новостями: сама она не находит себе места, мать целыми днями плачет. Мадам Виктория не могла привыкнуть к мысли о вечной разлуке с мужем. На третий и девятый день были поминки, ели кутью, как бы участвуя в трапезе покойного. Софья знала, что все это языческие обряды: они пришли из древней Греции и христианство приспособило их к себе. И как в тот раз вблизи Олимпа, холодком обожгла мысль, что она живет двумя жизнями, между которыми пролегли тысячелетия.

Ночью никак не наступало утро, днем был бесконечно далек вечер. Опять ее сердце разрывалось надвое: и своих жалко, и Генри одному трудно. А ей так хотелось к нему, так тянуло в Троаду, к их хлопотливому, словно улей, холму! Сколько им придется быть в разлуке?

От Генри пришло письмо, разом решившее ее проблемы.

> «Троя, 14 мая 1873 года.
>
> Моя горячо любимая жена, да утешит тебя мысль, что все мы рано или поздно уходим той дорогой, которой отправился твой достойный родитель. Утешься ради нашей дочурки, которой ты так нужна. Утешься, ибо никакие слезы уже не вернут твоего отца. И еще тем утешься, что он отошел с миром, как достойный христианин, отрешившийся от здешней суеты, от огорчений и забот ради другой жизни, где он вкусит истинною счастья.
>
> Но если твое горе неизбывно, то садись на пароход и приезжай ко мне, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы облегчить твое сердце и вернуть свет твоим прекрасным глазам».

Она отвезла Андромаху к Катинго, с Поликсеной собрала вещи, и Спирос проводил их в Пирей.

5

Генри встречал ее в Чанаккале. К Калвертам не пошли. Вообще в этот приезд у Генри были одни неприятности. Фрэнк прослышал, что они нашли Скейские ворота и дворец Приама, и категорически запретил копать на его земле. Малоутешительным был и визит к новому губернатору Ибрагиму-паше: закон, контролирующий все археологические находки на территории

Турции, был наконец оформлен и ждал только подписи султана или министра народного просвещения.

Когда она вошла в их каменный дом, на минуту ее охватил страх, что воспоминание о Фотидисе может вернуться И мучить ее. Но смерть отца отбила память на такие вещи- Да и времени не было на переживания: Генри сразу потащил ее в рабочую комнату показывать находки из дворца Приама—ритуальные фигурки из слоновой кости, оружие. Здесь же были поразительной красоты вазы, ничего подобного они еще не находили за все три года раскопок.

Софье особенно понравилась посвященная Афине коричневая ваза с совиной головой и ожерельем на горловине. Одну вазу Генри окрестил «вазой в очках». Был еще сосудик в форме кариатиды с тяжелой косой, спадавшей до лодыжек. Последней он показал ей вазу с длинной надписью под горлышком.

— Наконец-то, Генри! Здесь есть что расшифровывать. Вдруг это троянская надпись? Вдруг ты открыл троянский язык?

Он бережно взял вазу в руки.

— Видимо, так. Мы нашли ее под дворцом Приама, она была обложена камнями для безопасности. Заберем с собой в Афины. Не исключено, впрочем, — в голосе его зазвучало сожаление, — что ее завезли со стороны. Купцы, например…

Одним десятником у них стало меньше, и Софья работала на раскопках полный день. На северо-западной стороне холма Генри заложил новую глубокую траншею, пробиваясь к акрополю. Скоро путь ему преградила колоссальная стена, на ее разборку ушло несколько дней.

Последний день мая пришел без предупреждающего рассвета: солнце выкатилось так стремительно, словно им выпалили из пушки. Надев легкую голубую блузку и льняную юбку, она кончала причесываться, когда снаружи послышался знакомый стук копыт: Генри ехал с купания. Она заколола на голове шляпу и вышла к нему на кухню выпить кофе.

Румяный после прогулки Генри весело пожелал ей доброго утра. Было четверть пятого. Разобрав лопаты, кирки и ломы, рабочие расходились по местам. Бригаду Софьи Генри решил поставить на новый участок—вблизи дворца Приама, где они наткнулись на крепостную стену. Копать будут к югу.

— На этой глубине очень трудно работать, Генри. Горелый слой там пять футов в толщину и твердый, как камень.

— Сколько успеете… В понедельник я подброшу тебе еще кирок.

К семи часам утра ее рабочие дорылись до мягкой породы и раскопки вдоль десятифутовой в высоту стены пошли проворнее.

То и дело подбегал снедаемый нетерпением Генри.

— Пока ничего. Порода была очень трудная. Зато этот слой пепла обнадеживает. Я хочу поработать скребком.

Но Генри сам взял скребок. Он научился орудовать им так осторожно, что ни разу не повредил горшок или вазу, укрытые в земле. Софья стояла рядом, возбужденная своим ясновидением. Покопав совсем немного, Генри отрыл большой медный щит, похожий на овальный поднос. Присев на корточки, он смахнул с него пыль, приподнял за один край и тут же опустил. Поднявшись на ноги, он взглянул на Софью ошалелыми глазами.

— Софья, там золото. Груда золота.

Софья оглянулась: рабочие были далеко, они ничего не видели и не слышали.

— Что будем делать? — тихо спросила она.

— Объяви «пайдос».

— В семь часов утра?!

— Скажи, что у меня день рождения. Я только что о нем вспомнил. Пусть Яннакис оплатит всем полный рабочий день и до понедельника они свободны. Убедись, что надзиратель тебя услышал и ушел со всеми.

Первым Софья объявила об окончании работы своей бригаде. Рабочие разразились таким ликованием, что, не дослушав ее басню о дне рождения, быстренько собрали инструменты и были таковы. Софья пошла на участок капитана Цирогианниса, потом к Спиридону Деметриу.

— Пайдос! Всем желаем хорошо повеселиться и отдохнуть. Получите расчет за полный рабочий день. Увидимся в понедельник утром.

Яннакис надел пояс с деньгами. Расплачиваясь, он аккуратно ставил галочки в своей книжице. Софья стояла рядом. Когда он отпустил последнего человека и, включая надзирателя, все ушли с холма, она сказала:

— Яннакис, доктор Шлиман дает тебе и Поликсене дополнительный выходной. Можете навестить своих в Ренкёе.

От радостной улыбки веером распушилась его борода.

— Благодарствуем, хозяйка. Поли скучает по матери. Можно сейчас идти?

— Да, и возьмите с собой капитана Цирогианниса, Лемпессиса и Деметриу. Выплати каждому на расходы по пятьдесят пиастров и себя не забудь.

Благодарный великан бросился на колени. Через пару минут весело гомонящие отпускники тряслись на осликах в Ренкёй.

Все стихло на холме. Они были одни.

Генри ни на шаг не отходил от клада. Когда она сказала, что

на Гиссарлыке не осталось ни души, он порывисто обнял ее.

— Ты гений!

— Давай посмотрим, что ты нашел.

Генри снял пальто и жилет, ослабил воротник и сдвинул щит в сторону. Сверху лежали медный котел и медное блюдо. Нетленной красотой сверкал круглый золотой флакон. У Софьи перехватило дыхание. Генри поднял флакон из тайника и положил ей в руки.

— Он из чистого золота, — дрогнувшим голосом сказал Генри.

Потом извлек золотую чашу и золотой кубок в форме ладьи, снабженный двумя прекрасно сделанными ручками. Софья села на камень и стала протирать вещи краем нижней юбки.

— Эти тоже из чистого золота.

— Несомненно, — отозвался он. — А вот серебро: три вазы, кубок, блюдо. Какая мастерская работа!

— Что же мы нашли, Генри? — шепотом спросила она. — Ясно, это клад, но почему он весь уместился на таком маленьком пространстве?

— Видишь эту длинную медную полоску? У нее на конце две шляпки от гвоздей. Я полагаю, это засов, которым запирался ларец.

Осторожно орудуя скребком, он доставал медные кинжалы, ножи… Вдруг он издал торжествующий вопль и вскочил на ноги. В руке он держал четырехдюймовый медный ключ.

— Ключ! — крикнул он. — Ключ от ларца. Сам ларец сгорел, а металл сохранился.

— Дай мне покопать, — попросила она.

Он немного подвинулся. Софья склонилась над тайником и вынула большую серебряную вазу. Столкнувшись лбами, они заглянули внутрь и ахнули: ваза была вся заполнена драгоценностями.

— Матерь божья! — тихо протянула Софья.

Она долго не могла стряхнуть оцепенение. Потом извлекла еще два золотых кубка, обнаружив под ними целую золотую россыпь серег, колец, пуговиц, браслетов…

Первым пришел в чувство Генри.

— Беги домой и принеси свою красную шаль. Хоть здесь никого нет, но меры предосторожности принять нужно.

Дом был в двухстах футах, она обернулась быстро. Генри завернул в шаль золотой флакон и кубки, Софья отнесла их домой и спрятала под кроватью. Когда она вернулась, он уже закутал в пальто серебряные вазы и кубки, пригоршни золотых украшений и ушел, оставив ее сторожить клад.

В третий поход он вручил Софье серебряную вазу с драгоценностями, наказав спрятать ее под подушкой.

Медные топоры, ножи и щит Генри завернул в пальто, Софья забрала оставшиеся украшения, медный засов и ключ.

Войдя в дом, Генри первым делом приставил к двери тяжелое кресло, занавесил окна и велел Софье снять одеяла с постели и постелить чистую простыню. Взяв в руки серебряную вазу, он высыпал содержимое на кровать. Там было от чего потерять дар речи… Золотая пластина, поддерживавшая прическу. Две больших золотых диадемы. Одна представляла собой золотую ленту длиной в двадцать два дюйма с височными подвесками—по семь с каждой стороны. Каждая подвеска состояла из одиннадцати золотых листиков, соединенных золотыми звеньями, и внизу кончалась медальончиком с изображением Афины. С налобной полосы свисало сорок семь коротких подвесок, украшенных золотыми листочками.

Вторая диадема имела двадцать дюймов в длину и вся состояла из золотой бахромы, на висках свисало по восемь подвесок, сплошь унизанных золотыми листиками, внизу раскачивались фигурки с совиной головой Афины. Золотыми фигурками божества и золотыми листьями была украшена и налобная часть диадемы.

Генри поднял первую диадему и благоговейно возложил ее Софье на голову. Диадема пришлась ей как раз.

— Царица Шлиман! Царица Софья! — в восторге восклицал он. — Елена Троянская!

Подойдя к зеркалу над умывальником, она немигающими глазами вглядывалась в струящийся золотой дождь. Тихо подрагивали листья, тяжелыми каплями повисли фигурки божества.

— Ничего подобного я не видела ни в одном музее! — тихо вскрикнула она.

— Во всем мире не отыщется ничего подобного. Это — настоящее. Троянское!

Генри выплеснул на постель целый ручей золотых серег, браслетов, перстней, сотни пуговиц и бляшек, шедших на украшение кожаных поясов, щитов, рукояток ножей, россыпь бус в форме звезд, листьев, зубчиков, цилиндриков.

Усадив жену на край постели, он надел браслеты на ее запястья, вдел в уши серьги, унизал пальцы перстнями. Она видела его точно сквозь сон и не имела сил пошевелить даже пальцем.

Он опустился перед ней на колени и поцеловал ее в губы. Не понять, искры или слезы сверкнули в его глазах. Наверное, так

переживает высокую минуту смертный, лице (реющий бога.

— Ты сознаешь, милая, что все это значит? Это решающее подтверждение тому, что мы открыли Трою Приама. Вот сокровища Приама! Кому под силу опровергнуть это свидетельство? Мы победили. В наших руках сокровищница Приама. Эта золотая пластина и есть тот блистательный покров, что спал с головы Андромахи, когда она узнала об умерщвлении Гектора.

Тихо позванивали золотые нити, когда она поводила головой.

— Генри, а как мог ларец с драгоценностями оказаться снаружи стены? Ему полагается быть в руинах дворца…

— Там бы он и был, — хмыкнул Генри, — если бы кто-то не попытался его перепрятать. Видимо, это случилось в ту минуту, когда в троянские ворота хлынула ахейская рать. Женщине ларец не поднять: значит, это был мужчина. Когда он увидел, что за ним по пятам гонятся ахейцы, он бросил мешавший ему ларец. Ларец упал на мягкую землю, его засыпало, и он сгинул… и мы ведь наткнулись на щит случайно…

Она согласно кивала головой.

Время не тронуло золота, зато медный щит и серебряные и медные вещи потускнели от многовековой пыли. Софья мягкой салфеткой протерла круглый флакон и ладьеобразный кубок, отнесла их в рабочую комнату и выставила на верстак. Генри ходил за ней как привязанный.

— Они—само совершенство. Каких замечательных мастеров имели троянцы! А ты знаешь, что каменщики и златокузнецы — древнейшие мужские профессии?

— В Трое они славно поработали. Генри, как мы со всем этим справимся? Здесь тысячи золотых вещей, тысячи пуговиц и бусин. Мы что, рассортируем их и попробуем составить опись в дневнике?..

Она резко оборвала себя и заглянула ему в глаза: только сейчас случившееся дошло до их сознания.

— Нет! — решительно объявил Генри. — Ничего не говорим, ничего не пишем. Будем думать, как ныне ни отсюда этот бесценный клад.

— Неужели мы не обнародуем хоть какую-нибудь одну находку?

— Нельзя. Новый закон уже могли утвердить, и тогда правительство конфискует весь клад.

Его лихорадило, глаза потемнели от тревоги. В такие минуты лучше было не возражать ему, но ей хотелось ясности.

— А если бы действовал еще старый закон, ты отдал бы музею половину?

Он протестующе задвигал желваками.

— Себе, — продолжала она, — мы можем отобрать что получше: флакон, диадемы…

— И нарушим цельность клада?! Сами лишим себя доказательства, что нашли гомеровскую Трою и сокровищницу Приама? Мы должны увезти клад целиком. Мы покажем его во всех столицах мира: в Афинах, Берлине, Риме, Лондоне, Нью-Йорке. Он не только вознаграждение нам за труды и верность мечте: это живое, красноречивое доказательство тому, что мы отрыли царский дворец.

С кладом Генри связывал свое будущее, новые раскопки.

— Как ты предполагаешь вывезти его?

— Да так же, как метопу с Аполлоном.

— А когда капитан Теодору придет в залив Бесика?

— Недели через полторы.

— Надо как-то спрятать сокровища…

— Мы их протрем, рассортируем кое-как, завернем в твои старые платья и уложим в дорожный сундук. Потом я объявлю десятникам дату окончания сезона — скажем, 14 июня, через две недели. У нас появится оправдание для сборов. Раскопки прерывать не будем, но с каждым днем станем изымать часть инструментов и готовить их в дорогу. Я хочу все забрать отсюда. Конец раскопкам, мой ангел. Мы своего добились. Этот клад. Большая башня, Скейские ворота, мощеная дорога, дворец Приама — как после этого не поверить в Трою?!

Софья сняла диадему, стала раскладывать в кучки груду золота, сваленного на простыню.

— Когда приедет Адольф Лоран, я попрошу его подготовить как бы отчет в чертежах о нашей работе, чтобы заткнуть рот маловерам в Европе. Мы вместе сделаем проектные планы раскопок оставшейся части холма—это на будущее, — включая половину Фрэнка Калверта. Я совершенно убежден в том, что с Калнертами мы еще помиримся.

Всю ночь они расчищали вещи, сортировали, заворачивали в старые костюмы и платья Софьи, осторожно укладывали в сундук. Кончили на рассвете. Генри принес дневник и исписал страниц двадцать, не сделав, впрочем, ни одной зарисовки. Заглядывая через его плечо, она едва могла уследить за стремительно бежавшим пером. Он вычеркивал написанное, писал заново: никогда прежде он не разводил такую грязь в дневнике! Он нервничал, ему было не по себе. Его подмывало проговориться, что найден богатейший клад, намекнуть, где найден, а содержимое клада не объявлять. Трудная задача! Софья положила ему руку на плечо.

— Когда в будущем кто-нибудь заглянет в этот дневник, он сразу сообразит, где и когда ты нашел сокровища царя Приама.

А теперь пора спать. Мы очень устали. Сундук я заперла и задвинула в угол, а сверху прикрыла юбками.

Генри закрыл дневник и отнес его в рабочую комнату.

— Воскресенье, — сонным голосом оповестила Софья. — Нас никто не придет будить.

6

У крестьян началась жатва. Генри остался с шестьюдесятью рабочими.

— Меня это вполне устраивает, — уверил он Софью. — У меня сейчас одна цель: расчистить до конца оборонительную стену к югу от Скейских ворот. А поскольку после моих статей и книг в Трою хлынут паломники, я хочу еще покопать во дворце, особенно в той двадцатифутовой комнате, над которой нет позднейших построек.

Чтобы удалить огромную глыбу земли, мешавшую соединить траншеи с запада и северо-запада от Большой башни, пришлось снести деревянный домик, где они жили прошлым летом.

— Как жалко, — огорчилась Софья, — мы столько в нем пережили, столько было счастливых минут.

— Их еще много набежит, счастливых минут, пока мы будем археологами, — ответил Генри, — а археологами мы останемся уже на всю жизнь.

Невероятно, чтобы кто-нибудь прознал о кладе! Сначала они думали, что им передается тревога самих рабочих: ведь те уже поняли, что после жатвы они сюда не вернутся, что им недолго осталось тянуть эту занятную волынку—срывать подчистую холм. Генри откровенно сворачивал работы: Яннакис чистил и смазывал тачки, готовил их к отправке. И атмосфера на раскопках чуть заметно переменилась, что-то изменилось в поведении людей. Наведываясь взглянуть на расчистку стены, Генри и Софья ловили косые взгляды рабочих-греков. Турки вдруг начинали перешептываться и сразу смолкали при их приближении. Генри учуял зреющий заговор. Их надзиратель Амин-эфенди отмалчивался в их присутствии, даже когда без зазрения совести отбирал для музея лучшие находки. Но открыто никто ничего не высказал, к дому и близко не подходили чужие, и вообще никаких происшествий не было. Но почему-то всех обуяла глухая беспричинная недоверчивость.

— Как они могли бы узнать о сокровищах? — глубокой ночью

тревожилась Софья, спокойная хотя бы за то, что их не слышат. — Ведь, кроме нас, на холме ни души не было.

— Я убежден, что они ничего не знают, — ответил Генри, — но они подозревают, что мы нашли что-то важное и скрываем от них. А что именно и насколько это ценно, они, разумеется, не знают. Понимаешь, люди чувствуют, когда их обманывают.

— А может, они задумались, чего ради их отпустили в прошлую субботу? Может, как-нибудь узнали, что никакого дня рождения у тебя не было? Или мы себя держим как-нибудь не так и это заметно со стороны? Может, им грустно, что здесь все кончается?..

— Все может быть, — согласился он, — но одно ясно: надо уезжать по возможности скорее.

— Когда придет «Омониа»?

— По моим подсчетам, через пять-шесть дней. Завтра же поставлю Яннакиса и Мастроянниса сбивать ящики и упаковочные клети для нашей доли находок.

Утром закипела плотницкая работа. Со своими штативами и ящиками приехали Адольф Лоран и фотограф Зибрехт и сразу отправились на раскопки. Софья занималась в рабочей комнате, готовя к упаковке терракоту, поделки из слоновой кости и камня. Они раздобыли несколько дюжин плетеных корзин: за три года Софья научилась мастерски паковать в них вещи. За их сборами с неусыпным вниманием следил Амин-эфенди. Он осматривал каждый предмет, отправляемый в корзину или ящик, записывал его, проверял по собственной описи. Он таки посылал каждую неделю в Константинополь списки находок. Он не скандалил и не мешал им работать, хотя чувствовал: его провели. Позже он узнает, что он ничего и не мог сделать.

«Омониа» пришла тринадцатого июня. Яннакис взял у Драмали арбу и подогнал ее к каменному дому. Десятники ставили на арбу ящики, клети и корзины, надзиратель проверял погрузку. Всю кладь он осмотрел еще прежде, в открытом виде, покопался в корзинах, а уж потом Софья и Поликсена обшили их мешковиной и туго перевязали веревками.

В последнюю очередь Яннакис вынес два чемодана Генри, Софьин баул и дорожный сундук. Багаж надзиратель не стал смотреть: там личные вещи Шлиманов, прибывшие с ними из Афин пять месяцев назад.

Генри уехал с Яннакисом к заливу, проследил за погрузкой на пароход. Накануне вечером Софья написала матери письмо, сейчас Генри передал его капитану Теодору с наказом сразу по прибытии доставить его Энгастроменосам.

«Мы нашли интересные материалы, они прибывают на

пароходе капитана Теодору. Получив это письмо, вели, пожалуйста, Спиросу и Александросу найти две кладовые в Афинах, где можно разместить багаж до нашего приезда. Кладовые должны быть в разных местах и иметь хорошие запоры. Ключи возьмите с собой. Проследите, чтобы в кладовые не было отдельного входа от хозяев…»

— Напиши братьям, — наставлял Генри, — чтобы они ничего из груза не предъявляли в Пирее для таможенного досмотра. Если чиновники заупрямятся, то пусть опечатывают весь багаж и держат на складе до моего возвращения. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы таможенники сунули нос в наши вещи.

Еще раз напомнив, что письмо следует передать только в руки мадам Виктории, Генри пожелал капитану счастливого плавания. «До встречи в Афинах», — кивнул тот, и вскоре пароходик, старательно дымя, уже держал курс на Спорады.

В тот же день Генри нанял в Кумкале два рыбацких каика и Яннакис до вечера перевез на них все инструменты и оборудование. Им предстояла дорога в Пирей. Там они поскучают на складах, пока Генри не найдет им достойного применения.

За два часа до наступления сумерек Яннакис произвел последний расчет с рабочими. Всех попросили собраться у каменного дома. С подсказки Софьи Генри послал в Енишехир за священником — освятить раскопки. Смущенный видом траншей, террас, стен и руин языческого града, тот справил службу кое-как, потом находчиво повернулся спиной к раскопкам и уже с легким сердцем благословил земляков.

— Радостно чувствовать, — обратился к ним Генри, — что мы свернули горы—и остались живы. Сколько опасностей подстерегало нас, а мы в добром здравии. За это тоже надо благодарить Господа. Я и госпожа Шлиман прощаемся с вами и желаем вам хорошего урожая.

Служба и дружеское напутствие Генри окончательно развеяли их подозрительность, отравлявшую последние дни работы на холме. Все вразнобой забормотали слова благодарности и на осликах потрусили в свои деревни. Лоран и Зибрехт с десятниками и художником уехали в Чанаккале.

Остались только Яннакис и Поликсена. Генри объявил, что будет по-прежнему платить им жалованье. Собирались в спешке, здесь оставалось еще много терракоты и черепков, которые надо будет дослать в Афины. Обнимая Поликсену, Софья попросила Яннакиса:

— Если можно, поймай тех трех кошек, которые спасали нас от мышей, и еще я хочу двух аистов. Ты сможешь их поймать и отправить к нам в Пирей?

Яннакис озадаченно поскреб голову.

— Я никогда не ловил аистов, госпожа Шлиман. Вроде бы их и не ловят. Но я постараюсь.

В доме, караулившем Скейские ворота, дворец Приама, оборонительную стену и мощеную дорогу, они спали последнюю ночь. На рассвете из Хыблака приехал ждавший их с вечера экипаж и возница погрузил вещи.

Их путь лежал к почтовому тракту между Смирной и Чанаккале. Софья обернулась в последний раз окинуть взглядом Троянскую крепость, Троаду, Дарданеллы, Эгейское море, серебристые ленты Скамандра и Симоиса. В это июньское утро воздух был так чист, что, кажется, потянувшись, можно было тронуть рукой острова Имброс и Самофракию.

С болью в сердце она чувствовала, что покидает родные стены, в которых возмужали и она сама, и ее брак с Генри. Почти четыре года прошло с того дня, когда она впервые встретила в их саду в Колоне незнакомца, назначенного ей в мужья. Каким он тогда показался маленьким, непримечательным, почти стариком, и достоинство у него, казалось, было только одно: что он нажил тройное состояние в России и Калифорнии. И как он переменился, заговорив о Гомере и Трое! Он точно знал, где находится «бессмертный град» Приама, — здесь, в Гиссарлыке, и он все знал наперед: как раскопает цитадель и доберется до крепостных стен и царского дворца, как найдет Большую башню, мощеную дорогу от дворца к двойным С к ейским воротам и дальше на равнину, где кипели боевые схватки.

«Он гений, — думала она, следя за ним краем глаза. — Гениальный самородок. И герой, каких мало на свете. Он ополчился против ученых, историков, филологов, из которых никто не верил в существование Трои, и он их всех посрамил».

Теперь, когда у него на руках такие бесспорные доказательства, — теперь им придется признать, какого глубокого и яркого ученого они проглядели в нем.

А как нелегко это досталось! В Париже она болела, умирала от тоски по дому и невозможности помочь близким, то и дело ссорилась из-за этого с Генри. А характер у него трудный, то гроша не допросишься, а то вдруг осыплет золотом. Ради достижения своих целей он не остановится ни перед чем. Она же была еще совсем ребенок. Порою ей казалось, что она так и не сможет полюбить его, что их брак развалится.

Но все пошло на лад, едва они вынули первую лопату земли и покатили первую тачку с Гиссарлыка. Они работали бок о бок и в стужу, и под палящим солнцем, задыхаясь от пыли, едва передвигая ноги от приступов малярии. Лишения закалили их

любовь, накрепко привязали друг к другу.

Она повернулась к мужу, уверенная, что и ему грустно покидать эти места, и сразу поняла, что мыслями он уже далеко впереди. Мысленно он уже ехал другими дорогами. Его манили Олимпия, Тиринф, Микены. Откинувшись на кожаном сиденье, он немигающими глазами смотрел прямо перед собой, и на его лице она прочла:

«Это только начало».

Книга шестая. Мост времени

1

В Пирее на пристани их встречал Спирос.

— На таможне не было никаких осложнений. Не открыли ни одной корзины. Сундук Софьи я отвез на Ликабет, на самую верхнюю улицу. Там его заперли в сарай. Вот ключи и расписка от хозяина дома Папандопулоса в получении ста семидесяти драхм за хранение. Я заплатил только за месяц вперед, потому что не знал ваших планов. Остальные находки Александрос отвез совсем в другую сторону, в Монастираки, где снял сарай во дворе старого турецкого дома, огороженного, словно крепость.

Генри с довольной улыбкой взглянул на Софью.

— Ты была права, царица Софья: критяне народ хитрый. Все сделано наилучшим образом, — продолжал он, обращаясь к Спиросу. — А вон и Иоаннис Малтезос машет нам из экипажа. Завезем Софью на улицу Муз—и на Ликабет, к Папандопулосу. Чтобы не привлекать внимания, оставим экипаж в нескольких кварталах от дома.

— Иначе и не получится: подъем очень крутой, лошади не осилят. Там, наверху, всего два-три дома.

Когда Софья переступила порог дома, время уже шло к полудню. Встретили ее мать, Мариго и Катинго. С радостным криком Андромаха бросилась ей на руки.

— Мамочка приехала!

Девочка была крепенькая, круглощекая.

— С тобой за Андромаху можно не беспокоиться, — поцеловала Софья мать.

Обойдя дом, она нашла все в образцовом порядке.

— Мне никогда не стать такой хозяйкой, как ты. Мадам Виктория расцвела от слов дочери.

Вернулся Генри. Его узкое, сухое лицо озаряла улыбка.

— Все в полной сохранности. Замок на твоем сундуке не тронут. Золото, по-моему, стало еще красивее, чем было в Трое, когда мы перекладывали его твоими платьями.

Поздороваться с хозяевами вышла прислуга, помогавшая мадам Виктории приготовить обед. Тут же стояла молоденькая девушка: Андромахе нужна няня, и мадам Виктория, кажется, нашла подходящую. Звали ее Калипсо. Не красавица, лет восемнадцати и тоже из Колона. Она ласково обращалась с Андромахой, и Софья тут же наняла ее. Их слуга работал пока у

других, но на днях возвращался в свою комнатушку в цокольном этаже.

Перед обедом Софья увела мужа в сад.

— Мне не хотелось выходить без тебя. Я только полюбовалась нашим садом из окна.

Был роскошный июньский день. Жимолость, жасмин, плющ разрослись так буйно, что почти заглушили тропинку. Лимонные деревья, высаженные вдоль стены, отцвели, и сейчас в кронах уже круглились тугие зеленые плоды. Шелковица мягко шелестела густой зеленой листвой.

— Какая красота! — воскликнула Софья. — Пусть так не говорят, но я не только вижу наш сад и вдыхаю его запахи—я чувствую его на вкус.

Вечером, уложив Андромаху и переодевшись ко сну, Софья и Генри отдыхали на веранде, выходящей на Акрополь. Как хорошо снова видеть Парфенон в лунном свете. Генри планировал жизнь на ближайшие месяцы.

— Самое главное—сохранить в тайне местонахождение сокровища. О нашей находке не знает никто, кроме американского посла в Константинополе Бокера. Он столько для нас сделал, что имеет на это право.

— А ты не хочешь перевезти клад домой?

— Хочу, но по частям. Чтобы сфотографировать для нашей книги.

И Спирос с небольшим чемоданчиком отправлялся на Ликабет: отвозил сфотографированные золотые вещи, возвращался с новой россыпью колец и запястий. А то Иоаннис Малтезос отвозил его в Монастираки, откуда он возвращался с корзиной терракоты и прочих древностей. Дома их отмывали, реставрировали и фотографировали. Фотограф был тот же, что много месяцев подряд снимал находки Шлимана 1871 и 1872 годов; он приходил на улицу Муз по первому зову и сразу тащил свой аппарат в кабинет Шлимана: когда фотографировали золото, туда не допускались ни родные, ни тем паче прислуга. Спирос умел держать язык за зубами, фотограф был тоже человек надежный.

— Подкуплен, — признался Генри. — Я обещал ему кругленькую сумму, если будет молчать про золото.

Работа шла лихорадочными темпами. Софья должна была нанизать восемь тысяч золотых бусин и сделать два равных по числу бусин ожерелья—одно из одиннадцати снизок, другое из тринадцати: Генри хотел поместить на одну страницу самые красивые диадемы из сотен золотых листьев, скрепленных изящными цепочками, и снизанные Софьей ожерелья. Для

другого снимка Софья на большом стенде укрепила длинные золотые серьги с подвесками, серьги поменьше, перстни, украшения, которые носили на кожаном поясе, рукоятки ножей, ножны; выше подвесили широкую налобную пластину из золота. А Генри над всем приделал еще большой медный ключ от ларца.

Софья расставила на полке четырнадцать красивых золотых и серебряных чаш, флаконов, ваз. Генри отчистил медные кинжалы и ножи, большие сосуды, мечи и, разумеется, медный котел и щит, оберегавшие драгоценности не одно тысячелетие. Когда все золотые предметы были каждый сфотографированы, Генри захотел сделать общий снимок клада Приама, включая не только золотые, но и серебряные находки, медный щит и котел. Пусть читатель одним взглядом охватит всю коллекцию, говорил он. Хоть на несколько часов, но коллекция должна быть вся на улице Муз.

— В какой день всего безопаснее ее собрать? — спросил он у Софьи.

— Лучше всего в праздник — церковный или государственный. В эти дни все лавки и конторы закрыты, люди отдыхают. Никто и не заметит сундука в экипаже.

В воскресенье 29 июня праздновали день св. Петра и Павла. Открыты были только церкви и кофейни. Улица Муз как вымерла.

Фотограф явился чуть свет, запасшись большим количеством пластинок. Снимать решили под навесом в саду, где было много света. Генри и Софья разложили все восемь тысяч золотых предметов вплотную на четырех длинных помостах. Медный щит и котел поставили на пол. Фотограф провозился несколько часов, прежде чем успокоился на мысли, что из многих снимков хоть несколько выйдут хорошо. Когда всю коллекцию наконец сфотографировали, Генри сказал:

— А теперь очередь госпожи Шлиман.

На Софье в тот день было закрытое черное платье со стоячим воротником, блестящие черные волосы высоко подняты, на левой щеке мушка. Генри взял диадему и осторожно возложил ее на голову жены, длинные подвески упали ей на плечи. В мочки ушей Софья вдела золотые серьги—подвески с шестью золотыми фигурками на золотых цепочках; две длинные золотые серьги Генри приколол к высокому воротнику. Он попросил фотографа снять Софью крупным планом, чтобы троянское золото было видно во всей его красоте. Фотограф нырнул под черную ткань, сжал правой рукой резиновую грушу. Он все снимал и снимал, пока Софья не стала пунцовой от напряжения и усталости.

— Тебе сегодня позавидовала бы сама Елена Троянская! — воскликнул Шлиман, также зардевшись от гордости.

— Сегодня вряд ли. Может, хватит меня мучить?

— Ладно, давай все осторожно снимем. Уложим обратно в сундук, и Спирос отвезет все в ликабетский тайник. Теперь сокровище спасено для будущих поколений.

Никогда, ни прежде, ни потом, Шлиман так сильно не ошибался.

Одна за другой прибывали из тайника в Монастираки корзины с терракотой и другими находками. Молодые коллеги Эмиля Бюрнуфа помогали их реставрировать. Генри с Софьей занимались изделиями из меди, слоновой кости, камня и мрамора. Ловкие пальцы Софьи умело обращались с древними поделками. Генри нанял переписчика сделать две копии троянского дневника на немецком языке: одна будет отправлена в Лейпциг, другая — в Берлин, греческому посланнику Александру Р. Рангабе, который согласился перевести дневник на французский язык. Но еще важнее было отпечатать для каждой книжки свыше двухсот фотографий наиболее интересных находок —разумеется, за его счет.

— Фантастическое предприятие! — воскликнула Софья, восхищенно глядя на мужа огромными темными глазами: похоже, он никогда не перестанет удивлять ее. — Ты хочешь издать двести книг на немецком языке и столько же на французском. Значит, нужно сделать восемьдесят тысяч фотографий?!

— Ну, может, немного меньше, — рассмеялся Шлиман.

— Как же с этим справиться?

— Я нанял фотографу помощника, некоего господина Крисикопулоса. Они будут печатать фотографии, а я просмотрю и выброшу негодные, а вклеивать в книги будут уже у Брокгауза в Лейпциге.

Раздумывая над чем-то, беседуя. Генри не мог усидеть на месте. Он вскочил из-за стола и зашагал перед окнами, смотрящими на Афины. Он едва сдерживал волнение, заражая им и Софью. Нагнувшись к ней, он сжал ее руки в своих.

— Софидион, знаешь, что занимает мои мысли все эти дни? Я разговаривал с некоторыми членами парламента. Предложил Греции в дар один из наших земельных участков в Афинах и двести тысяч франков на постройку красивого музея для нашей троянской коллекции.

Софья обняла мужа.

— Генри, любимый, я так горжусь тобой!

— Но я поставил условие: музей будет принадлежать Греции, однако владельцем собрания до конца дней моих буду я.

— Зачем? — удивилась Софья. — Ты намерен вывезти клад в другие музеи?

— Нет. Я даже права такого не оставлю за собой. Но тут вопрос принципа. Музей будет называться «Музей Шлимана», и весь мир должен знать, что, пока я жив, коллекция принадлежит мне.

Шлимана обуяла гордыня, и он был бессилен справиться с ней: ведь сбылось то, к чему он шел всю жизнь. Он вовсе не был скупым—напротив, он был щедр к людям, окружавшим его. Обеспечил свою собственную семью, взял на себя заботу о родных Софьи. Он совсем недавно заверил Спироса, что тому всегда найдется у него работа. Он вел честную игру со своими работниками, оказывал им уважение и платил не скупясь. Случалось и ему покривить душой: уговорил же он одного своего приятеля в Нью-Йорке ложно присягнуть, что он, Генри Шлиман, имеет право на документ о натурализации. Или покупка дома и небольшого предприятия в Индианаполисе: нужно было доказать, что он намерен там осесть—без этого невозможен развод. Его сила, а порой и предосудительная слабость заключались в том, что он не знал удержу в достижении своих желаний, цель оправдывала средства… Свои не очень похвальные поступки он оправдывал тем, что ему-де суждено сделать великий вклад в мировую культуру, ради этого можно чем-то и пожертвовать. О бешеных приступах ярости он предпочитал не помнить, он не мог бы даже объяснить их, а тем более контролировать. Генри повернулся к жене:

— Взамен музея и нашей коллекции я прошу у греческого правительства разрешение начать раскопки Олимпии и Микен.

Газета «Полемические листы» начала печатать последние главы троянского дневника. Другие афинские газеты публиковали на видном месте статьи о раскопках и пространно комментировали обещание Шлимана передать греческому правительству троянские и последующие находки, еще скрытые в земле Эллады, а также его щедрое предложение—двести тысяч франков на постройку в Афинах музея для этих находок.

Стояли жаркие летние дни. Шлиманы слушали «Севильского цирюльника» в Фалероне. Дома не обедали, ездили в гостиницу «Афины», ресторан которой славился своей кухней. Атмосфера в городе была напряженной, недовольство последними парламентскими выборами было так велико, что в город стягивались войска; редактор афинской «Тайме» угодил в тюрьму за публикацию статьи, критиковавшей короля.

Жара не спадала, и все, кто мог, уезжали в деревню или на побережье.

— Генри, мы могли бы купить дом в Кифисьи?

— Пока нет, Софидион.

Однажды ранним утром, еще по холодку, они поднялись по широкой мраморной лестнице главного входа на Акрополь. Немного постояли в тени Венецианской башни, называемой также Франкской, которая была построена в XIV веке венецианцами, завоевавшими тогда Афины. Башня возвышалась на месте южного крыла Пропилеи, величественных ворот в западной части Акрополя, и была видна отовсюду в Афинах. Ее основание равнялось ста шестидесяти квадратным футам, высота— восьмидесяти футам, толщина стен—пяти. Башня была сложена из огромных мраморных плит, выломанных из античных сооружений и из Одеона Герода Аттика. Чтобы ее построить, снесли классические античные здания, но самая башня никакой архитектурной ценности не представляла. Кроме того, она постоянно напоминала о том, что до известного времени на Акрополе сидели турки. Греческое археологическое общество давно подумывало о том, чтобы снести эту башню и восстановить Пропилеи.

Генри с новым интересом пригляделся к башне.

— Пожалуй, им можно будет помочь, — задумчиво проговорил он.

Как-то в начале июля их разбудил утром колокольный звон, плывущий над Афинами: умер архиепископ Теофилос.

— Предстоят выборы нового архиепископа, — сказала Софья.

— А епископ Вимпос может быть избран? — спросил Генри. Они пили кофе на воздухе, под окнами кухни. На Софье был

свободный розовый пеньюар, привезенный из Парижа.

— Да, наверное. Вот было бы чудесно!

На другой день в пять часов пополудни они присутствовали на похоронах архиепископа. Усопший старец, облаченный в роскошные ризы, восседал на троне с воздетой для благословения рукой. 11 июля в Афины приехал для участия в выборах

Теоклетос Вимпос. Его возможное избрание живо обсуждалось в афинском обществе. Успехи Вимпоса на ученом поприще делали его достойным преемником.

Когда он заехал к Шлиманам, Софье бросилась в глаза происшедшая в нем перемена. В прошлый раз он казался подавленным и вид у него был понурый; одежда, борода и даже глаза казались потертыми, выцветшими. Теперь платье было на нем новое, голос звучал бодро.

— От души поздравляю вас обоих с открытием Трои Приама, — приветствовал он их. — Генри сдержал свое обещание.

В темных глазах Софьи мелькнуло беспокойство.

— Ты хочешь в чем-то покаяться, дитя мое?

— Да. Мы с Генри совершили поступок, не вполне приличный

с точки зрения морали.

И она рассказала епископу, как они нашли клад, как тайно вывезли его из Турции, нарушив фирман, по которому половину всего найденного должны были отдать Константинопольскому музею. В свое оправдание она сослалась на законопроект о раскопках, подготавливаемый турецким правительством.

— Ты просишь духовного пастыря отпустить тебе грех? Или ищешь у близкого родственника одобрения?

— И то, и другое, — опустив голову, ответила Софья.

— Как священнослужитель, я говорю: Бог простит. Но не спрашивай меня, как я лично отношусь к этой истории. Одобрить ваши действия—значит взять грех на душу. Осудить— значит обидеть любимую племянницу. Одно я тебе посоветую: слушайся мужа, он в семье за все отвечает.

Софья взглянула на епископа — глаза его лукаво поблескивали.

— Ты говоришь, точно дельфийский оракул, — усмехнувшись, сказала Софья и, помолчав, добавила: — Мы слышали, что Афинский университет поддерживает твою кандидатуру.

Темные глаза Вимпоса, так похожие на ее собственные, засветились удовольствием.

— Я еще молод, мне пока рано об этом думать. В православной церкви вес человеку придают годы. Белую бороду предпочитают черной. А я, как видите, на полдороге, борода моя лишь подернута сединой. — Он тихонько рассмеялся. — Тщеславие в священнике — большой грех. Но признаться, я уже подумывал об этом сане.

Избрали, однако, Антония Кариатиса, архиепископа Корфуского. Епископ Вимпос пришел на улицу Муз прощаться и между прочим заметил:

— Выборы, по-моему, были незаконными. Во-первых, синод не собрал кворума. Во-вторых, не известили министерство по делам церкви. Если я прав, то я еще приеду на новые выборы. А к тому времени и борода моя совсем побелеет.

Епископ Вимпос был знатоком не только богословия, но и греческого церковного права. Его слова оправдались. Министерство по делам церкви объявило избрание архиепископа Корфуского недействительным.

Первым грозовым облачком было письмо от Яннакиса: глухая враждебность, окружавшая их в Троаде последние две недели, вышла наружу. Яннакис писал:

«Многоуважаемый господин Шлиман, мне необходимо на несколько дней приехать в Афины, чтобы спастись от преследований правительства. Меня уже два раза возили под стражей в Дарданеллы. Люди думают, что я кого-то убил. Матушка с Поликсеной плачут, сестры тоже. Там меня допрашивали. Я отвечал, что ничего не знаю. Я все же просил Вашего друга мистера Докоса: если что, пусть мне поможет.

Ваш слуга Яннакис»

— Бедный Яннакис! — воскликнула Софья.

— Они хотят запугать его, — сказал Генри. — Думают что-нибудь у него выведать. Видишь, как мы разумно поступили, отправив его тогда на субботу и воскресенье домой.

Софью очень расстроило письмо Яннакиса, но в совершенное отчаяние ее повергло поведение мужа. Шлиман послал в немецкую газету «Аугсбургер альгемайне» большую статью о последних троянских находках, подробно и ярко расписав сокровища царя Приама.

— Зачем ты это сделал, Генри? Ведь никто, кроме Бокера в Константинополе, не знает о троянском золоте. Как только статью опубликуют, турки будут точно знать, что мы вывезли контрабандой.

Генри спокойно выслушал бурную тираду жены и легонько похлопал ее по умоляюще простертой руке.

— Тайное рано или поздно становится явным. В предисловии к своей книге я подробно изложил, как было найдено сокровище. В ней будут фотографии самых важных золотых находок.

— Книга — это одно, а газета—другое. Брокгауз в Лейпциге и Мезоонёв в Париже — почтенные издатели…

— «Аугсбургер альгемайне» тоже весьма почтенная газета, — прервал ее Генри. — Она публикует научные статьи.

— А вдруг эта статья поможет туркам отнять у нас клад? И бросит тень на твою репутацию? Ведь ты нарушил фирман. Зачем ты спешишь? Ко времени выхода книги греческое правительство примет твое предложение о музее и тебе будет у кого искать защиту.

— Софидион, дорогая, мне не терпится поскорее познакомить публику с нашими находками, чтобы ни у кого не повернулся язык оспаривать подлинность нашей Трои. А турецкое правительство вовсе не из статьи узнает, где золото. Я напишу доктору Филипу Детье, директору Константинопольского музея, и честно признаюсь, что мы действительно увезли золото, и увезли

потому, что турецкое правительство намеревалось само нарушить фирман, приняв закон, по которому конфискуются все наши находки. Я предложу совместные трехмесячные раскопки Трои, чтобы довести начатое до конца. Обязуюсь оплатить все расходы, причем все найденное в этот раз пойдет в Константинопольский музей. Все знают, что музеем он только называется: там нечего смотреть. Я предложу им сорок тысяч франков — пусть отремонтируют его и выставят все, что мы им передали и что еще найдем. Уверен, это смягчит их гнев.

И Софья поняла, что Генри сейчас лучше не прекословить. Он уже продумал весь план действий и убежден, что все пойдет как по-писаному. «Кончились раскопки, — с горечью думала Софья, — и я уже ему не помощница, а просто жена. А жене не положено вмешиваться в мужские дела, да еще с критикой. Ладно, буду хорошей женой, как все гречанки — кроткой и послушной».

Статья вышла в «Аугсбургер альгемайне» 26 июля, и сразу же разразился скандал. Турецкий посол в Берлине передал по телеграфу содержание статьи министру просвещения в Константинополь, тот немедленно снесся по телеграфу с Эссадом-беем, турецким послом в Афинах. Эссад-бей заявил протест греческому министру просвещения Каллифронасу. Греческое правительство вовсе не хотело осложнений с турками; совсем недавно турецкий султан был награжден греческим орденом Большого креста. Дружеские отношения между двумя странами только-только налаживались, а теперь им явно грозила опасность. Не обошлось без курьеза: местная газетенка ничтоже сумняшеся обвинила Шлимана в том, что его золотые находки сфабрикованы в Афинах.

Каллифронас не мешкая начал действовать. Он первым делом отклонил предложение Шлимана о постройке музея для хранения троянских древностей. Мало этого, Шлиману не разрешили раскапывать Олимпию, передав это право Прусскому археологическому обществу, которое также ходатайствовало перед греческим правительством о раскопках.

Афинское общество отвернулось от Шлиманов. Но только, разумеется, не родные: первая заповедь у греков — кровная верность. Знакомые их сторонились, словно заразных. Университетские знакомые совсем отношений не рвали, заняв выжидательную позицию, но посещать дом на улице Муз не спешили.

Словно позабыв о том, как Софья отговаривала его от публикации статьи, Генри ходил за женой из комнаты в комнату, изливая праведный гнев:

— Они не имеют права так со мной поступать! Открытием Трои я заслужил благодарность всего цивилизованного мира. В первую очередь Греции!

Чтобы хоть немного успокоиться, Генри написал письмо американскому послу Бокеру в Константинополь, приложив к нему примирительное послание Сафвет-паше, турецкому министру народного просвещения. В нем он предлагал то, что уже предложил Детье: оплатить все расходы совместных трехмесячных раскопок в Трое, передать турецкому правительству все, что будет найдено, и отремонтировать за свой счет здание Константинопольского музея. Сафвет-паша не ответил. От Бокера пришел короткий сухой ответ:

> «Оттоманские власти рассержены не столько тем, что Вы преступили закон, сколько тем, что нарушили письменное соглашение, собственноручно Вами подписанное: делить пополам с Константинопольским музеем все Ваши находки.
>
> Возможно, для науки это и хорошо, что Вы сумели благополучно вывезти, как Вы называете, «сокровища Приама», но для будущих раскопок в Турции, боюсь. Ваши действия будут иметь самые печальные последствия; раздражение турецкого правительства так велико, что оно готово запретить производить раскопки всем иностранцам».

2

Полуденный августовский зной был нестерпим. Каждый день часа на три-четыре Шлиманы ездили в Фалерон купаться. Вода в их дом, как во многие другие дома в Афинах, поступала с перебоями—без конца поливались пыльные горячие улицы. По утрам Генри запирался у себя в кабинете и, чтобы отвлечься от свалившихся на него неприятностей, писал деловые письма. И действительно, он так увлекся делами, что даже забыл поздравить жену с четвертой годовщиной их свадьбы и ничего ей не подарил.

Они почти не появлялись в городе.

— Самое лучшее — укрыться в пещере, пока не стихнет ураган, — говорил Шлиман.

Да и ходить по городу было трудно: все улицы разворочены—прокладывали газ. Генри одним из первых купил у газовой

компании оборудование для освещения нижних и верхних комнат. Рабочие целую неделю вскрывали полы и долбили стены, зато какой был восторг, когда Генри в первый раз повернул выключатели и поднес к горелкам спичку, залив комнаты ровным ярким светом.

Генри ушел в дела и выкинул из головы неприятности, а для Софьи настало мучительное время. Вдали от Трои, от ежедневных волнующих находок она дни напролет терзалась угрызениями совести. Она же не меньше Генри отвечала за содеянное! Помогла тайно перенести золото в дом, спрятала его в своем сундуке и не спускала с него глаз, пока его везли к заливу Бесика и грузили на пароход «Омониа». Генри не всегда внимал ее советам, зато в полной мере воздал ей должное как своей помощнице: в статье для «Аугсбургер альгемайне» он подробно описал ее участие в операции. Теперь эту статью читают во всей Европе. Распространился слух, что Оттоманская империя предъявит им иск через греческий суд. В середине октября ей наконец хватило мужества попросить мужа вернуть Турции половину найденного золота.

— Зачем?

— Чтобы кончились наши мучения.

— А я и не мучаюсь.

— Зато я мучаюсь. Я готова отдать половину сокровищ, только бы успокоить совесть.

— Детье в своем письме просит вернуть в Константинополь все золото. Обещает навести в музее Чистоту и порядок и выставить весь клад.

— Ты предложил им половину?

— Нет.

— Почему же?

— Потому что они все-таки приняли новый закон. Если я покажу им сокровища Приама, они заберут все.

На рождественские праздники в Афины по приглашению Шлимана приехала знаменитость — хранитель античных древностей Британского музея Чарльз Т. Ньютон. Они уже давно переписывались, и приехал Ньютон, собственно, для того, чтобы своими глазами увидеть троянские находки. Научная и художественная ценность доисторических терракотовых статуэток, изделий из слоновой кости, каменных идолов, оружия восхитили его. Он определенно высказался, что они принадлежат гомеровскому времени.

На третий день англичанин вежливо спросил:

— Нельзя ли взглянуть на золотые находки? Можете положиться на мою скромность.

Шлиман задумался. Очень хотелось показать гостю сокровища Приама, но—опасно! Он не мог повезти Ньютона на Ликабет: появление двух иностранцев в этом районе могло показаться подозрительным. В конце концов он решился: в день рождества, когда все Афины были в церкви, он послал на Ликабет Спироса, наказав привезти две диадемы, два ожерелья по четыре тысячи бус в каждом, несколько браслетов и серег.

Когда Шлиман, заперев в гостиной все окна и двери, открыл чемодан, у англичанина буквально полезли глаза на лоб.

— Боже мой! — воскликнул он. — Какая красота! И чистейшее золото! Можно взять в руки?

Внимательно рассмотрев каждую вещицу, он сказал:

— Это одна из величайших находок во все времена. Но, друзья мои, разве пристало ей воровски таиться в запертом чемодане? Не лучше ли стать украшением крупнейшего в мире музея, чтобы тысячи людей могли ею любоваться?

Шлиман улыбнулся.

— Вы имеете в виду Британский музей?

— Мы отдали бы ей одно из самых почетных мест.

— Все это так, мистер Ньютон, — мягко возразила Софья, — но троянские древности обещаны Афинам.

— Я не прошу вас подарить их Британскому музею. Ваша коллекция представляет слишком большую ценность.

— Вы хотели бы купить ее для своего музея? — спросил Генри.

— Да, и за ту цену, которую вы сами по справедливости назначите. Конечно, такую большую сумму сразу не соберешь…

— Дорогой мистер Ньютон, — сухо сказала Софья, — мы не собираемся продавать нашу коллекцию. Как только наладятся наши отношения с Турцией, мы передадим ее Греции.

Ньютон вопросительно взглянул на Шлимана. Тот секунду колебался, потом сказал:

— Это и мое мнение. Мы не будем продавать коллекцию. Но мы признательны вам за ваше предложение.

Вскоре после отъезда Чарльза Ньютона в Лондон в газете «Левантийский вестник» появилось примечательное сообщение. Нассиф-паша произвел обыск в домах рабочих Шлимана из селений Калифатли и Енишехир. Было найдено «много золотых ожерелий, браслетов, серег и несколько золотых брусков». Утаенное золото конфисковали, виновных отправили в тюрьму.

Причитав статью, Софья и Генри изумленно уставились друг на друга. Генри и негодовал — как могли рабочие обмануть его? — и радовался — ведь это лишний раз доказывало, как много золота погребено в Трое. Теперь никто не скажет, что его

древности изготовлены в Афинах.

— Генри! — воскликнула Софья, — это означает, что Константинопольский музей получил-таки свою долю! Четыре ока золота приблизительно равны одиннадцати фунтам. Это очень много. Турки должны быть довольны.

— Не надейся, моя радость. Это только подогреет их аппетит!

Софья пригладила волосы от пробора и аккуратно заложила их за уши.

— Тогда почему бы нам не потребовать половину этого конфискованного золота? Согласно фирману, мы имеем на это право.

Генри резко поднял голову, оторвавшись от статьи, которую перечитывал.

Софья хитровато улыбалась.

— Это может уравнять чаши весов.

21 января 1874 года синод собрался вторично для избрания архиепископа Афинского. Из Триполиса приехал епископ Вимпос. В день его приезда возле городского зала заседаний собралось человек пятьдесят, преимущественно студентов. Толпа кричала: «Тео Вимпос—архиепископ! Тео Вимпос — архиепископ!»

Отряд из восьми полицейских разогнал толпу. Слух о происшедшем распространился по всему городу. Никто в Афинах не помнил ничего подобного. Мнения в синоде разделились, дебаты были бурные. Никого не избрали и на этот раз.

На другой день возобновил работу парламент, в королевском дворце по этому случаю давали бал. Шлиманов не пригласили.

«Троянские древности» вышли в свет в конце января 1874 года. Это был большой красивый фолиант. Торопя события, Шлиман позаботился заблаговременно обеспечить своей книге друзей. Он послал гранки с полным комплектом фотографий профессору археологического факультета Афинского университета Ефтимиосу Касторкису. Профессор стоял на пороге своего шестидесятилетия; историю и археологию он изучал в Германии. Университетскую кафедру получил в 1858 году; в 1850 году Касторкису удалось убедить министра народного просвещения возобновить деятельность Археологического общества, членом которого он состоял по сей день. «Троянские древности» произвели на Касторкиса такое впечатление, что он попросил позволения посмотреть коллекцию. Шлиман пригласил профессора отобедать у них в воскресенье. Касторкис несколько часом изучал находки, стараясь определить их возраст.

— Надо полагать, золото я смогу увидеть только после того, как уляжется шум? — спросил он у Шлимана.

— Вы увидите его одним из первых, — обещал Шлиман.

Английский премьер-министр Гладстон полтора десятилетия назад издал обширный труд под названием «Гомер и гомеровская эпоха», упрочив за собой репутацию знатока античности Шлиман послал ему свою книгу «Итака, Пелопоннес и Троя», а также статью из «Аугсбургер альгемайне». Гладстон был убежден, что троянцы говорили по-гречески, и Шлиман разделял его мнение. Он получил от английского премьер-министра дружеское, окрыляющее письмо.

«Открытые Вами факты имеют огромнейшее значение для понимания древней истории. Но лично меня они радуют еще и потому, что подтверждают мое прочтение гомеровского текста», — писал Шлиману английский премьер-министр.

Гладстону тут же возразил солидный английский еженедельник «Академия», поместивший статью оксфордского историка Макса Мюллера с критическим разбором отчета Шлимана в «Аугсбургер альгемайне». Смысл его выдержанной по тону статьи сводился к тому, что тысячи найденных Шлиманом фигурок с совиными головами вовсе не изображают греческую богиню Афину: для такого утверждения мало оснований. И не мог Шлиман найти в Трое сокровища Приама: ахейцы не упустили бы завладеть ими и увезти в качестве трофея.

«Троянские древности», как вскоре убедились Софья и Генри, встретили столь же противоречивый прием. Эмиль Бюрнуф написал прекрасную рецензию для журнала «Ревю де дё монд», что означало признание открытий Шлимана Французской академией. Зато немецкие археологи, по словам Шлимана, «жаждали крови». Его обвиняли в самых страшных грехах, непростительных с точки зрения археологии: в поисках своей Трои он разрушал древние стены, дома, храмы… Строил дикие догадки и выдвигал нелепые теории, которые сам же в последующих главах опровергал. Словом, он великий путаник, невежда и просто мошенник: все золотые вещи, фотографии которых помещены в книге, он купил на базарах в Константинополе и других городах Ближнего Востока.

Не избежала нападок и Софья. Особенно отличились в Риме два молодых немца. Прочитав в книге Шлимана слова: «Я возблагодарил провидение за то, что вера моя награждена, а также собственную жену, которая спасла сокровища, спрятав их в свою шаль», эти великовозрастные недоросли «покатились со смеху». На другой день один из них явился в гости одетый в женское платье, с красным свертком в руках. «Госпожа Шлиман», — представил его приятель. Юнец встряхнул шалью и вывалил на пол старые горшки и дырявые кастрюли. Эта выходка имела бурный успех.

— От зависти их бьет лихорадка, — утешал жену Генри.

Но не такой он был человек, чтобы безропотно сносить брань в свой адрес. Он часами просиживал за письменным столом, составляя возражения в газеты и научные журналы, поносившие его за «фантастические догадки» и «витание в облаках». Из каждого крупного города на континенте и в Англии специально нанятые люди посылали ему все выходящие о нем статьи — ругательные и хвалебные, и на каждую он отвечал сам, излагая доподлинную правду о себе и Трое, какой он ее знал и любил.

«Неуемный, — думала Софья, — он и здесь, как в Трое, работает не покладая рук по двадцать часов в сутки».

Но разве и она не сражается бок о бок с ним с учеными буквоедами? Это нешуточная война. Здесь трещат свои холода, налетает пронзительный северный ветер, сваливается палящий зной, и здесь жалят скорпионы… И они будут бороться, пока весь мир не поймет величия открытий Шлимана и не перестанет считать его обманщиком, пытающимся любой ценой доказать, что жалкая деревушка каменного века в устье Дарданелл и есть легендарная Троя Гомера, пока весь мир не признает его выдающимся ученым и археологом и не отдаст ему справедливость, назвав отцом современной археологии.

Турецкий посол Эссад-бей нанял трех греческих адвокатов подготовить судебный иск от имени Константинопольского музея. Адвокаты просили суд наложить арест на дом Шлимана и всю обстановку на случай, если решение будет вынесено в пользу музея. Генри поручил свою защиту видным афинским адвокатам Лукасу Халкокондилису и Леонидасу Делагеоргису.

Вернувшись на сретенье из церкви, Генри и Софья увидели, что мебель сдвинута, ящики комодов открыты.

— У нас был обыск! — возмущенно воскликнул Генри. Оказывается, кто-то специально выжидал, когда дома никого не будет.

— Генри, а если у них есть право?

— Какое право?! Это преступление. Я сообщу министру юстиции и в полицейское управление. Мы найдем виноватых.

Но как незваные гости не нашли золота, так и Шлиману не удалось разыскать их. Начальник полиции заявил, что никто из его людей не посмеет вломиться в частный дом. Министр юстиции ответил, что суд не выносил постановления об обыске, поскольку правительство не дало бы на это согласия. Адвокаты Эссада-бея категорически утверждали, что турки не пойдут на столь вопиющее нарушение международных норм.

— Я хочу просить таможню в Пирее выдать разрешение на вывоз из Греции всех моих древностей, — жестко проговорил

Генри.

Софья вздрогнула как от удара.

— Но ты обещал мне, что наши находки останутся здесь и будут переданы Греции.

— А я не собираюсь ничего вывозить. Просто хочу иметь официальное разрешение на вывоз, если суд вынесет решение о конфискации в пользу турок.

Между тем турецкие власти снова арестовали Яннакиса и, обвинив в предательстве, бросили в тюрьму. Был оштрафован правительственный наблюдатель Амин-эфенди, ему тоже грозили большие неприятности. Шлиман направил турецкому министру просвещения решительный протест, заявив, что «более бдительного стража вряд ли можно желать». Службу Амин-эфенди, разумеется, потерял, зато ни арест, ни судебная расправа «за серьезное нарушение служебного долга» ему уже не грозили.

Шлиманом овладевало беспокойство. Он и сам чувствовал себя узником. Софья уже знала: когда ход событий переставал ему подчиняться, он отправлялся путешествовать. Интересно, куда его потянет на этот раз: в Лондон, Париж, Берлин? К ее удивлению, он сказал:

— Едем в Микены. Пароход отходит из Пирея в Нафплион в понедельник в шесть утра.

Софья вглядывалась в лицо мужа. За последние месяцы он похудел и даже, пожалуй, выглядел изможденно: щеки ввалились, скулы обострились. Но энергии в нем не убавилось.

— Хочу осмотреться, тебя поводить. Я решил просить разрешения на раскопки Микен.

— Так нам уже отказали!

— Не совсем. У нас отняли Олимпию, поручив Пруссии вести там раскопки. А Микены никого не волнуют. Два дня назад министр народного просвещения Каллифронас подал в отставку, ему ведь под семьдесят. С его уходом одним препятствием стало меньше. Я сегодня же подам прошение.

Когда он вернулся, Софья поинтересовалась, как успехи. Пост министра просвещения занимал теперь Иоаннис Валас-сопулос. Шлиман с ним не был знаком.

— Принял прошение, и пока все. Я спросил, можно ли съездить в Микены на несколько дней—оглядеться, прикинуть… Он ответил, что смотреть никому не возбраняется, но раскопки запретил. — Генри пожал плечами. — Берега Арголид-ского залива очень красивы, — прибавил он. — Тебе понравится.

Утром в понедельник сели в Пирее на пароход. Ехали налегке, единственной тяжестью были книги: «Описание Эллады» Павсания и «Орестея» Эсхила. Софье их отъезд показался чуть ли

не бегством.

— А причина для такой спешки была? — спросила она мужа. — Уж не добились ли турки ордера на твой арест?

— Пока нет, — невесело усмехнулся Генри. — Я поспешил уехать до того, как новый министр отклонит мое прошение. Чтобы с толком съездить.

Была середина февраля. Софья не ожидала от моря ничего хорошего, и опасения ее оправдались. Потом, впрочем, волнение улеглось, она почувствовала себя лучше и смогла любоваться красотами Идры и Спеце: их маленькими защищенными бухтами, горами, словно неприступные стены, подступавшими к самой воде. Пароход вошел в Арголидский залив и взял курс на север, где жемчужиной поблескивал Нафплион, выставив в море дозорный островок с крошечной крепостью.

Нафплион был любимым местом отдыха афинян. В удобной гостинице «Олимп» комнаты выходили на море, кухня славилась рыбными филе из палтуса, морского окуня и пикши утреннего улова. Ночь была холодная. Шлиманы попросили еще одеял и вторую лампу. Софья поставила на тумбочку возле кровати свою иконку, и чужая комната сразу стала по-домашнему уютной. Генри выложил книги о Микенах, купленные много лет назад в Лондоне.

— Любопытная вещь, — сказал он Софье. — Павсаний был в Микенах во втором веке нашей эры и в своем «Описании Эллады» посвятил им порядочно места, и с тех пор почти ничего о Микенах не было написано. Лишь в 1810 году выходит первая книга о Микенах, затем на протяжении двадцати пяти лет—еще три. Их авторы — все англичане. Истые путешественники, они приехали в Арголиду, описали и зарисовали крепость в Микенах и ее двойник—в Тиринфе. Прошло сорок лет, и никто не удосужился написать хоть строчку о древней столице и могущественной микенской цивилизации. Наш рабочий дневник восполнит этот пробел, только бы получить разрешение на раскопки. Послушай, что пишет англичанин Додуэл в книге «Путешествие по Греции», опубликованной в 1819 году: «В Греции нет другого места, сулящего археологу больший успех, чем Микены. Систематические обширные раскопки откроют миру древности, превосходящие по возрасту и значению все найденное до сих пор». Эти слова предназначены мне. Я услышал их спустя пятьдесят пять лет.

— Хорошо бы их услышал и новый министр, — сонным голосом отозвалась Софья.

Экипаж, заказанный накануне, подкатил к гостинице ровно в шесть утра, только-только встало солнце. Генри уже успел выкупаться в заливе. Ехали не спеша, поначалу их путь лежал через зеленые луга, заболоченные после зимних дождей. Эта плодородная земля славилась в Греции самыми тучными травами, недаром Гомер в «Илиаде» называет Аргос «конеславным» и «конями обильным». В миле от Нафплиона миновали циклопические стены Тиринфской крепости. Расположенная на стратегически важном холме, она господствовала над Арголидским заливом, предупреждая нападение с моря. Царем Тиринфа был Диомед, славный герой, раненный под стенами Трои. Близкое соседство столь грозных крепостей-ровесниц приводило в недоумение и древних и новых историков, пока не установилось мнение, что Микены и Тиринф — союзные государства; причем меньший по размеру город-крепость Тиринф был вассалом Агамемнона.

Мерно цокали по камню копыта, мимо тянулись стены, сложенные из гигантских глыб. Софья вслух удивлялась, как могли древние греки двигать и поднимать их без современных лебедок и кранов.

— Хотя как-то строили и древние египтяне свои пирамиды. Но как они умудрялись, не могу понять.

Обернувшись и еще раз взглянув на одетый тысячелетними наслоениями холм, поразительно похожий на их Гиссарлык, Софья спросила:

— Кто-нибудь пробовал раскопать Тиринф?

— Только наш переводчик на французский, греческий посланник в Берлине. Покопал один день и бросил. Я сам мечтаю о Тиринфе, но всему свое время.

Въехали в богатый Аргос, административный и торговый центр провинции. Представились префекту, принявшему их с обычной официальной любезностью.

— Мы хотели бы известить власти о нашем намерении провести неделю в Микенах.

— Вы не будете производить там раскопки, господин Шлиман?

— Нет. Я хочу только заложить несколько разведывательных шурфов, чтобы промерить в разных местах глубину наслоений.

— Если вы ограничитесь только шурфами, никто вам препятствий чинить не станет. Тем более что о своих планах вы поставили меня в известность.

Теперь их путь лежал к северной окраине Арголиды. Ландшафт разительно изменился — земля здесь была голая и сухая, дожди задерживал горный хребет, выше облаков

взметнувший свои вершины. Экипаж свернул в сторону и покатился медленнее—дорога шла по каменистому склону вверх, и с высотой вид опять изменился: у подножия Микенской крепости приютилась небольшая деревушка Харвати, окруженная зелеными полями, садами, виноградниками—радующий глаз цветущий оазис. Восемь домиков стояли тесно сгрудившись, точно соседи сошлись посплетничать у забора.

Возница остановился перед самым красивым двухэтажным домом с пологой черепичной крышей, двумя большими окнами на первом этаже, неизменными двустворчатыми дверями и зарешеченным балконом. По обе стороны дома росли высокие перечные деревья, мужское — справа, женское — слева. В пруду за домом плавали гуси, по двору бродили куры, индюки, торчала голубятня.

Постучав в парадную дверь, Генри вошел в дом и буквально через несколько секунд вышел обратно. Лицо его сияло.

— Наша слава обогнала нас. Хозяева знают о наших раскопках в Трое и очень радовались, узнав, что, возможно, мы будем раскапывать и Микены. Они уже освобождают наверху две комнаты. Мы там будем одни. Фамилия хозяев—Дасисы.

Устроились они у Дасисов не хуже, чем в гостинице. Им отвели две солнечные с большими окнами комнаты, полные света и воздуха. Земля здесь щедро родила виноград, инжир, миндаль, апельсины, дыни, помидоры, лук, бобы, салат; тучные луга давали душистое сено; в просторном доме под одной крышей в мире и согласии жило четыре поколения. Домом и землей владели еще прадеды. Хозяйство большое: козы, овцы, ослы, лошади, собаки…

Первым делом Софью и Генри представили старикам. Заправляло всем среднее поколение — сорокапятилетние Деметриос и Иоанна Дасисы. У них было трое сыновей с именами гомеровских героев: Аякс, Диомед, Агамемнон; две дочери уже сами были матерями. В Харвати взрослые сыновья редко покидают отчий дом: приводят в семью жену, растят детей; когда родители состарятся, берут бразды правления в свои руки.

Наверх принес — и тазы с теплой водой, чтобы гости могли умыться с дороги. Софья оглядела комнаты: большая кровать кипарисового дерева, матрас набит овечьей и козьей шерстью; во второй комнате стояли две узкие кушетки, стулья, стол — есть где держать книги и писать дневник, отметил Генри.

Кухня служила общей комнатой—единственное, не считая большой веранды, место в доме, где могло собраться все семейство. В приготовлении обеда участвовали все женщины, но было ясно, что главенствует Иоанна. Софья словно перенеслась в

детство, в их квартиру над мануфактурной лавкой на площади Ромвис, вспомнила, как мадам Виктория вот так же учила своих троих дочерей кулинарной премудрости. Иоанна позвала Софью на кухню, одна из дочерей повязала ей поверх широкой шерстяной юбки фартук. И вот уже Софья смеется со всеми, помогает фаршировать помидоры и перец. На женщинах белые кофты и длинные по щиколотку домотканые сарафаны.

Мужчины сели на плетеные стулья, расставленные вдоль стен, закурили и начали беседу.

— Доктор Шлиман, — спросил Деметриос, — вы и у нас будете копать, как в Трое?

— У меня пока нет разрешения правительства.

Хозяин презрительно махнул рукой, как будто хотел сказать: «Правительство! Зачем обращать на него внимание?»

— Я должен с ним ладить. Все, что я здесь найду, я обещал передать Греции.

— А когда вы получите свою бумагу — что вы думаете здесь найти?

— Дворец Агамемнона.

— Правильно. Он здесь. Где-то наверху, на самой горе.

— И царские гробницы.

От неожиданности Деметриос чуть не свалился со стула.

— Чьи гробницы?

— Тех, кто вернулся из павшей Трои и был убит Клитемнестрой и Эгистом: Агамемнона, его возницы Эвримедона, Кассандры, ее близнецов…

— Кто их только не искал! — воскликнул Деметриос. — Даже последний турецкий губернатор Пелопоннеса Вели-паша. Уже под конец турецкого владычества он вскрыл гробницу, что у Львиных ворот. Много веков люди искали их, даже мой прадед! Эти могилы Агамемнона и его спутников должны быть набиты золотом, только никто не верит, что они существуют.

— И все-таки они существуют. О них упоминал Павсаний в «Описании Эллады».

Дасис пожал плечами.

— Доктор Шлиман, вы умеете искать. Одна газета писала, что вы, видно, владеете «волшебной палочкой», которая чует воду под слоем песка. Все, что можно найти в Микенах, вы найдете, но только не царские гробницы.

Шлиман попросил оседлать коней для себя и Софьи. Они проехали через деревню по каменистой дороге и скоро выбрались на узкий проселок. Впереди смутно рисовались три горы, протянувшиеся с юга на север. Самая высокая, Эвбея, с острыми отрогами и скалами, являла собой горную гряду в миниатюре. На

фоне загромождающей небо Эвбеи микенская цитадель казалась скромным холмом, не больше Гиссарлыка. Но если подъехать к самому подножию, Микены представали грозной крепостью.

Дорога круто свернула влево и пошла в гору.

— Что это? — воскликнула Софья.

— Сокровищница, или, вернее сказать, гробница Атрея. Софья с изумлением рассматривала постройку. Дромос, открытый коридор, ведущий к двери, был завален когда-то землей, щебнем, обломками; но Вели-паша, соблазнившись древними сокровищами, расчистил проход, и Софья увидела красивые речные двери из камня с двойной притолокой четырнадцати футов в длину; над ней треугольное отверстие, некогда заполненное, по-видимому, скульптурой: эта ниша должна была облегчить неимоверную тяжесть циклопической кладки, давившей на балку. Стены коридора, сложенные из каменных глыб, и каменная кладка по бокам треугольника хорошо сохранились и поражали своими размерами.

— Эта гробница уходит в глубину холма? — спросила Софья.

— Точнее, выходит из глубины холма. В полости горы строители закладывали из тесаных каменных брусьев гробницу и выводили наверх ее коническую вершину, отчего такие гробницы называют «ульями». В сокровищнице Атрея видят достойную соперницу египетских пирамид.

Ярдов через сто Генри остановил лошадей. И Софье первый раз открылась вся Микенская крепость. Они стояли над узким ущельем, в котором бесновался поток, напоенный зимними дождями и талым снегом. За ущельем уходил вниз скалистый склон. Над ним высилась западная циклопическая стена Микенского акрополя.

— Матерь божья! — У Софьи перехватило дыхание. — Эти камни даже больше тех, что мы видели сегодня утром в Тиринфе.

— Да, в этих краях это самые крупные обработанные камни. Их называют циклопическими в честь циклопов — одноглазых великанов, которые ковали Зевсу молнии в кузнице Гефеста.

— На светлом Олимпе. Я очень хорошо представляю себе, как они помогают Гефесту раздувать мехи.

— А попробуй представить себе еще кое-что—тогда ты поможешь мне найти царские гробницы. Во времена Агамемнона через это ущелье был мост. Сейчас же за ущельем начинался посад, поднимавшийся к самому основанию оборонительной стены. Не знаю, сколько здесь стояло домов, но, как видно, поселение было большое. Оно тянулось до того гребня, что позади нас, — поэтому тут и был мост. Застроена была и долина, по которой мы ехали, правда, не вся, потому что поселение

окружалось обводной стеной. Не циклопической, конечно, в этом не было необходимости, а гораздо меньших размеров: в случае опасности жители устремлялись через ворота в крепость. За ее стенами им ничто не угрожало: питьевую воду брали из источника Персеи, за акрополем лежала недоступная для врагов плодородная долина, которая их кормила.

— Как это похоже на Трою.

Генри ласково похлопал ее по плечу.

— Да, очень, но Микены более неприступны. Главный вход в крепость сразу за этим поворотом.

Пока они поднимались, Софья внимательно разглядывала крепость. Тысячелетия почти всю ее погребли под землей, и все-таки за высокой внешней оборонительной стеной угадывались террасы, колеи, которые могли быть дорогами, ведущими на вершину, где, по словам Генри, находились когда-то храм и великолепный дворец Атрея и его сына Агамемнона. Когда сын Агамемнона Орест уже взрослым вернулся сюда, убил мать и ее любовника, отомстив за смерть отца, и стал царем Микен, он тоже поселился в этом дворце; в нем жил и его сын. Но могущественное царство ахейцев было истощено троянской войной, и в XII веке до нашей эры его завоевали дорийцы, пришедшие с севера из Эпира и Македонии; они покорили весь Пелопоннес и почти всю территорию Греции на Балканском полуострове. Династия Атрея, Агамемнона и Ореста правила Микенами несколько столетий. Фукидид сообщает, что Микены пали спустя восемьдесят лет после гибели Трои. Это был конец микенской цивилизации.

Узкая колея повернула. Перед ними были Львиные ворота. Прекрасный, волнующий миг! Два исполинских каменных столба, отступив один от другого на десять футов, держали массивную перекладину с выступающими концами, также высеченную из одной глыбы камня; сверху ее прижимали колоссальные каменные блоки, вроде тех, из которых сложены циклопические стены. Над перекладиной, изваянные из цельного монолита, стояли два безглавых льва, опустив передние лапы на цоколь алтаря, на котором некогда был утвержден священный либо геральдический столп, символ царской власти Атридов.

— Генри, львы как живые. А головы, надо думать, украли?

— Только после того, как упали надвратные камни. Видимо, землетрясение постаралось. Падая, они увлекли за собой и головы.

Дорога, ведущая к воротам, была скрыта под трехтысячелетними наслоениями. Притолока ворот поднималась над поверхностью земли всего на три-четыре фута.

— Интересно, какой была первоначальная высота ворот? — спросила Софья.

— Можно прикинуть. Футов двенадцать, может больше. Они строились в расчете на царскую колесницу.

Софья и Генри на четвереньках подлезли под ворота и оказались внутри крепости. На ее широком дворе теперь пасли скотину. Вперед и направо простиралась каменистая терраса, кончавшаяся у крепостной стены. Слева круто взметнулась гора, обращенная в неприступное укрепление.

— Подниматься будем отсюда, — решил Генри. — Здесь кустарник и камни—как-нибудь доберемся.

Подъем был долгий и трудный, но открывшийся с вершины вид вознаградил их с лихвой. День был ясный, аргосская долина была видна как на ладони, милях в девяти у Нафшшона поблескивало на горизонте бирюзовое море. Генри подвел Софью к краю утеса, нависшего над темным глубоким ущельем, отделявшим Микенский холм от соседней горы. На утесе сохранились остатки оборонительных стен. Прочертив рукой микенский посад и ущелье, Генри уткнул палец в дорогу, по которой они приехали.

— Смотри точно, куда я показываю, — на тот гребень за дорогой. Видишь «сокровищницу Атрея»? Атрей построил ее так, чтобы видеть ее из внешнего дворика своего дворца.

— Ты хочешь сказать, что мы сейчас стоим во внешнем дворике дворца Атрея?

Генри усмехнулся.

— Это было бы слишком! Но дворик где-то здесь, на этом утесе. И купальня, где, по словам одного древнего автора, Клитемнестра и Эгист убили Агамемнона, опутав его огромной рыболовной сетью, которую Клитемнестра десять лет вязала для этой цели. Правда, Павсаний пишет, что Агамемнон был убит на пиру.

Петляя, стали спускаться вниз. Генри шел впереди, подстраховывая Софью. У Львиных ворот она спросила:

— Где ты начнешь закладывать шурфы?

— Ярдах в ста отсюда, строго к югу.

Он вынул из бокового кармана потрепанный томик Павсания и прочел:

> До сих пор еще сохранились часть городской стены и ворота, на которых стоят львы. Говорят, их построили циклопы… В развалинах Микен есть водоем, называемый Персеей. Тут были и подземные сооружения Атрея и его

сыновей, где хранились их сокровища и богатства… Тут могила Агамемнона и его возницы Эвримедона, а также Электры. Теледам и Пелопс похоронены в одной гробнице: по преданию, эти близнецы были детьми Кассандры, и Эгист убил младенцев вместе с родителями. Клитемнестра и Эгист были похоронены поодаль от стены, ибо были сочтены недостойными покоиться внутри города, где были преданы земле Агамемнон и убитые вместе с ним.

— По-моему, все понятно. Почему же до сих пор никто не нашел могилы?

— Да потому, что читатели Павсания много веков думали, что он толкует о стене, опоясывающей нижний город. А она ко второму веку, когда здесь был Павсаний, давно разрушилась, от нее следа не осталось, и Павсаний, конечно, имел в виду не ее, а циклопическую стену, окружавшую крепость. Мы будем искать внутри крепостных стен, где до нас никто не копал.

Напасти и огорчения, ждавшие их в Афинах, отступили, забылись; даже бесчестье перед всем светом более не страшило. Точно они начинали новую жизнь, воспрянув навстречу высокому призванию, которое привело их на вершину Гиссар-лыка в самом начале их семейной жизни.

Их глаза горели, лица раскраснелись от быстрого спуска.

«Люди единой страсти умеют остановить время, как остановил солнце Иисус Навин», — подумала Софья, а вслух сказала:

— Ты верно понял Гомера. Должно быть, и Павсания ты толкуешь правильно.

Домой вернулись засветло, прямо к ужину. Генри выпил с мужчинами узо. За круглым столом сидело человек пятнадцать— все семейство. Софью и Генри усадили на почетное место рядом со стариками. Завязалась живая, теплая беседа.

— Можно здесь найти двух мужчин, которые помогут мне копать несколько дней? — спросил Генри Деметриоса.

— Конечно. Я помогу, и кто-нибудь из сыновей.

— Тогда завтра чуть свет и начнем.

— Все-таки решили начать раскопки?

— Нет, сделаю несколько пробных шурфов.

Оказалось, что сотня жителей Харвати все сплошь родственники, и чуть не все явились поприветствовать доктора Шлимана и его жену, оставив дома малышей под надзором детей постарше. Порог переступали со словами: «Калос орисате!

Приветствуем вас!»

Как и в Авлиде, они пришли чисто вымытые, празднично одетые, оказывая уважение гостям.

В восемь часов Генри подошел к хозяевам.

— С вашего позволения, госпожа Шлиман и я поднимемся к себе. Мы намаялись за день, а я хочу почитать Софье «Агамемнона» Эсхила.

— Доктор Шлиман, а вы не почитаете для всех? — попросила его Иоанна Даси. — Женщины у нас не умеют читать. Конечно, мы знаем эту историю, она передается от отца к сыну. Но как об этом написано в пьесе, никто из нас не слышал.

Генри читал Эсхила, подсев к очагу. Слушатели уселись вдоль стен на скамейках, принесенных с веранды. Софья обвела взглядом внимательные лица, и на память ей пришел тот вечер в Авлиде, когда вот так же у очага Генри читал Еврипида.

Генри, должно быть, тоже вспомнил тот вечер и, как тогда, разложил на коленях книгу обложкой вверх.

— Сначала я напомню вам, что у Клитемнестры были причины желать смерти Агамемнона. В одном из походов Агамемнон убил мужа Клитемнестры и, оторвав от ее груди младенца, продал его как раба. Победитель женился на Клитемнестре. Под предлогом сватовства Ахилла Агамемнон призвал жену и свою любимую дочь Ифигению в Авлиду. На самом же деле он решил принести дочь в жертву богине Артемиде, чтобы та послала попутный ветер его огромному флоту, снаряженному от всех ахейских царств, который давно томился в гавани и не мог плыть в Трою. Несмотря на мольбы и слезы Клитемнестры и Ифигении, он перерезал своей дочери горло. В глазах слушательниц стояли слезы.

— Тогда-то Клитемнестра и задумала отомстить мужу, — продолжал Генри. — Вскоре после отплытия Агамемнона она взяла в любовники Эгиста, двоюродного брата Агамемнона, и стала с ним править страной. У того был свой счет к Агамемнону: в прошлом отец Агамемнона убил старших братьев Эгиста. Чтобы знать заранее о возвращении мужа, Клитемнестра послала рабов зажечь на вершинах гор вестовые огни. И вот на горе Иде вспыхнул огонь, достиг Лемноса, загорелся на Афоне, пробежал над рекой Асоп и через Саронический залив пришел в Микены. Получив эту весть, Клитемнестра с Эгистом поняли, что Троя пала, и подготовились к приезду Агамемнона.

Генри читал негромко. В переполненной кухне было слышно, как муха пролетит. Он возвысил голос только в самом драматическом месте:

Не стыдно мне сказать совсем обратное
Тому, что прежде говорить должна была.
Иначе и нельзя, когда, прикинувшись
Врагу первейшим другом, сеть плетешь ему
Такую, чтобы никакой прыжок не спас.
Давно уж поединок этот выношен
В душе моей. Вот наконец и день пришел.
Вот я стою, гордясь, что дело сделано.
Убила. Отпираться я не стану, нет.
Накидкою огромной, как рыбачья сеть.—
О, злой наряд! — Атрида спеленала я.
Не мог он защититься, убежать не мог.
Ударила я дважды. Дважды вскрикнул он
И рухнул наземь. И уже лежавшему —
В честь Зевса Подземельного, спасителя
Душ мертвецов. — я третий нанесла удар. [27]

Один за другим вставали со скамеек гости и хозяева, подходили к Генри, благодарили. Шлиманы поднялись к себе и закрыли дверь.

Зимнее солнце, с трудом вскарабкавшись по восточному склону горы Эвбеи, видимо, обессилело, потому что было по-ночному холодно, когда фургон, круто свернув, подъехал к Львиным воротам. Их было четверо — Генри, Софья, Деметриос и его сын Аякс. Деметриос остановил лошадей у исполинской восточной стены, тянувшейся к Львиным воротам. Прежде чем выгрузить инструменты, Аякс сунул под колеса булыжники. Тачку они с собой не взяли, надобности в ней пока не было.

— Я ведь не буду копать, — объяснил Генри. — Значит, и отвозить будет нечего. Заложим несколько пробных шурфов. Неглубоких и нешироких, только чтобы взять в разных местах образцы наносной почвы.

Снова ползком проникли в легендарный акрополь, откуда Атриды управляли ахейским царством. Генри вынул компас.

— Будем двигаться от Львиных ворот к югу. Выроем сначала пять-шесть шурфов на ближних — западной и юго-западной — террасах.

Деметриос и Аякс начали копать на расстоянии двадцати футов друг от друга, памятуя о наставлении рыть неглубоко. Сам Шлиман ходил от одного к другому, просеивал землю, записывал ее структуру. Иногда ему было достаточно глубины в четыре-пять футов, в другой раз он просил рыть до десяти.

За утро вырыли и засыпали несколько ям. Нашли всякую мелочь. В одиннадцать часов приехал на ослике младший сын Деметриоса, привез в корзине хлеб, сыр, маслины, сваренные вкрутую яйца и вино. Ближе к вечеру ярдах в ста от Львиных ворот наткнулись на стену циклопической кладки. Шлиман остался доволен.

— Это вселяет надежду, — сказал он. — Ну, на сегодня хватит. Пожалуйста, засыпьте все шурфы.

На обратном пути, когда фургон спускался с горы, Софья оглянулась на крепость, алеющую в косых закатных лучах, и воскликнула:

— Какое величественное и прекрасное зрелище, должно быть, являли собой Микены во времена Атрея и Агамемнона! Серебряные колесницы, могучие кони, взращенные на арголидских лугах, воины в медных и бронзовых доспехах с развевающимися султанами на шлемах — за поясом мечи, в руках длинные пики, на запястьях золотые браслеты.

— Все в прошлом, — тихо проговорил Деметриос, — ничего не осталось, только камни, голые террасы да овцы.

На другой день вырыли еще с десяток шурфов дальше к юго-западу и опять ничего не нашли, кроме гладко обтесанной плиты, по мнению Шлимана бывшей могильным камнем. За третий и четвертый день вырыли тридцать четыре ямы; теперь Шлиман имел представление о структуре здешнего грунта. Это был в основном почвенный слой, в котором изредка попадались обломки ритуальных женских фигурок, керамические коровы и гладкие круглые камешки.

Их петый день в Микенах начался с того, что в кромешной тьме их разбудили грохот экипажа, поднимавшегося в гору, сильный стук в дверь и громкие возбужденные голоса.

— Давай одевайся, — сказал Генри. — Видимо, что-то случилось.

И точно—случилось. Спустившись вниз, они увидели молодого человека с воспаленными глазами, что-то кричавшего обступившим его Дасисам.

— В чем дело, Деметриос? — спросил Генри.

— Это Иоаннис, мой племянник. Он живет в Аргосе, работает в префектуре. Вчера префект получил из Афин телеграмму от министра просвещения, где сказано, что доктор Шлиман начал в Микенах раскопки и что префект должен немедленно вмешаться. Иоаннис подумал, что лучше предупредить вас, пока никто не нагрянул…

Генри крепко пожал юноше руку.

— Вы очень хорошо сделали, что предупредили меня и

приехали сюда в экипаже. Мы сейчас же вернемся в Нафплион.

Шлиман щедро расплатился с хозяевами. Иоаннис отнес их чемоданы в экипаж.

— Когда вернетесь с разрешением на более долгий срок, — сказал на прощание Деметриос, — мой дом в вашем распоряжении.

— Спасибо. А вас приглашу к себе десятником.

— Согласен. Счастливого пути. Если наведаются из префектуры, то мы ничего не знаем.

Иоаннис довез их до самой гостиницы «Олимп», успокоил, что на обратном пути его никто не увидит. Пожали друг другу руки, Иоаннис ощутил в ладони монеты. Шлиманы вернулись к себе в номер, отдохнули с дороги. Потом прогулялись к морю, поужинали у себя. Они уже совсем собрались спать, когда в дверь постучали. Генри открыл. На пороге стоял полицейский, одетый по всей форме.

— Доктор Шлиман?

— Да.

— Я полицмейстер Нафплиона Леонидас Леонардос. Но я пришел к вам как частное лицо. Я знаю, что вы американский гражданин, и не хотел бы международных осложнений.

— Милости просим.

В комнату вошла Софья. Взглянув на нее, полицмейстер воскликнул:

— Софья Энгастроменос! Так это вы госпожа Шлиман?

— Да, и я тоже вас помню. Вы бывали у нас на площади Ромвис.

— И не один раз! Я знал вашего батюшку.

— Присаживайтесь. Приятно снова встретиться. Выпейте с нами кофе, возьмите глико.

Полицмейстер взял розетку с засахаренными вишнями. Вид у него был явно смущенный.

— Вы хотели бы взглянуть на наши микенские находки?

— Да, я получил телеграмму, предписывающую осмотреть ваш багаж.

Софья принесла корзину, открыла ее и показала гостю черепки ритуальных фигурок, коров, круглые каменные бляшки.

Полицмейстер не знал, куда деваться от смущения.

— Эти черепки не стоят доброго слова. Я составлю протокол, и мы оба его подпишем.

«Такие черепки, — писал он, — можно найти на месте любого древнего города. Поскольку это не мрамор, а простой камень, то они не имеют никакой ценности, и я все их вернул господину Шлиману, в чем он расписывается».

Начальник полиции скрепил бумагу подписью и передал ее Шлиману, чтобы и тот расписался. На прощанье он сказал Софье, что был рад повидать ее.

4

Вернувшись в Афины, они сразу поехали к министру народного просвещения. Их не приняли, отослав к генеральному инспектору памятников старины Панайотису Эвстратиадису, частому гостю на страницах «Археологической газеты», члену Берлинской академии наук и Археологического института в Риме. Это его подпись стояла под соглашением с Пруссией о раскопках Олимпии.

Он оказал Шлиманам ледяной прием. Вместо того чтобы сразу повиниться, Генри пустился в оправдания:

— Инспектор Эвстратиадис, по пути в Микены я сообщил префекту Аргоса, что у меня пока нет разрешения на раскопки и я хочу только провести археологическую разведку…

— По-видимому, — напустился на него инспектор, — вы считаете, что греки не уважают собственные законы и вы можете смеяться над ними.

— Поверьте, ничего подобного у меня и в мыслях не было. Тот, кто сообщил вам, что я начал раскопки, ошибся. Я хотел только выяснить, какой в Микенах грунт, сделать несколько пробных шурфов в ожидании того дня, когда получу разрешение на раскопки.

— Ну, этот день еще не скоро наступит.

Генри побледнел и потерял дар речи перед таким накалом ярости. Софья поспешила на помощь:

— С вашего позволения, господин инспектор, шурфы были действительно пробные. Мы не нанесли вреда памятнику, уверяю вас.

— Вы пользовались лопатой?

— Да.

— Значит, вы нарушили закон.

— Мы приехали к вам извиниться, — откашлявшись, заговорил Генри, — за то, что наши действия добавили вам хлопот. Я очень сожалею об этом. Впредь моя лопата не коснется греческой почвы, покуда вы не передадите мне официальное разрешение. Прошу вас, будьте великодушны и примите мои извинения. Я приношу их от чистого сердца.

Эти слова несколько смягчили генерального инспектора.

— Хорошо. Приятно уже то, что по крайней мере, вернувшись

в Афины, вы тотчас засвидетельствовали уважение нашему департаменту.

— У меня в экипаже корзина с микенскими черепками. Может, я скажу кучеру, чтобы он принес их сюда?

— Ни в коем случае. Мы не можем законом прикрыть беззаконие. Делайте с ними что хотите.

Софья и Генри поблагодарили инспектора за прием. От предложенного рукопожатия он не отказался, но выпростал свои холодные пальцы с быстротой вспугнутой птицы. Шлиманы зашли в соседнее кафе. Прихлебывая чай, Софья сказала:

— Боюсь, этой поездкой мы себе навредили.

— Да. — Генри был само раскаяние. — Сделали глупость. Раз нет разрешения, надо было держаться подальше от Микен. Но ты же знаешь, мне не сидится на месте, когда нечего раскапывать.

— Ну, будет себя казнить. Сделанного не воротишь. Тягостный разговор с генеральным инспектором Эвстратиадисом показал, что о раскопках Микен лучше на время забыть. И Шлиман начал энергичные переговоры с турецким правительством о новом фирмане для завершения раскопок Трои. В письме от 21 марта 1874 года, сочиненном по-немецки с помощью жены, мекленбургской немки, доктор Филип Детье выдвинул встречное предложение: «Предлагаю забыть прошлое. Верните нам троянскую коллекцию, и мы поместим ее в «Музее Шлимана», который мы специально выстроим в Константинополе. Имена Фортуны и Ваше навсегда соединятся. Вас будут вечно вспоминать с благодарностью, а Ваш труд получит счастливое завершение».

— Как мы стараемся перещеголять друг друга: каждый хочет сам оплатить строительство музея, — горько усмехнулся

Генри. — Уже одно это показывает, сколь велика ценность нашего троянского клада.

— Мне страшно, Генри. Вспомни, в чем тебя обвиняют, подумай о долгих месяцах судебной волокиты, о сплетнях и кривотолках, которые пойдут по Афинам. Не разумнее ли передать туркам половину сокровища через нашего посла в Турции?

Генри подошел к Софье — она сидела в большом гостином кресле, — взял из ее рук подушку, которую она вышивала, и опустился на колени.

— Дорогая, я знаю, так тебе было бы спокойнее. Но поверь мне, эту коллекцию нельзя разрознивать, она утратит всякую ценность. Греческий суд не отнимет у нас сокровище и не передаст его туркам, какое бы давление на него ни оказывали.

В воскресенье повидаться и помочь склеить найденные в

Микенах черепки пришли Эмиль Бюрнуф и Луиза. Когда работа была окончена, Софья распорядилась принести в садовую беседку горячий шоколад и миндальные пирожные. Бюрнуф спросил о тяжбе с турецким правительством.

— Директор Константинопольского музея доктор Детье едет в Афины убедить меня отказаться от троянского сокровища. Если это ему не удастся, три греческих юриста, нанятые турецким послом в Афинах, будут добиваться от председателя суда первой инстанции признания меня виновным.

— Хорошего мало.

— Если я проиграю дело, можно будет перевезти коллекцию во Французский археологический институт? Институт находится в ведении французского посольства, а значит, пользуется правом экстерриториальности. Полиция не может туда войти, даже если суд вынесет решение не в мою пользу.

— Институт охотно предоставит вашему кладу убежище. Можете держать его у нас сколько угодно.

Луиза вздернула подбородок и с обворожительнейшей улыбкой заявила:

— Доктор Шлиман, сделав первый шаг и, так сказать, символически опустив сокровище на французскую почву, может, вы пойдете дальше и вообще доверите его Франции?

Шлиман молчал.

— Мы с отцом уже все обсудили, — продолжала Луиза. — Где наша коллекция будет в большей безопасности, где будет выставлена с большим блеском, чем в Лувре? Дайте отцу свое согласие, он договорится с директором Лувра, и троянское сокровище будет выставлено в величайшем музее мира.

Софья холодно взглянула на Луизу.

— Это бессмысленный разговор, Луиза. Мой муж дал слово, что троянское сокровище останется в Афинах. И пока я имею право голоса, оно здесь останется.

Филип Детье приехал в Афины в конце марта и прислал Генри записку, начинавшуюся словами «Мой дорогой друг», с просьбой принять его. На следующий день он явился в сопровождении господина Мисхаака, первого секретаря турецкого посольства в Афинах. Детье прихрамывал на больную ногу, но был в отличном настроении. Пригладив ладонями блестящие, напомаженные волосы, он подробно изложил позицию турецкого правительства. Мисхаак примостился на краешке стула в углу гостиной.

Детье был человек начитанный, любил украсить речь сентенциями из Библии. Он привез соблазнительное предложение: турецкое правительство не только построит «Музей

Шлимана» на свои средства, но возобновит фирман, по которому Шлиман сможет копать в любом месте Оттоманской империи.

Генри спросил:

— Вы уже приняли закон, согласно которому археолог обязан все найденное представлять в Константинопольский музей для экспертизы?

— Да. Закон был подписан в начале года.

— И он дает право правительству покупать по номинальной цене все. что ему понравится в половинной доле археолога?

— Да. Но мы не собираемся злоупотреблять этим правом.

— Ну что же, отныне турецкому правительству придется самому производить раскопки — ведь не много археологов ищут потерянные города, вроде Трои.

Детье ничего не ответил, встал со стула и принялся рассматривать терракотовые статуэтки в гостиной: сосуды с клювообразными горлышками, черные вазы, похожие на песочные часы, блестящие красные кубки, напоминающие бокалы для шампанского. Кончив свой обход, он подошел к Генри.

— Вы взяли себе самое лучшее.

— Нет, только свою половину. Часто ваши надзиратели выбирали первыми.

— Вы сумели перехитрить их.

— Каждый из нас немного плут. Но если мои образцы показались вам лучше, то пеняйте на себя. Вы присылали надзирателей, ничего не смыслящих в археологии.

Софье не хотелось ссоры.

— Господа, — вмешалась она, — где будем пить кофе, в саду? Он зацвел в этом году очень рано. Есть на что посмотреть.

Вышли в сад и не успели сделать несколько шагов по гравиевой дорожке, как Детье заметил мраморного Аполлона, правящего четверкой огненных коней. Он проковылял к метопе, окинул ее взглядом знатока.

— Турецкая?

— Греческая.

— Разумеется. Но найдена на турецкой земле?

— Да.

— Где же наша половина, позвольте спросить?

— У меня не было выхода. Поделить значило погубить скульптуру.

— Так вот что был тот большой груз, который вы вывезли из Бесикского залива на греческом судне. Наш охранник опоздал буквально на несколько секунд и не смог задержать отправку.

— Мы немедленно восполнили половину этой находки, отправив в Константинополь семь из десяти исполинских

пифосов, — запротестовала Софья.

— Согласен. Благодаря отличной таре они прибыли в целости. — Детье повернулся к Шлиману. — Мы отдаем должное вашему таланту и настойчивости в раскопках. В последнем номере «Куотерли ревью» я высказал твердое убеждение в том, что Гиссарлык есть местонахождение Трои.

— Благодарю вас.

— А об этом Аполлоне я знал из вашей книги. Но речь не о нем. Речь пойдет о золоте. Мы должны получить свою половину. После выхода вашей книги турецкое правительство чувствует себя опозоренным в глазах всего мира. Для него это вопрос чести.

— Ради этого я готов пойти на многое. Я уже предложил вести летом безвозмездно трехмесячные раскопки. За эти три месяца, которые, кстати, обойдутся мне в пятьдесят тысяч долларов, мы найдем столько прекрасных древностей, что они до отказа заполнят ваш музей, который я между тем перестрою, как прикажете, и тоже, конечно, за свой счет. Слышали вы когда-нибудь о более щедром предложении?

— Никогда. Если бы не клад, я бы ухватился за ваше предложение обеими руками. Но султан требует своей доли золота. И я ничего не могу поделать.

— Золото царя Приама неделимо. К тому же вам досталось золото, украденное моими рабочими, а это немало.

— Это ваше последнее слово?

— Да, могу только прибавить, что мне не хотелось порывать с вами дружбу.

— Это неизбежно. В следующий раз мы встретимся уже в суде. Всего наилучшего, доктор Шлиман. Всего наилучшего, госпожа Шлиман.

И он прихрамывая вышел из сада, следом шел первый секретарь посольства. Генри держался невозмутимо, чего нельзя было сказать о Софье: от переживаний у нее сделались кишечные колики.

«Я вышла замуж за человека, с которым спокойная жизнь невозможна. Либо он сам заварит кашу, либо расхлебывает чужую».

Из книги Шлимана Филип Детье перевел на греческий язык описание находок, сделанных в Трое в 1873 году. Юристы, нанятые Оттоманским правительством, подали председателю греческого суда первой инстанции ходатайство о конфискации сокровища, приложив список золотых предметов. Один из адвокатов Генри, Халкокондилис, принес копию этого прошения на улицу Муз. Шлиман встревожился, услышав о конфискации.

— Что это значит? — спросил он своего адвоката.

Халкокондилис говорил неторопливо, вкрадчиво, глаза его сквозь толстые очки замечали мельчайшую зацепку.

— Они требуют «наложить арест на оспариваемое имущество во избежание его продажи либо уничтожения», как это предусмотрено греко-турецким соглашением.

Иск был подан третьего апреля. Шестого апреля суд первой инстанции в составе трех судей заслушал адвокатов обеих сторон. Генри в суд не пригласили. Одна афинская газета писала: «Председатель суда должен был пригласить господина Шлимана в суд, чтобы дать ему возможность защищать самого себя. С господином Шлиманом поступили несправедливо».

Через два дня Шлиманов уведомили, что решение суда будет оглашено в пять часов пополудни. Генри и Софья по-праздничному оделись, сели в экипаж и поехали в суд, где заняли места в последнем ряду. Председатель резюмировал решение:

«Суд первой инстанции отклонил иск адвокатов Оттоманского правительства как неточно сформулированный. Согласно гражданскому судопроизводству, истец, оспаривающий имущество, должен представить в суд полное и исчерпывающее его описание. В противном случае иск признается неточным и неприемлемым. В настоящем деле истцы основывают свои претензии на немецком издании книги, в которой господин Шлиман дает описание своих находок. Суд считает это описание неполным. Однако суд охотно ознакомится с более подробным описанием имущества, буде истец пожелает его представить».

— Неточное и неприемлемое! — воскликнул Генри, откупоривая по радостному случаю бутылку коньяка. — Софидион, тебе доводилось слышать более прекрасные слова?

— За последнее время — нет. Ты думаешь, на этом все кончится?

— Вряд ли, если я правильно сужу о Детье. Его адвокаты встретятся и постараются составить подробное описание золотых находок. Если в следующем слушании суд решит дело не в нашу пользу, нам будет плохо. Отстоять свои права мы не сможем. Наш тайник нетрудно обнаружить. Пожалуй, самое лучшее отвезти сундук во французское посольство.

В Софье заговорил дух противоречия.

— Я против, Генри. Золото спрятано вполне надежно. Если оно попадет в руки Бюрнуфа и его дочери, мы можем навсегда потерять его.

— Не волнуйся: я запечатаю замок своей печатью, его никто не тронет.

— Я не того боюсь, что его кто-нибудь тронет. Бюрнуф и его дочь не остановятся ни перед чем, чтобы троянское сокровище

оказалось в Лувре.

— А по-моему, разумная мысль—выставить весь клад целиком в великом музее матери городов. Сколько людей его увидят…

Глаза Софьи вспыхнули.

— Ты не имеешь права поддаваться ему! Ты дал мне слово, что троянское сокровище будет принадлежать греческому народу.

Генри обнял ее за плечи, успокоил:

— Ты напрасно нервничаешь. Я хочу одного: спрятать сокровище в абсолютно надежном месте. И я сегодня же перевезу его.

В ближайшее воскресенье, 14 апреля 1874 года, Мариго выходила замуж за Деметриоса Георгиадиса, преподавателя математики в женской гимназии. Генри был шафером. Софья взяла из Греческого национального банка четыре тысячи долларов—свадебный подарок Генри — и передала их молодой чете. Веселое семейное торжество развлекло Софью, и она ненадолго забыла свои огорчения.

Через три дня Генри объявил:

— Бюрнуфы пригласили нас завтра на обед.

— Я не расположена ехать.

— Почему? Они наши добрые друзья.

— У них есть определенный расчет.

— Пожалуйста, не устраивай скандала.

Она не могла отказаться. Утром она одевалась в самом мрачном настроении. Предчувствие говорило ей, что ссоры не избежать.

И она не ошиблась. Сидя в гостиной за аперитивом, Эмиль Бюрнуф заговорщицким тоном сообщил:

— Я написал директору Лувра, сообщил о наших переговорах. Вчера я получил от него телеграмму, в которой он приветствует мысль о возможной передаче Лувру сокровища Приама. Сегодня он встречается с нашим премьер-министром Форту, чтобы заручиться его одобрением.

Софью бросило от гнева в дрожь.

— Вы не имели права так поступать!

— Имел, дорогая мадам Шлиман, — невозмутимо ответил Бюрнуф.

— Кто его дал вам?

— Ваш супруг. Кто же еще?

Софья повернулась к мужу, глаза ее горели, как два раскаленных угля.

— Ты все это проделал за моей спиной?

— Не спеши с выводами, дорогая Софидион. Я еще не сделал

Лувру никакого предложения. Мы только обсуждали с Эмилем, безопасно оставлять сокровище в Греции или лучше вывезти его за границу.

— Тогда как вы смели написать директору Лувра, что он уже может считать сокровище Приама своим? — обрушилась Софья на Бюрнуфа.

К ней подошла Луиза.

— Отец ничего подобного не говорил, госпожа Шлиман. У нас такой порядок. Прежде чем принять ваше предложение, мы должны иметь официальное одобрение сверху.

— Мы? Кто это мы? Франция? Директор Лувра? Премьер-министр?

Голубые глаза Луизы смотрели по-прежнему невозмутимо.

— Я считаю себя вашим добрым другом. Мы думаем о том, как лучше защитить ваши интересы.

Софья больше не могла сдерживаться—такой в ней клокотал гнев. Ее не столько возмущала напористость Бюрнуфа. сколько терзала судьба сокровища. Вот уже почти год она живет под страхом, что их ликабетский тайник разграбят. Или что клад конфискует турецкое правительство, а теперь сам Генри признается, что сокровище может навсегда отправиться во Францию.

— Я не нуждаюсь в вашей защите!

— Мадам Шлиман, мне кажется, вы не должны в таком тоне разговаривать с моей дочерью, — вмешался Эмиль Бюрнуф, вставая между двумя женщинами. — Вся ответственность за переговоры лежит на мне.

— Не сомневаюсь! — холодно бросила она. — Вы хотите любой ценой выманить у нас клад. Вам это выгодно. Вы не пользовались уважением как директор. Вы думаете, что если этот номер пройдет, то ваша репутация в Париже восстановится. Но он не пройдет. Генри, я хочу домой.

Всю обратную дорогу ее била дрожь. Генри отчужденно молчал. Дома он поднялся за ней наверх, пригласил в малую гостиную и плотно затворил за собой дверь.

— Софья, я еще никогда не видел тебя в таком состоянии. Возможно, Эмиль и впрямь заботится о своих интересах. Но ведь и мы выиграем.

— Каким же образом?

— Золото раз и навсегда будет в безопасности. Турки ведь не оставят попыток завладеть им. В один прекрасный день какой-нибудь суд возьмет их сторону.

— Никогда этому не поверю, и твои адвокаты не поверят.

— Софья, ты меня огорчаешь. Почему ты ведешь себя так,

точно ты мой враг, а не друг?

— Враг! Только потому, что я не даю отнять у Афин то, что им принадлежит по праву!

— Нет, Софидион. Нет у Афин такого права. Сокровище Приама принадлежит нам и всему миру. Теперь уже поздно спорить. Я принял решение.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Какое?

— Отдать сокровище Приама Лувру. Сегодня же напишу премьер-министру Форту, что передаю мою троянскую коллекцию в их музей. Копию письма вручу французскому послу маркизу де Габриаку. Он заверил меня, что через неделю я получу ответную телеграмму из Парижа. Тогда посол сможет от имени Франции забрать наше сокровище.

В ее глазах блеснули слезы. Она проиграла. Она встала и вышла из комнаты.

Это была странная неделя. Софья больше не заговаривала ни о золоте, ни о Бюрнуфах, ни о Лувре. Генри тоже отмалчивался. Обращались друг к другу только по необходимости: безразличным тоном, как чужие. Когда к мужу приходили адвокаты, Софья в разговоре не участвовала. Генри один ездил купаться в Фалерон. Вся ее жизнь свелась к заботам о семье и доме. Она не переживала случившееся как размолвку с Генри: ее, попросту говоря, разжаловали из равноправного партнера в обыкновенную жену-гречанку, не имеющую голоса в решении дел, не касающихся дома. Впервые ей пришлось выбирать между верностью мужу и родительской семье в семнадцать лет; и вот теперь, в двадцать два года, она встала перед тем же выбором, потому что Афины это тоже ее семья, и Греция, и древние ахейцы.

Для Генри эта неделя тоже была нелегкой, он вообще не умел ждать, а тут еще никак не прояснялась судьба клада. Какое-то умиротворенное чувство подсказало Софье, что Генри не получил в конце недели благоприятной телеграммы из Парижа. Не повеселел он и в три следующих дня. Наоборот, делался все замкнутее, помрачнел, забывал снять очки после работы. 29 апреля адвокаты Константинопольского музея подали еще один иск, составленный более подробно. Софья и Генри этот очередной ход противника не обсуждали.

Генри сломился на двенадцатый день ожидания. Как обычно, в половине второго он вернулся к обеду, но выражение его лица было новым. Даже походка и осанка изменились. Он принес Софье букет роз, ирисов и гвоздик, наклонившись, чмокнул в щеку, на что не отваживался ни разу после обеда у Бюрнуфов.

— Софидион, можно с тобой поговорить?

— Ты муж, тебе и говорить.

— Я не хочу никаких привилегий.

Софья распорядилась накрыть обед не в семейной столовой, а в гостевой. Генри заговорил не сразу, уделив сугубое внимание супу с клецками. Сложив руки на коленях, Софья ждала над стынущей тарелкой. Расправившись с супом, Генри поднял голову и широко улыбнулся.

— Вкусно! Очень наголодался. У меня сегодня аппетит впервые за двенадцать дней.

— Когда забот полон рот, кусок в горло не пойдет.

— Гласит мудрая критская пословица. Родная моя, прежде всего я должен рассказать тебе, что делал сегодня утром. Во-первых, я отправил премьер-министру Форту телеграмму, что беру свое предложение назад. Потом известил посла де Габриака, что, поскольку он своих обещаний не сдержал, Лувру троянской коллекции не видать. И последнее: сообщил Бюрнуфам, что забираю клад из Французского археологического института…

Софья молчала.

— Дорогая, я был к тебе несправедлив. И не то плохо, что я надумал: золото должно-таки храниться в безопасном месте, а плохо, что за твоей спиной вел переговоры с Бюрнуфами и де Габриаком, плохо, что без твоего согласия принял решение передать коллекцию Лувру. И ведь знал, как тебя это огорчит! Так не ведут себя с другом и напарником. Золото наполовину твое. Ты помогла найти его, привезти домой. — Облегчив этой исповедью совесть, он прямо перешел к делу: — Я должен был сообразить, что Франция откажется принять в дар коллекцию, которой домогается Оттоманская империя. Французы не захотят ссориться с Турцией.

— Что же ты теперь будешь делать?

— Заглаживать вину. Во-первых, перед моей обожаемой долготерпеливой женушкой… Во-вторых, ассигновал в условное дарение двести тысяч франков — на строительство музея, который мы обещали Афинам для наших находок. Один раз греки отклонили мое предложение, но времена меняются, министры и генеральные инспекторы тоже. Я заявлю публично, что считаю святым долгом передать Афинам навечно нашу коллекцию и для размещения ее строю в Афинах музей.

Легкая улыбка тронула губы Софьи. Что ни греческое правительство, ни департамент по охране древних памятников к ним не благоволили — она давно поняла. Они бурно проговорили около часа. Вздремнув после обеда, одели Андромаху, поехали в Новый Фалерон купаться и были счастливы, как будто соединились после долгой разлуки.

5

Первого мая в суде предстояло слушать разбирательство нового турецкого ходатайства. На этот раз пошли пешком, чтобы полюбоваться праздничным убранством балконов и парадных дверей. Обе стороны, как потом писали газеты, обменялись «долгими словопрениями», и Шлиманы терпеливо выслушали все от начала до конца.

— Никак не пойму, — прошептала Софья, — откуда они взяли новое описание нашей коллекции. Ведь в их распоряжении только твоя книга, а из нее они все взяли уже в первый раз.

Решение судей было единогласным.

Иск Константинопольского музея был снова отклонен. Доктора Филипа Детье отозвали в Константинополь. Посол Эссад-бей направил греческому министру иностранных дел письмо, в котором, ссылаясь на статью 24 соглашения между Грецией и Турцией, интересовался, чем объясняет греческое правительство подобные решения греческого суда.

11 мая адвокаты Оттоманской империи подали в апелляционный суд жалобу на решение суда первой инстанции. Момент благоприятствовал туркам: в одной английской газете появилась статья, сыгравшая им на руку. В конце апреля Чарльз Ньютон выступил на заседании Королевского общества древностей в Лондоне с докладом о троянских находках. Он сдержал слово и рассказал о сокровище Приама лишь то, что содержалось в книге Шлимана. Однако его сообщение вызвало в английском парламенте дебаты, и лорд Стэнхоуп спросил, не намеревается ли правительство внести предложение о покупке части шлимановской коллекции. На что Бенджамин Дизраэли ответил, что он «не готов к такому шагу». Отчет о дебатах был помещен в лондонской «Тайме», и теперь в Афинах все только об этом и говорили.

— Как это могло случиться? — сетовала Софья.

— Я уверен, что наш друг Ньютон здесь ни при чем.

— Он мог сказать, что заводил с нами разговор о покупке коллекции.

— У слухов скорые ноги. Нужно купить место во всех крупных газетах и опубликовать категорическое заявление, что мы никогда никому не собирались продавать золото.

16 мая дело слушалось в апелляционном суде перед коллегией, состоящей из пяти судей: за столом в центре восседал председатель, по левую и правую руку члены коллегии. С самого начала Софья и Генри почувствовали, что атмосфера здесь совсем иная, чем в суде первой инстанции. Адвокат Оттоманской

империи вынул из папки номер лондонской «Тайме» и прочитал для занесения в протокол выдержку из отчета о парламентских дебатах, где шла речь о покупке части троянского сокровища. Адвокаты также представили суду телеграммы и письма Шлимана премьер-министру Форту в Париж и французскому послу де Габриаку. Адвокаты настаивали на том, что греческий суд имеет право и обязан, согласно существующему договору с Турцией, «наложить арест на оспариваемое имущество во избежание его продажи или уничтожения». Это положение распространялось и на иностранных граждан.

На дневном заседании адвокаты Генри выступили с горячей защитой его права на сокровище. В доказательство они привели из «Полемических листов» сообщение о том, что Константинопольский музей уже владеет значительной частью найденного в Трое золота и по закону половина его принадлежит Шлиманам, коль скоро золото похитили их рабочие. Они опровергали сообщение лондонской «Тайме», зачитав данное под присягой заявление Генри о том, что в разговоре с мистером Ньютоном, сотрудником Британского музея, посетившим Афины, последний действительно поднимал вопрос о покупке коллекции Британским музеем, но он, Шлиман, категорически отказался продавать сокровище кому бы то ни было. Отрицать, что Генри предлагал сокровище в дар Лувру, адвокаты, понятно, не могли, но заявили, что его действия нельзя квалифицировать как «продажу или уничтожение». В заключение они выдвинули встречный иск, обвиняя греческий суд в том, что он принял к рассмотрению тяжбу между американским гражданином и иностранным государством; а это, утверждали адвокаты, не только противозаконно, но и антиконституционно. В силу всего сказанного апелляционный суд не имеет права отменять два предыдущих решения суда первой инстанции.

В конце дня председатель объявил, что судебная коллегия в составе пяти судей должна изучить позиции обеих сторон. Решение будет вынесено в течение недели.

А на следующий день святейший синод забаллотировал Теоклетоса Вимпоса, избрав архиепископом Афинским Прокопиоса, архиепископа Мессены, ближайшего соседа Вимпоса.

Епископ Вимпос в последний раз навестил дом на улице Муз. Свидание было грустным. За год после смерти архиепископа Афинского Вимпос привык к мысли, что может стать его преемником. Генри и Софье тоже было невесело: открытие Трои, удивительные находки—все это уже принадлежало прошлому, надежды на признание археологов и публики не оправдались. Тяжба из-за сокровища убила всю радость его находки.

Чтобы отвлечься от тревожных дум и поторопить время, Шлиманы решили всю эту неделю развлекаться. Ездили днем на концерты, которые устраивались на площадях Конституции и Омониа, слушали новую афинскую знаменитость скрипача Роббио, смотрели в исполнении греческой труппы комедию «Лягушки».

Спустя шесть дней они снова были со своими адвокатами в апелляционном суде. Председатель зачитал решение коллегии. В тишине тяжело падали слова.

«Апелляционный суд постановил конфисковать у господина Шлимана всю его золотую коллекцию и передать ее Константинопольскому музею».

Генри и Софья ошеломленно молчали.

Отобрать всю золотую коллекцию… вернуть ее Турции!

Они сидели в глубине кареты, не в силах вымолвить слово, глядя перед собой невидящими глазами. Сердце разрывалось от боли. Их разум не допускал, что возможно такое несчастье. Защитники интересов Константинопольского музея даже в самых смелых мечтах не рассчитывали на такую удачу.

Конечно, они воспользуются правом апелляции. Их адвокаты хотя и были растерянны, но умело разыгрывали возмущение, доказывая, что решение апелляционного суда незаконно и Ареопаг — Верховный кассационный суд Греции — непременно отменит его, для этого есть решительно все основания.

Генри мрачно взглянул на Софью.

— Они так же ручались, что есть все основания выиграть и в этом суде. А что получилось? Во всем виновата эта проклятая статья в лондонской «Тайме».

— Или твое предложение Лувру, — еле слышно добавила Софья.

Дома она сказала мужу:

— Снимай пальто и шляпу, идем подышать воздухом. Я скажу Калипсо принести в сад лимонаду. Чудесно, что в Афинах построили фабрику льда. Я купила немного у развозчика.

Звякнув кубиком льда о стенки бокала, Софья задала мужу вопрос, который волновал в эту минуту обоих:

— Что мы будем делать, если Ареопаг не вернет дело на пересмотр в низшие инстанции?

— Я точно знаю, чего мы не будем делать: мы не отдадим сокровище никому. Как-нибудь переправим его в Англию или Америку. Посол Бокер давно предлагал это сделать.

На ее глаза навернулись слезы.

На следующее утро в дом на улице Муз пришли два судебных исполнителя с ордером «на обыск и изъятие», подписанным

председателем апелляционного суда. Они сверху донизу обыскали весь дом, беседки и сараи. Генри ходил за ними по пятам. Он не проронил ни звука, но эта тишина кричала, изрыгала проклятия. Не найдя золота, судейские крючки молча удалились. Генри с треском захлопнул за ними дверь.

На душе у них скребли кошки. Утешало только, что афинские газеты в один голос утверждали: апелляционный суд вынес скорее политическое, нежели юридическое решение. Погода установилась теплая, и Шлиманы ездили купаться, брали с собой еду.

Через пять дней их адвокаты подали апелляцию в Ареопаг. Верховный суд ответил, что апелляция принята, но рассмотрена будет только осенью, так как весь следующий квартал уже расписан.

— Я-то надеялась, что летом все неприятности будут уже позади, — огорчилась Софья.

— Хорошо, что Ареопаг принял апелляцию: турки уже не могут требовать сокровище. Я думаю ненадолго съездить в северную Грецию и Пелопоннес. Если я уеду, снимешь тот дом в Кифисьи, мимо которого не можешь спокойно проехать. И пригласи к себе на лето семью.

Они были в своем саду. На лимонных деревьях завязались плоды, кустарник наливался густыми весенними красками. По его оживленной походке и жестикуляции Софья уверенно заключила, что в его голове рождается новый замысел.

— Софья, мне в эти дни пришла одна мысль. Я чувствую, что греческий народ, а то и правительство на нашей стороне в этой распре с турками. Я хочу их отблагодарить.

— Каким образом?

— Давай поднимемся на Акрополь.

Подошли к главному входу, поднялись по широкой лестнице, Генри направился к Венецианской башне, построенной в XIV веке.

— Я хочу обратиться к правительству за разрешением снести эту башню. Расходы возьму на себя.

Софья бросилась к мужу на шею и расцеловала его.

— Опять заработала твоя светлая голова! Такого подарка греческий народ никогда не забудет.

Узнав, что за разрешением надо обращаться к министру народного просвещения Валассопулосу и генеральному инспектору памятников старины Эвстратиадису, Генри приуныл. Но те благосклонно приняли предложение Шлимана и дали письменное разрешение, оговорив одно условие: бережно сохранить камень и мраморные плиты, из которых сложена башня, дабы их можно было употребить для реставрации

Пропилеи и Одеона Герода Аттика.

Генри купил материал для лесов, нанял двух своих десятников— Деметриу и капитана Цирогианниса — и уже подбирал квалифицированных рабочих, как вдруг король Георг велел министрам отменить данное Шлиману разрешение. Генри удалился в кабинет и сел писать письмо королю.

> «Я испросил разрешение министров снести Венецианскую башню в Акрополе, потому что эта башня позорит его. Она занимает самую красивую часть Пропилеи, на ее камнях надписи, оставшиеся от времени расцвета эллинской культуры. Мое предложение очистить Пропилеи от безобразной пристройки было с радостью принято всей греческой публикой. Я уже купил лес, как вдруг, к своему ужасу, узнал от министра народного просвещения, что мне запрещено впредь трудиться на благо Греции. По-видимому, произошло какое-то недоразумение. Возможно, я чем-нибудь нечаянно огорчил Вас. Покорнейше прошу объяснить мне, чем я заслужил Ваше нерасположение. Я прошу одного — позволить мне убрать из Акрополя это венецианское чудовище».

Письмо возымело действие. Король не удостоил Генри ответом, но министр просвещения получил распоряжение позволить доктору Генри Шлиману финансировать снос Венецианской башни. Однако его непосредственное участие не рекомендовалось. Снести башню было поручено Археологическому обществу.

Непросто было Софье утешить мужа.

— Я знаю, тебя очень огорчает, что ты не можешь руководить этой работой, не можешь принимать в ней участие. Но ты же добился того, о чем мечтал. Эту гадкую башню скоро снесут, древние камни вернутся на свое место. Греция все равно будет тебе благодарна.

Четвертого июля Археологическое общество направило Шлиману письмо с благодарностью за тринадцать тысяч драхм (2600 долларов), которые он перевел обществу для сноса башни.

Лето было жаркое, ленивое, оно текло, не справляясь ни по календарю, ни по часам. Твердая поступь времени сменилась каким-то беззаботным скольжением. Шлиманы часто уезжали на весь день к морю, прихватив с собой большую корзину с едой. Новомодные купальные костюмы едва прикрывали колени, и

некая газета с прискорбием отмечала этот факт: «Нельзя без отвращения смотреть на женщин из народа, купающихся полуголыми на глазах у мужчин».

По молчаливому согласию, Софья и Генри не касались в разговорах ни предстоящего суда, ни вообще своей работы. Даже стиль их жизни изменился. После целого дня, проведенного на воздухе, они рано уходили к себе на веранду, под полог ночного неба, затканного тысячами алмазных блесток. Генри надевал ночную сорочку из сшитых еще в Париже и оставался с Софьей, пока ее не начинало клонить в сон. Они читали, разговаривали. Когда Софья засыпала, он вставал и уходил к себе в кабинет. Каждый день со всего света приходило множество писем, газет, научных журналов со статьями о Шлимане, и восторженными и ругательными. Он ничего не оставлял без ответа, его письма были столь же пространны, как иные из статей. Когда Софья просыпалась, разбуженная солнцем над Акрополем, огромным, как медный котел, Генри был уже на ногах.

В конце июня Софья с Андромахой посадили его на пароход «Византия». Перед отъездом он снял для Софьи дом в Кифисьи, который ей так нравился. Дом осеняли высокие деревья, за садом текла неторопливая речушка. В одном крыле было две спальни, в другом—еще одна спальня, кухня и уборная; середину занимала большая гостиная, служившая также столовой. Перед гостиной была крытая веранда, а задняя стеклянная дверь вела в сад, где буйствовал виноградник, и уже дальше была речка. Софья перевезла в этот прелестный уголок всех домочадцев с улицы Муз, пригласила мать с братьями. Скоро дом наполнился вкусными запахами стряпни мадам Виктории. Это были ее счастливейшие минуты: Софья рядом, строгий доктор Шлиман за тридевять земель отсюда. Сестра Катинго частенько привозила детей поиграть с Андромахой.

— Когда я слушаю, как шумит ветер в листьях, — признавалась ей Софья, — как журчит ручей, я чувствую себя отрешенной от всего. И при этом мне все интересно! Мне удалось выкинуть из головы всю чушь, связанную с тяжбой. Я живу настоящей минутой и не думаю о том, что будет.

Хотя улица, ведущая на площадь, была вся перерыта, Софья брала с собой Андромаху показать, как под платанами гуляет королевская чета.

Письма и открытки от Генри приходили почти каждый день.

Он снова побывал в Авлиде, проехался до Ламии, конечного пункта новой железной дороги; пару дней провел в Фермопилах, перечитал там Геродота; затем отправился в Дельфы, послал оттуда Софье письмо, в котором подробно описывал внушающий

благоговейный трепет холм, заключавший в себе тысячелетнюю историю поклонения богам. Он взбирался на гору Парнас, бродил по руинам Орхомена, где тоже собирался копать…

Август пролетел быстро. 22 августа городок праздновал двадцатитрехлетие королевы. Софья была на год моложе.

Генри вернулся в начале сентября. И Софья с Андромахой перебрались на улицу Муз. Еще стояла жара, но на площади Конституции было опять многолюдно: афиняне возвращались в город после летнего отдыха. Городские власти запретили грузовым фургонам пользоваться центральными улицами. Кучерам было запрещено стегать лошадей. Появилось много новых газет. Вышел новый французский еженедельник «Ле пти журналь д'Атен». Французский театр открыл сезон оперой «Миньон».

Почти две недели их адвокаты просидели на сессиях, прежде чем Ареопаг назначил слушание дела на 15 сентября. Выслушав стороны, суд объявил, что принимает дело к обсуждению.

— Сколько времени придется ждать? — спросил Генри.

— Не много, — ответили ему. — Постарайтесь пока думать о чем-нибудь другом.

Осень принесла новую волну злобных нападок. Детье посетил Троаду и объявил, что здание, отрытое Генри, не дворец Приама, а двор троянского крестьянина. Грубее и глупее всех выступил афинянин Комнос, бывший служащий Национальной библиотеки: он обвинил Шлимана в том, что тот подделал троянские древности, а коллекцию глиняных сосудов из разных мест выдал за найденную в Гиссарлыке. Его статья была напечатана в греческой газете «Атеней» в то самое время, когда Генри и Софья ждали, что решит Ареопаг: отдавать или не отдавать туркам троянское сокровище? Не остался в стороне и Французский институт в Париже, его официальный орган внес свою лепту в кампанию травли. Поместила на своих страницах оскорбительную статью кёльнская газета. С уничтожающей критикой шлимановских находок и теорий выступил «ветеран археологии» Вирле д'Ау — участник экспедиции 1830 года в Пелопоннесе. Фрэнк Калверт, сменивший брата на посту американского консула в Чанаккале, раскритиковал находки в английском «Атенеум».

Шлиману досаждали не только вздорные обвинения, но и признания, что он действительно открыл Трою или по крайней мере неведомую дотоле доисторическую культуру, но открыл по чистой случайности. Ему просто повезло, как везет новичкам или дилетантам. Раз в тысячу лет такое случается. При словах «слепая удача» Генри приходил в ярость.

— Удача!.. — отводил он с Софьей душу. — Любимое словцо завистников и недоброжелателей… и невежд. Оно объясняет, почему один добивается чего-то в жизни, а другой—нет. Всего одно слово—и собственная ничтожная жизнь оправдана. Все стрижены под одну гребенку. Удача! Да это…

Софья ласково зажала ему рукой рот.

Война была объявлена.

Шлиман был начеку и отбивался денно и нощно. Софья не знала, когда он спит. На статью в кёльнской газете он ответил по-немецки. Парижскому «Журналь оффисьель»—по-французски, на обвинения турок—по-турецки и по-английски собирался ответить на вторую статью Калверта. Софья заметила, как ни был Генри в первые минуты распален очередным выпадом—он носился по дому, изрыгая проклятия и ломая руки с видом оскорбленной невинности, — в общем, приступ гнева скоро проходил. Он шел к письменному столу и садился писать ответы, опровержения, страницами приводя доводы, подтверждавшие его правоту: вот мнение Чарльза Ньютона, высказанное на заседании Королевского общества древностей; вот его статья, опубликованная в «Академии»; вот статья профессора античности из Вены, Гомперса, он расшифровывал найденные в Трое надписи —оказывается это древние кипрские письмена, а язык—самый настоящий греческий. А вот, пожалуйста, Макс Мюллер в журнале «Академия» воспроизводит троянские письменные знаки и приходит к заключению, что они родственны кипрскому письму.

Только в Англии Шлиман был героем дня. Его «Троянские древности» переводились на английский язык и под названием «Троя и ее руины» скоро должны были увидеть свет. Издатель Джон Мэррей нашел толковую переводчицу Дору Шмитц, а редактором пригласил видного специалиста по античной истории профессора Филипа Смита. Филип Смит написал к книге доброжелательное предисловие, которое заканчивалось словами:

«Имя «Троя» отныне навсегда связано с «великолепными руинами» великого города, стоявшего там, где ему положено стоять в соответствии с исторической традицией, — города, который был разграблен врагами и сожжен дотла».

Но самым приятным было приглашение влиятельного Королевского общества древностей прочитать лекцию на его заседании 24 июня 1875 года; премьер-министр Уильям Гладстон великодушно предложил представить Шлимана членам общества —уже одно это обещало лектору благосклонный прием. К этому времени ожидался и выход книги «Троя и ее руины». Генри был наверху блаженства.

— После Англии, Софья, проедемся по континенту, тем более что это каникулярное время: побываем в Голландии, Венгрии, Дании, Швеции, Австрии, Германии, проведаем мою родню. На этот раз ты не заскучаешь в музеях: ты увидишь экспонаты, родственные нашим находкам в Трое.

У Софьи радостно заблестели глаза.

— Хорошо бы взять с собой Андромаху! И Калипсо— присмотреть за ней, когда мы будем заняты.

Генри был в ударе.

— Решено. А в Париж на недельку пригласим к себе Спироса.

В последних числах сентября семь судей Ареопага обнародовали свое решение. Не вникая в существо дела, они ограничились перечислением юридических ошибок и на этом основании отменили решение апелляционного суда.

Адвокаты Константинопольского музея подали новый иск в суд первой инстанции. На этот раз суд постановил, что Генри Шлиман нарушил одно из условий договора, и распорядился произвести экспертную оценку троянского сокровища, дабы определить сумму, половину которой доктор Шлиман обязан выплатить Оттоманской империи.

Турки с этим решением не согласились. Они снова обратились в апелляционный суд, требуя все золота.

Десятого октября апелляционный суд отклонил этот иск Константинопольского музея, и 21 ноября три эксперта, назначенные судом первой инстанции, представили оценку золота, сделанную по описи в «Троянских древностях», — Генри близко не подпустил их к сокровищу. Включая мраморного Аполлона, сумма составила свыше четырех тысяч долларов.

Шлиман не задумываясь согласился уплатить туркам половину. Это прекращало тяжбу.

Кончились их муки.

6

Приближалась зима. При свете неярких уличных фонарей торговцы продавали жареные каштаны, зачастили проливные дожди. А у Шлиманов был праздник. Софья отправила с посыльным и кучером приглашения на обед всем, кто поддержал Генри в трудные минуты хотя бы издали. На радостях она пригласила даже Луизу Бюрнуф.

Хотя турецкое правительство и не приняло в штыки судебное определение, оно увидело в нем лишь желание греческого суда не ссориться с султаном. Турки, без сомнения, не были расположены

удовлетвориться двумя тысячами долларов компенсации. Первый секретарь турецкого посольства сообщил Шлиману, что в Афины едет новый посол, Фотиадис-бей, которому поручено выработать более справедливое и удовлетворительное соглашение.

— Они знают, чего я хочу, — сказал Генри Софье, — Возобновления фирмана. Знают, что мне не терпится завершить раскопки Трои и что ради нового фирмана я готов пойти на многое. Я предложил им восемь тысяч долларов на реконструкцию музея. Думаю, они понимают, что это и есть справедливое решение.

— Если они это понимают, то зачем тогда посылать Фотиадиса-бея? — возразила Софья. — Могли бы просто напомнить тебе о твоем обещании.

— Я сделал свое предложение, когда шел суд и судьба сокровища висела на волоске. А теперь я могу уплатить им две тысячи долларов—и дело с концом.

Софья положила ему руки на плечи и глубоко заглянула в глаза.

— Давай примем Фотиадиса-бея с открытым сердцем. Помнишь, как говорят на Крите? Доброе имя дороже денег.

Но только к апрелю 1875 года, вконец истрепав им нервы, все дела с Турцией уладились. В этих проволочках не были повинны ни Фотиадис-бей, ни министр просвещения Сафвет-паша, которого вполне удовлетворили восемь тысяч долларов Шлимана в придачу к двум тысячам долларов штрафа. Помехи чинил доктор Филип Детье, чье положение сильно пошатнулось после отозвания в Константинополь. Во время этих почти пятимесячных переговоров они находили душевный покой на Акрополе, часами наблюдая, как рабочие разбирают Венецианскую башню, обращаясь с древними плитами точно с хрупким стеклом.

Генри заранее распорядился Насчет европейского путешествия. Их комнаты в отеле «Чарииг-Кросс» были удобные и уютные; друзья прислали майские цветы, горничная поставила их в гостиной в высокие вазы. Софье понравился Лондон. Погода была прохладная, но приятная. По-английски Софья говорила с легким акцентом.

— Как, впрочем, все англичане, — сказал она себе в утешение.

Генри и его давние знакомые из конторы Шредера показали Софье Лондон: Вестминстерское аббатство, Букингемский дворец. Лондонский Тауэр, рынок на Петтикоут-Лейн, мосты через Темзу. Каким оборвышем были Афины по сравнению с

Лондоном! Ее поразило множество прохожих на улицах, все одеты в темное, на всех дождевики, в руках неразлучный зонтик,

ни одного кафе под открытым небом. Чарльз Ньютон в ответ на прошлогоднее гостеприимство показал Генри и Софье сокровища своего музея, устроил в их честь обед. Восхищаясь «мраморами лорда Эльджина», Софья негодовала: их место в Парфеноне, на родине! На другой день посетили палату общин—Гладстон распорядился провести их на галерею для публики. Бурные парламентские дебаты развеяли ее вчерашнюю досаду в музее. В перерыве между утренним и вечерним заседаниями Гладстон пригласил их на залитую солнцем веранду, выходящую на Темзу, где Софья познакомилась с несколькими министрами и заодно отведала чаю и клубники со взбитыми сливками.

Еще в Афинах началась и потрепала ее на пароходе лихорадка, но в радостной суматохе первых дней было не до болезни. На пятый день уже с утра ее оросало то в жар, то в холод. За шторами по стеклам барабанил дождь. Голова раскалывалась, до кожи не дотронуться. Генри пригласил доктора Фарре, которого ему отрекомендовали как «лучшего медика в Англии». Он нашел у Софьи «febricula», а для Генри пояснил: «Перемежающаяся лихорадка, сама пройдет».

— Но что-то делать надо? — настаивал Шлиман.

— Я бы посоветовал отвезти миссис Шлиман в Брайтон. Тамошние теплые ванны творят чудеса. Море, солнце, покой. Природа умеет лечить собственные просчеты.

С любезной помощью агентов из конторы Шредера Генри снял в Брайтоне на Кингз-Роуд хорошенький домик, который сдавался вместе с горничной, мисс Стили. Генри позаботился, чтобы Софья, Андромаха и Калипсо ни в чем не нуждались: им в изобилии поставляли фрукты, овощи и другую снедь. И еще Софья получала ежедневно шесть лондонских газет, чтобы вырезать из них все статьи и заметки о Шлимане. Когда он прощался с ней, торопясь на лондонский поезд, она ласково сказала:

— Я знаю, что женщин не пускают на заседание Королевского общества, и, будь я даже в Лондоне, я все равно не смогла бы послушать тебя. Но в ту минуту, как ты поднимешься на кафедру, я совершу возлияние богам, как совершил его царь Приам, ехавший в лагерь ахейцев к Ахиллу с выкупом за тело своего сына Гектора.

Паровые ванны оказали свое действие. Скоро Софья уже могла ходить на пляж с Андромахой и Калипсо купаться.

Лекция Шлимана, прочитанная 24 июня в Королевском обществе древностей в Берлингтон-Хаус, имела большой успех. Присутствовало шесть репортеров. Их отчеты Софья вырезала для Генри. Ей очень понравился рисунок в «Иллюстрированных

лондонских новостях»: доктор Шлиман был изображен во фраке с белым галстуком, отложной воротник удлинял его узкую шею; нацепив пенсне, он читал за столом с двумя высокими лампами, вокруг сидели знаменитости—ученые, писатели. Софья знала, что это была одна из самых светлых минут в его жизни.

Пока Софья лечилась, Генри заводил друзей в Оксфорде и Кембридже. Он был без ума от Макса Мюллера, который уже имел случай поддержать Шлимана. Между ними завязалась дружба. На воскресные дни Генри приезжал в Брайтон, купался в море, отдыхал и вместе с Софьей перекраивал маршрут их путешествия: после восторженного приема в Берлингтон-Хаус он получил из нескольких мест приглашение прочитать лекции.

В конце июня переехали в Париж и остановились в гостинице «Лувуа», где их уже ждал Спирос. В Париже Софью опять свалила лихорадка. Когда она перестала сходить с постели от слабости, Генри встревожился и послал Спироса за врачом-греком, который пять лет назад разгадал причину ее желудочных болей и посоветовал Шлиману отвезти жену домой, в Грецию.

Осмотрев Софью, тот сказал:

— У этой лихорадки неприятная особенность—она возвращается. Никто не знает почему. Это не опасно. Две недели покоя, и все пройдет. Возможно, насовсем.

— Две недели! — Генри извлек их маршрут путешествия и ткнул пальцем в дату отъезда, которой открывался расписанный по часам график их поездки по шести странам.

— В таком случае, — сухо заметил доктор, — вы должны либо отложить поездку, либо оставить мадам Шлиман в Париже. Она в таком состоянии, что ни о какой поездке не может быть и речи.

На Генри было жалко смотреть. Софья была вконец расстроена.

— Ты так мечтал об этой поездке, — убеждала она его, — и от лекций уже нельзя отказаться. Пожалуйста, поезжай один. Ничего со мной не случится. За мной присмотрят Спирос и Калипсо.

— Ты правда не против, чтобы я ехал?

— Конечно, я против. Но я не могу лишать тебя этой поездки. Только уложись в пять недель. Больше пяти недель я без тебя в Париже не выдержу.

— Я вернусь ровно через пять недель, день в день. Вот тебе две тысячи пятьсот франков. Я уверен, вам хватит и половины, но мало ли что может случиться.

Лихорадка прошла в неделю, и Софья встала на ноги. Спирос нанял экипаж и днем возил ее в Булонский лес. В тени

останавливались, выпускали Андромаху на зеленую травку. Несколько раз Софья была в цирке, она полюбила его еще в прошлый приезд. Эжен Пиа был в Париже, он сводил Софью в комическую оперу. Другой приятель Генри пригласил ее на модную комедию. Удобно устроившись в шезлонге, она часами читала. В письмах к Генри она мешала английские фразы с французскими, и муж не преминул отметить: «По-английски ты пишешь гораздо лучше, чем по-французски».

Генри писал часто. В Лейдене он «сразу побежал в музей, который осмотрел с величайшей дотошностью». Из Голландии похвастался, что был на обеде у голландской королевы Софьи. А следующая фраза так ее потрясла, что она, не веря своим глазам, перечитала ее несколько раз: Генри просил каждую неделю посылать ему гостиничный счет. Получив письмо с первым счетом, он ответил Софье по-древнегречески:

> «Моя дорогая, из приложенного счета видно, что за каждый завтрак с тебя берут семь франков, самое меньшее пять с половиной. Пожалуйста, положи этому конец, это неприлично, завтракай где-нибудь по соседству, можно прекрасно поесть за полтора-два франка. Пусть глупцы и сумасшедшие тратят на завтрак семь франков, а ты расходуй полтора-два. Утренний кофе пей в гостинице, это недорого, и обедай там же. Но ради бога, прекрати эти разорительные завтраки, ведь это форменный грабеж. Надеюсь получить от тебя добрые вести. Обнимаю мою дорогую женушку.
>
> Шлиман»

Софья не знала что и думать. Добрый час она мучительно постигала загадку этого невозможного человека.

«Он дарит греческому правительству землю и музей, что обойдется по меньшей мере в 50 тысяч долларов. Предлагает Турции финансировать совместные раскопки в Троаде, что будет стоить еще 50 тысяч. Передает турецкому правительству восемь тысяч долларов на реконструкцию музея. И он же запрещает жене завтракать в ресторане гостиницы «Лувуа», потому что завтраки здесь обходятся в пять-семь франков, когда можно перекусить в соседнем кафе за тридцать-сорок центов».

Странно устроен человек!

«А может, это все потому, — думала Софья, — что рядом я ему друг и помощник, а на расстоянии — лишняя обуза? Или он привык все делить на важное и неважное? И ему неприятно

транжириться на мелочи? Как бы то ни было, я все равно буду завтракать только в ресторане гостиницы. Здесь вкусно кормят, прекрасно обслуживают».

В начале сентября они встретили Шлимана на Северном вокзале.

Ни в тот день, ни позже Генри и словом не обмолвился о счетах, из коих явствовало, что мадам Шлиман все пять недель. завтракала в гостинице «Лувуа». Не упрекнул он ее и за то, что оставленных пятисот долларов ей не хватило и ему пришлось досылать ей деньги.

«Одно из двух, — решила Софья. — Либо он решил благоразумно забыть о том письме, либо просто забыл о нем». Ничего более определенного она не могла придумать даже после шести лет их супружеской жизни. Но свою маленькую войну за независимость она выиграла.

«Теперь я по праву могу носить медаль, которую отец заслужил в войне за независимость Греции», — рассмеялась она про себя.

Шлиман не сомневался, что в Париже его ждет разрешение начать раскопки. Узнав, что ни из Турции, ни из Греции нет никаких вестей, он сразу загрустил.

— Когда нечего раскапывать, смысл жизни для меня утрачен, — жаловался он за ужином. — Ты считаешь меня одержимым. Ты права. Я просто должен в ближайшее время где-то начать раскопки.

— Но где, Генри?

— Я получил письмо от синьора Фьорелли, генерального директора римского музея. Он соблазняет меня поехать в Альбано, южнее Рима. Любопытно выяснить, нет ли там под слоем вулканической породы каких-нибудь следов человеческой культуры, вроде керамики.

Софья поняла, что он готов ухватиться за что угодно, только бы не сидеть без дела, и, когда его европейские впечатления стали тускнеть, решила, что настало время собираться домой. Упрашивать турецкого посла. Умолять министра просвещения Георгиоса Милессиса, с которым она была знакома домами.

Отплывали из Марселя. Генри сошел в Неаполе. Уже в первом его письме звучало разочарование. Альбанский крестьянин, у которого он снял виноградник для раскопок, обманул его, показав римские и этрусские вазы, якобы найденные в саду под слоем лавы. Генри дорылся до материка, и никаких следов жизни не обнаружил. Его, попросту говоря, надули.

В середине октября Шлиман перебрался в Сицилию, в Палермо. Какой-то чиновник посоветовал ему копать под

Марсалой на маленьком островке Пантеллерия. Софья получила оттуда телеграмму:

«Живу среди такой нищеты и грязи, что пригласить тебя не могу».

На Пантеллерии культурный слой оказался совсем тонким, и под ним опять ничего. Шлиман поехал в Сегесту, оттуда в Таормину, Сиракузы — метался как безумный. Он должен копать —все равно где… хоть где-нибудь.

Его полные сетований письма подвигли Софью на более решительные шаги. Она переговорила с их адвокатом Делагеоргисом, тот отсоветовал пока обращаться к туркам — у них были сейчас более серьезные внутренние заботы. И Софья бросилась к знакомым из министерства и университета, умоляла повлиять на Георгиоса Милессиса.

В конце ноября Генри жаловался в письме, что «в Италии невозможно найти древностей, которых не было бы уже в музеях. Видимо, мне суждено заниматься доисторическими временами». Теми же днями он получил переправленное из Афин письмо от турецкого министра иностранных дел Рашид-паши, где сообщалось, что к новому фирману в Константинополе относятся благосклонно. Генри сразу собрался и первым же пароходом отплыл в Пирей.

За несколько дней до рождества от Рашид-паши пришло второе письмо: похоже, недоброжелатели сложили оружие и если Шлиман сам приедет в Константинополь, то фирман ему обеспечен. Софья не хотела отпускать мужа на Новый год и крещение, но Генри нельзя было остановить—так взбудоражило его письмо Рашид-паши. Да и, не дай бог, все сорвется из-за его отсутствия—она же будет виновата. Генри знал, что рождество и крещение самые дорогие праздники для Софьи, и не стал звать ее с собой, но велел потихоньку готовиться к трехмесячным раскопкам в Троаде, если ему удастся заполучить фирман. Софья согласилась. Генри накупил всем домашним подарков и отправился в Константинополь. Его письма оттуда были неутешительны.

«Я по-прежнему сталкиваюсь с огромными трудностями, — писал он Софье. — Своими силами мне не справиться. Помогает всеобщий интерес к моим открытиям в Трое и горячее сочувствие иностранных послов, их интерес к Гомеру и его Илиону…»

Через неделю Генри сообщил, что ожидает подписания фирмана, с минуты на минуту. Он жил в прекрасном номере гостиницы «Византия» и проводил свободное время в обществе «просвещенных и очень знатных иностранцев». За столом, к его полному удовольствию, говорили сразу на семи или восьми

языках. Но одного друга он потерял: Джорджа Бокера направили послом в Россию.

Но прошла не одна неделя, прежде чем он вызвал ее в Константинополь, велев захватить старые платья. Софья решила ехать в начале февраля и уже заказала билет на пароход. Генри был доволен. Он писал, что его друзья по столу с нетерпением ожидают ее приезда и что здесь она найдет «духовные радости, каких прежде не знала».

Но тут министр народного просвещения дал Софье понять, что ее старания как будто увенчались успехом и что она вот-вот получит разрешение на раскопки в Греции. Софья отправила телеграмму, что ее отъезд, к сожалению, задерживается. Генри огорчился, но настаивать не стал — его фирман все еще не был подписан.

Из Пирся Генри взял с собой только часть археологического снаряжения. Остальное по мере надобности должен был дослать Спирос. Генри и его друзья хлопотали в Константинополе неустанно, но только пятого мая долгожданный фирман был у него в руках. Читая его телеграмму, Софья не могла не улыбнуться словам, в которые Генри облек эту добрую весть: «Одиссей, возвращаясь из Трои, выстрадал за десять лет меньше, чем я в эти месяцы в Константинополе».

Однако сниматься с места ей пока не следует. Яннакис писал, что их старый дом пришел в полную негодность. Крестьяне выломали двери и окна, сняли с крыши всю черепицу, дождь залил комнаты и все в них попортил. Надо еще привести в порядок и раскопки: стены обрушились, в траншеях жидкая грязь глубиной десять футов. Скамандр разливался трижды и затопил всю равнину от холма до моря. Даже если повезет найти хороших плотников, писал Генри, понадобятся недели, чтобы на месте старого возвести новый, пригодный для жилья каменный дом и сколотить подсобные помещения. Он обещал немедленно вызвать Софью, когда в Трое снова можно будет жить.

Но Софья так и не дождалась его вызова. В Гиссарлыке Генри нашел только запустение и полный развал. Яннакису не разрешали работать в Трое, бедный великан одно время даже опасался за свою жизнь. В Чанаккале был прежний губернатор, но отношение его к Генри переменилось. Теперь Шлиману было позволено нанимать только чистокровных турок, а это означало постоянную нехватку рабочей силы. К нему приставили надзирателем некоего Иззета-эфенди, который ввел устрашающие порядки. Он ходил за Шлиманом но пятам день и ночь, ни на секунду не оставляя его одного. Когда наконец всю грязь вычерпали — а это была каторжная работа, — около дворца

Приама стали попадаться первые интересные находки, но Иззет-эфенди запретил их фотографировать. Запрещено было зарисовывать стены и мощеные улицы.

Последней каплей было посещение губернатора Ибрагим-паши, который приехал в Гиссарлык посмотреть, что делает Шлиман.

Согласно фирману. Генри отводилось шестьсот акров земли, примыкавшей к раскопу: на этой земле он имел право строить жилые дома и служебные помещения. Губернатор Ибрагим-паша осмотрел легкие временные постройки, достал из кармана копию фирмана, нашел нужное место и резко выпалил:

— Доктор Шлиман. вы нарушаете условия фирмана!

— Нарушаю? Да я вообще ничего не делал, ничего не забирал с холма…

— Согласно фирману, вы должны застроить эти шестьсот акров каменными и деревянными домами и складами.

— Застроить шестьсот акров?! Зачем? Это целый юрод. Мне хватает этих построек.

— Фирман не обсуждает, что вам нужно, а что нет. В нем четко и ясно сказано, что вы обязаны застроить все шестьсот акров.

— Губернатор Ибрагим-паша, такое толкование фирмана смехотворно. Как в самом деле я могу застроить эти шестьсот акров? Неужели в правительстве султана найдутся чудаки, которые ухватятся за эту оговорку?

— Ничего не знаю. Я обязан требовать буквального исполнения фирмана, иначе у меня будут неприятности с Константинополем. Никаких раскопок, пока не застроите шестьсот акров земли каменными и деревянными домами.

Генри понял, что спорить бесполезно. Он, конечно, мог поехать в Константинополь и просить у министра просвещения письмо, уточняющее условия фирмана в том смысле, что можно не застраивать домами шестьсот или сколько там акров. Но он хорошо знал неповоротливость турецких властей. Дело осложнялось еще тем, что его единственный влиятельный друг министр иностранных дел Рашид-паша был убит. Министром иностранных дел стал Сафвет-паша; значит, в министерстве просвещения сидит новый человек. Может быть, совсем незнакомый и даже враждебно настроенный. Он был уверен, что сумеет выбросить из фирмана несуразное условие, но сколько еще недель, если не месяцев, это займет? И к чему он вернется? Ему все так же будут ставить палки в колеса, изводить придирками, оставят без рабочих, не дадут делать научное описание находок… Напрасно он надеялся, что вернется в Трою и

доведет до конца раскопки.

Два месяца сидения в Константинопольской гостинице вдали от жены и дочери, без привычных дел. Еще два месяца на раскопках, которые почти ничего не дали — удалось только очистить траншеи и террасы от грязи, которую намыло за три года. И все впустую.

Он приказал уложить снаряжение и отправить в Пирей, телеграфировал Софье, что возвращается совсем.

Обратный путь он проделал в самом угнетенном состоянии духа.

Софья встречала его в Пирее. Она стояла на пристани и торжествующе размахивала белым листком бумаги; такой широкой улыбки он еще не видел на ее лице.

— Наше разрешение на раскопки в Микенах! — крикнула она. — Можем начинать немедленно.

Книга седьмая. Микены

1

Долгий июльский закат золотил разноцветные медали на груди полицмейстера Леонидаса Леонардоса, встречавшего их на пристани Нафплиона.

— Мы ждали этой минуты два года! — воскликнул Генри. — Позвольте представить вам моих ученых друзей: доктор Ефтимиос Касторкис родился здесь, в Пелопоннесе, сейчас он профессор греческой археологии в Афинском университете. Доктор Спиридон Финдиклис, вице-президент Археологического общества, читает филологию в университете. Доктор Иоаннис Пападакис — профессор математики и астрономии, бывший ректор университета. Они любезно согласились поехать со мной в Нафплион и готовы посвятить неделю осмотру Тиринфа и Микен.

Леонидас Леонардос при каждом столь громком имени отвешивал глубокий поклон.

— Сам лично выбрал вам комнаты в гостинице «Олимп». У вас будет тот же номер, где я имел честь навестить вас в 1874 году.

До гостиницы—благо рукой подать—шли пешком, сопровождаемые носильщиками с чемоданами наперевес через плечо. Хозяин накрыл ужин в саду под большим платаном. Генри был в приподнятом настроении: у него в гостях в Арголиде ученые-археологи. Они вместе заложат несколько пробных

шурфов в Тиринфе, затем осмотрят Микены — значит. Афинскому университету небезразличны его раскопки.

Софья проснулась на рассвете, когда Генри уже вернулся после обычного утреннего купания, грудь и плечи у него горели— так старательно растерся он мохнатым полотенцем.

— Пора вставать, любимая. Экипажи поданы, обед нам приготовил здешний повар.

Софья надела на счастье платье с длинными рукавами и широкой юбкой, которое носила в последние, такие удачливые недели в Трое. На ней был легкий шарф, широкополая шляпа и перчатки — июльское солнце палило нещадно. В путь отправились с восходом. От Нафплиона до Тиринфа всего одна миля. И скоро все пятеро уже стояли под циклопическими стенами. Каменные глыбы были так чудовищно, так неправдоподобно велики, что захватывало дух.

— Мои глаза видят эти стены, — сказала Софья, — но разум

постигнуть не может.

Свернув с главной дороги, они прошли немного вдоль южного основания плоского каменистого тиринфского плато. Возницы отнесли корзины с едой и прохладительными напитками во внутреннюю галерею, тянувшуюся в стене и дававшую доступ к казематам, в которых, по-видимому, хранились провиант и боевые припасы. В стене шириной от 25 футов до 50 было шесть узких прорезей для лучников. Шлиман со своей группой вошли в крепость по широкому пандусу, который поддерживала стена циклопической кладки. Слева от крепостных ворот стояла башня. Генри определил на глаз, что высота ее равняется сорока футам и, если верить словам его ученых спутников, это самая древняя постройка в Греции.

Здесь их встретил Деметриос Дасис. Еще несколько недель назад Шлиман выслал ему все троянское снаряжение и инструмент: сотни кирок, лопат, тачек. Часть этого снаряжения была завезена в Тиринф: ровно столько, сколько необходимо для четырехдневной разведки. Деметриос привез с собой из Харва-ти десятерых землекопов. Генри распорядился, чтобы каждый участник группы, включая Софью, получил под свое начало по два рабочих и выбрал себе площадку. Профессор Касторкис и Софья решили копать на средней террасе, два других профессора на нижней, сам Шлиман, взяв с собой оставшихся рабочих и Деметриоса, поднялся на самый верх, чтобы наметить широкую траншею, которая прорежет верхнюю террасу по диагонали.

Софья и профессор Касторкис наткнулись на стены двух домов, сложенных из небольших плит, скрепленных глиной. В нижней крепости две группы нашли большой осколок раскрашенной фигурки с женской грудью и воздетыми руками, напоминающими рога коровы, — древнее изображение Геры.

Просеивая грунт, обнаружили множество расписных черепков. Солнце пекло вовсю, но в сводчатой галерее, где они обедали, было прохладно. В тринадцати шурфах средней террасы и в трех шурфах нижней нашли терракоту, которую и ожидали найти. Вечером мужчины шли купаться, а затем все собирались в гостиной Шлиманов и Софья раскладывала дневные находки: треноги, большие вазы с дырчатыми ручками, кувшинчики, горшки, кубки, чаши, блюда, сделанные вручную или на гончарном круге.

Спустя пять дней караван двинулся в Микены. Генри распорядился, чтобы вся найденная керамика была упакована в корзины и отправлена Археологическому обществу тем же пароходом, каким отплывут в Афины университетские профес- s сора по возвращении из Микен. Деметриос сообщил Шлиману,

что нанято шестьдесят рабочих, готовых в любую минуту начать раскопки. Генри наметил место раскопа, следуя своему толкованию Павсания. подробно описывавшего места царских захоронений. Все три профессора пожелали Шлиману от всего сердца удачи.

Когда гости уехали, Шлиман с грустной усмешкой сказал: — Если бы мы могли уговорить кого-либо из них остаться наблюдателем от Археологического общества вместо этого юнца Стаматакиса. Я дважды беседовал с ним в Афинах — он улыбнулся за все время только один раз. По-моему, это плохой признак.

Семейство Деметриоса Дасиса тепло встретило Шлиманов. Они ждали их возвращения два с половиной года. Комнаты для гостей были готовы: навешены новые деревянные ставни для защиты от палящего летнего солнца, полы выскоблены и натерты.

Софья привезла с собой корзину с простынями, наволочками, полотенцами и одеялами — в октябре и ноябре будет холодно. Захватила с собой мыло и другие туалетные принадлежности, чтобы три-четыре месяца ни в чем не нуждаться. Они будут копать, пока затяжные осенние дожди не прогонят их из Микен.

Генри в письме Деметриосу из Афин просил сделать две прикроватные тумбочки и завесить шторой угол спальни, там у них будет гардероб. Они взяли с собой всю старую одежду, в которой раскапывали Трою, но прихватили и хорошее платье, чтобы не стыдно было пойти в церковь или навестить друзей в Аргосе и Нафплионе. Софья открыла чемодан, поставила на тумбочку свою икону, помолилась деве Марии: пусть им сопутствует удача в Микенах, пусть сбудутся если не все, то многие смелые мечты Генри.

Генри еще раньше отдал распоряжение Греческому национальному банку открыть в аргосском отделении счет на имя Дасисов, чтобы у них всегда были деньги на непредвиденные расходы. И послал им чертеж душа, каким они пользовались в Гиссарлыке. Душ этот был на открытом воздухе: небольшой навес, на котором стоял спускной бачок с цепочкой. Но где взять второго Яннакиса? Правда, с оплатой здесь будет проще: по субботам Генри будет выплачивать Деметриосу всю сумму, полагающуюся за вырытые его бригадой кубометры земли. Но как быть с рабочими из других деревень, которым придется платить и поденно, и по субботам? Генри остановил свой выбор на среднем сыне Деметриоса Николаосе, которому только что исполнилось шестнадцать лет: это был долговязый парнишка с золотистой кожей и ясными смышлеными глазами; он окончил несколько классов в аргосской школе и теперь пополнял образование,

прочитывая от корки до корки все, что попадалось под руки. Генри дал ему блокнот и показал, как записывал работу Яннакис. Николаосу поручили также следить за снабжением водой. Воду брали из ближайшего источника. Полные бочки грузили на двуколки, подъезжавшие непрерывно. Укрыться на акрополе от жары было негде, августовское солнце начинало палить с утра, и рабочие с пересохшими глотками опустошали бочку, едва ее успевали снять с двуколки.

Рабочим платили две с половиной драхмы в день, или пятьдесят центов, десятнику — пять драхм, Николаос получал в день один доллар. Дасисы были счастливы: через год он сможет поехать в Нафплион учиться дальше. В Троаде Шлиман меньше платил рабочим: уровень жизни в турецкой провинции был ниже.

Скоро от соседей стало известно, что Панайотис Стаматакис. страж, присланный Археологическим обществом, поселился через дорогу. В деревне был только один дом, к которому примыкала кладовая. На этот дом и пал его выбор. Стаматакис велел врезать в дверь кладовой замок и единственный ключ спрятал к себе в карман. Здесь будет храниться все найденное на раскопках. С согласия Дасисов Генри пригласил Стаматакиса на обед. Стаматакис приглашения не принял. На другой день, восьмого августа, был праздник св. Пантелеймона, вся деревня собралась в крохотной церквушке послушать службу приехавшего на праздник священника. Шлиманы пришли вместе с семьей Дасисов, Стаматакис в церкви не появился. Вся деревня была оскорблена. «Он считает, что слушать деревенского священника ниже его достоинства», — был общий приговор. Хозяйка его рассказывала:

— Сидит все время один. Ест у себя в комнате.

— Может, он очень застенчив? — предположил Генри. — Попробуем пригласить его еще раз.

Они опять пригласили его отобедать, и опять Стаматакис отказался.

К вечеру, когда жар немного спал, поднялись к сокровищнице Атрея. Софья стояла перед ней восхищенная гением художника, создавшего столь совершенную красоту. Созерцание прекрасного возвышает, и душа ее преисполнилась благостного покоя.

Стаматакис весь праздник не выходил из своей комнаты. Вечером Генри спросил Софью:

— Как ты думаешь, не должен ли я из вежливости навестить его? Нам ведь работать вместе несколько месяцев, хорошо бы нам подружиться.

— Ни в коем случае, — решительно возразила Софья. — Он молодой, это он должен выказать тебе почтение. Греки очень

гордые… ведь у них такие предки. Господин Стаматакис возомнит о себе еще больше.

— Ну что ж, будь по-твоему. Греческий характер — это по твоей части, — улыбнулся Генри.

Наутро встали чуть свет, выпили кофе, сели на мулов и отправились по крутой извилистой дороге к Львиным воротам. В понедельник накануне праздника Деметриос доставил на террасу акрополя тяжелое снаряжение: лопаты, кирки, ваги. С дороги к узкому проему в стене вела пастушья тропа. Рабочие Деметриоса внесли инструмент в крепость, воспользовавшись этим входом. Шестьдесят землекопов имели вид не менее живописный, чем турки и греки, раскапывавшие Гиссарлык. Поверх брюк аргосцы носили груботканую юбку, белую или кремовую, собранную на поясе в складки; вся одежда была сшита из ткани, называемой дрили, которую женщины ткали и красили дома.

Генри разделил рабочих на несколько групп и наметил контур траншеи, которая должна была идти в южном направлении, начавшись в сорока футах от Львиных ворот: общая ее площадь составит приблизительно сто квадратных футов. Деметриос получил в свое распоряжение сорок человек, десять пошли с Генри к Львиным воротам. Когда рабочие начали расчищать их, Софья сказала:

— Нельзя ли нам пойти ко второй сокровищнице, у которой проломан купол?

В последнюю прогулку, продравшись сквозь густые заросли травы и кустарника, им удалось заглянуть в ее черную пустоту.

— Почему она тебя интересует? Она в четырехстах футах от крепостной стены и, значит, никак не может быть одной из царских гробниц, которые мы ищем.

— Отвечу, когда мы придем туда.

Они с трудом спустились по неровному, каменистому.

поросшему сухим кустарником склону, затем поднялись по насыпному холму вверх. Раздвинув траву и кусты, росшие из расщелин между камнями, освободили пространство диаметром около метра, легли ничком и посмотрели внутрь. Лучи солнца сеялись сквозь расщелины в непроглядную темень толоса [28], как будто промеряли его глубину.

— Вырвать эту постройку из трехтысячелетнего забвения — великая и трудная задача, — размышлял Генри. — Еще труднее найти ее дромос, длинный наклонный ход, ведущий к двери, и расчистить его. Но это будет величайший вклад в археологию.

Смуглое лицо Софьи озарила улыбка. В темных глазах загорелось дерзание.

— Мне бы хотелось самой раскопать эту сокровищницу,

совершенно самостоятельно. Если мне удастся вырвать ее у веков и она окажется такой же красивой, как сокровищница Атрея, я буду знать, что тоже внесла вклад в археологию.

— И старый муж не имел к этому никакого касательства.

— Разве что самое малое. Давай завтра утром придем сюда, ты поможешь мне наметить место раскопки. Я постараюсь обойтись тем, что тебе самому будет не нужно: дашь мне нескольких рабочих, немного кирок и тачек.

Они вернулись к Львиным воротам и увидели там Стаматакиса. Он кричал на рабочих Шлимана, требуя, чтобы те немедленно прекратили копать. Подобно Генри, одет он был так же, как у себя в кабинете в Афинах: темный костюм с жилетом, белая рубашка и темный галстук. Он был худощав, прекрасно сложен, с ослепительными белыми зубами. Голову держал высоко, будто поверх грязного, пыльного раскопа созерцал строгую красоту Афинской национальной библиотеки, где на полках хранится мудрость веков и… не нужно натирать мозоли, копая эту твердую как камень землю.

Шлиман приветливо поздоровался с ним:

— Доброе утро, господин Стаматакис. Стаматакис, ничего не ответив, сухо поклонился.

— Надеюсь, вы удобно устроились? — осведомилась Софья.

— Удобства самые примитивные.

— Как жаль. Мы бы очень хотели, чтобы вы обедали с нами. Мы звали вас дважды. Приходите, Дасисы будут рады. Хозяйка и дочери прекрасно готовят.

Стаматакис, прищурившись, посмотрел на них: Софья и Генри стояли у Львиных ворот, их головы возвышались над массивной перекладиной.

— Я должен сразу же предупредить вас, — холодно произнес он, — что не намерен заводить с вами дружбы. Я нахожусь здесь как государственный чиновник и представитель Греческого археологического общества: все наши отношения будут ограничиваться только тем, что непосредственно связано с раскопками и находками. Только так я смогу в точности исполнить данные мне инструкции.

Софья и Генри взглянули друг на друга, брови у них изумленно поползли вверх. Еще один Георгий Саркис, их первый страж в Гиссарлыке; и этому тоже раскопки совершенно не интересны.

— Как вам будет угодно, — резко сказал Генри. — Только, пожалуйста, не путайтесь под ногами, а то, неровен час, свои поломаете.

Стаматакис презрительно выпятил нижнюю губу и медленно

процедил:

— Оставим пустые разговоры. И выслушайте мои распоряжения.

— Ваших распоряжений никто здесь слушать не будет. Ваша обязанность — забирать наши находки и отправлять их в Афины. Ничего больше.

Стаматакис оскалил красивые белые зубы.

— Вы обязаны показывать мне все находки, пока они in situ. Вы можете копать одновременно только в двух близко расположенных местах, чтобы я мог наблюдать за вашими действиями. Копать можно только там, где я покажу…

— Идите к чертовой матери, — выругался по-немецки Генри, зная, что Софья не поймет.

— И не подумаю, — невозмутимо ответил Стаматакис. Рабочие Шлимана снова взялись за лопаты и кирки и стали

долбить трехтысячелетний панцирь из спрессованной земли, щебня и мусора у входа в Львиные ворота. Стаматакис повернулся к ним и закричал:

— Сейчас же прекратите! Подъездную дорогу трогать нельзя!

— Почему? — поинтересовался Шлиман.

— Необходимо сохранить именно этот уровень. Ведь мы не знаем, на какой глубине древняя дорога. С этого уровня будет легче поднимать циклопические блоки и устанавливать их обратно на стены, идущие от ворот.

— Я намереваюсь прорыть только узкую траншею по ширине входа. Весь грунт по бокам останется in situ, с него и будем поднимать на стены эти огромные глыбы.

— Толково придумано, — смягчился Стаматакис.

— Спасибо, — ответил Шлиман и, повернувшись к рабочим, распорядился — Продолжайте копать. Складывайте камни и землю в корзины, а потом ссыпайте на телеги.

На другой день, едва рассвело, Деметриос привел шестьдесят трех рабочих. Генри поставил двенадцать у Львиных ворот, Деметриос взял себе сорок три землекопа. Софье оставили восемь. Вместе с Генри она повела свою группу к соседней сокровищнице.

— Давай, Генри, встанем на самую верхушку купола рядом с проломом и подумаем, с какой стороны может быть дромос.

Генри осмотрелся кругом, вынул компас и сделал в блокноте какие-то вычисления.

— Ты думаешь копать траншею поперек хода?

— Да. Как можно ближе к треугольнику над дверным проемом. Когда дойдем до вершины треугольника, станет ясно, сколько приблизительно футов копать до поперечной

перекладины и сколько от нее вниз до порога. Ведь размеры сокровищницы Атрея мы знаем.

— Прекрасно. Начинай рыть траншею с южной стороны холма.

— С южной? Почему?

— Присмотрись к топографии места. На востоке и западе сразу начинается подъем, северная сторона наиболее удалена от акрополя. Значит, южная—самая удобная для устройства хода.

— Понятно. А ты не мог бы, исходя из размеров сокровищницы Атрея, определить, на каком расстоянии от этой щели начинается дромос?

— Мог бы, но, конечно, приблизительно. Начни рыть траншею в сорока футах отсюда. Я прибавил несколько футов, чтобы не попасть на свод фасада. Твоя траншея на соответствующей глубине должна проходить в двух-трех футах от основания треугольника. Достигнув нужной глубины, повернешь в сторону сокровищницы и начнешь рыть горизонтально.

В Троаде Софья столкнулась с неожиданной трудностью— тамошние рабочие считали зазорным подчиняться женщине. Здесь ничего подобного не было. Ее землекопы были родом из Харвати. В тот первый вечер два года назад они приветствовали Шлиманов вместе с другими односельчанами и с большим удовольствием слушали, как Генри читал «Агамемнона». Сейчас Генри сказал им:

— Эту сокровищницу будет раскапывать госпожа Шлиман. Пожалуйста, слушайтесь ее во всем.

Софья отмерила расстояние, указанное Генри, сделала разметку и поставила восьмерых рабочих копать. Затем обозначила ширину траншеи двумя грядками камней, протянув их по обе стороны скрытого под землей дромоса, и выложила из камней же стрелу, показывающую на юг, вместо колышков и веревок, которыми пользовались в Гиссарлыке.

Очень скоро выяснилось, что надежды на быстрый успех нет. Почва была твердая, как скала, то и дело попадались крупные глыбы. Траншея тянулась на двадцать пять футов, пересекая под прямым углом дромос и обрамляющие его циклопические стены. За весь долгий день рабочие углубились всего на несколько дюймов.

Не успели они взяться за лопаты, как от Львиных ворот прибежал Стаматакис.

— Сейчас же прекратите раскопку сокровищницы.

— Почему?

— Ни вы, ни кто другой не должен касаться этого прочного земляного покрытия. Оно поддерживает камни, из которых

сложен толос. Уберите его — и все сооружение рухнет.

— Кто вам сказал, что я хочу срыть весь этот холм? Моя цель —обнаружить дромос, очистить его от щебня и земли, найти вход в сокровищницу и выгрести оттуда весь мусор. Тогда люди смогут любоваться ею, как любуются сейчас сокровищницей Атрея. По-моему, в этом и заключается смысл работы археолога.

— Госпожа Шлиман, я провел годы в университете, чтобы стать знающим специалистом. Почему же вы не хотите признать мой авторитет в вопросах археологии?

— Признаю… когда увижу у вас на ладонях первые мозоли от заступа.

— Ах, вот оно что! Вы презираете кабинетного ученого. Вы задираете нос, потому что по прихоти судьбы раскопали Гиссарлык.

— По прихоти судьбы! Мы раскопали Гиссарлык, потому что мой муж гениально предугадал, что именно этот холм — гомеровская Троя.

Стаматакис небрежным жестом отмахнулся от ее слов.

— У меня нет охоты препираться с вами, госпожа Шлиман. Я сделаю официальную запись в дневнике, что категорически запретил вам копать здесь. Сегодня вечером я телеграфирую об этом в Афины.

— Надеюсь, поездка в Аргос немного развлечет вас. Тем временем я найду дромос и расчищу его. Сокровищница ведь не пострадает от того, что мы расчистим в нее ход.

Стаматакис ничего не ответил, повернулся и пошел обратно к Львиным воротам. Софья послала одного из рабочих за Генри.

— На Стаматакиса есть только одна управа, — сказал он, — если не считать, конечно, что можно сбросить его в эту дыру. Сегодня вечером пошлю обществу телеграмму, чтобы прислали за мой счет инженера-строителя, пусть даже по их выбору. Он обследует все здешние сооружения и даст официальное разрешение производить раскопки.

У Шлимана были свои трудности: его рабочие наткнулись у ворот на огромные каменные блоки, упавшие, по-видимому, с внутренней циклонической стены. Шлиман тотчас нашел объяснение: эти камни были сброшены самими микенцами на аргосцев, подвергших крепость осаде и захвативших ее в 468 году до нашей эры. Здесь нет культурных наслоений, как это было в Трое, решил он. Скорее всего, весь этот грунт намыло с верхних террас. Копать его было нетрудно, но гигантские блоки не поддавались примитивной ручной технике, бывшей в его распоряжении. Придется выписать специальные подъемные механизмы, а пока двенадцать его рабочих обвязывали блоки

веревками, дюйм за дюймом оттаскивали их от Львиных ворот и оставляли у внешней стены крепости.

К концу дня он и Софья нашли несколько разрозненных черенков и больше ничего. Стаматакис, однако, посчитал и эти находки важными. Он собрал в корзины все черепки до единого, отвез их в Харвати и запер у себя в кладовой.

Третий день был более счастливым. Бригада Деметриоса, работавшая внутри крепостных стен, наткнулась на обуглившиеся руины большого жилого дома. Скоро стали вырисовываться уцелевшие стены. Осмотрев их, Генри пришел к заключению, что дом был уничтожен сильнейшим пожаром— крепостная стена, образующая заднюю стену дома, была вся черная от копоти. В засыпи рабочие н. ин. ш красивые черепки с архаическим узором, красным, желтым и коричневым, керамическую голову коровы с рогами и—самое интересное — огромный железный ключ с четырьмя зазубринами.

— Возможно, это ключ от Львиных ворот! — воскликнул Шлиман.

Стаматакис, жадно набрасывавшийся на каждую находку, негромко заметил:

— Ох уж эти энтузиасты! Один-единственный ключ нашел— и уже отпирает им тяжеленные ворота.

По Генри его и не слышал: он нашел в засыпи монеты, эллинскую и македонскую терракоту, высокие вазы с узким горлышком.

— Господин Стаматакис, — обратился он к стражу, — вы знаток классической древности. Когда, по мнению историков, Микены перестали существовать?

— В 468 году до нашей эры, когда крепость завоевали аргосцы.

— А вот взгляните на эти эллинские вазы и македонские монеты.

Стаматакис принялся внимательно рассматривать находки. Генри продолжал:

— В Микенах, очевидно, существовали более поздние поселения, и эллинские и македонские, которые можно отнести к третьему — первому векам до нашей эры. Когда Павсаний был здесь в 170 году нашей эры, эти места были уже давно необитаемы. Наши находки прибавляют по крайней мере еще лет двести к возрасту Микен.

В глазах Стаматакиса мелькнуло нечто похожее на уважение.

— Эллинские поселения—да. Керамика, которую вы здесь нашли, подтверждает это. Но македонских поселений в Микенах никогда не было.

Генри не стал спорить. Он был уверен, что видел в музеях точно такие высокие вазы и терракотовые фигурки, относящиеся к македонской эпохе. Но лучше не давить на Стаматакиса, не торопить его.

2

Солнце палило вовсю. Грязно, пыльно, вокруг ни единой травинки. Бухта Нафплиона далеко, и Генри очень не хватало утренних морских купаний. До девяти вечера не темнело. А поскольку копать начинали в пять утра, то рабочий день длился шестнадцать часов. Не было случая, чтобы хоть кто-нибудь не вышел на раскоп, не считая, конечно, больных, но почти никто не болел. Рабочий день был здесь длиннее, чем в Трое, однако Софья, тщательно укрытая от солнца, выдерживала его неплохо. Воды не хватало — в конце лета ручьи и колодцы пересыхали. И все же Иоанна Даси уберегала для своих постояльцев несколько литров драгоценной влаги, чтобы, вернувшись с раскопок, они могли принять душ. После душа Софья надевала легкое платье, Генри только снимал пиджак и оба спускались вниз на веранду, где их ждал ужин — холодный овощной суп, цыплята и холодные артишоки.

Генри и Софья стали своими в семье Дасисов. На раскопках работали все мужчины этой и окрестных деревень, даже шестнадцатилетние мальчишки. Теперь в каждой семье будет достаток. К Шлиманам не только чувствовали благодарность, их глубоко уважали. Генри и Софья отдавали распоряжения спокойно, вежливо. Греческие крестьяне с их независимым характером не потерпели бы грубых окриков.

— Одно меня беспокоит, — заметил Генри, когда они с Софьей сидели в тени маслины в саду Дасисов. — Наш хозяин Деметриос не умеет ни организовать работу, ни разумно распорядиться инструментом, я это понял еще в Тиринфе. Из-за него не только замедляется темп работы, он не годится и как подрядчик. Я плачу ему. драхму за каждый вырытый кубический метр земли. К сегодняшнему дню вырыто пятьсот кубометров. С людьми он расплатится, но самому не останется ничего. У него пропадет интерес.

— Почему бы не платить ему в конце недели премиальные? Ровно столько, сколько он надеется получить за работу. А среди рабочих наверняка есть кто-то посмышленее и порасторопнее его. Найди какой-то предлог, раздели рабочих на две группы и над одной поставь нового десятника.

— Так и сделаю. Скажу Деметриосу, что перевожу его на постоянное жалование, назову приличную цифру. Никакой обиды не будет.

Панайотису Стаматакису жилось несладко. Он как-то вскользь заметил, что не доволен ни комнатой, ни едой. О нем говорили, что он презирает аргосцев. Рабочие слышали его бесконечные препирательства с Генри и Софьей, видели, что он хочет остановить раскопки у Львиных ворот и сокровищницы. Пошли слухи, что он хочет сократить работы, потому и ставит палки в колеса. Значит, пропали их заработки. А ведь в кои-то веки выпала такая удача. Стаматакиса не только недолюбливали, он чувствовал себя настоящим изгоем. Если он что-нибудь приказывал, пусть даже не противореча Шлиману, рабочие делали вид, что не слышат. Это, однако, не уменьшало его прыти. Он поминутно дергал Софью и Генри, считая каждый их шаг антинаучным и опасным.

Важное открытие было сделано только через неделю. На этот раз повезло Генри: справа от Львиных ворот за крепостной стеной рабочие откопали маленькую каморку. Это жилище древнего привратника было высотой четыре с половиной фута, полом служила массивная каменная плита. Каморку расчистили к обеду, и Генри с гордостью показал ее Софье.

На глубине одиннадцати футов ниже уровня средней террасы рабочие Деметриоса откопали несколько простых каменных плит пяти футов высоты и трех футов ширины, стоящих вплотную друг к другу и образующих нечто вроде каменной изгороди. С места их сдвинуть было почти невозможно. Если все-таки удастся извлечь их из земли, что с ними делать дальше? В Трое подобных плит не находили. Каково их назначение?

— Вполне возможно, что сами по себе они не представляют никакой ценности, — сказал Генри, показывая их Софье. — Сомневаюсь, чтобы Стаматакис захотел спрятать их в свою кладовую. Пусть пока остаются на месте. Вот раскопаем весь акрополь, может, тогда что-нибудь и прояснится.

А на другой день сделала открытие Софья. Две группы ее рабочих, огибая стены дромоса, копали траншею навстречу друг другу. Они углубились на несколько футов, и тогда Софья велела им повернуть и рыть по направлению к сокровищнице, там она надеялась обнаружить вершину треугольника. Прошли всего несколько футов.

— Госпожа Шлиман! Вот он, мы нашли его! — вдруг закричал кто-то.

Софья стояла в нескольких шагах, осматривая грунт, который двое рабочих сбрасывали со склона холма. Она спрыгнула в

раскоп, добралась до его середины, протянула руку, и пальцы ее заскользили по вершине треугольника. Эти полые треугольники над входом всегда применялись при сооружении толосов, чтобы уменьшить давление на поперечную балку. В треугольную нишу обычно вставлялась декоративная или культовая скульптура, например фигуры львов над Львиными воротами.

Генри и на этот раз не ошибся, он точно указал, где находится вход в сокровищницу. Какая поразительная интуиция, не переставала дивиться Софья, это она привела его во дворец Приама, помогла найти клад, Скейские ворота, мощеную дорогу в Трою. Редкий, особый дар!

Генри подавил желание похвастаться своим ясновидением.

— Прекрасно, Софидион, прекрасно. Тебе удалось раскопать эту нашпигованную камнями землю всего за восемь дней. Я пришлю тебе в помощь несколько рабочих из бригады Деметриоса. Теперь двигайтесь вниз и отройте этот треугольник сколько возможно. Затем возвращайтесь обратно по дромосу. Землю сбрасывайте с холма вниз, копайте до тех пор, пока не появится основание стен и первоначальный грунт, на котором эти стены были построены.

— Слушаю и повинуюсь.

В последующие дни рабочие, раскапывающие акрополь, нашли диоритовый топорик, головки фигурок, изображающих Геру, тысячи черепков древнейших ваз, расписанных цветами, птицами, фантастическими животными: на одной была изображена лошадь с головой аиста и рогами газели. Кубки из белой глины и красные бокалы были похожи на троянские, найденные на глубине пятидесяти футов.

Стаматакис бережно укладывал каждый черепок в корзину, рабочие относили эти корзины к Львиным воротам и грузили на телеги. Под бдительным оком Стаматакиса их отвозили в Харвати, где он запирал их в кладовую.

— Хватит с меня этих глупостей, — сказал Генри Софье после ужина. — Я имею право осмотреть все найденные мной предметы и описать их в моем дневнике. Сию же минуту иду к нему.

Софья чмокнула его в щеку. Генри нежно коснулся губами ее глаз.

— Иди спать, Софидион. Ты копала сегодня с пяти утра. Софья пошла к лестнице, затем обернулась.

— Сделайте такую милость, не убивайте друг друга.

Она не слыхала, как Генри вернулся, спала крепко, покуда Генри не тронул ее за плечо в половине пятого.

— Когда ты вернулся? — спросила Софья, зевая спросонок.

— В два.

— Ну как? Обошлось?

— Начало было ужасное. Он заявил, что я не имею права ни осматривать находки, ни описывать их. Я показал ему условия лицензии, где черным по белому сказано, что я могу изучать и описывать все предметы, которые извлеку на свет божий. Он ответил: можете, но только в Афинах. Я не уступал, и он наконец сдался. Мы работали вместе четыре часа. Он даже стал помогать мне, счищать тряпочкой присохшую землю, чтобы легче было описывать находки.

— Слава Всевышнему! Но ты спал всего два с половиной часа. Разве так можно? Тебе ведь работать шестнадцать часов в таком пекле.

— Зимой отоспимся. Я сказал Стаматакису, что буду приходить к нему каждый вечер, пока все не сделаем. Он ответил: ценой моего здоровья.

Софью вдруг кольнула жалость к Стаматакису.

— Он не любит эту работу, жить ему тут не хочется, — сказала она тихо. — Нельзя требовать от него, чтобы он шел в ногу с человеком, который задался целью раскопать Микены и оставить свое имя в веках рядом с именами Атрея, Агамемнона, Клитемнестры, Эти ста. Стаматакис работает в августе 1876 года. Ты работаешь в XIII веке до нашей эры. В каком невыгодном положении этот бедняга!

Генри откопал еще несколько вертикально стоящих, грубо обтесанных белых плит. Он высказал предположение, что это надгробные камни. Но чтб иод ними и существуют ли могилы вообще, пока неясно: надо рыть еще глубже. Первое замечательное открытие Генри сделал 19 августа; он долго не находил ему объяснения, терялся в догадках. Футах в двадцати-тридцати от циклопического дома рабочие наткнулись на две больших, на этот раз, без сомнения, могильных, плиты с барельефами. Они лежали на одной линии с севера на юг в футе друг от друга. Генри позвал Софью, как обычно звал ее на раскопках Трои, если натыкался на что-нибудь особенно интересное. Стаматакис спокойно стоял неподалеку: на этот раз можно не беспокоиться— плиты тяжеленные, их не утащишь.

— Что ты нашел, Генри? Кладбище? — спросила Софья.

— Кажется. Но вот то ли оно, которое мы ищем?.. Одна стела —северная — высотой четыре фута и толщиной шесть дюймов была из мягкого известняка. Верхняя ее часть потрескалась, но нижняя сохранилась хорошо. Генри подробно разглядел высеченную на камне сцену охоты: на колеснице стоит охотник, держа в одной руке поводья, в другой — кинжал.

— Посмотри, Софидион, как выразительно передан

стремительный бег коня, ноги у него вытянуты в струну. А пес гонит летящего точно на крыльях оленя. Орнамент же имеет, скорее всего, символическое значение: спирали, круги, цепочка букв позади колесницы.

— Букв? Значит, мы нашли первые письмена микенцев?

— Об этом пока рано говорить. Возможно, это всего-навсего узор.

Вторая «надгробная стела», как окрестил эти камни Шлиман, сохранилась гораздо лучше. Высота ее равнялась шести футам, верхнюю часть также украшал линейный орнамент, а на нижней был высечен сидящий на лошади воин. В левой руке он держал кинжал, в правой—такое длинное копье, что оно доходил*) до головы жеребца. Тут же стоял еще один нагой воин, держа в руке обоюдоострый меч.

— Софидион, дорогая, это уникальное, совершенно бесценное изображение гомеровской колесницы. Она, оказывается, не полукруглая, как мы ее себе представляли благодаря античным скульптурам. Вспомни хотя бы древнюю колесницу, выставленную в Мюнхенском музее. Микенская колесница — четырехугольная, короб сидит точь-в-точь как сказано в «Илиаде»:

> Так говоря, отлетела подобная вихрям Ирида.
> Старец Приам повелел, чтоб немедля сыны снарядили
> Муловый воз быстрокатный и короб к нему привязали.

Эти стелы — первые свидетельства того, что мы действительно у порога Микен Агамемнона. Они относятся к тому же времени, что и львицы над воротами.

Поведение Стаматакиса было совершенно непредсказуемо. Генри попросил разрешения взять домой несколько интересных находок, и тот любезно согласился, хотя и взял расписку на каждый предмет. Но на другой день он опять кипел от ярости. Софья разделила рабочих—одна группа откалывала перекладину под треугольником, другая расчищала дромос, разбивая кирками твердую как камень землю, наполнявшую его доверху. Работа подвигалась успешно, скоро фасад сокровищницы, сложенный из гладко отесанных плит, уже купался в раскаленном мареве, как три с половиной тысячелетия назад, когда его воздвигли руки древних зодчих. И тут появился Стаматакис.

— Стойте! — закричал он. — Немедленно прекратите работу! Рабочие оперлись на свои заступы.

— Почему вы кричите, господин Стаматакис? — спросила

Софья.

— Я не кричу, а приказываю. И кажется, выражаюсь яснее ясного: нельзя срывать ни одного дюйма земли, поддерживающей фасад. Я настаиваю на том, чтобы рабочие принесли назад весь выброшенный грунт и снова засыпали эти плиты.

Софья на миг потеряла дар речи. Подумать только, всего несколько дней назад она жалела этого злосчастного молодого человека!

— Уж не перегрелись ли вы на солнце, господин Стаматакис? Вам ведь, наверное, известно, что работа археолога состоит в том, чтобы раскапывать, а не закапывать.

В ответ Стаматакис раскричался так, что даже рабочие Генри на акрополе его услышали.

— Это вы—археолог? Не смешите меня! Вы простая гречанка, позабывшая, где ей надлежит быть и как женщине приличествует себя вести!

— А вы. грек Стаматакис, истинный джентльмен и ученый.

— Меня ваши оскорбления не задевают. Посмотрите на эти каменные стены, которые вы только что обнажили. Разве они могут вынести внезапное соприкосновение с воздухом, после того как тысячелетия простояли под слоем влажной земли? Они потрескаются и рухнут.

— Довольно, Стаматакис, — сказала Софья, сердито тряхнув головой. — Посмотрите на фасад сокровищницы Атрея. Он не обрушился и стоит вот уже пятьдесят лет, после того как его откопал Вели-паша.

Загорелое лицо Стаматакиса побелело, несмотря на сорокаградусный микенский зной.

— Госпожа Шлиман. — холодно проговорил он, — я изо всех сил старался быть вежливым. Приказываю вам немедленно засыпать эту стену до самого верху. Я вызову сюда инженера, пусть он проверит сначала прочность кладки.

— Я уже проверила. Хотя связывающий материал — глина, но она здесь прочнее цемента.

— Вы проверили прочность кладки? Какая самонадеянность…

Стаматакис окончательно потерял над собой контроль. Софья перестала слушать. Он кричал минут десять. Она и не пыталась остановить его. Генри в крепости за Львиными воротами, услыхав крик, поспешил, спотыкаясь о камни, на помощь жене. Он застал заключительную часть гневной тирады. Наконец Стаматакис выговорился и, тяжело дыша, смолк.

Увидев мужа, Софья заговорила с ним, не понижая голоса, — пусть Стаматакис слушает на здоровье, что она о нем думает:

— Я сейчас же иду в Харвати и пишу письмо Археологическому обществу с просьбой, чтобы этого наглеца немедленно отозвали. Когда они узнают о его бессмысленном упрямстве, о том, как он груб со мной, его мечта наконец сбудется, и он проведет остаток летнего сезона на побережье.

— Согласен, — спокойно ответил Генри. — Твоих рабочих я возьму пока себе на акрополь. Вон стоит телега, возница отвезет тебя домой. Возобновишь раскопки, когда приедет инженер, о котором я просил, или получим разрешение из Общества.

И, повернувшись к Стаматакису, будто полоснул кинжалом:

— Если я увижу, что вы подошли к моей жене ближе чем на десять шагов, я вам голову оторву.

Стаматакис, ученый педант и белоручка, по прихоти судьбы оказался в этом аду и еще должен был надзирать за этими двумя безумцами. На другое утро он сцепился уже с Генри — его рабочие скалывали толстые надолбы с внешней стороны Львиных ворот. Надо было понизить уровень наслоений и выровнять подъездную дорогу. Шлиман зорко следил, чтобы рабочие киркой не задели циклопической кладки.

— Я запрещаю копать у Львиных ворот. Вы ослабите подпирающий грунт, львы упадут и разобьются.

— Я слежу за каждым блоком. Никакого движения в стенах за две недели не было. Стоят так же неколебимо, как два с половиной тысячелетия после гибели Микен.

Стаматакис не слушал.

— Вчера я остановил раскопку сокровищницы. Сейчас прекращаю раскопку Львиных ворот. Вы говорили, что хотите найти царские гробницы. Ну и искали бы, если они вам тут померещились. Скорее бы уж вы докопались до материка, может, тогда мы наконец расстанемся с этой богом забытой дырой.

Шлиман долго молчал. Наконец-то он начал понимать, в чем разница между кабинетным ученым, благоговейно листающим фолианты в тиши кабинета, и настоящим археологом, который проводит жизнь в поле, не боясь неудобств, умеет принимать смелые решения, которому знакомы и разочарование, и ни с чем не сравнимая радость открытий.

— А если я не послушаюсь ваших приказов?

— Я немедленно телеграфирую Археологическому обществу, чтобы оно аннулировало вашу лицензию. Как видите, и я могу оторвать вам голову.

Шлиман не верил, что Стаматакис пойдет на такую крайность, но разрешение на раскопки Микен были для него дороже жизни и он не мог рисковать.

— Ну что ж, до приезда инженера ограничусь раскопкой

акрополя.

Софья в жалобе, посланной в Афины, упомянула и это самоуправство Стаматакиса.

Поскольку работы у Львиных ворот и сокровищницы пришлось свернуть, Генри начал рыть на акрополе еще одну траншею в двухстах футах к юго-западу от ворот. Теперь в его распоряжении были все сто двадцать рабочих. Одна группа, самая многочисленная, раскалывала большой дом с множеством комнат. Еще одна наткнулась на стену, стоящую на другой стене, — обычное явление в Трое. Шлиман внимательно осмотрел обе стены и заключил, что верхняя относится к более позднему римскому укреплению. Эти постройки в шлимановском «учебнике истории» считались слишком молодыми и нисколько его не интересовали. Нижняя стена, как более древняя, могла относиться к микенскому поселению. А поскольку он исследовал доисторическое прошлое Микен, ценность для него представляла только она.

— Что будем делать, доктор? — спросил один из десятников. — Обойдем верхнюю стену или снесем?

— Снесем.

Стаматакис чуть не кувырком скатился с края раскопа.

— Не трогать ни единого камня!

Рабочие остановились, выжидательно глядя на Шлимана.

— Стена не имеет никакого значения, — спокойно сказал тот. — Nouveau arrive. Совсем молодое наслоение.

— Это для вас не имеет значения! — закричал Стаматакис. — Вы готовы разрушить все на своем пути. Но для археологов равно важны все древние постройки. Я запрещаю вам трогать эти стены.

Генри пожал плечами.

— Копайте вокруг стены, — обратился он к рабочим.

На другое утро Стаматакис проспал. Когда он поднялся на акрополь, римской стены уже не было, рабочие раскапывали нижнюю. Генри оставил Софью наблюдать за ходом раскопок, а сам с половиной рабочих стал копать за большим домом в поисках других строений.

Стаматакис воззрился на обломки разрушенной римской стены. Когда он заговорил с Софьей, голос его звучал до странного спокойно:

— Госпожа Шлиман, я запретил вашему мужу сносить эту стену.

Софья ответила столь же спокойно:

— Господин Стаматакис, мой муж — человек ученый. Римская стена мешала раскопкам. У вас мало практического опыта. А доктор Шлиман к тому же человек очень горячий; если

вы будете мешать ему на каждом шагу, он прекратит раскапывать Микены.

— Ваш муж готов уничтожить все, только бы откопать микенские стены. Древнегреческие и древнеримские вазы вызывают у него отвращение. Он обращается со мной как с невежественным варваром. Я тоже пошлю телеграмму министру просвещения и попрошу отозвать меня, раз я так мешаю господину Шлиману.

Стаматакис как сказал, так и сделал: отправился в Аргос и послал телеграмму.

На другой день, в воскресенье, деревушку Харвати посетил сам префект Аргоса. Он привез телеграмму от министра народного просвещения и дал ее прочитать Стаматакису. В ней говорилось:

«Немедленно поезжайте в Микены и скажите Стаматакису, чтобы он ни под каким видом не позволял сносить стены, каким бы временем они ни датировались. Для обеспечения надежного надзора запрещается производить раскопки в нескольких местах одновременно. Число рабочих должно быть ограничено. За каждое нарушение этих предписаний несет ответственность эфор».

Префект пригласил Софью и Генри в дом мэра Харвати Панайотиса Несоса. Он огласил содержание телеграммы, затем предложил всем подняться в крепость и показать ему, какие намечены работы. Шлиман отказался идти, он весь дрожал от едва сдерживаемой ярости.

— Я не признаю за Стаматакисом права вкривь и вкось толковать документ, собственноручно мной подписанный. Для меня эти раскопки дороже жизни. Никто не волнуется за их судьбу больше, чем я. Никто не потратил на них столько денег и времени. Теперь конец! Я прекращаю все работы.

Генри и Софья в тот вечер не ужинали. Сразу поднялись к себе наверх. В комнатах было жарко от заходящего солнца. Генри беспокойно ходил из угла в угол. Софья надела легкий пеньюар, устало опустилась на стул. Генри все ходил и ходил, но вот он остановился, пересек комнату и встал перед Софьей.

— Думаю, нам надо помириться со Стаматакисом…

— Ты прав.

— Я не могу бросать раскопки, в которых мы уже нашли столько интересного…

— Безусловно.

— Как же мне быть?

— Спрятать свою гордость, перейти через дорогу и помириться.

— Так и сделаю. Завтра утром съезжу в Аргос и уведомлю префекта, что раскопки будут продолжаться.

3

Раскапывая акрополь, Генри нашел еще несколько каменных плит, стоящих прямо. Стал проясняться замысел древних строителей: вертикальные плиты образовывали две дуги, внешнюю и внутреннюю; расстояние между ними равнялось трем футам. Тут и там лежали плиты поменьше, фута три длиной, тоже без орнамента—они, по-видимому, имели какое-то отношение к вертикально стоящим плитам.

— Здесь явно было двойное кольцо, — сказал Генри. — Вот увидите, скоро мы откопаем еще такие стоячие плиты, и круг сомкнётся.

В тот же день нашли еще две орнаментированные стелы; они уже, без сомнения, были каменными надгробиями. Так что же огораживало это двойное кольцо? Вновь найденные стелы стояли на одной линии с найденными раньше. Генри измерил их— ширина четыре фута, высота чуть более четырех. На первой был высечен воин в колеснице, державший поводья. Второй воин, по-видимому, пытался остановить лошадь, в руке у него было длинное копье, которое он, судя по всему, вонзил в тело возничего. Оба воина были нагие.

Вторую стелу нашли в девяти футах к северу от первой. По ее краям справа и слева шел бордюр; остальное пространство почти донизу было поделено на три равные полосы, две боковые украшал волнистый узор, напоминающий кольца змеи.

Назавтра было воскресенье: Генри не пошел в церковь слушать заутреню, а поехал в Нафплион. Он, видно, подхватил где-то цепня: такой диагноз, во всяком случае, поставили Дасисы, услыхав его жалобы: боли как при аппендиците, спазмы, колики, потеря аппетита, тошнота. Жизненная философия Генри в отношении болезней была очень проста: «Не обращай внимания, и все пройдет». На этот раз он, однако, решил наведаться в Нафплион к аптекарю, чтобы купить у него лекарство, изгоняющее паразита.

Еще он решил повидать художника, фамилию и адрес которого ему дали, и пригласить его на раскопки: хорошо бы он оказался таким же полезным в Микенах, как Нолихрониос Лемпессис в Трое. Перикл Комненос и Шлиман договорились обо всем очень быстро. Комненос, если понадобится, останется на раскопках хоть целый месяц. Он взял мольберт, кисти, бросил в

рюкзак кой-какую одежду и отправился со Шлиманом в Харвати. Увы, лекарства от цепня в Нафплионе не было.

В понедельник утром Перикл Комненос, захватив с собой все необходимое, поднялся на раскопки и начал копировать со стел не только рисунки, изображавшие колесницы, лошадей, охотников и воинов, но и линейный орнамент.

Софья получила из Афин ответ на свое письмо. Оно было от Ефтимиоса Касторкиса, который провел с ними неделю в Тиринфе. Письмо Софьи его огорчило, но, находясь далеко от Микен, трудно судить, нрав Стаматакис или нет. Он умолял Софью ради науки и Греции потерпеть Стаматакиса. Такие, как он, — неизбежное зло. Касторкис написал и эфору.

Софья надеялась, что письмо из Афин немного смягчит Стаматакиса и он даст им большую свободу действий. С согласия Генри она снова поставила своих рабочих раскапывать стены дромоса, ведущего к сокровищнице. В засыпи она нашла древние керамические изделия, покрытые геометрическим узором, грубые терракотовые фигурки женщин и коров — изображения Геры.

Стаматакис не протестовал. Он внимательно следил за вынимаемым рабочими грунтом и складывал терракоту в корзины. У Софьи теперь работало тридцать землекопов. Она откопала фасад сокровищницы и весь треугольник до каменной перекладины; кроме того, ее рабочие, вынув огромное количество грунта, очистили весь дромос длиной в сто двадцать футов.

Генри не возобновил работы у Львиных ворот. Он бросил всех рабочих на раскопку только что найденной стены, сложенной из небольших камней и, должно быть, уходившей глубоко в землю. Стена описывала такую же дугу, что и два ряда вертикальных плит, как бы окружая их. Некоторые плиты стояли прямо на ней, это, однако, не проясняло, какая между ними была связь. Всего отрыли около пятидесяти вертикальных плит, все вместе они составляли дугу, равную трети полной окружности.

Перикл Комненос, закончив рисовать надгробные стелы, обратился к вазам, терракоте, статуэткам, оружию и фигуркам животных. Чтобы сократить рабочий день Стаматакиса, Генри и Софья, оставив раскопки на десятников, уходили двумя часами раньше и вместе с Комненосом шли в кладовую эфора. Ненадолго вернулись счастливые вечера Гиссарлыка: очищали находки от земли, зарисовывали, описывали и вносили под соответствующим номером в дневник Шлимана. Потом возвращались к Дасисам, ужинали и поднимались к себе в комнаты, где Генри садился писать очередную статью для лондонской «Тайме», а Софья переписывала страницу за страницей, чтобы под рукой всегда была копия. Сама Софья начала цикл статей для ежедневной

афинской газеты «Эфимерис», проявившей интерес к раскопкам. Генри тоже послал в нее по телеграфу несколько заметок.

Неожиданно у основания первой орнаментированной стелы Генри обнаружил черную золу. В ней он нашел большую деревянную пуговицу, покрытую толстой золотой пластинкой, на которой были выгравированы заключенные в круг три меча и треугольник.

— Наше первое микенское золото!

Софья вертела пуговицу в руках, а Генри продолжал:

— Помнишь, как мы нашли первое золото в Трое, золотую серьгу в куске оплывшего металла? От волнения мы почти не спали в ту ночь. Я испытываю большой соблазн опустить эту золотую бляху в карман, но я сдержу себя.

Глубже под стелами появился серый пепел. Сначала Генри предположил, что это пепел, оставшийся после кремирования трупов; однако в нем были только кости животных, по-видимому, остатки ритуальных жертвоприношений.

Откопали еще несколько орнаментированных стел: самый интересный барельеф изображал обнаженного мальчика, стоявшего на колеснице (эта часть стелы была отколота). В левой руке мальчик держал поводья, правую вытянул вперед. Генри был в полном восторге, но и в не меньшем смущении. Он никогда не видел подобных орнаментов и барельефов на античной скульптуре.

— По-моему, мы открыли что-то совершенно новое, — предположил он, обращаясь к Софье, но на этот раз я не позволю обвинить себя в невежественном энтузиазме любителя. Пусть скажет свое слово Археологическое общество.

Не менее интересными были находки на раскопе большого циклопического дома, в северном конце второй траншеи, где рыли уже на глубине семнадцати футов, если отсчитывать от поверхности террасы. Шлиман нашел здесь золу от трупов животных и древесины, смешанную с костями главным образом свиней, а также множество черепков древних расписных ваз, формы для отливки украшений, целый склад бронзовых изделий: ножи, колеса, копья, секиры, заколки для волос; геммы из стеатита, оникса, агата, украшенные резными изображениями животных; на самой красивой, из красного оникса, была изображена антилопа, точно живая.

Тем временем раскопка стены из небольших камней и все новые вертикальные плиты не оставляли больше сомнений, что и стена, и два ряда плит образуют замкнутый круг. Шлиман знал, что изначально поверхность акрополя круто понижалась от Львиных ворот, стало быть, кольцевую стену возвели для того,

чтобы сделать насыпную площадку и тем самым выровнять поверхность акрополя. Иначе нельзя было установить плиты на одном уровне и в строго вертикальном положении.

Сидя у себя в комнате и внося очередную запись в книгу расходов, Софья про себя отметила, что в раскопки уже вложено двадцать тысяч долларов. Покончив с расчетами, отложив карандаш в сторону, она повернулась к Генри:

— А эта круглая терраса… Разве могут быть там царские могилы? Совсем близко от Львиных ворот?

— Я понимаю Павсания так, что он сам видел царские могилы, — проговорил в задумчивости Генри. — Но он не мог видеть надгробные стелы, которые мы откопали, поскольку к тому времени они уже были погребены под слоем земли и щебня толщиной двенадцать-четырнадцать футов. Из этого следует, что, если Павсаний не видел наших стел, значит, они не имеют никакого отношения к царским могилам.

В первой декаде сентября Софья со своими рабочими откопала весь треугольник до поперечной перекладины. Работа ускорилась тем, что Генри отрядил ей еще две телеги и мусор из дромоса вывозили теперь в два раза быстрее. Чтобы найти порог, надо было копать до материка. Но уже было ясно, что сокровищница Софьи почти не уступает размерами сокровищнице Атрея; наклонный ход был той же ширины и длины.

— Поскольку в толосах микенские цари хранили свои богатства, царская семья, по всей вероятности, имела туда доступ. Возникает вопрос: когда дромос и вход завалили этой огромной массой земли? И еще: были ли сокровища царя обязательными погребальными дарами или они переходили его детям, когда царь умирал?

— На эти вопросы было бы легче ответить, знай мы, чьи это гробницы, — ответила Софья. — Некоторые геометрические узоры напоминают, по-моему, узор на аттических вазах, которые считаются самыми древними в Греции. Не означает ли это, что дромос был засыпан землей в глубокой древности?

Когда поперечная перекладина была полностью отрыта, Софья измерила треугольник: основание его было более шести футов, высота более десяти. На перекладине Софья обнаружила следы декоративной группы, некогда украшавшей вход. Она надеялась, что, когда рабочие расчистят вход и она сможет войти под своды толоса, она найдет там эти древние скульптуры.

В середине сентября солнце все еще пекло немилосердно, сильный ветер нес пыль, от которой воспалялись глаза, и Софье пришлось надеть турецкий яшмак. Генри с каждым днем мучился все сильнее; и чтобы отвлечься, он сочинял особенно

высокопарные периоды. В заметках для будущей книги о Микенах он писал: «Несмотря на все эти неприятности, трудно представить себе что-нибудь более интересное, чем раскопки доисторического города, бессмертно прославившего себя: каждый предмет, даже простой черепок, открывает здесь новую страницу истории».

Благословенный мир, воцарившийся на акрополе после обмена письмами, просуществовал недолго. Раскапывая свой дромос, Софья наткнулась на три ряда каменных ступеней, идущих поперек хода. Шлиман высказал предположение, что эти ступени — порог эллинской виллы.

— Генри, я хочу перенести их отсюда, иначе нам дромос не расчистить.

— Конечно. Перенесите эти камни как можно осторожнее и сложите так, чтобы можно было потом определить, кто и когда их строил.

Но Стаматакис был уже тут, лицо его опять искажала ярость.

— Эй, рабочие! — закричал он. — Сейчас же прекратите копать! Отойдите от ступеней. Это предметы старины. Их нужно сохранить.

У Софьи не было никакого желания вступать в очередную перепалку. Она спокойно сказала:

— Господин Стаматакис, как вы предлагаете сохранить эти ступени? Их нужно перенести, иначе мы не расчистим дромос.

Глаза его метали молнии.

— Я их перенесу! Я сохраню их! Я пророю под ними туннель, подниму их все вместе и куда-нибудь поставлю.

— Но прорыть туннель под тяжелыми каменными ступенями невозможно. Они рухнут на вас, — сказал Генри. — Пусть госпожа Шлиман перенесет их отсюда, а на новом месте рабочие опять сложат их, как они были.

— Ни в коем случае! Чтобы перенести эти ступени, рабочие госпожи Шлиман должны их разъять. Ступени утратят свою ценность. Я передвину их целиком. Вы же знаете мои инструкции. Я отвечаю за каждый памятник древности.

Стаматакис ушел. Помолчав немного, Софья спросила:

— Что нам теперь делать?

— Во вчерашнем письме твоя мать пишет, что Андромаха простыла. Ты сказала, что хотела бы съездить на несколько дней в Афины, побыть с дочкой.

— Я сказала, что мне было бы легче, если бы я была рядом с ней.

— Сегодня вечером я отвезу тебя в Нафплион. И ты с завтрашним пароходом уедешь. Очень тебя прошу, выбери время в Афинах, повидай министра просвещения и нашего друга

Касторкиса из Археологического общества. Пусть они смилуются над Стаматакисом и освободят его, раз он считает

Микены ссылкой. И во имя какого угодно бога, заставь их прислать нам инженера.

Август укутал Афины теплым одеялом; сентябрь сменил его на легкую накидку. Экипаж поднимался вверх к Парфенону, и Софья вдыхала ароматный воздух, такой живительный после слепящей жары Микен. Когда свернули на улицу Муз, Софья вспомнила свои прежние возвращения из Трои. Вот так, верно, и будет теперь идти ее жизнь. После Трои Микены, после Микен Тиринф, после Тиринфа Орхомен. А после Орхомена куда?

Мадам Викторию порядком донимал ревматизм, но она все так же преданно ухаживала за внучкой. У пятилетней Андромахи все еще держалась температура. Встреча была радостная. Но позже Спирос по секрету сказал Софье:

— Андромаха больна не столько от простуды, сколько от разлуки с тобой.

Сердце у Софье оборвалось, она поняла тайный смысл этих слов: ты бросила свое дитя. Но ведь жене приходится иногда выбирать между мужем и детьми. Когда Андромаха совсем поправилась, Софья взяла вечером девочку к себе в постель: Андромаха очень любила спать с матерью.

— Мамочка, ты больше не поедешь в Микены? — спросила она.

— Поеду, маленькая. Совсем ненадолго, на две-три недели, пока не начнутся дожди. Мне очень нужно там быть. А на будущий год возьмем и тебя. В семействе Дасисов столько детей, ты будешь с ними играть.

Андромаха радостно захлопала в ладоши.

При первой возможности Софья побывала у доктора Скиадарассиса. Он дал ей рецепт от цепня: эфирный экстракт мужского папоротника и касторовое масло. Получив лекарство. Софья послала Спироса в Пирей, чтобы он с первым же пароходом, идущим в Нафплион, отправил Генри лекарство. Дня через два получили телеграмму:

«Цепень вышел: все сорок футов. Чувствую себя лучше».

Все Афины были взбудоражены положением в районах, населенных греками, но все еще находившихся под властью Турции, особенно в Фессалии. Черкесы, бежавшие от русского царя и поселившиеся в этих северных областях, нападали на греков и даже убивали. По афинским улицам проходили демонстрации, слышались возгласы: «Готовьтесь к войне!»

Спирос и младший брат Панайотис, без пяти минут студент университета, взяли ее с собой на митинг протеста в Пниксе, на

который собралось восемь тысяч афинян, чтобы послушать страстные патриотические речи университетских преподавателей. В голове Софьи мелькнула неуместная мысль, что им теперь никогда не вернуться в Трою и раскопки так и останутся незавершенными. Но, прочитав газеты, которые она не видела уже много недель, она поняла, что никакой войны не будет. Дальние провинции Босния и Герцеговина восстали против султана, и турки были заняты их усмирением.

Софья с жадностью слушала семейные новости: Панайотис решил изучать археологию, чтобы работать вместе с шурином. Спирос помог ей проверить бухгалтерские книги Генри; она передала ему приглашение мужа поехать с ней в Микены и руководить раскопками одной из групп.

Ей рассказали, что ее статьи в афинской «Эфимерис» были очень хорошо приняты. Она писала более сдержанно, чем Генри, не теоретизировала, не выдвигала идей, которые вызвали бы возмущение ученых археологов. Впервые на страницах афинской газеты появилась археологическая статья, написанная женщиной; мужская половина греческого общества простила ей только потому, что она была женой доктора Шлимана. Софья отправила письмо министру народного просвещения Георгиосу Милессису, старому знакомому Энгастроменосов. Милессис прислал с нарочным ответ: он будет счастлив принять ее завтра в десять часов утра.

Софья тщательно продумала свой наряд: надела костюм из розовой тафты и белую атласную блузку; длинная по щиколотку юбка понизу была отделана тем же атласом; белая бархотка оттеняла густой арголидский загар и яркий румянец на высоких скулах. В таком изысканном наряде она казалась степеннее, старше своих двадцати четырех лет.

Георгиос Милессис, человек заурядной внешности, не отличался красноречием; он многие годы был членом парламента от округа Кранидион на Пелопоннесе. Несколько раз наезжал в Микены, видел Львиные ворота, крепость с циклопическими стенами и гору, поднимающуюся над ней.

— Как я понимаю, у вас с инспектором Стаматакисом нелады, — сказал он, и по голосу нельзя было понять, на чьей стороне его симпатии.

— Да. Я бы хотела говорить об инспекторе Стаматакисе в самых умеренных выражениях, но поймите, наша работа в Микенах—это бесконечные скандалы и паузы. В высшей степени перспективный раскоп у Львиных ворот и сокровищницы…

— Я давно мечтал, чтобы их наконец раскопали!

— …прекращен. Если можно, пришлите нам более опытного

инспектора и, конечно, постарше, чтобы он не боялся каждую секунду потерять работу из-за того, что мы что-нибудь сделаем не так.

Георгиос Милессис повернулся вместе с креслом чуть ли не спиной к посетительнице. Когда он занял прежнюю позу, перед Софьей был государственный муж—невзрачные черты его лица одушевляло сознание власти.

— Эфор Стаматакис успешно наблюдал за строительством музея в Спарте. В числе трех новых инспекторов археологических раскопок он столь же успешно вел наблюдение за работами в Делосе. Он, вероятно, повинен в чрезмерном рвении и добросовестности, а ваш муж, чего греха таить, чрезмерно горяч.

— Значит, нет никакой надежды, что его сменят? — В голосе Софьи звучало чуть ли не отчаяние.

— Думаю, вы себе потом не простите, если из-за вас карьера этого умного, серьезного молодого человека будет погублена. Все же, если у вас есть несколько минут, я напишу эфору Стаматакису и попрошу его быть сдержаннее в обращении с вами. Я также попрошу, чтобы он больше доверял археологическим познаниям и чутью доктора Шлимана.

На другое утро Софья отправилась повидать Ефтимиоса Касторкиса, члена ученого совета Археологического общества. На этот раз она надела прелестное шелковое платье, отделанное кружевами. Здесь она повела атаку в другом направлении: почти не жаловалась на Стаматакиса, зато расписала как могла убедительнее их нужду в инженере-строителе, который дал бы компетентное заключение, где можно копать, а где нельзя.

— Я с вами согласен, госпожа Шлиман, это разумное решение проблемы. Один мой хороший знакомый, инженер по профессии, некто Карилаос Суидас, только что вернулся с Корфу—там у него дача. Попытаюсь уговорить его со следующим же пароходом из Пирея отправиться в Нафплион.

В глазах Софьи блеснули слезы — большей благодарности Касторкису было и не нужно.

Спустя несколько дней Софья получила от Генри телеграмму:

> «Инженер Карилаос Суидас, к моей радости, нашел стены сокровищницы достаточно прочными; Львиные ворота, по его мнению, тоже можно раскапывать. Браво. Твой любящий муж».

Спустя два дня пришла вторая телеграмма:

«Аргос, 30 сентября 1876 г.

Никаких раскопок в твое отсутствие производиться не будет. Жду тебя в Нафплионе в следующий понедельник. Приезжай во что бы то ни стало, иначе я умру. Шлиман».

Софья перечитала телеграмму и громко расхохоталась.

Но она не спешила с отъездом, не хотелось расставаться с Андромахой. Софья как в воду глядела. Из Арголиды пришла еще одна телеграмма:

«Оставайся в Афинах. Турецкое правительство приглашает меня в Трою показать раскоп дону Педро, Его величеству императору Бразилии».

Поездка Генри в Трою дала Софье еще три недели досуга, которые она провела с дочкой. Генри приехал в Афины 21 октября, чтобы поделиться впечатлениями о поездке и забрать Софью. Раскоп на Гиссарлыкском холме был совсем заброшен, ничья рука не касалась древних руин с тех пор, как Шлиман очистил от грязи траншеи; и все-таки Его величество дон Педро пришел в восторг, осматривая раскопки с томиком Гомера в руках и слушая объяснения Шлимана. Турецкое правительство было как будто благодарно.

Софья обещала Андромахе, что они скоро вернутся. Спирос уложил чемодан и отправился в Аргос вместе с сестрой и зятем.

4

Дожди начались на другой день после возвращения, к утру вся рабочая площадка была полна воды. Генри повел Софью к Стаматакису показать находки, сделанные без нее. Стаматакис, посвежевший и подобревший за три недели свободы, провел их через двор и отпер дверь. В кладовой было темно и сыро.

Больше всего Генри гордился черенком вазы, на котором изображены шесть воинов в полном облачении, уходящие воевать. На каждом панцирь, из-под которого видна рубашка с бахромой, в левой руке щит, в правой копье.

— Точно такие были воины Агамемнона, которых он взял с собой в Трою.

Когда они вышли из кладовой, дождь почти совсем перестал. Генри предложил надеть сапоги и попросить одного из сыновей Деметриоса отвезти их на раскопки в семейном фургоне.

Не доезжая до места, остановились и к сокровищнице пошли пешком. Генри довел Софью до начала дромоса. Софья сразу заметила, что Генри расчистил дорогу по ширине входа и углубил траншею почти на восемь футов. Чтобы полностью очистить дромос, надо было, по его мнению, копать еще десять футов.

— Я вижу, ты получил разрешение Стаматакиса передвинуть ступени.

— Как бы не так. Он все же настоял на своем. Сделал подкоп, они и рухнули. Пришлось оттащить их в сторону.

Генри также частично откопал входной проем длиной тринадцать футов.

— Я хочу, чтобы ты сама разобрала последнюю преграду. Это ведь твой самостоятельный раскоп. Спирос тебе поможет. Ты должна первая вступить в сокровищницу.

— Для меня это будет волнующий момент, — призналась Софья. — Интересно, был ли кто-нибудь внутри толоса с тех пор, как ход засыпали?

— Если только Вели-паша или какой-то другой грабитель до него рискнул спуститься туда на веревке через верхний пролом.

Вернулись к фургону и поехали дальше к Львиным воротам. Уровень подъездной дороги к воротам стал гораздо ниже, и открылся проем Львиных ворот шириной в шесть футов. Однако порог еще не был открыт. По обеим сторонам Львиных ворот высились огромные завалы. Софья поинтересовалась, почему он их не убрал. Генри с раздражением ответил:

— Не разрешило Археологическое общество. Обещали

прислать еще одного инженера, который поставит металлические подпорки к львам.

Он взял Софью под руку, и они первый раз вошли в Микенскую крепость через ворота. Направились сразу же на среднюю террасу. Генри считал, что это агора, но не рыночная площадь, а, скорее, место собраний, устроенное над кладбищем.

— Павсаний пишет, что в Мегаре так именно и строили ˆгоры: «чтобы могилы героев были в ее границах».

Раскоп достигал уже глубины двенадцати футов. Теперь Генри больше не сомневался, что это агора.

— Некоторые древние агоры были круглые. У Софокла в Царе Эдипе» сказано: «Артемида сидит на славном круглом седалище агоры». И Еврипид в «Оресте» упоминает «круг згоры». Кое-где стоячие плиты перекрыты поперечными. Возможно, это была гигантская круглая скамья, на которой восседал совет старейшин.

Генри повел Софью показать ей четыре новые шахты: две под резными надгробными стелами, две под простыми, без орнамента.

— Этими плитами отмечены могилы, и я их найду. Показал ей развалины здания, бывшего, по его мнению,

царским дворцом: было раскопано уже семь комнат, самая большая тринадцать футов на восемнадцать. В свое первое посещение Микен они поднимались на самый верх горы и видели там внешний дворик Атрея, откуда древний царь любовался своей сокровищницей. И теперь Софья в глубине души сомневалась, могут ли быть эти палаты дворцом Атрея и Агамемнона. Но вслух ничего не сказала: она знала, Генри способен поменять свое мнение на противоположное в тот момент, когда уже описывает находку в дневнике. Но ведь он ищет истину, блуждая в потемках доисторического времени, а кто до него туда заглядывал?

Возвратились в Харвати, переоделись. Дома ждала телеграмма: император Бразилии со своей свитой пожалует в Микены в воскресенье утром осмотреть раскопки. Едет он из Коринфа.

— Если дон Педро решит провести здесь воскресенье, надо устроить для него обед, — сказала Софья.

— Но в Харвати нет достаточно просторного помещения, чтобы вместить такую большую компанию, — заметил Генри. — Почему бы нам не придумать нечто из ряда вон выходящее… давай-ка наведем чистоту в сокровищнице Атрея, поставим там столы и устроим обед при свечах.

Софья громко захлопала в ладоши, точь-в-точь как маленькая Андромаха.

— Чудесно! Это будет незабываемый для дона Педро день,

если он такой, как ты мне рассказывал. Сокровищница на тебе, я придумаю меню, а Иоанна с дочерьми приготовят прекрасный обед.

Генри немедленно послал одного из сыновей Деметриоса в Аргос отправить телеграмму епископу Теоклетосу Вимпосу; он приглашал епископа в Микены отслужить молебен и пообедать с императором доном Педро. Ехать в Микены полдня, но Генри был так уверен в приезде Вимпоса, что снял ему комнаты в доме мэра Харвати.

Епископ Вимпос приехал в субботу. Генри и Софья повели его посмотреть сокровищницу Атрея. Он пришел в восхищение от ее архитектуры, от длинного хода, который вел к дверному проему, перекрытому на высоте семнадцати футов двумя огромными плитами из полированного камня.

Епископа провели в круглый зал, диаметр которого равнялся пятидесяти футам, такой же была его высота. Зал освещался только полосой света, падавшей из дверного проема.

— Этот купол сделан из хорошо обработанных плит твердой брекчии, которые уложены правильными сужающимися кольцами одно над другим с величайшей точностью, — объяснял Генри. — Плиты ничем не связаны и держатся лишь силой собственной тяжести. Начиная с четвертого ряда плит и выше в каждой видны правильно расположенные парные дырочки, во многих еще торчат остатки бронзовых гвоздей. У этих гвоздей были плоские головки, по всей вероятности — другое объяснение трудно найти, — на них крепились бронзовые розетки, украшавшие внутреннюю поверхность толоса. Гомер говорит:

> Все лучезарно, как на небе светлое солнце иль месяц.
> Было в палатах любезного Зевсу царя Алкнноя;
> Медные стены во внутренность шли от порога и были
> Сверху увенчаны светлым карнизом лазоревой стали… [29]

— Грандиозно! — глубоко вздохнув, воскликнул Вимпос— Но почему вы показываете мне сначала эту усыпальницу, а не ваши собственные находки?

— Всему свой черед, — улыбнулся Генри. — Ну, во-первых, потому, что именно здесь вы будете обедать с императором Бразилии. А во-вторых, я хотел узнать, сможете ли вы завтра утром, когда приедет дон Педро, отслужить молебен под этим куполом? Послушать вас, конечно, захочет вся деревня, а

церквушка в Харвати крохотная, и четверти желающих не вместит.

Взгляд Вимпоса скользнул вправо—там темнела четырехугольная камера, высеченная в скале. В ней царил непроглядный мрак, пол был покрыт метровым слоем истлевшего помета летучих мышей. Генри пробовал здесь копать, нашел огромную чашу, возле нее скульптуру из известняка. Как видно, в этой камере совершались ритуальные жертвоприношения. Но об этом он промолчал.

— Вы хотите, чтобы я отслужил молебен в этой сокровищнице или в гробнице, где обитали древние боги?

— Если это возможно.

— Вполне возможно. Я захватил с собой напрестольную пелену, свечи, кадило и чашу для святой воды. Но будет ли это благопристойно?

Генри и Софья промолчали.

— Какую религию исповедовали в Микенах?

— Политеизм.

— Прочитав вашу книгу «Троянские древности», я написал вам письмо, в котором советовал меньше думать о языческих богах и больше о христианском.

— Я предпочитаю не помнить об этом письме. Оно недостойно нашей дружбы.

Лицо епископа вспыхнуло.

— Принимаю ваш упрек. И чтобы досадное недоразумение навсегда забылось, завтра утром отслужу здесь молебен. Христос могущественнее Зевса. Завтра я освящу это языческое капище и обращу его в православный храм.

Дон Педро со своей свитой приехал утром. Следом за ним явились префект Аргоса и полицмейстер Нафплиона. Генри и Софья очень обрадовались, увидев, что императора сопровождает в качестве официального лица их старый друг Стефанос Куманудис, профессор философии Афинского университета и секретарь Археологического общества, благодаря которому были спасены многие древние памятники в Афинах: театр Диониса, стоя Аттала. Весь облик дона Педро дышал благородством. Крупная античной лепки голова, могучая грудь римского сенатора, грива седых волос, большие темные глаза.

Сейчас дону Педро было пятьдесят; на бразильский престол он вступил пятнадцати лет. Он был известен в Южной Америке как мудрый и просвещенный правитель. В 1850 году он запретил торговлю рабами, а пять лет назад освободил всех рабов [30]. Он ввел в стране прогрессивные реформы, был покровителем и поклонником наук и искусств, способствовал распространению

образования. Особенно было приятно Генри в доне Педро то, что он знал наизусть Гомера, читал его книгу о Трое и сам попросил турецкое правительство, чтобы раскопки в Трое ему показал доктор Шлиман. Подобно Генри, он был энтузиаст, любил выдвигать идеи и гипотезы, особенно в археологии.

Дон Педро и его друзья подъехали к сокровищнице в трех экипажах, которые Генри нанял в Аргосе. За императорским кортежем шли харватцы, растянувшись по извилистой дороге как паломники. Епископ Вимпос стоял за импровизированным алтарем, по обеим сторонам которого горели свечи, отбрасывая блики на красную пелену. Было очень красиво и таинственно. Генри подвел бразильцев к самому алтарю. Сам он, Софья, Стаматакис и Куманудис встали позади августейшего гостя вместе с префектом Аргоса и полицмейстером Леонардосом. За ними выстроились мэр Харвати и семья Дасисов. Вскоре все остальное пространство толоса заполнили сотни харватцев и жители ближайших деревень.

Епископ Вимпос произнес молебен, его худое лицо было серьезно и строго. Под сводом сокровищницы заклубился аромат ладана. Народу было так много, что негде было стать на колени, но епископ словно и не замечал этого. Он обращал языческое капище в православный греческий храм. Проповедь его была короткой: «Есть только один Бог, и Иисус сын его».

Епископ истово благословил толпу, точно хотел заглушить укоры совести—как-никак, он упразднил сегодня Зевса, Геру, Аполлона; и толос опустел. Пока Генри и Софья показывали дону Педро сокровищницу Софьи, Львиные ворота, стелы и могильные плиты на агоре, Дасисы укладывали длинные доски на деревянные козлы в центре толоса, устилали их самыми лучшими скатертями, ставили на столы самую лучшую посуду, собранную со всей деревни. Зажгли свечи, чередуя их с букетами осенних цветов. В два часа пополудни Софья рассадила гостей строго по чину, каждый сел на то место, где лежала карточка с его именем — Софья приготовила их накануне вечером. Дон Педро повернулся к Софье и восторженно прошептал:

— У меня такое ощущение, будто я собираюсь разделить трапезу с веками!

Епископ Вимпос благословил гостей и прочитал благодарственную молитву. Мужчинам подали узо, откупорили бутылки арголидского вина, наполнили бокалы. Женщины из Харвати устроили роскошное греческое пиршество: голубцы, фаршированные мидии, маринованные креветки, сухая соленая корюшка, баклажаны, тушенные с мясом, целиком зажаренный барашек, вареные цыплята, печень, тушенная в горшочках с

овощами, ветчина с макаронами, пудинг, а на десерт баклава, ореховый торт с чищеным миндалем и густой черный кофе. Дон Педро поднялся и провозгласил тост за короля Георга и королеву Ольгу, епископа Вимпоса, сопровождавшего его профессора Куманудиса, за всех женщин Харвати, приготовивших такое вкусное и обильное угощение, и за хозяев—доктора Шлимана и госпожу Софью Шлиман, «которые, — сказал дон Педро — подарили мне самый памятный день в моей жизни».

Генри сжал под столом руку Софьи. Они оглядели застолье и встретились с полным изумления взглядом Стаматакиса.

До сезона дождей оставалось совсем немного. Генри предполагал свернуть работы в середине ноября. Значит, впереди три недели—и всего семьдесят семь землекопов; Генри поставил несколько рабочих раскапывать Львиные ворота—он надеялся все-таки добраться до порога; дал небольшую группу и две телеги Софье и Спиросу; а остальным рабочим велел копать на агоре, внутри двойного кольца вертикальных плит. Он не был уверен, что царские могилы именно здесь… а вдруг все-таки он опять не ошибся! Он также улучил момент и припрятал несколько черепков, чтобы послать их в Лондон Максу Мюллеру.

Генри и Стаматакис решили перевезти в Харвати четыре стелы с барельефами, чтобы они не мешали раскопкам. До сих пор Генри рыл вокруг них, теперь же, когда стелы увезены, можно расширить площадь раскопа. Углубившись на три фута, сделали первую важную находку: две каменные плиты, лежавшие одна на другой, третья торчала вверх под острым углом. На горизонтальной плите нашли человеческую челюсть с тремя уцелевшими зубами.

Всю следующую неделю лил дождь. Несмотря на грязь, Генри продолжал раскопки, и в конце концов дошли до материка. Здесь Генри ожидал сюрприз, поднявший его дух: в монолитной скале была высечена четырехугольная, десять футов на двадцать, яма. Зачем было прорубать скалу, если не для… могилы? Копать было трудно — после ливня яма заполнилась дождевой водой. Но Генри, несмотря на все трудности, продолжал рыть и наткнулся на еще несколько плит, лежавших одна на другой.

Тем временем Софья одержала свою маленькую победу. Ее рабочие откопали порог входа и без особого труда вынули рыхлую землю, наполнявшую дверной проем; когда весь этот мусор был погружен на телегу, бригада прекратила работу, обступив полукругом Софью, — и она вошла во внутренний зал толоса. Помещение было залито мягким светом, падающим из пролома в куполе. Она не верила, что Вели-паша спускался через пролом внутрь; значит, она, должно быть, первый человек,

вступивший под своды толоса, с тех пор как его засыпали землей. Это ни с чем не сравнимое чувство удовлетворения, знакомое только археологу, она никогда не забудет.

Софья позвала рабочих, они вошли с заступами и лопатами и стали расчищать толос. Если сокровищница не разграблена, здесь могут оказаться интересные находки. Софья еще на лопате просеивала сквозь пальцы землю, которую потом ссыпали в корзины и относили на телеги. Ничего особенного не нашли, если не считать обломка синего мрамора, покрытого узором в елочку.

Приехал фотограф, один из братьев Ромаидисов, хозяев афинского фотоателье, и начал снимать раскопки и извлеченные из земли предметы. Генри был нужен инженер, который мог бы сделать план-чертеж раскопок. Полицмейстер Леонардос рекомендовал ему военного, располагавшего досугом. В пятницу 3 ноября Генри отправился за ним в Нафплион. Опять всю дорогу моросило. Договорились сразу же. Василиос Дросинос был человек умный и, по-видимому, неплохой специалист. Он читал статьи Шлимана в «Полемических листах» и восхищался его раскопками Трои. Дросинос без колебаний принял приглашение Шлимана.

На другой день, в субботу, рабочие Генри откопали плиту — «порог» Львиных ворот. Теперь на раскопках работало уже сто человек. Прямо на пороге нашли то ли бронзовый, то ли медный перстень-печать. На нем были выгравированы две молодые дамы, дивной красоты, как сказала о них Софья.

— Мне нравятся их прически, — прибавил Генри, — простые, но изящные. А позы! Сидят рядышком, а смотрят врозь.

Возле Львиных ворот нашли прозрачные красные камушки, просверленные насквозь, чтобы можно было снизать их в бусы, различные ритуальные фигурки, великолепно расписанный треножник, маленькое серебряное кольцо, кусочек свинца к форме цилиндра — гирька, как решил Генри, золотую серьгу, свитую из толстых золотых нитей и очень похожую на серьги, привезенные из Трои.

На плите, образующей как бы порог шириной в восемь футов, были видны колеи, выбитые колесницами, въезжавшими и выезжавшими из акрополя.

_ И все же я не уверен, что это колеи от колесниц.

Конечно, колесница могла проехать под Львиными воротами, но дальше ведь ехать некуда. Склон горы очень крут, а между агорой и внутренней циклопической стеной слишком мало места.

В понедельник приехал Василиос Дросинос и не медля приступил к топографической съемке. Выглянуло солнце, грязь просохла, и работа снова пошла быстрее. Генри вернулся к

высеченной в скале могиле. На глубине девятнадцати футов в слежавшемся слое нашли вторую деревянную пуговицу, покрытую золотой пластинкой с резным узором. Стала попадаться одноцветная, очень яркая керамика, черная и красная, похожая на ту, что находили в нижнем городе при раскопках Трои.

В последующие два дня Генри нашел двенадцать золотых пуговиц, несколько золотых листьев, множество человеческих костей и тут же кости свиней, большой топор и еще несколько одноцветных доисторических ваз. В северном углу шахты пришлось остановить работу — над ним как раз проходил двойной ряд вертикальных плит.

— Я боюсь тут копать, можно нечаянно его разрушить, — сказал Генри Дросиносу.

— Вы правы, лучше оставить этот ряд in situ.

— Мне кажется, в этой могиле побывали грабители. Взяли все ценное, а ненужное кое-как побросали обратно. Наверное, поэтому мы нашли здесь лепную керамику вперемешку с гончарными изделиями. А может, когда ставили кольцевую стену из плит, из этой могилы сначала все вытащили, а потом как попало свалили обратно.

Опять пошел дождь. Генри отправил Софью домой под крылышко Дасисов, а сам вернулся к первой могиле. На дне шахты уже собралась вода, скоро здесь будет глиняное месиво. Генри расстроился, он был уверен, что найдет здесь человеческие останки.

Как только дождь прекратился, он начал раскапывать новую площадку над монолитной скалой, отмеченную простой, без орнамента пятифутовой плитой. Эта площадка находилась в двадцати футах к востоку от первой могилы. К полудню следующего дня, субботы, достигли каменных стен второй могилы, засыпанной чистой землей. Над головой опять собирались тучи, под ногами рабочих чавкала грязь.

— Нет никакого смысла продолжать раскопки, — сказал Генри Софье. — Завтра утром свернем все работы и в понедельник вернемся в Нафплион.

— Да, делать нечего. Возобновим раскопки ранней весной. Чтобы наметить объем работ на весну и лето, Генри решил определить местонахождение еще двух шахтовых могил, докопаться до каменных ящиков, высеченных в скале. Он поставит нескольких рабочих раскапывать еще одну площадку, где он нашел неорнаментированные плиты. Другая бригада раскапывала место на агоре с более темной землей, по-видимому откуда-то принесенной. Генри очень надеялся, что именно здесь он найдет четвертую могилу и что эта огромная терраса,

обнесенная двойным кольцом вертикальных плит. — действительно некрополь.

Генри просил рабочих копать как можно быстрее, обещая дополнительную плату за работу в воскресный день. Рабочие заразились его энтузиазмом. На поверхность появились обломки надгробных стел и раскрашенная керамика. К вечеру углубились уже на тринадцать футов в глубь скалы и на двадцать пять от первоначального уровня. Появилась новая трудность: как убирать из шахты мусор? Лейтенант Дросинос из толстых веток сколотил лестницы и приделал к корзинам заплечные ремни. Теперь рабочие смогли выносить мусор наверх, где его после просеивания ссыпали на телеги.

Углубившись еще на два фута, натолкнулись на нечто совершенно новое — явно чужеродный слой крупной речной гальки. Генри приказал рабочим отложить в сторону ломы и заступы и дальше рыть с помощью ножей. Скоро установили границы галечного настила. Длина его равнялась пяти футам, ширина — трем. Софья спустилась в шахту, посмотреть, что там за переполох.

— Как по-вашему, что означает этот галечный слой? — спросил лейтенант Дросинос Генри. — Он явно уложен руками.

Генри с минуту раздумывал.

— Пока его не снимем, трудно сказать. Прошу вас, друзья, отложите всю гальку в сторону. Работайте очень осторожно и только руками.

Когда галька была аккуратно снята и уложена вдоль четырех стен, открылся тонкий слой черной золы. Софья уловила блеск желтого металла. Инстинктивно она протянула руку, засыпала пеплом блеснувший металл, встала и сказала Генри как ни в чем не бывало:

— Пайдос. Уже поздно. Становится темно. Пора отпустить людей.

Генри почувствовал в ее голосе волнение.

— А завтра пусть приходят?

— Да.

— Прекрасно. Позвать Стаматакиса?

— Было бы очень разумно.

— Лейтенант Дросинос, пожалуйста, позовите сюда Стаматакиса.

Когда они остались вдвоем на дне могилы на глубине двадцати семи футов под агорой, в густеющих сумерках. Генри шепотом спросил:

— Что там?

Софья поманила его, и он опустился рядом с ней на колени.

Осторожно смахнули они слой пепла — и вот их изумленным взорам открылась большая золотая пластина. Продолжая смахивать пепел подушечками пальцев, они обнаружили еще несколько золотых пластин. Сняли одну за одной, пластины прикрывали грудную клетку скелета. Тяжело дыша, но не произнося ни слова, они сняли золотую пластину с головы, и на них глянул полуистлевший череп. Счистили пепел с черепа и нашли еще несколько золотых пластин, толще первых и соединенных серебряной проволокой. Скелет лежал головой на восток, ногами на запад. И Софья вдруг вспомнила—так лежал в могиле ее отец.

Охрипшим голосом, который Софья едва узнала, Генри проговорил:

— Вот она. первая царская могила. Это наш первый почивший тысячелетия назад монарх!

Софья не могла унять дрожь. В этой могиле много места, наверное, тут не один мертвец… Скатившись по шаткой лестнице на дно могилы, Стаматакис бросил взгляд на золотые пластины, костяк и тихонько присвистнул, все еще не веря. Генри тотчас начал распоряжаться:

— Золото надо убрать отсюда сегодня вечером. Стаматакис согласился.

— Нужен большой кусок мягкой ткани. Лейтенант Дросинос, не найдете ли что-нибудь подходящее?

Генри начал снимать золотые пластины со скелета уже почти в полной тьме. Лейтенант Дросинос вернулся с куском шерстяной ткани. Когда все золото было осторожно сложено, Генри попросил Дросиноса обвязать узел веревкой. Затем вручил этот непрезентабельный груз Стаматакису.

— Сейчас мы все едем к вам. Я хочу пронумеровать каждую пластину. И получить на все расписку.

Стаматакис счел это разумным. Генри попросил его поставить к могиле охрану.

— У меня нет охраны.

— Тогда я попрошу Деметриоса и Аякса, они сделают это для меня.

Когда они вернулись в дом Дасисов, все уже давно пообедали. Иоанна оставила для них на плите два горшка. Сели ужинать, но было не до еды. Деметриос и Аякс, ни о чем не спрашивая, захватив с собой ружья, сели на осликов и отправились в крепость. Генри не объяснил им, что они будут караулить, но они понимали — что-то очень важное. Чтобы не замерзнуть холодной ноябрьской ночью, взяли с собой одеяла.

Генри и Софья проговорили за полночь. Не могли заснуть,

так были взволнованы. О возвращении в Афины не могло быть и речи. Софья забылась коротким сном уже на рассвете. Генри, как она догадывалась, не спал совсем.

С первыми лучами солнца они уже были на раскопе. Да и Стаматакис на этот раз не проспал. И тут же нашли еще золото, которое вчера в темноте не увидели: пять великолепных крестов, каждый из четырех золотых лавровых листьев, четыре витых золотых ожерелья и несколько отдельных золотых листьев. Все это Софья занесла к себе в блокнот, как, впрочем, и Стаматакис, и передала ему, получив от него расписку.

Генри распорядился, чтобы рабочие начали расширять стены могилы. К одиннадцати утра раскоп достиг двенадцати футов в ширину и двадцати одного в длину: открылись стены, выложенные камнем на высоту десяти футов, со следами копоти. Начался дождь и опять прогнал их из шахты. Остаток дня Софья провела за тем, что сшивала вместе с женщинами куски брезента — раскоп надо было предохранить от воды. Вечером Деметриос и Аякс отвезли брезент на акрополь и накрыли им отверстие шахты.

Дождь лил весь вторник, Генри метался по комнатам наверху, как загнанный в клетку тигр, призывая на голову бога дождя все кары, какие можно придумать на восемнадцати языках. Софья пыталась успокоить мужа, но безуспешно.

В среду солнце появилось и слегка подсушило Микены. Брезент помог — воды в раскопе было совсем немного. Генри спустил в шахту столько людей, сколько могло поместиться в ее тесном пространстве, дав им задание рыть слева и справа от галечного слоя, под которым они нашли первого доисторического покойника. Первые два фута осторожно копали кирками и лопатами. Как только показались еще два галечных слоя, Генри отправил рабочих на другие площадки. Он, Софья и лейтенант Дросинос аккуратно сняли гальку и отложили ее в сторону. Стоя на четвереньках, Генри и Софья осторожно убрали пепел и нашли еще два полусожженных костяка, покрытых золотом. У Генри перехватило дыхание. А Софье вдруг стало жутко. Она ведь на дне могилы, сырой, мрачной могилы, в которой больше трех тысячелетий назад были похоронены древние цари. Имеет ли она право нарушать их вечный сон? Чем отличается она от осквернителей праха? Обыкновенных грабителей могил? Того, кто потревожил прах, говорят, ожидает страшная кара.

На каждом черепе было по пяти массивных диадем, каждая длиной девятнадцать дюймов, шириной в середине четыре дюйма, скрепленных вместе медной проволокой. Эти диадемы ничуть не похожи на те две, троянские, представлявшие собой ободок с множеством висящих цепочек. Просеивая пепел, нашли

еще девять золотых крестов. Затем пошли предметы, имеющие сходство с троянскими находками: обсидиановые и бронзовые ножи, осколки большой серебряной вазы с медным устьем, покрытым толстым слоем позолоты и резьбой, серебряная чаша, множество черепков искусно расписанной лепной и гончарной керамики, несколько терракотовых треножников. Для Генри самой важной находкой были две фигурки с рогами—культовые изображения Геры.

— Это доказывает, — воскликнул он, — что уже в самой глубокой древности здесь поклонялись Гере в этом ее образе!

Софья услышала, как Стаматакис буркнул себе под нос:

— Ничего подобного это не доказывает. Почему бы вам не заниматься своими находками, а теории оставить тем, кто знает границу между гипотезой и фантазией.

Генри поблизости не было, и он не слыхал этих слов эфора, но Софья наградила Стаматакиса уничтожающим взглядом.

Небольшие костры, разложенные древними могильщиками на нижнем настиле гальки, сожгли только плоть — кости остались целы. Но только Генри дотронулся до скелетов, они рассыпались — так они пострадали от дождя. Все уцелевшие кости Генри собрал — получилось не больше, чем от трех скелетов, найденных в Трое.

— В Трое сожгли Гектора и Патрокла, но огонь пощадил их кости, — размышлял Генри на обратном пути в Харвати. — В Микенах укладывали своих усопших владык между двумя слоями гальки и разжигали под ними слабый огонь, чтобы сгорели только плоть и одежда. Скорее всего, это диктовалось санитарными соображениями.

Стаматакис его не слушал.

— Вечером отправлю телеграмму в Афины, — объявил он, — пусть немедленно пришлют помощников, чтобы помогли составить каталог находок. И еще потребую прислать солдат для охраны золота. Я отвечаю за все. Вдруг что-нибудь будет украдено.

— Надеюсь, ни я, ни госпожа Шлиман не входят в число подозреваемых, господин Стаматакис? — с улыбкой отозвался Генри.

5

Подобных волнений в их жизни еще никогда не было. Генри почти всю ночь писал статьи для лондонской «Тайме». Софья — очередную статью для афинской «Эфимерис». Когда она наконец

заснула, ей приснился кошмар: она в ловушке, на дне глубокой могилы, и никак не может оттуда выбраться. Полуистлевшие черепа древних царей обросли плотью и таращатся на нее:

— Кто ты? Зачем потревожила наш покой? Дом Дасисов бурлил. Золота в Харвати никто не видел. Но все знали, что в могилах найдены древние скелеты. А в памяти народа жило предание, что, если могилы микенских царей когда-нибудь раскопают, в них окажутся несметные сокровища. Все видели, как Стаматакис шел но Харвати, прижимая к груди какой-то узел. Здесь, как и в Троаде, люди не сомневались— первое золото далось в руки не кому-нибудь, а доктору Шлиману и госпоже Софье.

Спирос кончил расчистку круглого зала сокровищницы Софьи —и она и Генри должны были признать, что грабители сюда наведывались, — и Ромаидис сфотографировал Софью. В теплом шерстяном жакете, отделанном шнуром, длинной юбке и черной шляпе она стояла перед огромным входом под треугольной нишей, ее рабочие сгрудились в центре зала, из расщелины сверху на них сеялся солнечный свет. Фотография была опубликована во многих газетах, и откопанный Софьей толос стал называться «Сокровищницей миссис Шлиман», пока не был официально наречен «Гробницей Клитемнестры». Несмотря на дожди, Генри продолжал раскопки. Начали отрывать третью могилу. Дело оказалось нелегким—две простые без орнамента плиты, отмечавшие эту могилу, были придавлены огромными кубической формы глыбами. На глубине трех футов рабочие наткнулись на две большие горизонтальные плиты, а пятью футами ниже еще на три такие же плиты. Генри не сомневался, что их возложили на могилу последующие поколения, чтобы место захоронения не стерлось со временем в памяти людей.

— Видите, с каким почтением относились древние к этим могилам. Первоначальные надгробья постепенно уходили под землю, но местонахождение могил было так хорошо известно, что их снова и снова отмечали надгробным камнем.

Стремясь найти выдолбленную в скале могилу, рабочие преодолевали огромные завалы многовековых наслоений. Глубина достигала уже тридцати футов, землю поднимали наверх в корзинах. В засыпи нашли несколько мужских скелетов без всяких украшений и погребальных даров, а также множество клинков и осколков ваз; кости скелетов совсем истлели, их невозможно было поднять наверх.

— Скорее всего, царские телохранители, — заключил Шлиман. — Известно, что в некоторых средиземноморских странах вместе с царями хоронили слуг, рабов и телохранителей.

В одном месте пришлось рыть под нависшей скалой. Шлиман обещал рабочим дополнительную плату за каждую пусть даже самую пустяковую находку. В скале была глубокая трещина, но именно под этой скалой оказалось много древних истиц, и двое рабочих то и дело ныряли под нее и возвращались все с новыми и новыми находками. Наблюдая за ними, Генри заметил, что трещина вдруг раздалась. Он бросился к рабочим, успел оттащить их шага на два, и в тот же миг скала с ужасающим грохотом рухнула. Брызнувшие в стороны осколки сбили всех троих с ног. Софья бросилась к Генри, помогла ему подняться на ноги.

— Все хорошо, дорогая. Ни одной царапины. И рабочие, слава богу, отделались только испугом. Помнишь Трою? Нет, счастье еще не изменило нам.

Следующие два дня лил такой дождь, что на улицу нельзя было высунуть носа. Шлиман попросил у Стаматакиса позволения сфотографировать и описать золотые инталии [31] для своего дневника. Стаматакис был непреклонен.

— Я поставил перед кладовой круглосуточную охрану и приказал не пускать никого, даже если я сам дал разрешение.

В первый же погожий день Генри откопал вход в третью могилу, она оказалась девятью футами ниже тех совершенно истлевших скелетов. Неделю назад он окончил раскапывать вторую могилу, и вот перед ним снова крупная речная галька, под ней слой белой глины. Как и в других могилах, стеньг были выложены каменной кладкой, а на высоте от десяти до шестнадцати футов по стенам шли выдолбленные уступы. Софья, Спирос и лейтенант Дросинос осторожно сняли два верхних слоя. Под белой глиной обнаружили три скелета, буквально осыпанных золотом: золото кое-где оплыло и закоптело. В смятении—будто закружило внезапно налетевшим вихрем—смотрели они на останки древних владык.

Стоя на коленях, Генри внимательно разглядывал останки. Но вот он поднял глаза на Софью, стоявшую по ту сторону траурного ложа, и взволнованно проговорил:

— По-моему, эти три скелета — женские. Видишь, какие мелкие кости, маленькие зубы. Вот эта похоронена в старости, зубы у нее не все и плохие. Да, можно с полным правом сказать—древние кремировали своих покойников, потому что тела явно сожжены. На стенах могилы видны следы огня и копоти от погребального костра.

Нашли сначала десятки, потом сотни толстых золотых бляшек диаметром два с половиной дюйма на три, украшенных разнообразным орнаментом. Собрали все бляшки и подсчитали—их оказалось ни много ни мало семьсот штук. Они валялись

поверх скелетов, под ними, вокруг них.

— Большую часть этих золотых бляшек рассыпали на дно могилы перед тем, как сложить погребальный костер, остальные, скорее всего, положены на полусожженные останки после того, как огонь погас, — заметил Генри.

Эта шахтовая могила была всего четырех футов глубиной. Ее раскопали полностью. Сверху сеялся свет холодного ноябрьского солнца. Смахнули пепел с одной бляшки, с другой и залюбовались—как искусно выбиты на них разнообразные узоры: цветы, листья, бабочки, меднДровый узор — как на могильных плитах, не то осьминоги, не то каракатицы с восьмью ногами, изогнутыми спиралью.

Следующую находку сделала Софья: распавшееся на три части ожерелье. Каждая представляла собой резной драгоценный камень — инталию: на первой Геракл убивает немейского льва, на второй два сражающихся воина, на третьей—лев поднялся на задние лапы и стал передними на выступ скалы. Это ожерелье, казалось, было древнее тех, что были найдены в Трое.

— Но я нигде не читала, что в Арголиде когда-нибудь добывали золото, — сказала Софья. — Откуда его столько у древних греков?

— Возможно, победив Трою, они стали вести обширную торговлю с востоком, плавая по Эгейскому и Средиземному морям. Эти драгоценности могли быть куплены уже готовыми, но микенцы могли ввозить и золотые слитки. У них ведь наверняка были свои ювелиры. Взгляни, какую прелесть я только что нашел: не то кузнечики, не то сверчки на золотой цепочке, целый десяток.

Они копали и просеивали грунт, простаивая часами на коленях по обе стороны погребального костра, и все это время Стаматакис не спускал с них холодного, настороженного взгляда. То и дело кто-нибудь восхищенно вскрикивал: чего только не таила в себе эта древняя земля — золотые грифоны, лежащие львы, олени с ветвистыми рогами, сферические украшения, сердечки, филигранной работы броши, орнамент, изображающий двух женщин с порхающими вокруг голубями, каракатицы, летящий золотой грифон.

— Многие украшения имеют отверстие, — заметила

Софья. — Это или частицы ожерелий, или брошки, которые прикалывали к платью.

Генри ничего не слышал от волнения: на голове одного скелета он увидел великолепную золотую корону. Она потемнела от огня, и все-таки это была самая прекрасная их находка. Корона представляла собой обруч, покрытый барельефным узором из

концентрических кругов; к обручу были прикреплены тридцать шесть больших золотых листьев.

— Замечательнейший образец ювелирного искусства, — прошептал ей Генри. — Подойди ко мне. На концах короны есть маленькие дырочки и куски тонкой проволоки, которыми она крепилась на голове. Я хотел бы взглянуть на тебя в этой короне, пока Стаматакис не отобрал ее у нас.

Софья присела рядом, и Генри надел ей на голову корону, так что тридцать шесть золотых листьев встали как нимб.

— Эта корона красивее троянских диадем. Я буду настаивать, чтобы мне разрешили сфотографировать тебя в этой короне в кладовой Стаматакиса.

Эфор услыхал последние слова Генри.

— Никаких фотографий золота, пока мы не перевезем все сокровища в Афины, — вмешался он.

Генри смерил его уничтожающим взглядом, Софья вернулась на свое место и снова принялась раскапывать землю руками. Скоро и она нашла золотую диадему.

— Генри, — воскликнула она, — внутри пристал кусочек черепной кости. Можно его оторвать?

— Не смейте ничего трогать, — приказал Стаматакис. — Что с этим делать, будет решать Археологическое общество.

Они провели весь день в этой, по словам Генри, «самой богатой золотой копилке в мире». Нашли еще пять диадем. Осторожно смахнули щеткой черный пепел, все еще покрывавший их. Тут же Софья раскопала еще две диадемы. Всего в тот день было найдено девять золотых диадем.

— Это, должно быть, могила цариц. — У Софьи перехватило дух: только вообразить себе, что они откопали!

— Одна царица. Остальные принцессы, все они похоронены одновременно. Это не Клитемнестра, микенцы похоронили ее за городской стеной. Они считали, что прах ее осквернит акрополь. Интересно, как далеко в глубь тысячелетий мы заглянули? Во времена Атрея? Пелопса?

В золе Генри нашел две большие золотые звезды, два креста, скрепленные посередине золотой заклепкой. Возле одного скелета лежала золотая брошь, изображавшая женщину в профиль с протянутыми руками. Смахнув с нее землю и пепел, Генри показал брошь Софье.

— Это—гречанка, — внимательно вглядевшись в изображение. сказала Софья, — Нет никакого сомнения. Посмотри на профиль: лоб и нос составляют как бы одну линию. А эти огромные глаза…

— Почти такие же, как у тебя, — улыбнулся Генри. Софья

подняла глаза — Стаматакис бережно укладывал золотые находки в мешок и не смотрел на нее.

— А какая пышная грудь! — прошептала она. — Только воздержись, пожалуйста, от дальнейших сравнений.

Просеивая золу, они не переставали изумляться богатству погребальных даров: золотые серьги, ожерелья, шесть запястий, двое весов, детская маска с прорезями для глаз, сильно пострадавшая от времени.

— Значит, в этой могиле был сожжен и ребенок, — заключил Генри, держа маску в руках. — Павсаний рассказывает об этом обычае древних. Возможно, ребенок умер вскоре после матери. Однако детских костей здесь нет.

Софья откопала два скипетра — еще одно доказательство, что найдены царские захоронения. Скипетры были серебряные, обложенные золотой пластиной, рукоятки выточены из горного хрусталя. Затем последовали еще золотые находки: гребень с костяными зубьями, золотые и янтарные бусины, броши, кубок с изображением рыбы, золотая шкатулка с хорошо пригнанной крышкой. Генри нашел в золе красивую сферическую вазу с двумя ручками, еще три кубка с крышками, серебряную вазу без всяких украшений, серебряный кувшин и такой же кубок.

Последняя находка этого дня представляла собой загадку. В изголовье всех трех могил лежали медные ларчики, наполненные гнилым деревом.

— Я думаю, — высказал предположение Генри, — что эти ящички клали под голову усопшим, наподобие алебастровых валиков древних египтян.

Глядя на все это золото, Стаматакис вдруг страшно перепугался. Он один отвечает за эти бесценные находки! А вдруг их украдут. Спрос будет с него. Это погубит его карьеру! Прислонившись к стене шахты, он тяжело дышал — ему ведь тоже пришлось покопаться в земле.

— Доктор Шлиман, приказываю немедленно прекратить раскопки! — объявил он свое решение.

— Прекратить? — Генри удивленно взглянул на присевшего рядом Стаматакиса. — И это когда древняя земля открыла нам свои кладовые?

— Именно. Это же бесценные сокровища! Нужна охрана. Не могу я один нести такую ответственность. Необходимо вызвать сюда губернатора.

— Какая чепуха! Мы с вами самая надежная охрана. Отсюда не может исчезнуть ни грана золота. Кроме того, в данном мне разрешении о губернаторе не говорится ни слова.

— Знаю. Это я, эфор, вам приказываю.

— А я не обязан выполнять ваши приказы. Если вам нужен губернатор, можете его звать.

Стаматакис полез наверх, с большой неохотой покинул раскопки и поспешил отправить телеграмму в Нафплион и Афины, еще раз умоляя прислать для охраны золота солдат.

Невозможно было дольше таить от жителей Харвати. что в царских могилах найдены несметные сокровища. Слишком много вокруг ушей и глаз. Стоило только взглянуть на Шлиманов: их лица сияли гордостью победителей. Не только семейство Дасисов, но и весь поселок глубоко почитали Генри и Софью, разгадавших трехтысячелетнюю тайну Микен. Деметриос Дасис. гордый, независимый грек, низко поклонившись Генри, сказал:

— Я был неправ. Так же. как все. Мы говорили, что на акрополе нет царских могил. А ведь я мог бы и убедить вас в этом.

— Нет, Деметриос. Помнишь, ты сказал мне: «Уж если там что-то есть, доктор Шлиман это отыщет».

Назавтра начали раскапывать четвертую могилу. Она не была отмечена надгробной плитой, но грунт здесь был гораздо темнее, чем на всей агоре. Несколько раньше группа Софьи откопала в этом месте, на глубине двадцати футов, сложенный из циклопических глыб алтарь диаметром шесть футов и высотой в четыре фута. Генри тогда попросил ее приостановить работы, пока он не закончит раскопку третьей могилы. И вот теперь он отрядил большую группу рабочих, чтобы они осторожно разобрали алтарь — его предстояло переправить в Афины и заново там собрать. Как только огромные камни были убраны, Генри со своей бригадой начал копать.

Календарный листок показывал двадцать пятое ноября. Просто чудо, что осенние ливни еще не начались—ведь через две недели Микены будут затоплены. Генри торопил рабочих; четвертую могилу — кромку четырех каменных стен — обнаружили шестью футами ниже алтаря, найденного Софьей. Эта могила оказалась самой большой — восемнадцать футов на двадцать четыре. Алтарь находился как раз над самым ее центром.

Пять футов вниз прошли очень быстро. Когда показалась галька. Генри отпустил рабочих и дальше продолжали копать втроем — он, Софья и Спирос. Разрыхляли землю ножами, стоя на коленях в холодном сыром подземелье.

Упорство их было вознаграждено. Довольно скоро появился трехдюймовый слой гальки: сняли его без особого труда, под ним оказался дюймовый слой белой глины. Одна стена могилы была высечена в скале; она шла в наклон и достигала высоты десяти

футов, в ней тоже имелись уступы. Три другие стены были сложены из камня, как и стены других могил, и обмазаны белой глиной, смешанной с обломками кристаллического сланца. Осторожно сняв глину, обнаружили под ней древесную золу, пепел от сгоревшей одежды и два скелета со следами слабого огня. Все как и в других могилах, только одно разительное отличие — на лицах лежали большие золотые маски. Одна маска была сильно повреждена погребальным огнем и тяжелыми наслоениями. Генри вытер ее носовым платком, но пепел за тысячелетия плотно въелся в благородный металл. Протянул маску Софье.

— Вглядись внимательно, Софидион, ведь можно угадать его черты. Это, конечно, юноша, у него овальное лицо с высоким лбом, длинный греческий нос, маленький рот и тонкие губы. Глаза закрыты, но ресницы и брови хорошо заметны.

Вторая маска рисовала совсем иной характер. Что, если это не просто маски, а посмертные портреты царей, сделанные древними чеканщиками? Взяв вторую маску и вглядевшись в нее. Софья уже почти не сомневалась в этом. У монарха было круглое лицо, как будто надутые щеки, узкий лоб, торчащий прямой нос, маленький рот и очень тонкие губы. Глаза, как у первой маски, закрыты, ресницы и брови отчетливо видны.

Осторожно отложили маски в сторону. Стаматакис тут же подхватил их и спрятал в мешок. Генри, Софья и Спирос, продолжая в сильном волнении разрыхлять золу, нашли пять больших бронзовых котлов: в четырех оказалась только земля с золой, пятый был битком набит золотом; из него высыпали сотню пуговиц, покрытых золотой фольгой с выгравированным рисунком. Восторженные возгласы — и снова усердно заработали ножи; следующая находка — огромная серебряная голова коровы с изогнутыми золотыми рогами, наполненными полуистлевшим деревом. Во лбу — золотое солнце двух дюймов в диаметре, украшенное орнаментом. Вспыхнув от радости, Генри воскликнул:

— Несомненно, это изображение Геры, покровительницы Микен.

Работу прервали, только чтобы на скорую руку пообедать. Спустившись опять на глубину двадцати трех футов, нашли целый арсенал: два десятка бронзовых мечей и множество копий. Тут же валялись золотые украшения от деревянных ножен и несколько золотых бляшек — инталий, точно таких, какие были на первом скелете во второй могиле.

До конца дня откопали еще несколько бронзовых котлов, серебряных и золотых ваз. Между ними было рассыпано

множество мелких золотых пластинок. Спиросу посчастливилось, он нашел уникальную вещь — литой пояс из золота.

И все же работу пришлось прекратить. Не столько из-за Стаматакиса, с нетерпением ожидавшего приезда губернатора, сколько по настоянию Археологического общества. В тот же день из Афин пришла телеграмма, в которой говорилось, что в Микены срочно выезжает профессор Спиридон Финдиклис, и доктора Шлимана просят временно приостановить раскопки. Выло очень обидно терять два дня, ведь не сегодня-завтра могли начаться дожди; вынужденное безделье скрашивалось, пожалуй, лишь тем, что в Микены ехал их старый друг профессор Финдиклис, который посетил вместе с ними в августе Тиринф и Микены.

Стаматакис сразу успокоился—теперь за судьбу драгоценных находок будет отвечать вышестоящее начальство. К тому же он получил известие, что для охраны золота и могил в Микены посланы солдаты. Он даже позволил Софье и Генри работать все воскресенье и понедельник у него в кладовой. В /in два дня непрерывного труда они успели описать много важнейших находок для будущей книги о Микенах.

Утром в понедельник, перед тем, как пойти в кладовую, Генри закончил статью для лондонской «Тайме»; он писал: хотя в четвертой могиле обнаружено пока только два скелета, именно в этой могиле, по мнению древних авторов, похоронены «владыка мужей» Агамемнон, Кассандра, Эвримедон и их спутники.

6

Профессор Спиридон Финдиклис приехал так рано во вторник утром, что, должно быть, из Нафплиона он выехал еще ночью. Генри сейчас же повел его в кладовую и показал ему нее найденные сокровища. Финдиклис был потрясен. С горящими глазами рассматривал он сотни украшений, масок, диадем.

— А ведь вы действительно откопали царские гробницы,— проговорил он.

Генри, обрадованный реакцией профессора, предложил:

— Немедленно едем на раскоп. Не сомневаюсь, в четвертой могиле мы найдем еще других погребенных. Я хочу, чтобы вы своими глазами увидели усопших царей — они покрыты золотом с головы до ног. Фантастическое зрелище!

На холм отправились верхом; пока ехали, Генри искоса поглядывал на своего друга, вспоминая его ученую карьеру. Финдиклис окончил Афинский университет, докторскую диссертацию писал в Германии. Вернувшись в Грецию,

преподавал сначала в средней школе, затем был избран профессором греческой филологии университета, долгое время был вице-президентом греческого Археологического общества. Эти два человека любили и уважали друг друга, но их отношение к науке было диаметрально противоположным. Шлимана постоянно упрекали в том, что он слишком поспешно делает выводы и немедленно их публикует, отчего часто противоречит сам себе. Финдиклис, человек большого личного мужества во всем остальном, был очень осторожен, когда дело касалось публикации собранного им материала. В шестьдесят два года он еще ничего не опубликовал и просил одного своего коллегу уничтожить после его смерти все его записи. Он восхищался дерзостью Шлимана, хотя и был убежден: смельчак, публикующий свои взгляды, теории и даже просто гипотезы, сто раз не проверив их. непременно угодит в смоляную яму научного заблуждения, более глубокую, чем могилы микенских царей.

По дороге к крепости профессор Финдиклис остановился осмотреть дромос и сокровищницу, раскопанные Софьей. Когда он посетил Микены в августе, на этом месте был ничем не примечательный пыльный курган. Он тепло поздравил Софью с ее открытием. Тогда же, в августе, подъездная дорога к Львиным воротам была скрыта под десятифутовым наслоением земли, камней и циклопических блоков. Профессор не скупился на похвалы, отдавая должное Шлиману, — великолепный памятник старины теперь был весь открыт взору.

Они спустились на дно четвертой могилы. Профессор Финдиклис осмотрел два найденных скелета, которые Шлиман и не пытался поднять наверх.

— Это, без сомнения, цари доисторического времени, — сказал он. — А почему вы думаете, что в этой могиле есть еще погребенные?

— Смотрите сами — мы дошли до дна только в одной трети всего этого пространства.

Генри подозвал Деметриоса, Аякса и еще двоих Дасисов. Землекопы спустились вниз по лестнице с заступами и корзинами. Начертив концом палки прямоугольник, он попросил их осторожно снять верхний слой земли, надеясь найти под ним еще один галечный настил. Часа два они копали и относили землю наверх: когда на лопатах появились первые камешки, Генри, как и раньше, отпустил землекопов. Профессор включился в работу, скоро последний слой земли был снят и появилась галька.

— Скелеты, если они здесь есть, лежат под этим слоем гальки поверх другого такого же слоя. Я никогда прежде не слыхал о

подобном способе кремации мертвых. Эти два слоя гальки, наверное, уменьшали силу тяги, чтобы одежда и плоть сгорели, а кости и драгоценности остались целы.

В этой могиле нашли еще три погребальных костра. Когда с каждого сняли верхний галечный слой, обнаружили три костяка, лежащие головой к востоку. Увидев золотые маски, Финдиклис не мог удержаться от изумленного возгласа. Грудь каждого скелета покрывала большая золотая пластина, на голове—золотая корона, украшенная розетками и щитовидными бляшками, рядом с одним скелетом массивный золотой браслет с большим многолепестковым цветком.

— Какой огромный, простому смертному впору на ноге носить, — почтительно произнес Генри.

Финдиклис разглядывал браслет, не переставая удивляться. Здесь же нашли два больших золотых перстня-печатки, на одном изображен охотник в колеснице, запряженной двумя жеребцами, на другом сцена боя — один воин одолевает троих.

Софья, Спирос. Генри, а сегодня и профессор Финдиклис, скорчившись, работали над тремя вновь откопанными остовами. Было очень тесно, девятифутовая, облицованная камнем стена поднималась наклонно, и у самого дна могила заметно сужалась. В полдень Софья попросила Аякса принести им на дно еды, кувшин с водой и чистую тряпку, чтобы можно было вымыть и вытереть руки. Ей удалось убедить мужчин ненадолго приостановить работу. Сели на землю, прислонившись спиной к стене, пили вино, ели хлеб, сыр, маслины и одновременно передавали из рук в руки маски, короны, браслеты, восхищаясь ювелирным мастерством и пытаясь приблизительно определить их возраст. Генри, разглядывая третью маску, заметил:

— Морщинки в углах рта, крупный рот с плотно сжатыми тонкими губами не оставляют сомнения, что это портрет пожилого человека.

Финдиклис отметил, что лица масок совсем не похожи на лица богов и героев, известных по сохранившимся скульптурам. Генри ласково обнял Софью за плечи, точно хотел согреть ее в этой промозглой сырости древней могилы.

— Госпожа Софья первая высказала предположение, что эти маски, по-видимому, имеют портретное сходство с лицами похороненных здесь древних царей, — с гордостью сказал он.

— Да, скорее всего, это маски — портреты царей. — согласился Финдиклис.

Копали еще несколько часов и нашли девять золотых сосудов: первый — огромная чаша с двумя ручками, два золотых кубка, на каждом девять параллельных концентрических бороздок,

изящный кувшин для вина с крышкой и большой ручкой, весь покрытый переплетающимся линейным орнаментом, другие были украшены широкой каймой с узором из клинков. У одного кубка ручка была приклепана золотыми гвоздиками, его Генри рассматривал особенно долго.

— Точно такой кубок я нашел в Трое на глубине пятидесяти футов в самом древнем из четырех доисторических городов. Только он был сделан из глины.

Софья, копавшая под третьим скелетом у самой стены, нашла в золе массивный золотой кубок, он был опоясан орнаментом из четырнадцати розеток. Были расписаны даже ручки кубка. Финдиклис взвесил его на руке — в нем было четыре фунта золота.

— Этот кубок—одно из самых замечательных произведений искусства, найденных вами в Микенах, — проговорил он с сияющим лицом.

Генри, раскапывающий слой гальки под средним скелетом, нашел еще один довольно большой кубок с горизонтально торчащими ручками и украшенный двумя золотыми голубками. Он взглянул на Финдиклиса, лицо его побледнело от волнения.

— Вам не кажется, что этот кубок почти в точности соответствует описанию кубка Нестора в «Илиаде»?

> Кубок красивый постанила. из дому взятый Нелидом.
> Окрест гвоздями златыми покрытый: на нем рукояток
> Было четыре высоких, и две голубицы на каждой
> Будто клевали, златые; и был он ннутри двосдонный.

Копали до самого вечера; все четверо, включая Спироса, то и дело находили все новые удивительные предметы; то и дело слышались восхищенные возгласы. Спирос нашел красивой формы серебряный кувшин с длинной вертикальной ручкой. Вот появились на свет божий три золотые перевязи через плечо, украшенные розеточным узором, вот целая россыпь — сто штук— больших и мелких янтарных бусин. Генри взял пригоршню и послал по кругу.

— Все эти бусины, конечно же, были снизаны в ожерелья, как тысячи золотых бусин из сокровищ Приама, — сказал Генри. — Профессор Финдиклис, как по-вашему, не доказывает ли присутствие этих бусин среди сокровищ в царских могилах, что янтарь в микенскую эпоху ценился очень высоко и шел на изготовление дорогих украшений?

Не склонный к категорическим суждениям. Финдиклис с, обычной учтивостью ответил:

— Возможно, и доказывает. Надо будет справиться в книгах по древней истории. Давайте заглянем в Национальную библиотеку, как вернемся в Афины.

Назавтра поднялись спозаранку. Генри нашел три миниатюрных здания чеканного золота, которые сильно его озадачили. Рассмотрев их внимательно, передал находку Софье, она отдала профессору Финдиклис у. Все трое наперебой начали высказывать догадки:

— …Что это может быть?.. Макеты храмов?.. У одного на коньке два голубя. И колонны такие же, как колонна между львами крепостных ворот!

Первый раз за все время стал на колени Стаматакис и принялся разгребать золу, гальку, землю. Теперь на дне могилы лихорадочно работали уже пятеро, делая одно открытие за другим: четыре золотых диадемы; узкий с тонким орнаментом золотой пояс, тяжелые золотые булавки — не то заколки для волос, не то брошки; массивный литой золотой львенок; звезда из трех золотых пластинок, спаянных в центре; золотые кольца; два маленьких топорика из тонкой золотой пластинки; медная вилка с тремя изогнутыми зубцами; алебастровые вазы; красивой формы костяные крышки для кувшинов; пустотелая фигурка с ногами буйвола, служившая, по-видимому, вазой…

Не замечали, как летит время. Пальцы просеивают землю, лица измазаны золой—хоть и холодно, приходится иной раз смахнуть пот; брюки на коленях побелели от глины, юбка у Софьи вся перепачкана в земле.

К вечеру, когда стало смеркаться, нашли деревянные пуговицы в форме крестиков, обложенных золотой фольгой; сотню маленьких золотых цветов; более сотни круглых золотых бляшек; еще сотню похожих на щиты дисков из золота с резным орнаментом. Они уже устали удивляться, а руки откапывали все новые предметы: серебряные кубки, чаши, вазы, деревянный гребень с гнутой золотой рукояткой, около пятидесяти золотых каракатиц, отлитых, по-видимому, в одном литике, наконечники стрел из обсидиана, шестьдесят кабаньих зубов — ими были украшены шлемы усопших монархов. На этот раз «Илиаду» вспомнил профессор Финдиклис:

…на главу же надел. Лаэртида героя
Шлем из кожи; внутри перепутанный часто ремнями.
Крепко натянут он был, а снаружи по шлему торчали

Белые вепря клыки, и сюда и туда воздымаясь
В стройных, красивых рядах; в середине же полстью подбит он.

Теперь начали извлекать бронзовые мечи, копья, длинные клинки, нашли алебастровую рукоятку, украшенную большими плоскими шляпками золотых гвоздей.

— Подобные шарообразные ручки из алебастра мы находили в Трое, — заметил Генри, — но не знали тогда, что это рукоятки кинжалов.

Софья прибавила:

— Помнишь, Генри, ты решил было, что это дверные ручки или набалдашники палок?

К концу дня выкопали тридцать медных сосудов и медных треножников — в «Илиаде» и «Одиссее» такие вручали победителям в играх, — а когда на дне могилы стало совсем темно, наткнулись на целую гору устричных раковин, причем некоторые были закрыты.

— В могилах оставляли пишу, как в древнем Египте, — объяснял Генри. — А керамические черепки, которые во множестве валяются вокруг, говорят, по-видимому, еще об одном обычае, который жив в Греции и по сей день: на могиле почившего друга принято разбивать сосуды с водой.

Еще во время раскопок третьей могилы Стаматакис обратил внимание, что у особенно хрупких золотых предметов, если их поднимать наверх в мешке, обламываются края. И он попросил плотника из Харвати сколотить несколько небольших ящиков. Весь этот день, когда из земли как из рога изобилия являлись на свет маски, диадемы, браслеты и всевозможные украшения, он аккуратно укладывал их в очередной ящик, прилаживал к нему крышку и подавал одному из своих подручных, который выносил его по лестнице наверх и ставил к другим ящикам на телегу, охраняемую четырьмя солдатами, прибывшими из Афин.

Окончив дневной труд, подняли наверх оставшиеся ящики. Домой шли пешком, следом за телегой. У дома Стаматакиса телегу разгрузили, и солдаты помогли перенести найденные за день сокровища в кладовую. Стаматакис закрыл за солдатами дверь, зажег две лампы. Несмотря на сильнейшую усталость, все были радостно возбуждены, сняли с ящиков крышки и сгрудились вокруг сокровищ, восхищаясь красотой древнего золота, тускло поблескивающего при свете керосиновых ламп.

Какая огромная работа их ожидала! Каждый предмет надо

было сфотографировать, описать, занести в каталог. А сейчас можно только подержать замечательные изделия в руках, внимательно их разглядеть; на остальное не было времени. В дверь постучали. Стаматакис впустил Иоанну Даси и ее старшую дочь, принесших накрытые блюда с горячей едой и бутылку узо. На них были темные шерстяные жакеты (вечера стали холодные). Мужчины выпили лакричной настойки, и все с большим аппетитом принялись за еду. Утолив голод, устроили военный совет. Как уберечь золото? Как переправить его в целости и сохранности в Афины? Стаматакиса было не узнать— вежливый, почтительный, куда девалась его резкость, — он когда-то учился у профессора Финдиклиса.

— Профессор, — заговорил он, — не лучше ли вам захватить с собой это золото, когда вы поедете обратно в Афины? Я все аккуратно упакую, вы возьмете с собой солдат, и они будут охранять сокровища на борту парохода.

— Согласен. Телеграфирую обществу, чтобы прислали охрану в Пирей, откуда сокровища будут сразу же доставлены в Национальный банк.

Софья заметила, что у Генри дрогнули желваки, горькая улыбка скривила уголки губ. Она будто читала его мысли: «Я нашел эти могилы. Я раскопал их и обнаружил останки древних царей. Я извлек из земли несметные сокровища доисторической цивилизации. И вот словно меня здесь нет. Со мной даже не советуются. Они будут распоряжаться бесценной коллекцией как захотят. В Афинах обо мне и вовсе забудут. А ведь все это моя заслуга; сколько вложено труда, денег, умственных и душевных сил. Но для них я чужой. Больше они во мне не нуждаются».

С дороги, когда шли к дому Дасисов, увидели на акрополе огни — это солдаты жгли костры на своих постах, чтобы не замерзнуть ночью. Генри обмер — ожила история! Обращаясь скорее к самому себе, чем к спутникам, он заговорил:

— Микены пали в 468 году до новой эры, и вот теперь, спустя две с половиной тысячи лет, в крепости опять военный гарнизон, горят сторожевые костры, которые видны по всей аргосской долине. Они переносят нас в те давние времена, когда Агамемнон возвращался из Трои и на высотах зажглись вестовые огни, предупредившие Клитемнестру и ее любовника о его приближении.

Пожелав спокойного сна профессору Финдиклису, которому они уступили вторую комнату, Генри и Софья прошли к себе. Софья легла, а Генри взял чернила и бумагу и, сжав коленями узкую тумбочку, набросал телеграмму королю Георгу I:

«С огромной радостью спешу сообщить Вашему величеству,

что мне удалось обнаружить гробницы, которые предание, а вслед за ним и Павсаний считает гробницами Агамемнона, Кассандры, Эвримедона и их спутников, убитых на пиру Клитемнестрой и ее любовником Эгистом. Могилы были окружены двойным кольцом каменных плит… Я нашел в них несметные сокровища — множество древних изделий из чистого золота.

Одних этих сокровищ достаточно, чтобы заполнить целый музей, который превзойдет великолепием все другие музеи мира и всегда будет привлекать в Грецию тысячи иностранцев.

Поскольку мною движет одно — любовь к науке, я, разумеется, не притязаю на эти сокровища. И счастлив принести их в дар Греции. Пусть эти сокровища станут краеугольным камнем будущего величайшего национального богатства».

Генри тихонько дотронулся до плеча Софьи, которая уже заснула крепким сном. Он протянул ей телеграмму.

— Я не могу смириться с тем, что наши имена останутся в тени. У нас и без того будет немало неприятностей, когда мы вернемся в Афины и начнем классифицировать наши находки. Мы опять вызовем на себя огонь, как после Трои и сокровищ Приама. Я решил сам пойти в атаку.

Софья открыла глаза, прочитала телеграмму. Одобрительно кивнув, протянула Генри исписанный листок бумаги.

— Ты правильно сделал. Как говорят на Крите: никогда не показывай противнику спину.

7

На следующее утро, 30 ноября, Генри начал раскапывать пятую могилу, отмеченную надгробной стелой с меандровым орнаментом. К этому времени рабочие Софьи углубились более чем на двадцать футов и наткнулись еще на две простые стелы. А через три фута нашли и самую могилу. Наутро в шахту спустились Генри, Софья, Спирос, Финдиклис и Стаматакис, взяв с собой самых лучших землекопов Деметриоса, и вынули всю землю со дна могилы, длина которой равнялась двенадцати футам, ширина — десяти, глубина всего двум футам. Это была самая мелкая могила.

Сняв верхний слой гальки, нашли только один костяк, сплошь покрытый пеплом. Генри снял с черепа золотую диадему. Она была покрыта филигранными украшениями в виде концентрических кругов, колец, стилизованных цветов, по всему золотому полю шел узор из спиралей. Генри взял череп в руки, но он в тот же миг рассыпался в прах. С одной стороны скелета

откопали наконечник копья, два небольших бронзовых меча и два бронзовых ножа. Софья, работавшая с другой стороны, нашла золотую чашу, украшенную горизонтальными полосами и узором елочкой. В могиле было много черепков керамической посуды ручного и гончарного производства, последней нашли разбитую зеленую вазу египетского фарфора. Копали еще несколько часов, но безрезультатно.

— Не густо, — посетовал Генри, — четвертая была просто набита золотом. — Ну что ж, вернемся к первой могиле. Из-за дождей она осталась нераскопанной.

Бригада Спироса начала раскапывать ее уже накануне, а теперь подключился и Генри, которому Деметриос отрядил двадцать рабочих. Углубились на двадцать футов от поверхности агоры: Генри по опыту знал, что надо пройти еще десять. Воздух был свежий, чистый, лужи просохли; работа шла полным ходом, землю вынимали с площадки размером двенадцать футов на двадцать два, влажный еще грунт выносили в корзинах. Когда до обеда и полуденного отдыха остался час, обнаружили стены могилы, выложенные циклопическими блоками. Колодец, чем глубже, тем делался уже; наконец появилась облицовка кристаллического сланца, скрепленного глиной.

Вот и знакомый слой гальки, осторожно сняли его и обнаружили первый скелет, лежавший у южной стены шахты головой к востоку. По-видимому, это был очень высокий мужчина: тело его было еле втиснуто в ложе длиной пять с половиной футов. Взглянули на лицо и ахнули от благоговейного восторга. Более прекрасной маски они еще не видели. Это было лицо благородного эллина: прямой тонкий нос. огромные глаза, прикрытые веками, небольшой, но и не маленький рот, мужественный очерк губ. великолепная борода, не закрывающая подбородка, изящно приподнятые брови и пышные с загнутыми кончиками усы.

— Это лицо венценосца! — воскликнул Генри. — Величайшего из царей…

Спиридон Финдиклис смотрел на Генри с добродушной усмешкой.

— Агамемнон! В этом нет никакого сомнения! — ликовал Генри. — Взгляните на него. Какая сила, какое властное выражение, высший дар повелевать! Наконец-то мы нашли кости Агамемнона!

Профессор Финдиклис деликатно промолчал. Софья спокойно проговорила:

— Милый Генри, ты уже сообщил лондонской «Таймс» и королю Георгу, что Агамемнон и его спутники похоронены в

четвертой могиле.

— Такова археология. Каждый день раскопок приносит новые находки, которые перечеркивают выводы, родившиеся накануне, — кротко ответил Генри.

Стоя на дне этой узкой глубокой могилы, профессор Финдиклис тихим, ровным голосом, будто нерадивому студенту, выговаривал Шлиману:

— Дорогой доктор Шлиман. первый закон науки — не высказывай суждения, пока не располагаешь бесспорными доказательствами его истинности.

Генри не обиделся и не рассердился.

— Воистину так, профессор Финдиклис. Но это не в моей натуре. Да и работаю я по-особому. Я хочу, чтобы весь мир участвовал в моих раскопках, день за днем, час за часом. Да, я высказываю догадки и предположения и спешу обнародовать их, таков мой метод. Если же очередная находка показывает, что я ошибался, я не боюсь во всеуслышание признать ошибку и выдвигаю новое утверждение, в справедливости которого я в тот момент не сомневаюсь. Люди не только видят наши находки, но и следуют за ходом наших рассуждений и как бы сами участвуют в нашей увлекательнейшей работе.

Профессор отечески, с любовью похлопал Шлимана по плечу.

— Прекрасно, доктор Шлиман. Человек должен во всем оставаться самим собой.

Они снова принялись за работу. Увы, череп Агамемнона, соприкоснувшись с воздухом, рассыпался в прах. Генри выругался себе под нос. Софья и Финдиклис рассматривали нагрудную золотую пластину Агамемнона, длина ее равнялась двум футам, ширина немногим больше одного фута. Небольшие выпуклости очерчивали грудь Агамемнона, вся поверхность пластины была украшена филигранной спиралью. Шлиман с Финдиклисом подняли пластину, но под ней уже ничего не осталось. Плечевую кость—так они предположили—обвивала широкая, богато декорированная золотая лента. По левую и правую сторону лежало пятнадцать бронзовых мечей, в ногах еще десять. Многие мечи были непомерно велики, именно такие должен был иметь «владыка мужей». Среди погребальных даров нашли копья, обломки позолоченных кинжалов. Несмотря на тесноту, работа спорилась; обнаружили целую россыпь янтарных бус, золотых цилиндров, листьев, целых и поломанных; тут были серебряные вазы, серебряные щипцы, алебастровая ваза с бронзовым устьем, отделанным золотом, из нее высыпалась пригоршня золотых бляшек.

Затем перешли к соседней могиле, находившейся немного

севернее. К их вящей досаде, могила оказалась разграбленной. Ни верхнего галечного слоя, ни глины, только одна зола. И на скелете никаких украшений.

— Теперь я понимаю, — воскликнул Генри, — почему я нашел те двенадцать золотых бляшек, когда мы начали раскапывать эту могилу. Грабители вырыли узкую длинную шахту и попали как раз на эту гробницу; они поскорее собрали все золото и убежали.

— Когда же это могло произойти? — спросила Софья. Тот же спрессованный тысячелетиями грунт лежал и на этой могиле, и потому решили, что грабители поработали здесь еще до того, как Микены были захвачены аргосцами.

А утром первого декабря еще одна поразительнейшая находка! Небольшая группа рабочих копала у северной стены, очень скоро показалось галечное покрытие. Генри, как обычно, отправил рабочих наверх; он, Софья и профессор Финдиклис принялись разгребать засыпанную золой гальку. Тут-то они и нашли третьего усопшего. Золотая маска была так погнута, что определить по ней черты лица было нельзя. Генри снял маску, нагрудную золотую пластину — и все остолбенели. Голова и торс почившего в древности монарха сохранились на удивление. Лицо глядело на них совсем как живое. Широкий лоб, тонкие губы, сжатые веки, два ряда белых безупречных зубов, не хватало только прямого короткого носа, каким он, судя по всему, был. Тело лежало в таком тесном пространстве, что голова прямо-таки вдавилась в плечи. Грудная клетка сохранилась хорошо, но за тысячелетия ребра спрессовались с позвоночником. Кости таза были на месте, ниже не осталось ничего.

Замечательное лицо. Сильное, волевое и. без сомнения, при жизни красивое. Обретя дар речи. Генри сказал Софье:

— Именно таким я всегда представлял себе лицо Агамемнона.

— Ну, знаешь. Генри, — попыталась урезонить его Софья. — сразу три Агамемнона — это, пожалуй, чересчур. Ты должен решить наконец, кто из троих командовал войском ахейцев.

— Да, конечно, — неохотно согласился Генри. — Та, первая великолепная маска, без всякого сомнения, маска Агамемнона. Но под ней не было лица. Я нашел человека, которого я всю жизнь искал, его лицо, и совсем отдельно — маска. Теперь мне предстоит разгадать эту загадку.

Начали рассматривать погребальные дары. Нагрудная пластина была довольно массивная, но без орнамента, шестнадцати дюймов в длину и десяти в ширину. Справа от тела нашли два бронзовых меча. Рукоятка одного была богато

отделана золотом. Углубившись всего лишь на фут, Генри нашел одиннадцать бронзовых кинжалов, золотые пластинки, больше сотни золотых бляшек. Софья на своем месте нашла двенадцать золотых пластинок, одну с изображением льва, преследующего оленя. Здесь же нашли огромный золотой кубок.

Генри повернулся к профессору Финдиклису.

— Просто чудо, что этот труп так хорошо сохранился. Я боюсь до него дотронуться, вдруг он рассыплется в прах, как все остальные скелеты. Вы случайно не знаете, как бальзамируют трупы?

— Вам хотелось бы сохранить эти останки? Нет, к сожалению, не знаю. И думаю, что никто во всей Арголиде не сведущ в этом искусстве.

— Остается одно, — сказал. Генри, — послать в Нафплион за нашим художником, чтобы он немедленно приехал сюда и сделал портрет этого древнего царя. Я хочу сохранить его облик для потомков.

Генри выбрался из шахты, достал из кармана блокнот и набросал телеграмму Периклу Комненосу, прося его срочно приехать на раскопки. Затем снова спустился вниз. Начало быстро темнеть.

— Не лучше ли продолжить работу утром, чтобы случайно не | повредить эти древние останки?

— А не опасно оставлять так могилу? — спросила Софья. — Здесь вокруг еще столько золота.

Генри поддержал Софью: можно работать при свечах. Профессору Финдиклису пришлось хоть и мягко, но проявить свою власть.

— Не тревожьтесь, солдаты никого сюда не пустят. Неутомимая чета должна была уступить. Генри позвал

Стаматакиса вниз и передал ему последние ящики с золотом, драгоценностями, нагрудной пластиной и маской. Крикнули, чтобы сверху спустили веревку, перевязали ящики крест-накрест, и Генри опять крикнул, что можно поднимать. Ящики наверху принимал Стаматакис; он развязывал веревки, накрывал каждый ящик холстом, ставил их на телегу; когда все ящики были погружены, укутал их сверху одеялом. Охранять эту телегу поставили солдата самой свирепой наружности. Излишняя предосторожность. Украсть золото из древней царской гробницы —да разве кто на такое решится? Жители Арголиды верили, что дерзкого нечестивца поразит страшная кара. Генри вспомнил, как в Троаде землекопы не хотели работать по праздникам святых— боялись, что святой непременно накажет грешника. Утром отправились на раскопки в фургоне Дасисов. Опять стали

просеивать тысячелетний грунт, нашли массивный золотой кубок с изображением трех бегущих львов, затем еще два кубка и небольшую чашу. В засыпи нашли серебряные кубки и большую серебряную вазу, по-видимому не принадлежавшие ни одному захороненному. Разрыхляя землю небольшим ножичком, Софья откопала алебастровую чашу для питья. Финдиклис обнаружил целую россыпь золотых листочков, похожих на двуглавого орла — у черенка они были соединены, а маковки смотрели врозь.

Перикл Комненос приехал верхом перед обедом; в притороченных к седлу сумках были эскизные блокноты, холсты, кисти и масляные краски. Генри сейчас же спустился с ним на дно шахты. Комненос сказал, что хотел бы сначала сделать карандашные наброски.

— Живопись—ваше дело, не мое, — сказал ему Шлиман. — Делайте все, что считаете нужным. Важно, чтоб изображение было как можно точнее. Через день-другой мы попытаемся поднять его отсюда.

Все остальные выбрались наверх, сели на плиты и принялись за еду, согреваемые скудным декабрьским солнцем, лучи которого были так же тонки, как найденная в могилах золотая фольга. Они были не одни. Накануне кое-кому из рабочих удалось все-таки увидеть бренные останки микенского монарха.

Разговорам не было конца. Скоро о неслыханной находке знали все землекопы. И вот теперь они стояли у разверстой могилы, на их лицах застыло изумление, граничащее с ужасом.

— Скоро о нашем открытии узнает вся Арголида. Слух о нем разлетится с быстротой молнии, — заметил Генри.

Когда солнце было уже довольно высоко, к акрополю стали стекаться жители окрестных деревень. Они ехали верхом на лошадях, ослах, в фургонах или шли пешком. Поднявшись на гору, заглядывали, вытянув шеи, в отверстие могилы, чтобы хоть краем глаза взглянуть на доисторического человека, который был все еще во плоти и как будто присутствовал среди живых. После полудня из Аргоса стали прибывать экипажи. Деметриос и Спирос оставались на дне могилы. Солдаты натянули вокруг веревку, чтобы удерживать любопытных на почтительном расстоянии да и безопасности ради — того гляди, кто-нибудь свалится вниз. Прибыв на акрополь, новички на первых порах впадали в изумленное оцепенение, которое затем сменялось безудержным потоком вопросов и восклицаний, сливавшихся с более спокойным говором прибывших раньше. Генри. Софья и профессор Финдиклис переходили от одного к другому, спрашивая, не умеет ли кто бальзамировать или на крайний случай, не знает ли кто такого умельца.

К вечеру Генри и Софья, работая на 'четвереньках и с большой осторожностью, нашли похожие на щиты блюда, верхнюю часть серебряной вазы с золотым устьем и ручкой, сотни золотых бляшек, сплошь в узорах, широкую золотую ленту, назначение которой они не смогли разгадать. Уже вечером откопали золотые украшения для поножей, обломки костяных и мраморных рукояток ножей, покрытых резным орнаментом; углубившись еще, наткнулись на несколько больших медных сосудов и на четырехугольный деревянный ящик, на двух стенках которого были вырезаны лев и собака. Дерево было как намокшая губка, и Генри опасался, что ящик рассыплется, не успеют они поднять его на поверхность. Этого не случилось; соприкоснувшись с воздухом, ящик затвердел как камень. В золе было полно черепков; как и в меньшей могиле, в этой были обнаружены остатки пищи — главным образом устрицы.

Работая весь день в присутствии мертвого, который, казалось, был еще вчера жив, Софья испытала жуткое, мистическое чувство. Этот давно почивший венценосец, как бы его ни звали, точно все время следил за ней. Когда она поворачивалась в его сторону, взгляд ее как магнитом притягивало одушевленное, выразительное лицо. Древний царь, казалось, беседовал с ней. Она не понимала, что он ей говорит, не знала его языка; но в эти два дня она гораздо сильнее, чем все остальное время раскопок, чувствовала, что они с Генри живут напряженном жизнью сразу в двух исторических эпохах: в 1876 году после рождения Христа и во времена этого монарха, который сумел пережить сокрушительное для всего сущего действие трех с лишним тысячелетий. Каким-то шестым чувством она постигла его жизнь, хотя знала о ней только то, что им открыли раскопки в Трое и здесь, в Микенах. Она не боялась этого царя—лицо его выдавало силу характера, но не было грозным. Она чувствовала, что была бы счастлива, живя в большом прекрасном Микенском царстве, которым он правил. Но ведь и ее муж монарх. Он правит своим миром. Открытие этих фантастических могил-сокровищниц— заслуга Генри Шлимана, только его одного. Благодаря ему человечество будет знать, как жили и умирали микенцы, и, возможно, проникнет в самые сокровенные тайны доисторической цивилизации. У нее вдруг появилось дерзновенное желание, в котором она не призналась бы даже Генри: ах, если бы рядом с ними сейчас был Гомер! Они нашли столько из описанного им, что «Илиада» и «Одиссея» больше никогда не будут считаться вымыслом.

В этот второй день декабря стемнело рано. Толпа разошлась. Генри и его маленькая группа оставались возле могилы до тех

пор, пока солдаты не зажгли сторожевые костры, поклявшись, что ни на шаг не отойдут от могилы в течение всей ночи.

На другой день, третьего декабря, аргосцы со всей Арголиды съехались посмотреть на небывалое чудо: к ним вернулся один из их прародителей. Солдаты все еще не сняли заслон: многие рвались спуститься в могилу. Генри стоял в центре агоры, беседуя с полицмейстером Нафплиона и префектом Аргоса, к ним подошел немолодой, лысый человек в очках с толстыми стеклами и синей блузе. В руках у него был туго завязанный узел.

— Господин префект, — заговорил он, — будьте так любезны, представьте меня доктору Шлиману. У меня есть ему предложение.

— Это Спиридон Николау. наш фармацевт из Аргоса, — повернулся префект к Шлиману.

Глаза у Генри загорелись.

— Надеюсь, вы как раз тот человек, которого я жду!

— Да, доктор Шлиман, по-видимому. Ко мне в аптеку все эти дни то и дело заглядывали знакомые и говорили, что вы ищете человека, знающего бальзамирование. Я много читал о том, как бальзамировали древние египтяне; они предохраняли трупы от разложения впрыскиванием смол и ароматических веществ. Меня дважды приглашали в Нафплион, чтобы я забальзамировал трупы моряков, которых родные хотели увезти и похоронить дома. Я употреблял для этого спирт, в котором растворял сандарак. Мой метод, по-видимому, оказался успешным, поскольку я получил от семей погибших моряков благодарственные письма.

— Милости просим! — воскликнул Генри. — Вас-то нам и надо. Идемте.

Генри помог фармацевту спуститься вниз. Николау внимательно осмотрел останки и вынул из своего узелка необходимые приспособления.

— Вы понимаете, конечно, что я смогу забальзамировать только сверху.

— Забальзамируйте, пожалуйста, все, до чего только сможет добраться ваша кисть. Затем мы подведем под древнего царя железный или дощатый щит и попытаемся поднять наверх в целости и сохранности.

Фармацевт налил в миску спирт и всыпал в него из мешочка прозрачные винно-желтые зерна сандараковой смолы. Взглянув на Шлимана с гордостью профессионала, он сказал:

— Доктор Шлиман, я полагаю, что начать надо с этого широкого лба, затем спускаться ниже, перейти ко рту, зубам, подбородку, грудной клетке…

— Да, да, — нетерпеливо перебил его Генри. — Вам виднее,

вы специалист.

Художник Комненос был очень недоволен, что ему помешали.

Генри старался его утешить:

— Вы сделали прекрасный портрет — полное сходство.

— Но я еще не закончил!

— Разумеется. Взыскательный художник всегда стремится ко все большему совершенству. Я вас прошу, пожалуйста, позвольте Спиридону Николау заняться нашим древним другом. Он сохранит для нас эти бесценные останки. Вы сможете закончить портрет, пока мы будем искать способ, как извлечь его отсюда, не повредив.

Аргосцы напирали на солдат, требуя, чтобы им показали, как будут бальзамировать ахейского царя. Софья боялась, что самые отчаянные прорвутся и упадут в яму глубиной тридцати трех футов. Она попросила Леонидаса Леонардоса и префекта урезонить толпу. Но желание увидеть, как будут бальзамировать, было так велико, что ропот не унимался.

Спиридон Николау сосредоточенно работал узенькой кисточкой около двух часов. Кончив бальзамировать, он выпрямился, счистил с блузы несколько случайных капелек лака.

— Ну вот, доктор Шлиман, по-моему, теперь с вашим старым приятелем ничего не случится. Это, конечно, не настоящее бальзамирование, но законсервирован он весьма надежно. Ручаюсь, что можно спокойно везти его в Афины.

Профессор Финдиклис, который тоже спустился вниз, чтобы посмотреть на работу фармацевта, поблагодарил Спиридона Николау от имени Греческого археологического общества. К священному изумлению Генри, профессор вынул из кармана бумажник и, спросив, сколько причитается за работу, тут же заплатил ему.

— Профессор, вы потрясли меня! — воскликнул Генри. — Еще ни разу за все годы, что я занимаюсь раскопками, никто не заплатил вместо меня ни драхмы.

Профессор Финдиклис просиял.

— Общество приняло решение оплачивать подобные расходы. И мне была выдана для этого определенная сумма. Я оплачу также подъем монарха наверх и перевоз его в Афины.

Фармацевт пожал всем руки и поднялся по лестнице наверх, где его встретили аплодисментами. Софья спустилась вниз к мужчинам.

— Я снял размеры, — сказал Генри. — Немедленно еду с префектом в Аргос, чтобы найти подходящий металлический щит, который попробуем под него подвести.

У дома Дасисов Софья вышла, а Генри поехал с префектом

дальше, в Аргос. Вместе отправились к городскому кузнецу, заказали сварить из железных полос нужных размеров носилки. К вечеру все было готово. Генри вернулся в экипаже, к задку которого был привязан железный щит. Деметриос и Аякс отвязали его и прислонили к телеге, чтобы утром доставить на акрополь.

И вот еще одна бессонная ночь. Генри говорил и говорил, пока не забрезжил рассвет. У Софьи слипались глаза, она то слушала, то погружалась в сон. Генри вспоминал детство, как пробудился его мальчишеский интерес к Трое, Микенам; потом стал с упоением перебирать все подробности последних дней, когда были сделаны эти ошеломляющие открытия.

Оделись с первыми лучами солнца. Вся семья Дасисов была уже на ногах. На кухонном столе дымился горячий кофе. Деметриос и Аякс погрузили на телегу железный щит. Генри, Софья и профессор Финдиклис поехали к Львиным воротам на ослах.

Несколько рабочих с большим трудом опустили железный щит на дно шахты. Стали рыть щель в подстилающем слое гальки, который под тяжестью многометровых наслоений впрессовался за века в мягкую коренную породу. Генри и профессор позволили рабочим подкапываться со всех сторон — забальзамированные останки не грозили уже рассыпаться. Но отделить монарха от его трехтысячелетней постели и просунуть в щель железный щит не удавалось.

— Доктор Шлиман. — после нескольких часов безуспешных попыток сказал профессор Финдиклис, — по-видимому, надо придумать что-то другое.

Генри, совершенно расстроенный, кивнул головой.

— Вижу. Я уже кое-что придумал. Что, если выдолбить в грунте вокруг неглубокую траншею, а затем сделать горизонтальный подкоп. Таким образом, мы вырежем пласт толщиной в два дюйма и поднимем его вместе с галькой и телом.

— Поднимать будем на железном щите?

— Нет. В деревянном ящике, чтобы ничего не повредить при подъеме. Надо привезти несколько досок, сколотить их и подвести под грунт, затем прибить к ним стенки. И наш друг окажется внутри ящика.

Двое из семьи Дасисов отправились в деревню за досками. Тем временем бригада Генри стала долбить траншею и подкапываться под галечное ложе; работали только лопатами и ножами. На это ушло несколько часов. Вернулся Деметриос с досками, рабочие спустили их на дно, затем просунули одну за другой в поперечную щель, приколотили боковые — и получился

четырехстенный ящик.

Вокруг могилы опять собралась огромная толпа, чтобы посмотреть, как будут поднимать древнего царя. Рабочие спустили в могилу крепкие веревки, подвели их под ящик, крепко-накрепко завязали, чтобы, не дай бог, ящик не оборвался. Генри, Софья и профессор Финдиклис поднялись по лестнице наверх. Более десяти рабочих, протяжно ухая, стали тянуть наверх драгоценный груз. Поднимали медленно, плавно, дюйм за дюймом. Время тянулось бесконечно. Генри сжимал руку Софьи так, что ей казалось, у нее поломались все косточки; и вот наконец тяжелый ящик показался над поверхностью, его подтянули в сторону и почтительно опустили на землю агоры.

Теперь уже толпу не надо было сдерживать. Каждый, кто здесь присутствовал, жаждал увидеть лик микенского владыки. Порядок был полный. Люди благоговейно ждали своей очереди: в торжественном молчании проходили они мимо царственных останков, как будто это был король Греции, умерший вчера и теперь возлежавший на траурном ложе в Афинском соборе.

Отдал последние почести древнему царю последний аргосец.

Генри распорядился погрузить ящик со скорбным грузом на дроги. Толпа запротестовала.

— Доктор Шлиман, мы на своих плечах отнесем его в Харвати. Это для нас величайшая честь.

Шесть человек встали по обе стороны и подняли ящик на плечи. Двое встали спереди, еще двое сзади, и процессия тронулась. Генри и Софья шли впереди всех, за ними профессор Финдиклис и Спирос. Далее следовал Стаматакис, по левую его руку—Леонидас Леонардос, по правую — префект Аргоса.

Это было поистине королевское шествие. Прошли через Львиные ворота и неспешно двинулись по извилистой дороге вниз. Быстро смеркалось. Когда вступили в деревню, было уже совсем темно. По всей улице пылали факелы — это крестьяне из окрестных деревень пришли проводить своего царственного предка к месту временного упокоения.

У кладовой Стаматакиса кто-то взял Софью под руку. Это была Иоанна Даси. По щекам ее текли слезы.

— Иоанна, почему ты плачешь? — удивилась Софья.

— Мне так жаль этого бедного человека. Тысячи лет никто не тревожил его покоя. Там, в глубине могилы, ему нельзя было причинить вреда. Это был его вечный дом. Что же теперь-то с ним будет?

Обняв за плечи добрую женщину, Софья попыталась утешить ее.

— Ну что ты, Иоанна, теперь он обретет бессмертие! Будет

вечно жить в красивом археологическом музее в Афинах. И люди со всего света будут приходить к нему, преклонять перед ним колена и присягать ему в верности!

Книга восьмая. Пора зрелости

1

Афинские газеты сообщили о возвращении из Микен археологической экспедиции Шлимана и поместили описание некоторых ее замечательных находок. На пристань пришли друзья. С парохода сгрузили ящики с золотом и отправили в подвалы Греческого национального банка неподалеку от площади Омониа.

В свой дом на улице Муз Софья и Генри вошли победителями. Софья сразу же вступила в свои обязанности матери и хозяйки дома. Андромаха не отходила от нее ни на шаг, личико ее сияло: весной ее тоже возьмут в Микены. Генри наведался в тайники, убедился, что троянское сокровище на месте. В доме воцарились мир и счастье, пока Генри не столкнулся с тем, что он назвал «продуманной обструкцией» его планам скорее сфотографировать золотые находки и отправить снимки в Лондон, своему издателю Джону Мэррею.

За разрешением сфотографировать их Генри первым делом отправился к президенту Археологического общества Филиппосу Иоанну. Тот ушел от прямого ответа. Тогда Генри обратился к министру народного просвещения Георгиосу Милессису, и министр сказал ему:

— Наберитесь терпения. Нужно подождать Стаматакиса. Шлиман вспыхнул и не без сарказма заметил:

— Ну, разумеется, сторож очень важная шишка.

— На этом настаивает Археологическое общество.

Тогда Шлиман отправился к своему другу Стефаносу Куманудису, который привозил в Микены императора Бразилии лома Педро. Он объяснил Куманудису, сколько надо времени, чтобы сделать двести фотографий, и какая это кропотливая работа, поскольку «Микены» будут опубликованы в Нью-Йорке, Париже и Лейпциге с одними и теми же гравюрами.

— Мой дорогой друг, я понимаю ваше нетерпение. Однако Археологическое общество постановило, чтобы на вскрытии ящиков присутствовал весь его состав.

Больше идти было не к кому. Король Георг I не ответил на телеграмму, значит, королевский дворец был для него закрыт. Поскольку на людях Генри приходилось сдерживаться, дома он давал себе волю, вымещая раздражение на половицах и обличая власти.

— В конце концов, я нашел сокровище! Я оплатил все расходы! Я принес Греции этот бесценный дар!

Каждый день промедления все сильнее раздражал его; Софья пыталась его успокоить, это ей мало удавалось, но дорого стоило ее нервам. Однажды утром она надела черное с белым шерстяное платье, отделанное темно-серым кружевом, и отправилась к Ефтимиосу Касторкису, который прислал к ним в Микены дорожного инженера, высказавшегося за продолжение раскопок Львиных ворот и сокровищницы.

— Я прошу об одном: чтобы общество назначило для вскрытия ящиков по возможности ближайший день. Окажите мне такую любезность.

Устремив в пространство взгляд темных глаз, Касторкис несколько секунд размышлял.

— Археологическое общество постановило посетить Национальный банк только после Нового года. Обещаю сделать все, что в моих силах, чтобы перенести дату ближе. Я знаю, эти три недели покажутся вечностью вашему неугомонному супругу, но за это время я кое-что сделаю, чтобы успокоить господина Шлимана.

На другой день Генри получил приглашение посетить 14 декабря министерство народного просвещения, где будет вскрыт один из ящиков с находками. В нем находились наиболее ценные фигурки Геры, ключ от Львиных ворот, перстень-печать с изображением двух женщин с красивыми прическами и осколок большой вазы с воинами.

Вернувшись из министерства, Генри нашел дома приглашение от короля Георга: на другой день король давал им аудиенцию. Профессору Финдиклису удалось убедить короля, что Генри III inm.im ничего не преувеличил в телеграмме и микенское золото, по-видимому, величайшая в мире коллекция древностей.

Для столь торжественного визита Генри и Софья надели свои лучшие, хотя и несколько старомодные, туалеты, в которых год назад по приглашению английского министра Гладстона они посетили палату общин и пили чай на террасе парламента. Они вышли из экипажа перед парадными дверьми, прошли вестибюль и вошли в приемную гофмейстера. Тот провел их по коридору в зал аудиенций, находившийся рядом с личным кабинетом короля. Гофмейстер официально представил королю доктора Шлимана и его супругу госпожу Шлиман. Георг I тепло их приветствовал. Он был одет в темно-синий адмиральский мундир с двумя рядами золотых пуговиц и стоячим воротником, расшитым золотом. Георга I тринадцать лет назад возвели на престол военные, свергнувшие короля Отгона; сейчас ему был тридцать один год.

Генри и Софье предложили кресла против короля. Софья молчала, зато Генри, не жалея красок, рассказывал, как были найдены могилы и извлечены сокровища. Когда он окончил рассказ, король сказал:

— Поздравляю вас. Поверьте, я горю желанием увидеть микенское золото. Насколько мне известно. Археологическое общество решило вскрыть ящики в самом начале нового года.

Спускаясь по дворцовой лестнице, радостно взволнованная монаршим благоволением Софья сказала:

— Спасибо нашему другу Касторкису: действительно назначили ближайший день.

Генри благодарно улыбнулся в ответ.

— Ты умница. Софидион.

— За оставшиеся две недели изволь написать последнюю статью для лондонской «Таймс» и переработать те страницы дневника, о которых ты говорил.

Генри озорно взглянул на нее.

— Иными словами, утихомириться? Вернуть покой на улицу Муз? Ну что ж, ладно.

Генри вставал на заре и садился за статью для «Тайме», переписывал для книги беглые заметки из дневника. В десять часов он шел в «Прекрасную Грецию», пил кофе, читал европейские газеты. Ровно в половине второго он был дома; немного соснув после обеда, брал Софью и Андромаху и ехали за город. Яннакнсу с семьей в Ренкёе совсем не стало житья, и Генри послал деньги на проезд до Пирея всем троим — Яннакису, Поликсене и их сыну Гектору. Софья по-жилому обставила полуподвал, чтобы у людей был свой угол. Эти разорившиеся на чужбине греки были безумно рады вновь обрести свободу и покровительство Шлиманов. Великан Яннакис, увидев старых хозяев, опустился на одно колено, поцеловал руку Софьи и со слезами на глазах прошептал: — Ваш слуга.

Поликсена обняла Софью, как родную сестру после долгой. разлуки. Генри поручил Яннакису уход за домом и садом. Свое жалованье Яннакис просил перечислять в банк: под Ренкёем ему приглянулось одно хозяйство.

Первый день января был ясный, и уже покусывал холод. Отстояли службу в церкви святой Богоматери, оттуда отправились в Национальный банк. В кабинете директора собирались члены Археологического общества. Некоторые жены были членами Женской ассоциации. Они только что не облизывали Софью, гордясь ее статьями в «Эфимерис», но главным образом ее участием в раскопках, подаривших миру чудесную «сокровищницу госпожи Шлиман». Президент общества

Филиппос Иоанну повел собравшихся в подвальное хранилище, перед дверью которого стоял вооруженный охранник. Директор банка и президент общества вложили свои ключи, тяжелая дверь отворилась.

Последним вошел эфор Стаматакис. Вернувшись в Афины вскоре после королевской аудиенции Шлиманам, он привез еще тринадцать ящиков с находками. Их также заперли в подвалах банка. Ящики с золотом весили всего тридцать фунтов, остальные же находки, включая надгробные плиты и резные стелы — шесть тысяч фунтов.

В холодном каменном мешке смотритель зажег несколько газовых ламп.

Президент общества спросил Шлимана, какой ящик он желает вскрыть. Генри вгляделся и показал на тот, где хранились самые эффектные находки: диадемы, маски, нагрудные золотые пластины, кубки. Стаматакис, запечатавший ящик в Харвати, выступил вперед, «как будто сам нашел царские могилы», подумала Софья. Словно не замечая Шлиманов, с которыми он не встречался со времени своего приезда, он сорвал печать и поднял крышку. Он уже протянул руку к золотой маске, но тут вмешался Генри:

— Господин Стаматакис, я укладывал эти сокровища в ящик, мне их и вынимать.

Стаматакис молча ретировался в дальний угол. Первыми Генри извлек несколько золотых диадем из второй могилы. Среди восхищенного молчания кто-то шумно втянул воздух, кто-то воскликнул: «Невероятно!»

Генри рассказал, как выглядели погребения, упомянул о слоях гальки, описал положение скелетов и только потом перешел к царскому золоту. Он показал сотни золотых пластин с рельефными украшениями, золотую корону, увенчанную тридцатью шестью листьями, две большие золотые маски из четвертой могилы, «кубок Нестора» с парой золотых голубок, невиданной красоты золотую маску Агамемнона: на узком лице крупный нос, короткие усы, бородка.

Зрители потрясение молчали. Вдруг подземные своды огласились аплодисментами, кто-то крикнул: «Браво!» Президент общества Иоанну, ревниво оберегавший золото от любопытных рук, включая свои собственные, сказал:

— Доктор Шлиман, примите мои сердечные поздравления. Я поздравляю не только вас и госпожу Шлиман, но и весь наш греческий народ, вообще весь мир. получивший такой великолепный подарок. Я побывал во многих знаменитых музеях мира, но я нигде не видел ничего подобного. Вы сделали

человечество богаче.

Он повернулся к своим коллегам и понял, что высказал общее мнение.

— Завтра начинайте фотографировать.

2

Январь 1877 года стал месяцем напряженной работы. Генри днями пропадал в банке, выбирая самый выигрышный ракурс для фотографирования каждой крупной находки, мелкие же находки —ожерелья, серьги, браслеты, узорчатые золотые листья — подбирал так, чтобы они эффектнее смотрелись. Он хотел, чтобы в книгу попало все самое важное.

Задача облегчалась тем, что Джон Мэррей решил дать в книге гравюры и взял на себя все хлопоты и траты. Каждое утро братья Ромаидис приносили Генри проявленные негативы отснятого накануне. Если четкость изображения не удовлетворяла Генри, они проявляли другой негатив.

А вот с работой в хранилище так складно не выходило. Генри бесило, что за ним неусыпно надзирала комиссия из пяти человек: Стаматакис, два члена Археологического общества, генеральный инспектор памятников старины и вице-президент Национального банка. Конечно, они не караулили его впятером весь день: вице-президента отвлекали дела наверху, у других тоже были обязанности в городе. Но по-видимому, между собой они решили, что по крайней мере трое должны постоянно присутствовать в хранилище. Они составляли подробные списки всего, что Генри вынимал из ящиков, и перед закрытием банка тщательно проверяли, все ли возвращено на место.

— Они боятся, что я украду что-нибудь, — жаловался он Софье. — Если бы у меня было такое желание, я без труда сделал бы это в Микенах.

— Все потому, что мы тайно вывезли сокровища Приама из Турции, — сетовала Софья. — Они этого не забудут.

Софья давно заметила, что хорошее без худого не бывает. На радость Генри. Археологическое общество отправило Стаматакиса в Микены разведать места будущих раскопок и построить на акрополе помещение и я охраны, однако в отсутствие эфора фотографировать позволили только керамику, бронзу и каменные изделия.

20 января Генри получил телеграмму от лейтенанта Дросиноса, которого послал в Микены снять дополнительные планы. Дросинос был уверен, что наткнулся еще на одну могилу

за кольцевой стеной агоры. Он просил Генри немедленно приехать в Микены.

— Это невозможно, — воскликнул Генри, — я не могу бросить все и уехать!

26 января король Георг и королева Ольга в сопровождении герцога и герцогини Эдинбургских посетили хранилище Национального банка. Генри извлек самые красивые маски и диадемы. Августейшие гости были в восторге. А вечером пришла телеграмма: эфор Стаматакис раскопал могилу, о которой телеграфировал лейтенант Дросинос, и нашел золотой клад: четыре вазы с изображением собачьей морды, сосуды, перстни с чеканными пальмовыми листьями и роскошно одетыми женщинами, бычьи головы, ожерелья.

Лицо Генри посерело. Его бросило в дрожь. С трудом сделав несколько шагов, он упал в кресло.

— Как я мог это допустить? — простонал он, спрятав лицо в ладонях. — Надо было сразу же ехать в Микены. Пусть кто угодно нашел бы шестую могилу—только не Стаматакис. Микены — наши. А теперь мы должны делить их с этим…

Софья пыталась найти слова утешения:

— Дорогой, ты преувеличиваешь. Микены действительно наши. Открытие Львиных ворот, сокровищница, царские могилы — это все наше. Твоя книга станет доказательством этому.

Вскинув голову, он посмотрел на нее лихорадочно воспаленными глазами. Казалось, он постарел на двадцать лет.

— И раньше было трудно с ним, а теперь будет совсем невыносимо.

— Одного он не сможет сделать! — воскликнула Софья. — Опубликовать сообщение о своих находках. Твой контракт дает тебе исключительное право распоряжаться микенскими находками.

Тик, перекосивший на левую сторону его лицо, унялся.

— Да, мы можем запретить ему обнародовать свои находки, но и он может не позволить нам дать их описание в книге. Какой я идиот! Был в двух шагах от этого клада — это же рядом с циклопическим зданием, которое я раскопал за стенами круглого кладбища. Почему я не копнул чуть дальше?! — Эррикаки, перестань казнить себя.

Когда Генри ушел, она уже не в силах была ни о чем думать. Она чувствовала, что не находит себе места. Впервые за последние два года ее скрутила боль в животе.

Несколько дней спустя пришло письмо от Дросиноса с подробным отчетом. Он приехал в Микены 20 января и, снимая планы, углядел за оградой могильного круга площадку, схожую с

обнаруженными прежде могилами. Он предупредил караульного Панопулоса никого не подпускать близко и поехал дать Генри телеграмму. Вернувшись в Нафплион, он встретил там ожидавшего его Стаматакиса и рассказал о телеграмме и отданном караульному распоряжении. Стаматакис поспешил в Микены и раскопал площадку. Копию своего письма лейтенант Дросинос послал в газету «Стоя».

В конце января, в тот самый день, когда письмо Дросиноса появилось в газете «Стоя», Стаматакис вернулся в Афины и поместил новый клад в хранилище Национального банка. Взбешенный письмом Дросиноса, он написал опровержение, которое было опубликовано 21 февраля в «Эфимерисе».

Придя к Дросиносу посмотреть снятые им планы, утверждал Стаматакис, он услышал от него, что снаружи могильного круга, кажется, есть еще могила, Стаматакис объяснил Дросиносу, что с внешней стороны могил быть не может. На том разговор и кончился. Никакой площадки Дросинос ему не показывал. Клад он обнаружил в развалинах дома, а не в могиле, там были только кости животных. Находка золотого клада всецело его заслуга.

Генри и Софья следили за этой газетной перепалкой. 7 февраля Дросинос опубликовал новую статью, в которой решительно утверждал, что в опровержении Стаматакиса нет ни слова правды. Спустя два дня Стаматакис огрызнулся через газету: «Дросинос ничего мне не показывал. Он написал статью* чтобы угодить господину Шлиману, который ему за это платит. Генри Шлиман боится, что мои недавние открытия опишет кто-нибудь другой, он желает поместить их в своей книге, которая принесет ему огромные барыши».

Археологическое общество и сослуживцы Стаматакиса поверили его заявлению. Лейтенанту Дросиносу пришлось нелегко. Выяснилось, что он поехал в Микены по поручению Генри, не испросив разрешения у своего начальства. Его понизили в звании и оштрафовали в размере месячного жалованья.

— Я добьюсь, чтобы это суровое наказание отменили. — заявил Генри. — В конце концов, по службе он не был занят и мог распоряжаться своим временем, как хотел.

— Все наши помощники попадают в беду, — с горечью заметила Софья.

Генри стоило немалых усилий добиться смягчения участи Дросиноса; он обращался и к министру просвещения, и к членам Археологического общества—словом, ко всем, кто имел доступ в правительственные сферы. И он не зря хлопотал: Дросиносу вернули звание, но штраф не отменили. Генри компенсировал

ему эту потерю.

Не успел Генри вызволить из беды Дросиноса, как в скверную переделку попал другой его старый друг, полицмейстер Нафплиона: его сняли с должности и угрожали тюрьмой. Леонидаса Леонардоса обвиняли в том, что он получил от императора Бразилии дона Педро тысячу франков за охрану его величества в Нафплионе, а между своими подчиненными разделил сорок франков, клянясь, что именно столько получил от императора. И он действительно получил всего сорок франков, писал Леонардос, то есть восемь долларов. Генри тотчас послал премьер-министру просьбу о помиловании Леонардоса. Премьер-министр не ответил. Генри снова написал ему, клятвенно заверяя, что Леонардос человек кристальной честности и обмануть своих подчиненных не мог. Подоплекой этой истории была ссора между мэром Нафплиона и полицмейстером. Мэр и распустил эти слухи. Поскольку премьер-министр промолчал и на этот раз, Генри не оставалось ничего, как обратиться к самому императору, и он написал дону Педро, который в это время был уже в Каире: «…во имя святой правды и человечности, сколько получил Леонардос— сорок франков или больше?»

Получив письмо, император немедленно отправил телеграмму: он дал ровно сорок франков. Премьер-министр долго постигал смысл этой телеграммы. Потом он принес Генри извинения за то, что не ответил на его письма, и распорядился восстановить Леонидаса Леонардоса в должности.

Генри не терпелось увидеть новые золотые находки. Из краткого описания в телеграмме, посланной Стаматакисом Археологическому обществу, можно было заключить, что найденное золото не походило на то, которое Генри извлек из захоронений. Коль скоро Стаматакис утверждал, что нашел клад в развалинах древнего здания, а не в могиле, значит, решил Генри, это золото составляло чью-то фамильную собственность. Это, несомненно, умаляло ценность находки. Тем не менее фотографии клада надо бы включить в книгу о Микенах, иначе она будет неполной.

Эфор Стаматакис занимал скромный кабинетик в правительственном здании в центре города. «Войдите», — откликнулся он на стук в дверь и уставился на Генри неузнающим взглядом. Генри спросил, не могут они сходить в Национальный банк и увидеть золото, которое Стаматакис привез из Микен.

— Я еще не готов вскрыть ящики, — сухо ответил Стамазакис.

— А когда будете готовы, позвольте спросить?

— Не знаю. Во всяком случае, не в ближайшее время, нужно еще написать отчеты. Я открою ящики только в присутствии членов Археологического общества и профессоров из университета.

— Но вы понимаете, что я должен включить эти находки в мою книгу о Микенах?

Стаматакис поднял на него глаза.

— Вы не принадлежите к числу моих друзей, господин Шлиман. Вы взяли сторону лейтенанта Дросиноса, который публично ославил меня лжецом.

— Он хороший инженер. Зачем портить ему военную карьеру?

— Во имя истины! — И резко прибавил: — Впрочем, вас это никогда не волновало. Вы думаете только о себе, ваши удачи на Гиссарлыке и в Микенах важны вам постольку, поскольку они сулят славу и деньги.

И снова Генри обивает пороги учреждений. Прямо ему нигде не отказывают в праве увидеть находки Стаматакиса, но все просят повременить. В роли просителя Генри вел себя безукоризненно, зато дома давал выход лютой ненависти к Стаматакису — этому клерку, этому ничтожеству, из-за которого приходится ходить из одного учреждения в другое, от одного знакомого к другому без всякого толку.

Генеральный инспектор памятников старины особой любви к Генри не питал. Это к нему Шлиманы приходили каяться три года назад, вернувшись из первой поездки в Микены, и он тогда упрекнул их в неуважении к греческим законам. Зато сейчас именно Эвстратиадис распорядился, чтобы 18 февраля во второй половине дня Стаматакис встретил его и Шлиманов в Национальном банке, где доктор Шлиман с его разрешения сделает необходимые снимки. Подобие покоя спустилось на мятущуюся душу Генри (на его «взрывчатую» душу, уточнила бы Софья).

Хотя фотографировать пришлось с пулеметной скоростью, но именно в эти минуты у Генри родилась мысль дать постоянное пристанище своим коллекциям из Трои и Микен. За ужином он сказал Софье:

— Я возвращаюсь к своему первоначальному намерению, которое не было принято из-за нашей тяжбы с турками. Хочу опять предложить угловой участок вблизи университета и сорок тысяч долларов на строительство музея. Архитектор Циллер согласился сделать проект.

— У тебя только одна коллекция. Генри: микенские находки принадлежат Греции.

— Что за глупости! Только представь себе, каким он будет, музей Шлимана. когда мы передадим ему наше золото, геммы, вазы, стелы! Со всего света будут съезжаться посмотреть.

Софья промолчала. Генри так и не смог постичь греческий характер. Правда, одна истина ему приоткрылась, когда в Харвати Финдиклис и Стаматакис, не смущаясь его присутствием, толковали о судьбе сокровищ: он понял, что в его услугах уже не нуждаются. И члены Археологического общества, и ведающие античными памятниками чиновники — всех их выпестовал. Афинский университет, у всех было одно образование, одни идеалы. Это была однородная среда, в которой Генри не было места: он иностранец, чудак, «энтузиаст». Они откажут ему.

Так оно и случилось. Премьер-министр, министр народного просвещения, президент Археологического общества—каждый поблагодарил его за великодушное предложение, но они уже начали строить Национальный музей, в котором будут выставлены все греческие древности, как те, что уже имеются, так и будущие — из Олимпии, Дельф.

Переживая свое унижение, Генри несколько дней угрюмо молчал, пока ему не пришла в голову мысль о предварительной выставке микенских сокровищ. И он опять отправился по департаментам за разрешением готовить стеллажи и стенды. Ему ответили, что с выставкой не горит, что предстоит большая подготовительная работа: многое реставрировать, склеить черепки, составить каталог.

Софья страдальчески морщилась, слушая его рассказ. Она предвидела и этот удар, когда он признался ей, что хочет поторопить общество с выставкой.

Но сломить Генри было непросто.

— Я уверен, они не могут устроить выставку в этом году только потому, что у них нет подходящего помещения. Я обыщу весь город, но найду им прекрасный зал.

Несколько дней он ходил по Афинам, но подходящего зала не было ни в университете, ни в каком другом учреждении. Наконец неутомимые ноги привели его к красивому корпусу строящейся Политехнической школы. Он переговорил с ректором, предложил деньги за аренду, получил согласие. Но когда он явился с этой вестью в Археологическое общество, его выслушали без всякого энтузиазма.

— Господин Шлиман, мы ведь уже сказали вам, что не будем устраивать выставку ни в этом году, ни, по-видимому, в следующем. Необходимо очень многое сделать, чтобы выставка была во всех отношениях безупречной.

Генри убитым голосом выкладывал Софье свои жалобы, но и

она крепилась из последних сил.

— Мне больно говорить тебе это о моих соотечественниках, — сказала она. — Мои слова могут прозвучать жестоко. Но они готовы ждать хоть несколько лет, пока твое имя понемногу забудется. И тогда это будет Афинская — и ничья больше— выставка, их собственная выставка, никакого отношения не имеющая к доктору Шлиману.

Генри с болью глядел на нее, глядел долго-долго. В его глазах стояли слезы.

— Хорошо, раз я здесь не нужен, начну переговоры с Кенсингтонским музеем в Лондоне. Предложу им выставить сокровища Приама. Эту мысль мне подал премьер-министр Гладстон. Он пишет, что они с восторгом согласятся выставить нашу коллекцию.

Приняв решение, он повеселел. Софья радовалась за мужа, жертвуя собственными чувствами. Если троянский клад покинет Афины, обратно он может и не вернуться.

Неожиданно из Лондона пришла телеграмма. Генри ликовал, читая и перечитывая ее. Его приглашали выступить в мае с лекцией в Королевском археологическом институте Великобритании и Ирландии. Тогда же им вручат дипломы об избрании почетными членами.

— Два диплома, — улыбнулась Софья. — Словно мы с тобой вместе оканчиваем университет.

Генри определенно решил не возвращаться в Микены.

— После царских могил раскапывать дворец неинтересно. И вообще, я больше ничего не буду раскапывать в Греции. Я хочу возобновить наши работы в Трое.

— В Трое? Что ты думаешь там еще найти?

— Полностью раскопаем дворец Приама. Мы не успели кончить, потому что надо было спасать золото. Я хочу раскопать весь третий сожженный город и все кольцо обводной стены. Там может быть гораздо больше слоев, чем мы предполагаем. Может, не меньше семи. Я хочу раскопать их все. Работы на много лет. Теперь у меня больше опыта, и раскопки я буду вести более научно.

Софья вздохнула. Она не могла взять с собой в Трою Андромаху — там ни школ, ни врачей. Фирман у Генри есть, но срок его действия истекает через год, 8 мая 1878 года, и он еще принимает приглашение Королевского археологического института!

3

Немецкие ученые мужи, чьим мнением дорожил весь мир, не стали ждать, когда выйдет книга о Микенах, и заблаговременно повели дискредитацию царских могил и золотых сокровищ. Мишенью для своих нападок они избрали статьи Шлимана в лондонской «Таймс».

Доктор Эрнст Курциус, автор знаменитой книги о Пелопоннесе и об истории Греции, бывший профессор Берлинского университета, недавно получил разрешение на раскопки в Олимпии и теперь возглавлял прусскую экспедицию. В 1871 году Генри познакомился с ним в Берлине. Они переписывались, и, хотя, по мнению Курциуса, Троя находилась в Бунарбаши, между ними были вполне дружеские отношения.

Доктору Курциусу было разрешено осмотреть микенское золото в Национальном банке. Он писал жене:

«Золото такое невероятно тонкое, что герой Агамемнон был, видимо, весьма нищий князек. Ничего подобного этим микенским могилам нет в античной древности».

Основываясь на этих словах мужа, фрау Курциус написала для одной немецкой газеты статью, в которой громила теории Шлимана и умаляла ценность его находок. Мнение Курциуса было подхвачено всеми прусскими и австрийскими учеными, а газеты разнесли его по всему миру.

Взбешенный Генри ответил ударом на удар. «Прусское правительство, — писал он, — разочаровано своими раскопками в Олимпии. Но если в Олимпии не найдено ничего стоящего, то лишь потому, что эти невежественные болваны работают без плана и системы и сваливают мусор в пятидесяти ярдах от раскопа. Имея одну треть их денег, я бы сделал чудеса. Они слишком учены, чтобы вести раскопки».

Второй удар нанес Эрнст Бёттихер, капитан прусской армии, записавшийся в ученые. На конференции в Берлине, устроенной сразу после первых раскопок на Гиссарлыке, капитан Бёттихер выступил с заявлением, что никакой Трои не было и что Гомер — собирательное имя поэтов и сказителей, живших на протяжении нескольких веков. Генри тогда с места бросил реплику, что капитан Бёттихер не вчитался в тексты «Илиады» и «Одиссеи», из которых с несомненностью следует, что Гомер существовал и что он первый величайший поэт. Так Генри нажил себе смертельного врага. Бёттихер написал несколько статей, а потом даже книгу, в которой договорился до того, что Гиссарлык — просто крематорий, где древние сжигали мертвых. Он обвинял Генри в том, что тот якобы снес стенки печей и опубликовал в книге о Трое фальсифицированные планы и чертежи.

Теперь для своих бредней он располагал материалами

микенских раскопок. И Бёттихер прямо обвинил Генри в мошенничестве: он де сам начинил скалу золотом, причем поскупился на расходы и сфабриковал «невероятно тонкие» вещи, что и подметил профессор Курциус.

Третья категория недоброжелателей называла его мотом и расточителем, проматывающим состояние в угоду честолюбию. Генри пришлось даже приподнять завесу: пятьдесят тысяч долларов, ежегодно тратимых на раскопки, брались не из капитала, а с процентов, причем еще оставалось и на содержание семьи.

— Видимо, я рано почила на лаврах, — сетовала Софья. — То, что есть люди, которые никогда не верили в существование Трои и не могут признать твои теории даже вопреки очевидным фактам, — это я еще понимаю. Но из истории всегда было известно, что в Микенах существовали царские могилы и что, согласно тогдашним обычаям, они должны быть буквально набиты золотом. И ведь все знают, что за раскопками наблюдало греческое правительство. Зачем Курциусу понадобилось опорочить наши прекрасные золотые маски, диадемы, кубки?

Приступ гнева сменился у него угрюмостью.

— Никогда бы не подумал, что Курциус способен натравить жену на наши раскопки. Зависть, злоба. Теперь в Археологическом обществе скажут: привез Шлиман тридцать фунтов золота и воз неприятностей в придачу.

Софья никогда не считала себя хрупким созданием. Ее здоровье мирилось с дурным климатом Троады и ужасными условиями жизни в Хыблаке и Гиссарлыке. Она могла по пятнадцать часов в сутки работать и в дождь с прохватывающим до костей ветром, и под палящим солнцем. И воля у нее была, она не подведет ни в делах, ни в трудную минуту.

— Духом и телом сильна, а вот нервы никуда не годятся, — расстраивалась Софья.

Нападки, насмешки, откровенная травля, оскорбительное шельмование — «бездарности», «невежды», «проходимцы», «пиявки на здоровом теле науки», «самозванцы и хвастуны, недостойные дышать одним воздухом с настоящими учеными». Под такими ударами она чувствовала себя жалким суденышком, попавшим в девятибалльный шторм. Генри находил разрядку в яростных опровержениях, а она на это не была способна. Публичный мордобой был не в ее характере. К тому же Генри с головой ушел в работу — заканчивал несколько сотен фотографий для книги о Микенах, писал последнюю главу о находках чиновника по фамилии Стаматакис». А у нее и дел почти никаких не было: хозяйство вел Яннакис, Поликсена

занималась Андромахой, молодая кухарка из Плаки прекрасно готовила.

Софью охватила вялость, пропал аппетит. Как ни уговаривал ее Генри «съесть что-нибудь и выпить бокал вина»—она отказывалась. Она плохо спала, похудела. Однажды, вернувшись к обеду, Генри нашел ее в постели и не на шутку встревожился. Он подсел к кровати, взял ее руку, поцеловал.

— Милая крошка, держись, не поддавайся. Через несколько недель мы будем в Англии, с людьми, которые нас обожают. И вся эта мерзость развеется как дым. Кто делает эти пакости? Ученые завистники, они все заодно. А для нормальных людей мы герои, перед нами преклоняются, мы живем беспокойной, интересной жизнью. Пусть это тебя утешает и поддерживает.

— Я знаю, Эррикаки. — Софья слабо улыбнулась. — Мне самой неприятно раскисать из-за этого. Потерпи немного. Я поправлюсь, мы еще покопаем в Трое.

Генри отплыл из Пирея в Лондон 18 марта. Софья осталась дома; она знала, что дороги ей не перенести. Желчные колики не проходили, и она почти все время лежала. Вставала через силу, помогала Катинго, которая тяжело разрешилась четвертым ребенком. Андромахе скоро исполнялось 6 лет, у нее менялись зубы, она температурила, капризничала. Слегла и мадам Виктория—с «сердечным приступом, — определил доктор Скиадарассис, — пугать ее не надо, а надо с месяц подержать в постели». Софья уложила мать в спальню рядом со своей.

В конце марта Софью навестил Чарльз Ньютон из Британского музея. Его аккуратно подстриженные усы и короткие волосы подернула седина, но голубые глаза смотрели молодо и задорно. Софье было приятно снова увидеть его, посидеть с ним на атласном диване в гостиной.

— Госпожа Шлиман, я только что видел ваше золото. Великолепно! Бесподобно! Эрнст Курциус абсолютно неправ. Это древние предметы, они почти наверняка современники Агамемнона. Завтра я веду Курциуса в хранилище.

Поблагодарив его, Софья тихо обронила:

— Для немцев Генри всегда неправ. А для англичан всегда прав.

Ньютон отечески похлопал ее по руке:

— Дорогая мадам Шлиман, все мы патриоты, но не любим, чтобы соотечественники опережали нас.

А через два дня явился собственной персоной профессор Эрнст Курциус. Софья видела его впервые. У Курциуса была львиная голова с копной белых волос, густыми прядями спадавших на уши и шею. Неправдоподобно широко

расставленные глаза, казалось, видели насквозь.

— Госпожа Шлиман. я беспокоюсь, как бы не вышло недоразумения из-за статьи, критикующей находки вашего мужа в Микенах. Фрау Курциус написала ее, опираясь на случайное замечание в одном из моих писем к ней. По моей просьбе жена пишет такие статьи — ведь я годами путешествую по Греции, собирая материалы для моей «Истории Греции». Но эта статья была он шоком.

— Сама статья или ваше «случайное замечание»? — сухо спросила Софья.

— И то и другое. Я слишком поспешно судил о микенских находках и, что греха таить, немного завидовал. Ваш добрый друг Чарльз Ньютон провел вчера со мной в хранилище три часа, разбирая золотые маски, диадемы, нагрудные пластины. Я ошибался. Это действительно древние вещи. И золото вовсе не тонкое, как я писал, оно массивное и обработано с невиданным мастерством. Я бы не хотел, чтобы между мной и вашим мужем была хоть тень размолвки. Пошлите ему, пожалуйста, вот это письмо, где я отказываюсь от своих слов и приношу извинения.

Софья взяла тонкий конверт и тихо спросила:

— А вы не могли бы сделать такое заявление в газете, опубликовавшей статью вашей супруги?

— Нет, госпожа Шлиман, этого я сделать не могу… Это поставит мою жену в неловкое положение, вызовет нарекания. Насколько мне известно, скоро выходит в свет книга доктора Шлимана о Микенах. Я помещу на нее рецензии в немецких археологических журналах. В них я с гораздо большим успехом восстановлю его доброе имя в наших ученых кругах.

У Софьи гора с плеч свалилась. Поблагодарив Курциуса, она налила ему чашку чая и просто сказала:

— Хотите, я расскажу вам, как мы раскапывали царские могилы?

Добрые вести спешат вместе. Прошло несколько дней, и афинские газеты поместили сообщения о восторженном приеме, оказанном Генри в Королевском обществе древностей в Лондоне. Одна газета прямо писала: «Нужно признать, что Греция не сумела оценить по достоинству этого человека».

А еще несколько дней спустя Софья получила номер «Лондонских иллюстрированных новостей» со статьей о «сокровищнице госпожи Шлиман». Там специально говорилось о ее участии в раскопках.

«Поскольку купол этой гробницы был с давних пор пробит, в общем было известно, что это такое. Теперь же благодаря госпоже Шлиман раскопана и открыта для обозрения вся гробница. Пока

ее муж трудился внутри стен акрополя, она вела исследование этого памятника древности…»

Софья читала статью, и к горлу ее подкатывался комок.

Жизнь с Генри Шлиманом, конечно, выдержать нелегко. Но какая это была удивительная жизнь! Жаль, что его нет сейчас рядом.

И как-то ночью, уже в мае, мучаясь бессонницей и одиночеством, она встала, прошла в кабинет Генри, подошла к его столу и написала на древнегреческом стихотворение:

О, господин, горение души тебя погубит.
Разве не жаль тебе дочь и бедную жену.
Которые хотят тебя видеть рядом?
Неужто тебе похвалы британцев дороже меня?

При трезвом дневном свете она перечитала стихи и поняла, что на последний вопрос, видимо, придется ответить утвердительно. От разных ученых обществ Генри уже получил десять приглашений выступить с лекцией. Еще месяц нужно поработать с издателем Джоном Мэрреем и с лучшими английскими граверами Купером и Уимпером, готовившими клише для его книги о Микенах.

Постоянные зубы у Андромахи благополучно прорезались, температура спала. Катинго оправилась от послеродовых осложнений. Госпожа Виктория тоже была на ногах и опять управляла домом, не подозревая, что перенесла сердечный приступ. Софья попросила доктора Скиадарассиса найти хорошую сестру посмотреть за матерью. Уладив домашние дела, она облачилась в свою «Амалию» — греческий национальный костюм: длинная до щиколоток шелковая юбка, синяя в красный горошек, белая блузка из тонкого полотна, короткий жакет и красная бархатная феска. С нею ехала вся компания: Андромаха, Поликсена, Спи рос. В Пирее сели на пароход до Марселя, потом ехали поездом в Париж, где Генри обещал их встретить, чтобы всем вместе переправиться через Ла-Манш.

Им было очень хорошо в гостинице «Лувуа». А уже через два дня они стояли на пороге снятого Генри дома № 15 по Кеппел-стрит, рядом с Британским музеем. Здесь Софью ждало официальное приглашение. Президент Королевского археологического института Великобритании и Ирландии лорд Талбот де Малахид с единогласного одобрения своего совета сообщал: «Миссис Шлиман в самом ближайшем будущем

приглашается почтить институт своим присутствием на специальном заседании в 5 часов пополудни. Госпожу Шлиман просят сделать сообщение на любую угодную ей тему».

На этом заседании ей предстояло получить диплом почетного члена Королевского археологического института, одного из самых уважаемых в Англии. Генри сиял от восторга. Софья ударилась в панику.

— Генри, я ни разу в жизни не выступала публично. Что я скажу?

Генри рассмеялся над ее страхом перед публикой.

— Говори, о чем хочешь: о греческом наследии, о наших раскопках в Трое, в Микенах…

— По-гречески надо говорить или по-английски?

— По-английски. Чтобы тебя все поняли. Знаешь, напиши-ка сначала по-гречески. Вырази себя свободно, а потом переведем на английский. Макс Мюллер отшлифует текст. У тебя впереди целых три недели. Твое выступление предполагается всего на двадцать минут.

В их временном пристанище было удобно, но мрачновато. Гостиная выдержана в темно-коричневых тонах, стены столовой оклеены темными лаковыми обоями. Окна в спальне и в нижних комнатах, помимо легких занавесей, задрапированы тяжелыми, синего бархата гардинами, тяжело свисавшими на бронзовых кольцах с массивного карниза красного дерева. В доме не было ни света, ни воздуха. Комнаты заставлены так. что не пройти: громадный рояль, столы, кушетки, кресла, этажерки с цветами, ширмы, горшки с папоротниками, пальмы, резные орехового дерева горки, инкрустированные слоновой костью, тяжелые буфеты с фарфором, вазы с муляжными фруктами.

— Не понимаю, — говорила Софья, — как можно пройти по этому лабиринту в темноте. Генри, сделай для меня одну вещь: сними эти гардины, распахни окна и впусти свет и воздух.

— Боюсь, без лома тут не обойтись. Англичане считают, что свежий воздух вреден для легких.

Весь май держалась прекрасная погода: теплое солнце, прозрачный, искрящийся воздух. Завтрак Софье подавала в постель кухарка, доставшаяся им вместе с домом, и завтрак был плотный, английский: овсянка, яйца, ветчина, гренки, повидло и чай.

— Генри, куда мне столько?! Я утром пью только чашку кофе.

— А ты вообрази себя англичанкой. Прибавить немного в бедрах тебе не мешает, будет на что посмотреть.

Как ни странно, каждое утро она съедала весь этот завтрак. От болезни, подкосившей ее в Афинах, не осталось и следа. Забот

у нее здесь не было никаких: кухарка покупала провизию, обсуждала с Генри меню. После завтрака Софья надевала халат, домашние туфли и садилась за письменный стол, который Генри распорядился поставить в углу между южным и восточным окнами библиотеки. Она работала несколько часов подряд, пока было солнце, записывая мысли для первого наброска своей речи.

Это было счастливое время. Генри готовил еще три лекции: для клуба «Атенеум», для Королевского археологического института и для Королевского исторического общества. Поскольку августейшие особы были, как правило, членами сразу нескольких обществ, он тщательно следил за тем, чтобы не повторяться. Ясно, приходилось попотеть за столом. Работали, они с восьми утра до одиннадцати, что говорится, плечом к плечу, Софье очень нравились эти творческие турниры. Потом ехали к кому-нибудь, обедали дома или в саду: Генри, наезжая в Лондон, завел себе немало друзей. Прислушиваясь, Софья постепенно настраивалась на английскую речь.

— Когда ты напишешь окончательный вариант своего выступления, — сказал как-то Генри, — я попрошу Филипа Смита отрепетировать его с тобой, чтобы ты говорила без акцента.

Заседание было назначено на 8 июня. Генри. Макс Мюллер, Филип Смит и сама Софья были к этому времени довольны и речью и произношением. Экипаж доставил их на Нью-Берлингтон, 16, в пять минут шестого, как и было условлено. В сопровождении официальных лиц Софья поднялась по широкой лестнице и была встречена президентом Института лордом Талботом де Малахидом и Уильямом Гладстоном. который уже не был премьер-министром, но по-прежнему оставался лидером либеральной партии в парламенте. Они проводили ее к трибуне.

С ее появлением все стихло. Собравшиеся в этом огромном зале просто растерялись, увидев, как она молода — ей было всего двадцать пять лет, — как по-гречески прекрасна. Лорд Тал бот тепло и непринужденно представил ее публике. В зале было много женщин, в красивых туалетах, искусно причесанных. Софья тоже не ударила в грязь лицом: Генри возил ее к самому модному лондонскому портному, и тот сшил ей длинное свободное платье из набивного шелка и в тон к нему шляпку. Из украшений на ней были только обручальное кольцо и коралловое ожерелье, которое Генри подарил ей в дни их первого знакомства в Колоне. Глядя на обращенные к ней лица, выражавшие почтительное внимание — очень немногие женщины выступали до нее с этой кафедры, да и не было такого на памяти присутствующих, — Софья вдруг почувствовала себя совсем легко. Восемь лет ее супружеской жизни — это долгий, кремнистый путь, но вот она достигла

вершины — и можно оглянуться и порадоваться пройденному.

Лорд Талбот поднес ей букет, подобранный в цвета греческого национального флага. Софья узнала в первом ряду Чарльза Ньютона, доктора Иеронимуса Мириантеуса, архимандрита греческого землячества Иоанниса Геннадиуса. греческого посланника в Лондоне, знаменитого тем, что он тратил почти все свое жалованье на букинистов, собирая книги по истории Греции и Турции; несколько новообретенных знакомых; были герцог Аргайльский. лорд Хаутон, Роберт Браунинг, издатель Джон Мэррей. И пришло много профессоров из Оксфорда и Кембриджа.

Негромкие аплодисменты, во время которых Софья осваивалась на кафедре, смолкли. Софья уверенно начала свою лекцию. Макс Мюллер мудро поступил, сохранив в английском тексте несколько ярких, чисто греческих оборотов речи. Филип Смит научил ее верно произносить каждый слог, но совсем снять греческий акцент он конечно, не мог. и это сообщало ее речи пленительное очарование.

Она начала с похвального слова своему народу:

— В то время, когда весь мир еще был объят глубокой тьмой, мои предки, древние греки, достигли в искусствах и науке совершенства, до сих пор непревзойденного. Наши политические институты, наши государственные мужи, ораторы и философы, наши поэты во все века вызывали удивление и восхищение человечества…

Софья коснулась древнегреческой истории, от Агамемнона, Ахилла, Одиссея перешла к Периклу, Солону, Платону. Затем стала рассказывать о раскопках:

— Александр Великий спал с томиком Гомера под подушкой. Любовь к Гомеру вознаградила нас с доктором Шлиманом открытием Трои, Павсанию мы обязаны открытием в Микенах пяти царских могил, полных сокровищ. Мое участие в раскопках было весьма скромным. В Микенах рядом со Львиными воротами я раскопала большую гробницу… Хотя в ней сокровищ не оказалось, ее открытие представляет определенную ценность для науки: в ней найдено много интересной керамики, которая воскрешает седую древность, когда эта гробница была замурована.

Она рассказывала, как были отрыты царские могилы в Микенах, где нетронутыми лежали сказочные сокровища. Аудитория сидела как завороженная. Генри распирало от радостного волнения и гордости. Он чувствовал себя Пигмалионом: женился на семнадцатилетней гимназистке, выучил ее, образовал, сделал известной на весь мир.

Окончив свой волнующий рассказ, Софья поблагодарила Англию за ее щедрую помощь Греции, без которой Греция не смогла бы добиться независимости от Турции, и призвала англичанок «учить своих детей певучему языку моих предков, дабы они могли в подлиннике читать Гомера и других наших бессмертных классиков».

Подняв голову от бумаги, Софья устремила в зал свои огромные черные глаза.

— В заключение хочу поблагодарить вас за снисходительность, с которой вы слушали почитательницу Гомера.

Ей аплодировали стоя. Вечером в честь Шлиманов лорд-мэр дал банкет, на котором присутствовали представители всех десяти ученых и литературных обществ, перед которыми Генри выступил с лекциями. И уже до самого их отъезда из Лондона в конце июня знаменитые фамилии приглашали их наперебой, устраивая в их честь обеды, ужины, приемы в саду. Софья не уставала радоваться этому сплошному празднику.

— Ничего удивительного, что ты в восторге от всего этого, — сказал ей Генри после бала в их честь у лорда Эктона. — Тебя любят, с тобой носятся, тебе потакают, тобой восхищаются.

— А что, это очень приятно, — ответила Софья, поворачиваясь спиной, чтобы он расстегнул крючки на ее бальном платье. — Почему в Афинах нам не перепадало ничего похожего? Почему здесь нас признают, а дома мы встречаем только презрение и недоверие?

— Не могу не признаться тебе, что моя любовь к Англии и англичанам, а особенно к Лондону и лондонцам, с каждым часом становится все сильнее. Господин Иоаннис Геннадиус мечтает заполучить нас сюда на постоянное жительство. Он полагает, что наша любовь к древней и современной Греции может сослужить прекрасную службу вашей родине…

Он секунду помолчал, ласково поцеловал Софью в уголок губ и спросил:

— Почему не жить там, где нам рады?

Но сначала нужно дать себе отдых: Генри признался, что устал от лекций и приемов. «Устал» — этого слова Софья никогда раньше не слышала от него; она так перепугалась, что не стала возражать против того, чтобы пожить в Париже. Генри связался со своим агентом и снял на три месяца квартиру в доме, принадлежащем ему самому: Елисейские поля, площадь Звезды, Тильзитская улица, 20.

Июль в Париже был очень жаркий, город наполовину пустовал. Генри нанимал красивый экипаж, в который была впряжена пара гнедых, и они ехали под сень Булонского леса, где устраивали пикник. Иногда уезжали подальше в лес Фонтенбло, останавливались на ночь в небольшой уютной гостинице, выстроенной в лесу, ужинали во дворе, наслаждаясь прохладой и мелодичным журчанием бегущего в двух шагах ручья.

С того дня как Софья разрешилась преждевременно мертвым младенцем, минуло пять лет. Услыхав ее сетования, доктор Веницелос воскликнул:

— Терпение, дорогая госпожа Шлиман! Природа мудра, у нее свои циклы, свои замыслы. Шевельнется у вас под сердцем плод— значит, все хорошо.

И вот теперь в момент полного жизненного благополучия она опять почувствовала, что станет матерью. Но Генри ничего не сказала, чтобы потом не было разочарования.

Гранки книги о Микенах Генри получал каждые два-три дня. Его убивало количество ошибок в английском тексте; он был недоволен и качеством гравюр, иллюстрирующих его находки. Он писал пространные письма в Лондон Джону Мэррею, объясняя, почему гравюры должны быть более яркими и контрастными. Его французский издатель Ашетт настаивал, чтобы Шлиман сам оплатил все расходы, связанные с изданием книги. Шлиман уже считал себя профессиональным писателем, и мысль, что он сам должен субсидировать свою книгу, уязвляла его самолюбие. Но больше всего его огорчала неудача с Кенсингтонским музеем: переговоры с дирекцией музея о выставке троянских находок зашли в тупик.

К середине августа Шлиман больше не мог оставаться в бездействии.

— Софидион. я должен ехать в Лондон и сам проследить за набором вместе с Филипом Смитом. — сказал он Софье. — Нельзя оставлять и гравюры только на Купера и Уимпера. Гравюры должны быть прекрасными. Да, всюду нужен свой глаз. Необходимо добыть один набор гравюр для французского издания Ашетта. Не менее важно лично встретиться с директорами Кенсингтонского музея, чтобы сдвинуть переговоры с мертвой точки.

Софья не хотела оставаться в Париже без мужа, но она знала: Генри доведет до конца начатое, чего бы это ни стоило. А кроме того, просьбы ее никакого действия не возымеют! И она ответила:

— Поезжай, дорогой, но, пожалуйста, закончи все как можно скорее.

Спустя два дня после отъезда Генри она открыла маленький

ящичек в секретере, в котором он держал деньги на домашние расходы, и. к своему удивлению, нашла только четыреста франков. Открыла соседний ящик, где лежали неоплаченные счета. Все подсчитав, она обнаружила, что, уезжая второпях и под бременем забот. Генри оставил ей две тысячи франков долгу. Следующие два-три дня она только и делала, что платила стучавшимся в двери кредиторам — и скоро от восьмидесяти долларов ничего не осталось. Подошло время платить слугам, покупать провизию, уголь. Она послала Генри телеграмму, спрашивая, чем ей расплачиваться.

Ответа не было. Может, Генри гостил у кого-нибудь за городом, а может, уехал с Максом Мюллером в Оксфорд… Тогда Софья отправила ему уничтожающее письмо:

> «…Я сгораю от стыда, что у меня, жены Шлимана, нет денег, чтобы заплатить за одежду и за уголь. Я не умру без денег, но стыдно даже разговор заводить об этом».

Эти фразы попали не в бровь, а в глаз.
Генри ответил:

> «Я понял свою ошибку. Посылаю в этом письме чек. Тебе этого должно хватить до моего приезда. Я вернусь в середине сентября».

Софья взглянула на чек и задохнулась от возмущения. Сумма была ничтожная. Едва хватит на еду. На глазах у нее закипели слезы.

— Разлука превращает его в скрягу. Ну что ж. Будем питаться той славой, которой я ему обязана.

К середине сентября, почувствовав недомогание, Софья обратилась к двум врачам — французу доктору Шатильону и греку доктору Дамаскеносу. Оба подтвердили, что она беременна. Только теперь Софья позволила себе отдаться радости предстоящего материнства. Назавтра из Лондона вернулся Генри. Она сообщила ему новость. Генри пришел в восторг. Схватил Софью и закружил ее по комнатам, тесно заставленным обитой золотой парчой мебелью в стиле Людовика Четырнадцатого.

— У меня будет сын! — радостно восклицал он. — Мой сын — грек!

Выбежал из дома и в приступе мотовства купил Софье роскошную соболиную пелерину. Вернувшись, набросил ей на плечи теплый шелковистый мех.

— Чтобы грел зимой, — говорил он, не помня себя от счастья. — Как тебе идет!

Софья гладила мягкий густой мех, не веря своим глазам, едва сдерживая нахлынувшие самые противоречивые чувства.

Генри привез из Лондона добрые вести: гранки и гравюры приведены в надлежащий вид. Его выставка в Кснсингтонском музее откроется в конце декабря по меньшей мере на полгода. Музей согласился оплатить перевозку коллекции из Афин в Лондон. Надо скорее ехать в Афины упаковывать сорок с лишним ящиков сокровищ Приама и сотен других троянских находок. Гладстон после некоторого колебания согласился написать предисловие к «Микенам»; это будет иметь очень большое значение для всего англоязычного мира.

Первая неделя по приезде Генри была восхитительна. Два раза они были в Комической опере. Генри возил Андромаху в цирк, который так нравился Софье в первый год их жизни в Париже. В последнюю неделю сентября погода вдруг изменилась, небо затянули серые тучи, полил дождь. Стало холодно. У Софьи заболели спина и ноги, как пять лет назад; это был плохой признак.

Генри встревожился, послал Спироса за доктором Дамаскеносом. Доктор, знавший о выкидыше, нашел, что сейчас опасаться нечего.

— Значит, я могу ехать в Афины? Глаза у Шлимана заволокли слезы.

— Родная, нельзя рисковать. До Марселя два дня в поезде… море в это время года неспокойно… тебя будет страшно укачивать.

Софья повернулась к доктору, ее губы и подбородок выражали непоколебимую решимость.

— Доктор Дамаскенос, вы сказали, что я здорова и беременность развивается нормально. Какой вред могут мне причинить несколько дней дороги?

Доктор Дамаскенос отрицательно покачал головой.

— Я должен согласиться с вашим супругом, госпожа Шлиман. Это слишком рискованно. Если что-нибудь случится и вы потеряете ребенка, вы этого никогда себе не простите.

Софья настояла, чтобы пригласили доктора Шатильона. Он согласился с мнением Дамаскеноса. Софья с тяжелым сердцем вынуждена была покориться.

— Разве я могу устоять перед натиском моего мужа и двух

докторов, — сказала она.

В последнюю минуту Генри спросил у Софьи, не может ли он взять с собой в Афины Спироса, чтобы он помог упаковать золото. Генри не хотел, чтобы кто-нибудь посторонний видел сокровища, прикасался к ним. Спирос побледнел, представив себе Софью одну в ее положении под чужим небом.

— Если ты возьмешь с собой Спироса, — восстала Софья, — я тоже поеду, даже если умру. У тебя в Афинах есть Яннакис, он и будет тебе помогать.

Услыхав имя Яннакиса, Поликсена, которая была с Андромахой в этой же комнате, упала на колени перед Софьей.

— Госпожа Шлиман, умоляю вас, отпустите меня к мужу и ребенку. Вот уже сколько месяцев… я так скучаю о них…

Софья несколько секунд стояла молча, потом взяла молодую женщину под руку и помогла ей подняться.

— Хорошо, Поли, поезжай домой к своей семье. Я лучше, чем кто-нибудь другой, понимаю, как тяжело быть вдали от тех, кого любишь.

Генри нашел Андромахе вместо Поликсены няньку-француженку. И дал ей имя Гекуба по своей привычке давать прислуге имена из греческой мифологии. Он также оставил Софье большую сумму денег, что оказалось весьма кстати. Спустя два дня после его отъезда к Софье наведался агент Шлимана по найму квартир и уведомил ее. что в последний день месяца она должна съехать с квартиры, так как квартира уже сдана другой семье.

— Съехать с квартиры? — задохнулась Софья. — Это невозможно… разве мой муж не продлил контракт?

— Нет, мадам. — Агент был вежлив, но тверд. — Ваш контракт был подписан на три месяца — июль, август, сентябрь. Поскольку ваш муж не возобновил его, я вынужден был искать новых жильцов. Они въезжают 1 октября.

Софья упала в кресло и глядела на агента широко раскрытыми глазами.

— Как вы можете выгонять меня из дому, который принадлежит моему мужу?

— Я обязан следить за тем, чтобы ни одна из сотен квартир, принадлежащих господину Шлиману, не пустовала ни дня. Если бы он сказал мне хоть слово…

— Что же нам делать, Спирос? — Софья повернулась к брату.

— Переедем. Завтра же. Вы ведь распоряжаетесь и другими квартирами, — обратился он к агенту. — Не можете ли вы нам что-нибудь посоветовать?

— Сдается двухэтажный дом на бульваре Османна. Если

хотите, я могу вас сейчас же отвезти туда. Мадам Шлиман он понравится.

Спирос скоро вернулся и сказал Софье, что дом просторный и чистый и куда менее загроможден мебелью, чем их нынешнее жилье. Софья решила переезжать. Спирос нанял небольшой фургон, сложил вещи и на другое утро перевез сестру на бульвар Османн. Он сиял от счастья, что сумел так хорошо справиться с этим нежданным осложнением. Но Софье было не до веселья. Домовладелец потребовал квартирную плату за месяц вперед. Софья заплатила прислуге и купила дров для камина. На это ушли все деньги, которые Генри ей оставил.

— Я зла до такой степени, — сказала Софья Спиросу, — что во мне все кипит. Будь сейчас передо мной доктор Генри Шлиман, я бы плюнула ему в глаза.

Спирос смеялся так, что упал со стула на пушистый турецкий ковер. Глядя на брата, рассмеялась и Софья.

— Когда он здесь, у нас все самое лучшее. Когда его нет — нищета. Ты встречал когда-нибудь более смешного человека? Я не сообщу ему, в каком положении мы оказались, не доставлю ему такой радости. Достойно умрем голодной смертью. Когда Генри вернется, похоронит нас в общей могиле, как хоронили в древности телохранителей. Помнишь, мы нашли над третьей царской гробницей в Микенах.

— Вспомни лучше критскую поговорку, которую любит повторять матушка, — усмехнулся Спирос. — «Кто уповает на бога, никогда не ложится спать голодным, а приведись такое, сон насытит его».

Если у Генри было удивительное чутье находить города, считавшиеся плодом воображения поэта, и царские могилы, не означенные ни в одном историческом сочинении, то никакого чутья, подсказавшего бы ему о бедственном положении жены, у него не было. Он писал ей длинные любящие письма о том, что в Афинах все благополучно: сокровища Приама, дивной красоты пифосы, статуэтки, изображавшие Афину Палладу. прясла, терракотовые сосуды — все было аккуратно упаковано в ящики и отправлено морем в Лондон.

Но самое главное—18 октября было наконец выставлено микенское золото в том самом помещении Политехнической школы, которое семь месяцев назад он пытался арендовать. На какой-то миг он расстроился, узнав, что его не пригласили принять участие в устройстве выставки — все заботы и расходы взяло на себя Археологическое общество. Но когда он приехал на открытие, его так тепло встретили члены Археологического общества, профессора университета, государственные сановники,

все экспонаты были так красиво, со знанием дела размещены, что его досаду как рукой сняло. Сделанные по заказу Археологического общества витрины были высотой по пояс и опирались на изящные резные ножки, в каждой имелось тринадцать неглубоких отделений. В первом отделении одной витрины лежали две золотые маски, во втором — кинжалы, в третьем — золотые запястья. В самом последнем стояло пятнадцать золотых чаш и ваз. В других витринах находились золотые нагрудники, диадемы, золотые пояса, львы, грифоны. Каждую витрину охранял вооруженный страж. Трогать экспонаты не разрешалось, зато можно было, склонившись над витриной, любоваться вдоволь всеми этими чудесными находками, их тончайшим орнаментом. Женщины были в нарядных шляпках, в жакетах с рукавом-буф и длинных юбках, мужчины во фраках, с цилиндром в руке. Некоторые, заметил Генри, разглядывали его находки в лупу.

Выставку посетили король с королевой и пригласили Шлимана во дворец на обед. Афинские газеты воздали ему должное в полной мере. Восхищенные баснословными сокровищами, пришедшими из доисторических времен, они расточали ему похвалы, не жалея слов. Незнакомые останавливали его на улице и благодарили. Выставка работала с часу до четырех пополудни, и в эти часы во дворе Политехнической школы выстраивалась очередь жаждущих посмотреть микенское собрание.

Шлиману удалось возвратиться к семье в последний день октября. Узнав, что он забыл продлить аренду квартиры и что оставленных им денег хватило на два дня после его отъезда, Генри стал пунцовым от стыда.

— Почему ты не послала мне телеграммы? Как вы жили?

— Просили милостыню, — ядовито ответила Софья. — Мы с Андромахой ходили по улице Риволи с оловянной кружкой и плакатами на груди: «Пожалуйста, помогите голодающей семье Генри Шлимана».

— Я заслужил это! — возопил Генри. — Но такого больше никогда не будет. Я тотчас иду в банк и отдаю распоряжение выплачивать тебе любую сумму, которая тебе потребуется, первого и пятнадцатого числа каждого месяца. А сейчас скорее одеваться. Я везу всю семью обедать. Будем наверстывать упущенное.

— Но не за один вечер. Мы не выдержим, — не унималась Софья, но она знала — это были ее последние слова упрека. — У нас сократились желудки.

Генри побыл дома всего два дня и уехал в Германию. Уже

около года его мучили боли в правом ухе, иногда очень сильные. А теперь началось воспаление. Из-за болей понизился слух.

— Я был у врача в Афинах, — сказал он Софье. — Он посоветовал прекратить морские купания. Я никогда этого не сделаю. Важнее беречь здоровье всего тела, чем ублажать одно больное местечко.

— Это не просто больное местечко, Генри, — заметила встревоженно Софья. — Ты такой общительный. Тебе нельзя потерять слух.

— Так ты, значит, одобряешь мою мысль показаться доктору фон Трёлчу? Он живет в Вюрцбурге и считается одним из самых лучших ушных специалистов в Европе.

Вернулся Шлиман домой в середине ноября. Воспаление прошло, боли уменьшились. Доктор фон Трёлч рекомендовал каждый вечер промывать ухо раствором, содержащим опиум. И категорически запретил зимние купания в каком бы то ни было море. У Софьи опять начались перемежающиеся боли в ногах и пояснице. Но они условились не говорить о болезнях, а радоваться жизни, пока они вместе, — Генри опять предстояла поездка, на этот раз в Лондон, встречать и распаковывать драгоценные экспонаты для выставки в Кенсингтонском музее.

От Джона Мэррея пришел экземпляр «Микен». Это была большая, красиво изданная книга с длинным хвалебным предисловием, подписанным высокочтимым Уильямом Гладстоном, членом парламента. В книге было помещено пятьсот пятьдесят фотографий, многие в натуральную величину, важнейших золотых находок, а также множества секир, пуговиц, изделий из слоновой кости, изображений Геры, алебастровых ваз; семь гравюр во весь разворот, четыре из них цветные: тринадцать гравюр декорированных терракотовых ваз и сосудов; восемь карт, включая топографическую карту всего района акрополя и круглой агоры с пятью могилами, планы сокровищницы, раскопанной Софьей. Книга была переплетена в коричневую кожу, на верхней обложке — тисненные золотом Львиные ворота, на фронтисписе была изображена сокровищница возле Львиных ворот с надписью: «Раскопана миссис Шлиман». Американские издатели «Скрибнер. Армстронг и К0» поместили на верхней обложке гравюру, тисненную золотом: Софья в расчищенном дромосе у самого входа в гробницу; на гравюре была видна часть зала, поперечная балка и полый треугольник над ней.

Генри хранил в секрете, что «Микены» выйдут в свет, охраняемые талисманом. И талисман — это Софья и ее сокровищница.

Софья ласково взглянула на мужа и поцеловала его.

— Ты так добр, дорогой.

Генри смущенно улыбнулся, протестующе дернул плечом.

— Бог неисповедимыми путями творит чудеса.

5

Генри опять уехал. Софья старалась привыкнуть к холоду и мраку парижской зимы. Спи рос вел хозяйство, проверял счета, оплачивал расходы. Софья нашла милую молодую гувернантку для Андромахи, а сама весь день проводила в комнатах наверху — врачи не рекомендовали ей ходить по лестницам. Иногда ее навещали давние друзья Генри — французы, иногда заглядывали гречанки: госпожа Хрустаки или госпожа Делингианни. Бюрнуфы были в Париже и тоже наведывались, вспоминая о горячем греческом солнце и плавучих островах Эгейского моря. Однажды Софья поехала в театр, где ей пришлось преодолеть высокую лестницу, и в середине представления ее вдруг объял панический страх. Она должна сохранить этого ребенка!

Запертая наверху у себя. Софья не вникала в хозяйство, а Спирос по-французски не говорил ни слова, и дела в доме пошли из рук вон плохо. Слуги начали воровать. Видя беспомощность Софьи, стали отлынивать от работы. На ее увещевания отвечали грубостью или просто отказом. Новую прислугу сразу было найти трудно. И несколько дней Софье самой приходилось готовить на кухне, обходясь одной помощницей— Андромахой. Лицо Спироса суровело, и тогда он очень напоминал Софье мадам Викторию.

— Ты все время на ногах. А доктор велел тебе больше лежать.

Письма от Генри приходили восторженные—так хорошо устраивалась выставка. И вдруг письмо, полное резких упреков. Почему ей не хватает денег, которые он выдает ей через банк? Это что, мотовство или просто нерачительность?

Ее счета действительно стали расти, но что она могла сделать. Софья отвечала мужу:

«Мой дорогой, почему ты так придирчив к моим тратам. Я просто не знаю, как быть. Я расходую деньги очень экономно. Считаю каждый франк…»

В этом письме она объясняла, почему расходы так выросли. В ответ получила от Генри примирительное послание: то полное упреков письмо он писал, когда у него сильно болело ухо. С ухом вообще стало хуже. Пусть она не расстраивается. Он вернется на рождество и возьмет в свои руки хозяйственные бразды…

Опять заболела мадам Виктория. Неужели опять сердечный приступ? Катинго и Мариго ничего не написали об этом. Софья в

ответном письме приглашала мать в Париж. Мадам Виктории ответила, что с удовольствием бы приехала, но доктор запретил ей далеко ездить месяц-другой.

В конце ноября Софья получила от Генри отчаянное письмо. Он опять пал духом. Эфор Стаматакис обнаружил в Микенах шестую могилу! Рядом с теми пятью Шлимана. В могиле было два обгоревших скелета и немалая толика золота. Заслуги у Стаматакиса на этот раз не отнять. Никто не указывал ему местонахождение этой могилы, он сам ее раскопал! Мало утешения в том, что, не найди он, Генри, этой агоры с царскими могилами, не было бы и шестой могилы Стаматакиса. Генри писал:

«Наши «Микены» только что вышли. И вот к ним уже требуется дополнение. Этот чертов клерк подложил нам свинью».

Снова воспалилось ухо и болело так сильно, что пришлось опять ехать в Германию к доктору фон Трёлчу, и выставка в Кенсингтонском музее открылась без него.

В Париж Генри едва успел вернуться к крещению: с утра до вечера брюзжал, проклинал Стаматакиса и ею шестую могилу, вскоре собрался и отбыл в Афины. Софью не обрадовало то известие о закладке дворца, который Шлиман начал строить на принадлежащем ему большом участке по улице Панепистиму недалеко от королевского дворца. Несколько лет назад он нанял модного афинского архитектора Эрнста Циллера, поручив ему спроектировать роскошный особняк, который он называл в разговоре «Палатами Илиона»; но потом испугался, что греки будут называть его парвеню, выскочкой, и решил со строительством повременить. Пиллер представил счет за сделанную работу. Генри заплатил ему смехотворную часть, и архитектор обратился в суд. Шлиман вовремя спохватился и оплатил счет полностью. Теперь, на гребне славы, когда заслуги его официально признаны греческим правительством, ссоры забылись и микенские сокровища выставлены в Афинах под эгидой греков, Генри снова пригласил Циллера и попросил его закончить проект трехэтажного особняка с двадцатью пятью комнатами, огромным бальным залом и несколькими выставочными залами на первом этаже; он дал ему название «Палаты Илиона». Строительство было рассчитано на два года. Громадные размеры дома были не по душе Софье, и все-таки она испытывала досаду из-за того, что церемония закладки прошла без нее.

16 марта 1878 года родился сын, и все взаимные обиды и огорчения как водой смыло. Генри всегда мечтал наречь своего сына, рожденного гречанкой, Одисеем. Но после открытия

царских гробниц передумал и назвал мальчика Агамемноном, «владыкой мужей». Роды были нормальные, мать и младенец чувствовали себя прекрасно. Еще в феврале приехала мадам Виктория, чтобы побыть с дочерью последние недели до родов; энергичная, хозяйственная мадам Виктория вникала во все, готовила любимые греческие блюда. Для Софьи ее приезд был манной небесной.

— Я знаю, — воскликнул Генри, — что рассуждаю, как восточный деспот; но я на седьмом небе, что имя Шлимана увековечено. — Наклонился над кроватью Софьи и, поцеловав ее в лоб, продолжал — Ты родила сына — самый драгоценный для меня дар. А что подарить тебе?

Софья недолго раздумывала:

— Подари мне тот прелестный дом в Кифисьи.

— Он твой. Сегодня же отправлю телеграмму нашему агенту в Афинах. Мы проведем там лето, познакомим Агамемнона с речкой и деревьями.

Он позволил Софье вернуться в Грецию только в мае, когда плыть по морю—одно удовольствие. Вернувшись, Софья сейчас же переехала в свой дом в Кифисьи и по греческому обычаю обставила его просто, даже скудно. Генри не помогал ей, но и не мешал; это был летний домик Софьи. Себе он строил троянский дворец, запрашивая по всей Европе и Англии каталоги мебели, канделябров, изразцов, декоративной чугунной решетки, ковров, фарфора.

Железо для балок и чугунные решетки он заказал в Германии, там же для его будущего дворца ткали ковры. В Англии купил цемент, стекло и зеркала. Мрамор для пола заказал в Италии; он сам придумал римский орнамент и нанял итальянских плиточников из Ливорно, чтобы выложить этот орнамент. Кирпичи приехали из Аргоса, и, хотя лесу в Греции мало, панели во дворце задуманы были деревянные. Он также сам нарисовал этюды картин для гостиных и залов, перерыл всю древнегреческую литературу в поисках подходящих цитат, чтобы украсить ими стены.

Эрнст Циллер появлялся на улице Муз каждое утро, и они с Генри садились за работу. Нередко он задерживался и оставался обедать. После обеда Генри отправлялся на улицу Панепистиму, проверял, как идет строительство. Раз в неделю король Георг и королева Ольга наведывались в королевские конюшни; проезжая по улице Панепистиму, они смотрели, как растет дворец.

Софья познакомилась с Циллером еще семь лет назад, когда Генри первый раз обратился к услугам архитектора. Но тогда это было мимолетное знакомство. Глядя сейчас на Циллера,

сидящего через стол, она заключила, что Циллер очень серьезно относится к своему делу, но, к счастью, без унылого педантизма. Одет с иголочки, гладко выбрит, над верхней губой темнеют франтоватые усики с закрученными концами. Изящно причесанные темные волосы отливают серебром в ярких лучах греческого солнца; на мужественном красивом лице привлекают внимание темные, глубоко посаженные глаза. Он считал архитектуру изящным искусством и, чтобы греки не сомневались в этом, носил широкий, свободный воротник и завязанный большим бантом галстук—так одевались художники парижской богемы. Циллер строил особняки, комбинируя черты древнегреческой архитектуры с украшениями Ренессанса, что сделало его первым архитектором Афин. Шлиман объяснял Циллеру:

— Я всю жизнь жил в небольших домах, теперь я хочу простора. И еще мне хотелось бы большую мраморную лестницу снаружи, ведущую на первый этаж, и террасу на крыше.

— Облик дворца будет эллинско-германский, — отвечал на это Циллер. — Простой, элегантный, но и внушительный. Для цоколя используем грубо обработанные гранитные плиты, а сбалансируем их пятью высокими, широкими арками-лоджиями на первом и втором этаже по фасаду. Здание будет таким легким, точно вот-вот взлетит. Поверьте, это будет самый красивый особняк в Афинах.

Генри потирал руки, едва скрывая волнение. А у Софьи на душе был камень. Когда они устраивали свой Первый дом на улице Муз, Генри спрашивал ее совета во всем — какой выбрать район, какую купить мебель. Но эта храмина была для Генри Шлимана памятником самому себе. Она уговаривала себя: «Это эгоистично с моей стороны. Разве я не должна радовать, я, что мой муж наконец-то будет жить во дворце Медичи—ведь он это заслужил, как никто».

Как бы то ни было, она будет хорошей женой, как подобает гречанке, будет восхищаться его детищем, жить в нем и, да помоги ей господь, управлять им в его отсутствие.

Когда Генри вышел на миг из комнаты. Софья тихо спросила Циллера:

— Господин Циллер, скажите, что может побудить человека построить себе один из самых больших дворцов Греции?

Циллер взглянул на Софью, и его темные глаза вспыхнули.

— Великие мужи должны строить великие здания.

— Как жилье или как памятник? Циллер не стал сглаживать утлы.

— И то, и другое. Можно жить с уютом и во дворце. Нелегко,

но можно. Если, конечно, имеешь к этому склонность.

— Я не имею.

— Я догадываюсь об этом, госпожа Шлиман. Но вы будете царицей в «Палатах Илиона».

— У меня нет желания быть царицей.

Но Софья понимала и другое: этот дворец означает, что Генри решил насовсем поселиться в Афинах. Хотя они были так счастливы в Лондоне, Генри даже сказал тогда: «Почему бы не жить там, где нам рады?» — ей самой не хотелось жить нигде, кроме Греции. Она не просто любила родную землю, она чувствовала себя ее частицей, артерии, бегущие от сердца, не кончались в руках и ногах, а уходили в греческую почву, в воды Эгейского моря, откуда черпались ее жизненные силы. И чем великолепнее будут «Палаты Илиона», чем больше будут воплощать эллинскую идею, чем полнее Генри выразит в них самого себя, тем труднее будет ему расстаться с ними. Софья с облегчением заметила, что их новый дом будет ниже королевского дворца. Она-то знала, какую борьбу Генри выдержал сам с собой, чтобы выказать эту воспитанность. Генри страстно полюбил свой необыкновенный дом, он поможет ему снискать в Греции тот почет, о котором он так мечтал и который все не мог завоевать.

Что касается ее, Софьи, она постепенно привыкнет к этому дворцу. Генри будет приглашать в гости знаменитых людей со всего света, и не на один день. Вот почему на втором этаже несколько лишних спален. Когда его опять потянет куда глаза глядят, благо во все стороны из Афин уходят шоссейные, железные, морские дороги, она постарается быть радушной хозяйкой. Сколько раз в прошлом он присылал именитого гостя в свое отсутствие с подробным наставлением, как его принимать. И она видела себя наверху мраморной лестницы, встречающей пришельцев со всех концов земли, — и так будет еще двадцать или тридцать лет. Генри Шлиман будет хозяином «Палат Илиона», а она их рабыней. К счастью, раз в году бывает лето. И Софья улыбнулась, вспомнив о своем уютном доме в Кифисьи, осененном могучими деревьями на берегу говорливого ручья.

6

Теперь, когда «Микены» вышли в свет в Англии. Германии, Соединенных Штатах и скоро появятся во французском переводе, все помыслы Шлимана опять устремились к Трое. Узнав, что новый фирман будет подписан не раньше сентября, Генри опять

потерял покой — помчался по делам в Париж, оттуда в Германию лечить ухо, затем в Лондон для беседы с сэром Остином Лейярдом, английским послом в Турции. Несколько дней провел в Афинах, полюбовался на сына, поиграл с ним и укатил на месяц в Итаку, надеясь обнаружить дворец Одиссея. В обоих кафе «Дарданелл» пошли разговоры, что Генри Шлиману везде хорошо, только не дома с женой и детьми. Софья нервничала: как объяснить досужим сплетникам, что бродяга Шлиман почти все пятьдесят шесть лет своей жизни только и делал, что колесил по свету, что удержать на месте его могли только раскопки.

Наконец фирман получен. Генри объявил, что едет копать всего на два месяца, до начала дождей. Удобного жилья на Гиссарлыке не было, и Софье пришлось остаться дома с детьми.

Но Софья недолго скучала — заболел ее брат Спирос. Его беспрестанно лихорадило, болела голова, он очень похудел и временами никого не узнавал. Врачи не могли поставить диагноз. Внезапно состояние его ухудшилось — парализовало левую сторону, нога и рука почти не двигались, губы перекосило. Врачи понимали, с ним что-то очень серьезное—опухоль или кровоизлияние, но ни исцелить, ни облегчить его страдания не могли. Софья была безутешна. Бедный Спирос, сначала на побегушках в отцовской мануфактурной лавке, а потом столько лет ее главная опора. Ему ведь только тридцать с небольшим, но вряд ли он когда-нибудь заведет свое дело.

Генри вернулся из Трои в начале декабря. В эти два месяца он, по его мнению, многое успел. Яннакису разрешили вернуться на раскопки, и он отремонтировал несколько построек на северном склоне Гиссарлыка: кладовую для хранения находок, единственный ключ от которой был у турецкого чиновника Кадри-бея: деревянный дом для вооруженных охранников, нанятых для охраны раскопа от разбойников, наводнивших Троаду. Построили также бараки для смотрителей, слуг и гостей; сарай для археологического снаряжения Шлимана, небольшую столовую, конюшню. Яннакис теперь крепко стоял на ногах и попросил у Шлимана жалованья 60 долларов в месяц—понимал, что незаменим. Он вызвал из Ренкёя своего брата, чтобы вдвоем открыть хлебную и винную лавку. Торговали они в кредит, но в убытке не оставались. Ведь Яннакис сам платил рабочим и у каждого вычитал задолженность. Наконец-то он выбился из бедности, опять обрел доброе имя и на сбереженные деньги собирался вскорости купить приглянувшуюся усадьбу.

Генри был доволен находками. По фирману он получал всего одну треть найденного; и Кадри-бей очень строго следил, чтобы при разделе Шлиману не доставалось самое лучшее. Но Шлиман

и не пытался обмануть турок; он очень дорожил этим фирманом, рассчитывая продлить его действие на неограниченный срок. Среди находок были сосуды, наполненные золотыми бусинами, серьгами, пластинками, слитками. Благодаря его книгам, статьям, научным спорам Троя получила широкую известность. Туристы приезжали со всех уголков земного шара. Генри каждого водил по раскопу, давая пространные объяснения, убеждая в своей правоте. Самыми частыми гостями были моряки с английских военных кораблей, стоявших в Бесикском заливе. Фрэнк Калверт получил прощение английской королевы. Однажды турецкий султан посетил на своей яхте Чанаккале; дочь Калверта, юная девушка, преподнесла ему букет цветов и попросила замолвить словечко за отца перед королевой, когда султан встретится с ней для переговоров. И королева сменила гнев на милость, Фрэнк буквально воскрес. Он прискакал верхом в Гиссарлык поздравить Шлимана с микенскими находками.

— И больше не будет никаких споров о том, кто открыл Трою, — сказал он Шлиману. — Трою открыли вы!

Сгарые приятели обнялись. Фрэнк рассказал о своих планах начать раскопки в Ханай-тепе.

— Я пошлю туда необходимый инструмент и несколько моих лучших землекопов. — обещал, Шлиман.

Дома в Афинах Генри становился заботливым отцом. Два часа в день он учил Андромаху немецкому и французскому. С первой секунды появления на свет Агамемнон должен был спать с томиком Гомера под подушкой. А после крещения Генри прочитал сыну сто строк из «Илиады». Епископ Вимпос 1 приехал из Триполиса крестить младенца незадолго до отъезда Шлимана в Трою; крестным отцом был Иоаннис Сутсос, греческий посол в Петербурге в те далекие годы, когда там жили молодые Теоклетос Вимпос и Генри Шлиман. Какой радостной была встреча в Афинах старых друзей! По настоянию Генри за обеденным столом вместе с ним сидели оба его I ребенка. Хотя погода была холодная, Софья одевала детей по 1с и. не и все вместе ездили на прогулку за город. И самое главное — Генри опять стал пылким любовником, а Софья уже начала бояться, что муж охладел к ней.

Но у Генри появилась и еще одна любовь: доктор Рудольф Вирхов. всемирно известный медик, профессор патологоанатомии в Берлинском университете, глава немецкой медицинской школы, возглавлявшей всю мировую медицину во второй половине века. Кроме того, Вирхов был членом муниципалитета Берлина и прусской комиссии по борьбе с голодом. Вирхов основывал политические партии, писал научные обозрения, был новатором во многих областях знания и выпускал сотни печатных

трудов—монографий и книг по анатомии, антропологии, археологии.

Ни Генри, ни Софья никогда прежде не видали Вирхова, хотя Генри с ним переписывался и даже приглашал за свой счет в Троаду в 1872 или в 1873 году, зная, что доктор Вирхов увлекается доисторическим прошлым. Но тогда Вирхов был очень занят. Весной 1879 года Генри еще раз пригласил Вирхова на раскопки Трои. В этот раз, к его радости, приглашение было принято. Софья полагала, что Вирхова влечет в Трою единственно интерес к этому древнему городу. Но скоро она убедилась, что это не так. Генри писал Вирхову о затруднении с троянской коллекцией, которая уже год находилась в Кенсингтонском музее. Теперь музей просил увезти коллекцию, поскольку он готовил новую экспозицию.

— А почему ты не хочешь привезти ее обратно в Афины, где ей и надлежит быть? — спросила Софья.

— Пока еще рано. Может, удастся выставить ее в Лувре или в Петербурге…

— Но в конце концов она вернется домой? Генри промолчал.

В январе от Вирхова пришел ответ. Вирхов писал: «Печально, что вы, правда не без оснований, чувствуете себя отчужденным от родины… Но вы должны знать: общественное мнение всегда было на вашей стороне, что бы вам ни пришлось вытерпеть от наших ученых-историков».

В конце февраля 1879 года Эмиль Бюрнуф, живший в то время в Париже, согласился поехать в Трою как научный консультант и наблюдатель. Луиза с отцом не поехала. Но и Софья на этот раз не принимала участия в раскопках.

«Софья, дорогая моя, — писал Шлиман, — у нас тут нет своего дома. Я сплю в одной из девяти комнат барака для десятников и гостей. Женщин нет поблизости до самого Хыблака. Удобства самые примитивные. Яннакис очень занят, единственная от него помощь — готовит мне по воскресеньям обед, но плита никуда не годная, совсем не то, что ты привезла в 1872 году. Поликсена здесь никогда не бывает, негде жить. Когда работы идут полным ходом, в лагере ночует 150 человек. Тебе здесь было бы плохо. Это не Микены, где ты была под крылышком семейства Дасисов. Троада сейчас — поле сражения между разбойничьими шайками и крестьянами. Эти отверженные грабят, убивают, насилуют… Если бы у нас в лагере появилась красивая молодая женщина, мне пришлось бы нанять не десять охранников, а сто. И даже тогда я беспокоился бы о тебе денно и нощно. Оставайся с малышами дома, любовь моя, где ты в безопасности и окружена заботой. Наблюдай за строительством

нашего нового прекрасного дома. Я вернусь в конце месяца, и все лето мы будем вместе. Можем провести месяц в нашем доме в Кифисьи, а на август снимем дом в Кастелле и обеспечим себе тридцать морских купаний…»

Софья тосковала дома. Но Генри, наверное, прав. Ей ничего не остается, как ожидать его здесь, на улице Муз.

Доктор Вирхов заехал в Афины по пути в Трою. Софья пригласила его обедать, любопытствуя взглянуть на ученого, который так очаровал ее мужа, и оценить по достоинству соперника, посягнувшего на троянские сокровища. С первого взгляда она поняла, что воображение рисовало ей совсем другого человека. Рудольф Вирхов не был выпустившим когти хищником, чего она очень боялась; обходительный, любезный, он был восхищен открытиями Генри и его археологическим чутьем.

Софья изучала гостя, пока он отдавал должное креветкам и рыбному плаки [32]. Он был старше Генри на три месяца, а казалось, на несколько лет. В Берлине этого маленького человечка со сморщенным, похожим на пергамент лицом любовно называли der kleine Doktor [33]. Его небольшие глазки смотрели из-под очков добрым, но проницательным взглядом. Он носил усы и окладистую бороду, которая закрывала убегающий подбородок и выглядела столь солидно, что сомнений нс оставалось—этот человек глупцов не терпит. Он был весь, от редеющих седых волос до крошечных ног, воплощением протеста —и не только в медицине и политике, но и в совершенно новой области — народном здравоохранении. Бисмарк, правивший в те годы Германской империей, люто его ненавидел и даже вызвал однажды на дуэль. Вирхов смеялся так весело, что вместе с ним — неслыханное дело! — над Железным канцлером смеялся весь Берлин. Учить языки для Вирхова, как и для Шлимана. было так же естественно, как дышать, Он знал латынь, греческий, древнееврейский, арабский, английский. французский, итальянский, голландский. В 1869 году, когда Софья и Генри поженились, Вирхов основал первое Германское археологическое общество. Он основал также Берлинское общество антропологии, этнологии и предыстории и одновременно был практикующим врачом и выполнял многочисленные обязанности члена берлинского муниципалитета. Подобно многим коротышкам, он обладал отменным здоровьем, довольствовался всего несколькими часами сна и при всей своей занятости находил время играть в шары и лазить по горам.

В столовой и потом в кабинете Генри они говорили по-немецки.

— Я никогда не беседовала с учеными-медиками. — сказала

Софья. — Интересно, а как в вашей области ведутся исследования? Генри часто обвиняют в скоропалительных выводах, в том, что для него собственные догадки важнее фактов.

— Ваш муж действительно иногда этим грешит, — мягко улыбнулся Вирхов. — Но ведь его догадки служат толчком для дальнейшего изучения древних народов. Ценны даже его ошибки: спустя какое-то время он сам и его коллеги-археологи их замечают и в поисках истины устремляются дальше.

— Вы очень любезны, доктор Вирхов…

— Фрау Шлиман, — прервал ее гость, — мне ведь гораздо легче, чем доктору Шлиману. Мы создали целую новую науку — патологическую анатомию, но наш материал, человеческое тело, всегда под рукой — мы анатомируем трупы. Скальпель проникает во внутренние органы человека и постепенно учит нас распознавать заболевания. Мы тоже совершаем ошибки, и. как правило, в ущерб больному. Некоторые наши умозрительные теории и поспешные выводы принесли куда больший вред, чем догадки доктора Шлимана. Таков путь познания. Начинаешь с нуля, но, если в поисках истины дерзаешь выдвигать новые идеи, к концу жизни обязательно внесешь вклад в науку, пусть и скромный.

— Как мне хочется вернуться на раскопки! — призналась Софья Вирхову.

Но Генри гак и не позвал Софью в Троаду, сколько ни уговаривал его доктор Вирхов—с равным успехом он просил прусское правительство ввести реформы, улучшающие жизнь бедняков. Генри написал ей:

«Ты очень хочешь приехать в Трою. Как бы ни было велико мое желание увидеть тебя, сейчас этого делать не надо. Каждое утро я езжу к дальним курганам, которые зовутся здесь ˆмогилы героев», потом возвращаюсь в Гиссарлык и наблюдаю за ходом раскопок — уже нанято более сотни рабочих. Так что за весь день я бы не перемолвился с тобой и двумя словами. Да и погода все время пасмурная, настоящая зима, притом холодная».

И совершенно non sequitur [34] добавил:

«В следующий раз, когда встретишь доктора Вирхова, говори с ним по-французски. Его французский хуже, чем твой».

Ее утешением были дети. Каждое утро она подолгу с ними гуляла. Андромаха, восьмилетняя крепышка, любила катать Агамемнона в коляске, которую Генри выписал из Англии. После обеда приходили то Катинго, то Мариго. или она сама навещала их; дети играли, сестры разговаривали. Иногда Софья приглашала к обеду Панайотиса. Через год он собирался поступать в Афинский университет, изучать археологию. У

Спироса все еще была парализована левая половина тела. Он почти все время лежал, но, когда приходила Софья, пробовал вставать и двигаться по комнате.

«Он столько лет обо мне заботился, — думала Софья, — теперь мой черед заботиться о нем».

А через несколько недель слегла мадам Виктория: сердечный приступ на этот раз был гораздо тяжелее. Доктор Скиадарассис прописал постельный режим, диету и никаких волнений. От сиделки мадам Виктория наотрез отказалась:

— Зачем мне сиделка? За мной ухаживает моя любимая дочь.

Софья перевезла брата и мать из Колона к себе домой. Дом на улице Муз превратился в лазарет — в одной комнате Спирос, в другой мать. Детей Софья взяла к себе в спальню, поставила по обе стороны матримониале две маленькие кроватки. Она наняла опытных слуг, мужа и жену, и поселила их в квартире Яннакиса и Поликсены в цокольном этаже. Спирос больше не мог вести бухгалтерские книги, и Софья взялась за них сама, хотя всегда говорила, что деловой жилки в ней нет. Каждый день она несколько часов проводила на улице Панепистиму.

Особняк рос не по дням, а по часам, уже вырисовывались его размеры, и Софья каждый раз заново поражалась им. Примимал строительные материалы и расплачивался с рабочими нанятый Шлиманом десятник, но за общим ходом работ по настоянию Шлимана наблюдала Софья.

— Разве я могу со всем этим справиться? — приходила она в отчаяние. — На стройке, должно быть, сотни рабочих: немецкие плотники, итальянские каменщики, французские штукатуры, греческие слесари.

К концу мая Генри уже не был дома три месяца. Софья, совсем извелась. Заботы по дому отнимали все время. Она отказалась от самых простых радостей—симфонического концерта на площади Конституции, утренних представлений в театре Букура, не приглашала гостей. В отсутствие Генри очень немногие знакомые вспоминали о ней.

«Одинокая женщина, — тосковала Софья, — никому во всем свете ненужная».

В середине мая из Трои вернулся бронзовый от загара — доктор Вирхов. Весь месяц он собирал образцы флоры и фауны Троады, раскапывал «могилы героев», совершал дальние верховые прогулки со Шлиманом и Бюрнуфом — поднимались даже на вершину Иды. Он с восторгом рассказывал о новых золотых находках Шлимана: один клад нашли на северном склоне под упавшей стеной дома, другой — на глубине тридцати трех футов, в двух шагах от того места, где шесть лет назад они с Генри

откопали сокровища царя Приама. Вирхов описывал золотые диски, очень похожие на те, что они находили в Микенах, серьги, браслеты, бусы, диадемы и нагрудное украшение: сплетенная из золотых проволочек полоса, к которой прикреплены два десятка цепочек с золотыми ритуальными фигурками на конце. Теперь Константинопольский музей получит свою долю золота, в которой ему отказал афинский суд.

Но самое большое впечатление произвели на Вирхова раскопки оборонительной стены Трои и обугленных руин третьего города — гомеровской Трои, которую Генри нашел, раскопав три города, стоявшие над ней.

— Я рада за Генри, — сказала Софья, — но я ему так завидую. Генри женился на мне, чтобы я помогла ему найти Трою. А теперь я больше не нужна ему.

— У вас на руках двое больных — матушка и брат. Вы просто очень устали.

Слезы хлынули из глаз Софьи, как будто плотину прорвало, — такое сострадание звучало в голосе доктора Вирхова. Ей так одиноко, она всей душой рвется в Трою. Новые великие открытия будут сделаны без нее, и Генри один уедет в Европу. Англию…

Чтобы развлечь Софью, Вирхов стал рассказывать ей о том, как он заменял в Троаде Шлимана в роли врача.

— Ваш муж прекрасный переводчик, слов не нахожу для похвал! С каким терпением, как точно разъяснял он больным

мои предписания.

На другой день Вирхов принес письмо, которое написал Шлиману: Софья доверила ему свои сокровенные чувства, рассчитывая на его скромность, и он не мог отправить письмо без ее согласия.

«Ваша жена… ждет не дождется Вашего возвращения, — читала Софья, — ее терзает страх, что она и летом будет одна. Мой Вам совет — уделяйте ей больше внимания. Она думает, что Вы о ней совсем забыли. Весь дом болеет, и у нее нет возможности хоть немножко развлечься. Она скучает без интересных занятий. Судьба высоко вознесла ее. Вы развили ее ум, и она вправе требовать от жизни большего…»

7

Генри вернулся в Афины в самом начале нюня очень довольный собой. Доктор Вирхов, по его словам, научил его "выдержке и осторожности ученого". Сколь бы яростно он ни отвергал критику других археологов и знатоков античности, нельзя, однако, сказать, что эта критика проходила для него даром.

— Я выровнял все пространство, — рассказывал он Софье, — начал раскапывать по горизонтали, дом за домом, постепенно двигаясь в направлении северного склона. Таким образом мне удалось раскопать все дома третьего города, не разрушив их стен.

Он задумал новую книгу о Трое под названием «Илион». В ней он не только опишет работу всех своих экспедиций, включая последнюю, не только приложит новые карты и планы раскопок, сделанные Бюрнуфом, — изменится самая форма изложения. Вместо очень субъективной дневниковой записи «Троянских древностей» с ее свободными и не всегда верными суждениями будет строго научное описание всего, что было найдено на Гиссарлыкском холме.

Они пили вечерний кофе в беседке, спрятавшейся в густых зарослях их запущенного сада.

— Отныне я буду брать тебя на все раскопки. Я уже стал подумывать об Орхомене. Гомер называет «златообильными» только три города: Трою, Микены и Орхомен.

Софья воспрянула духом, хотя раскопки в Орхомене откладавались на будущий год. Генри был опять занят по горло: надо писать главы для «Илиона», подготовить полторы тысячи гравюр новых важных находок.

— Дай мне две-три недели сроку. Вот закончу несколько деловых операций, отвечу на все письма, посмотрю, как подвигается строительство «Палат Илиона», и поедем на месяц в Баварию, в Киссинген, на воды. Возьмем детей. Как будет славно! А пока давай развлекаться в Афинах, будем ходить в театры, на концерты, в рестораны. Ты здесь без меня совсем засиделась.

Встретив мужа, Софья, как часто бывало в прошлом, хотела показать ему, как она сердита на него, как обижена. И не могла. Чувствуя себя виноватым, Генри не знал, как обласкать Софью, чем заслужить прощение. Даже дал ей денег, чтобы купить для матери домик в Афинах. Лучшего лекарства для мадам Виктории нельзя было придумать. Она скоро была уже на ногах. Еще несколько дней, и она нашла подходящий домик. Генри перевез

мадам Викторию и Спироса в их новое жилье, нанял им служанку и кухарку.

— Спасибо, дорогой, это очень облегчит мое бремя.

— Старый чудаковатый муж—достаточное бремя и без того…

А через несколько дней спало с плеч еще одно бремя. Как-то в полдень раздался стук в дверь, и в дом на улице Муз собственной персоной явился лейтенант Василиос Дросинос. Он сказал Шлиману, что их инженерный полк перевели в Афины, работы у него здесь мало и, если они в нем нуждаются, он в их распоряжении.

— Еще как нуждаемся! — воскликнул Генри. — Мой десятник уволился, архитектор несколько месяцев будет в отлучке. Не хотите ли стать главным инженером строительства «Палат Илиона»? Только теперь уж заручитесь разрешением начальства.

Дросинос взял на себя все: он платил рабочим, получал строительные материалы, надзирал за работой всех, начиная от итальянских паркетчиков и английских стекольщиков, кончая французскими и баварскими художниками, расписывающими стены.

— Какое счастье, что он опять с нами, — сказала Софья. — Яннакис процветает, Фрэнк Калверт опять наш друг, Дросинос теперь на хорошем жалованье. Нет, видно, это все выдумки, что осквернителя царских могил ожидает страшная кара.

Июль провели в Киссингене. Софья так и не могла понять, что на нее подействовало: вода или забота Генри, но она опять поправилась и была счастлива. Когда пришло время возвращаться в Афины, Генри испросил у нее разрешения поехать в Париж — нужно было поработать с Бюрнуфом над картами для «Илиона». Вернувшись в Грецию, Софья поселилась в Кифисьи и пригласила к себе сестер.

Скоро приехал Генри; и она сейчас же перебралась на улицу Муз. Генри вел жизнь затворника, целыми днями он просиживал у себя в кабинете, уйдя с головой в троянские дневникн и свои многочисленные заметки. Он работал с таким напряжением, что к ноябрю были готовы главы о топографии, этнографии, географии и религии Трои, а также изложен в подробностях спор о местонахождении этого древнего города. Задумав создать монументальный труд, он обратился к нескольким ученым с просьбой написать главы для его книги. Согласие дали многие.

— Я хочу, чтобы эта книга читалась с интересом и пользой, — говорил он.

Генри отрывался от занятий только затем, чтобы съездить на улицу Панепистиму посмотреть, как строится дом.

Жизнь текла мирно и счастливо. Андромаха поступила в

начальный класс Арсакейона и прекрасно училась. Агамемнону еще не было двух лет, а он уже все говорил. Мадам Виктория одна разъезжала по Афинам. И Спирос стал выходить с палочкой на улицу. Генри на этот раз не забыл десятой годовщины свадьбы и купил Софье целую гору подарков.

Единственным огорчением оставалась судьба сокровищ Приама. В 1876 году Чарльз Ньютон отказался выставить троянскую коллекцию в Британском музее, посоветовав Генри устроить ее экспозицию в Кенсингтонском музее. Теперь же эта коллекция приобрела такую известность, что Ньютон попросил Шлимана назначить за нее цену; он не сомневался, что Гладстон добьется согласия парламента и Британский музей купит ее. А еще год назад, будучи в Троаде, Генри написал в Петербург своему старому знакомому барону Николаю Богачевскому письмо, в котором просил позондировать почву, не захочет ли Эрмитаж купить его коллекцию.

— Почему вдруг в Петербург? — оторопела Софья.

— Потому что в этом городе я жил двадцать лет. И составил там мое первое состояние.

— Первый раз слышу от тебя о любви к Петербургу! Софья в недоумении покачала головой. Сначала Генри думал подарить сокровища Лувру, хотя во всеуслышание говорил о своей горячей любви к Греции. Потом отказался продать коллекцию Ньютону для Британского музея и сразу после этого предложил троянские сокровища Эрмитажу! И еще — она знала—он вел переговоры с американцами, потому что в Нью-Йорке в скором времени открывался музей Метрополитен. Да и Вирхов, конечно, не терял времени даром в Троаде, уговаривая Генри подарить сокровища Приама берлинскому музею…

— Немцы семь лет публично обливали меня грязью, — сказал Генри. — Но вот и они взглянули на меня благосклонно. Теперь они очень высокого мнения о моих книгах. К тому же с годами моя привязанность к отечеству стала расти. Отдам бесплатно коллекцию Берлину. Но кайзеру это обойдется дорого.

— Чего ты добиваешься, Генри? — спросила Софья.

— Признания… признания моего научного вклада в археологию.

— Почему тогда еще раз не предложить сокровища Приама греческому правительству? Наш Национальный музей через год-другой откроется. Если ты соединишь троянское собрание с микенскими находками, будет величайшая в мире археологическая экспозиция.

Генри ничего не ответил.

Софья чувствовала не гнев, а боль. Как можно взывать к

здравому смыслу человека, который кружится в пляске дервиша между музеями мира. Словно девица, торгующая своим единственным сокровищем — девственностью.

Но поскольку предложений было слишком много, Софья перестала тревожиться.

Следующие несколько месяцев ушли на перевод «Илиона» и переговоры с издателями. В апреле был подписан договор с Харпером на издание «Илиона» в Соединенных Штатах с выплатой автору десяти процентов от каждой проданной книги. Закончив перевод на немецкий язык, Генри повез свою книгу в Лейпциг: Брокгауз обещал опубликовать ее в начале 1881 года. Английское издание, над которым уже трудились переплетчики, выходило в свет первым. Французский издатель Шлимана отказался заключить договор, так как «Микены» принесли убыток. Генри в свое время возместил убытки сполна и теперь удивлялся, чем недоволен издатель. Махнув на него рукой, Генри стал подыскивать для французского «Илиона» нового издателя.

Все эти хлопоты совпали с переездом в еще недостроенные «Палаты Илиона». Генри заявил, что хочет лично наблюдать за росписью стен. Возражать ему было бесполезно. С душевной болью смотрела Софья, как 1 т>узят в фургоны домашний скарб и увозят с улицы Муз. Десять лет они с Генри прожили в этом доме. Здесь родилась Андромаха. В этот сад привезли они первые троянские находки. Были трудности, огорчения, но они давно забылись. Генри решил сдать внаем старый дом, еще хранивший тепло ее семейного очага. Теперь в нем поселятся чужие. Софья не могла думать об этом без слез.

В июле получили разрешение на раскопки Орхомена. Генри сдержал слово: Орхомен они будут раскапывать вместе. Троя, Микены. Орхомен—три златообильных града. Генри впишет последнюю главу в эту легендарную трилогию. А пока что он распорядился привести в порядок все снаряжение.

Половину июля Софья провела в Кифисьи, вторую половину в Касталле на берегу моря, где сняли дом, чтобы дети могли купаться и загорать. Генри уже учил Агамемнона плавать. Этим летом праздновали семейное торжество — помолвку брата Александроса с восемнадцатилетней Анастасией Павлиду; ее родители устроили роскошный пир. В августе поехали всей семьей на воды в Карлсбад. Оттуда в сентябре Генри умчался в Лейпциг работать с издателем над «Илионом». Когда Софья вернулась в Афины, дом был уже почти готов. В нижнем этаже две комнаты Генри отвел для музея, где будут храниться его археологические находки; там не хватало лишь витрин и стеллажей. Еще три комнаты—для прислуги, обставлены они чуть

ли не с роскошью, есть даже ванная комната. Большую кухню Софья хотела оборудовать сама, но Генри уже все купил. И Софья отдала ему должное: все сделал как надо, написал из-за границы самые лучшие плиты, фарфоровые мойки.

В бельэтаже, куда с улицы вела широкая мраморная лестница, мебели еще не было, но весь двор загромождали сотни ящиков с иностранными наклейками—они доставлены сюда из всех стран Европы: в этих ящиках была и мебель из парижской квартиры Генри. Из Парижа были выписаны ванны и калориферы; фирма Шевалье поставила высокие с затейливой резьбой шифоньеры, кушетки, столы с резными ножками, кресла. Для огромного бального зала, у которого стены и потолок расписаны пестрыми птицами и растениями Троады. Генри заказал множество стульев с плетеными сиденьями.

Внутренняя лестница вела на верхний этаж, где находилась библиотека Генри. В ней стояли массивный резной письменный стол и огромные кресла, сделанные по его заказу. Книги, привезенные из Парижа и с улицы Муз, лежали пока в больших ящиках и плетеных корзинах: Генри хотел сам поставить на место каждый том. Он поручил Софье заказать у Брокгауза много новых названий, а сам выписал книги по каталогам французских и английских издателей. Библиотека находилась прямо над бальным залом, но была чуть-чуть его меньше; несмотря на три ряда высоких, вместительных полок из светлого дерева, света и воздуха в этой просторной комнате было достаточно; на верху каждой полки, по замыслу Генри, будет стоять по нескольку троянских ваз. С южной стороны к библиотеке примыкал зимний кабинет, чтобы зимой в нем было солнце; с северной—летний, где будет прохладно в самые жаркие месяцы. Напротив библиотеки через холл была их спальня, которая выходила окнами на Афины. Из нее вела дверь в будуар Софьи. Войдя в него, Софья обмерла: он похож на мужскую гардеробную или, вернее, на жилище воина из древней Спарты. Холодно, строго, ничего женского, уютного. У туалетного столика темного дерева с ящичками для косметики — жесткий стул. Над столиком небольшое зеркало.

— Я этого не потерплю, — взбунтовалась Софья. — Этот крошечный закуток, единственный во всем замке, будет действительно мой. И я уберу его по своему вкусу.

И еще она обязательно проследит, чтобы в детских было уютно и весело.

Генри вернулся в конце октября. Рабочие открыли ящики и стали вносить в дом мебель. Ни в одной комнате дворца, решил Генри, не будет ни занавесок, ни гардин. Да и зачем они — в окна с улицы все равно не заглянешь: торцовые выходят в сад, а окна

фасада спрятаны за изящной аркадой.

— Во дворце Приама не было никаких штор, — сказал Генри. — Пусть и наш дом будет весь залит светом.

— Но у себя я шторы повешу, — объявила Софья. — У меня такое впечатление, Генри, что в глубине души ты решил возвести в Афинах дворец Приама.

— В какой-то мере, — возразил Генри. — Будь у меня действительно такое намерение, я бы не позволил Циллеру строить в смешанном эллинско-германском стиле. Я бы выбрал классический греческий стиль университета и Национальной библиотеки.

На крыше по всем четырем сторонам Генри водрузил двадцать четыре мраморные статуи древних богов и богинь. Выше человеческого роста.

8

Баварские живописцы расписали стены и потолки гостиных по эскизам, сделанным самим Генри: на одном потолке была изображена мраморная метопа: бог солнца Аполлон мчится по небу на своих великолепных конях. Саму мраморную метопу Генри поместил на карниз главного входа, над мраморной лестницей.

Тринадцатого ноября 1880 года Шлиманы отправились к месту новых раскопок. Гомер называл Орхомен богатым и могущественным городом, но у древних авторов о нем было сказано очень мало. И, назначая дату начала раскопок, Генри имел об этом городе весьма смутное представление.

Орхомен, по преданию, основал царь Миний, предок аргонавтов. Первоначально акрополь был расположен на восточном берегу большого озера Копаис, где были воздвигнуты циклопические стены. Но у озера не было стока, и частые наводнения, а также малярия заставили жителей Орхомена переселиться на западный берег, где возвышалась гора Аконтин. На этой горе, как сообщает древний историк Страбон, они построили новый акрополь и сокровищницу.

Выехали с улицы Панепистиму в семь часов утра, свернули на улицу Пирея, миновали оливковые рощи и, оставив позади Дафни и Элевсин, поехали по берегу Эгейского моря, подернутого белыми барашками. Ночевали в Фивах, где находилась когда-то древняя Кадмея. На следующее утро приехали в Левадию, довольно крупный город Беотии, расположенный в шестидесяти милях от Афин и всего в нескольких милях от Орхомена.

Остановились в доме полицейского Георгиоса Луки-диса, который помог им нанять рабочих.

Назавтра чуть свет отправились в Орхомен; рабочие были уже на месте. Вырыли в разных местах несколько шурфов, но нашли только небольшое количество черепков древних ваз.

На другой день, пока Генри искал на горе место, где мог быть скрыт под землей дворец царя Миния, Софья обнаружила сокровищницу. Подобно сокровищнице в Микенах, ее скрывал толстый слой земли и щебня. Купол был тоже проломан. Софья легла ничком и, ладонями заслонив от света глаза, глянула внутрь. Знакомая картина—сложенные из плит стены кругами сужались к верхушке.

Софья позвала Генри. Решили, что Софья будет искать дромос и раскопает его до входа. Тем временем Генри пойдет сверху вниз, пока не отроет вход хотя бы до половины.

Дромоса, к большому разочарованию Софьи, не оказалось. От него не осталось и следа, если не считать весьма заметного доказательства его существования в недалеком прошлом—небольшой церкви, построенной мэром соседнего селения Скрипу из красивых плит дромоса.

В Орхомене они пробыли месяц. Каждое утро на рассвете верхом уезжали на раскопки, в сумерки возвращались в Левадию. Генри удалось нанять сотню рабочих и с большим трудом оттащить в сторону огромные, упавшие сверху плиты. Расчистив внутри толоса большое пространство, нашли множество бронзовых гвоздей.

— Этими гвоздями, наверное, крепились бронзовые пластины, выстилающие стены сокровищницы изнутри,— предположил Генри.

Софья сделала еще одно интересное открытие: в толосе справа от входа оказалась дверь, а за ней коридор, оканчивающийся входным отверстием. Оно было наглухо забаррикадировано плитой, богато орнаментированной рельефом и резными цветами. Сначала Софья подумала, что эта плита и есть дверь в соседнюю могилу, но оказалось, что она упала сверху, прочно I закупорив дверной проем.

— Генри, может быть, можно добыть в Левадии подъемный механизм и оттащить эту плиту? Скоро начнутся дожди, а мне так хотелось бы поскорее войти внутрь.

— Слишком поздно, дорогая. Над головой уже собираются тяжелые черные тучи. Мы вернемся сюда в марте.

В Афины приехали девятого декабря. Генри ожидало письмо і из Кенсингтонского музея. Дирекция музея настоятельно требовала, чтобы Генри в самое ближайшее время вывез свою

коллекцию. Эдинбургский Музей наук и искусств спрашивал, не могут ли они выставить троянскую коллекцию у себя.

— Ты дашь согласие? — спросила Софья.

— Нет.

— Почему же?

— Я хочу выставить ее в одной из великих европейских столиц.

— А что, Афины не принадлежат Европе?

— Пока нет. Это все еще восточное Средиземноморье.

— Генри, я тебя очень прошу, верни сокровища Приама домой. В нижних комнатах витрины уже установлены.

Генри промолчал, его устремленный на Софью взгляд ничего не говорил. Рабочие начали раскрывать новые ящики, прибывшие из Парижа, расставлять стулья, украшенные золотыми цветами и листьями, шезлонги, столы, секретеры. Вся эта мебель, загромождавшая квартиру в Париже, терялась в огромном зале, трех гостиных, столовой.

Письма от Вирхова приходили ежедневно. Из отрывочных замечаний Генри Софья понимала, что Берлинский музей отвергает не коллекцию Шлимана, а его условия. В письме к кайзеру Вильгельму Генри требовал, чтобы его сделали почетным гражданином Берлина и избрали в члены Берлинской академии наук, чтобы Берлинский музей носил его имя или по крайней мере оно официально значилось в названии музея. Он заявил, что коллекцию приносит в дар не кайзеру и правительству, а немецкому народу. Он сам ее привезет и разместит в зале. И еще одно—кайзер должен наградить его орденом «За заслуги» — высшим гражданским орденом Германской империи.

Доктор Вирхов убеждал его отказаться от некоторых условий: во-первых, от избрания в члены Берлинской академии наук—даже он, Вирхов, не был ее членом. Во-вторых, от притязания, чтоб его именем был назван Берлинский музей.

Троянскую коллекцию, судя по всему, поместят в Этнографический музей, который в настоящее время реконструировался, и назвать его именем этот музей, разумеется, невозможно. Троянская коллекция, — предлагает Вирхов сформулировать предложение Шлимана, — дарится немецкому народу в вечное и неотъемлемое владение под надзором прусского правительства с условием, что коллекция будет размещена в Этнографическом музее самим Шлиманом в залах, которые будут на все времена носить его имя».

Шлиман согласился на эти уступки и написал Вирхову соответствующее письмо. Вирхов немедленно ответил, что Берлин примет его условия, даже если ему, Вирхову, придется потратить

на это месяцы. Но сначала надо заручиться содействием Бисмарка. Вирхову было не привыкать целыми днями просиживать в приемной канцлера, ожидая своего часа, — от борьбы за правое дело он еще никогда не отказывался.

Софья вошла в библиотеку, и Генри протянул ей стопку писем — свою переписку с Вирховым. Лицо его было бесстрастно.

Прочитав письма, Софья почувствовала, как у нее сжалось сердце. Но говорить уже было бесполезно, Софья вышла из библиотеки, прошла к себе в будуар, заперла дверь и упала в кресло.

Безвозвратно утрачены для Греции ее чудесные троянские сокровища… Утрачены, и теперь ими будет владеть чужая страна. Софью охватило отчаяние. Почести в Лондоне, ее фотография на обложке берлинского журнала «Фрауен цай-тунг», с таким трудом завоеванное признание в Афинах — все рассыпалось в прах. Все эти семь лет с тех пор, как троянские сокровища были тайком привезены в Афины, они причиняли ей лишь горе и унижение. Софья безутешно разрыдалась.

На другое утро Генри уехал в Лондон за троянской коллекцией. Они не попрощались.

К рождеству Генри не вернулся: не успел упаковать сорок ящиков, которым предстояло отплыть в Берлин. Зато на праздники в Афины приехал епископ Вимпос. Щеки у него ввалились, глаза запали. Он благословил новый дом, затем Софья повела его осматривать все достопримечательности «Палат Илиона» и молодой сад, густо засаженный фруктовыми деревьями, цветущим кустарником и обнесенный бетонной стеной высотой в три фута. Вимпоса поразили внушительные размеры дома, настенная живопись, цитаты из античных авторов, которыми были испещрены чуть ли не все потолки и стены. Когда вернулись в уютную семейную гостиную. Вимпос заключил свои впечатления коротко:

— Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. — Затем, немного помолчав, тихо спросил: — Чем ты так расстроена, Софидион?

Софья рассказала ему, что Генри подарил троянскую коллекцию Германии. Вимпос внимательно посмотрел на нее и трижды осенил крестом.

— Есть только одна возможность выжить, дитя мое: умей безропотно принимать поражения. Покоряйся воле божьей. Хотя тебе всего двадцать восемь лет, но ты должна была бы уже постичь эту истину. — Он глубоко вздохнул. — Я на двадцать лет старше тебя и давно убедился в ее справедливости.

Он положил руку ей на плечо.

— Бесполезно ссориться с Генри. Одержимого не остановишь. Он поступил так, как призван был поступить. Поддерживай его, радуйся вместе с ним, жалей. Этот бедный безумец в отмщение своей нищей юности дарит драгоценности тем, кто унижал его. Утешайся собственными достижениями, укрепляй силу своего духа и люби Генри. Наш долг—помогать беззащитным. Счастливое замужество и счастливая жизнь зиждятся на мудрости и самоотверженности.

Генри вернулся из Лондона в первых числах января. Ящики с сокровищами Приама благополучно перенесли плавание и находились теперь в хранилище Рейхсбанка в Берлине. Генри поведал о своих планах: весной поездка в Орхомен, а одиннадцатого февраля—торжественное открытие «Палат Илиона», он уже составил список гостей: ни много ни мало двести человек, в том числе его родные из Германии.

— А ты успеешь к этому времени со всем управиться? Люстры еще не приехали из Парижа. Ковры уже здесь, но до твоего приезда мы их не стали стелить.

Генри стоял в библиотеке у своего стола. Притянул Софью к себе, ласково поцеловал в уголки губ. Эта была счастливая минута. Он чувствовал, что прощен.

— Не бойся, малышка. Я обо всем позабочусь. Составлю меню. Найму поваров, официантов, оркестр для первого бала в нашем дворце. Ты будешь самая красивая хозяйка во всей Греции. Только представь, ты стоишь вместе со мной на верху мраморной лестницы в нашей чудесной прихожей и мы встречаем гостей — цвет афинского общества.

— Ну да, я ведь тоже украшение. — съязвила Софья.

— Но не только. Ты замечательный археолог, открывший царские гробницы и несказанной красоты сокровища.

В конце января Генри получил официальное письмо от кайзера Вильгельма, в котором тот от имени немецкого народа принимал дар Шлимана—его троянскую коллекцию. Лицо Генри вспыхнуло от гордости. Софья поздравила мужа. Вскоре и она получила из Берлина послание—телеграмму от кронпринца Фридриха, который благодарил ее за троянские древности — бесценный дар, поднесенный немецкому народу ее знаменитым мужем. Софья была приятно удивлена, у нее дрожали губы.

— Почему это кронпринцу вздумалось благодарить меня?

— Это дань уважения тебе лично, — сказал Генри, не скрывая своего удовольствия. — Королевская семья знает, что мы вместе открыли Трою, вместе нашли сокровища.

Софья глядела на мужа в немом изумлении. Когда же она перестанет удивляться его характеру? Он совершенно забыл, что

подарил троянские сокровища Германии вопреки ее желанию. Он искренне верит, что судьбу их коллекции они решали вместе. Если она не откроет ему глаза—а она вовсе не намерена была это делать, — он до конца своих дней пребудет в этом заблуждении.

Начались недели сумасшедшей гонки. В бальном зале, гостиных и столовой повесили роскошные люстры. Во всех комнатах бельэтажа появились украшенные изящной резьбой мраморные камины, а над ними высокие зеркала. На цементной ограде со стороны улицы поставили отлитую в Англии чугунную решетку с узором из спиралей и увенчанную двумя крылатыми грифонами, сидящими на «свастиках», скопированных с троянских узоров. Затем навесили чугунные двустворчатые ворота тоже со спиралями и грифонами. Когда ворота запирались, «Палаты Илиона» превращались в неприступную крепость. Итальянские мастера, работавшие целый год, закончили наконец укладывать мозаичные полы, на которых, как и на стенах, были цветы и птицы Троады, сделанные по рисунку самого Генри. Андромаха назвала одну гостиную «Флорой», другую «Фауной».

В первый вечер новоселья, когда готовились ко сну, Софья заметила, как Генри положил себе под подушку томик «Илиады».

— Бард будет петь мне всю ночь, — торжественно заявил он.

Софья простила ему «барда», потому что над карнизом шерп в их спальню он поместил следующие строки из «Илиады» в собственной редакции:

> Добродетельный муж и разумный
> Каждый свою жену бережет и любит.

Для туалетной комнаты Генри выбрал озорную цитату из Эвбула:

> Затем я в Фивы пришел.
> Там ели весь день и всю ночь.
> И в каждом доме, о благо, был свой сортир.
> Ведь гостя они кормили, как на убой.

Некоторую сдержанность Генри проявил только в отношении столовой. На ее стенах было всего три цитаты. Софья решила, что

это не без умысла — пищеварению ничто не должно мешать. На западной стене на фоне голубого древнего здания с аркадой на крыше было написано из «Одиссеи»:

> Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха
> Видеть, как целой страной обладает веселье; как всюду
> Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая: как гости
> Рядом по чину сидят за столами, и хлебом и мясом
> Пышно покрытыми; как из кратер животворный напиток
> Льет виночерпий и в кубках его опененных разносит.
> Думаю я. что для сердца ничто быть утешней не может.

Любимой комнатой Генри была библиотека: вот где краснодеревщики постарались на славу. В ней было семь красивых дверей, три вели в крытую галерею с мозаичным полом, где Генри мог расхаживать, обдумывая что-то или просто отдыхая от чтения. Еще одна дверь открывалась в большой холл, куда выходила их спальня. Над главной дверью, ведущей из большого коридора, золотом было выведено:

УЧЕНИЕ — СВЕТ.

А над дверью летнего кабинета красовалась надпись, висевшая над дверями Академии Платона:

БЕЗ ЗНАНИЯ ГЕОМЕТРИИ НИКТО НЕ ВХОДИ.

На стенах и над другими дверями были разбросаны цитаты из Гомера, Лукиана, греческие пословицы, к примеру такие: «Невежество прискорбно». В одном из стихов Гомера пропустили строчку. Генри был вне себя. Эти россыпи цитат очень смешили Софью.

— И к чему теперь тебе книги? Сиди себе в кресле и читай свои стены, — не удержалась она от колкости.

Генри не обиделся, он был ей благодарен — у нее хватило такта промолчать об орфографических ошибках. Никто из

рабочих, строивших «Палаты Илиона», не знал древнегреческого. Генри сидел за своим письменным столом темного красного дерева на резных ножках со львами. Оба подлокотника тронного кресла оканчивались резным изображением совы — символическим образом его любимой богини Афины.

— Нравятся тебе фрески и надписи? — спросил он Софью.

— Как еще мог украсить свое жилище открыватель Трои? Я чувствую себя маленькой девочкой в белой блузке и синей юбке. Как будто я опять учусь в Арсакейоне.

Но шедевром Генри был бальный зал. На стенах под потолком тянулась длинная фреска—нагие младенцы, смахивающие на купидонов, читают Гомера или Павсания, раскапывают Трою и Микены, любуются древними сокровищами. Среди этих фигурок одна очень напоминала его двухлетнего сына Агамемнона: он сидел на скале, раскинув пухлые ручки, и озирал окрестный пейзаж, по-видимому Троады. Еще одна довольно комическая фигура — сам Генри, взирающий на танцоров сквозь большие очки в роговой оправе.

— Ты само тщеславие, Генри! Хорошо еще, что хватило юмора изобразить себя в этом шутливом виде.

— А ты бы хотела оказаться среди этих фигур?

— Нет уж, благодарю покорно. Предпочитаю танцевать с гостями, а не парить в облаках.

На всех четырех стенах были красиво начертаны десять надписей—пять цитат из «Трудов и дней» Гесиода, две цитаты из «Илиады», две эпиграммы и одна «Олимпийская ода» Пиндара.

Надписи покрывали стены коридоров, попадались в «Палатах Илиона» на стенах прихожих, лестниц; всюду поблескивало золото изреченной мудрости. А на фасаде, выходящем на главную улицу Афин, между первым и вторым ярусом колонн, там, где могли прочесть прохожие, — мраморная доска, на которой золотом выгравировано:

ΙΛΙΟΥ ΜΕΛΑΘΡΟΝ[35]

9

Дом был ярко залит огнями; казалось, он сиял на все Афины. Канделябры с сотнями высоких свечей, парижские люстры,

бесчисленные бра — все излучало теплый, трепещущий свет. В каждой аллее, в каждом уголке большого сада горели факелы. Справа и слева по улице Панепистиму к дому подъезжали экипажи, слуги с горящими факелами указывали дорогу ливрейным кучерам; въехав в ворота, экипажи останавливались у парадного входа, два ливрейных лакея помогали выходить дамам в изысканных бальных туалетах и мужчинам в неизменных фраках и белых галстуках. Пажи провожали их по мраморной лестнице до высоких бронзовых дверей. Целая армия горничных в черных глухих платьях и белых крахмальных с рюшами передниках принимала у гостей пальто, палантины и накидки. Очень немногие задерживались, чтобы прочитать афоризм, начертанный над входными дверями:

> Если к малому постоянно прибавлять малое,
> то это малое в конце концов станет великим.

Когда очередная пара переступала порог бального зала, дворецкий в ливрее громко, на всю «гостиную для вечерних приемов» объявлял имя и титул; Генри и Софья стояли рядом в глубине зала и приветствовали гостей. На Софье было розовое платье, украшенное ниспадающими гирляндами из зеленых листьев и фиалок, с квадратным декольте, не очень длинным шлейфом и по французской моде без рукавов; туго затянутое в талии, оно подчеркивало изящество ее фигурки. Высоко поднятые волосы украшали те же зеленые листья и фиалки. Золотое ожерелье, из трех нитей, сделанное по заказу Генри, было в точности скопировано с ожерелья из сокровищ царя Приама.

Официанты в темно-зеленых ливреях разносили шампанское в изящных бокалах, которые Генри привез из Англии.

Первые полчаса, до появления ровно в десять премьер-министра, гости, тихо переговариваясь, разглядывали друг друга: всем было любопытно увидеть, кто приглашен и кто принял приглашение на этот чуть ли не королевский прием.

Не приехали только король Георг I и королева Ольга—их не было в Афинах. В бальном зале «Палат Илиона» собрались сливки афинского общества: кабинет министров в полном составе, видные члены парламента, профессора Афинского университета, члены Археологического общества—среди них и Панайотис Стаматакис, дипломаты в орденах и медалях, архиепископ Афинский, директоры Государственного греческого банка, именитые купцы, епископ Вимпос, вся семья Софьи — ее мать,

сестры с мужьями, Александрос с невестой, Спирос, Панайотис, — две сестры Генри с мужьями, приехавшие из Германии, лейтенант Дросинос, отлучившийся по этому случаю из Ламии, и полицмейстер Нафплиона Леонидас Лео-нардос.

Оркестр Кайзариса из двадцати инструментов, помещенный в малой гостиной, заиграл кадриль, затем пятнадцатиминутную польку; за мазуркой последовали вальс и лансье—танцевали до полуночи. Дамам роздали красивые книжечки, куда они записывали ангажировавших их кавалеров. Официанты разносили подносы с мецетакья: бутербродами с икрой, анчоусами и сардинами, чтобы танцоры могли подкрепить свои силы.

В полночь музыка смолкла. Ужин подали прямо в зал, гости ели кто сидя, кто стоя; разглядывали оранжево-красные «помпейские» фрески, читали надписи, которыми Генри украсил стены. Наиболее подходящей к случаю была, пожалуй, пространная цитата из «Илиады»:

> Там же Гефест знаменитый извил хоровод разновидный.
> Оному равный, как древле в широкоустроенном Кноссе
> Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой.
> Юноши тут и цветущие девы, желанные многим.
> Пляшут, в хор круговидный любезно сплетяся руками.

Из кухни по лестнице тянулась бесконечная вереница горничных и лакеев. Официанты разносили на подносах французское шампанское; горничные подавали котлеты — кефтедакья, греческие колбасы, жареных мидий, креветок, омаров, голубцы в виноградных листьях, куриный плов, жаркое с рисом — шиш-кебаб. На десерт подали шоколадный торт с абрикосами, сливочный кремовый торт, золотистые ореховые меренги, баклаву и кофе по-гречески.

В час ночи Кай за рис взмахнул своей палочкой, и бал продолжался до трех часов утра. Разъезжающиеся гости расточали Шлиманам самые восторженные похвалы.

Венчание Александроса состоялось в семейной церкви Анастасии. Счастье молодых омрачало только одно облачко: Александроса могли в любую минуту призвать в армию — война с Турцией казалась неизбежной. Панайотиса уже призвали, но часть его стояла в Афинах, и он мог посещать занятия в университете. Шлиманы часто принимали гостей, полюбивших «Палаты Илиона» и их радушных, любезных хозяев. Девятого марта Генри дал обед в честь барона и баронессы

Вальденбургских. Были приглашены многие дипломаты, и в том числе и немецкий посол в Греции Йозеф Мария фон Радовиц. Генри сказал тост в честь гостей из Германии. Говоря по-немецки, он повторил довольно часто мелькавшее в печати утверждение, что истинные потомки древних греков — германцы. Софья вспыхнула, поднялась и произнесла свой тост по-французски:

— Дамы и господа, позвольте мне поднять бокал за здоровье всех представителей великих держав, почтивших нас сегодня своим присутствием. Я далека от политики, но я решительно протестую против того, что сказал мой муж. Нет, не германцы потомки древних греков. Истинная наследница Эллады— современная Греция.

Когда последние гости ушли, Генри обнял Софью за плечи:

— Дорогая моя мадам посол, я не уверен, что твоя речь была образцом дипломатии, но должен признаться, ты права.

Через несколько дней Шлиманов пригласили в Олимпию присоединиться к группе Греческого археологического общества. Экспедиция Германского археологического института раскопала там великолепный храм Зевса, огромные скульптуры богов, мастерскую Фидия, агору, палестру, стадион, во всяком случае беговую дорожку с опорными стартовыми ямками для бегунов и финишными отметками. Раскопки продвинулись настолько, что был вычерчен план Олимпии. Генри весь кипел. Он ведь так хотел сам раскопать это святилище.

Афины еще не были связаны железной дорогой с Патрами и Олимпией. Ехать туда надо было на лошадях чуть больше суток с двумя ночевками на постоялых дворах. Поэтому они сели в Пирее на пароход и через три часа были в Каламаке. Затем по суше миновали Коринфский перешеек, сели в Коринфе на другой пароход и, обогнув северную оконечность Пелопоннеса с Патрами, приплыли в порт Катаколон. Там наняли экипаж и через три часа были в Олимпии, пробыв в пути те же двадцать четыре часа, но с одной ночевкой на борту судна.

Хозяева раскопок показали Шлиманам все замечательные сооружения Олимпии; когда осмотр кончился, к ним подошел молодой человек и представился, назвав себя Вильгельмом Дёрпфельдом. Он рассказал, что шесть лет работал на раскопках в Олимпии как архитектор. Дерпфельд был высок, гладко выбрит, не считая полоски небольших усиков, не красавец, но с приятным лицом и несколько сдержанными, но располагающими к себе манерами. Он читал все публикации Генри и хорошо понимал, с какими трудностями тому пришлось встретиться при раскопках Трои, там же не земля, а просто mille folie—торт «Наполеон».

Он спросил, почему Шлиман ни разу не зашел в Германский

археологический институт в Афинах. Молодые археологи этого института, заверил он, от души восхищаются упорством Шлимана и его разносторонними талантами, что бы там ни говорили почтенные старцы. Они не дадут его в обиду! До Шлимана археология была в полной безвестности, она считалась неинтересной наукой, имеющей дело с мертвыми камнями. — он вдохнул в нее жизнь, превратил в увлекательнейшую из наук.

— Вы—отец современной археологии, так мы все считаем, — заключил он.

Софья внимательно вглядывалась в лицо молодого человека: не льстит ли он Генри, а если льстит, то с какой целью? Нет, в нем не видно и тени лицемерия. Он искренне восхищен Генри. Это восхищение ученика перед учителем, который, неустанно трудясь, прокладывает новые пути в науке.

Предки Дёрпфельда были крестьянами, корни его семьи уходили в. тем.1 щ.т. m век. Отец, известный деятель просвещения, в молодости преподавал в школе. Один из его предков был кузнец. У Дёрпфельда были широкие плечи, могучая грудь и ноги его прапрадеда-кузнеца. Окончив в Технологическом институте архитектурное отделение, он стал работать у своего учителя профессора Фридриха Адлера, который разрабатывал в то время предварительный план раскопок Олимпии. Возглавить раскопки должен был Эрнст Курциус, тот, что осмеял золотые микенские маски, сочтя их чересчур тонкими. Ему понравился толковый молодой человек, и он пригласил его в Олимпию в качестве помощника главного архитектора раскопок.

— Этот день решил мою судьбу, — сказал он Шлиманам. — С тех пор я не хочу больше проектировать новые здания. Хочу раскалывать древние города, крепости, храмы. Архитектура мне помогает. Когда археолог находит древние развалины, пусть только пол или кусок стены высотой один-два фута, он должен тщательно все обмерить и сделать квалифицированный чертеж, чтобы восстановить по этим наметкам всю их былую красоту.

Софья поймала взгляд Генри и поняла, что их осенила одна и та же мысль. «Вы и не подозреваете, молодой человек, — подумала она, — что в эту самую минуту вы произведены в первые помощники доктора Шлимана на новых раскопках Трои».

Назавтра они получили телеграмму от Алесандроса. У Спироса случился второй удар, и он почти мгновенно умер. Хоронить его будут по их возвращении из Олимпии.

Софья рыдала на груди мужа. Бедный Спирос, умер таким молодым.

— Я понимаю твою скорбь, — утешал ее Генри. — Может, он и умер так рано, потому что у него совсем не было жизненной

хватки. Помнишь, я его спросил при первой встрече: «Кем бы ты хотел быть?» А он мне ответил: «Никем, уж какой есть». Уложили вещи и спешно отправились в путь. Через несколько дней вся семья собралась на главном афинском кладбище. Три года спустя после смерти Георгиоса Энгастроменоса его кости были извлечены из могилы, уложены в ларчик и снова захоронены сбоку семейной могилы. Теперь к ним опустили гроб Спироса. Священник прочитал «вечную память», крест-накрест кинул вниз первую землю, щепотку угля, помахал кадилом с ладаном. Софья и близкие бросили по пригоршне сухой земли. Друзья и родственники принесли на кладбище всякую снедь: Спирос останется на земле еще сорок дней и ему будет чем подкрепиться в ожидании райского блаженства.

Софья вспомнила слова Вимпоса, что жизнь человека—это тернистый путь от колыбели до могилы и что всем суждено пройти этот путь, длинный или короткий. И только одно требуется в этом пути—чтобы в сердце была любовь.

— Пусть память о тебе живет вечно, мой бедный, не явивший себя свету брат. — тихо проговорила Софья.

В марте Софья и Генри вернулись в Орхомен, пригласив с собой известного английского ассиролога А. Сейса и Панайоти-са Эвстратиадиса, генерального инспектора памятников старины. Все четверо остановились у полицейского офицера Георгиоса Лукидиса. На раскопки отправлялись с первыми лучами солнца. Работы было много: извлекли из сокровищницы несколько тщательно отесанных мраморных блоков и карнизов — быть может, это были остатки небольшого алтаря. Затем внутри толоса Софья и Эвстратиадис с бригадой рабочих убрали слой земли толщиной в двадцать пять футов из второго помещения; оно было высечено в скале, как царские могилы Микен. Эта гробница была ограблена еще в древности. Однако четыре каменные плиты, украшенные такими же спиралями и розетками, что и надгробные стелы в Микенах, представляли большую археологическую ценность, и Эвстратиадис решил перевезти их в Афины.

Две недели спустя, по возвращении домой, Генри закончил монографию, в которой описал все находки. Софья прочитала работу и обнаружила, что он ни словом не обмолвился об ее участии в раскопках. Она ничего ему не сказала, только спросила:

— Перевести твою работу на греческий?

— Разумеется. И напиши предисловие, в котором расскажешь о своих находках в Орхомене.

Железнодорожного сообщения в ту пору между Афинами и Берлином еще не было. Генри и Софья с детьми сели в Пирее на пароход, идущий в Бриндизи, оттуда поезд повез их на север Италии, а там уже ходили берлинские поезда. На вокзале их встречали доктор Вирхов, его жена и дочь Адель, одна из шестерых детей Вирхова, которая была почти одних лет с Софьей. Погрузили багаж в фургон, сели сами в два экипажа и поехали в гостиницу «Тиргартен», где для них был заказан четырехкомнатный номер на верхнем этаже с видом на огромный парк и несколько блестящих, как зеркало, озер. Рудольф Вирхов показался Софье еще более тщедушным, чем она его помнила. Две горничные в туго накрахмаленных передниках подали кофе с пирожными.

— Я проверил ящик с золотом, который находится в хранилище Рейхсбанка, — сказал Вирхов. — Все шесть ваших печатей на нем целы. Завтра мы с вами встретимся в банке в девять часов утра. Оттуда пойдем в Музей промышленных искусств, который только что открылся. Дирекция оставила на ваш выбор несколько комнат. А в двух шагах еще один музей, тот самый, куда сокровища переедут на постоянное местожительство. Но его будут строить еще пять лет.

Фрау Роза Вирхов наняла для Агамемнона и Андромахи молодую гувернантку, которая водила детей на прогулки, в зоопарк и в Тиргартен, где они катались на лодке. Дети никогда прежде не были в зоопарке и теперь восторгались тиграми, леопардами, слонами и невиданными заморскими птицами.

Софья не могла бы сказать, нравится ей Берлин или нет, но этот город ошеломил ее. По сравнению с Афинами, не вмещающими уже свое население, возросшее до ста тысяч, Берлин—город-гигант с населением в миллион человек, и жизнь в нем бурлит так сильно, что захлестывает и ее. Улицы широкие, идеально чистые, через каждые несколько кварталов— площадь, осененная деревьями, зачастую с раковиной для оркестра. Высятся десятки новых домов, все четырех-пятиэтажные, все по-своему украшены и построены из кирпича, камня и цемента так прочно, что смогут простоять вечность.

Вечером Вирхов дал обед в честь знаменитых гостей, пригласив докторов, университетских ученых и членов Берлинского общества антропологии, Эрнста Курциуса и молодого Дёрпфельда. Шлиманов поздравили с открытием Трои и находками в Микенах. Не было только капитана Бёттихера, который изо всех сил старался помешать приезду в Берлин троянской коллекции: она, дескать, не достойна такой чести — храниться в Берлинском музее. Тут только Шлиманы узнали,

каких трудов стоило Вирхову преодолеть все препятствия и осчастливить Берлин таким замечательным даром.

Они получали много приглашений. Софья понимала берлинскую речь, могла читать берлинские газеты. Как хорошо, что Генри заставлял ее учить немецкий язык. Как-то даже один доктор, ее сосед за столом на званом обеде, сказал ей:

— Вы, наверное, родились в Германии и вас ребенком увезли в Грецию?

— Вы льстец, дорогой доктор. По-английски, по-французски и по-немецки я говорю с акцентом. Сама слышу. Но мне ваш комплимент приятен.

Генри много времени проводил в музее, давая указания плотникам и размещая четыре тысячи предметов своей коллекции на покрытых лаком стеллажах и витринах, сделанных по его чертежам. Металлические витрины для золотых экспонатов еще не были готовы. Вильгельм Дёрпфельд помогал в чем только мог. И Софье и Генри он нравился все больше. О людях, повседневных делах он говорил спокойно, но, стоило коснуться археологии, он весь загорался. Его часто приглашали на обеды — берлинское общество уже проведало, что он едет с Генри в Трою, как только турецкое правительство возобновит фирман. Генри объяснил своим друзьям археологам, что Дёрпфельд ему нужен как архитектор—сам он в этой науке мало сведущ.

Адель Вирхов повела Софью в парк Люстгартен, показала королевский дворец, затем перешли по мосту на ту сторону Шпрее и вышли на Унтер-ден-Линден — любимое место прогулок у берлинцев; выпили по чашке кофе за открытыми столиками возле кафе Бауэра с его высоким крыльцом и чугунными перилами. Софья ездила в Королевский оперный театр послушать «Тристана и Изольду» Вагнера. Это была первая опера Вагнера, которую Софья слушала целиком. Торжественная мощь музыки потрясла ее. Опера, к изумлению Софьи, длилась больше четырех часов, зрители, чтобы не умереть с голоду, подкреплялись в антрактах разными бутербродами и запивали их пивом из высоких глиняных кружек.

«Немцы — целеустремленный народ, — думала Софья. — Если они способны сидеть спокойно и восхищаться Вагнером больше четырех часов подряд, им кажется, они могут победить мир. По-моему, сами они в этом убеждены. Я никогда еще не видела столько памятников в честь победоносного воинства».

Были и другие различия между расчерченной по линейке Германией и ее обожаемой привольно живущей Грецией. Берлин строго соблюдал социальную градацию общества и безоговорочно подчинялся кайзеру и Железному канцлеру. Германский

император и императрица никогда запросто не появятся на улице, как король Георг и королева Ольга. Теперь Софья понимала, почему немецкие ученые с такой свирепостью нападали на Генри.

И вот наступило седьмое июля. Посмотреть на торжественную церемонию приехали в Берлин три сестры Генри. По просьбе Генри был приглашен и епископ Вимпос. Все четыре комнаты в гостинице «Тиргартен» засыпаны цветами. В час дня приехали бургомистр Берлина Форкенбек и члены муниципального совета во главе с малюсеньким Вирховом; на лице его было торжество. Муниципальный совет проголосовал за избрание доктора Генриха Шлимана почетным гражданином города Берлина. Этой чести удостоились до него только двое — канцлер Бисмарк и фельдмаршал фон Мольтке. Звучным, хорошо поставленным голосом бургомистр читает полностью решение муниципального совета. Как только он умолкает, официанты вносят в комнату подносы с шампанским и закусками: на тарелках бутерброды с ветчиной, сыром, с рыбой.

Вечером был устроен банкет в Festsaal [36] ратуши, величественном здании из темно-красного песчаника на цоколе из серого гранита. Все столичные газеты поместили на своих страницах сообщение о новом почетном гражданине города Берлина. Шлимана узнавали на улицах. Как, впрочем, и Софью — ее красивый портрет только в прошлом сентябре был помещен на обложке журнала «Фрауенцайтунг». который был любимым чтением берлинских горожанок.

Софью и Генри встретили на ступеньках лестницы бургомистр, члены муниципального совета, министр иностранных дел, президент Германского географического общества, директор королевских музеев профессор Шёне и директор Германских архивов. Остальные гости, одетые строго по этикету, ожидали Шлиманов в небольшом Зале легенд; их было несколько сот: государственные сановники, деканы факультетов университета и члены ученых обществ. После французского шампанского, икры, устриц, паштета и salt pretzels [37] все прошли через резные дубовые двери в огромный, сто футов на шестьдесят, Festsaal, уходивший ввысь на три этажа.

— Даже больше, чем «Палаты Илиона», — шепнула не без ехидства Софья на ухо Генри.

Шлиманы сидели за главным столом. Софья была так взволнована, что едва притронулась к подаваемым кушаньям. Немцы одержали победу над французскими войсками в войне 1870 года, но французы взяли реванш, одержав победу над немецкими желудками. К каждому французскому блюду подавалось особое французское вино.

На обложке меню был изображен Генри, сидящий на троне Приама, в правой руке кирка, в левой — крошечная богиня Ника, протягивающая ему оливковую ветвь. У ног — медведь, символизирующий город Берлин. Надпись на меню сделана по-гречески, как дань уважения заслугам Софьи.

Бургомистр Форкенбек встал. Гости умолкли. Слово предоставили доктору Рудольфу Вирхову. Его голос эхом отозвался по всему залу:

— Я пытаюсь найти самые теплые слова приветствия новому почетному члену Берлина и его милой жене. Это большое счастье, что доктор Шлиман, живший вдали от Германии уже сорок лет снова оборотил свое сердце к родному отечеству. Воскресшая любовь подсказала доктору Шлиману подарить нам троянские сокровища и сделать Берлин их хранителем. Эти замечательные сокровища навеки останутся в нашем городе как символ горячей преданности доктора Шлимана науке.

Гости поднялись и зааплодировали. Софья посмотрела на мужа: лицо у него было открытое, уверенное, спокойное. Мальчик на побегушках, спавший на полу под прилавком бакалейной лавки Теодора Хюкштедта, победителем вернулся в свое отечество.

— Я высоко ценю оказанную мне великую честь, — сказал Генри, поднявшись на ноги и держа в руках красиво иллюстрированный диплом, поднесенный ему бургомистром. Хочу выразить сердечную благодарность бургомистру, муниципальному совету и всем жителям Берлина. Должен честно признать, я отдал навечно мои находки Германии только благодаря моему высокочтимому другу профессору Рудольфу Вирхову. Я мог бы сейчас в самых ярких словах рассказать вам, какую великую радость приносят археологу его открытия. Но мы с моей женой испытываем еще большую радость от того, что можем подарить Германии такой подарок.

Когда аплодисменты стихли, поднялся директор королевских музеев профессор Шёне.

— Бургомистр и муниципальный совет Берлина доверили мне совершенно особую честь—провозгласить тост за здоровье госпожи Софьи Шлиман.

С этими словами он повернулся к Софье, поднял бокал и официальным тоном произнес:

— Фрау доктор Софья, с большим удовольствием сообщаю вам, что вы тоже почетная горожанка Берлина.

Генри протянул Софье диплом. Даже еще не заглянув в него, Софья знала, что там стоит только одно имя: «герр доктор Генрих Шлиман», что имени «фрау доктор Софья» там нет. Но какое это

имело значение? Она видела только сияющие глаза Генри, его счастливое лицо — он получил свою награду.

Софья встала, прижимая диплом к кружевам, украшающим ее черное бархатное платье. Когда стихли аплодисменты, которыми наградили ее эти великие и знатные мужи Берлина, она ответила им по-немецки с едва заметным акцентом:

— Я принимаю эту честь от имени моего мужа. У него хватило мужества и прозорливости одному пойти против мнения всех и проложить для человечества путь в доисторическую эпоху. Если я и причастна в какой-то степени к его великой работе, так только благодаря его доброму сердцу. Мне выпало счастье участвовать в великих, удивительных свершениях, помочь мужу подняться до таких высот, которые мало кому доступны. И я считаю, что не зря прожила свою жизнь. Я могла бы тихонько всплакнуть, ведь троянская коллекция теперь навсегда потеряна для моих любимых Афин. Но если ей не суждено было остаться в Греции, то правы герр доктор Шлиман и герр доктор Вирхов: ей место только на родине моего мужа. Я благодарю бога за все то счастье, которое принесли мне двенадцать лет моей супружеской жизни. И в заключение хочу выразить глубокую признательность кайзеру Вильгельму, кронпринцу, канцлеру Бисмарку, герру доктору Вихрову и всем замечательным людям науки и искусства, собравшимся здесь на этот незабываемый вечер.

Софья посмотрела в дальний конец своего стола, туда, где сидел епископ Вимпос. Лицо его светилось такой любовью, что Софья, приложив пальчики к губам послала епископу едва заметный воздушный поцелуй.

Книга девятая. Путь в бессмертие

1

Софье 1 января 1882 года исполнилось тридцать лет. Генри 6 января — шестьдесят. Праздновали два дня рождения вместе в «Палатах Илиона». В этот год Генри был старше своей жены ровно вдвое.

— Как ты себя чувствуешь в тридцать лет?

— Вполне зрелой женщиной. А ты как в шестьдесят?

— Я раньше думал, что в шестьдесят лет человек уже стар.

— И ты действительно чувствуешь себя старым?

— Нет, но я привык к этой мысли.

Время для Софьи перестало распадаться на часы, дни, недели. Оно текло так же спокойно и плавно, как речка за ее садом в Кифисьи. В прошлом месяцы, годы были четко отделены друг от друга, как геологические слои на горе Иде. Теперь все они слились, и Софья, как женщины Троады, считала, что время подобно речкам Симоис и Скамандр, течение его непрерывно. Тридцать лет — возраст зрелости. Она теперь по-иному стала смотреть на прошлые события.

Генри опять рвался в Трою, но не потому, что мечтал о новых сокровищах, хотя это было бы не так уж и плохо; после выхода в свет «Илиона» Генри стали одолевать сомнения, которые он хотел разрешить на месте. Они сидели в библиотеке перед камином, в котором горели большие поленья, и Генри делился с Софьей тем, что его беспокоило все больше и больше.

— Гомер с надежностью очевидца описал троянскую равнину, холмы, реки, оружие, утварь, и он не мог бы назвать «великим», «пышным», «процветающим градом с широкими стогнами» маленький городишко. А Троя, которую мы откопали внутри крепостных стен, занимала совсем небольшую площадь.

Софья согласно кивнула.

— Если бы Троя была небольшим укрепленным поселением, каким был, судя по его руинам, третий город, армия ахейцев легко могла бы захватить его в несколько дней и не было бы никакой троянской войны с десятилетней осадой.

— Разумеется.

— Гибель такого городка вряд ли могла вдохновить аэдов на создание великих произведений, этот маловажный эпизод очень скоро исчез бы из памяти народа. И Гомер не создал бы свой грандиозный эпос.

Генри теперь уже ходил по библиотеке — ежедневная весьма продолжительная прогулка.

— Где-то мы допустили ошибку. И я решил выяснить, где именно, — сказал он.

Генри уже мечтал о новых раскопках. «Палаты Илиона» стали подготовительным плацдармом для решительного наступления. Две гостевые комнаты были заняты Вильгельмом Дёрпфельдом и молодым архитектором из Вены Иозефом Хёфлером, приехавшим с очень хорошими рекомендациями. Генри нашел десятников — двое проявили себя наилучшим образом на раскопках в Олимпии. Нанял личного слугу и кухарку. Слугу перекрестил в Эдипа, кухарку стали звать Иокастой. Скоро во двор стали прибывать один за другим фургоны, груженные раскопочным снаряжением; сотня заступов и тачек, пятьдесят кирок, сорок ломов, двадцать телег. Дети были в восторге, им тоже очень хотелось раскапывать Трою. Когда со двора съехал последний фургон, направляясь в Пирей, Софья с облегчением вздохнула: в доме опять стало тихо.

Генри отбыл в середине февраля. Софья собиралась ехать в начале июля, когда станет совсем тепло, вместе с ней ехала Андромаха. Его первые письма были полны гневных излияний. Хотя бараки и снаряжение в наилучшем виде — всю зиму их охранял нанятый им сторож, и надо всего только покрыть крыши непромокаемым брезентом, — но портят жизнь турецкие чиновники. Правительственный наблюдатель Бедар-эд-дин категорически запретил Дёрпфельду и Хёфлеру делать какие-либо измерения и зарисовки: конечно, они шпионы и хотят снять план крепости в Кумкале в пяти милях от Гиссарлыка. Зря, что ли. Дёрпфельд привез с собой специальные топографические приборы? Двум архитекторам ничего не оставалось, как; присоединиться к Генри: он расчищал только что раскопанные ворота, наружные и внутренние стены, фундаменты домов.

Когда Софья и Андромаха приехали в Трою, это был бурлящий городок, в котором жило сто пятьдесят рабочих. Генри отвел для них две комнаты в своем бараке: столовая была простым сараем, сколоченным из досок, но Яннакис и Поликсена поставили на стол большой букет полевых цветов. Поликсена взяла одиннадцатилетнюю Андромаху под свое крыло.

Обед удался на славу.

— Ты прекрасно здесь живешь, Эррикаки, — сказала Софья. — Мясо из Чикаго, языки, английский сыр, персики. Где ты все это берешь?

— Еду мне поставляют мои лондонские друзья—«Шредер и компания».

После утреннего купания в Эгейском море Генри и Дёрп-

фельд повели Софью посмотреть новые раскопки. Софья обратила внимание, что рабочие откопали фундаменты эллинских и римских зданий в той части Гиссарлыка, которую Генри раньше не трогал. Он надеялся найти на северном склоне еще несколько метоп, подобных прекрасному Аполлону, раскопанному в 1872 году. Около двух месяцев копали здесь двадцать пять рабочих и нашли только мраморную женскую головку македонского периода. Генри обследовал большой театр, находившийся вблизи акрополя с восточной стороны, расчистил эллинский колодец, который они нашли осенью 1871 года. Была прорыта траншея длиной двести сорок футов в еще не исследованной восточной части холма: оказалось, что она представляет собой насыпь, сделанную для расширения территории застройки после гибели третьего города. На акрополе откопали два здания, по всей видимости храмы, относившиеся к сожженному городу. Оба храма были разрушены в страшной катастрофе, как и другие дома, которые они теперь относили ко второму поселению.

Во время полуденного отдыха Генри рассказывал Софье: — Моя главная ошибка заключалась в том, что в 1879 году я неправильно разграничил второй и третий город. Весь прошлый год я мучился сомнениями, потому что третий, маленький, город не может быть гомеровской Троей. Стены, сложенные из огромных блоков, — это фундамент второй Трои. Я ошибся относительно слоя обгоревших руин, которые, как ты видишь, лежат прямо на этих стенах. Я думал, что обгоревший кирпич представляет собой остатки более поздней, третьей Трои, построенной на стенах второй. Дёрпфельд и Хёфлер убедили меня, что кирпичные стены были возведены прямо на каменных фундаментах раннего поселения. Вторая Троя — сожженный город, он гораздо больше третьего поселения. Мы с тобой обойдем всю его территорию. Ты увидишь — он такой большой. Здесь были акрополь, храмы, дворцы, здания властей. Это и есть Троя, о которой писал Гомер.

— Но внутри этих стен могло жить не больше тысячи человек.

— Это не противоречит Гомеру. Троянцы жили за стенами акрополя и не во дворцах, они жили в долине, как и население Микен. Мы не знаем, сколько их было, но они могли бы составить огромное войско.

— А как же быть с дворцом Приама и сокровищами? Мы ведь считали дворцом самое большое здание именно третьей Трои.

Генри если и смутился, то самую малость.

— Это большое здание, безусловно, относится к третьему поселению. А посему не может быть дворцом Приама. Дворец

Приама должен находиться на территории второго поселения, сожженного ахейцами. Пока мы его не нашли. Что же касается сокровищ, они вполне могут принадлежать Приаму. Раскапывая второй город, мы наткнулись на башню второго города, которая стояла как раз там, где среди мусора мы нашли наше сокровище.

Софье было так больно, как будто она потеряла близкого человека. Сколько лет они с Генри верили, что нашли настоящий дворец Приама. Одно утешение — сокровища были найдены в Приамовой Трое. А Скейские ворота?

Генри печально покачал головой.

— И те ворота не могут быть Скейскими. Гомер, как всегда, оказался прав. Скейские ворота должны быть на равнине, а не в сорока футах над ней, как мы тогда считали. Я теперь убежден, что эти ворота не вели в акрополь. Они были в стене, окружающей нижний город, где жили простые троянцы.

— Генри, подумай, сколько книг и статей вышло об этом. А теперь ты собираешься идти на попятный?

Генри это ни капельки не волновало.

— Вирхов ведь говорил тебе в Афинах, в науке иначе не может быть. Смелому исследователю каждый день приносит что-то новое. Я нисколько не смущен своими ошибками. Зато сейчас я еще на один шаг ближе к истине. Меня это только радует.

Софья с Андромахой жили в Трое всего несколько недель. Андромаха гуляла по лугам с Поликсеной, Софья изучала раскопки. Когда болота Троады высохли и на лягушек опять начался мор, в лагере Шлимана вспыхнула малярия. Генри щедро поил семью и сотрудников хинином, но рабочие болели поголовно, масштабы раскопок заметно сократились. Генри I получил суровое письмо от Вирхова:

«Отправьте фрау Софью и Андромаху домой. Ваша жена j знает, как я ее люблю, и, надеюсь, она простит мне это вмешательство…»

— Вирхов прав, — заметил Генри. — Да и я сам останусь здесь только до июля. Утром Яннакис отвезет вас в Чанаккале.

Генри приехал в Афины с приступом малярии. Это, однако, не помешало ему начать кампанию в помощь Дёрпфельду: турецкое правительство должно снять свой нелепый запрет. Для следующей книги о Трое, которая расскажет о раскопках самых последних дней, необходимы полные точные карты не только Гиссарлыка, но и всей Троады. Он написал письмо канцлеру Бисмарку с просьбой вмешаться.

Как раз в то время прусским послом в Турцию был назначен искусный дипломат Иозеф Мария фон Радовиц: он не мешкая взялся уладить дело и действительно сумел победить

шпиономанию турков. Для снятия планов и карт в Троаду отправился Дёрпфельд. Генри все время проводил в библиотеке, работая над книгой и подготавливая снимки последних находок. Софья делила свое время между Афинами и Кифисьей.

В конце 1883 года Дёрпфельд привез первый научно снятый план акрополя. Главное внимание он уделил второму городу, на плане с особой тщательностью были отмечены отдельные объекты священной Трои Приама: башни, крепостные стены, ворота, стены домов, улицы. Чтобы дать полную картину Гиссарлыкского холма, он вычертил также план первого, древнейшего города, а также только что открытой третьей Трои, которая была возведена поверх сожженной Трои Приама. Генри, Дёрпфельд и Хёфлер втроем нарисовали карту, на которой эти три поселения были обозначены разными цветами. К концу мая Генри закончил работу над английским и немецким текстами новой книги о Трое.

Но тут ему начали отравлять жизнь какие-то непонятные болезни, о которых ему не хотелось говорить с Софьей. Она знала, что у него двустороннее воспаление среднего уха, потому что он и с наступлением зимы продолжал купаться. Генри собрался в Германию—сначала в Лейпциг, чтобы поработать с Брокгаузом над «Троей», потом к своему врачу в Вюрцбург и далее в Анкерсхаген повидаться с родными. На этот раз он не захотел путешествовать один: с ним поедут Софья и дети. Они посетят Париж, Лондон, остров Уайт.

В середине июня его ожидают в Оксфорде: Куинз-колледж избрал его почетным членом этого храма науки. Наконец-то Генри получит диплом ученого, присужденный ему старейшим университетом. Софья всегда инстинктивно чувствовала, где в воспоминаниях Генри кончается действительность и начинается мифотворчество. В автобиографии, которой предварялась книга о Трое, было сказано, что восемь страниц, представленных как диссертация в Ростокский университет, написаны были по-древнегречески — труд, посильный немногим крупнейшим ученым. В действительности же Генри написал ее на современном французском языке [38]. Вспоминая свою жизнь, он становился лшческим поэтом, сочиняющим собственную Одиссею. У него был особый дар переписывать свое прошлое, удивительно органично вплетая его нити в ткань настоящего. Он не лгал, а творил: стирал на доске своей жизни выведенную мелом правду и твердой, уверенной рукой вписывал поэтическую легенду прошлого. Что же касается раскопок и научных сочинений— тут он был скрупулезно честен и заслуживал полного доверия.

«Что же, — думала Софья, — каждый человек имеет право по-новому прочитать свою юность».

2

Андромаха и Агамемнон радовали Софью. Они были такие милые дети, разумные и красивые. Генри, обратившись за разрешением начать раскопки в Тиринфе, конец года проводил у себя в библиотеке, готовя «Илион» для французского издания, редактируя «Трою» на английском, французском и немецком языках. Он стал крестным отцом первенца Александроса, подарив младенцу приданое и серебряный крестик, часами беседовал об археологии с Панайотисом, который успешно проходил курс археологии в университете. Из Троады пришло печальное известие: Яннакис утонул в реке Скамандр. Софья и Генри послали соболезнующее письмо Поликсене, Генри заверил ее, что она будет впредь получать от него ежемесячную пенсию.

Разрешение на раскопки Тиринфа задерживалось. Генеральным инспектором памятников старины был теперь Стаматакис, но ни Софья, ни Генри не сердились на него: бедняге всего тридцать шесть лет, а он тяжко болен, слег вскоре после того,

как получил назначение, о котором мечтал всю жизнь. В 1 начале февраля 1884 года Деметриос Вуллнотис, министр народного просвещения, склонил наконец Стаматакиса дать Шлиману разрешение. 15 марта Генри отбыл в Нафплион со своими тачками, лопатами и кирками. Выбор Тиринфа был логическим следствием всех прошлых раскопок, он как бы бросал последний штрих на картину микенской цивилизации.

Софья осталась в «Палатах Илиона» с Вильгельмом Дёрпфельдом и его голубоглазой с льняными волосами супругой, гостившими у них. Дёрпфельд был на год моложе Софьи, жена его еще моложе. Он уезжал в Тиринф в конце марта и брал с собой Панайотиса. Софья и фрау Дёрпфельд готовились ехать в конце апреля. В Нафплионе они все поселятся в гостинице «Этранже».

Генри начал раскопки с шестьюдесятью албанцами, которых он нанял в Нафплионе и селениях, лежащих вблизи Тиринфа, приехали пятнадцать человек из Харвати, которые участвовали в раскопках Микен. Стаматакис назначил к Шлиману наблюдателем молодого человека по имени Филиос. В нынешнем своем состоянии Стаматакис вряд ли думал о том, как бы посильнее досадить Шлиману, но он дал эфору Филиосу такие строгие инструкции, писал Генри Софье, что ему сразу вспомнились первые месяцы бесконечных баталий в Микенах. Филиос не разрешал Шлиману осматривать в обеденный перерыв утренние находки: а вдруг они пропадут. Он телеграфировал

своему начальству в Афины:

«Шлиман ведет раскопки сразу в четырех местах одновременно. Я физически не могу наблюдать сразу за четырьмя раскопами, которые значительно удалены друг от друга».

Как и в Микенах, эфор Филиос добился того, что раскопки были приостановлены. И снова, как в Микенах, Генри телеграфировал Софье—хорошо бы министр просвещения поубавил немного рвение эфора Филиоса. Их друг Вулпиотис был полностью на их стороне, вполне разделял их негодование.

Софья приехала в Нафплион в середине апреля вместе с фрау Дёрпфельд и французским художником Жильероном, который должен был зарисовать великолепную керамику и настенную живопись, в том числе фреску, изображающую не то укротителей быков, не то танцоров. На другой день после приезда Софья проснулась без четверти четыре. Быстро надела привычную рабочую одежду. От Нафплиона до Тиринфа тянулась болотистая низина, и Софья по совету Генри выпила четыре грана хинина. Перешли набережную и спустились к берегу — ровно в четыре там их ждал рыбак в своей лодчонке. Генри долго плавал в открытом море. Потом пошли в кафе «Агамемнон» выпить чашку черного кофе. У гостиницы их уже дожидался экипаж. Через двадцать пять минут, еще до восхода солнца, они были в Тиринфе, а экипаж отослали за Дёрпфельдами.

Завтракали вчетвером в восемь утра, пока рабочие отдыхали, сидя на полу окруженного двойной стеной древнего тиринфского дворца, который Генри откопал на самой вершине холма. Время пощадило циклопические стены, и Дёрпфельду не составило большого труда вычертить план поселения. Землекопы Генри под слоем мусора толщиной всего три-пять футов обнаружили очень большой древний дворец с мозаичным полом, сложенным из мелких камней. Кое-где сохранились еще стены дворца. Раскапывая засыпь, они нашли вазы, ритуальные фигурки, очень похожие на микенские, — еще одно подтверждение, что обе крепости существовали одновременно.

Генри и Дёрпфельд сделали интересные открытия. В самом дворце сохранилось много фундаментов колонн. Огромные каменные пороги все еще лежали в дверных проемах. Откопали очень большой пандус на восточной стороне, гигантскую сторожевую башню, расчистили от мусора и земли обнесенную высокими стенами подъездную дорогу, нашли огромные створчатые ворота. Размерами и великолепием подъездная дорога и ворота напоминали Микены. Но самой поразительной находкой был мегарон, поддерживаемый четырьмя колоннами; зал этот был тридцати шести футов в длину и тридцати в ширину, н центре его

находился большой круг для очага. К мегарону примыкали передняя, портик и большой мощеный двор; поблизости была баня, подобная той, что, по преданию, имелась в нераскопанном Микенском дворце. Мегарон, помещение для мужчин, был очень похож на два троянских здания, которые он принял за храмы, значит, в Трое он тоже откопал царский дворец. Не вызывало сомнения, что все эти дворцы были построены приблизительно в одно время.

Завершив раскопки, Шлиман вернулся в Афины и начал писать первые главы книги о Тиринфе. В первый день нового, 1885 года Софья пригласила свою семью на обед в «Палаты Илиона»-. Ее мать решила пройтись пешком в сопровождении Панайотиса. Когда они были на площади Конституции, мадам Виктория почувствовала в груди сильную боль. Панайотис остановил проезжавший мимо экипаж. Мадам Виктория с трудом поднялась по мраморным ступеням особняка и на самом пороге упала. Выбежали Софья и Генри. Панайотис вместе с дворецким отнес мать наверх в спальню. Мадам Виктория поцеловала Софью в щеку несколько раз и прошептала:

— Моя дорогая дочка, ты всегда так заботилась обо мне… Я пришла, чтобы поздравить тебя с Новым годом и днем твоего рождения. Но теперь я должна сказать… прощай…

Она чуть повернула голову к Генри, стоявшему на коленях возле кровати.

— Мой дорогой сын… я умираю… и хочу на прощание поцеловать тебя.

Она поцеловала Генри в щеку шесть раз, но так слабо, что он едва почувствовал прикосновение губ. Потом закрыла глаза и умолкла. Когда приехал доктор, ее не стало.

И снова Софья с родными собрались у семейной могилы Энгастроменосов, где священник прочитал «вечную память».

Софья точно окаменела. Когда на крышку гроба упал первый тяжелый ком, она прошептала: «Пусть память о тебе живет вечно». В экипаже по дороге домой сухим, охрипшим голосом она сказала Генри:

— У меня нет больше ни отца, ни матери. Теперь я старшее поколение.

Дома в «Палатах Илиона» Генри дал ей глоток коньяку, чтобы чуть отпустила боль. А спустя несколько дней она увидела, как Генри в библиотеке рисует эскиз величественного мавзолея, увенчанного греческим храмом в миниатюре с четырьмя колоннами и цоколем. Над дверью, которая вела в обширную усыпальню, была фреска, изображавшая Генри с рабочими, раскапывающего Трою.

— Господи, что это такое? — изумилась Софья.

— Я отдам этот эскиз Циллеру, — ответил Генри, — чтобы он сделал по нему проект благородной усыпальницы. Я хочу, чтобы после смерти мы с тобой были вместе навеки.

— Спасибо, дорогой друг, за такие чувства. Но я предпочитаю жить с тобой в нашем доме.

— Мне уже шестьдесят три года, и мое капризное тело мучат самые разнообразные и непонятные болезни. Говоря откровенно, я бы не хотел, чтобы мои кости вытаскивали из могилы спустя три года после моей смерти. И твои тоже. Я оставлю завещательное распоряжение Циллеру, чтобы он построил это сооружение, и пятьдесят тысяч драхм.

В марте умер Панайотис Стаматакис. Генри и Софья были на похоронах. В их памяти уже стерлись давние ссоры: после смерти Стаматакиса Генри написал о нем несколько добрых строчек в своей книге о Тиринфе.

В начале 1885 года Генри послал энергичного и неутомимого Дёрпфельда в Тиринф. Тот в самый короткий срок сделал карты и планы тиринфского дворца на акрополе, средней крепости, где находились помещения для слуг, а также нижней— где были склады, конюшни и помещение для рабов и пленных и другие хозяйственные службы. Обнаружили фрагменты настенной живописи в женском покое: человеческие фигуры и геометрический орнамент. Женский покой имел свой двор и множество комнат, он почти точно повторял описание дворца Пенелопы в «Одиссее».

Генри наезжал в Тиринф ненадолго, передоверив наблюдение над всеми работами Дёрпфельду. Софья немало этому удивлялась, пока не нашла на кресле в библиотеке начатое письмо Шлимана.

> «…Но я устал, у меня появилось сильнейшее желание расстаться с раскопками и провести остаток дней в покое. Я чувствую, что не могу больше выдержать эту огромную нагрузку. И еще одно: всякий раз, как моя лопата врезается в землю, я открываю для археологии целые миры. Так было в Трое, в Микенах, в Орхомене, Тиринфе. И всякий раз на свет появляются все новые чудеса. Но фортуна—капризная дама, она может разлюбить меня, и начнутся неудачи. Пусть мне будет примером Россини, который написал несколько превосходных опер и на этом остановился. Удалившись от всех своих дел, раскопок и писания книг, я снова

смогу путешествовать…»

Софью потрясло это письмо. Она видела, что силы у Генри с каждым днем убывают, болезни берут свое. Но не понимала до этой минуты, что раскопки больше не привлекают Генри, иссяк этот источник величайших радостей. Понадобилось несколько дней, чтобы Софья примирилась с невероятной мыслью — Генри хочет оставшиеся годы посвятить защите достигнутого, а не открытиям нового, что всегда связано и с новой борьбой.

Весной получили известие, что королева Виктория наградила его золотой медалью за достижения в науках и искусстве. Генри отправился в Лондон в мае. Софья и дети присоединились к нему во Франции в Булонь-сюр-Мер, где они поселились в гостинице «Павильон Империаль». Три недели отдыхали на берегу моря, оттуда поехали в Швейцарию, где Андромаха должна была поступить в частную школу. Объездили Швейцарию, пожили в гостинице в Сен-Морисе, затем отправились в Лозанну, где была школа Андромахи и где они решили остаться на зиму. Брат Софьи Панайотис окончил университет и был назначен правительственным наблюдателем на раскопки Французского археологического института в Беотии. В сентябре раскопки закончились; он приехал к сестре погостить и привез известия, что Генри избран членом Германского археологического института в Афинах. Генри был счастлив.

— Я должен построить для них первоклассное здание, чтобы оно не уступало французскому. Дом, который они занимают сейчас на Академической улице, совершенно никуда не годится. Я возьму с них совсем небольшую арендную плату.

Им опять овладело беспокойство; вдруг сорвался и поехал сначала в Германию, во Францию, оттуда в Константинополь, где непостижимо для Софьи купил у Имперского музея две трети своих находок, сделанных на раскопках 1878 и 1879 годов. Скоро в «Палаты Илиона» прибыли ящики с древностями, и коллекция разместилась в собственном музее Шлимана. Наступил 1886 год, Софье наскучило жить одной в Лозанне, она взяла детей и вернулась в Афины.

В конце 1885 и начале 1886 года в Англии, Германии, Франции и Соединенных Штатах увидела свет новая книга Шлимана, «Тиринф». Две главы в ней были написаны Дёрпфельдом. Книгу с интересом прочитали сторонники Шлимана, но весной 1886 года в лондонской «Тайме» появились статьи, обвиняющие доктора Шлимана в том, что он «по ошибке принял средневековый замок за крепость героической эпохи» и

что спутал византийские развалины с доисторическими. Нападки на него были такие злобные и неожиданные—для доказательств его некомпетентности вспомнили даже Трою и Микены, — что Генри pennyi ехать в Лондон, чтобы самолично защитить себя. Вместе с ним поехал и Дёрпфельд.

Дискуссия развернулась на специальном июльском заседании Эллинского общества. Противниками Шлимана выступили У. Дж. Стилмен, корреспондент «Тайме» и один из редакторов этой газеты, и архитектор по имени Пенроуз, который был в Тиринфе и изучал раскопанную крепость. Шлиман и Дёрпфельд выступили с мощной аргументацией, подкрепленной фотографиями, картами, рисунками и находками из Трои, Микен и Тиринфа. Генри на страницах «Тайме» защитили Макс Мюллер и Артур Эванс, раскопавший впоследствии Кносский дворец.

Через несколько дней Генри получил письмо от секретаря Эллинского общества, в котором говорилось:

> «Я внимательно просмотрел записи дебатов: не осталось ни одного важного обвинения, которое вы с доктором Дёрпфель-дом не опровергли…
>
> Утверждение Ваших противников, будто дворец в Тиринфе не относится к седой древности, разбито наголову, таково мнение всех сведущих людей».

Однако окончательно спор был решен только после того, как Пенроуз принял приглашение Шлимана отправиться в качестве его гостя вместе с ним и Дёрпфельдом в Тиринф. Несколько дней трое археологов изучали на месте раскопанную крепость. В конце концов Пенроуз благородно взял назад все свои возражения.

Генри выполнил обещание, данное в неоконченном письме, и опять начал путешествовать. Он дважды ездил в Египет, первый раз в 1887 году, второй в 1888-м вместе со своим дорогим другом Рудольфом Вирховом. Они поднялись по Нилу до самого Луксора. Между двумя поездками он поручил Циллеру и Дёрпфельду спроектировать здание Германского археологического института, которое было построено на большом земельном участке по улице Пинакотон и летом 1888 года сдано в аренду этому институту.

Победа, одержанная Шлиманом над английскими критиками в 1886 году, не заставила, однако, умолкнуть капитана Эрнста Бёттихера, который продолжал свои нападки, утверждая, что Гиссарлык—это древний крематорий. Генри решил бороться с капитаном тем же оружием, которое применил против Пенро-уза; он пригласил Бёттихера в Трою. Бёттихер долго отказывался, но в

конце концов в декабре 1889 года принял приглашение. Генри пригласил также в качестве беспристрастных свидетелей профессора Нимана из венской Академии изящных искусств и майора Стеффена, опубликовавшего в свое время знаменитые карты и планы Микен. Целыми днями они не уходили с раскопок, придирчиво изучая все до сих пор найденное в Трое. Когда Генри стал уставать, на помощь ему пришел все тот же Дёрпфельд. Оба свидетеля, Ниман и Стеффен, полностью убедились в правоте Шлимана. Капитан же Бёттихер оставался непреклонным. Гиссарлык—это прекрасный древний крематорий, утверждал он в нескольких новых статьях. Как ни странно, эта его теория начала завоевывать себе сторонников. Генри бушевал. Софье все это было очень тяжело, она хотела растить детей в спокойной обстановке. Нет, видно, и в самом деле каждый первопроходец—осквернитель могил.

— Я ошиблась, — сказала она Генри, — бабушкины сказки иной раз оборачиваются правдой. Потревожь давно почившего монарха… или забытую идею, они покарают тебя, и жизнь станет невыносимой.

— Но только не меня! — воскликнул Генри, и лицо его стало пепельно-серым. — Я созову международную конференцию. Приглашу в Трою директора Берлинского музея, профессора археологии из Гейдельберга, директора Константинопольского музея, директора Американской школы классических исследований в Афинах…

И он действительно пригласил их всех, и все они согласились приехать. В Трою приехало восемь видных ученых — специалистов по древности, включая его друга Фрэнка Калвер-та. На этот раз Генри победил. Международная конференция постановила, что на Гиссарлыкском холме нет никаких следов древнего крематория, что во втором слое находятся руины, несколько зданий, самые большие очень похожи на дворцы в Микенах и Тиринфе. Голос капитана Бёттихера умолк, но оставались еще немногочисленные шептуны, утверждавшие, что Троя находится в Бунарбаши, а не на Гиссарлыке.

3

Немецкие врачи, лечившие Генри, уже несколько лет спорили о необходимости операции. Но только в начале ноября Генри собрался наконец в Галле проконсультироваться с доктором Германом Шварцем, светилом в области ушной хирургии. Софья редко сопровождала его в таких поездках. Но тут речь шла об

операции.

— Я поеду с тобой, Эррикаки. Вдруг доктор Шварц решит, что нужно оперировать.

— Спасибо, Софья, ты лучше оставайся дома. Доктор Шварц сказал, что если придется оперировать оба уха, то я буду три недели совершенно глухой. После операции поживу месяц в Галле. Там в это время холодно, снег, туман, сырость. Если я не буду слышать тебя да еще начнутся сильные боли, ты ведь мне не поможешь. А мне будет только труднее.

Через несколько дней Софья узнала, что, по мнению доктора Шварца, операция ушей безотлагательна. Генри переехал из гостиницы «Гамбург» в частный пансион медицинской сестры фрау Матильды Гете, немолодой вдовы, у которой было четыре уже взрослых сына. Она не только давала кров своим постояльцам, но ухаживала за ними до выздоровления. В следующем письме Генри описал подробности операции—она была очень тяжелой: доктор Шварц вынул из правого уха три наросших там косточки. С левым ухом дело обстояло еще сложнее: костная опухоль вросла там в тонкую кость черепа. Шварцу пришлось сначала убрать, а потом обратно пришить ушную раковину. Операция осложнилась сильным кровотечением. Когда Генри проснулся, его сильно тошнило от хлороформа, голова была обвязана бинтами, а вокруг постели стояли доктор Шварц и его ассистенты, с тревогой ожидающие, когда к Генри вернется сознание.

Она ни в коем случае не должна приезжать к нему в Галле! Ему очень здесь одиноко, но ничье общество не может его пока развлечь. Оба уха распухли, слуховые проходы закрылись, он не слышал ни одного звука. После операции Генри вернулся в дом фрау Гете: холода стояли такие, что ему категорически запретили выходить. Он не мог умываться, не мог бриться… плохая компания для кого угодно. К тому же боль в ушах не давала спать.

Письма становились все более неутешительными. Левое ухо наполнилось гноем, и боль стала нестерпимой; стужа такая, что о прогулках не может быть и речи. Утром все окна заледеневают, хотя топят всю ночь. Не может ли Софья подождать с елкой до его приезда? Он думает, что к рождеству вернется и они уберут елку вместе. И хорошо бы она прислала ему свежие журналы «Академия» и «Атеней».

Доктор Шварц посмотрел уши Генри и заверил его, что боль скоро станет меньше, острота слуха вернется и он в ближайшие дни сможет покинуть Галле. Надо будет только завязывать уши и ни в коем случае не застуживать. Генри решил ехать в Лейпциг

повидаться со своим издателем, потом в Берлин и Париж. Но в декабре боль в левом ухе опять усилилась. Доктор Шварц прописал от боли опиум. И Генри все еще ничего не слышал.

Следующее письмо пришло из Парижа. Он очень сердился на нее за то, что она не писала ему, а приехав в «Гранд-отель», нашел от нее сразу шесть писем. Вот была радость. Левое ухо как будто прошло, но, уезжая из Галле, он забыл вложить в него ватный тампон. И опять простудился, так что придется идти к ушному врачу в Париже.

…Он собирается в Неаполь, хочет посмотреть новые раскопки в Помпеях.

В Неаполе Генри останавливается в «Гранд-отеле». Хозяин этой гостиницы был его старый друг. Левое ухо опять стало сильно болеть. Доктор Коццолини сделал ему инъекцию. Наркотик помог, но доктор не советовал ему в ближайшие дни ехать в Афины. На другой день вместе с доктором Коццолини отправились смотреть раскопки Помпей. Накануне рождества он обедал один в ресторане гостиницы. Завтракал на другой день в буфете.

Дальнейшие события, которые постепенно доходили до Софьи, показались ей невероятными. Рождественским утром в десять часов Генри вышел из гостиницы — пошел, по-видимому, сделать инъекцию. Но у врача не появился. На улице вблизи Пьяцца делла Сайта Карита он упал на тротуар и потерял сознание. Когда он пришел в себя, подошедшие к нему люди спросили, что случилось. Он не отвечал — язык не повиновался ему. Полицейский отвел его в ближайшую больницу. Бумажник с золотыми завалился так глубоко в карман, что полицейский его не нашел. В больнице Генри не приняли—кто за него будет платить? Оставалось отвести его в полицейский участок, где, к счастью, в кармане его жилета нашли визитную карточку доктора Коццолини. Пригласили доктора в полицию; узнав, что произошло, доктор пришел в ужас: подобранный в полубессознательном состоянии человек был знаменитый доктор Шлиман. Доктор Коццолини заказал удобный экипаж и отвез Генри в «Гранд-отель», где его напоили крепким бульоном, отнесли наверх и уложили в постель.

Немедленно вызвали находившегося в Неаполе известного немецкого хирурга доктора фон Шоена. Он вскрыл левое ухо Генри, очистил его от гноя, но сказал, что, по-видимому, нужна трепанация. Речь к Генри не вернулась. Хозяин гостиницы сам ухаживал за ним, поил бульоном и кофе.

На другое утро — был второй день рождественских праздников— в комнате, примыкавшей к спальне Генри,

собрались доктор Коццолини, доктор фон Шоен и еще шесть специалистов— решали, можно ли делать трепанацию черепа. Пока они совещались, едва теплившаяся в Генри жизнь угасла.

Все эти события Софья узнавала из телеграмм. Узнав, что Генри упал на улице, она немедленно собралась в Неаполь. Была пятница. Парохода на Бриндизи в тот день не было. А вечером пришла последняя телеграмма. Ее муж скончался.

Дёрпфельд и ее брат Панайотис уговорили Софью остаться дома. С субботним пароходом, уходившим в Бриндизи, они отплыли в Неаполь, чтобы привезти в Афины тело Генри.

Она сидела в библиотеке за письменным столом Генри: ей было так горько. И не только потому, что Генри не стало — это не было неожиданностью: он уже давно болел и занимался многочисленными делами без прежнего азарта, — а потому, что он умер на чужой постели в гостинице, далеко от своего дома: никто из родных не был с ним в его последнюю минуту, не поцеловал его, не сказал последнее прости. Затем пришло сознание вины. Узнав о тяжелой операции, она должна была немедленно ехать в Галле. Но как редко за двадцать один год жизни с Генри она восставала против его желания. А он ведь не велел ей ехать к нему…

Она должна была настоять, чтобы он из Галле ехал прямо в Афины, где так тепло и где он потихоньку поправился бы в своем красивом доме, окруженный любящими людьми — женой, взрослой дочерью, сыном-греком, а он вместо этого помчался в Берлин повидать Вирхова, в Париж повидать других друзей, в Неаполь посмотреть раскопки Помпей… как это было на него похоже. Она никогда не могла направлять его поступки. Да и никто не мог.

Софья содрогнулась, представив себе, что его, умирающего, отвергла больница потому только, что там никто его не узнал, а ведь они могли бы еще спасти его. Не узнать доктора Шлимана. одного из самых знаменитых в мире людей! Телеграммы соболезнования идут до сих пор со всех концов земли, газеты полны длинных статей о его удивительной жизни, о том великом вкладе, который он внес в археологию, в изучение предыстории человечества.

Генри Шлиман, умерший за несколько дней до своего шестидесятидевятилетия, до конца прошел свой жизненный путь. Он исполнил свое предназначение. Гомеровская Троя, царские могилы Павсания в Микенах, сокровищница Орхомена, Тиринфский дворец…

И все это уже в прошлом.

Через несколько дней Дёрпфельд и Панайотис привезут его

обратно домой—его последнее путешествие, которых было так много. Когда вскроют завещание, она отдаст на строительство усыпальницы пятьдесят тысяч драхм. Протестантский пастор отслужит заупокойную службу. А когда мавзолей будет готов, тело Генри упокоится в нем… навеки.

Она вытянула на столе руки, уронила на них голову. В сердце хлынуло одиночество.

Одна в тридцать восемь лет. Хозяйка грандиозных «Палат Илиоина. Андромахе девятнадцать лет, за ней ухаживает студент из университета. Возможно, она скоро выйдет замуж и покинет ее. Агамемнону еще двенадцать лет. Он будет ее утешением.

Она знала содержание завещания Генри, которое он составил 10 января 1889 года. Он щедро обеспечил свою русскую семью, оставил подарки сестрам, Вирхову, Дёрпфельду. Андромахе и Агамемнону завещаны целые состояния. Когда-то очень давно он отвел ее отца Георгиоса Энгастроменоса к нотариусу и заставил подписать документ, в котором говорилось, что его семнадцатилетняя дочь Софья никогда не будет претендовать на его, Генри Шлимана, имущество. И вот теперь он завещал ей «Палаты Ил иона» со всем их содержимым, здание в Берлине и много другой собственности, включая здание Германского археологического института. Жизнь ее обеспечена. Она сможет содержать «Палаты Илиона», как их содержал Генри, примет как гостя каждого, кто переступит их порог, откроет двери музея, где выставлена их троянская коллекция. А когда она устанет от гостей, у нее есть надежное убежище — ее дом и Кифисье.

Софья встала из-за стола, вышла из библиотеки и спустилась вниз. Медленно прошла по бальному залу, остановилась под фреской с портретом Генри, окруженном цитатами, которые он выбрал из любимых греческих классиков, услыхала его голос, читающий для нее отрывки из его любимых произведений. Воспоминания накатились на нее, как волны Эгейского моря. Теоклстос Вимпос нашел ей хорошего мужа и мудро направлял ее сквозь жизненные бури.

Она больше никого никогда не полюбит. Еще долго будет жить в Афинах всеми уважаемая госпожа Софья Шлиман. будет давать деньги Дёрпфельду, чтобы он продолжал раскопки Трои, защищать честь и дело всей жизни своего мужа от немецких капитанов бёттихеров, английских стилменов и пенроузов и всех других, кто попытается бросить тень на его имя и работу. Она молода, богата, и у нее впереди еще долгая жизнь. Но ведь годы вдовства подразумевались с самого начала. И она не роптала на судьбу. Софья поднялась в свой будуар, опустилась на колени перед иконой и помолилась за душу Генри Шлимана. Пусть

память о нем живет вечно.

Примечание автора

Одна из трудностей, стоявших перед автором этой книги заключалась в том, что в описываемое время в Европе существовало два календаря. Генри Шлиман и вся остальная Европа считали время по Грегорианскому календарю, которым пользуемся и мы. А греки тогда жили по Юлианскому. Софья Шлиман, по всей вероятности, датировала письма тем числом, которое стояло в тот день на афинских газетах. А даты, которые встречаются в книгах, дневниках и письмах Шлимана, все даны по новому стилю. Отсюда кажущаяся путаница в датах, в силу чего иногда трудно определить, когда на самом деле происходило то или иное событие.

В письме Генри к Софье от 26 ноября 1889 года читаем:

> «Дорогая, я дал тебе деньги на хозяйство до первого декабря. Ты видела письмо в Ионийский банк, которым я открыл на твое имя счет с первого декабря по новому стилю. Господи, не могла же ты обо всем забыть!»

Греция приняла официально Грегорианский календарь только 1 марта 1923 года.

Читатели, которые надеются увидеть сокровища Приама в Берлине, будут разочарованы. Они исчезли. Когда в конце второй мировой войны советские войска подходили к Берлину, золото, хранившееся в Берлинском музее, было упаковано в четыре ящика и не то куда-то спрятано, не то зарыто. Сокровища как в воду канули. Существуют разные предположения, что случилось с кладом Приама: погиб во время бомбежки, был присвоен… украден. А может, лежит где-то п забытом тайнике. Не исключена возможность, что и одни прекрасный день он все-таки найдется.

Книги, написанные Генри Шлиманом:

La Chine et le Japun au temps present, 1867
Ithaque, le Peloponnese, Troie, 1869
Antiquites Troyennes, 1874
Atlas des Antiquites Troyennes, 1874
Troy and Its Remains. 1874
Mycenae, 1878
Ilios: City and Country of the Trojans, 1880
Orchomenos. Bericht iiber meine Ausgrabungen im Bootischen Orchomenos, 1881
Reise in der Troas im Mai 1881, 1881
Troja: Results of the Latest Researches, 1884
Tiryns: The Prehistoric Palace of the King of Tiryns, 1885

Генрих Шлиман и «гомеровская» археология

В ярком созвездии археологов прошлого столетия едва ли можно назвать другую личность, запечатлевшую в сознании и памяти многих поколений столь же заметный, неизгладимый временем след, как Генрих [39] Шлиман. Громкое это имя не сходило в последней трети XIX века с полос крупнейших газет и научных журналов всего мира, находя в среде научной общественности самые противоположные отклики—от восторженно хвалебных до ругательно-критиканских. Жизнь и раскопочная деятельность Шлимана, осененные ореолом романтической биографии, стали для широких кругов любителей и поклонников археологии своеобразным эталоном деятельности археолога, ярким образцом целеустремленного поиска, примером непреклонного преодоления препятствий на пути к осуществлению главной цели, а для некоторых—даже олицетворением самой археологической науки со всей присущей ей романтикой. О Шлимане написаны десятки биографических работ—от научных монографий и статей до пространных жизнеописаний, при этом число их неустанно растет. С одним из последних таких произведений, романом известного американского писателя Ирвинга Стоуна, автора многих романизованных биографий [40], мы и познакомили теперь советского читателя.

В основу своего произведения И. Стоун положил второй, или «археологический», период жизни Шлимана—от женитьбы на Софье Энгастроменос в 1869 г. до кончины археолога в 1890 г. Основное внимание писатель уделяет, естественно, наиболее ярким страницам его биографии — раскопкам в Трое и Микенах; соответствующие главы романа читатель, бесспорно, найдет самыми колоритными и запоминающимися.

Имея счастливую возможность использовать богатейшие документальные материалы, и среди них неопубликованную пока переписку археолога с Софьей и семьей Энгастроменосов, лишь недавно переданную внуками Шлимана Американской школе классических исследований в Афинах, И. Стоун предлагает на страницах своего романа собственное восприятие, точнее говоря, собственное интуитивное видение сложной, внутренне противоречивой и не подлежащей однозначной оценке личности этого человека. За строками писем и фразами диалогов, за

внутренними монологами и размышлениями Софьи читается попытка автора проанализировать отдельные поступки и устремления Шлимана, по возможности осмыслить порой столь неожиданные проявления его недюжинной натуры. Иными словами, писатель рисует собственный оригинальный образ своего героя, и образ с жанровой неизбежностью во многом романтический.

Кто же он был на самом деле — Генрих Шлиман, человек, с чьим именем связано столько крупных археологических открытий? Рас с чет ли вый коммерсант, удачливо вкладывающий капитал в любое предприятие, включая археологические изыскания, или счастливо наделенный тонкой интуицией серьезный ученый, обладавший чудесным даром видеть сквозь землю? Экстравагантный миллионер, не нашедший лучшего применения своим деньгам, как пускать их на ветер или, точнее, в буквальном смысле «зарывать их в землю», либо человек, с детских еще лет одержимый заветной идеей и добившийся в зрелые годы ее воплощения?

Трудно, а может быть, и просто нельзя дать определенный ответ на этот вопрос, поскольку ни у современников, ни у последующих поколений не найти единодушного отношения к этому человеку. В ученом мире тех лет, равно как и в кругу широкой публики, взгляды которой формировались под сильным воздействием журналистов и тех же ученых мужей, выступавших в прессе, одна из самых популярных фигур 70—80-х годов XIX столетия обсуждалась зачастую с полярно противоположными оценками. Сходились все, пожалуй, лишь в одном — Шлиман отмечен удивительной благосклонностью фортуны, все, к чему он ни прикасается, будь то бочки с индиго или прах древних захоронений, моментально, как у царя Мидаса, превращается в золото.

Наиболее трезвые из его критиков и те отдавали дань выдающимся способностям, прежде всего лингвистическим, и неодолимой энергии этой незаурядной личности. Что же касается обыкновенного бюргера и обывателя, то он, разумеется не без тени скрытой зависти, превозносил счастливчика как героя дня и кумира. Если присовокупить сюда удивительную, поистине «авантюрную» историю его жизни, то станет понятным и то, откуда появились названия многочисленных, вышедших впоследствии романизованных биографий Шлимана, такие, как: «История одного золотоискателя» (Э. Людвиг), или «Мечта о Трое» (Г. Штоль, А. Брекман), или «Одна страсть—две любви» (Л. и Г. Пул).

Автор данного очерка вовсе не склонен навязывать своего

восприятия Шлимана как человека и как ученого. Совсем наоборот. Уверен, что читатель, познакомившись с романом, вынес свой образ главного героя. Моя же задача — добавить к этому портрету отдельные реалистические штрихи, дабы хоть в некоторой степени приблизить единое целое картины к действительности. Читателю также небезынтересно будет, вероятно, узнать и некоторые биографические сведения, тем более что И. Стоун бытописует только второй период жизни Шлимана, к тому же события последних лет его деятельности, не менее важные для археологии, изложены в романе довольно бегло.

***

Биография Шлимана имеет под собой солидный фундамент документальных материалов. Не говоря уже о свидетельствах современников, собственное наследие археолога составляют 10 книг, масса статей в научных журналах и обычной периодике, 18 путевых и раскопочных дневников, многочисленные тетради для упражнений и заметок и сверх того 60 тысяч писем! Поистине непостижимой была способность этого человека к эпистолярному общению: ведь даже если считать все 45 лет его активной деятельности, и тогда получается, что он успевал сочинять по три-четыре письма в день! Лишь сотая доля переписки Шлимана была издана в двух томах, подготовленных его биографом Эрнстом Майером [41]. Кроме этого, Шлиманом была составлена и опубликована довольно подробная автобиография.

Генрих Шлиман родился 6 января 1822 года в Ной-Букове. маленьком городке немецкой земли Мекленбург-Шверин, в семье пастора. Детские годы его проходят в расположенной неподалеку деревеньке Анкерсхаген. Здесь, воодушевленный местными легендами, наслушавшись рассказов о гибели Геркуланума и Помпей, начитавшись детских книжек о Троянской войне, маленький Генрих загорается желанием когда-нибудь самому найти и раскопать легендарную Трою.

Серьезного образования мальчик не получил — пошатнувшееся общественное и финансовое положение отца вынудило его покинуть гимназию и после окончания реального училища зарабатывать на кусок хлеба в лавке мальчиком на побегушках. Пытаясь как-то вырваться из сдавивших его тисков нищеты, разорвать серый круг бесконечно тянущихся будней, хрупкий юноша, к тому же серьезно больной, пешком идет в Гамбург и там вербуется в Венесуэлу. Кораблекрушение, когда он

чудом спасается, означило счастливый перелом в его жизни.

Через некоторое время ему посчастливилось устроиться в солидную торговую фирму «Шредер и К°» в Амстердаме. Благодаря редким лингвистическим способностям и отменной памяти Шлиман по выработанной им самим методе быстро овладевает несколькими иностранными языками. Последний из них. русский, натолкнул его хозяев на мысль отправить молодого способного служащего-полиглота в 1846 году в Петербург. Неутомимая энергия и завидная деловитость очень скоро делают Шлимана из торгового агента компании купцом, открывающим свое дело.

Удачливо занимаясь оптовой торговлей различными товарами, среди которых на первом месте стояло индиго, Г. Шлиман уже через несколько лет становится богачом. Свое состояние он приумножает в Калифорнии, открывая банк для золотодобытчиков, но более всего — на поставках русской армии военного сырья в годы Крымской кампании. В России Шлиман пробыл 18 лет. Здесь он, принявший русское подданство, венчался в Исаакиевском соборе с Екатериной Петровной Лыжиной, племянницей богатого петербургского купца, которая родила ему троих детей, здесь он достигает такого высокого положения в обществе, что приписывается к купцам первой гильдии, а незадолго перед тем, как покинуть страну, получает титул потомственного почетного гражданина Санкт-Петербурга.

В конце 50-х годов уставший от спекулятивных махинаций, разочаровавшийся в своем несчастливом браке сорокашестилетний негоциант постепенно ликвидирует дела и отправляется в путешествие по Европе и странам Средиземноморья. В середине 60-х годов он предпринимает даже кругосветное путешествие. Серьезного научного образования Шлиман не получил и в зрелые годы. Древнегреческий язык он освоил практически аутодидактом, весь его археологический багаж — прослушанные в Париже за несколько месяцев лекции: раскопочной же практики у него и вовсе не было никакой.

На первой странице собственного жизнеописания Шлимана, опубликованного впервые в 1881 году, программно высказывается идея, лейтмотивом проходящая через весь очерк: «Я предлагаю в начале этого труда свою автобиографию… желая показать, как дело моих зрелых лет явилось естественным следствием впечатлений моего раннего отрочества и как кирки и заступы, раскопавшие Трою и царские гробницы Микен, ковались… в маленькой немецкой деревушке, где прошло мое детство» [42]. В действительности есть все основания полагать, что романтическая история о том, как полуголодный ученик

лавочника упорно добивался богатства лишь ради того, чтобы воплотить в жизнь свои мальчишеские грезы, не более чем красивая легенда.

На самом деле отошедший от дел коммерсант вовсе не так уж решительно собирался посвятить остаток жизни научной раскопочной деятельности, что прямо следует, к примеру, из его письма конца 50-х годов петербургскому купцу Бесову: «Однако посвятить всю свою жизнь путешествиям или же в безделье проводить время в Риме, Париже или Афинах невозможно для человека, который, подобно мне, привык к тому, чтобы с утра до вечера отдаваться практической деятельности. Да и поздно мне посвящать себя научной карьере; я слишком долго был купцом, чтобы надеяться достичь теперь чего-то в науках; хотя я до сих пор и взращивал их в себе к собственному удовольствию, все же мне было бы не но нраву превратить их в свое единственное занятие» [43] Скорее всего, окончательное решение стать археологом, всколыхнувшее давно забытые в погоне за барышом детские мечты, созрело в путешествующем экс-коммерсанте во время поездки по Греции и Переднему Востоку.

Это не первый случай, когда Шлиман сообщает о себе фиктивные биографические сведения: он называет своего друга и первого учителя греческого языка Теоклетоса Вимпоса архиепископом, хотя—как узнает читатель из романа—тот так и не смог подняться выше епископа. От начала и до конца вымышленной была и история о «случайном» американском гражданстве. Недавно стали известными архивные материалы, опровергающие утверждение Шлимана, что уже в первый год жизни в Петербурге он сумел приписаться к купцам первой гильдии [44] на самом деле он вступает в первую гильдию купцов, причем не петербургских, а нарвских, лишь в 1854 году [45].

Но едва ли разумнее обрекать Шлимана на излишне строгий суд за его наивный обман с красивой рождественской сказкой его детства. Не следует забывать, что конец 70-х и начало 80-х годов, когда и было составлено жизнеописание, проходят для уже прогремевшего по всему миру раскопщика в постоянной упорной борьбе за то, чтобы отстоять и утвердить перед лицом ученой общественности свое имя не просто как золотоискателя, но как серьезного исследователя. Не секрет, например, что Шлиман даже держал в Лондоне специального агента по рекламе. Этим стремлением завоевать симпатии не только широкой публики, но и коллег по профессии и вызвано, собственно говоря, составление автобиографии и включение ее в виде предисловия в монографию «Илион».

О женитьбе на Софье, о Трое и Микенах — первых ступенях

восхождения Шлимана на Идейскую вершину науки—читателя познакомят увлекательно написанные главы романа И. Стоуна. Мне бы хотелось здесь задержаться на других осуществленных и неосуществленных планах археолога, изложение которых в романе несколько смазано либо вовсе отсутствует.

Прежде всего Орхомен, который Шлиман начал исследовать вместе с Дёрпфельдом в 1880 году. Раскопки на акрополе практически ничего не дали, поэтому основные усилия были сосредоточены на раскрытии толоса, который античный «гид» Шлимана Павсаний назвал сокровищницей владыки Орхомена—Миния. Проникнуть в купольную гробницу пришлось не через дромос, а сверху, при этом в ходе ее расчистки, давшей массу орнаментированных обломков мрамора, выяснилось, что она была ограблена уже в древности. Но самое интересное, что круглое в плане купольное сооружение соединялось небольшим коридором с другим помещением, но уже прямоугольным, служившим собственно усыпальницей—таламосом. Здесь-то раскопщиков и поджидала главная удача: весь пол был усыпан плитами из зеленого шифера, покрытыми диковинным узором.

После того как разрозненные и расколотые блоки удалось сложить в первозданном виде и стало ясно, что это рухнувшая кровля усыпальницы, глазам зачарованных первооткрывателей предстала изумительная картина: рукой безвестного мастера, удивительно тонко и точно водившей умелым резцом, был изображен ковер полевых цветов, перемежающихся с хитросплетенными спиралями стеблей или побегов. Весь зеленый «луг», размером три на четыре метра, был обрамлен по краю не менее тонкими по резке многолепестковыми розетками; два ряда таких же розеток ограничивали в центре потолка квадрат того же орнамента из цветов и спиралей. Искусную резьбу по камню Шлиман уже встречал — например, в большом толосе Микен, так называемой сокровищнице Атрея, но здесь они раскрыли, безусловно, шедевр микенского камнерезного искусства. Тогда еще археолог не знал, что точная копия этого узора, но не гравированная, а исполненная краской, ожидает его в Тиринфе, который, он начал копать через несколько лет рука об руку с тем же Дёрпфельдом.

В Тиринфе Шлиманом были сделаны еще более выдающиеся открытия. Здесь сложенная из огромных глыб циклопическая кладка обеспечила почти идеальную сохранность оборонительных сооружений акрополя. Целый ряд галерей, казематов, вылазных калиток и потайных лестниц был раскрыт за два года работ. Важные результаты дали и раскопки царского дворца на акрополе.

Расписная керамика в Тиринфе была такая же, какая попадалась Шлиману в Микенах. Однако неожиданным и приятным открытием были многочисленные куски полихромной росписи, покрывавшей некогда штукатурку стен дворца. Большинство фресок представляло собой орнаментальные композиции с преобладавшим мотивом переплетавшихся спиралей и розеток; одна из них, как говорилось, полностью повторяла резное убранство потолка усыпальницы в Орхомене. Но попадались и изображения живых существ: на одном крупном фрагменте целиком сохранился разъяренный мчащийся бык, на спине которого исполняет диковинную пляску обнаженный юноша. Шлиман тогда не знал никаких аналогий подобному изображению.

Раскопки Тиринфа были весьма поучительны, во многом способствовали росту Шлимана как ученого. Он теперь понимает и смело признает в своей книге «Тиринф», что раскрытые им в Трое здания, которые он в свое время с легкостью окрестил храмами, на самом деле не что иное, как жилища мегаронного типа, подобные дворцу тиринфского акрополя. Приехавший на раскопки Э. Фабрициус указывает ему, что сюжет ритуального танца юноши на быке неоднократно встречается на критских сосудах и геммах. Это предопределяет дальнейшее направление поиска: Крит, Кносский дворец—легендарный лабиринт грозного владыки Миноса. Шлиман предпринимает несколько попыток начать раскопки в Кноссе — о чем вовсе не упоминает И. Стоун, — но на сей раз судьба ему не благоприятствует— критской Одиссее археолога так и не суждено было случиться.

У Шлимана зрели и другие проекты. И. Стоун кратко упоминает о том, что Шлиман предлагал «клад Приама» Эрмитажу, но он, как, впрочем, и остальные биографы, не упоминает, что в 80-е годы ставший уже знаменитым археолог предполагал начать раскопки на территории Российского государства [46]. В 1882 году, действуя через своего сына Сергея, Генрих Шлиман предложил Археологической комиссии на полном обеспечении произвести раскопки на юге Черноморского побережья Кавказа с тем условием, что все находки он предоставит в распоряжение Эрмитажа. Шлимана, видимо, привлекала перспектива проверить на практике связи древнейшей Эллады с Колхидой, о которых свидетельствуют античные авторы. Читатель наверняка сразу же вспомнит прекрасный греческий миф о золотом руне Фрикса, о походе аргонавтов в царство Аэта, о волшебнице Медее, владевшей тайным искусством превращать стариков в юношей, и много других сказаний.

Ухватившийся за это предложение, сулившее очевидные

выгоды казне и Археологической комиссии, председатель последней И. А. Васильчиков вступает в переписку с министром двора, с тем чтобы выхлопотать Шлиману разрешение на въезд в Россию и на производство раскопок. Из переписки выясняется, что помехой такому разрешению могут явиться некие скрытые «причины политического и гражданского свойства, не дозволяющие г. Шлиману вернуться в Россию без Высочайшего на то разрешения и Всемилостивейшего помилования».

По всей видимости, препятствием к осуществлению новой кампании послужило то, что, женившись на Софье, Шлиман официально не расторг в России своего первого брака с Екатериной Лыжиной, что каралось по российским законам того времени «лишением всех прав состояния и ссылкой в Сибирь на срок от одного года до трех лет».

Сыграло свою роль, очевидно, и то, что, приняв американское гражданство, Шлиман так и не вышел официально из русского подданства, что по законам Российской империи также было недопустимо. По всей видимости, процесс против уже знаменитого в те годы двоеженца, присягнувшего к тому же на верность сразу двум державам, возбужден русским правительством не был, а дело, скорее всего, просто положили под сукно. Не существуй названных причин, мы могли бы рассказать еще об одной Одиссее или, вернее, Аргонавтике удачливого археолога — кавказской.

***

Как же мы теперь, спустя столетие, с позиций науки исхода 70-х годов XX века можем оценить раскопочную и исследовательскую деятельность Генриха Шлимана? В том водовороте противоречивых о нем суждений современников и последующих поколений археологов какое направление нам выбрать? Кто же он был, Генрих Шлиман, — великий разрушитель или гениальный пионер, проложивший новые пути в науке? Ведь и по сей день и не от дилетантов в археологии, а среди маститой профессуры слышишь порой сердитые возгласы: «Лучше бы Шлиман не копал Трою, через полвека Блеген сделал бы это лучше него!»

Да, действительно, с точки зрения современной археологической практики методы раскопок Шлимана кажутся просто варварскими. «К несчастью, мы были вынуждены разрушить фундамент здания в 18 м длиной и 13 шириной, сложенный из огромных обработанных камней, после чего были

найдены три надписи» [47]. «Я был обязан разрушить также небольшой желоб из зеленоватого песчаника, шириной 0,2 м и глубиной 0,17 м, который я обнаружил на 10,65 м ниже дневной поверхности и который служил, видимо, для стока воды, использовавшейся в хозяйстве» [48]. «Чтобы открыть настоящую Трою, я был обязан пожертвовать руинами многочисленных сооружений, от которых я сохранил лишь несколько стен на севере и на юге» [49]. Это только признания самого раскопщика.

«Ниже, на глубине десяти футов, нашли двухтонные мраморные глыбы, обработанные в дорическом стиле: Генри посчитал их деталями храма Лисимаха. Надписей на них никаких не было, и Генри с легкой душой распорядился сбросить их вниз, на равнину». Это слова И. Стоуна, и слова, довольно близкие к истине, поскольку они основаны на записи в троянском дневнике самого Шлимана. Так навсегда погибли для науки архитектурные детали, которые позволили бы реконструировать декор великолепного храма Афины Илиады.

Современная археологическая методика допускает разрушать более поздние строительные остатки—и то лишь после тщательной их фиксации—для доследования более ранних слоев только в тех исключительных случаях, когда эти кладки столь жалко сохранились и настолько обрывочны, что не дают никаких оснований для восстановления плана тех зданий, которым они принадлежали. Вполне понятна поэтому тревога эфора Стаматакиса—обрисованного в романе в несколько гротескном виде чинуши от науки, — приставленного Греческим археологическим обществом для наблюдения за микенскими раскопками Шлимана. Он, как и его коллеги по обществу, напуганные широким, лихим размахом одержимого поборника Гомера, душой болел за сохранение всех древних памятников, составляющих национальное богатство греческого народа. Вполне понятны поэтому и усилия другого эфора, Филиоса, отстоявшего в тиринфской кампании Шлимана остатки византийской церкви —ведь и она представляет интерес как памятник культуры.

Раскопки шахтовых гробниц микенских царей—те просто напоминают некий археологический Сакраменто, золотую калифорнийскую лихорадку, на которой Шлиман когда-то нажил себе второе состояние. Самоотверженно работая почти месяц только втроем, без рабочих, явив удивленному миру бесподобную коллекцию сказочных золотых украшений, супруги Шли-маны при этом практически не составили столь необходимых науке точных описаний и планов самих погребений, а инвентарь захоронений, тут же лихорадочно снимавшийся с костяков восхищенными раскопщиками, настолько незамедлительно

подавался в ящиках «на гора», что в итоге оказались смешанными различные комплексы и потеряны многие важные детали для воссоздания погребального обряда, одежды и убранства грозных владык «золотоносных Микен».

И все же, несмотря на все эти серьезные промахи, и здесь нельзя слишком сурово осуждать Шлимана. Конечно же, получи он более солидную раскопочную квалификацию, приняв участие в археологических изысканиях других, опытных специалистов, и его собственные раскопки были бы более осторожными и методически совершенными. Но ведь нельзя забывать, что и археологическая наука тех лет была достаточно молодой, делала лишь первые шаги. Траншейный метод раскопок, присущий первым троянским кампаниям, повсеместно практиковался и дипломированными археологами. Кроме того, и сам исследователь не стоял на месте. Его творческий союз с В. Дёрпфельдом, символизировавший «обручение с наукой», столь же счастливое, как и брак с его «гомеровской женой», многое изменил во взглядах Шлимана, приучил его быть менее скоропалительным в собственных гипотезах, сделал его более зрелым ученым. Да и, как говорит известная пословица, не ошибается только тот, кто ничего не делает.

Удалось ли Шлиману открыть «гомеровскую» Трою? На этот вопрос нельзя дать однозначный утвердительный либо отрицательный ответ. Да, Генрих Шлиман первый продемонстрировал ученому миру, причем не с пером в тиши кабинета, а с лопатой на раскопе, что Троя — не выдумка великого аэда, а реальность, скрытая многовековыми наслоениями холма Гис-сарлык, хотя и по сей день находятся такие бёттихеры даже среди ученых мужей, кто объявляет Трою выдумкой Гомера, а то и более поздних поколений греческих писателей и поэтов.

Но был ли найденный город Троей Гомера? Предоставим слово самому Шлиману: «Смотритель Фотидис раскопал сегодня великолепно построенный бастион из больших, прекрасно обтесанных квадров ракушечника, причем без применения цемента или извести. Однако он кажется мне не древнее времени Лисимаха, а кроме того, очень нам мешает. Но он слишком красив и достоин восхищения, чтобы у меня отважилась подняться на него рука—он должен быть сохранен» [50]. Так величавая красота могучей башни гомеровской Трои спасла ее от разрушения руками искавшего ее рьяного почитателя Гомера.

Проблема «гомеровской» Трои, Трои Приама и Гектора, лишь часть более широкого и более сложного «гомеровского вопроса». Прежде всего, в науке и по сей день продолжают сражаться два

лагеря—унитариев и аналитиков, придерживающихся диаметрально противоположных взглядов по вопросу о личности творца «Илиады» и «Одиссеи». Первые приписывают обе поэмы одному гениальному поэту, вторые делят авторство между несколькими создателями.

В своих путешествиях и раскопках Шлиман руководствовался Гомером подобно тому, как современный турист пользуется путеводителями типа «бедекера». Он был склонен верить каждой детали, описанной божественным слепцом. Он находил в раскопанном им Гиссарлыке Скейские ворота, дворец Приама, его сокровищницу и так далее. Насколько он был прав? В современном гомероведении следует признать наиболее устоявшейся ту точку зрения, что «Илиада» была сложена в IX или VIII в. до н. э., причем ее создатель (или создатели), использовав более древние эпические сказания—оймы о Троянской войне и возвращении ахейских героев на родину, все же по большей части описывает современное ему общество. Это не исключает, конечно, того, что отдельные реалии микенской цивилизации II тысячелетия проникли в бессмертный эпос.

Античная традиция, как мы бы сейчас сказали, датирует поход ахеян и разрушение «града Приама» достаточно широко—от 1334 до 1136 г. до н. э., но чаще всего в древности назывался XIII век. Как же укладываются эти указания в многочисленные пласты культурных отложений города, исследованного Шлиманом? После работ в Трое Дёрпфельда и особенно после великолепных по своей тщательности американских раскопок под руководством К. У. Блегена проясняется, что этот памятник, не считая эллинистического и римского Илиона. имеет 46 слоев, объединяемых археологами в восемь более крупных горизонтов. Дёрпфельд обнаружил в шестом горизонте интенсивные слои пожарищ, причем потом было установлено, что незадолго до этого город сильно пострадал от землетрясения. Поэтому немецкий археолог (и он не одинок в своем мнении) считал гомеровским «градом Приама» Трою VI. В свою очередь Блеген называл гомеровским Илионом следующий горизонт—Трою VIIa, которую он датировал тем же временем. Но сейчас выясняется, что и эта гипотеза не лишена противоречий. Как показали археологические изыскания последних лет в самой Греции, около середины XIII в. до и. э. многие микенские цитадели срочно укрепляются. Видимо, ахейцы в это время сами испытывают мощный натиск каких-то племен, а потому трудно предполагать, чтобы они смогли отважиться на какую-то организованную коллективную экспедицию к берегам далекого Геллеспонта, когда у них дома не все было благополучно.

Вправе ли мы теперь строго укорять первооткрывателя Шлимана, который, пораженный величием мощных стен, ослепленный блеском золота «сокровища Приама», увидел воспетый Гомером город в Трое II, построенной на 1200 с лишним лет раньше царствования Приама? Если нынешние исследователи, вооруженные такими современными точными методами, как радиоуглеродный анализ, предлагают для Трои не менее шести хронологических колонок, можем ли мы смотреть свысока на ошибки Шлимана, перелопатившего целину? Показательно, что, предпринимая дальнейшие шаги в своих раскопках, археолог уже гораздо ближе подошел к истине: грезившиеся ему «сокровища Агамемнона» очутились в гробнице могильного круга Микен всего за 300 лет до того рокового дня, когда «грозный водитель народов Атрид» пал от руки коварной Клитемнестры.

«Лучше бы Шлиман не копал Трою…» Но тут же возникает вопрос: а сколько еще лет понадобилось бы тогда сражаться ученым филологам-гомероведам, чтобы их спор настолько разжег интерес археологов, что среди них отыскался бы новый Шлиман, отважившийся поверить Гомеру и с лопатой в руках доказать реальность «града Приама», отыскать могилу Агамемнона, дворец Тиринфа?

Трудно не согласиться с его биографом Г. Штолем, удачно сравнившим Шлимана с Колумбом: «Разве подвиг Колумба умаляется тем, что он искал морской путь в Индию и был убежден, что открыл именно ее? Разве значение Шлимана уменьшается от того, что он, заблуждаясь, думал, будто в руках у него сокровище Приама, тогда как это был клад правителя, жившего за тысячу лет до Приама?» [51]

Да, Шлиман был пионером, и главнейшей его заслугой перед наукой следует признать то, что он произвел подлинную революцию в сознании археологов, историков, филологов. Интеллектуальной публике и простому обывателю он попросту подарил новый, неизведанный мир, ученых же он заставил — не без сопротивления и колебаний с их стороны — в конце концов поверить, что этот мир воистину некогда существовал и что он достоин как восхищения, так и глубокого, серьезного изучения. Заслуга Шлимана как первопроходца станет яснее, если мы оглянемся назад: а чем была занята далеко не малочисленная и не бесславная когорта археологов в те годы, когда Шлиман с заступом в руках боролся за своего Гомера!

Австрийцы усиленно раскапывали целый комплекс святилищ «Великих богов» — Кабиров на острове Самофракия. где незадолго до этого была найдена огромная мраморная

скульптура Ники, украшающая ныне одну из парадных лестниц Лувра. Французы сосредоточили свое внимание на двух крупных святилищах солнечного бога Аполлона—Делосе и Дельфах. Богатейшее собрание надписей и скульптуры стало наградой за их труды. Немцы систематически, метр за метром, исследовали Альтис—священную рощу «царя богов и людей» Зевса Олимпийского. Не сидели сложа руки и греки, копавшие неподалеку от Афин святилище Элевсина, знаменитое в древности своими мистериями, и Эпидавр — одновременно храмовый комплекс Асклепия и санаторий, куда прибывали за исцелением страждущие паломники со всех концов эллинской ойкумены. Чуть позже принялись исследовать и античные города в Греции и Малой Азии. Все эти раскопки дали огромное количество прекрасных в художественном и чрезвычайно важных в научном отношении находок. Но ведь ни единому искателю древностей, будь то археолог, архитектор или просто любитель-меценат, не приходило тогда и в голову вонзить свою лопату или кирку в один из «доисторических» холмов, заложить траншею или раскоп на вершине даже всем уже известного акрополя «героического» века греческой истории.

Да, именно Шлиман явился Колумбом археологии бронзового века Греции и Малой Азии, причем Колумбом, открывшим—неведомо для себя самого—сразу две Америки. Вряд ли он сознавал, освобождая от наслоений стены Трои II, что тем самым приоткрывает завесу над «догомеровской» эпохой Ш тысячелетия. Переворот в умах, совершенный Шлиманом, нашел лучшее отражение в том, что еще при жизни его, когда вовсю бушевали жаркие дебаты вокруг троянских и микенских находок, нашлись археологи, отважившиеся пойти по его стопам. Уже в конце 70-х годов гробницы, подобные микенским толосам, были раскопаны в Аттике, неподалеку от Афин—в Спате и Мениди. В 1888 году греческий археолог Цунда открыл в Вафио, на юге от Спарты, купольную гробницу, подарившую новые шедевры ахейского искусства.

Кто знает, может быть, именно в тот момент, когда троянскими сокровищами, выставленными в Саут-Кенсингтонском музее, любовался молодой Артур Эванс. он решительно загорелся идеей раскопать знаменитый Кносский дворец. Ту мечту, которую Шлиман лелеял последние годы, удалось воплотить английскому археологу, уже далеко не такому беспомощному— не только открытия, но и заблуждения Шлимана многих многому научили. Кносский дворец, как бы оправдывая древние предания, открылся подлинным лабиринтом: бесчисленные помещения, лестницы, переходы, залы, галереи,

световые колодцы, дворики, кладовые, ванные комнаты. Но «дворец Миноса» оказался и сущим археологическим лабиринтом — весь его огромный комплекс на протяжении столетий неоднократно перестраивался, разрушался пожарами и землетрясениями, воздвигался вновь. И надо сказать, что новый Тезей с честью выбрался из этого лабиринта, при этом «нитью Ариадны» во многом послужила ему та раскопочная методика, которая была разработана Дёрпфельдом и другими археологами.

Великолепный тронный зал, удивительные красочные фрески, ярко расписанные сосуды, украшенные тонкой резьбой геммы и печати из Кносса известны теперь всему миру. Сам дворец стал великолепным материалом для изучения истории, политического и социального устройства и экономики Крита. Но и у Эванса нашелся недавно свой бёттихер под говорящей фамилией Вундерлих, который предложил поистине «удивительную» теорию: Кносский дворец—это огромная усыпальница.

своего рода колумбарий. Но если Бёттихеру для обоснования его теории «Троя — крематорий» послужил пепел, то теперь все строится на более «твердой», но не менее зыбкой почве: гипс, дескать, в обилии встречающийся во дворце, — непригодный для жилого строительства материал. Можно, однако, не сомневаться, что и без решения международных научных конференций новый бёттихер разделит участь своего предшественника.

На удачах и открытиях Шлимана, на его ошибках и догадках выросла целая новая наука—микенология, наука о древнейшем прошлом эллинского народа. В начале 50-х годов нашего столетия в Микенах под так называемой гробницей Клитемнестры — той самой, которую в 1876 году расчистила Софья Шлиман! — греческий археолог Г. Милонас обнаружил и раскопал еще один, второй могильный круг царских захоронений, давший новые прекрасные украшения из золота, а главное, позволивший уточнить время погребений, раскопанных Шлиманом. В конце 30-х годов совместная греческо-американская экспедиция во главе с К. Куруниотисом и К. У. Блегеном, тем самым, кто так успешно исследовал Трою, начинает раскопки великолепного дворца в Пил осе—легендарном царстве мудрого старца Нестора. Эти изыскания, не прекращающиеся до сего дня, принесли науке среди прочих находок множество глиняных табличек, на которых значками древней письменности — линейным письмом Б—были записаны сотни хозяйственных документов—целый архив Пилосского дворца.

Настоящую революцию в микенологии совершил в 1953 году английский дешифровщик Майкл Вентрис, который, работая бок

о бок с лингвистом Джоном Чадвиком, сумел прочитать таблички из Кносса и Пилоса, написанные, как оказалось, на древнейшем диалекте греческого языка. Эта дешифровка подарила науке первые подлинные письменные источники по социальному устройству и экономике ахейской Греции и Крита.

Оглядываясь сейчас на выдающееся открытие Вентриса, опять невольно вспоминаешь Шлимана. Если гот, благоговейно снимая с покойного золотую маску, ни минуты не сомневался, что перед ним не только идеал эллина, но и сам Агамемнон, то до дешифровки линейного письма Б далеко не все были так уж убеждены в том, что эта письменность передает звуки греческого языка. На ум приходит и другое сравнение: а на сколько же лет отстала бы наука, случись открытие Вентриса не четверть века назад, а гораздо позже? Разве имели бы мы сейчас возможность издавать уже пухлые библиографии книг и статей по микенологии?

Спустя не так уж много лет после раскопок Микен, Тиринфа и Кносса выяснилось, что во II тысячелетии на Крите и в материковой Греции развивались сходные, хотя и этнически неродственные культуры, представители которых то мирно торговали, то устраивали друг на друга грабительские морские набеги. А что же происходило на островах Зтеиды, разбросанных «посреди виноцветного моря», воспетого Гомером? И там уже давно была обнаружена особая культура — кикладская. родственная как критской — минойской, так и микенской — элладской. Не хватало, пожалуй, одного, может быть просто наиболее эффектного, звена, чтобы это родство засияло в новом свете.

И такое звено нашлось совсем недавно на острове Фера (Санторин), в местечке Акротири. Здесь греческий археолог С. Маринатос натолкнулся на вторые Помпеи—целый город с улицами и многоэтажными домами, погребенный в конце XVI в. до н. э., как и его младший собрат по несчастью, под мощным слоем пепла и пемзы во время ужасного извержения вулкана. Внутри жилищ, сохранившихся на высоту в два, а то и три этажа, археологи нашли мебель и домашнюю утварь, стоящую на своих местах. Вот деревянное ложе, под которым заботливый хозяин поставил сосуды с луком и чесноком, вот искусно сплетенная корзинка. А какие изумительные фрески, во многом похожие на росписи Кносса, Тиринфа и Пилоса, но в то же время удивительно самобытные, дышащие тонким реализмом. На этой стене двое юношей в перчатках занимаются боксом, здесь ласточки мирно порхают меж ветвей, там художник изобразил сцену кораблекрушения — быть может, именно так погибли жители

острова, когда, заслышав первые подземные толчки, бросились к своим кораблям, успев забрать с собой лишь драгоценности. Гибель Санторина у многих сразу же вызвала ассоциации с пресловутой Атлантидой.

Не менее важные открытия были сделаны и в другой Америке Шлимана — в Малой Азии. Сейчас Троя—лишь одно из десятков поселений бронзового века, исследованных в Анатолии, но она продолжает оставаться классическим памятником археологии, по хронологии Трои равняют прочие древние городища. Раскопки этих поселений на искусственно насыпанных холмах многое дали для выяснения истории их обитателей, быта, культуры, религии, передвижения племен и т. д.

Но в последние годы были сделаны интересные открытия и в области «гомеровской» археологии. Если в распоряжении Дёрпфельда было всего лишь несколько десятков обломков микенских сосудов, попавших в Трою в результате торгового обмена с ахейцами, которые и дали ему основание считать шестой горизонт «градом Приама», то недавние раскопки в Милете — матери многочисленных ионийских колоний на Черном море — показали, что сама эта метрополия в XVI в. до н. э. была основана ахейцами, приплывшими из Греции.

Находки в других соседних с Милетом поселениях показали особую заинтересованность в колонизации этого района малоазийского побережья древнейшими греками, стремившимися, видимо, противопоставить себя могучему Троянскому царству. Выходит, не такими уж сочинителями были греческие аэды и Гомер, слагавшие сказания о Троянской войне.

Новые открытия несут разгадку одних тайн, но тут же ставят и много новых проблем, ждущих еще своих Колумбов, — так всегда бывает в науке. Троя же — первая в цепи этих загадок— останется вечным памятником упорству и мужеству ее первооткрывателя.

***

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале очерка, должен признаться, что едва ли мне удалось ответить на него окончательно и бесповоротно. Да так ли уж это и необходимо? Пускай, повторяю, чнтатель, захлопнув увлекательную книгу, составит о ее главном герое свое представление, навеянное ему романом, создаст собственный образ этой, без всякого сомнения, выдающейся личности. Автору же этих строк остается высказать одно пожелание — чтобы в этом образе перед Шлиманом-

археологом не отступал в тень Шлиман-человек, человек, который остается для нас символом непреклонной воли, способности переносить лишения для осуществления поставленной цели.

И еще одно. Многих в Шлимане поражает феноменальное везение, та перерастающая все границы не изменявшая ему удача, которая невольно вызывает в памяти роковой образ Поликрата и легенду о его перстне. Да, действительно, есть археологи-счастливчики, а есть и заклятые неудачники. По моему глубокому убеждению, счастье улыбается не всякому, но только тому исследователю, который обладает, во-первых, особым даром остро подмечать несущественные на первый взгляд мелочи, а кроме того, ведет поиск непрестанно, систематически, не перебегает в случае временного невезения с места на место, подобно рыбаку, у которого «не клюет». Если мы под этим углом зрения оглядим весь пройденный Шлиманом путь, то должны будем признать, что он не был лихорадочным метанием между разными памятниками в поисках сенсаций, но целенаправленным, систематическим и хорошо продуманным поиском археолога, одаренного, кроме всего прочего, замечательной наблюдательностью и удивительной интуицией, заряженного одной великой идеей—доказать правоту Гомера.

По меткому выражению Г. Штоля, Шлиман — как показало время — не мимолетная комета, а звезда, которая светит и поныне. Время же показало, что никогда в сердцах людей не угаснет Прометеев огонь, зажженный в пору «прекрасного детства человечества» — великой эллинской цивилизации. Ради того, чтобы это чистое пламя горело ярче, столько сил, упорства и таланта положило не одно поколение подвижников науки.

Ю. Виноградов, кандидат исторических наук

notes

Примечания

1

Перевод С. В. Шервинского.

2

Будьте здоровы (греч.).

3

Софокл. Эдип в Колоне. Перевод В. О. Нилендера и С. В. Шервинского.

4

Там же.

5

"Обо всем понемногу" (греч.)

Здесь и далее «Илиада» цитируется в переводе Н. Гнедича.

7

Случайные замечания (лат.).

8

Еврипид. Медея. Перевод И. Ф. Анненского.

9

Литератор (франц.); здесь: поэт, романтик.

10

Этими крайними географическими пунктами Стоун обозначает маршрут Шлиманов: вся Италия. — Прим. перев.

11

И. Стоун допускает передержку в наивной увлеченности Шлимана; тому, конечно, хорошо было известно из Гомера, что Микены — лишь одно из многочисленных разрозненных княжеств с довольно ограниченной территорией. Владыка Микен. Агамемнон, возглавлял в Троянском походе военный союз ахейских дружин. — Прим. ред.

12

Гоплит—тяжеловооруженный пеший воин. — Прим. перев.

13

Постоялый двор (франц.).

14

Здесь: новосел (франц.).

15

На самом деле так называется лишь первая песнь «Илиады-. — Прим. ред.

16

На месте (лат.).

17

По Фаренгейту: по Цельсию 38,8˚

18

1 Речь идет о так называемой Афродите Книдской. Сохранились се многочисленные копии (в том числе в том числе и Мюнхене), изображения на монетах. — Прим. перев.

19

Равнина в Троаде.

20

Здесь: готово (франц.).

21

Большой глиняный сосуд яйцевидной формы для хранения преимущественно вина и зерна. — Прим. перев.

22

31° по Цельсию.

23

В Оттоманской империи — представители греческого духовенства (от названия квартала Константинополя—Фанара. местопребывания греческого патриарха). — Прим. ред.

24

Последователи, почитатели и исполнители Гомера. В античное время некоторые из них приписывали свои творения Гомеру. — Прим. ред.

25

1 По Цельсию — 5°.

26

Перерыв (греч.)

27

Эсхил. Агамемнон. Перевод С. Апта.

28

Свод, купол (греч.)

29

Лазоревая сталь—сплав стекла и меди темно-синего цвета. — Прим. перев.

30

Стоун идеализирует деятельность Педро II и неточен в датах. Педро II в обстановке широкого республиканского и аболиционистского движения вынужден был прибегнуть к либеральным методам правления и объявить в 1888 г. об отмене рабства. — Прим. ред.

31

Геммы с углубленным изображением; геммы с рельефным изображением называются камеями. — Прим. перев.

32

Жаркое (греч)

33

Маленький доктор (нем.)

без всякой связи (лат.).

35

Палаты Илиона (греч.)

36

Зал торжественных церемоний (нем.).

37

Соленые крендели (нем.).

38

И. Стоун не совсем точен: Шлиман защищал в 1868 году в качестве диссертации свою вторую книгу «Итака. Пелопоннес и Троя», изданную по-французски и немецки, которой была предпослана краткая автобиография, написанная на французском, латинском и древнегреческом языках. Позднее сам Шлиман в автобиографии к книге «Илион» действительно сообщает, что им защищалась книга «Итака. Пелопоннес и Троя» вместе, с диссертацией на древнегреческом. — Прим. ред.

39

В своем романе И. Стоун дает англизированную форму имени Шлимана; автор послесловия придерживается русской традиции. — Прим. ред.

В переводе на русский язык опубликованы: — Моряк в седле- о Дж. Лондоне: «Жажда жизни» — о Ван Гогс; — Муки и радости» — о Микеланджело. — Прим. ред.

Schliemann H. Briefwcchsel. Aus dem NachlaB in Auswahl hcrausgeKeben von Ernst Meyer. Bd. I (1842–1875): II (1876–1890). Berlin. 1953. 1958.

42

Цитируется по французскому, последнему прижизненному, изданию: Schliemann H. Ilios. Ville et pays Troyennc. Paris, 1885. p. I—94: Introduction. Autobiographic de I'autcure et recit de ses travaux a Troie.

Muller W. Troja. Wicdcrentdcckung der Jahrtausende. Leipzig, 1972. S. 23.

Schliemann H. Autobiographie. p. 12

Бабанов И. Е., Суетов Л. А. Новые документы к биографии Шлимана. — «Вестник древней истории». 1968, № 1, с. 195.

46

С публикацией новых архивных документов о связях Шлимана с Россией можно познакомиться в статьях: Бич О. Новые материалы о Г. Шлимане. — "Вестник древней истории", 1947, № 2; Дашевская О. В. Новое о Генрихе Шлимане. — "Вестник древней истории", 1968, № 1; Бабанов И. Е., Суетов Л. А. Новые документы к биографии Шлимана. — "Вестник древней истории", 1968, № 1

Schliemann H. Autobiographie, p. 22.

Ibid., p. 25.

Ibid., p. 31.

Schliemann H. Trojanische Altertiimer. Leipzig. 1874. S. 82.

51

Штоль. Г. Шлиман. — Жизнь замечательных людей-. М… 1965, с. 12.